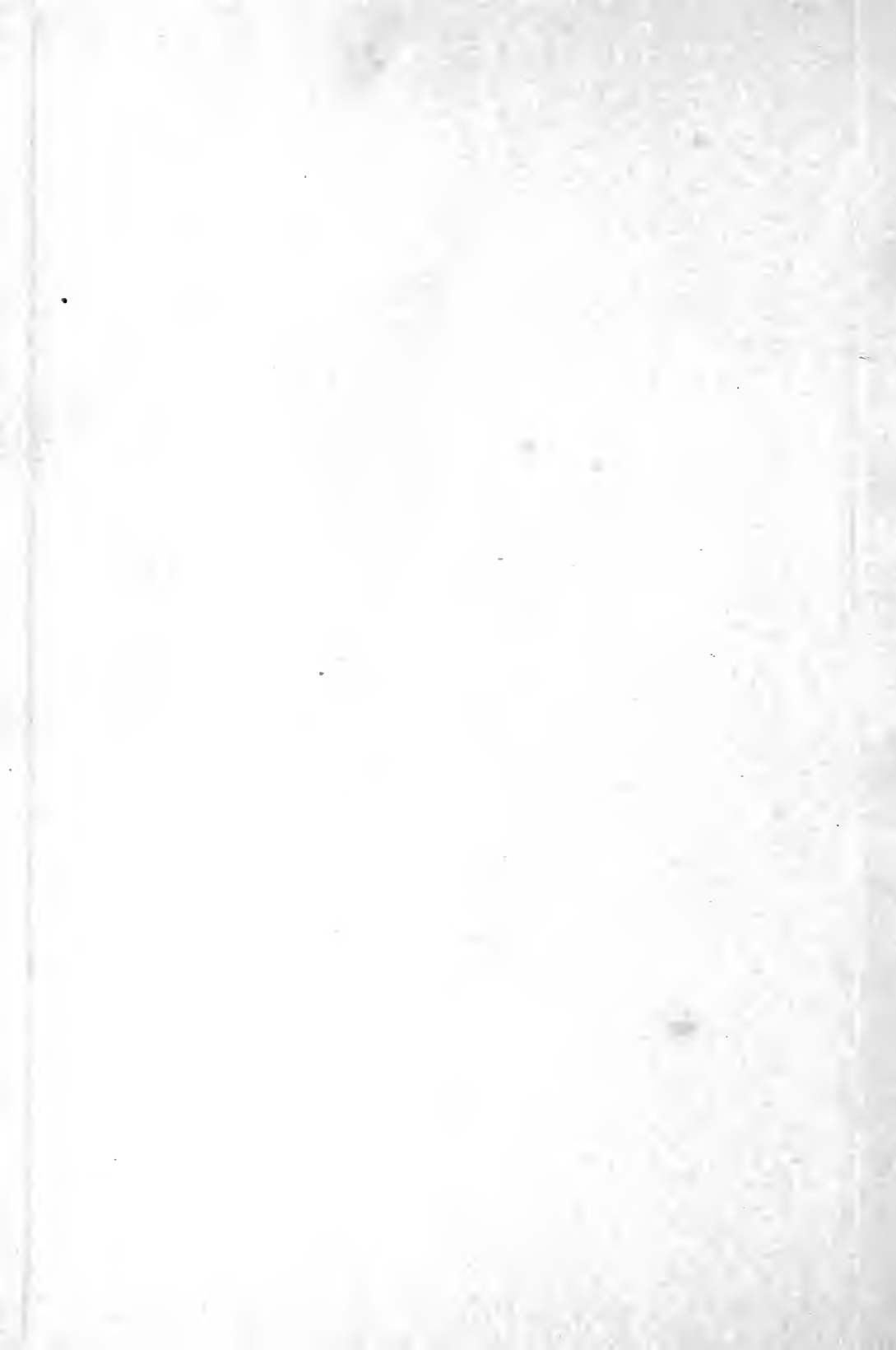
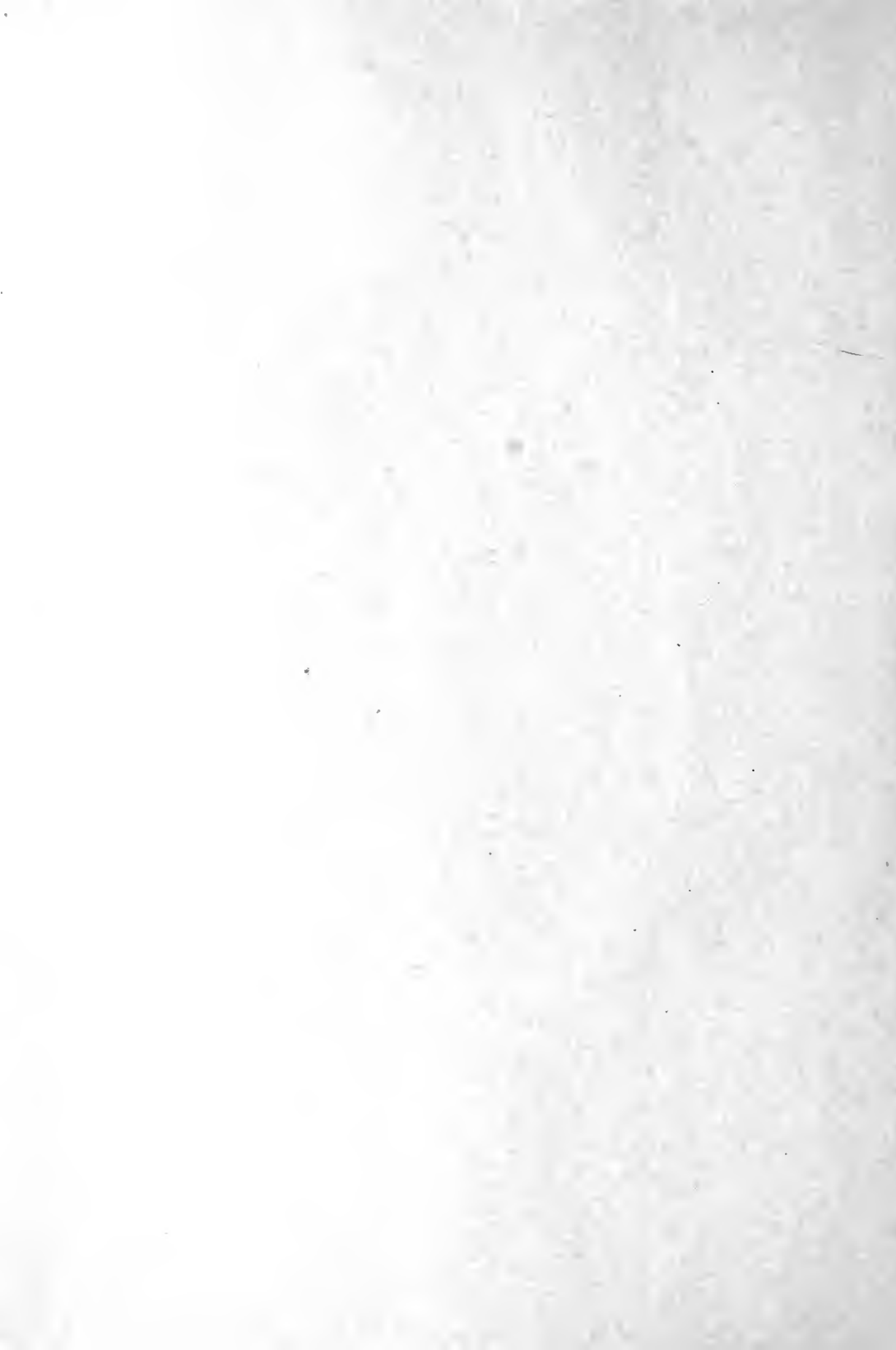

О
ДНЯХ
БЫЛЫХ

Алекс. Степанов

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

Олег Пантюхов

О
ДНЯХ
БЫЛЫХ

Семейная хроника Пантюховых

1969

OF TIME GONE BY
(O Dniakh Bylykh)
by
Oleg Pantuhoff

Copyright © 1969 by Oleg Pantuhoff
All rights reserved
Library of Congress Catalog Card Number: 69-15563

Printed in West Germany by
V. Gorachek K. G., Frankfurt am Main

First Edition

Published by
DURAND HOUSE
Post Office Box 162
Maplewood, N. J. 07040

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вмѣсто предисловія	9
Глава I	10
Брат Юша. Пожелтѣвшія письма. Наша мама. Женитьба родителей. Балта. Наши ранніе годы в Кіевѣ. Воспоминанія брата Вани. Папины выраженія. Мое рожденіе.	
Глава II	34
Мое дѣтство в Петербургѣ. Дневник отца. Кнорринги и их старинное имя. Мамина вѣра. «Я потерялся».	
Глава III	45
Петербург 1886-88. Ольга Семеновна. В Лѣсном. Школьная подруга Нины Михайловны. Переѣзд на Кавказ. Сѣрные бани. Вознесенская улица.	
Глава IV	65
Замѣтки из дневников Юши и Вани. Володька Тулаев. Приѣзд брата Коли. Жизнь в Тифлисѣ текла, как в сказкѣ.	
Глава V	77
Я поступаю в подготовительный класс. Татьяна и Анна Павловна. Миша — автор. Моя судьба — быть кадетом! Тифлисскій кадетскій корпус. Визит нашего пріемного брата Чаго Анчабадзе. Письма Коли и Юши из С. Петербурга.	
Глава VI	93
1895 год в Тифлисѣ. Семейныя письма. Боржом. Бакурьяны и Цхаро. Пушкинское столѣтіе. Сурам-Кутаис — Абастуман — Боржом. Скандал в корпусѣ. Выпускные экзамены. Планы повидать Европу.	
Глава VII	115
Поѣздка в Европу — (1899 год). Севастополь. Кіев. Цюрих, Вѣна, Инсбрук и Зальцбург. Смерть Наслѣдника Георгія Александровича. Одесса, Алушта, Ялта и возвращеніе в Тифлис. Выдержки из писем отца, мамы и Миши.	
Глава VIII	127
Дорога в СПб (1899). Павловское училище. Письма отца Мишѣ. Нѣсколько писем мамы. Жизнь в училищѣ. Зимній дворец. Государь в училищѣ. Поѣздки на хутор. Производство в фельдфебели роты Его Величества. Поздравленіе Государя со днем рожденія. Производство в офицеры.	

Глава IX	146
Царское Село. Вступленіе в Стрѣлковый Его Величества батальон (1901). Поѣздка на Соловки. Служба в батальонѣ. Царкосельские парады. Фельд-фебель Капустин. Высочайшій завтрак. Объявленіе войны (Январь, 1904). Крещенскій парад (1905). Открытіе Думы (1906). Генералы Данилов, Лечицкій и Леш.	
Глава X	166
Письма нашего отца Мишѣ. Дневник Миши с предисловіем отца. Письмо Блока и Блоку. Стихи Виктора Гофмана. Из рабочей тетради отца.	
Глава XI	188
Добровольскіе. Свадьба (1908). Вильна. Поѣздка на Балканы (1909). Первые русскіе скауты-развѣдчики. Рожденіе сына. Государь в батальонном собраніи. Поѣздка на Кавказ (1913-1914). Закладка полковой церкви.	
Глава XII	224
«Война объявлена!». Распутин. На фронтѣ. «Как цвѣток душистый...». Под Ломжей. Под Холмом и под Вильной. Награда (1916). Поѣздка на Кавказ. Скауты в Петербургѣ. Вторая контузія (2 октября 1916 г.). Эвакуація в Царское Село и Ялту. Отреченіе Государя.	
Глава XIII	240
Снова на фронтѣ (Август, 1917). Убійства на фронтѣ. Царское Село. Назначеніе в Москву. Защита Кремля. На Юг! Записки моей жены.	
Глава XIV	259
Ялта (Декабрь, 1917 год). Снова большевики. Екатеринбургское злодѣяніе. Эвакуація на Кубань. Служба в Севастополѣ. Скауты. Поѣздка в Новочеркасск. Встрѣча с братом Юшей. Начало эвакуаціи. Босфор.	
Приложенія	287
1. Из книги И. И. Пантюхова «Значеніе антропологических типов в Русской Исторіи».	
2. Из бесѣд у костра и скаутских приказов О. И. Пантюхова.	

О ДНЯХ БЫЛЫХ

(Семейная хроника Пантюховых, 1866 — 1922)

«Ничего нѣтъ выше, и сильнѣе, и здоровѣе, полезнѣе впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминаніе, и особенно вынесенное еще из дѣтства, из родительскаго дома. Вам много говорят про воспитаніе ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное святое воспоминаніе, сохраненное с дѣтства, может быть самое лучшее воспитаніе и есть. Если много набрать таких воспоминаній с собою в жизнь, то спасен человѣкъ на всю жизнь... Может быть это, это воспоминаніе одно, его от великаго зла удержит и он одумается и скажет: «Да, я был тогда добр, и смѣл, и честен».

ДОСТОЕВСКИЙ.

«Наши дѣти, внуки не будут в состояніи даже представить себѣ ту Россію, в которой мы когда-то... жили, которую мы не цѣнили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье».

И. БУНИН.

«Мнѣ иногда представляется моя жизнь, раздѣленной на двѣ неравныя половины: одна, большая, которую я хорошо помню — дѣтство, и вторая, маленькая — вся остальная долгая жизнь, которую я плохо помню».

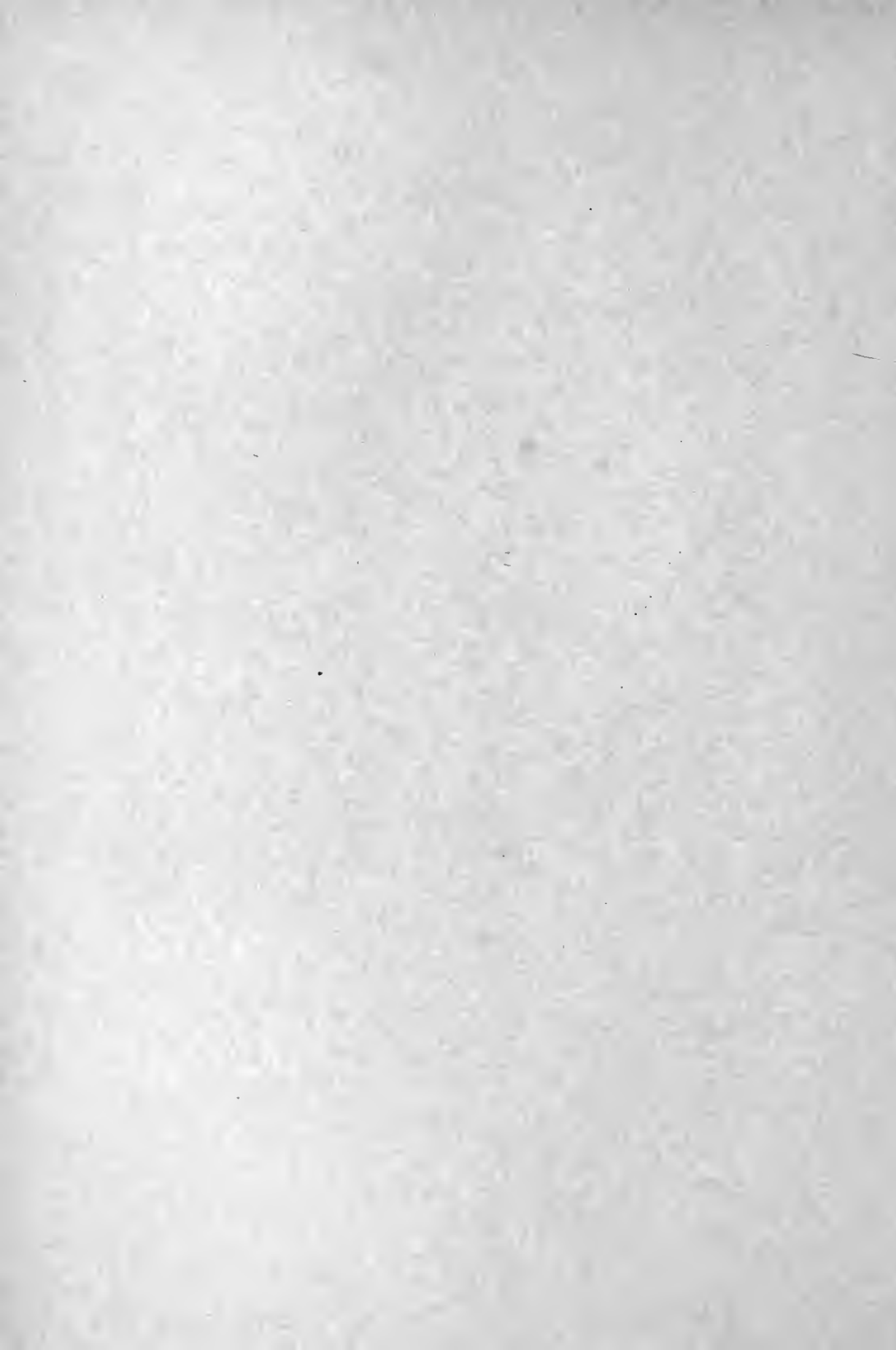
Из письма брата Вани.

«Настанет время, когда вся Россія бросится собирать осколки прошлаго, как величайшія и потерянные драгоценности».

Из писем 1923 года.

Олег Иванович Пантюхов.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Воспоминанія о нашей семьѣ написаны были давно, когда наше русское прошлое было еще свѣжо в памяти.

Теперь, спустя много лѣтъ, то давнее время покрывается даже для нас туманом, а новым поколѣніем совсѣм уже трудно представить себѣ, что происходило там пятьдесят-восемьдесят лѣтъ тому назад.

Я писал свои воспоминанія и переписывал чисто семейныя письма и записки моего брата Вани главным образом для себя. Дѣлал я это потому, что было так пріятно вспоминать далекое прошлое. Но может быть я это дѣлал отчасти и для своих сыновей и для своих трех братьев, с которыми я всегда оставался вмѣстѣ, хотя послѣ 1917 года нас раздѣляли большія пространства.

Я включил в свои воспоминанія нѣкоторыя, чудом сохранившіяся письма моих родителей, одно письмо моего дѣда и часть юношеских дневников моих старших братьев.

Я старался писать только то, что я сам видѣл, или что узнавал из вѣрных источников. Хотя за мою долгую жизнь произошло много важных событій, я не останавливался на них, если они не касались лично меня или моих близких. Поэтому в моих записях много пропусков. Напримѣр, я не писал о чрезвычайно сложных и трудных обстоятельствах, которыя заставили Государя отречься от престола. Я только записал, как это событіе отразилось на мнѣ, на моей семьѣ и на окружающих.

Я помѣстил только одно и единственное свое краткое впечатлѣніе о Распутинѣ. Я никогда не видѣл ни Ленина, ни Сталина, а поэтому страницы моих воспоминаній почти свободны от имен, которыя сдѣлались синонимами угнетенія.

Перед вами воспоминанія о жизни русскаго семейства. Жизнь моего отца-доктора, ученаго антрополога, моей матери и моих братьев. Жизнь, воодушевленная любовью к родной Россіи, вдохновленная науками, литературой, поэзіей. Это было время, когда мы всѣ пять братьев избрали себѣ разныя профессіи, причем я, младшій из братьев, взял на себя, по словам моего отца, роль, или вѣрнѣе должность «Сторожа Земли Русской», то-есть, проще говоря, — офицера.

В эти далекіе годы я начал увлекательную работу с русской молодежью, приближавшуюся по своим задачам к тому юношескому движенію, которое стало извѣстным во всем мірѣ под именем скаутинга. Через наши ряды прошло много десятков тысяч русских мальчиков, юношей и дѣвушек.

...Мы, русскіе люди, «избравшіе свободу», но тоскующіе по родной Россіи, можем от души сказать спасибо свободным странам, усыновившим нас. Мы имѣем право и долг говорить правду тѣм, кто хочет понять Россію такой, какой она была раньше.

Ницца, Франція, 1968 год.

Олег Пантюхов

ГЛАВА I

Брат Юша*). Пожелтѣвшія письма. Наша мама. Женильба родителей. Балта. Наши ранніе годы в Кіевѣ. Воспоминанія брата Вани. Папины выраженія. Мое рожденіе.

Перваго сентября 1922 года. Константинополь. — Почти всѣ вещи уложены, паспорта и рекомендательныя письма получены, лишнія вещи розданы, прощальный парад от скаутов принят и мысли наши на перепутьи, как и мы сами: воспоминанія о родной Россіи, берега которой омывает вот эта же зеленая босфорская вода, воспоминанія о восемнадцати мѣсяцах константинопольской «бѣженской» жизни, предположенія об ожидающей нас жизни в далекой Америкѣ, — всѣ эти ощущенія сплелись в какой то сумбурный узел.

От Баден Пауеля я получил письмо, посланное им со скаутской конференціи в Парижѣ:

«Мнѣ грустно, что Вы не могли быть здѣсь, чтобы встрѣтиться с делегатами, собравшимися сюда от тридцати разных стран. Я цитировал им Ваше посланіе и его привѣтствовали с энтузіазмом.

Мы всѣ питаем самую большую симпатію к нашим русским братьям скаутам и герл гайдам и гордимся ими, как они безропотно переносят свои несчастья — послѣдствія войны. Ясно, что они обладают настоящим скаутским духом. Исполненіе ими нашего скаутскаго правила — улыбаться перед лицом всяких затрудненій честной и смѣлой улыбкой, означает, что в концѣ концов они будут торжествовать над своими теперешними невзгодами.

Лично я надѣюсь, что это будет скоро.

Я прошу принять мои самыя дружескія добрыя пожеланія».

Да, мое знакомство с англійским генералом Баден-Пауелем относится еще к 1910 году, когда этот основатель всемірной идеи скаутизма навѣстил Петербург. Но об этом позже...

Днем был в армянской миссіи у добрѣйшей мисс Бюрджес, чтобы взять не распроданныя ею наши художественныя издѣлія, а на обратном пути остановился у божественной Аѳа Софіи. С благоговѣніем, как всегда, прошел под старыми деревьями и, надѣв сверх сапог туфли, правой стороной пробрался вперед туда, гдѣ был алтарь в далеком прошлом. Здѣсь на стѣнѣ показывают рубец, будто бы от удара саблей воинственнаго покорителя Царьграда и говорят, что крови христіанской в храмѣ святой Софіи было больше чѣм по шиколотку. Это, конечно, преувеличено, но в нашей Россіи крови христіанской пролито недавно куда больше...

На стѣнах мѣстами выступает старая мозаика, как ни закрашивают ее мусульмане и сохранилось преданіе, что священник при появленіи в храмѣ мусульман, ушел в стѣну, не окончив литургіи, спасая святыя Дары. И он

*) Юша — Андрей Иванович (1874 — 1935), брат автора Олега Ивановича Пантюхова (1882). У послѣдняго было кромѣ того еще три брата, доживших до зрѣлаго возраста: Николай Иванович (Коля, 1871 — 1934), Иван Иванович (Ваня, 1876 — 1959) и Михаил Иванович (Миша, 1880 — 1910). Владимір умер 5-ти лѣтъ в 1877 году.

выйдет снова из стѣны, когда крест на куполѣ замѣнит теперешній полу-мѣсяц.

Когда я вернулся «домой» — в нашу комнату в русском общежитіи, Нина встрѣтила меня оживленная и дала долгожданное письмо от Юши, моего брата. Он уѣхал от нас в Югославію и мы не знали о нем ничего. Вот что он пишет:

«Дорогой Олег! Ты так растрогал меня своей заботливостью, что я, вопреки всяким вѣроятіям, рѣшил написать тебѣ уже из Салоник. Но, едва достал я бумагу, как разразился сильный шторм. С нашего парохода что-то сорвало, бѣшено закружились лодки и пр. Хорошо еще, что это было уже в гавани. Во всяком случаѣ несомнѣнно, что не слѣдует измѣнять своим привычкам. Обидно вѣдь, если из-за того, что я буду тебѣ писать часто, будут гибнуть пароходы, появятся новыя вдовы и сироты и проч. И так довольно всяких ужасов.

Чѣм дальше я ѣду, тѣм грустнѣе становится на душѣ. Конечно, я убѣжден, что мы не потеряем друг друга из виду и навѣрное скоро встрѣтимся, а все-таки...

Насчет пищи на пароходѣ оказалось совсѣм не так плохо, как ты предполагал, когда, желая спасти меня от голодной смерти, снабжал огромным запасом пищевых веществ, по числу калорій во много раз превосходящих то количество пищи, которым когда-то были накормлены 5,000 человек. Кромѣ достаточно паршиваго пайка, имѣется буфет, греческая лавочка и проч.

Кожаный чемодан великолѣпен. Больше всего мнѣ понравилась в нем та искренность и стремительность, с которыми он рѣшил перестать притворяться кожаным. Мѣшок, не в примѣръ чемодану, оказался скромным и милым.

По дорогѣ видѣл массу разнообразных вещей, за исключеніем слона, то-есть развалин Трои. Я думаю, что это произошло оттого, что при разсматриваніи Трои должно имѣться гораздо больше фантазіи, чѣм развалин. У меня, вѣроятно, оказалось наоборот, то-есть, что развалины оказались еще меньше, чѣм фантазія. Впрочем, не знаю, как вблизи. Возможно также, что я смотрѣл не в ту сторону, повѣрив старожилам, которые, как извѣстно, никогда ничего не помнят.

Племянников моих поцѣлуй. Можешь то же сдѣлать от моего имени со своей женой, если она ведет себя хорошо.

Тебя крѣпко обнимаю и цѣлую.

Твой Юша».

Да. Юша привык видѣть нашу студию, в полном разгарѣ работающую. Теперь от нея остались только воспоминанія и вот еще около трех сот долларов в кошелькѣ, да еще пароходный билет. Матеріалы и заказчики переданы нашим старѣйшим сотрудникам Корниловым, благо они живут в том же общежитіи.

Вечером мы пошли с Ниной на холм, по сосѣдству единственное мѣсто, гдѣ было немного зелени и дыханіе вѣтерка. И всегда в таких мѣстах турки устраивают свои кладбища. В одном концѣ его даже мы замѣтили что-то вродѣ похорон: тѣло покойника было разложено на травѣ под огромными кипарисами и вокруг сидѣли его многочисленные друзья мужского пола. Даже и здѣсь женщины не были допущены и сидѣли темной гурьбой гдѣ-то далеко-далеко в другом концѣ кладбища.

Все же здѣсь было довольно пространно и мы нашли мѣсто, откуда не было ничего видно, кромѣ вѣковых кипарисов и дальних домов и синяго,

как чистый ультрамарин Босфора. Мы открыли свои ящики с масляными красками и Нина успѣла до темноты сдѣлать отличный этюд. Когда мы замѣтили каких-то субъектов, блуждающих по склону горы, мы поспѣшили вернуться домой, так как всѣ наши сбереженія находились у меня в карманѣ и мнѣ не слѣдовало рисковать ими.

2 сентября 1922. Константинополь. Все время у нас теперь, перед отъѣздом распределено не только по часам, но почти по минутам. Нина отправилась к мисс Митчель отнести послѣдніе ея заказы — копіи керамик из мечети Осман Паши.

Удивительная особа, эта мисс Митчель: рѣдкое соединеніе дѣловитости и доброты. Не сразу мы узнали, какой замѣчательный это человек. Какая дѣятельная доброта и какая совершенно «американская» настойчивость. Это она организовала продажу русских бѣженских издѣлій на океанских пароходах с американскими туристами. Это она, и только она одна, оставалась с русскими в самыя трудныя минуты их жизни.

Пока Нина была у мисс Митчель, я отправился в болѣе дальній путь, в американскій колледж для дѣвиц, а затѣм за нашими сыновьями, которые с нетерпѣніем ждали того момента, когда они будут снова жить с нами. Олег, когда ему пора бывало возвращаться в свою «русскую гимназію», всегда бывал очень растроган. Это напоминало мнѣ далекое время моего дѣтства и ученическіе мои годы: любовь и привязанность к родителям — что может быть лучше, счастливѣе этого чувства. Игорь же черствѣе и это нас очень огорчает. Еще недавно сравнительно, возвращаясь в свой пріют при «Маякѣ», он довольно рѣзко отклонил мое предложеніе проводить его, и даже торжественно заявил:

— Если ты думаешь, что я остался тѣм же маленьким Игорем, то ты очень ошибаешься. Ты был бы навѣрное очень поражен, если бы мог узнать, какая огромная во мнѣ перемена.

Впрочем, в чем перемена, Игорь не только сказать не мог, но и сам не знал, я думаю. Надѣюсь, что перемена не к худшему...

Итак, я ѣду на турецком шеркетѣ вверх по Босфору, это большое удовольствие спокойно сидѣть на своем мѣстѣ и наблюдать за чрезвычайно пестрой толпой вокруг и смотрѣть на бѣгушіе берега древняго Босфора с его садами, дворцами, мечетями и лачугами. Все в фантастической фіолетовой дымкѣ, будто покрыто вуалью, а вода под шеркетом яркая и играет на свободѣ всѣми оттѣнками зелени и синевы.

Пріѣхали. Иду с парохода на пристань, смѣшавшись с разношерстной толпой. Типичная улица-базар, гдѣ торговцы бѣшено восхваляют свои фрукты, рыбу, крендельки-семитис и сладости. Шел вдоль берега, и затѣм заросшей деревьями и кустами ложиной вверх, совершенно один, и в этом было исключительное наслажденіе. Был настолько один, что читал стихи любимых поэтов и мысли были такія же свободныя как несущіяся через Босфор из Европы в Азію облака. В такія минуты восторженнаго единенія с природой происходит и молитвенное единеніе с Богом.

Подыматься выше и выше по чудесным зарослям вѣчнозеленых кустов, вдыхать в себя аромат цвѣтов, листьев и земли, видѣть внизу синюю воду и берега Босфора, а наверху, на склонѣ горы, стройное зданіе дворца-школы... Не лучше ли это сочетаніе природы и цивилизаціи и не к этому ли надо нам стремиться?

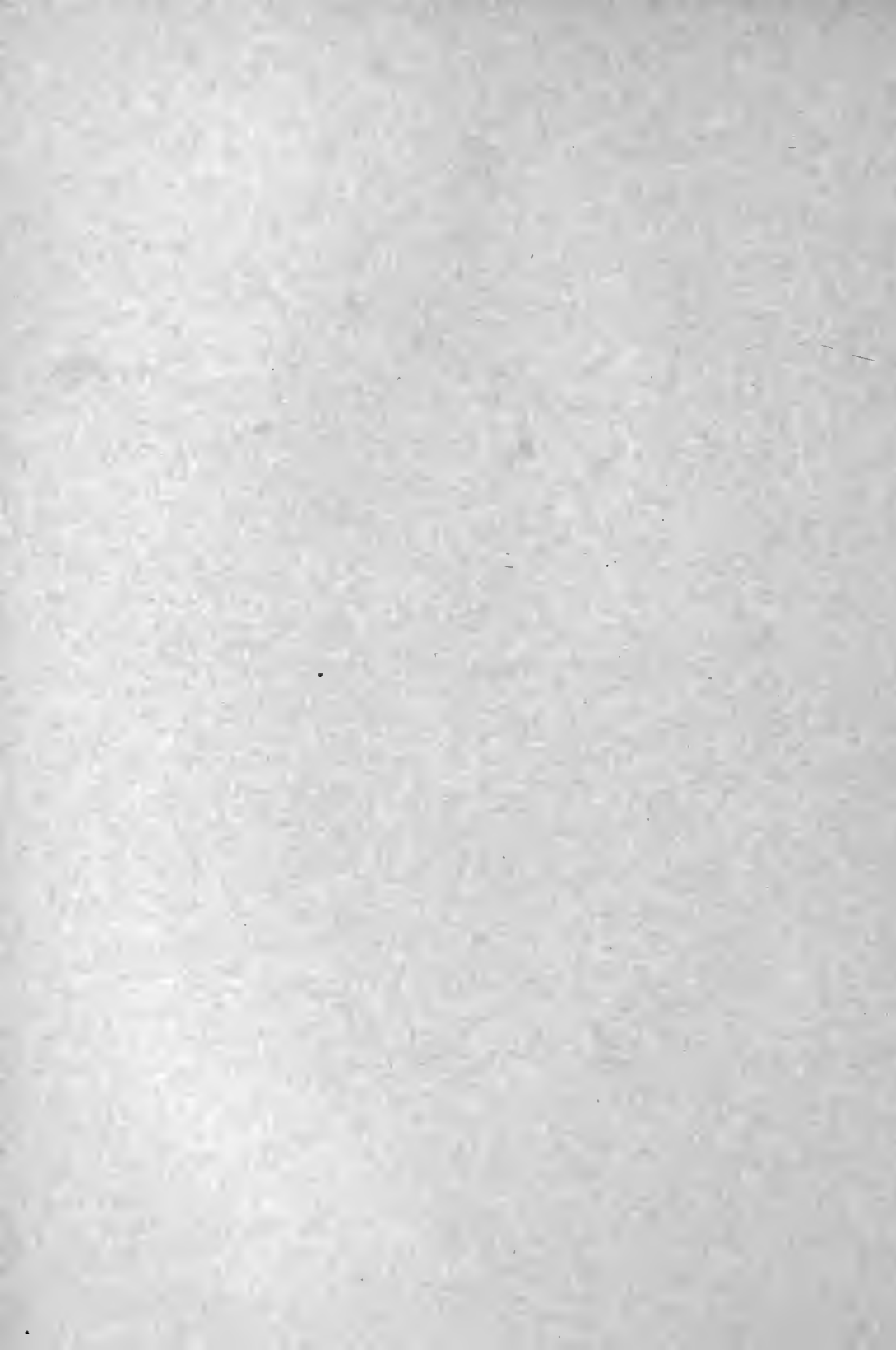
В колледжѣ. Мисс Додд — очаровательная старушка. Какая добрая, какая

Русская школа в Яни-Кей.

Нератовская школа в Буюк-Берэ.

ласковая и гостеприимная. Когда американцы, принадлежащие к наиболее культурным классам, обращаются с нами как с равными, не как с «бывшими джентльменами», а как с джентльменами настоящими, то закрадывается в голову мысль: не чувствуют ли они себя, не отдавая даже себя в этом отчета, немножко виноватыми в том, что «культура», к которой они себя причисляют, оказалась такой несостоятельной при первом же ее столкновении с варварством большевизма.

С какою легкостью мисс Додд достала от сухого формалиста д-ра Хувера необходимые для нас для въезда в Америку медицинскія бумаги. Тот же самый Хувер, который дѣлал вид, что очень сомнѣвается, можно ли Нинѣ ѣхать в Америку, теперь сдѣлал вид, будто он и не помнит своих сомнѣній.

Затѣм — в обширное дворцовое зданіе лѣтняго русскаго посольства — в школу за дѣтьми. Теперь это Нератовская школа — куда недавно пристроили нѣсколько классов кадет Донскаго корпуса из жарких африканских песков Сиди Бишр, около Александріи. Огромный вѣковой парк на склонѣ горы. Неужели это все достанется большевикам, если турки признают и пустят сюда коммунистов.

Тут, в крайнем к сѣверу зданіи в госпиталѣ в течение трех недѣль лечилась Нина. В самой серединѣ пролива, как и раньше, стоит на якорѣ английскій дредноут Iron Duke, а немного подальше, американскій Utah.

Дѣти переодѣлись в свое собственное платье и были готовы к тому, чтобы покинуть послѣднюю русскую школу, в которой они учились, — едва ли в Америкѣ мы найдем русскую школу... Поблагодарили учителей и воспитателей, побывали в церкви, которая Олегу очень нравилась и меня это очень тронуло. Ёдем с дѣтьми «домой». Какая то слѣдующая школа ожидает их?

В «Маякѣ» для меня были письма. Особенно одно обрадовало всѣх нас — отвѣтное письмо от Юшиной дочери, а моей племянницы, Людмилы, из Кіева. Впрочем, не могу никак сказать, что это письмо обрадовало нас: оно было очень печальное. Но обрадовало нас восстановление связи с родными.

Под вечер мы отправились подышать свѣжим воздухом и совершить своего рода прощальный объѣзд города, в котором было столько пережито. Казалось мнѣ, что этот древній город имѣет свою собственную жизнь, свою собственную душу и сколько, сколько она пережила за тысячу лѣт. Недавняя война и наши бѣженскія волненія это лишь маленькая деталь в жизни великаго города. Впрочем, если и деталь, то все же совпавшая с коренной ломкой и переустройством и города и всей страны: Кемаль побѣдил. На улицах мы видим совершенно необычныя картины: турки собираются на площадях и под заунывные и радостные звуки своей музыки сплетают свои руки, став плечо к плечу, длинными шеренгами, и выдѣлывают ногами движенія, которыя должны называться танцами. Лица у мужчин серіозныя, если не мрачныя. Женщин, конечно, и в поминѣ нѣтъ — будто это военный лагерь и заняты они не танцами, а военными упражненіями.

Вот Галата — торговый центр и мост за Галатой.

За старым стамбульским базаром наш Мусселім Сокак с крикливыми разносчиками. Один из них и сейчас поет что-то, напоминающее нам: «Душа радуется».

Когда мы возвращаемся обратно, то с Галатскаго моста весь Стамбул кажется призрачным и минареты вокруг мечетей Осман Паша, Сулейманіе, Сулейман Паша и Айя Софія, минареты, словно бѣлыя свѣчи на пасхальном столѣ. Вот кто-то придет и зажжет их. И в самом дѣлѣ, когда послѣдній

луч заходящаго солнца, прорвав облака, освѣтил вершины минаретов, казалось, будто свѣтильники горят. А внизу в дымных и мгlistых улицах и на водѣ Золотога Рога сгушалась тьма.

Казалось: все так красиво и мирно, а на душѣ было грустное чувство — какая печаль, какой голод, какая забитость там — в Россіи. вмѣсто того, чтобы помочь Ванѣ и другим в Россіи, мы собираемся ѣхать куда-то еще дальше... Хоть бы письмо получить до отъѣзда. Может быть, вслѣд за Людмилиным письмом придет письмо от Вани — это было бы большим утѣшеніем. На днях я послал ему по почтѣ опять разную одежду — не увѣрен — дойдет ли.

Пока что получил по почтѣ скаутское письмо из «Украины»:

«Я хотѣл бы подѣлиться с вами всѣм тѣм, что я узнал в послѣднее время от многих наших скаутов и скаутмастеров. Вы, вѣроятно, слышали о состояніи скаутизма в Россіи и вѣроятно, увидали, что оно далеко не из завидных. Но, не смотря на все, эта идея скаутинга настолько привилась во всей нашей молодежи, что, кажется, никакія силы не могут заставить ее забыть завѣты скаута и оставить скаутскую работу. До осени 1921 г. всѣ организации скаутов находились в вѣденіи Всеобщаго Военнаго Обученія — в косвенном вѣденіи Военнаго Комиссаріата. Нечего и говорить каким нападкам подвергались мы от Коммунистическаго Союза Молодежи, и, собственно говоря, мы не имѣем никаких шансов на твердое существованіе. В сентябрѣ 1921 в Москвѣ был съѣзд скаутмастеров, на котором было разрѣшено много наболѣвших вопросов, вродѣ упорядоченія положенія отрядов, точное опредѣленіе от кого они зависят и т. д. Между прочим, на съѣздѣ выступил скаутмастер Б.....с, ѣздившій перед этим за границу, и, ознакомившій впервые на этом съѣздѣ русских скаутов с положеніем современнаго скаутинга за границей. На съѣздѣ были выработаны программы, которыя я высылаю, и многое другое. Мы, взрослые скауты, всѣми силами старались распространить по всей Россіи официальные отчеты об этом съѣздѣ.

Зима протекла очень хорошо в отличных условіях работы. И так, мы добились того, чего так желали. Но это будет для вас только лишь наружная одежда, важнѣе же познакомиться с внутренними язвами.

Мы добились, что на нас обращают вниманіе, как на примѣр, достойный подражанія, но в это время за нашей спиной стояло другое, нѣчто болѣе страшное — голод. Тысячи мальчиков не имѣют возможности продолжать работу в отрядах, ибо не хватает ни сил ни времени, чтобы заработать себѣ или для семьи кусок хлѣба. То же самое и скаутмастера. Это повлекло за собой ужасное среди нас бѣдствіе — упадок энергіи со всѣми послѣдствіями.

Вашим скаутам вѣроятно трудно работать вдали от родины, но повѣрьте, что тут во много раз труднѣе и даже иногда невозможно. Но я все-таки могу повторить, что никакія силы не смогут вырвать у нас идею скаутизма и вездѣ остается хоть немного старых вѣрных скаутов, прошедших и раньше через многія испытанія.

Пожалуйста передайте Вашим скаутам наш искренній, братскій привѣт и лучшія пожеланія и то еще, что мы никогда не забудем их, волею судьбы заброшенных на чужбину. Всегда готов».

...Не так давно мы послали нашим голодающим скаутам в Одессу нѣсколько мѣшков муки. Но что значат эти мѣшки, когда голодают и вымирают миллионы.

3 сентября 1922. Сегодня пришел наш пароход «Азія» Фабр Лайн и мы с волненіем смотрѣли на него снаружи и осматривали внутри. Улучшенный

третій класс, или «турист класс» показался нам не плохим. Все было заново выкрашено. Постели чистыя и нам давали для четверых отдѣльную каюту. Хуже было с палубой, которая была довольно мала, но нам обѣщали дать разрѣшеніе пользоваться помещеніем второго и перваго класса.

За билеты мы заплатили по семидесяти лир — в общем около двухсот, так как дѣтям была сдѣлана скидка.

Чтобы попрощаться со скаутами, я ѣздил на Принцезы острова — на Антигону. Когда наш шеркет подходил к острову, то видны были вдали и Прикипо и Халки и безлѣсный Проти, который мы только что миновали.

Сколько воспоминаній. Полтора года тому назад мы высадились на Принкипо и жили там на англійском пайкѣ. Дѣти в какой-то новой кратковременной школѣ. Нина была очень больна и переѣхала в Константинополь в лазарет Жаны Д'Арк. Работа со скаутами. Работа в Константинополь в русской компаніи «Ара». Работа в Маякѣ. Снова на пайкѣ, но уже у французов, на Халкѣ...

За все это время мнѣ почти не приходилось бывать на Антигонѣ. Только раза два, когда навѣщал скаутов и полковника Джуліани. Вот на пристани выстроены наши патрули с желточерными флажками. Встрѣча. Салют. Приветствіе мое: «Будь готов» и отвѣтъ: «Всегда готов». — Правда ли, всегда ли, надолго ли? Что из вас станется? Суждено ли вам будет и когда суждено увидѣть родную Россію и останетесь ли вы русскими, и не забудете ли родной язык, и не покроете ли себя стыдом, отвернувшись в концѣ концов от земли своих предков?

Всего этого я, конечно, не сказал нашим славным скаутятям. Наоборот: послѣ нѣскольких скаутских упражненій, в бесѣдѣ у костра, я увѣренно сказал, что гдѣ бы мы ни были, в каких бы трудных обстоятельствах ни очутились, мы всегда останемся: во-первых — русскими, а во-вторых — скаутами, то есть рыцарями. И молодежь мнѣ вѣрила и я искренне вѣрил в них. Надо смотрѣть на теперешнія перепетіи, как на своего рода скаутское испытаніе: никому еще не приходилось получать таких трудных испытаний, а нам вот привел Бог. И, если мы с честью выдержим это испытаніе, тогда мы можем назвать себя настоящими скаутами-рыцарями родной Россіи.

Мнѣ хотѣлось перед отъѣздом повидать моего милаго однополчанина А. И. Джуліани и Марію Александровну. Мнѣ дали своего рода эскорт — двух развѣдчиков проводников, хотя я отлично знал дорогу. Но Джуліани не было дома и я, отпустив проводников, пошел по каменистой тропѣ по склону горы к синему, синему морю. Кругом ни души, именно то, что я хотѣл. Мнѣ казалось, что было бы грѣшно перед самим собою, если бы я перед отъѣздом не побывал бы наединѣ сам с собою и с... Богом.

В такая благословенныя минуты будто кто-то невидимый перелистывает передо мною страницы моего прошлаго и мнѣ кажется, что прошлое мое минуло не совѣм безслѣдно и что, если бы мои родители могли видѣть мою жизнь, то они не упрекнули бы меня за нее, а, может быть благословили бы на дальнѣйшее.

И жизнь еще далеко не кончена. И, Бог даст, еще удастся сдѣлать что-нибудь цѣнное высокое: Тебѣ, Создателю нашему, во славу, родителям нашим на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу.

А в прошлом? Чѣм глубже заглянуть в него, тѣм отраднѣе. В жемчужном туманѣ ранняго дѣтства Киев и Одесса с такой же голубой, прозрачной водой, как и здѣсь у меня под ногами. А потом — Петербург и Лѣсное, гдѣ я

впервые почувствовал себя человеком и притом счастливым человеком, когда увидел совершенно близко перед собою новый и чудесный мир. Так как мне было тогда всего-навсего четыре года, то мир этот находился от меня ближе, чем от других более взрослых людей — всего лишь вершках в двенадцати со всеми цветами, бабочками, жуками, букашками, им же нить числа...

Это была несказанная радость. И не отголосок ли этой радости и в цветущей лошине Босфора, и здесь, на Антигонь, под этим радостным осенним дождем.

Снять шапку и благодарить Бога за эту непередаваемую радость.

...А в городъ, как всегда перед отъездом, накопилось опять много дел. Домой приходят мои скаутмастеры и скауты. Предлагают свою помощь. Просят указаний для дальнейшей работы. Мы расстаемся с ними и с нашими многочисленными друзьями и сотрудниками с очень искренним дружеским чувством. Грековы, Корниловы, Рагозины, Агафоновы, Артемов, барон Клодт, а скаутмастеры: Темномъров, Дехтярев, Досужков, Николаев, Антонины, Смыслов, Нъмченко, Русанов, которому я передал скаутов при «Маякѣ».

Вечером в послѣдний раз отправились на Таксим, гдѣ недавно выросло так много увеселительных учреждений и ресторанов, посѣтили наш старый Згри Сокак с гречанками Мариной и Аникой и Дуварджи Сокак с семейством Абдаль.

Наконец добрались снова на рю де Брусс № 40, где помѣщался Маяк. Как всегда здѣсь шла своя жизнь, раздробленная на отдѣльные русла. Внизу в скаутской комнатѣ патрульные вели свои занятія. В одной из комнат шла лекція о Старом Петербургѣ и лектор видимо так любил предмет, о котором рассказывал, что на глазах у него были слезы, временами мѣшавшія ему говорить.

В столовой, гдѣ была хозяйкой наша, добрая, еще по Новороссійску знакомая Берта Федоровна Оношко, было особенно уютно, а обѣд был, как всегда, очень вкусен.

4 сентября 1922. Канун отъезда. Он прошел как-то незамѣтно в мелких хлопотах, в окончательной укладкѣ вещей, в покупках разных мелочей. Купил, между прочим, для Нины складное палубное кресло.

Мы уже начали с помощью В. А. Корнилова и маленького Фордика из Маяка перевозить наши многочисленные пожитки на «Азію», причем в первый раз имѣли небольшой спор с турецкими таможенными чиновниками. Мы так и не поняли — хотѣли ли они получить взятку, или пошлину. Во всяком случаѣ мы заплатили им сколько они назначили. В концѣ концов константинопольское гостепрѣимство в течение восемнадцати мѣсяцев стоило не больше чем полторы турецкой лиры.

Нина всѣ эти послѣднія недѣли заканчивала портреты американок Бартон, Реман, Стивенс. Кто-то из «злых языков» — американцев, говорил про русских бѣженцев, что жены заслуживают гораздо большаго уваженія, чем мы сами, что онѣ даже болѣе работоспособны. Конечно это так и есть: всѣ мы — бывшіе офицеры, чиновники, солдаты и вице-губернаторы, очутившись не в своей тарелкѣ, растерялись бы, если бы не было с нами наших жен, дочерей, сестер.

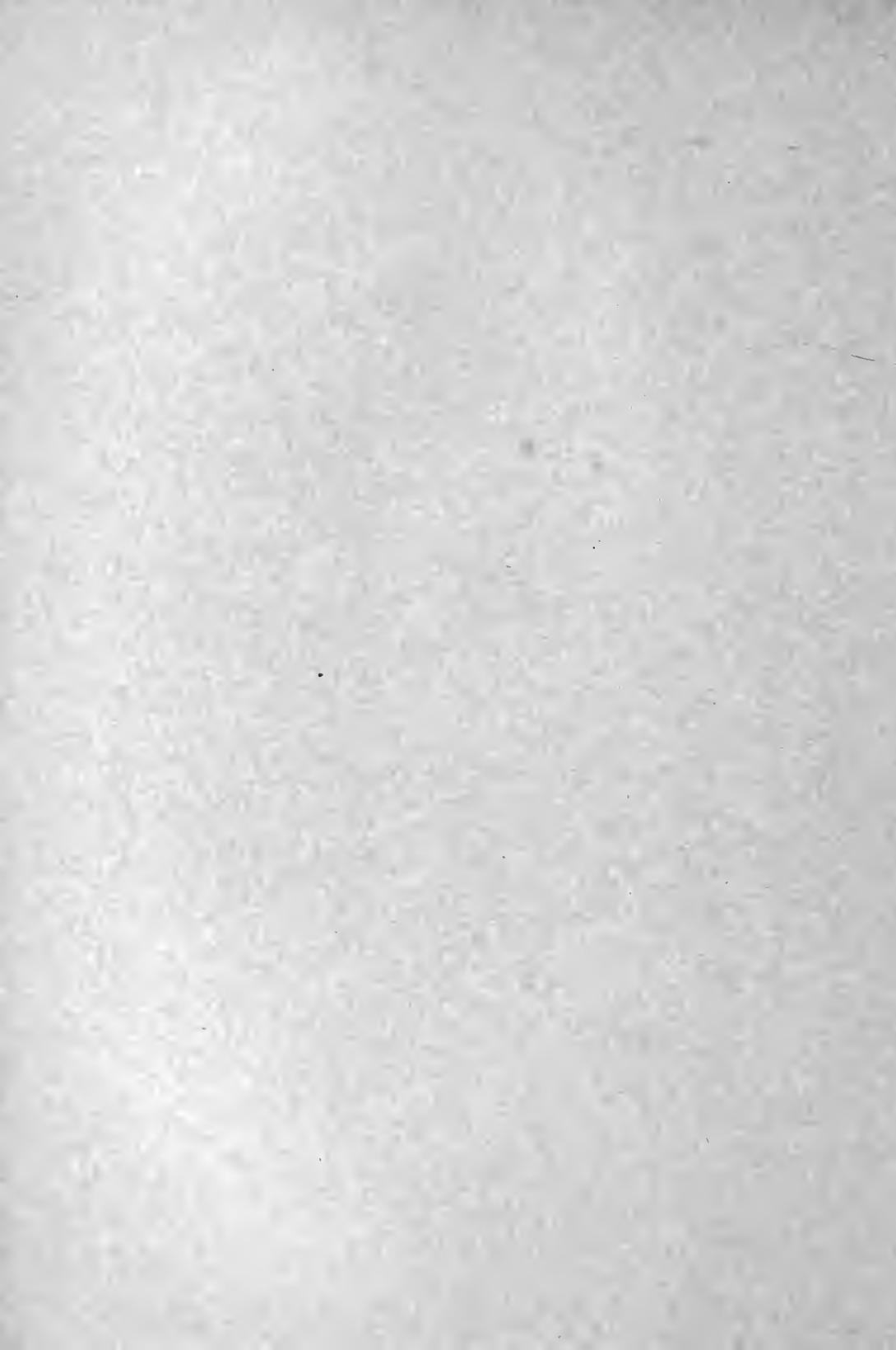
Как будто в отвѣт на мои мысли об оставшихся в Россіи близких, скауты из «Маяка» принесли среди скаутских писем маленькое письмо из Кіева от Вани и, кромѣ того, от него большой пакет его записок из нашей семейной

Мечеть Султан Ахмед.

«...у божественной Аии Софи».

хроники. Как видно он, несмотря на тяжелое время, приступил к исполнению нашего рѣшенія записать все, что память сохранила о нашей семьѣ. От присланных старых родительских писем, как от священных увядших цвѣтов, полились и окутали меня облака воспоминаній и я предвкушал удовольствіе во время путешествія изучить все присланное и дополнить тѣм, что удержалось у меня в памяти.

Для дѣтей купили приличные сѣрые костюмчики и, кромѣ того, графиня Келлер за скромную плату сшила им пальто. За башмаками ѣздили далеко на западную окраину Стамбула и это было очень кстати, потому что дало нам еще раз возможность увидѣть величественныя константинопольскія стѣны и тѣ ворота, над которыми по преданію мой тезка Вѣщій Олег пригвоздил свой щит. Вспомнились стихи Пушкина:

*Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.*

Воображеніе рисует около этих старых исполинских стѣн боевой стан наших предков варягов и руссов и моего великаго тезку, про котораго Алексѣй Толстой в своей злой сатирѣ написал хвалебное:

*Эс вар эйн гроссер кригер
И умный человек.*

А потом во время русско-турецкой войны в 1877 году, здѣсь невдалекѣ у Сан Стефано, стояла в бездѣйствиі побѣдоносная наша армія, которая любезно согласилась не входить в Константинополь, пожертвовав из-за этой англійской прихоти жизни многих тысяч русских солдат, умиравших от тифа в отвратительных гигиенических условіях.

Меня этот вопрос особенно волнует, потому что в числѣ заболѣвших тифом и едва не умерших был мой отец. Он не особенно любил об этом рассказывать, но все же я помню, как он говорил, что своим спасеніем он обязан был деньщику, которому ясно сказал, почувствовав появленіе болѣзни, что тот должен был дѣлать, несмотря ни на какия препятствія. Главное дѣло, насколько я помню, было, вливать в рот, при безпамятствѣ в опредѣленное время стакан теплаго кипяченаго молока и не отсылать больного в госпиталь.

Папа больше любил вспоминать, как до болѣзни ему удавалось нѣсколько раз получать разрѣшенія и ѣздить в Константинополь. На него особенно сильное впечатлѣніе производил храм Святой Софіи. Когда отец поднялся на высоту только первых балконов, то люди внизу казались величиною с ничтожных букашек...

Но надо было спѣшить обратно и мы ѣдем на трамваѣ к Галатѣ. Трамвай, как всегда, раздѣлен занавѣской на мужскую и дамскую половины, но ходят уже слухи, что скоро Кемаль объявит равноправіе и уничтожит гаремы и чарчафы.

Под вечер в общежитіе пришли знакомые пожелать счастливаго пути и попросить написать им из Америки каковы там условія жизни и не посоветуем ли мы также держать путь туда.

Завѣдующій общежитіем, пожилой генерал, сказал напутственное слово, но по ошибкѣ, когда он говорил об Америкѣ, вмѣсто обычных слов про «новый свѣтъ», выразил пожеланія благополучія на «том свѣтѣ», — куда мы ѣдем! Всѣ слушавшіе добродушно улыбнулись.

Теперь надо всѣм, а в особенности Нинѣ пораньше лечь спать, чтобы завтра быть бодрѣе. Слава Богу, что она чувствует себя не плохо.

На дѣтей, как видно перемѣна обстановки производит сильнѣйшее впечатлѣніе и они устали за день. Теперь сладко спят.

Наконец таки я снова могу перечитать короткую открытку от брата Вани. Вот ея текст:

«Дорогой Олег. Уже с недѣлю, как получил о тебѣ вѣсти. Разбросала нас судьба по всему свѣту и Бог знает, соберемся ли мы когда-нибудь вмѣстѣ...»

Приложенныя письма и дневники приходится отложить пока в сторону.

5 сентября 1922 года. Константинополь. Все еще Константинополь, потому что мы стоим у пристани, но сходни уже сняты и пароход готов к отплытію. На пристани много наших друзей и моих скаутят...

Два часа дня. Разстояніе между бортом парохода и набережной-пристанью увеличивается. С берега несутся привѣтственные клики и добрыя пожеланія не только нам, конечно, но и многим нашим спутникам.

Когда смотришь на Константинополь с воды, он кажется каким-то не настоящим, сказочным.

Вспоминаются первыя наши впечатлѣнія, когда мы пріѣхали сюда из Крыма. Только тогда вся эта сказка стояла перед нашими глазами в утреннем туманѣ, а теперь в предвечерней дымкѣ.

Что-то есть чарующее в этом восточном городѣ. Должно быть, прошлое невидимо продолжает жить вокруг него. И великое и позорное, и героическое, и предательское... Сколько ужасов скрыто хотя бы в одних только этих кіосках-дворцах... Нам довелось видѣть послѣдняго отпрыска прославившейся звѣрствами турецкой династіи, когда он выѣзжал как-то из своего дворца на селямлик. Обрюзглое, опустившееся, мало осмысленное лицо. Что станется с ним теперь с приходом к власти Кемаль Паши?

А сказочный город удалаяся и удалаяся от нас. Вот тут, гдѣ мы сейчас, около года тому назад стояло на якорях полторасто русских судов — грандіозная врангелевская эвакуація. Спасибо Врангелю, что он все предвидѣл и спас сотни тысяч людей.

На одном из пароходов, стоявших здѣсь, мы тогда нашли моего брата Юшу, и как мы оба друг другу обрадовались... Мы подѣхали тогда на шлюпкѣ и просили вызвать доктора Пантюхова. Толча людей на палубах оживилась: «Доктор Пантюхов. Ваше превосходительство...» разносилось по палубам. И вот меж сѣро коричневой массы людей стал спѣшно протискиваться наш Юша, одѣтый как всѣ в солдатскую шинель. Он спустился по трапу к нашей лодкѣ и мы могли обмѣняться рукопожатіем. Я передал тогда Юшѣ пакет с провизіей, самосским вином и папиросами. Юша послѣ раз-

сказывал, какое сильное впечатлѣніе произвели и на него и на его спутников наши с Ниной скромные дары. Вѣдь в Россіи в то время был голод. Мы пообѣщали на слѣдующій день пріѣхать за Юшей и отправились дальше... Отчего так ясно и так пріятно вспоминается каждая мелочь об этом?

Вот снова наши Принцезы острова, как четыре голубых чудовища, дружной семьей пришедшія на водопой. Четыре брата. Нас Пантюховых тоже сейчас четыре брата.

А море принимало все болѣе и болѣе фантастическіе оттѣнки, и дальнія Родосскія горы все больше и больше заволакивались прозрачной голубой дымкой. Направо от нас Сан Стефано, а впереди далеко Галлиполи, гдѣ сосредоточена наша добровольческая армія. Трудно приходится ей на голодном пайкѣ у легкомысленных французов.

Не знаю, почему это море называется мраморным? Я бы назвал его скорѣе перламутровым. В сегодняшній вечер оно такое нѣжное и спокойное, будто озеро.

Остались позади всѣ заботы и тревоженія. На много дней — недѣль на пять, а то и больше, мы оторваны от земли и можем сосредоточиться на своих собственных личных дѣлах. Новая эра для нас начинается.

Когда всѣ мы размѣстились и налюбовались на чудесный закат, я перечел снова Ванино короткое письмо. Да, разбросала нас судьба по бѣлу свѣту. И хоть мысленно, но надо бы нам быть вмѣстѣ, и еще мысленно хочется быть с нашими родителями. Из полученных мною писем я отобрал самыя пожелтѣвшія, древнія, и стал читать.

Вот самое старое с датой: 9 іюня 1866 года. Это значит еще за два года до папиной женитьбы, от его племянницы Смирновской:

«Не могу выразить Вам радости, милый мой Дядя Ваня, с какой я радостью получила Ваше письмо. Вы так давно уже не писали мнѣ, я все ждала и в ожиданіи письма Вашего, тоже не писала Вам.

Вообразите, дядя, какое счастье для меня: к нам пріѣхал Папаша, но не надолго, на нѣсколько дней. Когда я показала папашѣ Вашу карточку, то он спросил: «кто это?», стало быть не узнал Вас. Как жаль, Дядя, что Вас не пускают к нам, быть может мы никогда не увилимся, это очень мнѣ непріятно. Мы можем бесѣдовать только письменно. Надѣюсь, что и переписка наша никогда не прекратится. У нас теперь время экзаменов — я цѣлый день занимаюсь повтореніем предметов.

Экзамены, слава Богу, до сих пор идут очень хорошо.

Вы спрашиваете меня, что я люблю, к чему питаю антипатію и т. д. Я, право, не знаю, как Вам отвѣтить. Люблю я природу, поэзію, которая по-моему не разлучна с ней, люблю читать книги, играть на фортепіано и вообще музыку, люблю также писать письма и Вас люблю, добрый дядя.

А насчет антипатій скажу Вам, что я их не питаю ни к кому, к чему-нибудь, может быть, но теперь не найду примѣра.

Не знаю, почему это я сегодня так дурно пишу, мнѣ даже совѣстно — или перо, или чернила, или я виновата, не знаю, право кто или что. Мнѣ кажется, что Вы ничего не поймете.

Так как письма больше не придется писать к 30 июлю, то поздравляю Вас, Дядя, с днем Вашего Ангела и желаю Вам всего лучшего. Посылаю Вам в подарок карточку свою, но только она гораздо хуже, чѣм в натурѣ — я там вышла очень полна, а в натурѣ я, напротив, худа очень. У нас снимает дурной фотограф.

Исполните мою просьбу, Дядя, постарайтесь так, чтобы письмо Ваше я получила 17 сентября. Это будет для меня большой подарок. Как жаль, что Вы так далеко живете. Мерси, милый дядя, за марки. Через нѣсколько дней мы перейдем в голубой класс, а на будущей год кончим курс.

Папаша Вам кланяется, он не совсѣм здоров. Приѣхавши в Казань, он простудился, ставил себѣ банки, но теперь, слава Богу, ему лучше».

...Когда вечером послѣ ужина я вышел на палубу, небо было усѣяно яркими южными звѣздами и прямо над головой, в зенитѣ, горѣли мои плеяды. Это показалось мнѣ добрым предзнаменованіем. Плеяды с Альціоной были со мной и на Цхра Цхаро, и в Тифлисѣ, и в Кіевѣ на нашем хуторѣ, и в Царском Селѣ, и на войнѣ, и в милой нашей «Ялточкѣ», и в Севастополѣ, и в Константинополѣ. Есть что вспомнить и о чем рассказать.

Нина до вечера сидѣла на своем складном шезлонгѣ. Она познакомилась с женою французскаго офицера и я очень рад этому. Дѣти тоже нашли себѣ сверстницу — дочь этой же француженки.

6 сентября 1922 года. На пароходѣ «Азія», Архипелаг.

Ночью прошли мимо Галлиполи. Грустно. Тоскливо на душѣ, когда представишь себѣ, что здѣсь под присмотром, если не под караулом французов, сосредоточены остатки нашей добровольческой арміи. Остались в ней крѣпкіе патріоты, даже послѣ того как союзники отвернулись от нас, продолжающіе вѣрить, что еще можно «что-то сдѣлать»... Наполеон говорил, что для каждой войны нужны, во-первых, деньги. Во-вторых, деньги и, в-третьих, деньги. И вот этих самых денег никто из союзников не дал ни Деникину, ни Врангелю. Давали сапоги, одежду и даже немного снаряженія, но денег никто не дал и стало быть никто не хотѣл всеріоз пораженія большевиков.

Мысль снова и снова возвращается к этому гнетущему вопросу: в чем кроется успѣх большевиков? В том, что они дали толпѣ хоть и ложную, но увлекательную идею. И еще в том, что нашли у своих единомышленников в Европѣ и в Америкѣ поддержку в прессѣ и деньги, тогда как ни Деникин, ни Врангель, увы, не нашли ни новых манящих идей, ни денег.

На разсвѣтѣ идем по Дарданелам. Вот он, тот пролив, о котором со школьной скамьи мы всѣ слышали так много, из-за котораго было столько войн и гдѣ так недавно еще погибло столько англичан.

А на лѣвом южном берегу останки древней Трои, о которой недавно писал Юша. Так же, как и он я не различил среди обломков скал и среди камней никаких развалин.

✱

Как хорошо вышло, что мнѣ удалось получить из Россіи наши записки и старыя письма.

Я начну сегодня же, когда буду сидѣть на палубѣ, вспоминать и записывать то далекое прошлое, которое теперь как будто еще быстрѣе удаляется от меня, так как с движеніем парохода увеличивается и увеличивается пространство, отдѣляющее меня от родных мѣст.

Наша мама.

...Могу ли я, смѣю ли я писать о моей милой мамѣ? Мнѣ кажется, что здѣсь, когда я начну писать, поблекнет все, что было в моей душѣ, когда я изображу мое святая святых на бумагѣ. Как можно передать на листкѣ почтовой бумаги аромат, музыку, краски. И во сколько раз труднѣе передать нѣжные чувства дѣтской души. Поэтому я постараюсь меньше говорить о моих чувствах и придерживаться обыкновеннаго, прозаическаго описанія.

Мы всѣ братья любили нашу маму совершенно особенной любовью, которую никак не передашь словами, лучше и не пробовать. Нам было бы обидно, если бы кто-нибудь сравнил нашу маму хотя бы с самыми лучшими представительницами рода человѣческаго. И я думаю, что мы были правы. Но как рассказать о ея добротѣ, ея любви к нам, ея любви к Россіи и к народу русскому, как можно вообще кому-то постороннему говорить о мамѣ, когда она всегда старалась уйти на самый дальній план.

Самое замѣчательное в ея наружности были ея глаза, большіе, сѣрые, серіозные и ласковые. Даже, когда она сердилась, а сердить нам ее, к нашему позору, приходилось, все-таки в глазах ея было что-то ласковое. Никому из нас она не передала своих глаз, и я вообще не встрѣчал таких глаз. Уж не говоря о внутреннем их выраженіи, глубинѣ, умѣ и добротѣ, даже схожих по внѣшности, по цвѣту, я не видѣл. Как мнѣ всегда казалось, у нея были чисто русскіе глаза. Да и вообще у нея тип был чисто русскій, хотя по происхожденію она была далеко не чисто русская. Отец ея был наполовину швед, генерал русской арміи, фон Кнорринг, был лютеранин и был женат на Спиридоновой. Дѣти у них всѣ умирали. Тогда они, наши прадѣд и прабабка, дали обѣщаніе, что слѣдующаго ребенка, если он выживет, крестят по-православному. И вот родился наш дѣд Николай Густавович. Он выжил. Крестили его по-православному и стал он заядлый русак — очень не любил нѣмцев.

Дѣдушка кончил 1 Московскій Кадетскій Корпус. Поступил на военную службу. Потом, как и его брат, дослужился до генеральскаго чина.

Мать мамина, Аделаида Платоновна рожденная Малѣева — фамилія, конечно, татарская. И город Вятка, гдѣ она родилась, тоже татарская область. Папа, как-то замѣтив у кого-то из нас «барскія замашки», сказал: «Откуда эти барскія замашки? От татарских князей, что ли?»

Главная черта мамы была доброта. Она совершенно не думала о себѣ. Вся ея жизнь была в нас и в папѣ. Но этим, очевидно, не исчерпывался весь запас ея любви и обыкновенно, гдѣ бы мы ни жили, она всегда находила, кому помочь, кого любить, о ком заботиться, или о ком безпокоиться. Папу она любила не меньше нас, но кромѣ того она всегда считала его необыкновенно умным и вообще замѣчательным человѣком. О себѣ же всегда была скромнаго мнѣнія.

Я привожу выдержки из записок моего брата Вани и да простит мнѣ он, что я не ставлю кавычек. Так же я буду дѣлать и впредь.

*

...Выйдя из Дарданел, наш пароход стал не таким устойчивым, каким казался нам в Мраморном морѣ и в Дарданельском проливѣ. Но море было таких ярких оттѣнков, что мы, погруженные в созерцаніе, не страдали от качки.

Мы проходим мимо острова. Кажется, это Самос. Но каково бы ни было

его названіе, это сказочный остров. Высокія скалы, ущелія, водопады, лѣс — все перемѣшано здѣсь в такой аметистовой дымкѣ и вмѣстѣ с тѣм все так ясно видно с палубы нашего парохода, что нельзя оторвать глаз. И все это совсѣм близко от нас и никаких признаков человѣческаго пребыванія. С сожалѣніем расстаемся с островом, когда он скрывается из глаз.

7 сентября 1922. На пароходѣ ни капитан, ни кто другой не знали всѣ эти дни точнаго нашего маршрута, то-есть, в какіе порты мы будем заходить. Неувѣренность происходила главным образом от того, что никто толком не знал, гдѣ сейчас Кемаль, взял ли он Смирну и свободен ли туда доступ для пароходов. Все это должно будет выясниться в ближайшее время, а пока что мы сидим на палубѣ и любимся небом и водой. И то и другое одинаково пустынно и кажется, что одинаково безбрежно. Остров что-то не видно и удивляешься: неужели это тот Архипелаг, о котором мы учили и в древней исторіи и в географіи. Мнѣ казалось, что это должно было бы быть одним из самых оживленных мѣст на земном шарѣ.

Вчера начал писать воспоминанія о нашей мамѣ.

Сегодня мнѣ все написанное представляется чѣм-то искусственным, полной, значит, противоположностью того, что связано с представлением о мамѣ. Гдѣ я цитировал записи моего брата, тѣ мѣста лучше, может быть потому, что он писал лично для меня и знал, что я его пойму с полуслова. А я? Для кого я пишу? Может быть для самого себя, потому что перенестись мысленно в милое далекое прошлое для меня большая радость. Может быть для наших сыновей. Будем недѣяться, что они не только прочтут о нашем прошлом, но и почерпнут в нем многое полезное для души.

Сегодня я хотѣл бы «расшифровать», (потому что оно очень не разборчиво написано) самое старое из имѣющихся у меня папиных писем.

Во время освобожденія западнаго Кавказа (1864 г.), еще будучи молодым врачом с 5-м Стрѣлковым полком, папа был очень сильно, опасно ранен обломком скалы, которые сбрасывали на наши войска джегеты, мезовейцы и другіе со своих мало доступных гор. Болѣе ста человѣк получили разнаго рода раны, увѣчья и ушибы. Характерно для папы, что он передал свое свидѣтельство о раненіи и связанныя с ним служебныя и матеріальныя преимущества какому-то другому женатому и нуждающемуся офицеру.

Около трех лѣт папа лечился по разным госпиталям, переѣзжая из одного города в другой, но рана на бедрѣ не заживала и он ходил с большими усиліями и с помощью костылей.

Когда он лечился в Кіевѣ, начальником госпиталя там был Николай Густавович фон Кнорринг, у котораго была, только что окончившая ученіе в Вяткѣ, дочь Ольга Николаевна, моя будущая мать. Знакомство, дружба и любовь, а затѣм и женитьба, — все произошло быстро и не совсѣм обычно. Я думаю, много значило в этом сближеніи общая их привязанность к дѣтям школьнаго возраста и желаніе их обоих сдѣлать все что можно для темнаго русскаго народа.

Борьба за правду, за свѣт просвѣщенія. Борьба против лжи, насилія, взяточничества и неграмотности — вот что вдохновляло их, насколько я понимаю, и дало им силы на нелегкій, но вмѣстѣ с тѣм и радостный совмѣстный путь.

Вот первое папино письмо к мамѣ из Балты, 360 километров южнѣе Кіева, которую они оба, повидимому, намѣтили, как один из темных російских углов, гдѣ в то время не было еще ни одной школы.

«21 августа 1868 года. Балта.

Сегодня послал наш проэкт на дом попечителю и увѣдомленіе, что школа может быть открыта к 15 сентября.

Отдѣлавшись от главнѣйших хлопот, я уже начинаю чувствовать другую крайность — неприятность одиночества и бездѣйствія. В этой жидовской полукорчмѣ я, разумеется, и не распаковываюсь. Как бы то ни было, я повеселѣе гляжу на мір Божій. Уже говорил со священником насчет нашей свадьбы, — говорит нужно какое-либо удостовѣреніе, что я не женат, а Вы не замужем.

Бывши у Вас послѣдній день, я написал командиру Одесскаго полка рапорт о выдачѣ мнѣ копій послужного списка для вступленія в брак. Николай Густавович послал его и обѣщал исплототать. Обратите на это самое серіозное вниманіе и попросите письмоводителя, чтобы послал в полк за послужным списком. Священник говорит, что никаких оглашеній не нужно, а свадьбу можно будет сдѣлать на другой день по Вашем пріѣздѣ. Послужной список мой привезите с собою.

Купите штук десять азбук Столпянскаго у Литова, она стоит 7 копѣек одна. Нужно бы захватить книгу для чтенія Успенскаго и дешевеньких дѣтских книг...

До Балты, как видно, почта не скоро добирается, потому что до настоящаго времени я еще не получил из Кіева ни одной газеты и письма. Живу все в заѣзжем домѣ, все хлопочу по найму и заказам, кое с кѣм встрѣчаюсь, но насколько я замѣтил, атмосфера здѣсь не привлекательная.

Одна дама замѣтила мнѣ, что мое положеніе хорошее, потому что буду имѣть дѣло с дѣтьми, а не взрослыми. Пожалуй придется утѣшаться этим в Балтѣ.

Я, как видите, все слегка хандрую, но вѣдь, право, чего-нибудь стоит пролетѣть хромому тысячу верст и потом возиться по вышеописанной грязи. Повидимому, здѣсь можно сдѣлать кое-что хорошее, но надо здоровье и здоровье. Общество разединено на кружки, ничего общаго, всѣ как будто остерегаются друг друга. Мое положеніе, как зрителя, казалось всѣм довольно мизерным и только моя личность, может быть, возвысила его в здѣшнем общественном мнѣніи. Высшій класс и всѣ побогаче здѣсь кричат о гимназій, или хоть прогимназій, составили капитал и относятся свысока к городской школѣ. Они считали ее чѣм-то неприличным и непремѣнно безнравственным и грубым. Они рѣшительно не желали отдавать своих дѣтей в школу, а простого народа здѣсь не много. Правда, старообрядцы составляют порядочный процент, но они живут в концѣ города и едва ли будут посылать дѣтей в школу.

...Необходимое возьмите с собою. Громоздкаго ничего не берите. Мы здѣсь как-нибудь пріобрѣтем необходимое...

Знаете что, моя дорогая О. Просматривая мое письмо, я рѣшил, что от сотворенія міра еще ни один человек не писал таких писем своей невѣстѣ. Но меня как будто что-то удерживает говорить Вам о своих чувствах, о скукѣ по Вас... Все это как будто избито, банально, а мы с Вами, хотя и желаем быть обыкновенными, но не совсѣм удачно. Вот Вы О. находите, что даже жениху с невѣстой не годится часто цѣловаться, и это мнѣніе, право, противорѣчит общепринятому. Хотя я думаю, что скучать по Вас Вы позволите, но слишком жалостно выражать скуку боюсь. Вы, пожалуй, не улыбнетесь, но, чего добраго, это как и поцѣлуй найдете неприличным для таких особ, как я. Но все же, моя милая Оля, жаль, что я не получил до сих пор от Вас какого-нибудь, хоть и не дѣловаго письма. Вы не знаете еще какое удовольствіе держать клочек бумаги, на котором лежала рука милой и читать тѣ строчки, в которых видно ея думки. Колечко Ваше я ношу не снимая и, глядя

на него, вижу Ваши задумчивые глазки и серьезное лицо. Пишите непременно, даже перед отъездом и телеграфируйте. Телеграмма стоит один рубль 20 слов. Цѣлую Вас, моя милая, добрая, дорогая».

Послѣ того, как я прочел это письмо, мнѣ захотѣлось быть подальше от окружающих нас пассажиров и я прошел на самый нос парохода. Когда высунулся за борт, то не видно никого и ничего кромѣ воды и неба. И небо и вода в морѣ остались совершенно такими же, какими они были в дни нашего далекаго дѣтства и еще гораздо, гораздо раньше.

Потухал закат и в темно-голубом вечернем небѣ стали зажигаться блѣдныя звѣзды. Если свѣтъ звѣзд движется с опредѣленною скоростью и гдѣ-нибудь на одной из этих звѣзд видна наша маленькая планета, то она видна не такой, какова она сейчас, а какой она была двадцать, пятьдесят, сотни или тысячи лѣтъ тому назад. Это сознание, что мы могли бы видѣть прошлое, если бы могли посмотреѣть на землю издалека, дает нам какую-то хорошую «защѣпку», еще одну увѣренность в существованіи и вѣчности и вѣчной жизни. Я хотѣл бы быть сейчас на такой планетѣ, с которой можно было бы видѣть и переживать снова нашу жизнь в «нашем» Тифлисѣ, на «нашей» Вознесенской улицѣ, в концѣ прошлаго столѣтія с 1886-го до 1899 года.

Всѣ мы, всѣ пять братьев, теперь, впрочем, нас осталось только четыре, всѣ мы чувствуем, что настоящая духовная родина наша там, под нашей священной Давидовской горой. Как будто источники этой горы поили нас водою жизни, водою благодати и радости.

Может быть это было и так, но я думаю, что источник всякаго добра для нас пятерых были ум и воля нашего отца и сердце и душа нашей матери.

*

Когда я вернулся на нашу палубу, там всѣ уже знали новость, что мы идем спѣшным порядком в Смирну, чтобы захватить оттуда греческих бѣженцев.

Неужели и греки попали в положеніе бѣженцев, так хорошо нам знако- мое? Нѣтъ, все-таки между нами большая разница, так как у них осталось при- станище, своя собственная страна, а у нас... даже имени «Россія», кажется, не хотят оставить на картѣ.

Наша «Азія» старается итти полным ходом, хотя извѣстное дѣло, что послѣ вечерней зари ее в порт не пропускают.

8 сентября 1922 года. На рейдѣ Смирны. На разсвѣтѣ мы проходили по глубокому заливу-бухтѣ и с любопытством всматривались в гористые берега Малой Азіи. С восходом солнца к нам подѣхал таможенный катер, и капитану были переданы инструкціи. Просторная и пустынная бухта, вѣрнѣе — глубокой залив, с очень красивыми очертаніями.

Сначала мы стали на якорь. С любопытством смотреѣли на пристань, на город и не сразу стали разбираться во всем что тут происходило.

Только лишь, когда к «Азіи» один за другим стали приставать катеры, нагруженные до отказа греками-бѣженцами, находящимися в ужасном состо- яніи, мы только тогда представили себѣ ясно, что обстановка имѣет нѣко- торое сходство, правда отдаленное, с тѣм, чему мы были свидѣтелями в Россіи.

Женщины гречанки плакали, мужчины волновались и всё с глубоким вздохом облегчения вступали на трап нашего парохода. Вскорѣ, отчасти по их рассказам, а отчасти по нашим собственным наблюдениям, мы составили себѣ довольно мрачную картину, происходящего здѣсь.

Турки до сих пор считают низшей расой всёх «гяуров» вообще, а армян и греков в частности. Теперь же к этой ненависти присоединилось еще справедливое чувство негодованія, когда завѣдомо турецкія провинціи были отхвачены греками. То же чувство сейчас у нас русских против тѣх, кто отдали нашу Бессарабію и русскія губерніи на западѣ и на Кавказѣ.

Бѣженцы-греки с ужасом вглядывались в воду. Мы тоже смотрѣли, но сначала ничего не могли рассмотреть. Наконец увидѣли какія-то тѣни, проплывающія в водѣ, а затѣм ясно различили, что это человѣческія тѣла.

Когда пароход наш для нагрузки табаком пристал к пристани, мы видѣли длинныя вереницы греческих солдат, ведомых куда-то вправо по набережной, и судя по тѣм подобострастным и опасливым взглядам, которые бросали плѣнники на своих конвоиров, им, плѣнникам, не сладко приходилось и будущее им рисовалось в мрачных красках.

Турецкіе солдаты, конвоировавшіе греков, были едва одѣты и измождены. Это придавало им вид настоящих воинов побѣдителей, какими они и были в дѣйствительности. Они за долгій період практики привыкли воевать и воевали еще и теперь, не обращая никакого вниманія на наш пароход, мимо котораго они шли, сосредоточенные лишь на выполненіи того, что им поручено.

Я снял нѣсколько снимков с плѣнных греков. Пробовал получить разрѣшеніе сойти на берег, но тщетно. Долго с грохотом грузят на пароход груды табака. И дѣти и мы с Ниной сначала внимательно наблюдаем за всёми перепетіями по нагрузкѣ, но затѣм эти наблюденія перестают интересовать нас, а на пристани и на набережной, когда исчезли из вида вереницы плѣнных, ничего достопримѣчательнаго больше нѣтъ, улицы совершенно пусты, только дым от полусгоревших домов...

9 сентября 1922. На пароходѣ «Азія». Только под вечер вышли из Смирны. Греческіе бѣженцы, напуганные ужасами, пережитыми в городѣ, по-видимому не рѣшались рассказывать все в виду города. Теперь же у них языки развязались. Нина нашла, что они всё совѣм не похожи на русских бѣженцев, — такіе толстые и грубые. Ъдут они всё во Францію.

*

Снова отрываюсь от современности и продолжаю писать о прошлом, о моих родителях, о мамѣ. Пользуюсь записками брата Вани.

Вся жизнь мамы сосредоточивалась на нас. Она сразу видѣла все, что касается нас. Она сразу замѣчала, если у кого-нибудь из нас были «лихорадочные глаза». Миша как-то, когда был маленьким, сам ей сказал: «Мама у меня сегодня лихорадочные глаза». Мама всегда замѣчала у нас блѣдность, отсутствие аппетита, или хандру у папы. Она каким-то внутренним чутьем, любящим сердцем сразу замѣчала, если у кого-нибудь есть какая-нибудь тревога на душѣ, или вообще какая-нибудь неприятность. Иногда даже по письмам, по тону письма, она чувствовала что что-то не в порядкѣ. В заботах о нас она, не смотря на усталость, страдала бессонницей и могла заснуть только почитав нѣкоторое время перед сном.

Мама была красива, судя и по отзывам других, но никогда не обращала на это вниманіе. В Петербургѣ, когда ей не было и сорока лѣтъ она считала себя пожилой женщиной. Она мало заботилась о своей наружности, о платьях, как и о себѣ.

За обѣденным столом у нас много шутили. Помню, напримѣр, если часто подавали рис, папа говорил: «усе рис, усек рис», а если часто подавался горох, или какое-нибудь другое блюдо, он говорил или слегка напѣвал: «И сегодня горох, и вчера горох». Конечно, это все говорилось с добрым намѣреніем пошутить. Мы, мальчишки, были в восторгѣ от этих шуток, и мама улыбалась привѣтливо, но, может быть, иногда ей было неприятно. Если подавалось что-нибудь незнакомое или неожиданное, папа спрашивал, ковыряя вилкой: «Что сей сон значит». И послѣ по-польски: «Таки то сонжечи», или по-французски: «Qu'est-ce que c'est que celà?». Обѣды были вкусные и питательные, но угадать желаніе каждаго было трудно. Напримѣр: никто из нас не любил в супѣ овощей и если случайно кому-нибудь попадалась луковка или петрушка, мы ее перекладывали в тарелку к папѣ, спрашивая: «Хочешь фруктов?». Папа кажется любил овощи, или считал их полезными.

Юша обладал тонким обоняніем и мальчиком имѣл привычку обнюхивать все подаваемое, и мама всегда с тревогой на него посматривала; если же он что-нибудь не ѣл, то попытывалась: «Почему ты не ѣшь, вѣдь это самое свѣжее». Далѣе Ваня пишет: Я не любил мяса, а если попадалось хоть немного жиру, то и совсѣм не ѣл. Мнѣ почему-то было даже смотрѣть на него противно, так что мама тщательно переглядывала каждый кусочек, предназначенный мнѣ.

Миша не любил кипяченаго молока, так что даже в кофе ему давали отдѣльно сырое. Олег, как меньшей, сидѣл около мамы и все время питался под ея наблюденіем. Кромѣ того, мамѣ приходилось иногда по нѣскольку раз сбѣгать в кухню или в кладовую, так что обыкновенно мы кончали обѣд гораздо раньше ея. И только уж подав папѣ кофе или иногда чай, она могла спокойно дообѣдать. Если был хоть какой-нибудь гость, то хлопот прибавлялось вдвое, так как такого большого, а главное искренняго гостепріимства я никогда не видѣл.

У нас всегда, конечно, были деньщики и кухарка; на хуторѣ, в особенности лѣтом, были и одна или двѣ дѣвки и во время работ еще какіе-нибудь люди, но мама сама всѣм завѣдывала. Из деньщиков мнѣ самый памятный Арсонофій Тазитин Оглы, башкир, Уфимской губерніи, котораго мама по-видимому очень цѣнила и считала тоже отчасти своим земляком. Добродушный, старательный татарин. Со всѣми нами был в очень товарищеских отношеніях.

Утром мама вставала гораздо раньше всѣх нас. И когда мы поднимались, самовар со всѣми принадлежностями был на столѣ. Кромѣ молока и масла, к утреннему чаю обычно было и что-нибудь болѣе существенное: котлеты или яйца, мацони или кефир, который она всегда дѣлала сама и который всѣ любили. Безпрестанно то один, то другой тянулся с пустым стаканом и она сама едва урывала время, чтобы выпить свой стакан.

Послѣ чая, проводив нас, если было учебное время, она шла на солдатскій базар. Иногда с деньщиком, но всегда с собакой — с Марсом или Джон Булем. При возвращеніи с базара — как предтеча ея — за нѣсколько минут раньше являлся Марс. Усталая, даже не присѣвъ отдохнуть, начинала готовить завтрак. Все опять вкусно и сытно: бифштекс, яичница, творог, ягоды с мо-

локом. Вскорѣ послѣ этого начиналось приготовленіе обѣда. Послѣ обѣда, управившись с кухаркой и прикрыв дверь, чтобы не мѣшать папѣ спать — он всегда спал послѣ обѣда — или, устроившись в саду, если дѣло было лѣтом, она начинала стучать швейной машиной. Вѣдь почти все на нас, а частью и на папу, шилось дома, не только бѣлье, но иногда и верхнее платье. Только послѣ вечерняго чая она была болѣе спокойна и читала газету или иногда какую-нибудь книгу. С газетой иногда и ложилась спать и, конечно, позже всѣх. Иногда и ночью заглядывала мама к нам: все ли в порядкѣ, не скатилось ли с кого одѣяло, не холодно ли. Так изо дня в день всю жизнь она хлопотала о нас, почти не думая о себѣ».

*

...Теперь как-то странно оторваться от далекаго прошлаго и увидѣть себя, Нину и дѣтей на пароходѣ, идущем в Америку...

Снова вечер. Дѣти устали за день и теперь присмирѣли, скромно сидят и смотрят вдаль, не появятся ли гдѣ огни встрѣчнаго парохода. Море стало как будто болѣе оживленным; нам попалились нѣсколько раз и парусники и пароходы. Вот и теперь не так далеко от нас проходит большой пассажирскій пароход с тысячами ярких огней. Нина говорит, что есть роман под заглавіем: «Корабли, которые встрѣчаются ночью».

Кто там на этом кораблѣ? Что они там сейчас дѣлают? Куда ѣдут? Счастливы ли они? О чем они думают? О чем мечтают? Им рисуется в воображеніи Константинополь и Босфор. Как-то он им там понравится? Эй! Торопитесь ухватить красоту былого Востока! Кто знает, что станется с ним, когда воцарится Кемаль...

Такія мысли, случайныя и расплывчатыя приходят в голову, когда тьма окружает пароход и нам видны только ближнія бѣлыя волны, а дальше все мѣшается и ничего не различить в темнотѣ. Встрѣчный пароход прошел. Только звѣзды горят в вышинѣ, и Альціона, окруженная Плеядами, как раз над головой.

10 сентября 1922 года. На «Азіи». Радостное, сверкающее на солнцѣ утреннее море. Мы, мужчины, встаем на восходѣ солнца, умываемся и приносим Нинѣ утренній кофе в постель. Как пріятно ранним утром выйти на палубу и осмотрѣть раньше других горизонт в надеждѣ увидѣть какой-нибудь встрѣчный корабль, или остров, или берега Греціи. Увы, мы не подойдем к Греціи, а увидим ея берега лишь издали. Вот нѣсколько парусников — это рыбацьи суда.

Мы приближаемся к какому-то островку и проходим совсѣм близко от него. Какой одинокій и какой красивый лѣсистый остров! Мы вспомнили стихотвореніе в прозѣ Тургенева:

«Вспомнилось мнѣ старинное сказаніе о том, как в первом вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, один греческій корабль плыл по Эгейскому морю. Час был полуденный ...Стояла тихая погода. И вдруг, в высотѣ над головою кормчаго, кто-то явственно произнес: «Когда ты будешь плыть мимо острова, воззови громким голосом: «Умер великій Пан».

С нами была книжка Тургенева и мы прочли эти двѣ страницы полностью, хотя значительную часть их мы знали наизусть.

И, когда мимо нас проплывали новые острова, мы говорили: «Воззови

громким голосом: 'Воскрес, воскрес великій Пан'». И нам казалось, что вѣтер привѣтливѣе шумѣл в снастях нашего парохода, — может быть это и были голоса нимф и дриад.

Но вот, наконец, остров с признаками человѣческаго жилья. Бѣлыя стены и бѣлыя строения. Зеленые холмы и еще бѣлыя стѣны и еще зеленые холмы, исполосованные, точно рыболовной сѣтью тонкими линиями тропинок — слѣдами пасущихся здѣсь овец. На холмах что-то вродѣ древних развалин, да как им и не быть здѣсь, когда этот остров находится в самом центрѣ древней человѣческой культуры. Может быть хитроумный Одиссей посѣтил в свое время этот остров, может быть Аргонавты в походѣ за золотым руном дѣлали здѣсь привал — кто знает? И кажется нам, что ничто не измѣнилось с тѣх пор — ни глубокое южное небо, ни глубокое синее море, ни очертанія островов, ни овцы на склонах гор — вот только одни люди измѣнились и, я думаю, никак нельзя узнать в теперешних толстоногих гречанках классических богинь. Но что-то есть общее у здѣшних берегов с нашим Кавказом. Это может быть потому, что и Кавказ и Греція долго были под турецким владычеством. Как бы то ни было, но мнѣ в виду Греции еще легче вспоминать наш Тифлис.

*

Продолжаю читать Ванины записки. Сегодня о папѣ.

Папа родился 19 іюля 1836 г. в Глуховѣ Черниговской губерніи, или вѣрнѣе, в окрестностях Глухова, в деревнѣ Кривonosовкѣ. Отца папы звали Иван Несторович. Про него мы почти ничего не знаем. Папа мало говорил о нем, хотя, очень любил его. По-видимому, он был незаурядной личностью — такое впечатлѣніе остается от тѣх отрывочных свѣденій, которыя дошли до нас. Женился он на сосѣдней, глуховской же помѣщицѣ Ираидѣ Петровнѣ Гриневиц — нашей бабушкѣ.

Дѣдушка, Иван Несторович, умер молодым, когда папа еще учился в Черниговской гимназіи. Он был высокого роста. Болѣл чахоткой и лѣчился кумысом и для этого купил кобыл. Когда папу перевели из третьяго класса не в четвертый, а во второй, дѣд его выпорол с помощью солдата.

Дѣдушка очень любил басни Крылова, заставлял папу читать их вслух. Одна из любимых басней была «Сочинитель и Разбойник». Если прочесть из рабочей тетради папы (в серединѣ этих «Воспоминаній»), то видно, как он строго порицал литераторов, которые создали «психоз, затмивший всѣ головы». А если прочесть именно эту басню, то ясно, что папа унаслѣдовал эти же чувства через своего отца от Крылова.

Сокращать басни трудно и нехорошо, а потому и привожу ее полностью:

СОЧИНИТЕЛЬ И РАЗБОЙНИК

*В жилище мрачное тьней
На суд предстали пред судей,
В один и тот же час: грабитель
(Он по большим дорогам разбивал
И в петлю, наконец, попал);
Другой был славою покрытый сочинитель:
Он тонкій разливал в своих твореньях яд.*

Вселял безвърие, укоренял разврат,
 Был, как сирена, сладкогласен
И, как сирена, был опасен.
 В аду обряд судебный скор;
Нът проволочек бесполезных:
 В минуту сдѣлан приговор.
 На страшных двух цѣпях желѣзных
 Повѣшаны больших чугунных два котла:
 В них виноватых разсадили.
Дров под разбойника большой костер взвалили,
 Сама Мегера их зажгла
И развела такой ужасный пламень,
 Что трескаться стал в сводах адскій камень.
Суд к сочинителю, казалось, был не строг:
 Под ним сперва чуть тлѣлся огонек;
Но там, чѣм далѣе, тѣм боль разгорался.
 Вот вѣки протекли, огонь не унимался.
Уж под разбойником давно костер погас;
 Под сочинителем он злѣй с часу на час.
 Не видя облегченья,
Писатель, наконец, кричит среди мученья,
 Что сираведливости в богах ни мало нът;
 Что славой он наполнил свѣтъ,
 И ежели писал немножко вольно,
 То слишком уж за то наказан больно;
Что он не думал быть разбойника грѣшней.
 Тут перед ним во всей красѣ своей,
 С шипящими между волос змѣями,
 С кровавыми в руках бичами,
Из адских трех сестер явилася одна.
 «Несчастный!» говорит она:
 «Ты-ль Провидѣнїю пеняешь?
И ты-ль с разбойником себя равняешь?
Перед твоей ничто его вина.
 По лютости своей и злости,
 Он вреден был,
 Пока лишь жил;
А ты... уже твои давно истлѣли кости,
 А солнце разу не взойдет,
Чтоб новых от тебя не освѣтило бѣд.
Твоих твореній яд не только не слабѣет,
Но, разливаясь, вѣк от вѣку лютѣет.
Смотри (тут свѣтъ ему узрѣть она дала),
 Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которых ты виною!
 Вон дѣти, стыд своих семей,
 Отчаянне отцов и матерей:
Кѣм ум и сердце в них отравлены? — Тобою.
 Кто, осмѣяв, как дѣтскія мечты,
 Супружество, начальство, власти,

Им причитал в вину людскія всѣ напасти,
 И связи общества рвался расторгнуть? — Ты,
 Не ты-ль в приманчивый, в прелестный вид облек
 И страсти и порок?
 И вон, опоена твоим ученьем,
 Там цѣлая страна
 Полна
 Убійствами и грабежами,
 Раздорами и мятежами,
 И до погибели доведена тобой!
 В ней каждой капли слез и крови ты — виной.
 И смѣл ты на богов хулой вооружиться?
 А сколько впредѣ еще родится
 От книг твоих на свѣтъ зол!
 Терпи-ж: здѣсь по дѣлам тебѣ и казни мьра!»
 Сказала гнѣвная Мегера —
 И крышкою захлопнула котел.

Да, трудно было бы написать лучше, чѣм написал Крылов и для наших дней...

Наш папа был большой патриот своей Черниговской губернии и готов был считать черниговцев за отдѣльный, совершенно особенный тип, чуть ли не народность — древних сѣверян, уцѣлевших несмотря на то, что они находятся на границѣ меж русских, малоруссов, бѣлоруссов, поляков и литовцев. О Глуховѣ папа всегда вспоминал с нѣкоторым умилѣніем. Мы не знаем жизни этих маленьких городишек. Папа в 1909 году ѣздил туда и вернулся совершенно умиленный. До этого, со дня поступленія на службу, он ни разу не был на своей родинѣ. Какая-то земля и ему там причиталась, но он не интересовался ею, потом ею воспользовались другіе родственники. Вот что наш отец кратко написал по поводу своих предков в небольшой книжкѣ, изданной им в 1911 году и посвященной своему сыну и нашему брату Мишѣ:

«Предки по отцу принадлежали к расположенной в верховьях рѣки Десны и Сейма, группѣ, служившей с древнѣйших времен как бы связующим звеном между малорусскою, бѣлорусскою и великорусскою народностями».

...Как пріятно нам теперь думать о наших русских рѣках: представить себѣ Десну, когда весною она разливается на много верст, когда в воздухѣ и в яркой зелени порхают и щебечут птицы. Там, около города Глухова, расположены селенія Гамалеевка, Пироговка и Береза, гдѣ в 1836 году родился наш отец. Как давно это было и иногда хочется мысленно представить себѣ тѣ времена. Отец родился больше ста лет тому назад, в 1836 году, когда еще жил Пушкин. Еще один год оставался до его убійства. Лермонтов только еще начинал свое поэтическое поприще. Молодым Государем вскорѣ стал Александр II; начиналась эпоха реформ. При нѣкотором воображеніи можно представить себѣ еще болѣе далекое прошлое. Когда люди говорят о своих славных предках, то обычно слушающіе думают: «Ну, вот нашелся!» Но все же и пріятно и интересно нам представить себѣ тѣ далекія времена — увидѣть на улицѣ Глухова казачьих атаманов и «генеральных есаулов» Гаммалея, Скоропадского и Хмѣльницкаго, у которых были

полковники Пантюха и Максим Кривonosовы. Бантыш-Каменскій описывает их «брань с кровожадным Вишневым» и говорит, что они «отличались от-важною и свирѣпостю». Пантюхъ и его потомкам принадлежала деревня Кривonosовка и от него произошли Пантюховы. Около ста лѣтъ до рожденія моего отца, во времена Нестора Пантюхова, Глухов был как бы столицею, стольным городом гетмана Разумовскаго. В тѣ времена Глухов был окружен хотя и примитивными, но все же укрѣпленіями-стѣнами, валами и рвами с водою. А еще раньше здѣсь, повидимому, был важный пункт удѣльнаго княжества, входившаго в состав Новгород-Сѣверскаго края... Теперь, конечно, никто в тѣх краях не помнит и не передает преданія прошлаго и только стѣны старых соборов и церквей, если они сохранились, молчаливо говорят о далеком прошлом.

...Ваня пишет мнѣ: Ты просишь вспомнить какая-нибудь обычныя и привычныя папины фразы. Такія, кажется, действительно были. Но я почти ничего вспомнить не могу. Он часто говорил к случаю стихами из Пушкина или цитатами из «Горе от ума» или из басен Крылова.

Напримѣр, если кто-нибудь сваливал свою вину на постороннія обстоятельства, он говорил: «Москва, вишь, виновата!» Или, когда кто читал плохо: «Да не читай как пономарь, а с чувством, с толком, с разстановкой». Впрочем, мы всѣ тогда были напичканы стихами и кстати и не кстати мы цитировали их на каждом шагу. Напримѣр, если кто плакал — мы пѣли: «Не плачь, дитя, не плачь напрасно». Если кто громко смѣялся, то говорили: «Что ты ржешь, мой конь ретивый». Если кто боялся, — «трусоват был Ваня бѣдный». Если кто перенимал у другого, «а без ума перенимать и, Боже сохрани, как худо», это все говорили мы, молодежь.

Утром, если пора была вставать, папа говорил: «Нѣкоторые еще спят» — и говорил это громко, так что мы нехотя просыпались. Иногда он говорил: «Желающіе могут вставать», и сдергивал при этом одѣяло. А послѣ обѣда: «Засим можно вставать». Только в рѣдких случаях мы позволяли себѣ вставать из-за стола раньше его.

...Папа учил нас быть самоувѣренными, не робѣть. Ваня говорит:

«Раз я ѣхал с папой на тифлисском трамваѣ, а он мнѣ громкогласно читал цѣлую лекцію на эту тему, и я до сих пор помню из нее одну фразу: «Смотри на людей как на гусей, не обращай на них вниманія, а иди к своей цѣли». В нас, действительно, было много робости, застѣнчивости и я тогда на трамваѣ не знал куда деваться, мнѣ казалось, что всѣ пассажиры на нас смотрят с ужасом... К достоинству наших родителей надо сказать еще то, что у них не было любимчиков, всѣ мы были одинаково любимы. Временами, во время болѣзни, или, готовясь к отъѣзду, кто-нибудь, конечно, выдвигался на первый план, но это в порядкѣ вещей. Все это не мѣшало, конечно, им смотрѣть на каждого из нас по-разному. Тебя, Олег, напримѣр, папа с ранних лет воспитывал, повидимому, в военном духѣ и тебѣ, кадету, иногда, я помню, внушал презрительное отношеніе к «штафиркам». Почему-то, совершенно теперь не знаю почему, мы смотрѣли на всѣх свысока, а ты особенно. Когда поступил в корпус, ты и на нас стал смотрѣть свысока, как на ничтожных штафирок. В этом тебя и папа поддерживал. Все это впослѣдствіи выработало из тебя того высокомернаго человѣка, который иногда и снисходил...»

...Не скажу, чтобы Ваня был прав в этих своих заключениях. Я думаю, что «собака зарыта» была в другом: в моем чрезмерном самолюбии, появившемся во мнѣ, как слѣдствие многих «обид», огорчений и недостатков моих. Ваня продолжает:

«Мнѣ отец говорил, что вообще образование чепуха, особенно русское, а надо быть энергичным и предприимчивым. Я даже помню раз в саду у Поповой под курагой, — не помню, он что-то там работал, я был реалистом, он тогда говорил: «Русскій человек очень умен, но, если он кончил школу, он глупѣет, а если гимназію, то еще больше, а если университет, то уж дѣлается так глуп, что ничего не в состояніи сообразить и может быть только чиновником. С Юшей, и особенно Колей, когда он пріѣзжал, он говорил часто серьезно и заводил разговоры на свои любимыя темы — антропологии и этнографии. Но особенно он часто говорил с Мишей — о поэзии, о классиках, о философии. Чтеніе и декламация, которыя были раньше дѣлом общим, это перешло всецѣло в Мишины руки, так же, как постепенно перешла к нему и наша библиотека.

Возможно, что папа предвидѣл в Мишѣ талант, если не гений. А сам он всегда был неравнодушен к поэзии, философии и конечно, с удовольствіем говорил с Мишей».

*

...Снова вечер. Мы приближаемся к берегам Греции. Сколько раз, сидя на школьной скамьѣ в корпусѣ, я уносился мысленно сюда и кажется, не было на земном шарѣ болѣе привлекательнаго, чѣм эта самая Греція, к которой мы приближаемся, и, которую, может быть, едва увидим издалека.

11 сентября 1922. Встал пораньше, на восходѣ солнца и был вознагражден. Мы видѣли краешек Греции — ея юго-западный полуостров. Это Лакедемонт, Спарта. Может быть то, что мы видим, это ужасная Тарпейская Скала, свисающая над морем, откуда сбрасывали слабосильных дѣтей...

До сих пор помню наизусть кое-что из исторіи Спарты:

«Ликург был сын спартанскаго царя Эвнома, который однажды, желая разнять драку, получил удар ножом и умер. Должен был наследовать ему сын его Полидент, но Полидент также скоро умер и власть перешла к Ликургу»...

Как видно, цари были здѣсь запросто, за панибрата, когда на улицѣ — должно быть это было на улицѣ — разнимают драку...

Как бы хотѣлось возобновить в памяти древне-греческую исторію и высадиться гдѣ-нибудь здѣсь на этом выжженном скалистом берегу. Ходить бы нам тут всѣм семейством по Пелопоннесу, писать этюды и... ѣсть овечьей сыр.

Перламутровая скала над морем тускнѣет, становится меньше и пропадает во мглѣ. Сказка прошлаго кончилась. Начинается проза. Пароход наш стало покачивать и многіе из пассажиров ушли вниз. Дѣти наши крѣпятся и приносят мамѣ ѣду в каюту.

Олег и Игорь — это, кажется, для нас главные источники пароходных новостей. Они познакомились со многими нашими спутниками и сегодня сообщили, что мы идем прямо в Африку, в Алжир. Что мы не остановимся в Италіи большое для нас разочарованіе.

...Принимаюсь снова за свой старый 1895-1896 года дневничек с записками брата Вани:

«Я, как и ты, пишу урывками и потому тоже так отрывочно и без плана, — что вспомнишь. Если не запишешь, забудешь. Иногда забудешь уже через минуту...

Всѣ мы любили купаться. И папа и мама хорошо плавали, хотя мама и не вразмахку. Мы с Юшей плавали еще в Кіевѣ, когда мнѣ было семь лѣтъ, но усовершенствовались в Одессѣ. Заплывали далеко в море. Нырjali в прозрачную воду, иногда сажени на двѣ в глубину, доставая со дна камушки и ракушки. Я и теперь иногда удивляю публику, ныряя в длину сажень на пятнадцать. Папа это поощрял и иногда с часами в рукѣ слѣдил, кто дольше будет под водой.

Перед отъѣздом из Одессы в 1886 году — кажется это было глубокой осенью — пошли с папой на прощанье всей компаніей купаться. И выкупались, несмотря на совершенно ледяную воду.

Мама, в хорошую погоду, готова была цѣлые часы проводить в водѣ. Изрѣдка брали лодку и катались. На лодкѣ катались и в Петербургѣ по Невѣ и Черной Рѣчкѣ, будучи в Лѣсном на дачѣ, по прудам. Особенно мнѣ памятно, как мы вчетвером под предводительством Юши, собрав денег на прокат лодки на час, брали лодку самостоятельно и катались по какому-то пруду с массой заливов, проливов, каналов. Было очень весело, но и опасно. И как это нам давали на прокат лодку...

Однажды в одном из проливов мы обо что-то стукнулись и кто то из нас, не то ты, не то Миша, упал в воду. Насилу мы его вытащили за шиворот. Мокраго и грязнаго привели домой и разоблачили наш секрет, так как мы катались без разрѣшенія.

В Лѣсном мы — я и Юша (вы с Мишей были малы, а Коля велик), научились здорово лазить на сосны. Выбирали нарочно гладкія без сучка, высотой в двух-трех этажный дом. Там же в Лѣсном устраивали экскурсіи за грибами и ягодами.

Однажды я, Коля и Лангуст отправились куда-то очень далеко за раками. Раков, впрочем, не поймали, лишь одного я нашел случайно. Сильно устали и вернулись домой ночью.

В Кіевѣ, в 1882 году мы жили на Печерскѣ в домѣ Милейко. Однажды мы катались с Юшей на санях, вернулись с улицы, гдѣ гуляли и куда, вѣрно, нарочно отправили нас. Вдруг какая-то тетушка, которая к нам и раньше ходила, показывает какого-то ребенка и говорит, что это наш новый братец. Нас это страшно поразило. Разсмотрѣвши его как слѣдует, мы начали допытываться, откуда он взялся. Тетушка объяснила, что нашла его у нас под крыльцом. Мы совершенно повѣрили этому. И потом часто заглядывали под крыльцо и лазили под лѣстницу, надѣясь найти еще одного мальчика. Ждали дѣвочку и мама очень ее хотѣла. Предполагали ее назвать Ольгой, но явился ты. И чтоб хоть чѣм-нибудь утѣшить маму, папа придумал назвать тебя Олегом, вмѣсто Ольги. Но все-таки мама всегда жалѣла, что у нея не было ни одной дѣвочки. Отчасти по этому она вѣрно так легко привязывалась к разным дѣвицам. Были Татьяна Павловна, Нина Николаевна, Марья Михайловна и другія. На нѣжности мы способны не были, а мама в них очень нуждалась».

ГЛАВА II

Мое дѣтство в Петербургѣ. Дневник отца. Кнорринги и их старинное имя. Мамина вѣра. «Я потерялся».

12 сентября 1922. На пароходѣ «Азія». Качает не на шутку. Мы все еще идем к югу от Адриатического моря и, говорят, что здѣсь всегда качка. Если не ошибаюсь, здѣсь, гдѣ-то на югѣ Италіи, находились Сцилла и Харибда.

Мы не подходим близко к Италіи и не увидим ни этих утесов, ни Везувія, ни тѣх мѣст, гдѣ сирены плѣняли Одиссея...

Рядом с нашей каютой помѣщались армянки, ѣдущія к своим мужьям в Америку. Эти армянки никак не могли сообразить, что мы ѣдем на запад и что надо часы каждый день переводить назад, поэтому онѣ вставляли каждый день раньше и раньше. Сегодня уже онѣ поднялись до разсвѣта и мѣшали всѣм нам, а в особенности Нинѣ, спать. Интересно знать, что будет дальше?

Когда мы, всѣ четверо, во время качки лежим пластом, мы чувствуем себя недурно и я прошу в таких случаях Нину рассказать нам что-нибудь из прошлаго. Это она делает охотно и весело — можно заслушаться, как она образно и живо рассказывает.

В моей письменной передачѣ, конечно ничего похожего на это не выйдет, и мнѣ это очень жаль.

Сегодня Нина рассказывала про Фреда Татарина, младшаго сына почтенных русских балтійцев, дальних родственников Нины. Фред был лѣтъ на двѣнадцать моложе Нины. Когда ему было четыре года он был очень миленькій и волосы у него были как у золоторуннаго барашка. Гости любили поглаживать его по золотисто-рыжему «руну». Однажды, когда его спросили, пришедшіе к родителям гости: «Ну, как тебѣ нравится твой Бѣлосток?» Маленькій нѣмецкій Чичиков отвѣчал бойко: «Каждый должен любить свой родной городок».

Тот же малыш, когда его родителей не было дома, заводил граммофон и, пользуясь тѣм, что его отец директор мѣстнаго банка, звал всѣх служащих по очереди слушать музыку и брал с них по десять копѣек за вход... Отец его, когда узнал про это, то поспѣшил вернуть эти деньги. Это было тогда, когда, Фреду исполнилось семь лет.

Когда ему было четырнадцать, он учился в петербургской Аннен Шуле и был очень горд своим знакомством с титулованными одноклассниками. Когда его пригласил к себѣ домой кто-то из князей, то Фред очень волновался и приставал к своей матери с вопросами: как надо здороваться с князьями. Мать его, Нинина тетя Магда, отвѣтила тогда: «Стань перед ними на колѣни»...

Дѣти охотно слушают мамины рассказы и всѣ мы переносимся мысленно туда, обратно в далекую нашу Россію. Гдѣ-то теперь родственники Нины?

Гдѣ Татарины, гдѣ Фехнеры, гдѣ Кирштейны, гдѣ Берта Рулле, гдѣ Добровольскіе, Рихтеры и Боресковы?

*

По полудню море стало спокойнѣе и мы вышли снова на палубу. Встрѣтили наших компатріотов, ѣдущих в Америку. Их только двое: молодой безрукій офицер доброволец с нѣмецкой фамиліей, котораго мы будем попросту звать Макс, и еще один менѣе общительный и болѣе нелюдимый по фамиліи Лебедев.

Главный вопрос, который нас сегодня больше всего занимает это — вопрос увидим ли мы, и насколько хорошо увидим, землю. Конечно, Колумб ждал земли еще с большим нетерпѣніем, но наше нетерпѣніе тоже велико, потому что берега Италіи для нас с Ниной представляют особую прелесть. Как жаль, что пароход наш не заходит в Неаполь, как это он дѣлает в свои обычные рейсы.

Земля показалась как-то вдруг, когда мы устали смотрѣть на море. Вот она «Италія, священная царица».

*Гдѣ нынѣ скипетр твой и лавровый вѣнец?
Разломана твоя золотая колесница,
Раскрыты двери в твой дворец...*

Впрочем, это всего только Сицилія. Королевство обѣих Сицилій... Мы опять забыли, почему «обѣих»...

Всматриваемся в огромный зеленый скат берега, тянущейся куда-то далеко, далеко. Полузакрытая облаками Этна направо, а внизу по склонам сады, виноградники, апельсиновые роши и крохотные домики. Рѣдко-маленькія деревни из нѣскольких домов, но ни одного городка на всем этом, казалось нам, безконечном берегу мы не замѣтили.

Берег тянется час, другой, а склон гор все тот же и нѣтъ почти никаких разнообразій и неожиданностей в очертаніях вершин, будто это одна гора тянется на сотню верст. Или, может быть, это впечатлѣніе получается у нас потому, что мы смотрим на берег с такого далекаго разстоянія как с птичьего полета, или с аэроплана: все кажется однообразным и незначительным. Так бывает и в жизни: что нас волнует и занимает вокруг нас, вблизи — кажется нам чрезвычайно важным и большим, становится крохотным и едва замѣтным, когда отойдешь на нѣкоторое разстояніе и отрѣшишься от своего чисто личнаго, субъективнаго взгляда на предмет. Если бы большее количество людей умѣло это дѣлать, было бы меньше людей, которые увѣрены, что они «всегда правы» и меньше было бы на нашей землѣ ошибок и маленькаго и большого калибра. Может быть, если бы Франц Юсиф догадался посмотреть на сараевское убійство по-хладнокровнѣе, «со стороны», не случилось бы этой войны и мы не плыли бы теперь куда-то за тридевять земель...

*

...Снова мысли переносятся в далекое прошлое и я пишу о нем, то есть привожу сначала Ванины записки:

Слѣдовало бы описать получше тебя, но вряд ли найду краски и слова. Еще в Петербургѣ ты, как равноправный наш товарищ — хотя тебѣ и было три года — гулял с нами, играл, а иногда и дрался. В Тифлисѣ же мы на тебя уж не смотрѣли, как на маленького и ты с нами лазил по горам и играл в карты, тѣм болѣе, что у старших, а главное у Юши, было еще много дѣтскаго и мы сами увлекались какой-нибудь дѣтской игрой охотнѣе, чѣм серьезным дѣлом. К тому же ты был всегда молодец, а ростом и физическим развитіем догонял Мишу. Характером был настойчивый и твердый. Из твоего СПБ письма: ты пишешь Мишѣ, что Ольга Семеновна ничуть не удивилась, что он стал писателем и сказала, что она это знала еще тогда, когда ему было пять лѣтъ, так же она знала, что ты будешь военный, потому что был настойчивым и никогда не уступал ни в чем, даже Глафирѣ. Досталось и мнѣ один раз от тебя. Я только что поступил в реальное училище. Не помню из-за чего вышло дѣло, но ты бросил мнѣ камнем в лицо и разсѣк щеку. Хотя ты спрятался в самое безопасное мѣсто, то есть за маму, я тебя, конечно за это вздул как слѣдует.

*

13 сентября 1922 г. На пароходѣ «Азія». Идем теперь прямым рейсом в Алжир. Снова безкрайняя гладь моря и мы погружаемся в наши маленькія пароходныя новости. Нѣкій Костя открыл в своей каютѣ, недалеко от нашей, парикмахерскую и берет за стрижку безбожную цѣну — пятьдесят американских центов. Он увѣряет, что такая цѣна установлена в Нью-Йоркѣ — слабое утѣшеніе. В Константинополь мы платили только 20-30 піастров, то есть в пять раз дешевле. Во всяком случаѣ сосѣд Костя имѣет уже хорошій business, и его компаніюты одобрительно на него поглядывают.

Вспоминаем, видѣнную вчера Сицилію. Жаль, что никто не мог нам перебросить оттуда газет. Муссолини в трудный момент взял власть в свои руки и спасает свою страну. В Константинополь у итальянских скаутов начальником был отставной офицер, славный человек, с которым мы не раз бесѣдовали по душѣ. Не знаю, притворялся ли итальянец, или он и вправду не мог понять — как это мы могли допустить воцареніе большевиков. По его словам, уже довольно давно в Италіи сорганизовалась партія, которая ни за что не допустит в Италіи большевизма. И вправду, появился Муссолини, который один на вѣсах вѣсит гораздо больше, чѣм вся его партія... А вот у нас нѣтъ русскаго Муссолини. Неужели Бисмарк был прав и нам без руководства извнѣ, без «варягов» или без нѣмцев не обойтись.

*

Сегодня я перечитал третье, по старшинству, из имѣющихся у меня писем. Это от маминой сестры Аделаиды Кнорринг. Мамину маму, а мою бабушку, тоже звали Аделаида. Когда, мальчиком, я ходил к причастію и составлял дома записки, чтобы подать их священнику, мама диктовала мнѣ: «Владимір — это мой маленькій брат, Ираиды — это папина мать, Іоанна — папин отец, и Аделаиды и Аделаиды». Мама хотѣла, чтобы мы всегда молились за них, «об Упокоеніи». И вот письмо передо мною. Пожелтѣвшая бумага и порыжевшія чернила. Письмо написано в 1868 году в Кіевѣ и адресовано в Балту моим родителям. Почерк не установившійся, почти дѣтскій:

«Милые, дорогие мои Оличка и братец Иван Иванович!

Я с величайшим удовольствием получила и читала ваши письма. Мнѣ было очень от-
радно их читать. Я знаю, милая Оличка, что ты пережила мои годы и что ты мнѣ всегда
хорошее посовѣтуешь, за что я тебѣ очень благодарна.

Я изучаю восемь предметов, большей частью под руководством моего милого ментора,
кандидата, доктора математики Казанскаго университета.

Зачѣм Вы, братец, называете алгебру и англійскій языкъ горькими... Совсѣм нѣтъ!

Да, Оличка, Когда мамочка была больна, то никого из нас не было при ней... Кузина,
да что... она ни разу и не зашла спросить маму о здоровьѣ. Я в это время не знала, что
дѣлать.

Да тут еще Александр Егорыч заболѣл, просто бѣда! Я его так люблю, яко бы отца
родного.

Да, милые мои, сестрица и братец, многое улетучилось из моей памяти, и теперь моя
родина — корпус.

Оличка! Ты просишь, моя милая, написать тебѣ мои мечты. Ох! Столько их, что
если бы их всѣ описать, то я думаю, не хватило бы стопы бумаги. Во-первых, я мечтаю,
выдержавши экзамен, продолжать учиться, ѣхать за границу и пр., но это мечты невоз-
можныя.

Я мечтаю быть наставницей, вродѣ тебя.

Столько мечты у меня, что я не знаю, гдѣ они начинаются и гдѣ кончаются. В
слѣдующем письмѣ я постараюсь тебѣ написать. А теперь еще рано...

Оличка! Ты не повѣришь, сколько у меня дѣл, а все я не так собой довольна. Мнѣ
все кажется, что я мало дѣлаю, а больше времени и сил нѣтъ.

Научи меня, Олечка, чтобы казалось, что я не мало дѣлаю, а то ужасно дурное
состояніе.

Однако я черезчур расписалась, пора спать. Завтра в 6 часов вставать, а в 7 придет
г-н Вейдель учитель французскаго языка.

Прощайте, мои дорогие братец и сестрица. Цѣлую и обнимаю Вас обоих крѣпко,
крѣпко. Ваша Адя Кнорринг.

✱

14 сентября 1922. На пароходе «Азія». Открытое море. Долгій переход
по пустынному, безлюдному, вѣрнѣе беспароходному пространству. Турецкіе
греки, ѣдущие с нами, предвкушают удовольствіе сойти на берег в Алжирѣ.
У кого есть деньги и протекція, тѣ безпрепятственно поѣдут сразу же в Па-
риж, центр многих бѣженских мечтаній.

Мимо нас в разстояніи нѣскольких миль проходят быстрым ходом ан-
глійскій крейсер и нѣсколько миноносцев. Вид их напоминает нам наше
крымское житіе. Нетронутую дисциплину, военную чистоту, матросскую
выpravку и... наши несбывшіяся надежды на «настоящую» помощь гибнущей
Россіи.

...Опять миноносцы и опять крейсер. Значительное количество военных
англійских судов прослѣдовало мимо нас на восток. Это англичане посылают
подмогу своим силам в Константинополь. Не поздно ли? Впрочем ан-
глійская политика — это полная неразбериха, в конечном счетѣ ведущая
к ослабленію соперничающих с нею сильных держав.

На горизонтѣ двигается что-то странное. Ноев ковчег. Недостроенный
гигантскій пароход... Но он идет очень быстро, тѣм же ходом, как и крейсе-
ра и миноносцы... Мы никогда не видѣли еще ничего подобнаго. Нѣту труб.

Совершенно плоская, прикрывающая весь корабль палуба. Понемногу, да понемногу мы стали догадываться, что это не что иное, как плавучій ангар, начиненный внутри аэропланами.

Мы идем южною частью Средиземнаго моря, гдѣ-то около Туниса. Никогда еще нам не приходилось бывать под такими южными широтами. Тифлис, вѣдь на уровнѣ Неаполя, значительно сѣвернѣе нас.

Гдѣ-то здѣсь в Бизертѣ благодарные и дальновидные французы устроили кладбище наших военных кораблей. Уж не знаю, что лучше: Галлиполи или Бизерта... И то и другое дѣло рук французов.

*

Снова мысли уходят в далекое чудесное прошлое. Мнѣ в этом году исполнилось сорок лѣт. Все мое дѣтство прошло в то время, когда царствовал Император Александр Третій. Тогда к нам, русским, относились иначе, и французы заискивали у него. Но в сущности, не его ли крупнѣйшая ошибка была связаться с французами и не ладить с нѣмцами. Как-то уж такая злая судьба у Россіи: мы вели войны как раз с тѣми, с кѣм слѣдовало бы дружить. Не лучшее ли это доказательство против войн.

Когда я переносусь мысленно в прошлое, то начинаю особенно цѣнить все, что случайно уцѣлѣло от этого прошлаго — всѣ, так сказать, вещественныя доказательства, оставшіеся от этого прошлаго. И чѣм старше какой-нибудь порывѣвшій листок бумаги, сохранившійся у нас, тѣм с большим почтеніем я смотрю на него и вдыхаю его особенный и таинственный, свойственный только старой бумагѣ, аромат. Вот отрывок из папинаго дневника. Написано в Одессѣ, когда мнѣ было три года, а Мишѣ четыре с половиною:

«1885 апрѣля 23. Вечером Мишу вырвало, ночью рвало нѣсколько раз. Думали, что отравление мѣдною краскою конфект. 24 утром Т-ра 39,7. Краснота шеи, боль при глотаніи. в горлѣ мелкая красная сыпь. Т-ра вечером 40,5. Пульс 150-160. Ясно — скарлатина. Перенесли в мою комнату.

25: Т-ра 39, 5-40,-40,6. Все спокойно лежит полубезсознательно. В горлѣ пузырьки. Вздрагивает. Слегка бредит, говорит: «кто тут. В мѣшкѣ чѣм-то набит». Ночью попросил просфоры, взял в рот и перекрестился большим крестом. Мама соблазняет его деньгами, чтобы принимал лекарство, пил молоко. Собирает деньги и кладет в коробочку — всего 27 копѣек».

А вот еще болѣе ранняя папина запись в дневникѣ. Это еще в Кіевѣ, на хуторѣ.

«27-28 апрѣля не было дождя, а до того дожди часты, хотя и небольшія, грязи нѣт. На черемухѣ, сирени и розах листья. Крыжовник, смородина цвѣтут. Пересадили георгины в грунт. 1 мая взошел горох, кукуруза, лен. 4-5 мая зацвѣли вишни, показались цвѣты на клубникѣ. 7 мая разивѣтает сирень. Около 1 мая посажены огурцы, бобы и разная зелень».

А вот болѣе поздняя запись:

«1886 года генв. 10. 21 августа выѣхали из Одессы. 24-го Кіев. Остромысленскіе, Панченко, Волковы, наш хутор, Пріѣзд Государя... 26 Москва... 27 Питер. 26 Меблированныя

комнаты. 28 Пушкинская № 18 кв. 16. Вступление в должность. Перемѣщение Коли и Юши во вторую прогимназію...»

*

И на том же листѣ, на оборотѣ запись без даты:

«Коля по-славянски не знал правил образованія мѣстоимѣній, суффиксов и приставок, но просклонял правильно. По-гречески из Ксенофонта перевел хорошо, но слова твердо не знал. Олег раздал и разломал всѣ свои игрушки и, отыскивая какую-нибудь дѣятельность, ломает перья, жжет бумагу, истребляет и разсыпает спички. Миша старается защищать свои вещи от истребленія, но часто забывает их прятать и класть на мѣсто. Книги в беспорядкѣ, рвутся и пачкаются».

*

15 сентября 1922 года. На пароходе «Азія». Мы подходим к африканским берегам. Торжественный момент: мы впервые видим Африку. Коричневые холмы, такіе же коричневые, как и их обитатели. Мы замѣтили воздѣланные поля, фермы, но растительность скудна. Мы видѣли берег лишь издали и можем, конечно, ошибиться. А небо африканское на нас произвело сильное впечатлѣніе: нам с Ниной казалось, что оно не только глубже и синѣе европейскаго, но кромѣ того оно было разукрашено такими фантастическими, невѣроятными облаками, каких мы никогда не видѣли. И они свѣтились каким-то багровым, таинственным свѣтом. Вот он Алжир — бѣлый город на склонѣ бѣлой горы. Мы пристаем к молу. Долго ли будем стоять? Не меньше, чѣм сутки. Мы стало быть, успѣем повидать город. Сходим вниз по сходямъ на пристань и окунаемся в толпу бѣлыхъ людей, то-есть людей, одѣтых в бѣлое. Эти люди предлагают нам что-нибудь купить у них, но мы проходим мимо. Мы спѣшим в город. Нам надо размѣнять деньги. Это оказалось нелегким дѣлом, потому что в городѣ объявлена «английская недѣля». Мы долго не могли понять что это значит и какое она имѣет отношеніе к размѣну денег? В концѣ концов выяснилось, что это означает, что банки работают только пять дней в недѣлю и сегодня они закрыты. Мы все же размѣняли нѣсколько долларов в гостиницѣ и сразу же съѣли мороженого. Затѣм мы сѣли на трамвай и поѣхали в гору, чтобы посмотреть музей и ботанической сад. Лучшее всего, конечно, нетронутые цивилизаціей, красочные и оживленные туземные кварталы. Но мы наткнулись там на неприятный сюрприз: группу прокаженных женщин, направлявшуюся к нам за подааніем и мы поспѣшили удалиться и двинулись вниз по живописной улицѣ-лѣстницѣ, напоминающей нам знаменитую и так хорошо знакомую Галатскую лѣстницу в Константинополѣ. И еще напомнила нам с Ниной эта лѣстница наши тифлисскіе базары: арабы работают сидя в своих узких нишах-щелях тут же на улицѣ: сапожники, корзинщики, гончары, лудильщики, портные... Это гораздо больше, чѣм живописная арабская улица — это кусок глубокой старины. Мнѣ кажется, что сотни, а может быть и тысяча лѣтъ тому назад картина арабскаго базара была совершенно такая же. И дома такіе же, и грубые, отшлифованные арабскими туфлями, камни мостовой — тѣ же. Я думаю, что уклад жизни туземцев остался тот же, несмотря на длительное французское владычество. Французы, кажется, не имѣют ни авторитета, ни вліянія на туземцев. Вот он французскій «европейскій» город внизу у воды.

Мы не нашли в нем ничего любопытного, но с большим удовольствием заняли мѣсто на открытой площадкѣ попавшагося нам ресторана и с большим аппетитом пообѣдали, наблюдая за жизнью открывавшейся перед нами площади.

Когда мы вернулись на пароход, там нагрузка шла полным ходом. Кромѣ обычнаго груза, «Азія» приняла большой груз угля: должно быть, французскій пароход обязан был брать уголь во французском порту. Но грузят французы свои пароходы, судя по «Азіи», очень неумѣло. Мы еще раньше замѣтили, не могли не замѣтить, что наша «Азія» хромает, то есть покосилась на правый бок. Мы стали подумывать: в каком положеніи находятся спасательныя лодки и сколько их?.. Теперь мы посмотрим съумѣют ли французы с новою нагрузкой выровнять свой пароход? Постыдились бы перед встрѣчными и сосѣдними морскими гигантами... Мы не встрѣчали ни одного, даже плохенькаго, так смѣшно покосившагося, как наш. Отчего это так выходит, что пароходы, то есть состояніе пароходов, довольно точно характеризует всю націю? Нам еще в Константинополь говорили: самые лучшіе пароходы англійскіе и нѣмецкіе. Самые плохіе — итальянскіе и французскіе.

16 сентября 1922 года. На «Азіи». Весь день почти стояли в Алжирѣ и грузились. Можно было снова съѣхать на берег, но никто толком не знал как скоро окончится погрузка. Теперь мы идем уже полным «азиатским» ходом на нашей кривобокой, все еще кривобокой, «Азіи» и африканскій берег скрывается из глаз. Снова восхитительный, непередаваемый словами закат. Красивых закатов мы на своем вѣку видѣли очень много, но мы никогда не видѣли таких «драматических» тонов. Пунцово-красные и огненно-золотые тона доминировали. «Кровь и золото — вся исторія человечества», сказал Мопассан по поводу африканских закатов. И в самом дѣлѣ есть что-то заставляющее задуматься в этих широких и каких-то несуразных полосах, бороздящих африканское небо, когда уже солнце давно зашло и пора бы потухнуть небу и его облакам. А облака горят и горят, будто их уже освѣщает не солнце, а раскаленная перо сказочной жар-птицы, через все небо, а другое почти параллельно перу, но зубчатое, как пила, и еще третья полоса видна у самага горизонта. И долго, долго не мог потухнуть этот пожар над Африкой.

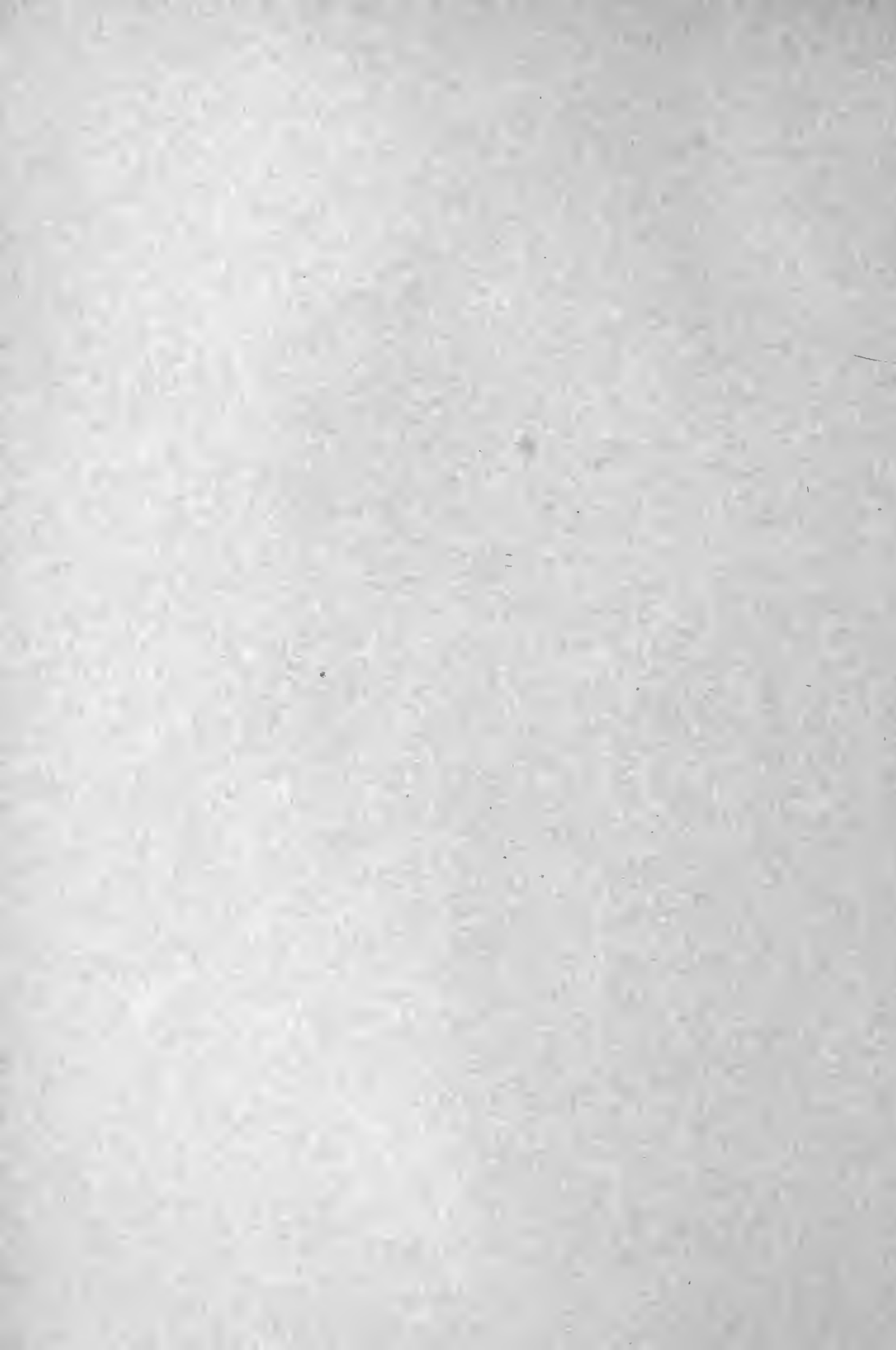
*

...Снова у меня есть время заняться «расшифровкой» наших семейных воспоминаній. Они написаны таким неудобочитаемым почерком и в таком поэтическом беспорядкѣ, что приходится тратить очень много времени, чтобы ориентироваться: Ваня пишет далѣе:

«Также мало я знаю о маминой мамѣ Аделаидѣ Платоновнѣ. Николай Густавович женился на ней в Вяткѣ. Была очень передовая и либеральная дама. Носила очки. Ты помнишь у мамы был золотой медальон — внутри портреты ея отца и матери. Совершенно не знаю куда он исчез. Мамина мама умерла во время операциі рака в Кіевѣ, когда мама была в Балтѣ. Сестра бабушки Анна Платоновна вышла замуж за какого-то Горнет. Умерла она, кажется, в 1903 году. Я на похоронах не был, только мама и папа. Похоронили на Кирилловском кладбищѣ. Когда папа сдѣлал предложеніе мамѣ, не всѣ родные ея были этому рады. Одна из ярых противниц этого брака была эта тетка — она находила папу старым: ему было 35 лѣт, а мамѣ 18 — и не достаточно знатным. Когда мы уже были на хуторѣ,

Наш дѣд — Николай Густавович ф. Кнорринг.

в разговорѣ с папой о теткѣ я замѣтил, что он еще не забыл этого и не простил ей. В год папиной женитьбы наш дѣдушка, Николай Густавович, был завѣдующим Кіевским госпиталем. Наставали уже новыя времена и Николай Густавович, по словам мамы, на тѣ деньги, которыя его предшественники крали, меблировал весь госпиталь и устроил новыя кровати.

Первый раз Николай Густавович женился двадцати одного года, в 1848 году на нашей бабушкѣ Аделаидѣ Платоновнѣ Малѣевой. Овдовѣвши в Кіевѣ в 1871 г., он через год женился второй раз — на Маріи Семеновнѣ Гвоздевой, от которой у него родилось шестеро дѣтей — наших «дядюшек» и «тетушек».

...Ты помнишь наши старыя серебряныя ложки. На них вензель: «Е. Н.» Я как-то спросил маму, откуда эти инициалы? Она отвѣтила: — Не знаю, может быть Нарышкиных, у нас были в роду Нарышкины. — И я потом в какой-то исторической книгѣ читал, что какая-то из Нарышкиных была замужем за Кноррингом. Наши Кнорринги были фон Кнорринги. Говорят когда-то были три брата. Один дослужился до барона, второй до «фона», а третій так и остался просто Кнорринг.

Приходится отмѣтить, что большинство русских людей, в том числѣ и мой отец, погруженный в науку, и мой дѣд мало интересовались своими родословными, но все же нам удалось возстановить имена наших предков. Я буду писать об этом только вкратцѣ.

Мой прадѣд и дѣд моей матери, Густав Адольфович фон Кнорринг, родился в 1794 году, служил в Московских драгунах, был на Турецкой войнѣ майором, заслужил орден святого Владиміра в 1829 году. Он был женат на Наталіи Спиридоновой. Кто-то списался с авторитетными геральдическими учрежденіями в Швеціи и получил имена наших предков по родословным книгам Кноррингов. Вот что мы читаем о предках моего прадѣда, Густава Адольфовича. В тринадцатом от меня поколѣніи упоминается «Иван Голицын (1555-1581), первый воевода Новгорода», а еще шесть поколѣній старше: «Князь Юрій Патрикеевич женился на княжнѣ Маріи, дочери Димитрія Донского». А за Димитріем Донским имена, коими можно было бы возгордиться и вспомнить крыловское: «Да ваши предки Рим спасли». В родословной книгѣ стоят имена Ивана Калиты, Александра Невского, Владиміра Мономаха...

Конечно, как-то совѣстно (не знаю каким словом выразить это чувство), когда упоминаешь такія великія имена, но если они значатся в родословной, то все же, «да вѣдают потомки православных», и в частности наши потомки, давно прошедшія времена. На нашей родинѣ из чувства самосохраненія пришлось бы скрывать всѣ эти имена, а здѣсь, на свободѣ, можно все рассказать и стараться черпать от ушедших поколѣній и любовь к Россіи и примѣры доблести.

Но вернемся снова ко времени нашего ранняго дѣтства, которое я едва помню. Вот отрывок из воспоминаній брата, 1885 года:

«Пріѣхав из Кіева в Одессу, мы остановились в гостиницѣ. Однажды, уложивши тебя с Мишей спать, мы отправились вечером гулять и, возвратившись, застаем вас крѣпко спящими. Было жарко и вы лежали полуголые, без одѣяла, оборотаясь друг к другу лицом. Ты, воинственно сжав перед лицом кулаки и широко, шагнув ногами. Миша, молитвенно сложив перед собою руки и, согнув в колѣнях ноги, — будто на колѣнях. Я до сих пор запомнил позы и все, и так как папа с мамой очень долго любовались вами и предрекали вам, конечно шутя: «Олег будет воин, а Миша святой». Миша, правда, умер, как святой».

...Из Одессы мы переѣхали в Петербург, гдѣ папа получил должность в Главном Медицинском Управленіи в 1886 году.

Одним из первых моих воспоминаній я считаю слѣдующее: Я сильно болѣл бронхитом, почти задыхался. Должно быть это была астма, дававшая о себѣ знать и впоследствии. Не помню, я ли попросил, или мама сама дала мнѣ ложку святой воды. Вода эта всегда стояла в бутылочкѣ за стеклом у образа Казанской Божьей Матери. Этот образ теперь находится у Лены. В. в Москвѣ. Я очень любил этот образ. Там всегда за стеклом стояли вѣнчальные свѣчи, просфора, или артос, полученный от архіерея, святая вода с водосвятія. Перед этим образом я молился, повторяя за мамой слова. Как только я выпил святой воды, сначала перекрестившись и с вѣроу, как предупредила меня мама, я почувствовал, что мою болѣзнь «как рукой сняло» и я вскорѣ заснул здоровым, крѣпким сном. Помню, что на меня это произвело очень сильное впечатлѣніе и я рѣшил, что никогда в жизни не забуду того, что случилось. А мама ничуть не удивилась и видно было, что для нея это дѣло естественное и иначе и быть не могло. Как она хорошо вѣрила. Как хорошо было стоять перед нею в церкви, гдѣ-нибудь сбоку в сторонкѣ, у стѣны и искоса посматривать на маму и чувствовать, что она молится за нас малышом и вѣрить вмѣстѣ с ней, что все будет хорошо и что Бог поможет, Бог заступится, Бог научит. И свѣчи было хорошо ставить перед образами Божьей Матери и Спасителя и класть монету на тарелку, или подавать при выходѣ из церкви нищему.

16 сентября 1922 года. На «Азіи». Удивительно медленно идет наша «Азія». Судя по тому, что мы уже больше десяти дней в пути и все еще не добрались даже до Испаніи, мы дѣлаем не больше восьми узлов. А в конторѣ Фабр Лайн безо всякаго зазрѣнія совѣсти утверждали, что мы через три недѣли будем в Америкѣ. Продукты, которые мы взяли из Константинополя, приходят к концу, а парходная ѣда с каждым днем становится хуже и хуже. Покачивается, но мы по-видимому уже немного привыкли к качкѣ. Иногда Игорь бѣгает за кипятком, иногда мы с Олегом приносим ѣду в каюту.

Дѣти в общем ведут себя очень хорошо. Надѣюсь, что у них в концѣ концов совершенно исчезнет это ужасное чувство соперничества, которое так портит им жизнь. Вспоминаю слова царскосельской Тюли Даниловой: «У вас два сына, как бы не вышло так, что они станут враждовать друг с другом, это часто так случается, когда два брата начинают соперничать». Я тогда горячо возражал: «У нас в семьѣ было пять братьев и всѣ были очень дружны и никто никому не завидовал, а наоборот всѣ помогали друг другу и радовались успѣхам других братьев.» Мы с Ниной вспоминаем то время, когда родился Игорь и мы были в нерѣшительности, как его назвать и остановились на Игорѣ, думая, что Олег и Игорь — имена подходящія для двух друзей.

...Однако вернусь к тому времени, когда мнѣ было четыре года, а Мишѣ почти шесть. В Петербургѣ наша семья была очень большая, потому что нельзя же было не считать в числѣ нашей семьи всю многочисленную семью дѣдушки Николая Густавовича, у котораго было столько же дѣтей, сколько у нас и всѣ почти такого же возраста. Только мачеху этих дѣтей — наших «дядюшек и тетюшек» — Глафиру мы никак не соглашались включить в число нашей семьи. Дѣдушка, Николай Густавович, был возраста нашего папы. Послѣ смерти его второй жены, Маріи Семеновны Гвоздевой, он женился в третій раз в 1882 году на Глафирѣ Павловнѣ Ковалевой. Николай Густавович в то время уже был генералом и занимал должность, если не ошибаюсь,

секретаря Російскаго Краснаго Креста. Жили Кнорринги гдѣ-то около Инженернаго Замка в очень просторной и удобной казенной квартирѣ. Какія там всегда бывали высокія елки на Рождество, какія большія комнаты и отличный гимнастическій зал! В этом залѣ мы устраивали всевозможныя игры. Особенно мы любили игру в «поѣзд». Для этой игры стулья ставились вереницей один за другим и изображали вагоны. Все было «по-настоящему»: билеты, звонки, крики кондуктора: «Станція Шамайка из вагона выльзайка»... Кто-нибудь по очереди изображал паровоз и должен был работать и руками и ногами впереди поѣзда и при этом шипѣть, чѣм громче и реальнѣе, тѣм лучше. Когда раз пришла мнѣ очередь быть паровозом, я вдохновился мыслью, для полноты реализма набрать настоящих паров у настоящего огня и таким образом, стоя спиною у горящаго камина я загорѣлся не на шутку. Вот как описывает это мой брат:

«Одно время мы увлекались игрой в желѣзную дорогу, должно быть, это было вскорѣ по прїѣздѣ из Одессы и всѣ мы были под свѣжим впечатлѣніем от этого переѣзда. Одна из деталей игры заключалась в набираниі паров. Для этого придумали подбѣгать, подражая паровозу, задним ходом к горящему камину, гдѣ надо было постоять немного, набрать паров, и тогда уже или везти за собой весь многолюдный поѣзд, или мчатся по всѣм комнатам с криком: «у-у-у!» и двигая, как паровоз, руками. Особенно этим увлекался Олег. Но однажды, набирая пары, к нашему ужасу, он вспыхнул, загорѣлся сзади и помчался, объятый пламенем, ревя благим матом, на который прибѣжала мама и, не растерявшись, бросила его на стол и энергичными шлепками потушила пожар».

А вот еще рассказ из того же источника про меня под заголовком: «Олег потерялся».

«Когда мы не выѣзжали еще на дачу, или уже вернулись с дачи, если погода была хороша, по воскресеньям мы ходили гулять с папой, иногда далеко. Мнѣ памятны прогулки на острова, на Охтинское кладбище, в Петропавловскую крѣпость, в Петергоф, на Черную Рѣчку. Иногда катались на лодкѣ, а зимой на чухнах и даже раз на оленях на Невѣ. На каток мы ходили сами и всѣ довольно хорошо катались. Бывали в Ботаническом, Зоологическом и Лѣтнем садах. Обыкновенно папа шел впереди, а мы гурьбой за ним. Однажды во время подобной прогулки на Невском, возлѣ Казанскаго собора мы хватились Олега, который неизвѣстно гдѣ отстал, вѣрно зазѣвавшись на какое-нибудь окно, или витрину. Долго мы его искали и, не найдя, в большой тревогѣ прибѣжали домой. Не найдя его и там, мы вразброд пошли искать. Мама помчалась к Кноррингам, гдѣ тоже его не оказалось. Николай Густатович послал в поиски своего курьера Калистрата — бывшаго одесскаго деньщика. Довольно долго продолжалась эта суматоха и вдруг — звонок. Открываем дверь и как ни в чем не бывало совершенно спокойно входит Олег. Как воскресшаго из мертвых мама хватает его в объятія. Гдѣ он блуждал, конечно, нельзя было допытаться. Но, оказывается, он ходил и у всѣх встрѣчных городских спрашивал: Скажите пожалуйста гдѣ Пушкинская улица, дом номер 16, квартира 14.

Помню как на Черной рѣчкѣ мы катались на лодкѣ. Остановились купаться. Всѣ мы, кромѣ Олега и Миши, изрядно уже плавали. Во главѣ с папой прыгали в воду прямо с лодки. Вдруг обратили вниманіе, что Миши нѣт. Кто-то показал, гдѣ его видѣли в послѣдній раз. Папа, не растерявшись, прыгнул с лодки и вытащил его к удивленію всѣх живого и даже не взвол-

нованнаго. «Когда я утонул, говорил он, я увидѣл там на днѣ траву, за которую я держался и шел по направленію к берегу»... Между прочим, один раз и я его спас на Курѣ около Верійскаго моста. Хотя он немного и плавал, но раз, попав на глубокое мѣсто, стал тонуть. Временами на мгновеніе голова показывалась на поверхности воды и затѣм снова скрывалась. Я слышал, что утопающіе безсознательно хватают своего спасителя за руки и могут утопить. Зная это, я подплыл к нему сзади и сильно толкал, пока он смог стать на ноги на мелком мѣстѣ».

ГЛАВА III

Петербург 1886-88. Ольга Семеновна. В Лѣсном. Школьная подруга Нины Михайловны. Переѣзд на Кавказ. Сѣрныя бани. Вознесенская улица.

17 сентября 1922 г. на «Азии». Сегодня для нас большое событіе: мы приѣзжаем в Малагу. Ждем этого момента с нетерпѣніем. Дѣти тоже, с нашей легкой руки, представляют, кажется, себѣ Испанію чѣм-то чрезвычайным и сказочным. Олег кромѣ того надѣется достать здѣсь для пополненія своей коллекціи испанских почтовых марок. И еще всѣ мы мечтаем вкусно закусить на суши.

Наконец мы в Малагѣ. С большим удовольствіем сходим по трапу и на лодкѣ ѣдем к пристани.

Вот она, Малага, город с таким вкусным названіем. Гдѣ же вино, прославившее этот город? Вино мы не сразу нашли, а вот виноград нельзя было не примѣтить. Он был похож на искусственный, декоративный, увеличенный против природы в нѣсколько раз, так что казалось еще немного и он будет похож на груду слив, прицѣпленных одна к другой. Мы купили одну такую гроздь и не без труда ташили ее, пока она не уменьшилась естественным путем.

Аллея великолѣпных пальм. Таких больших и пышных мы еще никогда не видѣли. Это уже не искусственно взращенные питомцы оранжерей — это огромныя деревья, выше чѣм двухэтажные дома.

Прежде всего нам хочется побывать на почтѣ. Мы не ожидали никаких затрудненій в том, чтобы найти почту. Слово «почта» кажется на всѣх европейских языках звучит почти одинаково. Однако, когда мы спросили прохожаго, а затѣм другого и третьяго, никто нас не понимал и мы очутились в довольно глупом положеніи, тѣм болѣе, что испанцы народ в высшей степени любезный и обходительный и у них считается долгом гостепрѣимства не только рассказать дорогу, но и проводить спрашивающаго, особенно если он иностранец. Это я испытал в первый свой приѣзд в Испанію еще в 1907 году.

Таким образом вокруг нас собралась маленькая группа людей, желавших быть нам полезными и недоумѣвавших: что же собственно нам нужно? Большим подспорьем оказался имѣвшійся у Нины конверт с надписанным адресом, но без марки. Тут кто-то из окружавших нас людей нерѣшительно произнес слово: „согеос“ и мы вспомнили, что на испанских марках в самом дѣлѣ всегда стоит это злополучное слово.

Всѣ облегченно вздохнули — и наши проводники и мы. На почтѣ мы послали много открыток нашим друзьям и знакомым. Всѣм будет пріятно получить вѣсть из Испаніи.

На Олега особенное впечатлѣніе произвел здѣшній старинный собор. И в самом дѣлѣ, из полутьмы огромных и высоких сводов его будто смотрѣли на нас давно ушедшія времена Филиппа Второго и инквизиторов. Картины

старых мастеров на стѣнах и совершенно особенный, свойственный старым соборам, аромат.

Мы, как ни всматривались, не видѣли на улицах той яркой Испаніи, которую мы ожидали увидѣть, но мало-помалу мы стали замѣчать и высокіе, черные как смоль, широкополые цилиндры, пріѣхавших из деревни крестьян и толстаго, смѣшнаго, будто с полотна Веласкеса вышедшаго, сапожника. Или это, может быть, потомок славнаго оруженосца Санхо Пансо.

Вот дама из общества садится на трамвай, окруженная тремя своими мальчиками. На ней нѣтъ кружевной косынки и мантильи, но что-то в ней сохранилось особенное, какое-то преисполненное собственнаго достоинства спокойствіе и свобода обращенія.

Мнѣ даже кажется, что есть что-то общее между русскими и испанцами в каком-то непередаваемом уютѣ их и нашей домашней жизни в том, что они, так же как и мы, не придают чрезмѣрнаго значенія матеріальным благам. И так же простодушно довѣрчивы, как и мы русскіе. Как бы не окончилась эта довѣрчивость такой же катастрофой, как у нас в Россіи.

Мы идем в центрѣ города и видим небольшую площадь с конторами пароходных обществ и с мѣняльными конторами, или банками. Заходим в кофейную и пьем кофе и молоко. Потом ѣдем трамваем вдоль по берегу моря на сѣвер, гдѣ, судя по путеводителю, должно быть казино, или по крайней мѣрѣ купанье. Мы с Ниной рассчитывали увидѣть здѣсь болѣе оживленную толпу, но не тут то было: должно быть толпа бывает здѣсь только лишь в опредѣленные дни и часы.

Мы, кажется, были единственные посѣтители во всем казино, то есть ресторанѣ на берегу моря. Заказывали мы каких-то мелких хорошо прожаренных, почти высушенных рыбок. Онѣ были такія маленькія, что я думаю, их помѣщалось у нас на вилках сразу по три, или четыре штуки. Вродѣ наших русских сметков. Олег заявил, что он никогда еще в жизни не ѣл ничего вкуснѣе этих жареных рыбок. Даже бабушкины судаки с картофелем и с яйцами повидимому отошли на второй план.

Еще в Алжирѣ мы замѣтили, что на базарѣ продаются красноватяя шишки, формой похожія на наши еловые шишки. Интересно было бы попробовать, что за вкус у них. Однако покупать их мы не рѣшились. Теперь, на обратном пути в город, когда мы увидѣли, что всѣ склоны пустырей, мимо которых мы проѣзжали, заросли кактусами и на них виднѣются зрѣлые плоды, мы рѣшили слѣзть с трамвая и пройтись пѣшком по этим довольно захолустным окраинам.

Дѣти с удовольствіем, почувствовав себя на свободѣ, бѣгали здѣсь, а Олег кроме того был счастлив, что ему удастся быть полезным и без затраты денег раздобыть для всѣх угощеніе. Мы попробовали кактусныя шишки и онѣ оказались вполне съѣдобными. Вскорѣ наш Олег присоединился к нам, гордый тѣм, что ему удалось набрать полную пазуху шишек. Он клал их туда на голое тело и вначалѣ, в радостном возбужденіи, не замѣчал, что шишки колючія. Хуже того: онѣ были покрыты как волосами, тысячею тончайших и очень острых шипов, вонзавшихся в тѣло, как крохотныя пилки и почти невозможно было их увидѣть и вытащить. Быстро выброшены были из-за пазухи всѣ шишки и мы поспѣшили «домой» на пароход, чтобы предпринять что-нибудь.

Пароходный врач в лазаретѣ долго возился и операционными шипчиками вытаскивал одну за другой эти занозы. Рубашку пришлось выбросить. Так прошел наш первый день в Малагѣ.

Под вечер Игорь, придя в «телячій восторг», стал шалить и играть с моей шляпой. Наконец он подбросил ее так высоко, что она полетѣла далеко в море и мы не знали, что дѣлать, чтобы ее достать. Как нарочно пароходная шлюпка была в это время на берегу, а вѣтер отгонял мою единственную шляпу дальше и дальше от нашего парохода и неизвестно было как долго она способна продержаться на водѣ... Хорошо, что случайно проѣзжал какой-то мѣстный лодочник и выловил мою шляпу. Не знаю насколько был сконфужен наш Игорь. Нина говорит, что хорошо, что он снова весел, и я согласился с этим. На него было пріятно смотрѣть в Ялтѣ, когда он мог часами веселить нас на разные лады. Даже когда у него был тогда сильный жар, он смѣялся и хохотал. И чѣм сильнѣе был жар, тѣм Игорь был смѣшливѣе... В Константинополѣ, увы, произошла переменѣна.

18 сентября 1922 г. Малага. Вчера в городѣ нам бросались в глаза объявленія: Автобусы из Малаги в Севилью. И плата недорогая и времени занимает такая поѣздка всего нѣсколько часов. Хорошо бы поѣхать... Сегодня об этом уже поздно думать, а все же пріятно сознавать, что находишься так близко от прославленной Севильи. Вспоминаются стихи Пушкина:

*От Севильи до Гренады
В тихом сумракѣ ночей
Раздаются серенады,
Раздается звон мечей...*

Не знаю, раздаются ли теперь серенады, но звона мечей навѣрное нѣтъ больше, как нѣтъ уже рыцарей былых времен, и даже сам Дон Кихот Ламанчскій, если бы выѣхал теперь на своем Россинантѣ, едва ли бы узнал свою родную страну.

А все же хочется поближе посмотреть на жизнь здѣсь в каких-нибудь закоулках в глуши. Нина, уставшая за вчерашній день, отказалась и мы идем вдвоем с безруким Максом, чтобы найти хотя бы Торрос, то есть бой быков и еще гитан — испанских цыган, которые, судя по нашему Бедекеру, только еще и сохранили испанскій обычай танцовать и веселиться цѣлый день. Может быть и оперная Кармен была гитаной.

Адрес, данный Бедекером был не вѣрен. Нас посылали с одного квартала к другому, но гитан мы так и не нашли. Времена мѣняются и веселящіеся гитаны переѣхали свои кастаньеты на машины для набиванія папирос на табачной фабрикѣ.

Помѣщеніе-арена для боя быков было закрыто. Мы видѣли лишь заманчивыя объявленія и лабиринт коридоров, ведущих на арену. Но надо было подумать о возвращеніи на нашу «Азію». Мы вернулись и ждем отплытія в далекій путь, каким плыл Колумб, желавшій открыть пути в Индію.

Теперь грузят виноград и фрукты.

19 сентября 1922 года. На «Азію». Перед нами наконец безостановочный переход до самого Нью-Йорка. Мы увидим берег лишь у Гибралтара. С опаской поглядываем на кривизну нашей «Азіи», которая, несмотря на новую погрузку товаров, ничуть не выпрямилась. Тут уж я никак не могу понять в чем дѣло, да едва ли понимает это и сам капитан...

Теперь снова есть время, чтобы читать записки брата и дополнять их своими воспоминаниями.

Петербург 1886-88 годов. Наш папа, несмотря на утомительную и нервную работу в Медицинском Управлении, уделял нам много времени. Он старался развить в нас способности к музыке: купил всем нам по скрипке, в том числе и мне маленькую полуигрушечную. Наняли нам учителя немца, по наружности похожего на Карла Ивановича из «Детства и Отрочества» Толстого. Ваня говорит по поводу этих уроков:

«Я больших способностей не проявлял — всегда был ленив — но все-таки быстро научился и бойко играл что угодно и много знал на память. С Мишей серьезно не занимались, Юша же проявил большую способность, и после немца одно время ходил специально к Юше какой-то хорошей учитель. Играл он потом и в Тифлисе — уже сам.

— Всякий человек достоин своей участи, — говорил папа.

А по-моему: — человек идет по дороге, направление короткой зависит от множества случайностей, в числе которых большую роль играет желание родителей. Всем нам, повидимому, предназначалось дать классическое образование, но конечно у всех у нас были разные наклонности и способности и например Юша избег участия быть коммерсантом только потому, что мы уехали из Одессы, где было коммерческое училище, куда его хотели отдать, благодаря его способностям к математике. Я, повидимому, был предназначен еще очень давно в садоводы. Мне было лет десять, когда дедушка на своей фотографии, подаренной мне, написал: «Будущему садоводу и плантатору Ване Пантюхову.» У меня, в младенчестве, после scarlatины было воспаление мозга и я начал говорить чуть ли не в четыре года.

На наших прогулках с папой он иногда спрашивал: «Кто скорей прочитает вон ту вывеску?» Скорее всех, конечно, читали Миша и Юша — самые дальновзоркие. Ты, Олег, еще был почти неграмотный. Я дольше всех читал и не догадывался, что надо завести очки. Впрочем в Петербурге я выдержал экзамен во второй кадетский корпус, но тут решено было ехать в Тифлис и я «избжал» участия быть офицером.

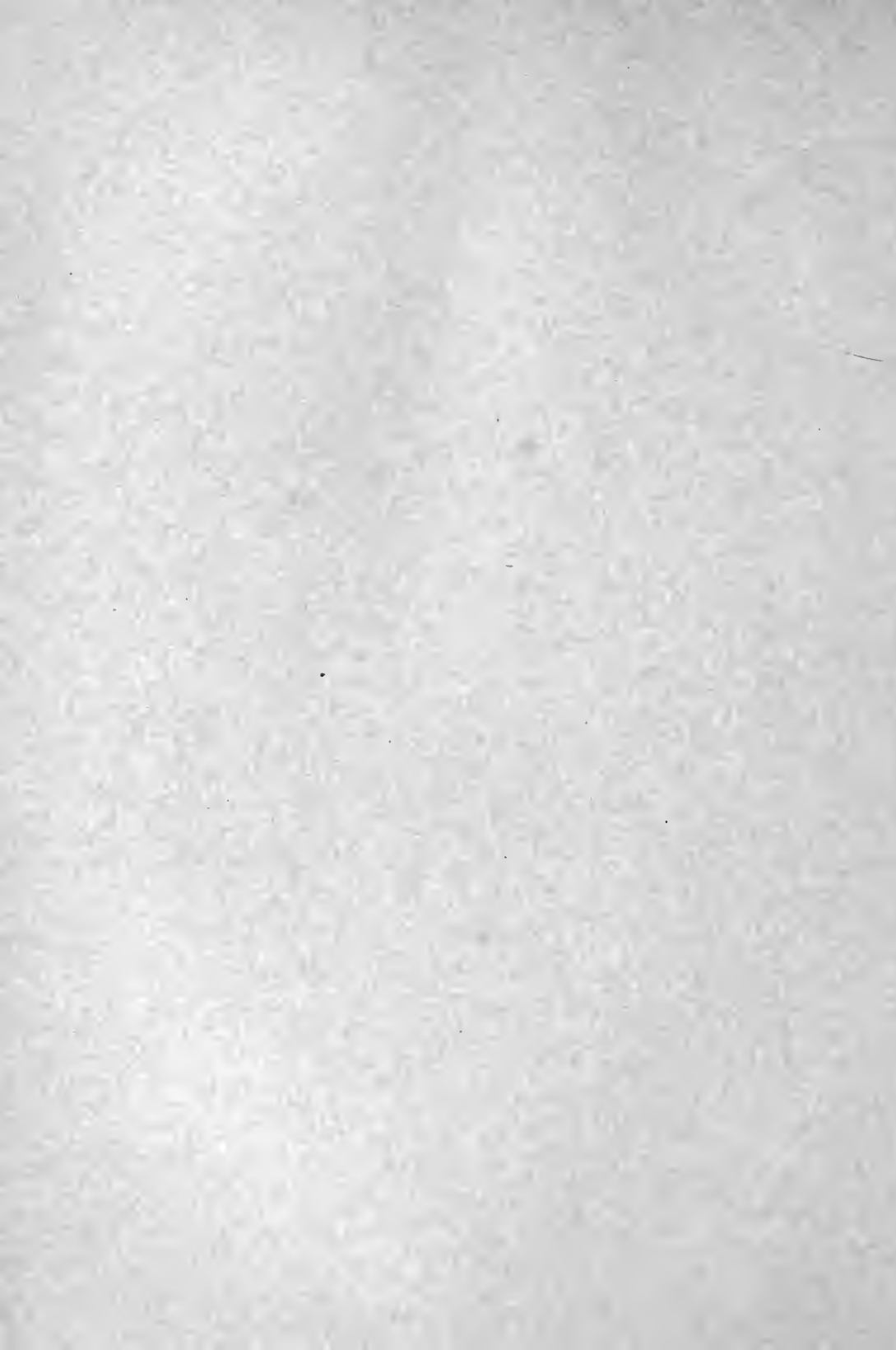
По-моему мы обязаны Юше нашим «музыкальным образованием». Конечно это он запоминал мотивы и арии из опер и опереток, которые мы потом в Тифлисе часто посещали. Он верно напевал слышанное и учил нас. Самостоятельно я, например, как ни пробовал, никогда ничего не мог запомнить, тем более верно запомнить. Я помню он долго бился со мной, пока я не научился верно петь из «Кармен»: «Любовь свободна, век кочуя»... Но первое музыкальное развитие, конечно, дал папа, хотя он не обладал ни слухом, ни голосом.

Папа купил нам в Петербурге что-то вроде шарманки. Кажется этот инструмент назывался «герофон» — черный с разными узорами инструмент. Круглый лист с вырезанными нотами клался сверху. Довольно приятный звук. Я как будто только что его слышал — так вошел он мне в память — особенно некоторые мотивы: «У соседа хата была, у соседа жинка мила»... «Месяц плывет по ночным небесам, друг мой проводит рукой по струнам»... и многие другие.

После обеда, не вставая из-за стола, а чаще за вечерним чаем, мы пели. Заводил, папа. Мы все подхватывали. Подпевала иногда и мама. Главным

Автор в 1886 году.

достоинством считалось пѣть громче. Но несомнѣнно было много и музыкальности и пѣлось, отчасти благодаря мамѣ и Юшѣ, все довольно правильно. Пѣлось: «Вниз по матушкѣ по Волгѣ», «Реве та стогне Днипр широкий», «Ой в Таганрогѣ», «Как по морю, морю синему», «Повадился журавель» и многое другое. Особенно эффектна была пѣсня:

*Лен лен при горь, лен лен при крутой
Уж я съяла, съяла лен,
Я съяла приговаривала,
Чеботами приколавывала,
С боку на бок поворачивала,
Ты удайся удайся мой лен,
Ты удайся мой бьленькій,
Полюби меня, мой миленькій.*

Вся пѣсня пѣлась скороговоркой, но послѣдній звук «и» надо было тянуть как можно дольше — в этом был у нас своего рода спорт и каждый старался предварительно набрать в легкіе побольше воздуха. Это была не плоская гимнастика для наших легких. Для послѣдней цѣли папа иногда просто спрашивал: «Кто дольше может не дышать?». И вот мы, надувшись, ревниво поглядывали друг на друга и удерживали смѣх, чтобы не выбыть из строя. Сидим и не дышим, а папа смотрит на часы, чтобы послѣ объявить результаты состязанія.

За столом иногда декламировали. Папины любимыя стихотворенія были: «Гусар» — Пушкина, «Бородино» — Лермонтова, «Спор» — его же, Басни Лафонтена по-французски, напримѣр: «Лисица и сыр», «Лѣсной Царь» по-нѣмецки. Даже по-польски из Мицкевича, напримѣр: «Якій то хлопец, пенькый и молодой»... Ваня говорит:

«Не помню, кто тогда особенно отличался? Возможно, что и тогда уже Миша. Но помню, какой фурор ты, Олег, произвел, когда однажды у Кноррингов папа тебя поставил на роля и ты, окруженный толпой гостей с чувством продекламировал «Бородино», при словѣ «богатыри» поискав дѣдушку глазами, указал пальцем на него, а при словах «не вы», указав на остальную публику. А было тебѣ года три-четыре».

...Я вспоминаю довольно ясно этот эпизод моего ранняго дѣтства и мои мысли в то время: мнѣ в самом раннем дѣтствѣ казалось странным — почему взрослые люди считают маленьких дѣтей глупыми? Эту свою мысль, вѣрнѣе свое недоумѣніе и досаду, если не негодованіе, я помню очень хорошо. Я даже как будто говорил самому себѣ: когда я вырасту, я об этом всѣм скажу — не смѣйтесь над дѣтьми, когда они еще не умѣют хорошо выговаривать слова. Если они еще не научились ходить, или ясно говорить, это не значит, что они глупѣе вас, взрослых. Иногда, и может быть не без основанія, мнѣ казалось, что взрослые бывают глупѣе дѣтей. И когда я, стоя на роляѣ, говорил: «Скажи-ка дядя»... я помню, что говорил я вполне осмысленно и обратился к дѣдушкѣ, желая выразить ему свое уваженіе, как старому волякѣ.

Шумѣть и кричать разрѣшалось у нас дома сколько угодно, чему всѣ наши знакомые очень удивлялись, тѣм болѣе, что папа всегда послѣ обѣда или спал, или занимался своими научными трудами и сочиненіями. На недоумѣнные вопросы знакомых папа отвѣчал всегда, что это «как пѣнье птиц» ему не мѣшает, что он привык. Конечно, он просто не хотѣл стѣснять нас.

Иногда мы поднимали общую свалку, например, всей толпой окружали Колю, лѣзли на него, стараясь повалить его, что иногда и удавалось.

Как-то папа сказал, что, если имѣть сильное желаніе и настойчивость, то можно достичь чего угодно, даже можно научиться летать. И вот мы вчетвером — Колѣ тогда было уже лѣтъ пятнадцать и он не участвовал — мы лѣзли на столы и стулья и размахивая руками, прыгали, стараясь летѣть. Цѣлую зиму, если не больше, учились мы летать.

*

20 сентября 1922 г. На «Азіи». У Гибралтара. Среди пассажиров говорили, что англичане у Гибралтара имѣют право останавливать тѣ пароходы, которые собираются плыть через океан, но находятся в плохом состояніи. Мы не знали чего желать и были заинтригованы: остановят ли нашу кривобокую калашу англичане, или нѣтъ. Нѣтъ не остановили. «Азія» и ближайшее английское судно обмѣнялись лишь салютами, то есть троекратным опусканіем флага. Путь в Америку свободен.

Насупившаяся, нависшая над морем Гибралтарская скала угрюмо и неодобрительно, как мнѣ казалось, поглядывала на наш пароход. Есть что-то мистическое в этой одинокой скалѣ. Она не была так грандіозна, как мы ожидали, но она была единственная здѣсь и навѣрное поэтому получила у древних названіе Геркулесовых столпов.

Влѣво от скалы за молом и волнорѣзами кипит жизнь и мы видим десяток военных судов и клубы дыма, казарменного типа постройки и парк, подымающийся к подножію скалы. Удивляемся, как это могут жить тут обезьяны?

Но вот и Гибралтар скоро скроется из виду. Отсюда издали он очень похож на ту величественную скалу, которая возвышалась над Черным морем к востоку от Анапы.

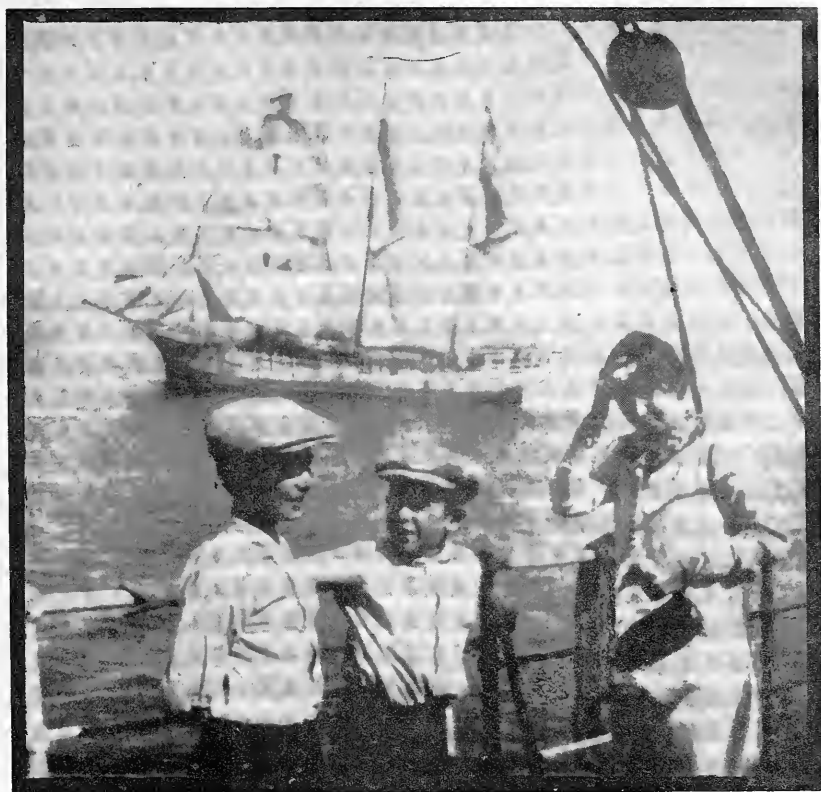
Мимо нас проходит трѣхмачтовая шхуна под всѣми парусами. Мы смотрим на нее и не можем налюбоваться. Мы переносимся мысленно в тѣ времена, когда пароходов люди не знали и всѣ передвиженія были связаны с парусами и вѣтром. В хорошую погоду это, должно быть, большое удовольствіе находиться на парусном кораблѣ и, не спѣша, плыть куда-нибудь, отрѣшившись от земли.

Мы с Ниной вспоминаем чудесную мопсановскую вещь: «На водѣ». Он плывал в этом Средиземном морѣ на своей яхточкѣ почти один.

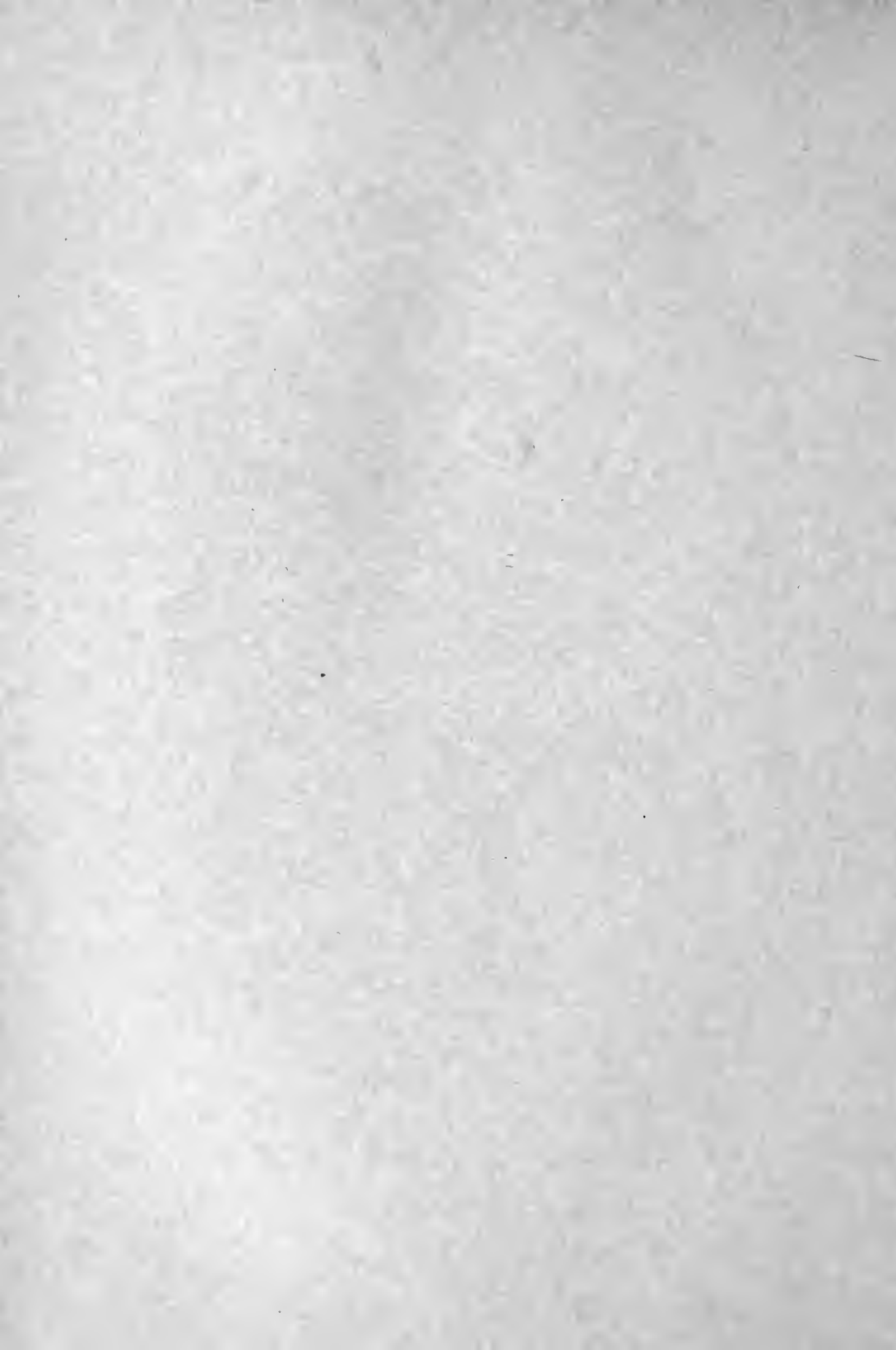
Прощай, Средиземное море. Вон налѣво, на африканском берегу, едва видны какія-то постройки и желтоватые холмы. Теперь все скрывается из глаз... Нашу «Азію» стало больше покачивать, но все же писать можно и я принимаюсь за свой труд.

*

Когда думаю я о Петербургѣ, то неизмѣнно в моей памяти возникает близкое и родственное нам по духу семейство моей крестной матери Ольги Семеновны Гвоздевой и ея мужа Михаила Семеновича. Какіе чудесные это были люди и как любила нас всѣх наша Ольга Семеновна! Мы ѣздили к ней, как на праздник. Жила она на Васильевском Островѣ. Чтобы ѣхать к Гвоздевым, брался извозчик, или пролетка, или сани. Но чаще сани, потому что

«...у Гибралтара прошла мимо нас трехмачтовая шхуна».

как-то так выходило, что мы всегда ъздили туда зимою. Меня укутывали в башлык и теплыя мамины шали, или оренбургскіе платки и еще мама запахивала меня в свою «ротонду». Было очень уютно и всю дорогу я был счастлив близостью к моей мамѣ и перспективой увидѣть свою «крестную». Если это был вечер, то я слѣдил, как бѣжали мимо нас тѣни от извозничьей лошади и от саней и от нас самих и это повторялось через равные промежутки времени, когда встрѣчались уличные фонари — типичные керосиновые фонари Васильевского острова. Громоздкіе деревянные столбы и наивные старые фонари наверху, зажигали их спеціальныя ламповщики с переносными лѣстницами. Потом пошли длинные деревянные заборы и небольшіе домики. Около домов садики.

Помню, как мы переѣзжали через Неву по Николаевскому мосту мимо часовни святому Николаю Чудотворцу. Здѣсь перед образом ярко горѣли сотни свѣч и мама, а за ней и я, набожно крестились проѣзжая мимо часовни.

У Ольги Семеновны всегда был на столѣ самовар и много вкусных угощений. Вокруг во всѣх комнатах тоже много интереснаго: на стѣнѣ часы с выскакивающей каждый час кукушкой, у окна большой акваріум с золотыми рыбками, а у ея мужа Михаила Семеновича в отдѣльной комнатѣ огромная клѣтка почти во всю комнату с самыми разнообразными пѣвчими птицами, которыя всегда очень шумѣли и, повидимому, были очень довольны и своим положеніем и своими хозяевами.

Сколько искренней любви ко всѣм нам, сколько ласки и вниманія ко всѣм мелочам нашей жизни высказывала Ольга Семеновна. Мы всѣ тож «души не чаяли» в ней и когда дома стали поговаривать о переѣздѣ на Кавказ, мы, малыши, задавали себѣ вопрос: «а как же разстаться с Ольгой Семеновной?».

Иногда она сама пріѣзжала к нам и это было тоже праздником для нас. Во-первых, мы всѣ ее очень любили, а во-вторых, она всегда привозила с собой что-нибудь вкусное, напримѣр: зимою виноград в опилках, или в деревянной коробкѣ финики.

Лѣтом ѣздить на хутор в Кіев было далеко и поэтому родители нанимали дачу в Лѣсном, совсѣм недалеко от Петербурга.

На дачу мы ѣхали сначала на конкѣ по Литейному проспекту, и затѣм на паровой конкѣ. В вагонѣ конки я предвкушал удовольствіе видѣть новыя мѣста. Может быть эти мои впечатлѣнія от поѣздки на дачу были гораздо сильнѣе позднѣйших впечатлѣній от поѣздки за границу.

Нѣтъ выше и чище радости, как послѣ города очутиться в настоящем лѣсу, бѣгать по травѣ, видѣть совсѣм близко под ногами жуков, муравьев, бабочек, гусениц, только что распустившіяся цвѣты и травы, вдыхать в себя аромат земли, радующейся весеннему теплему воздуху. Должно быть тут, в жизни земли, есть что-то недоступное для пониманія взрослым людям и открытое маленьким дѣтям — какой-то инстинкт пониманія жизни не умом, а интуитивным путем, как понимают жизнь другія творенія Бога.

Я хорошо помню эти счастливыя минуты. Это была сказка, ставшая жизнью и, если бы меня спросили: какія самыя счастливыя минуты были у меня в жизни, я бы, не задумываясь, назвал один из них: когда я впервые весною попал в лѣс на четвертом году моей жизни.

Кажется, мнѣ бросалось и тогда в глаза, или просто чувствовалось, что люди на дачѣ выгляѣли иначе, чѣм в городѣ — они были веселѣе беззабот-

нѣе и привѣтливѣе. К нам, дѣтям, всѣ здѣсь были особенно ласковы и все вокруг как то болѣе подходило к нашему дѣтскому пониманію и настроенію.

В Лѣсном было нѣскольکو прудов: Круглый, Золотой, Серебряный. Мы наблюдали здѣсь пискарей, а старшіе из нас ловили их на удочку. Были в Лѣсном около нашей дачи заросли бузины и черемухи. Были лавки с игрушками — желтыми, как лимон, тачками, лопатками, серсо.

Помню, как мы с мамой в воскресенье ходили в церковь. Итти туда было бы пріятно, если бы не мерцавшій справа от нас забор: мнѣ очень рябило от него в глазах и, когда мы вошли в церковь, то скоро стало темно в глазах — не то от солнца, мерцавшаго за забором, не то от ладана, густым облаком стоявшаго в церкви. Как бы то ни было, но пришлось выйти из церкви.

У наших сосѣдей устраивались иногда дѣтскіе домашніе спектакли. Это было на дачѣ Крыжановскаго. Большой двор, гигантскіе шаги, качели. Рядом жили и Кнорринги. Масса дѣтей, купанье в закрытых купальнях, катанье на лодкѣ. Мы были в состояніи войны с мальчиками другой улицы. Однажды мы с Юшей попали в плѣн. Мы таки струхнули. Но вмѣшался какой-то офицер и предложил единоборство. Выйдя с честью из него, мы освободились из плѣна. Среди сосѣдских дѣтей было три Саши. Для различія их Коля и Юша прозвали их по латыни: Лонгус — длинный, Куртис — короткій, и Бревис — толстый. С Лонгусом Коля подружился на всю жизнь.

Запомнились мнѣ наши прогулки в окрестности Лѣсного и особенно одна к могилѣ Генриха и Эмилиі, погибших от несчастной любви. Мнѣ, конечно, это было мало понятно, но общія симпатіи к ним раздѣлялись и мною и, мы приносили букеты полевых цвѣтов на эту одинокую могилу.

25 сентября 1922 г. на «Азіи». Вот уже пять дней, как мы в океанѣ, а еще и третьей части пути не прошли. Временами качало сильно и мы тогда лежали пластом на своих койках, но от морской болѣзни мы не страдали. Нина находила в себѣ мужество, несмотря на усталость и изнуреніе, подбадривать нас своими интересными, а часто и очень веселыми рассказами из прошлого.

1 октября 1922 года. На «Азіи». Всѣ эти дни океан бунтовался и было не до писанія записок моих.

Нинѣ присылают из второго класса отдѣльную ѣду, которую все же можно ѣсть. Нас же кормят все хуже и хуже: гороховый суп, селедка, иногда мясо, но это мясо с каждым днем становилось хуже и хуже. Только кисленькое, но пріятное вино скрашивало эти обѣды и завтраки. Мы, впрочем, не унывали и думали главным образом о том, что ждет нас в новой странѣ. Нина непременно хотѣла дѣлиться своими обѣдами из второго класса с дѣтьми, но большею частью получала отказ.

Нина по просьбѣ дѣтей снова рассказала им со всѣми подробностями, которыя она всегда так хорошо помнит, и про квартиру на Кронверкском проспектѣ, гдѣ жила бабушка, и про нашу добрую Юлю, и Зоологическій сад по сосѣдству, и лифт, по которому надо было подниматься к бабушкѣ на седьмой этаж и, наконец, про огромнаго и вкуснѣйшаго отварнаго судака, сервированнаго в бабушкиной столовой и издававшего такой вкусный аромат, что нам всѣм показалось, что и сейчас, здѣсь в каютѣ, распространился этот аппетитный запах и у нас забурило от аппетита в желудках.

Когда погода сносная, мы проводим почти все время на палубѣ и смотрим в мутно зеленыя волны, беспорядочно хлещущія в разных направлєніях и на горизонт, всегда ровный, всегда пустынный. Вот так же вглядывался в горизонт, но не с равнодушіем, а с волненіем, и Колумб, и Васко да Гамма и тысячи других, сильных и отважных. Может быть морю суждено судьбой быть тѣм строгим судьбою-экзаменатором, которому даровано право процѣживать болѣе крѣпких и достойных...

Но это было раньше. А теперь: кругом нас сотни евреев, хромых, горбатых, болѣзненных, жалких на вид, но цѣпляющихся друг за друга и во всяких обстоятельствах дѣлающих свой гешефт. Папа писал когда-то в своем дневникѣ: «евреи непобѣдимы». Не знаю насколько серьезно он это сказал. Они сегодня празднуют среди океана свои «кучки» и из столовой к нам доносились их завываніе.

Нина «подружилась», то есть довольно часто разговаривает, с одной еврейкой, которая приходит к ней отвести душу — вспомнить родную Россію, поговорить «по-русски», рассказать какіе она «парошки» дома дѣлала и пекла их «ин зе печке — ин зе духовкѣ». Сегодня на закатѣ у нея происходила душевная драма и она рада была подѣлиться ею с Ниной: дѣло в том, что ея сыночек, который уже вполне акклиматизировался в Нью-Йоркѣ, в Бруклинѣ, и открыл там продуктовую лавочку, строго запретил ей привозить в Америку старое платье. А к старому платью еврейка питала самыя нѣжныя чувства, хотя бы уже по одному тому, что весь вѣкъ своей была тряпичницей и муж ея был тряпичником, ходил по дворам и скупал старье. И вот она подходит к Нинѣ, неся торжественно в руках свою старую грязную юбку, с которой она, как видно, сжилась за долгіе годы. На лицѣ у ней страданіе и нерѣшительность. Она рассказывает Нинѣ, как ей тяжело разстаться с такой хорошей еще и довольно прочной вещью, как ея юбка. Затѣм, не встрѣтив сочувствія, она рѣшительным и театральным жестом, как бы возносит свою юбку к меркнувшим небесам и... бросает свое сокровище в пучину волн. Вѣтер подхватывает грязный комок матеріи и несет его довольно далеко, а затѣм роняет в бѣлую пѣну... Трагическій момент прошел, но глаза женщины продолжают смотрѣть на ненасытный океан.

3 октября 1922 года. На «Азіи». День ангела Олега и моего. День рожденія Игоря мы обычно приурочиваем к этому же дню. Дѣти получили от нас по пол американскаго доллара и Олег вскорѣ куда-то исчез с таинственным лицом. Вернулся он, неся в руках банку гущенаго американскаго молока и был очень доволен своей покупкой. Он, конечно, угощал и нас своим лакомством.

Вот уже нѣсколько дней, как мы идем среди голубого простора, среди волн, испещренных золотыми островками и мелкими хлопьями морских водорослей. Это тот таинственный Гольфстрем, который дает тепло и жизнь всей Европѣ. Все вокруг ожило: стаи летучих рыбок, какія-то маленькія пичужки, которым казалось бы, вовсе не мѣсто среди океана. Говорят, кто-то видѣл кита. Может быть, это Гольфстрем принес нам болѣе тихую погоду и болѣе спокойное море.

*

Я могу снова попробовать писать о нашем далеком прошлом — 1888-го года, когда мнѣ было шесть лѣтъ.

Скучно и тѣсно стало нашему папѣ в туманном и сѣром Петербургѣ.

Когда дождь сыпал с утра до вечера, когда чуть ли не цѣлый день приходилось сидѣть с лампами и в окна квартиры ничего не было видно кромѣ безнадежно сѣрых и мокрых стѣн, естественно, что папѣ захотѣлось куда-нибудь дальше, на юг, на Кавказ, гдѣ папа провел нѣсколько счастливых молодых лѣтъ. Много позже, папа как-то говорил мнѣ, что он в Петербургѣ на основаніи опыта рѣшил, что он никогда не будет принимать никаких важных рѣшеній в сѣрую, дождливую погоду. Не знаю, может быть в один из таких сѣрых дней папа не был достаточно почтителен со своим высоким начальством, кто-то высказывал эту мысль, но я знаю, что и высшее и ближайшее начальство всегда очень цѣнило папину работу и, когда он захотѣл перевестись на Кавказ, то для него специально была учреждена особая должность — «врача пятого класса для особых порученій при начальникѣ Окружного Кавказскаго Военно-Медицинскаго Инспектора».

Итак мы расстаемся с нашей Пушкинской улицей и с маленьким памятникѣм Пушкину у самаго нашего дома, расстаемся с Кноррингами и Гвоздевыми, распродаем мебель.

Я стараюсь себѣ представить высокія Кавказскія горы, и ничего не выходит. Должно быть это такія же ужасно высокія горы, как тѣ, с которых мы скатывались по льду на масляной недѣлѣ на Марсовом полѣ. Скатываться с этих гор было очень жутко. Но, какого же цвѣта Кавказскія горы? Я спрашиваю об этом всѣх наших домашних, когда мы сидим за чайным столом и мнѣ отвѣчают — когда на горах нѣтъ лѣса, то онѣ коричневатыя, как эти обои в столовой. Стараюсь представить горы, пологія, как ледяныя горы и высокія, как самые большіе дома. Но горы, созданныя таким образом с помощью моего воображенія, выходят какія-то не интересныя, скучныя и однообразныя. Остается ждать, когда мы пріѣдем и увидим их воочию.

Теперь наш папа рассказывал все больше и больше про Кавказ. Этот край и его горы, и народы были очень близки его сердцу. Вот рассказ про князя Анчабадзе, с которым он познакомился на берегу Чернаго моря.

Когда папа, будучи молодым военным врачом на Кавказской войнѣ, проѣзжал с отрядом через резиденцію князя Анчабадзе, гдѣ-то около Очичир, отряд остановился там на ночлег. Князь пригласил папу к себѣ и послѣ ужина князь объявил, что так как теперь «твой Царь — мой Царь», то я тебѣ поэтому дарю своего сына Чаго. Папа был, конечно, ошеломлен, но, не смотря на всѣ старанія, отдѣлаться от такого подарка не мог. Как крайнее средство, папа сказал, что он крестит мальчика. «Он твой. Дѣлай с ним, что хочешь», был отвѣтъ, «можешь его даже зарѣзать».

Папа долго таскал его с собой. Крестил. Чуть ли не цѣлый год Чаго молчал, но потом вдруг заговорил по-русски и довольно хорошо. Был скромн и вѣжлив. Потом папа отдал его в какую-то военную гимназію, но тот не кончил ее, подрос и уѣхал на родину. Это все было примѣрно в 1864 году.

В папиной книгѣ о «Кавказской патологіи» есть иллюстрація, которая показывает папу в кавказском костюмѣ, с чалмой и кинжалом, и с его приемным молодым горцем. Лѣтъ через тридцать Чаго вернулся, нашел папу и всѣх нас в Тифлисѣ, но об этом потом.

И вот мы в пути на юг: как все вокруг интересно. Виды из окна вагона, рельсы, стрѣлочники и начальники станцій с красными фуражками, носильщики, колокола, звонящіе перед отходом поѣзда, шипѣніе паровоза и стук вагонов, так хорошо усыпляющій нас по ночам. У нас есть новинка: присасывающійся к стеклу окна своим резиновым донышком подсвѣчник. Мы спим

довольно удобно и первую половину пути было много радости и веселья. Вторая же половина была утомительна. И чѣм дальше, тѣм утомительнѣе. Мы, младшіе, то и дѣло приставали к мамѣ с вопросами: сколько еще осталось пути?

Мысли возвращались в Петербург к Ольгѣ Семеновнѣ и к дѣдушкѣ Николаю Густавовичу с его дѣтьми: Гришей, Марусей, Зиной, Борей, Юрой и Мишей. Всѣ они, навѣрное, очень вспоминают нас...

У меня сохранилось письмо дѣдушки, написанное мамѣ послѣ нашего отъѣзда — вот оно:

«17 января 1888 г. Вот уже третій день, милая Оля, как вы отсюда уѣхали. Бывало и по недѣлям не видались, а грустно так не было, как теперь. Была увѣренность, что стоит пойти, повидать Олю, и все как рукой снимет — так на меня дѣйствует теплота твоего сердца. На вокзал я не приѣхал — понимаешь почему. Оказывается, что и Гриша по той же причинѣ не пошел тебя проводить. Письма, обѣщанныя с дороги, еще не получены.

В воскресенье, 25-лѣтіе супружеской жизни, Петрушевскій отпраздновал хорошо и весело. Подарки ему с супругой поднесены преимущественно цвѣточные, частью работа родных и двѣ, три вещи. Утром я отправил к нему при теплом письмѣ свой подарок. Вечером супруги мнѣ сказали, что я их до слез тронул — вот и шути с ними.

Вчера был у Петра Тимофеевича Шевелева на именинах. Преимущественно был музыкальный вечер. Из их знакомых явились и хорошіе пѣвцы и музыканты. Мы, конечно, в карты играли. Катамымов познакомил меня со своей женой. В воскресенье зайду к Колѣ. Потом, когда будут у меня собираться играть в карты, буду приглашать к себѣ и Катамымовых. Мирошниченко у Шевелева не был — заходить не предполагает. Шевелев рассказывал мнѣ, что послѣ обѣда и по окончаніи карт, в Малом Ярославцѣ, оставшаяся там мелкота, человек 25, чествовали его, как их любимаго начальника. При этом Петр Тимофеевич добавляет, что все было пьяно и им нужен был только «объект» для изліяній — так он, якобы, им, то и высказал.

До Москвы, я думаю, вы добрались хорошо, а вот дальше, когда пойдут пересадки из вагона в вагон — больше уже возни-то будет с ребятами.

Письмо свое адресую через Окружное Медицинское Управление, авось дойдет.

Вчера пришлось шествовать мимо вашей квартиры — грустное впечатлѣніе производит вообще весь дом: пустота царит.

Дѣти всѣ, безпрестанно вспоминают то того, то другого из твоих ребят, то тебя.

Видишь, что и нам приходится не без борьбы отвыкать от всѣх вас. Сейчас они пишут письма.

Крѣпко накрѣпко цѣлую и благославляю всѣх вас. Ивану Ивановичу жму крѣпко руку.

Твой Н. Кнорринг.

Жена очень кланяется и цѣлует.

Послѣ отъѣзда твоего от нас наиболѣе горькія слезы проливали Гриша и Маруся.»

Внизу письма приписка Гриши:

«Хотѣлось, милая Ольга Николаевна, ѣхать на вокзал проводить вас, да удержался... Крѣпко цѣлую вас всѣх и за себя, и за сестер и братьев. Ваш Г. Кнорринг».

Из этого періода нашей жизни у меня сохранился Юшин дневничек — записная книжка под заголовком «Польза». Изданіе переплетной мастерской И. Лифшица. Типографія А. Г. Сыркина. С удовольствіем переписываю всѣ эти свѣдѣнія с обложки календаря. Очень уж мы любили такіе календари-

дневники и такая досада, что мы мало что в них записывали. Папа учил нас писать, заставляя иногда писать — «что хочешь, свои мысли». Таким образом, учась писать, мы учились и излагать свои мысли. Ванин календарь «Полезьа», однако, почти не сохранил записей — что было, то стерто — должно быть из боязни, что прочтут братья и станут смѣяться. Зато очень много помяток другого брата — и это теперь очень цѣнно.

Слѣдуют краткія заметки про каждый день нашего путешествія — кончаются слѣдующим:

«15 января. Воскресенье. В Тифлис выѣхали в двѣнадцать с половиною часов по полудни. С нами ѣдет Татьяна Павловна и ея маленькая дочь Лида.

21 января. Суббота. Сегодня мы приѣхали во Владикавказ. По дорогѣ видѣли нѣсколько гор.

22 января. Воскресенье. Сегодня выѣхали дальше. Проѣхали три станціи. Остановились против горы Казбек на станціи — гостиницѣ того же имени.

23 января. Понедѣльник. На дворѣ очень тепло. Часть дороги ѣхали на санях, причѣм при спускѣ с горы перевернулись. Папа разбил себѣ нос, а Лида набила синак.

24 января. Вторник. Сегодня очень жарко. Я совсѣм загорѣл. Проѣхали четыре станціи. Слѣдующая Тифлис. Осматривали уѣздный Тифлисскій город Душет.

25 января. Среда. Сегодня приѣхали в Тифлис. По дорогѣ осматривали город Мцхет с гробницами грузинских царей».

...Спасибо Юшѣ, что записал хоть кратко, лаконически о нашем путешествіи. Я не помню деталей всего путешествія. Смутно вспоминаю тогдашнюю Москву с древними стѣнами, памятниками и церквями. Помню Царь-Пушку и Царь-Колокол. Помню солнце московское, которое показалось мнѣ гораздо ярче и привѣтливѣе петербургскаго. Пожалуй, помню даже народ московскій, показавшійся мнѣ болѣе жизнерадостным, чѣм в Петербургѣ.

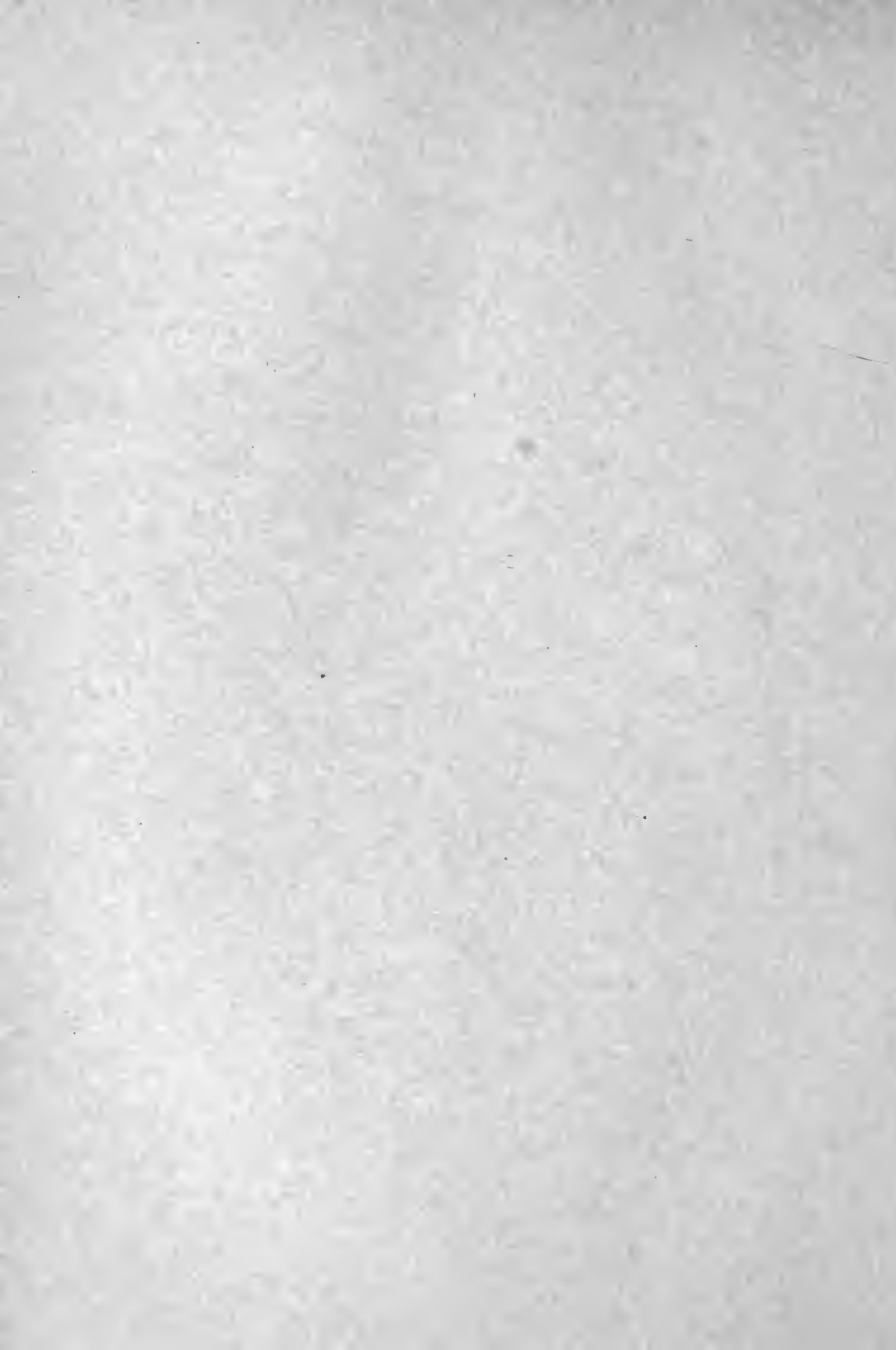
...А затѣм Владикавказ. Вот здѣсь-то впечатлѣнія были у меня такія, что их никак не забыть. Во-первых, горы оказались вовсе не коричневыми, как обои в нашей петербургской столовой. Горы — это новое царство, и красок на них еще больше, чѣм на ровной землѣ. Начать с того, что ровную землю далеко не увидишь, а горы... поднимай по-немногу голову и любуйся — сначала камни, скалы, утесы — это гранит синеватый, обрамленный яркой зеленью травы. Тут и трещины в скалах, и ручьи, и деревья, прицѣпившіяся к обрыву. А дальше — там пастбища для овец. Овцы ползают по очень опасным обрывам — не оборвались бы в пропасть. Но нѣтъ, не обрываются. Хорошо, что у нас такіе зоркіе глаза и мы видим и тоненькую паутинку тропинки в горы еще выше и даже едва замѣтную фигуру горца верхом на лошади... Как они оба, и лошадь и человекъ, не боятся. От них уже совсѣм близко плывут облака. Облака скрывают вершины гор. Что если попасть в облака? — должно быть там легко заблудиться... Говорят, в облаках и за облаками есть горы, которыя покрыты вѣчным снѣгом. Отчего он не тает?

И эти и еще сотни других мыслей и вопросов приходили в мою дѣтскую голову — горы заставляли разговаривать с ними, заставляли и думать, и мечтать.

А вѣтер с гор. Он, будто послан был оттуда с поднебесья со свѣжими вѣстями, слетал к нам и говорил, говорил. Он только что перед этим шевелил гриву чеченской лошади и пронесся над горным ручьем. Мнѣ даже казалось, что вѣтер принес нам с гор аромат свѣжести, горных трав и... овец.

Наш папа с приемным сыном Кн. Чаго Анчабадзе (1866).
(Из книги отца: «К статистикѣ кавказской патологии»).

...Когда мы послѣ перевала и Крестовой горы стали спускаться в долину, мы замѣтили, что ямщик первых саней был навеселѣ и лошади у него что-то очень уж быстро неслись вниз. Чѣм дальше, тѣм хуже. Дорога здѣсь вьется зигзагами и каждый поворот грозил тѣм, что всѣ мы вмѣстѣ с санями обрушимся в пропасть. Ямщик теперь от быстрой ѣзды окончательно опьянѣл — он не только забыл поставить тормаз на одно из колес, но теперь уже, казалось, забывал натягивать вожжи, чтоб удержать лошадей.

Тут-то и обнаружилось удивительное присутствіе духа у нашего старшаго брата Юши: Он выхватил у ямщика вожжи и изо всѣх своих сил тянул их, в сторону от обрыва, пока лошади не уперлись мордами в склон горы. В это время вторые сани, слѣдую дурному примѣру передовых, помчались с такою же быстротой слѣдом. На одном из поворотов сани опрокинулись, но так счастливо, что не скатились в обрыв, а задержались у самого края. Танечка говорила, что через нее перевалился и придавил ее тяжелый сундук. Мы потом смѣялись, что это был не сундук, а Ваня. Вообще мы потом, послѣ всего пережитаго, смѣялись, может быть, нервным смѣхом и с ужасом поглядывали на зіяющую пропасть за краем дороги. Пьяный кучер злобно поглядывал на окровавленную ногу одной из своих лошадей и говорил: «Так тебѣ и надо», но мы очень жалѣли лошадь с сильно пораненной ногой и отлично понимали, что она не виновата, а виноват возница. Ваня послѣ говорил мнѣ с убѣжденіем, что это присутствіе среди нас мамы и ея молитва спасла нас от гибели.

И мы ѣдем дальше, послѣ того, как «пустопорожній» встрѣчный экипаж дал нам своих лошадей.

Мы въѣхали в благодатный край, гдѣ все цвѣтет, гдѣ зимнее солнце согрѣвает нас и мы думаем — отчего это люди не всѣ стремятся на юг сюда, гдѣ так хорошо?

Сани уже давно смѣнены на колесный экипаж, к сожалѣнію закрытый. Мы ѣдем в почтовой каретѣ и я все время провожу, стоя у окна и, высунув голову, стараюсь побольше увидѣть и побольше вдыхать этого ароматнаго, новаго, совѣм не знакомаго воздуха. Шоссе еще не просохло и мелкія брызги грязи летят от колес. Одна из таких брызг попадает мнѣ на переносицу. Мнѣ лѣнь ее снять и я протягиваю лицо в карету к мамѣ и говорю: «Ма»... брат Ваня поднимает меня на смѣх. Он говорит, что мнѣ, как библейскому Товію, в глаз попал помет пролетающей птицы.

*

7 октября 1922 г. На «Азіи»... Какая буря была эти дни! Наша бѣдная кривобокая старушка «Азія» должно быть чувствовала себя очень плохо, по крайней мѣрѣ мы, обитатели ея, порядочно струхнули. Ходили слухи, что всѣ взрослые мужчины должны будут в бурю перегружать груз, чтобы выровнять как-нибудь пароход. Но каждому было ясно, что это было бы совершенно безнадежное занятіе и то, что не удалось сдѣлать в порту с помощью подъемных кранов, то уж никак не удастся сдѣлать в бурную погоду и голыми руками*).

*) «Азія» — всего 6122 тонн, построная в 1907 году, все же погибла. В 1930 году, перевоза магаметанских паломников в Красном Морѣ, она погибла от пожара и погубила много человеческих жизней.

Ночью в самую сильную бурю мнѣ снился не то святой Серафим Саровскій, не то какой-то другой благочестивый и святой старецъ.

Когда буря прошла, мы всѣ с большимъ облегченіемъ вздохнули и с нетерпѣніемъ стали подсчитывать — сколько еще дней и ночей качаться нам на водѣ?

Наш Олег слышал, что в Америку всѣ должны прїѣзжать с чистымъ бѣльемъ и вдруг, со свойственной ему инициативой, собрал все, какое у насъ было грязное бѣлье и надолго исчез, так что Нина стала уже беспокоиться. Какое было наше восхищеніе, когда мы увидѣли, что все бѣлье уже вымыто и развѣшено для сушки. И он все это сдѣлал почти один. Говорю «почти», потому что какая-то сострадательная армянка, увидѣвъ малыша за такой тяжелой работой, помогла ему. Игорь же не проявил ни малѣйшаго желанія к работѣ.

Парикмахер Костя дѣлал в это время отличный бизнес: дѣло в том, что его компатріотки очень боялись, что у них в волосах, при вѣздѣ в Америку, найдут вшей. Вот против этой напасти и вел борьбу парикмахер Костя. Он был очень популярен среди еврейскихъ дѣвицъ. Нина слышала, как он говорил на прощанье кому-то из своихъ кліентокъ: «Соня, Соня, я долженъ вамъ накануне прїѣзда три раза вымыть голову».

Почти накануне прїѣзда в Америку я буду писать о нашемъ дорогомъ патріархальномъ Тифлисѣ. Какая это, должно быть огромная разница. Люди живут на земномъ шарѣ в такихъ разнообразныхъ условіяхъ и, Богъ знает — находят ли люди счастье, окружая себя комфортомъ? Или этотъ пресловутый комфорт, который многіе стали считать синонимомъ культуры, может быть это все лишь затемняетъ людямъ вопросъ главный и заставляетъ ихъ блуждать вкривь и вкосъ и отдаляетъ ихъ дальше и дальше от главнаго — от счастья — от духовнаго, конечно, счастья... Когда прїѣдемъ в Нью-Йоркъ, то увидимъ это. А теперь такъ пріятно снава с головой окунуться в воспоминанія нашего далекаго, далекаго прошлаго.

Тифлис. Онъ принялъ насъ в свои дружескія, будто родственныя объятія под вечер, в среду 25 января 1888 года. Косые лучи зимняго солнца бросали длинныя синія тѣни черезъ весь Головинскій проспектъ — главную улицу. Да, мы уже знали, что это главная улица. Но зачѣмъ же здѣсь гуськомъ шествуютъ привязанные другъ к другу ишаки, нагруженные мѣшками с углемъ и саманомъ? Почему, сидящій на передовомъ ишакѣ, огромный грузинъ безъ стѣсненія оретъ во все горло, восхваляя свой товаръ? Какъ это странно и какъ симпатично — будто совсѣмъ в другую страну мы попали и, кажется, в лучшую страну, гдѣ куда больше приволья, свободы, веселья. Будто солнце согрѣваетъ здѣсь не только землю, но и души людскія. Идетъ какой-то грязный кинто и поетъ. Около фруктовой лавки большое оживленіе: толстопузый лавочникъ оретъ во все горло, восхваляя свои фрукты. Кто-то громко смѣется и кругомъ такой шум, что почти не слышно дребезжанія нашей почтовой кареты.

Мы останавливаемся сначала в Сѣверной гостиницѣ, что около дворца Главноначальствующаго, но на слѣдующій день перебираемся в болѣе дешевую гостиницу «Колхида», а затѣмъ уже папа и мама находят квартиру на далекой Вознесенской улицѣ, ставшей в будущемъ для насъ родной.

Перваго нашего деньщика в Тифлисѣ звали Андрей. Кажется маминъ землякъ — самарскій. Помнится, мама его разсрамила: «Какъ это вы на Волгѣ

выросли и не умѣете плавать». Очень хорошій человекъ былъ этотъ Андрей и хорошій товарищ. Первое время мама, повидимому, нас боялась пускать на прогулки одних и мы с нимъ излазили всѣ окрестныя горы и ходили купаться на Куру. По вечерамъ мы всѣ собирались к нему в кухню и с азартомъ играли с нимъ в дурака, в свои козыри и пр. Или слушали его сказки, которыхъ онъ зналъ безконечное множество. Сказки очень интересныя. Намъ тогда уже онѣ казались лучше, чѣмъ сказки Гримма и Кота Мурлыки, которыя у насъ были. Сказки Андрея, это были настоящія русскія народныя сказки и ихъ слѣдовало бы записать.

Домъ Гиргидова, гдѣ мы поселились, былъ почти напротивъ Вознесенской церкви — стоило лишь перейти черезъ ручеекъ, который бѣжалъ по улицѣ. А за церковью, направо, за маленькимъ овражкомъ, мы, какъ настоящіе открыватели новыхъ земель, с превеликой гордостью обнаружили сначала залежи графита, или по крайней мѣрѣ аспида, изъ котораго дѣлаются грифельныя доски, а затѣмъ открыли «бриллиантовые россыпи»: мы находили здѣсь в пескѣ и в камняхъ чудесныя маленькія кристаллики, горящіе на солнцѣ, какъ настоящіе брилліанты. Надо сказать, что первое время мы, какъ герои Буссенара или Купера, держали в секретѣ наше открытіе — наши бриллиантовые россыпи. Мы строили разнообразныя планы какъ поступить, если обнаружится, что это настоящіе брилліанты и какъ мы употребимъ вырученныя деньги.

Никто изъ насъ никогда, навѣрное, не забудетъ первыя впечатлѣнія отъ знаменитыхъ тифлисскихъ сѣрныхъ бань. Не даромъ Пушкинъ с такимъ восхищеніемъ описываетъ ихъ в своемъ «Путешествіи в Эрзерумъ».

Мы собираемся в походъ. Мама снабжаетъ каждого изъ насъ чистымъ бѣльемъ, простынями. Дается мыло, «губка юности» — все это кладется в сумку и рѣшается немаловажный вопросъ: кто будетъ ихъ нести. Мы, впрочемъ, не споримъ — слишкомъ ужъ много интереснаго впереди. Подумать только: и прогулка с папой в крѣпость, в горы и в ботаническій сад, и еще какія-то таинственныя горячія сѣрныя бани. Мы толкомъ и не знаемъ еще, что это за сѣрная вода.

В самый разгаръ сборовъ раздается внушительный голосъ папы: «Всѣ готовы?» И тутъ ужъ готовы или не готовы, а всѣ высыпаютъ на улицу, потому, что папинъ вопросъ «всѣ готовы?» означалъ: «ну, я иду, желаюшіе могутъ меня догонять». И напрасно мама давала намъ послѣднія наставленія быть осторожными и не простудиться по выходѣ изъ бани, а закутаться башлыкомъ. Мы уже шли гуськомъ или «табункомъ» — тѣсною группой за папой и часто такъ выходило, что мы шли строго по росту: Папа, Коля — когда онъ пріѣзжалъ — Юша, Ваня, Миша, Олегъ.

Должно быть эта картина была необычна для туземцевъ — пять высокихъ свѣтлыхъ людей, да еще говорящихъ на чистомъ великорусскомъ нарѣчій. Если бы туземцы понимали папины рѣчи, они бы услышали и про турецкую войну и про антропологическіе типы Кавказа и про будущее Россійскаго государства.

Дорога наша шла мимо «бриллиантовыхъ россыпей» и мимо грифельнаго ската. Эта дорога идетъ куда-то в Коджоры и в Манглис, в тотъ самый Манглис, про который сосѣдніе мальчишки пѣли глупую и веселую пѣсню:

Отъ Тифлиса до Манглиса — вай, вай.

Отъ Манглиса до Тифлиса — вай, вай...

И опять сначала — безъ конца.

Эта Коджорская дорога замѣчательна тѣмъ, что по ней нѣсколько разъ

в день с диким криком и свистом мчались в гору коджорскіе дачные диллижансы. То есть мчались то они во всю прыть мимо наших окон по Вознесенской улицѣ и затѣм мимо Вознесенской церкви по крутому подъему. Ямщики, очевидно, надѣялись с разгону взять весь подъем. Но лошади быстро выдыхались, как их ни нахлестывали ямщики... Помню, что нам было жалко бѣдных лошадей.

За Вознесенской церковью дорога шла ровнѣе по откосу гранитной Сололакской горы. Видно было сколько трудов стоило проложить эту дорогу. Весело было итти здѣсь и видѣть налѣво от себя, как на ладони нашу Вознесенскую улицу и всѣ Сололаки. По имени этой части города и гора называлась Сололакской.

Еще можно было с полпути видѣть наш дом и даже различить желтую сосѣдскую собаку и толстопузаго армянина лавочника на углу. А там, за нашим домом, за Вознесенской улицей, испещренная внизу мелкими, прилѣпившимися к ней домами и саклями, возвышается наша гордость, наша Разноцвѣтная гора, на которую мы еще не рѣшались подниматься. Это гора совершенно особенная, не похожая ни на одну другую. Но об ней рѣчь будет впереди. Надо лишь сказать, что она раза в три, или четыре выше Сололакской горы, по которой мы идем в бани.

На вершинѣ Сололакской горы какой-то, кажется казенный или полуказенный, дом с красной крышей и духан с надписью: «духан распивочно и на вынос». Мы прозвали этот духан «Первым духаном».

Сололакская гора гранитная, сѣрая с рѣдкими пятнами зелени, в верхней части ея сохранились остатки древняго водопровода. Теперь мы идем по вершинѣ ея. Налѣво внизу, по-прежнему прихотливым ковром разстилаются городскія улицы, но это совсѣм другія улицы, чѣм в Вознесенском тупикѣ. Здѣсь и дома выше — попадаются трехэтажные — и улицы чище и даже крики на улицах не такіе громкіе. Здѣсь также ходят по улицам кинто с большими подносами, или кадушками на головѣ и также восхваляют свои товары: «А па па па па цохали, цохали»... Но все же эти Веніаминовскія, Садовыя и прочія улицы — будто другой, не похожий на наш, город.

Если взбѣжать на каменные уступы направо, то взорам представляется замѣчательная панорама: ущелье Ботаническаго сада и на днѣ ущелья пѣнистый поток. Дальше — турецкое кладбище, и за ним почти отвѣсная скала с нѣсколькими зіяющими пещерами в серединѣ ея. Какія замѣчательныя, невѣдомыя еще нам страны и как много еще предстоит нам радостных открытій впереди! Как хорошо родители сдѣлали, что рѣшили переѣхать сюда из сѣраго и дождливаго Петербурга.

Перед нами старая полуразрушенная крѣпость, построенная из какого-то особеннаго тонкаго и крѣпкаго кирпича с болѣе поздними гранитными и другими случайными латками. От крѣпости вниз к другой крѣпости идет крѣпостная стѣна. «Такими крѣпостями и стѣнами в прежнее время был окружен весь Тифлис», отвѣчает папа на наши разспросы. «Армяне за этими стѣнами чувствовали себя в сравнительной безопасности и с успѣхом занимались торговлей и богатѣли. Через извѣстный, довольно равномѣрный промежуток времени с гор спускались осетины, хевсуры и другія народности и отбирали у армян и евреев все ими наторгованное. Затѣм снова давали им возможность богатѣть. И так продолжалось много столѣтій. Наконец армяне и грузины обратились к русскому царю и он не очень охотно, но все же взял их под свое покровительство».

Мы видим теперь налѣво старый турецкій город, гнѣздящийся около старых, полуразвалившихся стѣн, вокруг бѣлых минаретов. Спускаемся, пройдя через ворота направо, в Ботанической сад. Мы бѣжим, как паровозы, пыхтя и задерживая ход на каждом поворотѣ. Но мы в то же время смотрим и по сторонам и видим и отвѣсныя, накаленные солнцем скалы, с одной стороны, и гущу разнообразных деревьев, с другой. Деревья террасами и ступенями спускаются вниз к бурному ручью, там глубоко в ущельѣ. Как хорошо было бы побродить и побѣгать здѣсь в саду подольше, но папа общает, что это мы сдѣлаем в слѣдующій раз. Теперь мы идем уже к нижнему выходу. Вот ворота, обвитые глициніями и маленькая сторожка около ворот. Дальше идет улица, покрытая булыжником. Лучше бы ее не покрывали. Мы бѣжим вниз по крутому спуску, перепрыгивая с одного кругляка на другой, стараясь выбирать болѣе круглые. Направо от нас, как бѣлыя муравьиныя кучи, рядами стоят какія-то странныя сооруженія. Папа, что это такое? — Это и есть бани.

Вот и странное дѣло! Неужели эти маленькія бѣлыя куполообразныя кучки — это и есть бани, о которых было столько разговору? Они скорѣе похожи на вигвамы краснокожих, или на эскимосскія юрты. И как мы в них пролѣзем, когда не видно даже дверей... Мои недоумѣнія разъяснились лишь когда мы вошли в широкія двери Мирзоевских бань и увидѣли, что над каждым «номером» — комнатой в этих банях возвышался стройный восточный купол. Эти-то купола и были приняты мною за круглыя невѣдомыя жилища.

Бани были великолѣпны, как в сказках «Тысячи и одной ночи». Изразцовыя стѣны и полы, на которых можно лежать и кувиркаться, каменные или тоже изразцовыя лежанки, гдѣ баньшики намыливали нас, окутывая с головы до ног мыльной пѣной. Но лучше всего бассейны с природной горячей сѣрной водой. Когда опускаешься в такой бассейн, сначала дух захватывает и кажется, что обожжешься, а затѣм наступает очень пріятное чувство отдыха. Струйка свѣжей горячей воды весело бѣжит из разинутой пасти мраморной львиной головы. Заходящіе лучи солнца проходят через верхушку купола — единственное отверстіе для свѣта и воздуха во всем помѣщеніи. Купол удешятиряет звук наших голосов и мы, конечно, этим пользуемся и кричим и поем во все горло. С сожалѣніем начинаем медленно одѣваться, когда время приходит.

Обратно мы в первый раз в жизни ѣдем на элегантном тифлисском «фаэтонѣ» — парной коляскѣ — единственном способѣ сообщенія, не считая конки. Всѣ не без труда размѣщаемся, причем Юша по своему желанію садится на козлы с извозчиком. Мы ѣдем и к шуму голосов, окружающаго нас базара, присоединяется крик нашего возницы — «Хабарда... Хабарда... Хабарда...» Это едва ли не первое грузинское слово, которому мы научились. Оно означает: «Берегитесь». Кричат его извозчики в Тифлисъ с интонаціей какого-то торжества. Должно быть так в древности глашатаые кричали о приближеніи важных персон. И нам казалось, что толпа с почтеніем разступалась и поглядывала на мчащийся фаэтон и незнакомых и странных сѣдоков в нем.

Длиныя вереницы духанов, пекарни-пурни, фруктовыя лавки. Аромат восточных пряностей и восточной смолы — не ладана, а какой-то другой, болѣе пріятной, которую любят жечь тифлисскіе лавочники по вечерам.

А дома мама уже ждет нас с нетерпѣніем. И самовар и ужин на столѣ. Мы на перебой всѣ стараемся поскорѣе рассказать свои впечатлѣнія. Далекая, чудесная пора дѣтства...

*

10 октября 1922 г. На «Азіи». Наконец-таки, послѣ 36 дневнаго путешествія, из которых 20 дней были на бурном океанѣ, мы приближаемся к Нью-Йорку. Какая это, должно быть, неопиcуемая разница будет: Тифлис — Костантинополь и Нью-Йорк. Поживем — увидим!

Теперь нам видна лишь безконечная узкая полоса песчанаго берега. Это Лонг Айланд.

Вот, наконец, слѣва видны возвышенности Статен Айланда, а справа деревянные строения Кони Айланда и еще дома и большіе газовые танки, принятые Олегом за круглые дома.

«Азія» останавливается и принимает на борт таможенных чиновников. С ними вмѣстѣ проникают на пароход и корреспонденты нью-йоркских газет. Их много — человекъ пять, а то и больше. Они слоняются по пароходу в тщетной надеждѣ найти что-нибудь интересное для печати. Наконец, кто-то им говорит, что на пароходѣ ѣдет русскій гвардейскій полковник с семейством. Корреспонденты окружают нас, снимают с нас фотографіи и разспрашивают про генерала Врангеля, про эвакуацію, про Кемалю, про горѣвшую на наших глазах Смирну. Я отдаю свои не проявленные пленки с горящей Смирной и плѣнными греками. Мнѣ обѣщают вернуть пленки.

Когда обнаруживается, что я — Старшій Русскій Скаут, то корреспонденты заинтересовываются еще больше, и один из них довольно прямолинейно поставил мнѣ кое-какіе вопросы — как я отношусь к тому и другому... Русских національных проблем они не понимают. Но... тут-то, должно быть, и было «но», почему ни одна из снятых с нас фотографій не попала на страницы нью-йоркских газет.

Пользуясь тѣм, что наконец назойливые корреспонденты освободили нас, мы смотрим на развертывающуюся перед нами панораму. Широкая гладь воды. Довольно пустынно. Рѣдко, рѣдко прошипит мимо идущій буксир. Берега, как в туманѣ. Должно быть, это фабричный дым. Вот статуя Свободы, она кажется похожей на толстую русскую крестьянку, взмахнувшую в пляскѣ платком над головой. Квадратный пьедестал не дѣлает чести французскому вкусу, если это они выдумали это пресспапье.

Вот Эллис Айланд. Мы проходим мимо. Как унизительно прозвали этот остров «Островом Слез». Мы надѣмся, что мы не попадаем на него. Однако, в этой «демократической» странѣ люди дѣлятся по количеству имѣющихся у них денег, и в то время, как немногіе пассажиры перваго класса были спущены на берег немедленно послѣ того, как пароход пристал к пристани, всѣ остальные, то есть весь третій класс, должен был остаться на борту и завтра ѣхать на Эллис Айланд. Сейчас мы стоим у пристани и смотрим с завистью, как другіе пассажиры покидают пароход.

Старая еврейка, которая выбросила свою юбку в «окаян», пришла к нам прощаться. — «До свиданья вам, до свиданья вам, до свиданья вам», поклонилась она на всѣ стороны. Встрѣчавшіе ее родственники, насколько мы видѣли, не были особенно рады встрѣчѣ с нею. Но она тоже сначала должна была ѣхать на «Остров Слез».

Родственник мисс Спрэт, как оказалось, пришел нас встрѣчать, но он мог только передать нам записку. Самого же его мы так в этот день и не смогли увидѣть.

По случаю прибытія в порт, французы почти перестали нас кормить. За пятнадцать центов мы купили у разносчика круглый яблочный пирог на картонной тарелкѣ.

— *Что день грядущій нам готовит?
Его мой взор напрасно ловит
В глубокой тьмѣ таится он...*

Я напѣваю этот мотив. И в самом дѣлѣ: не только грядущій день, но и грядущіе годы на новой землѣ — что несут они нам?

11 октября 1922 г. Нью-Йорк. Ну вот, наконец-то, мы выбрались с парохода. Утром мы вышли на пристань и здѣсь же были разложены наши пожитки для осмотра таможенными чиновниками. Вещей у нас масса, все такія, с которыми жаль было разставаться. Много книг. Много издѣлій нашей мастерской. Однако, таможенные чиновники мало интересовались содержанием наших чемоданов, корзин и мѣшков.

Подали небольшой пароходик и всѣ мы — нас человек сто — ѣдем к Эллис Айланду. Опять Статуя Свободы. Опять маленькіе коренастые буксиры тащат за собой тяжелыя баржи. Но еще интереснѣе и еще характернѣе — это вереницы желѣзнодорожных вагонов — цѣлые товарные поѣзда, поставленные на паромы: разорванная нить желѣзных дорог, прерванная Гудзоном. И вот пузатые маленькіе буксиры стараются и хлопчут, чтобы водворить все на свои мѣста.

Глаз ищет чего-нибудь типичнаго для Америки и новаго для нас. Вот со Статен Айланда идет пароход-паром, схожій с «нашими» константинопольскими шаркетами, но только раз в десять крупнѣе. Видно, как пассажиры сидят ровными рядами и читают утреннія газеты. Вот идет колесный пароход, смѣшно подымающій в воздух около труб свои коромысла. — Этот пароход интереснѣе всѣх: он будто прибыл сюда с рѣки Миссисипи, гдѣ ѣздил на нем и Том Сойер и Геклбери Фин.

Мы покупаем у разносчика на пароходикѣ четыре крупных и сочных яблока. Отличные яблоки и всѣ, как на подбор, одинаковы, будто они не в саду росли, а на фабрикѣ сдѣланы.

Входим в вычурной конструкціи зданіе эмигрантских властей для медицинскаго осмотра. Осмотр этот был не из серьезных и, кажется, медицинскій персонал в самом дѣлѣ интересовался больше всего, не привезли ли эмигранты с собой... вшей. Тут-то и попались, несмотря на старанія парикмахера Кости, парашодныя дѣвицы. Им снова здѣсь вымыли голову и на этот раз, навѣрное, болѣе основательно.

Затѣм нам дали всѣм кофе в бумажных стаканах и сандвичи на бумажных тарелках. Это было очень кстати, так как мы давно уже чувствовали голод.

Мытарства наши только лишь начинались, когда мы, послѣ кофе и сандвичей и послѣ медицинскаго осмотра, вошли в зал наверху. В залѣ висѣли огромные американскіе флаги и была устроена сцена и эстрада для какого-то торжества. Хуже всего было — и это необходимо отмѣтить — хамское и мерзкое поведеніе служащих. Одно из этих животных сказало нам, что мы будем депортированы, если не будем его слушаться. Другой тип, когда мы предъ-

явили ему необходимые для вѣзда деньги, сдѣлал все же вид, что, может быть, он нас еще и не пропустит, — это было какое-то издѣвательство и я ему это высказал, хотя и в вѣзливой формѣ. Но, в общем, все обошлось хорошо. В концѣ концов, нам выдали каждому по квадратной коричневой карточкѣ, открывшей нам двери на волю.

За дверьми ждал милѣйшій Боас, вот уже два дня ожидающій нас и запустившій из-за нас свои дѣла. Его круглое лицо улыбалось от радости, что ему удалось исполнить порученіе его двоюродной сестры и встрѣтить свѣжих эмигрантов. Затѣм нам представился завѣдующій общежитіем «Славоник Хом», и предложил на первых порах остановиться в этом Домѣ. Мы с радостью согласились.

И вот мы ѣдем теперь, как равноправные, на парходикѣ и высаживаемся среди каких-то рѣшеток на пристани, но идем мимо этих рѣшеток на улицу. Наш новый знакомый говорит, что нам теперь на много лѣт не нужны вовсе никакія бумаги, никто ими больше не будет интересоваться и, если это так, то это, конечно, очень пріятное чувство, давно нами не испытанное.

Мы оставляем вещи на храненіе и поднимаемся по лѣстницѣ на надземную жѣлезную дорогу, идущую над городом. Наш проводник учит нас вскакивать в вагон, но это не так-то просто для Нины, которая, конечно, сильно устала за время переѣзда и из-за всѣх этих перепетій. Нам показывают на какую-то щель среди зданій направо и с уваженіем говорят, что это Бродвей — самая длинная в мірѣ улица, и вон там вдали промелькнул Вульворс билдинг — самое высокое зданіе... Однако, вокруг нас, на Шестом авеню, по которому мы ѣдем, грязновато-сѣрые пятиэтажные, всѣ как один, дома, и мы ѣдем на уровнѣ этих пятых этажей и не знаем на чем остановить глаз.

Двадцать третья улица состоит из таких же пятиэтажных, как ящики, домов, прилипших друг к другу и похожих на тѣ, что мы видѣли на Шестом и Девятом авеню, только дома здѣсь почище. «Славоник Хом», даже с маленьким клочком зелени у входа, — это уже много.

Нам давно уже хотѣлось ѣсть и, как только гости ушли, мы умылись и направились в первый же угловой ресторанчик. Велико было наше восхищеніе от американскаго бѣлаго хлѣба и от холодных квадратиков масла. Игорю больше всего понравился „french potatoes“. Правда, что другія названія на меню, как „corn flakes“, нам так и не удалось расшифровать... Отличная питьевая вода, отличное молоко, любезные, бодрые и веселые люди — вот наши вторья и болѣе пріятныя впечатлѣнія об Америкѣ.

Сегодня слишком поздно ѣхать на почту за письмами, но утром я непременно поѣду, если почта будет открыта. Завтра праздник — Колумбус Дэй.

Перед сном я вышел на улицу и с удовольствіем прошелся вдоль по трамвайной линіи по двадцать третьей улицѣ почти до Пятаго авеню.

*И бодрости своей дивится тьло
И голоса своего не узнаешь,
И тьсно ту, что прежде надобля,
Как новую с волненіем поешь...*

Эти строки Ахматовой приходят на память, когда шагаешь по гладким, просторным тротуарам Нью-Йорка и вдыхаешь в себя прохладный осеннему, но все же пріятный и мягкій, воздух.

ГЛАВА IV

Замѣтки из дневников Юши и Вани. Володька Тулаев. Приѣзд брата Коли. Жизнь в Тифлисѣ текла, как в сказкѣ.

Какія бы событія ни произошли бы с нами в Америкѣ (непріятныя или пріятныя) — будь то трудности житейскія, или радости и успѣх в дѣлах — все равно, я заранѣе чувствовал что у меня не будет много свободнаго времени, чтобы аккуратно писать продолженіе воспоминаній.

Не рѣдко мы слышим, что нам надо жить «настоящим» для «будущаго», а не окунаться в туман прошлаго. Но вѣдь именно в прошлом то мы и черпаем новыя силы для будущаго...

И так, хоть с урывками, все же буду продолжать записывать о далеком прошлом, которое так пріятно вспоминать.

В первый же год нашего приѣзда в Тифлис Юша и Миша ходили в гимназію. Несмотря на то, что Юша, повидимому, учился порядочно, он остался на второй год, кажется в четвертом классѣ. Это произошло оттого, что из-за нашего переѣзда в Тифлис он пропустил много уроков — в теченіе болѣе мѣсяца. Зато послѣ этого он учился хорошо и переходил из класса в класс всегда с похвальными листами, а кончил с серебряной медалью. Мог бы кончить и с золотой, но нарочно устроил так, что ее получил его товариш, которому очень нужна была эта медаль для поступленія в какое-то высшее техническое учрежденіе. А мы с Ваней учились дома в теченіе полутора лѣт. Ваня пишет:

«Папа сам со мной занимался. Кажется у него тогда уже явилась мысль, впослѣдствіи высказанная Ольгѣ Александровнѣ: «Четырех сыновей я воспитаю для государства, а одного для себя». Занимался я главным образом географіей, зоологіей, рисованіем и сильно отстал в своем развитіи от товарищей. Но главная причина почему я плохо учился — близорукость. Я ровно ничего не видѣл, что писалось на классной доскѣ, тѣм болѣе, что меня, как высокаго, всегда сажали на заднія парты».

Из Петербурга Ваня привез в клѣткѣ нашего снѣгиря, с которым всѣ мы ни за что не хотѣли разстаться. Это был, так сказать, живой свидѣтель нашей петербургской жизни и мы питали к нему самыя нѣжныя чувства. Мы бесѣдовали с ним и о Питерѣ и о нашем путешествіи на Кавказ. Мы радовались, когда снѣгирь весело прыгал и чирикал в своей клѣткѣ. Мы печалились, когда он был грустен и к нашему ужасу это случалось теперь в Тифлисѣ чаще и чаще. Для нас становилось ясным, что благодатный тифлисскій климат не подходит для нашей сѣверной пичужки. И вот в один печальный день наш снѣгирь умер. Помню, что мы не знали, как сказать: «околѣл» или «сдох». Эти слова никак не подходили. Казалось тогда, что вмѣстѣ со снѣгирем ушло от нас далекое нѣжное наше дѣтство, что ушло что-то большее, чѣм наш друг снѣгирь... Не передашь словами то, что мы тогда чувствовали. Мы нашли хорошенькую маленькую коробочку. Бережно положили в вату оконченѣвшую птичку и отправились на гору, чтобы предать тѣльце землѣ.

Выбрали мѣсто на склонѣ сѣро-синей «грифельной» горы. Здѣсь не росло ничего, никакой зелени. Это был довольно мрачный угол Сололакского хребта. Но мы могли видѣть это мѣсто из окон нашего дома.

Продолжаю списывать кое-какія замѣтки из Юшиного дневничка:

27 апрѣля. Приѣхал персидскій шах. Жарко по-прежнему.

4 мая. Четверг. По случаю посѣщенія нашей гимназіи шахом были только два урока. Нас распустили на два дня. Ряд бочек со смолой на верху горы, вдоль развалин крѣпости, были зажжены солдатами для иллюминаціи города.

6 мая. Суббота. Рожденіе Наслѣдника Цесаревича. Ходили гулять в Ботанической сад.

18 мая. Четверг. Вознесеніе Господне. Погода хорошая. На нашей улицѣ было очень много народу — храмовой праздник. Грузины и имеретины плясали лезгинку с кинжалами. Ходили гулять, а также купались.

Купались мы в Курѣ чаще всего немного выше Воронцовскаго моста, иногда у Верійскаго моста в тихих мѣстах. Если кто рисковал переплыть на другой берег, то его относило на полверсты ниже по теченію. Это можно было дѣлать лишь с компаньоном, который должен был ждать на той сторонѣ с одеждой. Но в заливах было тихо и даже малыши купались.

Было всегда шумно и весело. У нас было много знакомых кинтошек, тоже хороших малых и отличных пловцов. Но обыкновенно купались мы в ручьѣ с версту выше Ботаническаго сада. Поднимались по шоссе до шлагбаума и духана на вершинѣ. Оттуда бѣгом спускались к ручью. Из этого же ручья была отведена по канавкам и трубам вода для орошенія Дворцоваго сада. Нам было интересно смотрѣть в эти канавки, обложенныя кирпичами, идущія по карнизам скал. Мы слушали бульканье воды и смотрѣли, как послушно бѣжит вода, весело играя.

Сбѣжав к ручью, мы, послѣ нѣскольких изгибов ущелья, достигали своей цѣли — небольшого углубленія, выточеннаго теченіем ручья в каменных плитах. Одна из этих гигантских плит, будто нарочно для нас положенная наклонно, была покрыта быстрым теченіем нашего ручья. Камень на этой плитѣ был так хорошо отполирован водою, что мы, без всякой боязни поцарапать нѣкоторыя части своего тѣла, съѣзжали здѣсь, подгоняемые водою и бултыхались в природный каменный бассейн... То-то было весело! Благодаря нашим запрудам вода в бассейнѣ поднялась настолько, что мы могли в нем окунаться и барахтаться. Надо еще добавить, что скат, по которому мы съѣзжали, был покрыт мягкими водорослями. С высоты отвѣсных скал смотрѣли на нас однѣ лишь ящеры, да мог еще видѣть нас, пролетающій в поднебесьѣ орел. Тишина и раздолье. Радость какая-то свѣтилась для нас во всем. Мы были очень горды нашими «владѣніями» в этом ущельѣ. Наш скат был так хорош, что даже Андрей и папа иногда, не без удовольствія, скатывались с него.

Во время сильных дождей всѣ окрестныя ручьи, усиленные дождем и вообще вся дождевая вода со всѣх окрестных гор собиралась на нашей Вознесенской улицѣ, представляющей из себя дно Сололакскаго ущелья. Тогда Вознесенская улица представляла из себя бурную и грозную рѣку, с шумом и ревом перекатывавшую громадные камни. Говорят, бывали случаи, что вода уносила иногда цѣлую арбу с парой волов. С грохотом проваливалась вся вода в громадную арку и дальше неслась уже под землею до самой Куры. В

обычное же время по нашей Вознесенской улицѣ едва сочился, блестя на солнцѣ, мало замѣтный поэтический ручеек.

Со временем еще больше оживились наши развлечения: коллекционировали все что попадалось. Коля в Петербургѣ собрал хорошую коллекцію насѣкомых. В Тифлисѣ особенно увеличились коллекціи монет. На базарѣ и толчокѣ мы буквально за копѣйки получали старинныя, часто совершенно непонятныя монеты, большею частью мѣдныя, но были и серебряныя, а у Юши была драгоценность — платиновыя пять рублей. Были и современные — франки, марки, бани и прочіе. Иногда мы мѣнялись и надували друг друга. Помню, Миша раз обмѣнял мнѣ шведскую марку вмѣсто нѣмецкой.

Продолжали, конечно, собирать и гербарій. Всѣ папины большія книги были переложены разными листьями, травами и цвѣтами. Собирали и камни. Еще в Одессѣ, в 1885-86 г., мы всѣ собирали коллекціи «минералов». Берег моря и мостовая там снабжали нас в изобиліи камнями и камешками. В Тифлисѣ я тоже натаскал цѣлую гору камней и все разнообразных. Но она была слишком громоздка и скоро надоѣла и мамѣ, а еще больше солдату, которому приходилось убирать комнаты. В Одессѣ же Миша начал собирать трамвайныя билеты, которых к Тифлису набралась порядочная тетрадь.

В С. Петербургѣ у нас был настоящій акваріум, небольшой, но хорошій, со скалами, водорослями, серебряными и золотыми рыбками. Был и терраріум, то есть банки, закрытыя марлей. В банкѣ лягушки, а в Тифлисѣ ящерицы, особенно первое время, пока мы не привыкли к ним.

Еще в С. Петербургѣ мы всѣ начали выпиливать лобзиком. В Тифлисѣ продолжали. Но, конечно, наши грубоватыя работы не могли итти в сравненіе с изящными вещицами, которыя выпиливал Юша. Как и во всѣх наших занятіях, кромѣ рисованія, он всегда был первым.

Собирали мы всѣ еще копіи автографов великих и замѣчательных людей. Для этого переснимали их на прозрачную бумагу и потом наклеивали в тетрадь: — Пушкина, Лермонтова, Шекспира и пр., а иногда попадались и какіе-нибудь мало понятныя и сомнительныя знаменитости, мы не брезгали и ими.

Мы также собирали карточки фотографическія великих людей. Помню, Пушкина, Вагнера, Бисмарка, Суворова, Скобелева, Шевченко... Это, конечно, имѣло нѣкоторое образовательное значеніе. Мы знали в лицо всѣх Шопенгауеров, Диккенсов. Помню, как мы с Мишей обрадовались, увидѣвъ в витринѣ одного букиниста фотографіи Бисмарка, которых у нас тогда не было. Купили сразу 3 штуки, для себя по одной и папѣ одну, так что букинист даже удивился и спросил: «Вы вѣрно колбасники?»... В моем альбомчикѣ и сейчас сидят Тургенев, Савина, Цукки. Папины же два альбома знаменитостей, у меня в полной сохранности и теперь. Пополнил я их еще двумя Пантюховыми — писателем Михаилом и антропологом Иваном Ивановичем.

На Авлабарѣ мы еще часто покупали идоличков, главным образом папа, и, по его приѣздам в Тифлис, отчасти Коля, по цѣнѣ от 5 до 20 копѣек. Снимки нѣкоторых из них помѣщены в какой-то папиной брошюрѣ, так же как и каменное оружіе, найденное Мишей. Это послѣднее помѣщено даже в каком-то французском археологическом журналѣ.

Были у нас ружья, пистолеты, один кремневый, другой мѣдный, разорвавшійся при первом выстрѣлѣ, были кинжалы. Покупали мы все это очень дешево на армянском базарѣ, напримѣр: ружье — 3 руб., пистолет 80 коп. Стрѣляли главным образом воробьев. Дичи, крупнѣе кобчиков, ворон и удо-

дов, как-то не попадалось. Дѣлали и чучела из убитых птиц, но этим больше занимался папа. Помнится, какое-то чучело собственного изготовленія потом всегда висѣло у нас и на хуторѣ в Кіевѣ.

Не помню, чтобы папа стрѣлял из наших ружей. Но один раз он нас удивил. В Муштайдѣ было гуляніе, музыка, лотерея-аллегри, буфет и пр. Был также и тир. В одну из цѣлей, которая должна была прыгать, при попаданіи, никто не мог попасть. Попробовали и мы, но тоже неудачно. Тогда взял ружье папа и попал сразу. Велѣл поставить опять и опять попал. Попал и в третій раз. Мы и окружающіе кинтошки почувствовали к нему особое уваженіе.

Играли мы часто в городки, на огромном дворѣ Чертова дома. Так назывался необитаемый дом под горой на Садовой улицѣ. В этом домѣ, говорят, когда-то были убиты обитатели и будто бы послѣ этого там водились привидѣнія. Дом этот долго стоял необитаемым. Большой и хорошей дом. Громадный ровный двор был очень удобен для игры в лапту. Ваня пишет:

«Было очень оживленно, весело и шумно. Но, кромѣ Корш — гимназистов и реалиста — никого из игравших с нами не помню. Самого Корша, инженера, впоследствии убил кто-то. Папа по этому поводу написал брошюру: «Убійца Корша». Мой сверстник и товарищ Миша Корш остался в четвертом классѣ, а Володя памятен мнѣ, за то, что оставшись, кажется, в пятом классѣ на второй год, удрал по направленію Владикавказа. Случайно нашли и воротили. Под влияніем этого случая и я чуть не удрал, оставшись на второй год в третьем классѣ. Но этого никто не знает. Хотѣл удрать, конечно, в Америку. Дошел до Веры, вышел в поле и... вернулся. Кажется, захотѣл ѣсть. Корши жили у Тулаевых. Участвовали в игрѣ, конечно, и они и Володька и Костя Тулаевы.

Отец Тулаевых, кажется, мировой посредник, рѣдко бывал дома. Мать — нѣмка, лютеранка, но посѣщала постоянно всѣ православныя церкви. Костя замѣчателен тѣм, что, будучи исключен из второго класса гимназій, с помощью матери скрывал это от отца. Все время носил форму, покупал книги, ходил куда-то с ними и во время возвращался. И так до «окончанія» гимназій, не подходя к ней близко. Дочка Тулаевых — Элличка. У нея был жених офицер артиллерист. Не знаю, что именно мѣшало им жениться — кажется жених был женат...»

Играли мы на Вознесенской улицѣ еще и в «кочи», то есть бабки, но инья, чѣм в Россіи. Кочи эти, как сокровище, носились в карманах. Иногда раскрашивались и помѣчались разными цвѣтами. Одно время мы очень всѣ увлекались этой игрой. Играли с сосѣдними кинтошками, с Сандро и Гуго. Мы устраивались обычно тут же, гдѣ попало, на просыхающей послѣ дождя площадкѣ и пошла писать губернія. Сколько энтузіазма вкладывалось в эту игру. И как близко и на дружескую ногу сходились мы, во время игры, с нашими партнерами.

Карты, шахматы и шашки, впрочем, были болѣе постоянными нашими играми. С картами мы, кажется, даже ходили иногда гулять. Был по крайней мѣрѣ такой случай: мы намѣтили себѣ цѣлью изслѣдовать вершины гор за Ботаническим садом, за горой с пещерами. Смотрите папину книгу: «Пещерныя Жилища Кавказа». Для них Ваня с Мишей измѣряли и составляли планы и чертежи. Затѣм перевалив нѣсколько хребтов, мы забрались на самую высокую и скалистую вершину. Не успѣли мы хорошенько оглянуться, как были охвачены таким сильным туманом, что буквально в двух

цагах ничего не было видно. О спускѣ, конечно, не могло быть и мысли. Но мы не горевали: усѣлись, вытащили карты и с азартом начали играть в свои козыри. Был с нами тогда и солдат, должно быть тот же Андрей, такой же картежник, как и мы. Этот случай запомнился Ванѣ потому, что мы в туманѣ видѣли мираж — вмѣсто голых вершин и отдаленной равнины Куры, в туманѣ показался вид какого-то живописнаго городка с тополями и домиками... Долго нам пришлось тогда играть в карты, потому что туман не разсѣивался. Часа два мы играли на этой горѣ и оглашали окрестности послѣ каждой игры нашими картежными голосами в честь проигравшаго: «Цумба-цумба»...

Дом Гиргидова был обращен лицом на юг. Даже зимою сидѣть на ступеньках нашего «параднаго» подъѣзда и грѣться на зимнем солнцѣ было рѣдкое удовольствіе — просто сидѣть и наблюдать что дѣлается на нашей улицѣ.

В ближайшую пурню привезли с гор дрова. Лаваши и чуреки уже выпекли и из пурни пахнет удивительно вкусно душистым кукурузным хлѣбом. К толстому Оганезу в мелочную лавку, на нашем углу, зашли два кинто и торгуются, в чем-то не сходятся в цѣнѣ. Оганез сердится и кричит, будто он не продавец, а начальник. С гор осторожным шагом спускается вереница, навьюченных мѣшками с углем, лошадей и мулов.

У ног моих лежит наша рыжая собака Канис. Очень пріятно гладить ее, или еще лучше брать ее за концы прохладных ушей. Она так же, как я наблюдает, что дѣлается кругом и, должно быть, наблюдает с неменьшим, чѣм я интересом и с еще большим вниманіем. Она настораживает свои острия уши при малѣйшем к тому поводѣ.

Но вот возвращаются из гимназіи мои старшіе братья, сначала Миша, а потом и Юша. Ваня еще, так же, как и я, готовится для поступленія в гимназію, или в реальное училище. Миша идет и останавливается перед лавками и магазинами, о чем-то думает. Юша идет быстро и как будто торопится приняться за дѣла дома, или приготовляться к походу в горы. Папа приходит послѣдним. Он быстро идет, слегка сутуловато — это так кажется, потому что голова его обычно опущена вниз в раздумьѣ, или вѣрнѣе так, будто папа обдумывает во время дороги свою новую статью, или книгу.

У папы была привычка, придя со службы и пообѣдав, сейчас же, надѣв халат, ложиться на диван, на котором он и проводил большую часть времени, читал газеты, просматривал дѣла, полулежа писал. На столѣ у дивана всегда груды книг, бумаг, газет, чернильница, стакан с карандашами и ручками, другой с папиросами.

Цѣлое событіе было для нас, когда папа звал нас, чтобы мы помогли ему набивать папиросы. Папа разстилал на полу газету. Ставились на нее круглые пачки гильз, на них посыпался табак и всѣ мы, как большой чести, добивались того, чтобы хоть немного потрясти эти пачки, чтобы табак зашел во всѣ папиросы. Потом в каждую папиросу втыкалась вата. Но это было уже скучно и большею частью мы не доводили этого дѣла до конца, а предоставляли это самому папѣ.

Что было на много больше интересно то, что под кроватью у папы всегда стояла, как стоит теперь у Вани под кроватью, плоская большая шкатулка. Шкатулка орѣховаго дерева, тяжелая. Иногда, очень рѣдко, что-нибудь папѣ надо было достать из этой шкатулки, а иногда он и сам просто для нашего развлеченія вытаскивал с нашей помощью из-под кровати шкатулку на свѣт

Божій. Эта работа была не из легких, так как тяжесть была изрядная. Сдѣлана была эта шкатулка по особому папиному заказу здѣсь же на Кавказѣ, но очень давно, когда нас всѣх еще и в поминѣ не было, а папа был еще совсѣм молодым врачом.

С Кавказом у папы было связано много пріятных воспоминаній. Хранил папа в своей шкатулкѣ, повидимому, вещи дорогія для него по воспоминаніям и с этой холостяцкой, походной привычкой — держать свою шкатулку под кроватью, папа не разставался до самой смерти.

Мы всѣ окружали папу со шкатулкой. Даже мама часто присоединялась к толпѣ, так как и ей содержимое шкатулки не было доступно в обыкновенное время. Только что открывалась крышка, каждый тянулся что-нибудь взять. Братъ разрѣшалось, но с условіем положить назад. Условіе это честно исполнялось даже малышами, так всѣ чувствовали нѣкоторое благоговѣніе к шкатулкѣ и ея содержимому.

Папа обыкновенно не торопился запирать шкатулку и можно было за это время пересмотрѣть почти все: и серебряный кинжал, и зуб мамонта, и окаменѣлое дерево...

В шкатулкѣ была еще тяжелая мѣдная машинка, которая выбивала на бумагѣ: «Иван Иванович Пантюхов». Мы успѣвали при осмотрѣ вещей пососать курительныя трубки, из которых одна имѣла складной чубук аршина два длины. Другая трубка была привезена папой из Константинополя в 1878 году. Из этой трубки и теперь еще Ваня иногда покуривает дома. Мы успѣвали сдѣлать фокусы — наприимѣр, в шкатулкѣ были хитро связанныя стеклянныя пластинки, из которых верхняя по очереди сбѣгает вниз, перемѣщается. Мы успѣвали поиграть в костяные бирюльки и мѣдное тяжелое домино. Кромѣ того, в шкатулкѣ был куцый револьвер — Бульдог — Лефоше, серебряная иконка Спасителя, почернѣвшая от времени, которая была с папой на войнѣ, деревянная шкатулочка с орденами, два портфельчика с хирургическими инструментами и отдѣльно пилка, которой при операціях пилят кости. Много пузырьков с лекарствами. Я думаю там в шкатулкѣ было еще много других сокровищ, но всего не припомнишь. Вот развѣ еще нѣсколько археологических находок: позеленѣвшіе идолычки, каменные наконечники стрѣл...

Напротив нашего дома на тѣневой стороне улицы стоял дом Тулаевых, какой-то таинственный дом, как нам казалось, с таинственными, рѣдко видимыми обитателями. Таинственными, исключая нашего пріятеля болтуна и вралю Володьки Тулаева, с которым всѣ мы, мальчики, сошлись на короткую ногу. Его неистощимый запас лжи, хвастовства и фантастических разсказов не только не снимал таинственности с окутаннаго тѣнью Тудаевского дома, но, наоборот, придавал ему еще какой-то отгѣнок сказочности.

Отец Володьки... Да полно — существует ли он? Навѣрное Володька, по обыкновенію, врет, когда говорит, что на праздники пріѣзжал его отец. Какой-то старичек дѣйствительно промелькнул перед нашими глазами один раз, но во-первых, он пріѣхал на столь необычном для Вознесенской улицы фаэтонѣ, а во-вторых, вид у него был далеко не хозяйскій.

— Володька, ты врешь: это не твой отец.

— Клянусь Богом — мой. Вот не вѣрит, чудак. Спроси кого хочешь, всѣ скажут, что это мой отец.

Но спросить было некого. Сосѣдніе кинтошки так же мало знали о Тулаевых, как и мы сами. По глазам же Володьки никак нельзя было установить

врет ли он или говорит правду. Они одинаково честно и открыто — слишком, может быть открыто, смотрѣли на нас.

У Володьки череп был совершенно проломлен. На лбу, около самых волос, в ладонь величины такіе зіяющіе шрамы и рубцы от каким то чудом сросшихся костей. И все же видна была вдавлена в черепѣ. — Каким образом он был ранен, при каких обстоятельствах? На этот вопрос наш Володька давал отвѣты неопредѣленные и главное разнорѣчивые. Наибольѣе распространенной версией была та, что Володька участвовал в каком-то набѣгѣ одного горнаго племени на другое и был ранен, так сказать, в бою. Мы не вѣрили этому разсказу, но все же с уваженіем косились на его шрамы.

Лѣвѣе дома Тулаевых шел деревянный высокій забор, в щелки котораго можно было видѣть необычное для нашей улицы зрѣлище: ровный кирпичным порошком посыпанный плац — именно не двор, а плац, такой он был большой и ровный, приспособленный для игры в теннис, а дальше аккуратный цвѣтник. Здѣсь в первом этажѣ дома жили Смиттены. Он был прокурором тифлискаго окружного суда. На праздники к ним пріѣзжал сын правовѣд в странной черной треуголкѣ.

Правѣе дома Тулаевых начинался крутой Коджорскій подъем, о котором я уже писал. Здѣсь, как раз на этом крутом мѣстѣ, были ворота — вход в нашу маленькую, как шестигранная бѣлая коробочка, Вознесенскую церковь. При церкви, рѣдко принимавшее новых жильцов, маленькое, заросшее кустами и деревьями, кладбище.

Как близко все это от нас. Наискосок от нашего дома. Было о чем подумать и в чем не легко было нам, малышам, разобраться... Обыкновенно или деньщик Андрей, или Володька сообщали нам новость: сегодня в церкви свадьба. Иногда: крещение. Еще рѣже: похороны. Для нас, и особенно для меня, как младшего, все это было ново и мало понятно. Бог благословляет людей жить здѣсь на землѣ и дает им праздники и всякія радости. Люди желятся и Бог через священников благословляет их опять и дает им дѣтей. Однако иногда Бог посылает болѣзни и дѣлает людей несчастными. Иногда Он даже берет их отсюда куда-то в другой мір и это называется смерть и люди, которых Бог взял в другой мір, называются покойниками.

Все это происходило у нас почти перед глазами: на фаэтонах, дѣтей появившихся на свѣт, привозили в церковь. Там, по срединѣ, к этому времени хромой церковный сторож ставил металлическую круглую ванну, как вазу, и в ней, священник купал крестившихся дѣтей. Мама обо всем этом очень хорошо говорит, когда ее спросишь. Но как-то так выходило, что свѣденія церковныя и религіозныя мы получали из других источников и главным образом от Андрея и Володьки.

А свадьбы... О них вся улица возвѣщалась за цѣлую недѣлю вперед. Спеціальныя муши-носильщики носили по улицам напоказ приданое невѣсты: кровати, шкапы, перины, стулья, бурдюки вина, а на фаэтонах развѣзжали кинто — товарищи жениха и зурначи, тянувшіе свою однообразную мелодію. Кромѣ того зурначи ходили пѣшком, в сопровожденіи цѣлой толпы друзей и любопытных...

Наша жизнь в Тифлисѣ текла мирно и вмѣстѣ с тѣм разнообразно — слишком уж много впечатлѣній было у каждого из нас. Когда я стараюсь теперь представить себѣ наше семейство в домѣ Гиргидова, я вижу бѣлый дом, залитый ярким солнцем и окутанный золотистой мглою. Что это? — Может быть, наша мелкая тифлисская пыль, особенно если ожидается дождь, мо-

жет быть просто вечерняя мгла. И много всевозможных уличных звуков. Блѣннє овец, крик осла, вопли погонщиков и продавцов. Иногда зурна, или пѣсня. Иногда перекиканіе туземцев. Один из них уже далеко на горѣ по пути в Окроканы, а другой еще внизу, гдѣ-нибудь около нашего дома, и тот, который уже на вершинѣ, кричит благим матом: «Эй Ваню, Ваню! не забудь достать саману для осла»... или что-нибудь в этом родѣ.

*

Самое большое событіе, за время нашего пребыванія в домѣ Гиргидова, это первый прїѣзд из Питера брата Коли.

Коля прїѣхал к нам, в это первое наше лѣто в Тифлисѣ, возмужалый, в студенческой формѣ, немного уже забытый нами и даже будто не знакомый, но по-прежнему дорогой брат. В нем, несмотря на нѣкоторую мужиковатость, или просто возмужалость, было много маминой мягкости и нѣжности. Семнадцатилѣтній юноша, высокій, крѣпкій с пробивающимися усами и бородкой довольно темнаго каштановаго цвѣта, не то что мы всѣ, бѣлобрысые, с волосами цвѣта льна... Мы всѣ всматривались в Колю, стараясь найти в нем поскорѣе наши, пантюховскія, родныя черты и к нашему огорченію не сразу, не скоро нашли их. Во-первых — этот чуждый нам официальный сюртук, или бѣлый студенческой китель... Ничего лощеного мы здѣсь не любим. Во-вторых — отсутствіе экстаза нашего, безоговорочной любви к нашему чудесному, несравненному Тифлису.

Первый из Колиных минусов был вскорѣ ликвидирован мамой, шившей ему на другой же день отличную чесунчевую рубаху — косоворотку. Второй же недостаток — недооцѣнка Тифлиса и в особенности «нашей» восхитительной Вознесенской улицы и окрестностей ея, как-то: Ботанической горы, Сололакского ущелья, Ботаническаго сада, Окрокан и нашей Разноцвѣтной горы... Тут уж нам предстояла большая забота: все показать и всѣм заинтересовать нашего степеннаго брата с синим околышем. Станет ли только он нас слушать? Вот вопрос, который мы с Мишей старались разрѣшить. Ваня тоже, повидимому, выжидал. Как пойдет дѣло дальше? Очень уж мы всѣ лобили за глаза нашу гордость — брата студента.

Мы заранѣе рассказали о предстоящем прїѣздѣ всѣм друзьям, кинтошкам и Володькѣ Тулаеву. Станет ли наш Коля разговаривать с ними и сумѣет ли различить Сандро и Ваню.

У хозяина Гиргидова была дочка-кикелка лѣт восемнадцати. Этой дочке мы до прїѣзда Коли как-то и не замѣчали вовсе, а теперь она стала часто выходить на балкон и оттуда наблюдать, особенно, если Коля был с нами. К нашему изумленію и Коля, повидимому, был не прочь ближе познакомиться с кикелкой и очень бойко бесѣдовал уже с нею на разныя, не привычныя нам малышам, темы. Вот так фунт. Нам значит еще меньше времени останется быть с Колей.

Послѣ нѣскольких недѣль тифлисской жизни наш Коля все-таки сильно переимѣнился. Во-первых, он стал загорать. Правда, не так, как мы и вначалѣ у него все слѣзала с носа и лба кожа, но все же появился приличный загар, так что на него больше не оборачивались прохожіе на улицѣ. Во-вторых, он уже стал различать слова — Авлабар и рогорахар, то есть знал, что на Авлабарѣ можно купить дешево дыни, а на привѣтвенный «рогорахар» надо отвѣтить благодарностью: «мадлобели вар».

Пять братьев: Юша (Андрей), Коля, Олег, Миша и Ваня.

Мало того, Колѣ понравились наша гордость — наши горячія стѣрныя тифлисскія бани. Мы пошли туда живописной и тѣсной толпою из шести человѣк. Шли через Ботаническій сад и наперерыв старались показывать свои владѣнія: «Вот крѣпость грузинскаго царя Ираклія. Смотри — видишь там, высоко в стѣнѣ, вставлен синій большой камень. Это, когда турки пробили стѣну, Ираклій приказал вставить в пробоину свой драгоцѣнный камень, очень крѣпкій. Его никак не прошибешь. И кромѣ того его никак нельзя с такой высоты достать — сколько разбойников ни пробовало — ничего не могли подѣлать.

— А ты знаешь, Коля, что для того, чтобы стѣны были прочнѣе, грузинскій царь приказал, когда замѣшивали глину, чтобы туда каждый житель бросал по нѣсколько яиц. Яйца спаивали камни, как цемент... А наверху той круглой башни по ночам показывается привидѣніе. Нѣтъ, не привидѣніе, а просто разбойники. Я сам видѣл: черные такіе сидѣли вокруг костра и горланили. — А вот под этой чинарою сидѣл Лермонтов. Ты помнишь:

*...Под свѣжею чинарою
Лежу я на коврѣ.
Лежу один и думаю:
Ужели не во снѣ
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мнѣ.
...Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят
И колокольни черныя
Как сторожа стоят.
И поступью несмѣлою
Из бань со всѣх сторон
Выходят цѣпью бѣлою
Четы грузинских жен.*

— Вон, видишь, идут. И колокольни черныя, впрочем еще не совсѣм черныя, еще не стемнѣло. И огни на мосту, видишь? Только теперь у нас не один мост через Куру, а цѣлых три и еще строится новый Верійскій».

Красив Тифлис, когда на него смотришь вот так, с Ботанической горы вечером. Солнце еще освѣщает золотым полусвѣтом далекія Арсенальныя горы, а ближе, в котловинѣ города, прозрачная сиреневая мгла. Справа и за спиной темнѣет наше ботаническое ущелье, а над ним возвышаются скалистыя мрачныя горы с зіяющими отверстиями древних пещер. Это их — эти горы — окрестил Лермонтов «дремучими»:

*Уж за горой дремучею
Погас вечерній луч.
Едва струей гремучею
Мерцает жаркій ключ.
Сады благоуханіем
Наполнились живым,
Тифлис объят молчаніем.
В ущельи мгла и дым.*

Всѣ мы, включительно до младших, чувствуем почтеніе к великому поэту и я, как младшій, горжусь, что не хуже других знаю Лермонтова наизусть, много стихов знаю. И, пусть не сомнѣваются, понимаю все отлично. Когда я думаю на эту тему, то прихожу снова к заключенію, что дѣти, моего — семилѣтняго возраста, — если и не знают еще нѣкоторых особенно заковыристых слов, то главное все понимают ничуть не хуже взрослых. И напрасно взрослые подсмѣваются над незнаніем дѣтьми нѣкоторых слов или правил правописанія, это не доказывает большого ума у самих взрослых, кто так поступает. Все это пришло мнѣ на ум, потому что одно из моих дѣтских писем Кноррингам в Петербург, было там неправильно понято и над ним часто подсмѣвались, довольно добродушно, впрочем.

Я написал: «Здѣсь в Тифлисѣ очень жарко. Доходит до 37 градусов. Особенно когда устанешь». Помню, что я поставил с умыслом точку, чтобы не связывать с градусами усталость. Тѣм не менѣе письмо это послужило поводом для многих веселых минут, как в семьѣ Кноррингов, так и у нас.

На слѣдующій год по прїѣздѣ в Тифлис, то есть в 1889 году мы переѣхали в тот самый дом Поповой, который как стеклянная сказочная башня возвышался вдали на нашей Вознесенской улицѣ. Радость нас, дѣтей, была велика. Один даже процесс переѣзда, и это уже стоило многого. Новыя комнаты, новые обои, новый запах масляной краски и полы заново покрашенные, будто новая чистая страница открывается в нашем семейном альбомѣ и очень уж интересно знать, что будет на ней написано. Должно быть что-то очень занимательное. Особенность новаго дома: — полная его самостоятельность и уединеніе от всѣх других, это мы почувствовали сразу.

Дом на склонѣ Сололакской горы. Чтобы наш верхній этаж был бы в уровень с землею на этой высотѣ, надо было соорудить сначала высокую кирпичную стѣну, как крѣпость. На стѣнѣ основательныя перилы, кирпичныя столбы и в них вдѣланы толстыя бруски — никак не вывернешь. Шагов пять отступя, за перилами выстроен дом, так что первый его этаж из-за кирпичной террасы снизу с улицы и не видѣн вовсе. Видна лишь крытая стеклом длинная галлерея, переходящая в открытый балкон. А еще выше — огромная черепичная крыша. Вот каков был наш Поповскій дом, если посмотреть на него с улицы. А если посмотреть с Коджорскаго подъема, или с ограды Вознесенской церкви, то было видно за кирпичной стѣной как там много фруктовых деревьев, и в сад вела продѣланная в стѣнѣ узкая, тоже кирпичная, лѣстница. Перед этой стѣной и дверью, выложенный булыжниками, как всѣ почти тифлисскія улицы, большой треугольный двор. В остром углу его, там, гдѣ развѣтвленіе Вознесенской улицы и Коджорскаго подъема, широкія никогда не запиравшіяся ворота.

Пять комнат в ряд — всѣ свѣтлыя, всѣ радостныя, будто открывающія нам свои объятія. Кромѣ веранды и балкона на улицу еще крытая галлерея в сторону сада, гдѣ мы, мальчики, спим во время теплой погоды.

Огромное дерево грецкаго орѣха возвышалось на каменной террасѣ. Сколько развѣтвленной этого славнаго сѣраго ствола, добродушно позволяющаго нам лазить по нему вверх и вниз. И не только позволяющаго, но и помогающаго, очень удобно расположенными, крѣпкими, надежными вѣтвями.

Мы это сразу же очень оцѣнили и орѣх стал нашим любимцем, довѣренным лицом. Под старым орѣхом всегда происходили наши наиболѣе интересные игры и совѣщанія. С высоты верхних вѣтвей орѣха мы могли видѣть, оставаясь незамѣченными, далеко вокруг и это было большим преимуще-

ством. Кроме того, орех был покрыт тысячами зеленых плодов — будущих орехов. Если сорвать, то руки покрываются темной вязущей и терпкой на вкус жидкостью, но варенье из зеленых орехов изумительно вкусно.

Особенностью сада было то, что он был окружен высокой кирпичной стеной, через которую никак не перелѣзешь. Даже с высоты орехового дерева почти не было видно что происходит там, за стеной. Какой то незначительный и, кажется, необитаемый домик едва виднѣлся через листву. Людей мы не видѣли, если не считать одну странную, одѣтую в лохмотья, особу, не то сумасшедшую, не то юродивую. Она, впрочем, почти не появлялась на нашем горизонтѣ.

Сад был раздѣлен вдоль двумя аллеями, обсаженными виноградником. Толстые виноградныя лозы, как морщинистыя змеи, крутились около столбов и будто через силу подымали к небу свою листву, распластанную на навѣсѣ над аллеей, и виноградныя гроздыя тяжело свѣшивались вниз, защищенныя этой зеленой листвою.

Когда виноградныя листья еще молоды, то они имѣют кисловатый, свѣжий и очень приятный вкус. Мама дѣлала из них по туземному обычаю голубцы, которые подавались с мацони — кислое овечье молоко, вмѣсто сметаны — просто объяденіе!

Если смотрѣть на сад со стороны ореха, справа отдѣляла наш сад от остального міра стена и лѣстница, о которых я говорил. Внизу двор, покрытый мостовой из булыжников. У этой ограды большіе кусты сирени. Если свѣситься вниз и смотрѣть, то видѣн парадный подъѣзд и лѣстница на нашу стеклянную галерею. Невдалекѣ от ограды и ближе к ореху растет большое дерево курага, то есть средней величины абрикосы. Сад орошался водою, которая текла по трубам из Ботаническаго ущелья в Дворцовый сад. Стоило только отнять каменный заслон наверху в трубѣ и часть воды направлялась к нам в каменный бассейн, находившійся в верхней части сада. В этом бассейнкѣ мы купались в жаркую погоду и часто прямо с постели голышем бѣжали в бассейн.

Из бассейна, если открыть пробку, вода текла по оросительным канавкам вдоль виноградников. Папа сдѣлал нѣсколько новых канавок поперек сада, так что всѣ папины насажденія получали достаточно воды.

Это было любимым папиным занятіем — копаться в саду послѣ возвращенія со службы. Он как-то говорил, что растенія, цвѣты и домашнія птицы и собаки гораздо интереснѣе и разнообразнѣе людей.

У нас были розы, олеандры, левкои махровые, которых папа называл — царь цвѣтов —, гелиотропы, резеда, астры, анютины глазки, душистый горошек и другой ярко-красный горох, фуксіи, георгины, ноготки и всегда много ночной красавицы и повителя. Все это требовало за собой ухода, поливки, полотьбы и окучиванія.

Обѣдали мы в хорошую погоду тоже в саду на балконѣ. Там же и пили вечерній чай. Когда керосиновая лампа на столѣ освѣщала ближайшіе кусты и деревья сада, то картина получалась не только красивая, но и таинственная.

Около нашего кухоннаго крыльца, выходящаго в сад, росло отличное дерево винных ягод-инжир, или, по-библейскому, смоковница. За этим деревом, нѣсколько ступней вверх и дальше, вѣдуч, водопроводная труба через нашу Вознесенскую улицу на высотѣ нѣскольких саженей.

На эту трубу мы не смѣли лазить, но зато все остальное в Поповском домѣ и в саду было в нашем распоряженіи.

Больше всего нас привлекала, конечно, крыша: чѣм рискованнѣе предприятие, тѣм оно заманчивѣй для дѣтей. Чѣм оно необычнѣе, тѣм интереснѣе. Должно быть в этом с ранних лѣтъ сказывается у дѣтей стремленіе к героическому. Вот, залѣзть на крышу нашей галереи в саду по дереву, а затѣм, не скатившись вниз, пробраться к отверстию в стѣнѣ и очутиться одному на чердакѣ — это дѣло.

Чердак огромный, почти пустой. Было бы трудно таскать сюда какія-нибудь вещи, когда другой, болѣе доступной дороги сюда не было. Мы завели позднѣе здѣсь на чердакѣ голубей.

Едва ли не главная прелесть чердака заключалась в том, что отсюда с крыши было видно очень далеко, даже Арсенальныя горы виднѣлись немного, а это был уже для нас край свѣта. И все было видно как-то иначе, под иным углом зрѣнія, как с птичьяго полета. Вот идет с корзиной бѣлая городовой. Он только что смѣнился с поста, переменяя верхнюю часть костюма на штатскую, только штаны и сапоги выдают, что он городовой. Тащит в корзинѣ выглаженное бѣлье кому-то из своих заказчиков, то есть заказчиков его жены-прачки.

На противоположной сторонѣ улицы за кирпичной стѣной, терасами шел в гору фруктовый сад и виноградник. Дальше амфитеатром шли сады и домики-сакли. За ними возвышалась, как видѣніе, наша «Разноцвѣтная» гора. Она, должно быть, была поднята в дни сотворенія міра из глубины земного шара, такая необычная раскраска была на ея обрывах: красныя, синія и желтыя полосы шли горизонтально во всю ея длину. Краски были смягчены, будто выцвѣли под южным солнцем и казались перламутровыми. — Какая-то священная гора. И не даром люди построили на ней монастырь. Монастырь не был видѣн от нас. Он был обращен в другую сторону и смотрѣл на весь город, а не на наше Сололакское ущелье.

Жизнь наша в домѣ Поповой текла, как в сказкѣ, как в раю. Если Бог устроил гдѣ-нибудь радостную обстановку и радостную жизнь для своих дѣтей — для людей, то навѣрное это похоже на наш Поповскій дом. Он, как крѣпость, был отгорожен от остального міра высокой стѣной. Никаких волнений и тревог из внѣшняго міра как-то не доходило к нам туда. Будто кто-то незримый стоял в вѣтвях нашего гигантскаго орѣховаго дерева и контролировал всѣх и все, доходящее до нас, не допуская печалей и открывая широко двери только для счастья и радостей.

Или, может быть, это нормальная человѣческая жизнь так устроена и всѣ мы вездѣ на всем земном шарѣ находимся в раю и только лишь не знаем этого. Никто нам толком и авторитетно не скажет этого, чтобы всѣ мы в это повѣрили.

Глава V

Я поступаю в подготовительный класс. Татьяна и Анна Павловна. Миша — автор. Моя судьба — быть кадетом! Тифлисский кадетский корпус. Визит нашего приемного брата Чаго Анчабадзе. Письма Коли и Юши из С. Петербурга.

Осенью 1890 года, когда мнѣ было восемь с половиною лѣтъ, было рѣшено, что я поступаю в подготовительный класс первой тифлисской гимназіи, гдѣ так хорошо учился передо мной Миша. Он уже перешел в первый класс и тот же классный наставник Гирич, который был у Миши и довел его до перваго класса, вернулся снова в младшій подготовительный. Он очень ласково обошелся со мною и сказал, что если я брат своего брата, то я буду отличным учеником. Эти слова меня не мало озаботили и впервые поставили меня, так сказать, перед отвѣтственностью поддержать честь семьи. И потом это новое слово «отличный». Носят ли отличные ученики какое-нибудь отличие? Или и так каждый на улицѣ и в гимназіи знает, что идет «отличный» ученик. Какой-то невидимый ореол должно быть сопутствует им. Во всяком случаѣ и это и другія новыя слова не мало меня встревожили, хотя бы уж тѣм, что я многих из них не понимал. Даже игры здѣсь в гимназіи были какія-то новыя и мало доступныя. Напримѣр, главная игра была — «салик малик». Собственно говоря это просто игра в пятнашки на одной ногѣ и правила игры не сложныя. Но когда здоровые дяди — восьмиклассники гонялись друг за другом на плацу, то это производило на нас, новичков, ошеломляющее впечатлѣніе и должно было похоже в нашем представленіи на битву слонов. А во время гимнастики старших классов, каким уваженіем было окружено тоже непонятное нам, малышам, слово — «фуртурнер»...

Классная комната подготовительнаго класса помѣщалась внизу, на уровнѣ земли, и огромныя окна не давали много свѣта, потому что были частью заслонены вѣтвями акацій в гимназическом саду. Комната была на наш масштаб огромная и надо было вглядываться с непривычки, чтобы разглядѣть лучше, что дѣлается в противоположном концѣ. Все это огромное помѣщеніе было занято черно-желтыми партами — опять новое слово. Какіе длинные ряды!

Гирич ввел меня и сказал нѣсколько одобрительных слов мальчишкам, не произведших на них, впрочем, никакого видимаго впечатлѣнія. Мнѣ дали мѣсто и я с удивленіем стал разсматривать поднимающуюся крышку парты, пока кто-то сзади не потянул меня за волосы. Это, должно быть было дружеским привѣтом и я понял, что не станут же такіе «взрослые» господа — мои сверстники — здороваться обычным у людей путем.

Бросалось в глаза разнообразіе нашего подготовительнаго племени. Черные и бѣлые, длинные и маленькіе, толстые и тонкіе, крикливые и тихіе... Особенно запомнились обладатели этих крайностей, да и сами обладатели их, кажется гордились тѣм, что они не похожи на всѣх остальных. Впрочем, еще выдѣлялись из общей каши тѣ, которые обладали самым лучшим перочинным ножом, или какой-нибудь удивительной ручкой, тут уже кромѣ уваженія

примѣшивалось также чувство зависти, чувство, которому в будущем суждено было разгорѣться и служить причиною многих бѣд на землѣ...

Квартира в домѣ Гиргидова, гдѣ мы жили раньше, занята не совсѣм обычными для Вознесенской улицы людьми. Сѣдая, как лунь, дама — Антонина Николаевна Кистенева и при ней муж, очень тихій и мало замѣтный человек, хромящий на одну ногу и шагающий большими шагами. У Антонины Николаевны дочка — гимназистка лѣтъ пятнадцати, Надя и еще дочка Нелли, лѣтъ шести.

Сам Кистенев, а может быть и жена его, были, кажется, высланы на Кавказ по политическим причинам, но об этом мы узнали гораздо позже, да и мало интересовались этим.

Надя — веселая, смѣшная пѣвунья, по виду напоминающая хохлушку, сразу же разшевелила всѣх нас: стали устраиваться пикники, вѣрнѣе «прогулки» или даже «походы», стали пѣть хором пѣсни на этих прогулках, и в нашу компанію на этих прогулках вливались совершенно новые люди. Например, «дядюшка» Маленчук и еще другой «дядюшка» Лосев. Первый — черный как цыган, веселый и добродушный. Второй — крупный и малоповоротливый человек с крупным, неправильной формы, носом. Повидимому, он был тоже благодушный человек, потому что ничуть не сердился, когда про его нос пѣли хором пѣсню:

*У инога нос хотя и длинный,
Все ж бывает благовидный,
А уж этот нос... нос... нос...*

Надина наша и запѣвала и заливалась звонче всѣх. Она еще училась в гимназии и носила форменное коричневое ученическое платьѣ, но считалась у нас почти взрослой. Инициатива у нея была очень большая. Наканунѣ прогулок она всѣм давала указанія самыя исчерпывающія: что взять с собою, когда и куда приходиться, когда предполагается возвращеніе и прочее.

С собою брались пирожки, яйца, сваренныя вкрутую, овечій сыр, чуреки, нѣсколько заварок чая, чайники, кружки. Все это наваливалось преимущественно на богатѣрскія плечи «дядюшки Меленчука», который никогда не жаловался на поклажу и даже, кажется, считал за особую честь нести столь цѣнное сокровище. Нам доставалось нести лишь какіе-нибудь пустяки, вродѣ мыла и полотенца. Если шли мы с ночевкой, выходили спозаранку, когда еще даже окраинныя улицы спали сладким сном.

Куда мы ходили? — К развалинам монастыря Св. Удзо, что влѣво от Коджор, или к развалинам крѣпости Кэр-Оглы, что вправо, или к деревнѣ Павкиси, которая лежала у подножія Коджор... Первые наши походы были в эту ближайшую к Сололакам сторону. Самые Коджоры казались нам каким-то сказочным и малодоступным мѣстом. Мы знали, что туда лѣтом катили мчавшіеся мимо нас и пылившіе дилижансы; мы знали, что в Коджорах прохладно и... дорого. Видѣли мы эти Коджоры с высоты голой вершины Удзо и будто чувствовали прохладу и влагу, доносившуюся к нам. Но в самих Коджорах нам как-то нечего было дѣлать. Мы предпочитали мѣста болѣе дикія и болѣе интересныя. Пусть Коджоры останутся «на закуску», — когда-нибудь и к ним соберемся.

Приблизительно в это время, из Петербурга вернулась к нам Татьяна Павловна Торченко с маленькой дочкой Лидой. И Татьяна Павловна, и ее

сестра Анна Павловна обѣ очень любили всѣх нас и в особенности нашу маму. Мама отвѣчала им тѣм же. Официально Татьяна Павловна пріѣхала помогать мамѣ по хозяйству. На самом же дѣлѣ просто потому, что ей нужны были близкіе люди и она без мамы чувствовала себя одинокой. Мама, а иногда и мы по вольности дворянства, называли ее просто Танечкой. Это был у нас совершенно «свой» родной человѣкъ.

Впервые мы познакомились с сестрами Ильиными в Кіевѣ, когда меня еще и на свѣтѣ не было. Сестры оказались нашими сосѣдками, когда «мы» жили на Печерскѣ в домѣ Милейко, гдѣ я родился. Сразу же как-то так вышло, что всѣ три сестры очень привязались и подружились с мамой. Третья сестра вышла замуж и к нашему ужасу за еврея.

Татьяна Павловна вышла замуж, но очень неудачно, и хорошо сдѣлала, что быстро от мужа ушла. Маленькая Лида очень всѣм нам пришлось по душѣ и стала скоро неразлучным товарищем в наших дѣтских играх. Для мамы же она стала как бы родной дочерью, о которой мама всегда мечтала.

На Рождество мы всѣ писали в Петербург поздравленія: дѣдушкѣ с семейством, Ольгѣ Семеновнѣ с мужем и дѣтьми, а также, конечно, нашему Колѣ. Поздравительныя карточки покупали на Головинском проспектѣ в Дитятковском Товариществѣ или на Дворцовой улицѣ, а то и просто на базарѣ, на лоткѣ. С ранняго дѣтства сохранились воспоминанія о чудесных рождественских карточках, обсыпанных чѣм-то блестящим, не то слюдой, не то толченым стеклом. Как онѣ горѣли и сверкали — просто заглядѣнье. У меня сохранилась карточка, присланная мнѣ лично Колей из Петербурга. Помню, что она долгое время находилась в числѣ самых драгоценных моих сокровищ. На лицевой сторонѣ в рамкѣ, будто выполненной в русском стилѣ, в бревенчатой избѣ, под образом танцуют русскую «боярышня» в русском сарафанѣ, в кокошникѣ с длинной косой и с бѣлым платком в поднятой рукѣ. Перед нею, почти разстилаясь по полу, откалывает трепака парень в красной рубашкѣ и в блестящих высоких сапогах с красными отворотами. На оборотѣ Колино «письмо»:

Художнику Олегу от Коли. Поздравленіе с Новым Годом и желаніе получить письмо.
1889 г. Н. Пантюхов.

Радостная пора рождественских праздников! Что в них было такое особое, привлекательное? Отдых от гимназіи? Подарки? — Нѣтъ. Я думаю радость просто отражалась, как в зеркалѣ, и на наших лицах и в наших душах, в сознаніи, передаваясь от других и от наших же членов семьи. Просто — в воздухѣ было разлито что-то, непередаваемое словами. Радость так же заразительна, как тревога, грусть, паника. На улицах опять зурна, веселые крики и разношников и сосѣдей. Подарков дорогих мы не получали, но тѣ маленькіе, которые мы получали, были для нас чрезвычайно цѣнны: перочинный нож, записная книжка «Товарищ», какая-нибудь удивительная ручка или просто что-нибудь необходимое из одежды. Особенно велика наша радость была, когда мы получили на Рождество билеты на спектакль в Артистическое Общество.

Никогда не забудется этот таинственный полумрак газового, невиданнаго раньше освѣщенія, и этот, тоже никогда не встрѣчавшійся ранѣе запах, я не спрашивал — какой это запах. Я привык, что вопросы младших членов семьи часто бывали неумѣстны, да и некогда было старшим отвѣчать на всѣ во-

просы. Так что запах свѣтильнаго газа просто стал для меня запахом театра и казался удивительно пріятным.

Дальше все было также ново и малопонятно, но в высшей степени красиво... В семь лѣт мы уже стали, хотя и нехотя, отвергать правду в сказках, а вот тут доказательство: сказка налицо, в жизни, на сценѣ. И какая сказка! Тут были и волшебники, и феи, и прекрасные рыцари, и свѣт какой-то невиданный...

Что может быть лучше сказки, видѣнной нами на сценѣ. И кто может быть счастливѣе нас, видѣвших эту сказку...

А жизнь шла своим чередом. Жалко бывало, когда папа по дѣлам службы должен был уѣзжать куда-то и я не вполне ясно представлял себѣ, куда именно; но папа был, кажется, доволен, когда в домѣ начинались несложныя приготовленія его несложнаго багажа.

В руках у меня письмо мамы, посланное папѣ, когда он был на одной из таких командировок. Письмо каким-то чудом сохранилось. Конечно для папы всѣ мамины письма были дороги, но мало какія из них остались нам. Вот это письмо:

«4 мая 1890 г. Так как ты еще не знаешь, куда отправишься, то адресую тебѣ в Батум, да и благоразумнѣе будет туда направиться ввиду твоего недомоганія. Я бы посоветовала вернуться в Тифлис и, оправившись, ѣхать в болѣе недоступныя мѣста. Уж тут расчет небольшой. Ради Бога, береги себя! От Коли получила письмо, говорит, что к 25 мая он будет свободен и я, с твоего благословенія, написала, чтобы пріѣзжал. Пошлю ему кассовую книжку и скажу, чтобы остальные деньги взял из своих. Коля прислал письмо Кривоцова к тебѣ, просит, чтобы ты помог ему перейти в другой город на службу.

От Михайла Павловича Гриневича удивленное письмо, — просит разъясненія насчет нашего переселенія. Так любезен, что я ему уже отвѣтила, как умѣла, а ты напиши еще с дороги. Он генерал, живет в Замкѣ, так и адрес. Прислал Мишѣ карточку, тот в восторгѣ. Миша в послѣднее время в агитации по случаю прибытія Шаха. Сегодня был у них в гимназіи. Завтра пойдут всей гимназіей провожать его на вокзал.

Цвѣты идут хорошо, на большом лимонѣ замѣтны бутоны и новые листья. Я его обчистила от насѣкомых и вообще ухаживаю за цвѣтами.

Аннѣ Павловнѣ не везет: мѣста самыя не подходящія, она горюет и если бы ты не сердился, я оставила бы ее у себя на неопредѣленное время: она так полезна нам. Твоя Ольга.

...Все у нас в Тифлисѣ шло хорошо: папа благополучно возвращался. Коля пріѣхал в Тифлис и Миша перешел в первый класс, несмотря на свои восемь с половиной лѣт. Юша из тифлисскаго гимназиста въслѣдствіи превратился в действительнаго статскаго совѣтника и очень опытнаго и талантливаго врача. Кто мог представить себѣ, что через каких-нибудь тридцать три года Юша и я очутимся не только внѣ Кавказа, но даже вдали от Россіи. Кто бы повѣрил тогда какому-нибудь грубому предсказанію о том, что потом случилось.

Жили мы в Тифлисѣ счастливо и беззаботно. Мама особенно повеселѣла, когда Анна Павловна, а затѣм и Татьяна Павловна поселились у нас. Было с кѣм поговорить по душѣ и про нас — дѣтей и про разныя хозяйственныя и другія предположенія. С Анной Павловной мы, когда были маленькіе, любили ходить гулять. Если мы шли по улицам мимо витрин магазинов, то Анна Павловна разрѣшала нам выбирать все что угодно с тѣм, что она купит выбранное нами — «когда Васька деньги пришлет». И эта фраза, «когда

Васька деньги пришлет», стала для нас обычной, употреблялась при разных подходящих случаях и означала примерно то же, как французское à Râques ou à la Trinité. Так тянулось из года в год, а Васька денег не слал. Оказывается, это были деньги, данные Васькѣ в долг, и не возвращаемыя им. Но вѣра в Ваську была велика и мы вѣрили, что когда-нибудь да придет же наконец Васька деньги.

В домѣ Поповой в осенніе и зимніе вечера было холодно. Во всей квартирѣ было два камина и, кромѣ кухонной, только одна печь. Вокруг камина в папиной комнатѣ собиралась по вечерам вся семья. Иногда, папа, ероша пальцами волосы, или, растопырив пальцы и заслоняя таким образом яркій свѣтъ и жар, говорил что-нибудь по поводу газетных или каких-нибудь других извѣстій. Иногда всѣ молча читали, папа и мама журналы и газеты, а мы свои учебники или «Природу и люди», которую выписывал Миша, или «Задушевное слово», в которое тот же Миша писал иногда «письма в редакцію». Одно из таких писем было напечатано полностью: это было описаніе нашей прогулки к монастырю Св. Іоанна Зедазенскаго. Монастырь на высоких лѣсистых горах, верст около двѣнадцати от станціи Авчалы. Какія великолѣпныя мѣста и как хорошо, что святые подвижники выбрали такія высокія горы для своих молитв. Внизу, далеко в туманной мглѣ на одном из предгорій, монастырь Святого Креста. Это тот самый монастырь, гдѣ жил Лермонтовскій Мцыри и откуда так же хорошо, как и из монастыря Іоанна Зедазенскаго видно сліяніе двух рѣкъ — Куры и Арагвы. Желтые воды Куры обнимаются с сѣрыми водами Арагвы, но вода долго еще не соединяется и половина течения одного цвѣта, половина другого, так и течет вода вдаль к Тифлису. У сліянія двух рѣкъ город Мцхет...

*Там гдѣ сливаясь шумят,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь...*

Всѣ мы, кажется, гордились, что наш десятилѣтній Миша — «писатель», что его замѣтка попала в «Задушевное Слово»... Кто знает — может быть и в самом дѣлѣ дѣтская замѣтка дала Мишѣ толчек к тому, чтобы в будущем стать писателем.

Бѣлобрысый, как всѣ мы, нѣтъ, даже болѣе нас остальных. Волосы у него были как лен и лицо тоже бѣлое, не поддающееся загару. Глаза, почти голубые, сѣроватые, с нѣкоторых пор эти глаза стали не по лѣтам серьезны. Вопрос о серьезности Мишиных глаз очень меня мучил. Мнѣ казалось, что это чуть ли не измѣна нашим дѣтским веселым играм, какое-то едва замѣтное отчужденіе... Но все это пришло позже. В поповском домѣ все еще было по-прежнему, по-дѣтски счастливо и весело.

Хоть зимою и холодно было, но это как-то не замѣчалось нами. Помню, что температура бывала 7 или 8 градусов зимою. Но что ж, тогда вот топилась камини и мы иногда жарили в углях каштаны и слушали папиныя разсужденія. Было большое удовольствіе чувствовать, что мы всѣ тут вмѣстѣ. Иногда по очереди читали стихи. Если это была новая книга стихов, то ставили баллы за каждое стихотвореніе — шесть, семь отмѣток по старшинству, начиная с младших.

«Истина глаголет устами младенцев», говорили мнѣ старшіе братья для

поощрения... Читали Пушкина, Лермонтова, Крылова и Черниговца. Как раз в это время стали у нас больше и больше говорить о Чеховѣ. Правда, это были пока лишь смѣшные его рассказы, над которыми всѣ мы от души смѣялись, но потом пошли и другіе. Наша сосѣдка Надя Кистенева тоже зачитывалась нашей книжкой «Пестрых рассказов». Помню, как она рассказывала, что уже будучи в постели читала «Налима» и вот, хотя всѣ дома уже спали, Надя так расхохоталась, что разбудила свою мать хохотом. И, когда та спросила в чем дѣло, Надя прочла ей страничку и тогда смѣялись вдвоем.

Иногда и пѣли хором, как в Петербургѣ. К прежним пѣсням присоединились новыя, кавказскія: «Мравол джаміэ... мравол джаміэ... мравол джаміэ... Мэртма инебос, мэртма инебос... Мэртма ицоцхлэ». — Вот кажется и всѣ слова этой незамысловатой застольной кавказской пѣсни. Поется она или торжественно, протяжно, причем запѣвал у нас всегда Юша, или быстро с измѣненными словами: «Джаміэ, джаміэ, мэртма джаміэ...» Смысл пѣсни, кажется, — «Будь здоров», повторяемое на всѣ лады. И затѣм благодарность — «Благодарю вас»...

...Хорошо было, вернувшись из гимназіи, забраться с Ваней на крышу и затѣм на чердак. Полюбоваться на наших голубей и выпустить их полетать. В воздухѣ прохлада. Зимнее солнце освѣщает бѣлых птиц, а с сѣвера, будто заслоня нас от непогоды и невзгод, благосклонно раскинулась и благосклонно смотрѣла на нас, позлащенная солнцем, священная для нас Разноцвѣтная Гора. Казалось, ея перламутровыя полосы благодушно улыбались и благословляли нас... Сколько радостей... Когда утром проснешься и в окно через балкон увидишь нашу гору и поймешь, что все болѣе чѣм благополучно, все так же радостно, как было радостно все вчера и позавчера, то кричишь что-нибудь Мишѣ, или Ванѣ — «Эй, вставай, соня»... А тѣ уже проснулись и находятся в таком же блаженном состояніи неясных предположеній на сегодняшній день, предвкушая, так сказать, удовольствія, которых может быть, будет так много, что хоть выбирать. Пока что поваляться в постели тоже хорошо. Можно ногами из простынь дѣлать снѣжные горы. — Вот Казбек, а вот Арарат. Арарат мы, положим, еще не видѣли в натурѣ, но зато на картинках — сколько угодно. Если примостить сбоку вот эту коробку от перьев, то есть и Ноев ковчег... Складки простыни образуют отличныя, очень правдоподобныя, ущелья. — Вот вьется по одному из них горная тропинка. Я иду по ней выше и выше... — «Нѣкоторые еще спят», раздается вдруг голос папы. — «А нѣкоторые уже встают», отвѣчает кто-нибудь из нас. И мы вскакиваем, чтобы бѣжать умываться. Если это происходит лѣтом, то бѣжим прямо к бассейну, в сад. А стол уже накрыт и мама разливает нам чай.

На поповской квартирѣ я впервые прочел «Таинственный Остров» Жюль Верна. Что за поразительная книга!.. Мнѣ казалось, что лучше этой книги я едва ли найду. Робинзон Крузе, правда, тоже хорош и забавныя приключенія Плиси и Плюма — Макса и Морица — очень смѣшны, но «Таинственный Остров» непревзойден. Я читал его «запоем», лежа на скамьѣ под нашим орѣхом и отлично помню все окружающее меня в это незабываемое время.

Лѣтом к нам, на этот раз вмѣстѣ с Колей, пріѣхал и Гриша Кнорринг.

Какая разница между нами, «кавказцами», и «столичными жителями». Впрочем Гриша довольно быстро акклиматизировался и вошел во всѣ наши интересы. Он так же, как и мы, стал носить сшитую мамой косоворотку и лазил с нами по горам, как заправскій кавказец. Мы всѣ вмѣстѣ с Гришей

ходили на охоту, но здѣсь, как всегда, пальма первенства принадлежала нашему Юшѣ. Прежде чѣм выстрѣлить, Юша всегда сильно прищуривал глаза и даже как бы удлиннил один глаз, растягивал его пальцем. Затѣм, когда «дичь» рассмотрѣна ясно, взводился курок и... рѣдко бывали промахи. Дичь, впрочем, как всегда составляли безобидные воробьи и иногда кобчики.

...В гимназіи жизнь текла своим чередом. Я перешел в старшій приготовительный класс, но не мог порадовать своего класснаго наставника такими же блестящими успѣхами, какими радовал его мой брат Миша. Толстый Гирич даже мнѣ говорил об этом и я находил, что такой разговор не особенно тактичен. В ученіи очень многое зависит от самих учителей, то есть от их умѣнія не напугать излишней премудростью и непонятными словами своих учеников.

Послѣ классных занятій мы иногда снова приходили в гимназію, чтобы смотрѣть туманныя картины, а раз была большая сенсація. — Демонстрировалась говорящая машина — новое изобрѣтеніе Эдиссона — фонограф. На эстрадѣ, на столикѣ был поставлен небольшой черный ящичек с какими-то катушками и нѣсколькими парами проводов, которыя специальными приспособленіями-наушниками соединялись с ушами. Еще интереснѣе было, когда сняв долой эти провода, прицѣпили к машинѣ ратруб и машина заговорила, а затѣм, когда пег мѣнили восковой валик, то запѣла, а слѣдующим номером и заиграла. Игра... духовой оркестр... С интересом мы всѣ слушали и смотрѣли на эту новинку, предвидя, что новинкѣ этой суждено будет сыграть очень большую роль. Преподаватель, объяснявшій изобрѣтеніе, напомнил нам, что мы живем в вѣк величайших открытій. Не так давно был изобрѣтен телеграф, желѣзныя дороги, фотографія... слѣдующее изобрѣтеніе, которое нам демонстрировали в гимназіи, было еще болѣе интересное — движущаяся фотографія. Кто-то играл на рояли вальс «Дунайскія волны», а на экранѣ шумѣло и бурлило море. Говорю — шумѣло потому, что и тогда догадался кто-то подражать очень естественно шуму, когда море шуршит песком и гравіем, разливаясь волнами по берегу. Какая иллюзія!.. Были и другія картины — жизнь города, какіе-то неизвѣстные люди...

Итак, мы дѣти, на дѣлѣ убѣдились, что живем в вѣк новых изобрѣтеній и новых открытій. Удастся ли нам внести свою лепту в это дѣло...

Я, конечно, не знаю причины, почему я не так хорошо учился, как того ожидал Гирич и мои родители. Думаю, что причиной была моя разсѣянность и еще восторженная воспримчивость ко всему окружающему. Слишком уж интересно для меня было все кругом, чтобы я мог пожертвовать хоть частицей этого міра для сухих уроков.

Не знаю, по причинѣ ли моих не очень блестящих, хотя все же вполне удовлетворительных, успѣхов, или по финансовым соображеніям, но папа заговорил как-то со мною о кадетском корпусѣ. По всей вѣроятности, обѣ причины были налицо. Идея кадетскаго корпуса была для меня сначала ошеломляющая, отталкивающая и обидная. Если бы мнѣ не было сказано, что в кадетском корпусѣ будет «все казенное» и, стало быть, будет легче сводить концы с концами моим родителям, то я отклонил бы эту идею, тѣм болѣе, что рѣшеніе было предоставлено лично мнѣ. Отвѣтъ я должен был дать в концѣ лѣта. В моем распоряженіи было мѣсяца два, чтобы обдумать мой отвѣтъ.

Было о чем думать теперь на сон грядущій, когда я оставался один. Мнѣ представлялось, что я на войнѣ, в рукопашной схваткѣ, каким-то чудом

побѣждаю своих врагов и мною гордятся, я получаю бѣлый георгиевскій крест. Но мнѣ отвратительна мысль, уйти из дому, гдѣ мама и братья, гдѣ папа, гдѣ столько радостей, уйти куда-то, как в тюрьму, когда мнѣ еще нѣтъ и десяти лѣтъ... Не раз подушка моя была мокрая от слез.

Я видѣл как-то издали этот кадетскій корпус. И что, собственно, значит это странное слово — корпус? Должно быть — зданіе, казарма, на которую он и в самом дѣлѣ очень похож. Вон там, на Арсенальной горѣ, артиллерійскія казармы, онѣ совсѣм такія же, как кадетскій корпус на Головинском проспектѣ. Маленькое утѣшеніе было в том, что я, как и в гимназій, буду ночевать дома... По крайней мѣрѣ первый год... Иначе, я думаю, я бы не выдержал посланнаго мнѣ испытанія... И еще есть кое-что интересное в кадетской жизни. — Говорят, что там лѣтом кадеты живут в палатках. Это, может быть, компенсирует казарменную жизнь зимой... В концѣ концов я принялъ на себя добровольно этот крест, главным образом потому, что это облегчит денежные заботы моих родителей. — Я шел на подвиг ради них. Вѣдь всѣ мы, братья, очень любили своих родителей, так же, как и они нас...

Примѣрно в это время случился один эпизод, оставшійся у меня в памяти. Кажется, я взял без спросу виноград, и деньщик-поляк подсмотрѣл и наябедничал на меня папѣ. А папа сказал ему при мнѣ: «не может быть, какой вздор». И неудачнаго жалобщика отправили обратно в роту. Этот случай очень повліял на меня и я тогда еще рѣшил, что лучшаго педагога, чѣм папа, трудно найти. Мама же знала правду и плакала. Это тоже сильно повліяло на меня. Иногда мы с Мишей говорили о мамѣ и папѣ и ставили ребром вопрос — «кто лучше», «кого мы больше любим» и мудрый Миша подсказал, что «одинаково». Маму за одно, а папу за другое.

Когда папа говорил с нами, мы старались не пропустить ни одного его слова. Должно быть он был очень талантливый не только ученым, но и талантливым педагогом. С каждым из нас, если он говорил в отдѣльности, то для каждаго выбирал темы подходящія.

И так, в одно прекрасное, или не прекрасное, утро мы с папой отправились на вступительный экзамен в кадетскій корпус. По дорогѣ папа по обыкновенію говорил мнѣ свои мысли. Он похвалил меня и, будто предугадывая терніи корпусной жизни, сказал, что с мелкими людишками лучше всего справляться спокойствіем, равнодушіем, сознаніем собственного достоинства. Не знаю по какому именно поводу, но хорошо помню, что именно в это утро папа упомянул и о себѣ, о том, чего он добился в жизни. Должно быть это так вышло логично, когда он говорил о необходимости в жизни настойчивости. Папа, как будто вскользь, но все же ясно, сказал, что вот он добился того, что занимает высокое положеніе по службѣ и его очень цѣнят и его ученые труды переводятся и цитируются в иностранных изданіях и журналах, и его выбрали членом Парижскаго Географическаго Общества.

Помню, что папа говорил об этом, должно быть, чтобы поощрить меня к занятіям, а может быть, кто знает, предполагая, что в корпусѣ мальчишки, сыновья офицеров, станут кичиться своими отцами.

*

Итак, я в кадетском корпусѣ. На собственный счет, то есть на счет моих родителей, мнѣ сшили форменный мундирчик, штаны и пальто. На красных с желтым кантом погонах внизу поперечная желто-оранжевая полоса

— нашивка. Это означает, что я приходящий, а не «казеннокоштный» — какія все новыя и неудобоваримыя слова. И чѣм дальше, тѣм хуже: пригонка бушлатов в ротном цейхгаузѣ. Что за китайщина? А в цейхгаузѣ и запах какой-то чужой и непонятный, смѣсь нафталина с запахом кожи — сапог и поясов.

Большое впечатлѣніе произвело на меня еще то обстоятельство, что каждаго из нас измѣрили и поставили по росту и затѣм каждому из нас дали свой номер.

У меня явилось подозрѣніе, что теперь уже перестанут называть меня не только по имени, но даже и по фамиліи, а так просто по номеру: номер седьмой! Для скорости и простоты... «Как в тюрьмѣ или к казармѣ», думалось мнѣ.

В больших корпусных залах, которыя имѣлись в каждой ротѣ, во время перемѣн стоялъ невообразимый шум, гам, возня и безобразная, ни с чѣм не сравнимая, никогда неслыханная и непонятная вначалѣ ругань. Сначала мнѣ казалось, что всѣ окружающіе и мальчики и взрослые должны были бы накинуться на негодяя, изо рта котораго вылетают мерзкія, позорныя слова. Я ждал, что негодяя изобьют и прогонят. Мнѣ даже заранѣе жалко стало сквернаго мальчишки: что с ним будет, когда его выбросят из корпуса на улицу.

Не тут-то было. Негодяя не выбросили куда и будто никто не слышал сказаннаго им, — может быть мнѣ все приснилось? Чѣм дальше, тѣм лучше я стал понимать, что драки и ругня не считаются позором в этой запорожской вольницѣ. А почему? Так и осталось для меня загадкой... Дома у нас никогда ни один из братьев не произнес ни одного нецензурнаго слова, как-то не было это принято. В гимназіи почти тоже самое: руготни не было. Драк почти тоже не было.

Было нѣсколько разных, так сказать, обстановок в корпусѣ: ротный зал, классы, спальни, умывалки, корпусной плац и еще, пожалуй, надо добавить к этому — подвалы — «калориферы», как их, кажется, звали.

В классах на уроках тихо и интересно в большинствѣ случаев. Учителя были разные: толстыя, тонкіе, старыя, молодыя, добрыя и строгіе, знающіе свое дѣло и не знающіе его. В зависимости от этих причин на одних уроках было интереснѣе, на других скучнѣе, но все же в нашем распоряженіи, даже на скучных уроках, были карандаши, тетради, книги, линейки... Всего этого выдали нам много и рѣдкій учитель протестовал, если мы осторожно это все рассматривали или пускали в ход.

С первых же шагов нас взялъ под свою опеку человек, с чрезвычайно свѣтлыми волосами, усами и бровями. Глаза у него были голубыя, а одѣтъ он был, как и всѣ офицеры, в длинный зеленоватый скюртук. Он назвал себя по имени, отчеству и по фамиліи: Евгений Иванович Дуббельтъ. И сказал, что он будет замѣнять нам здѣсь в корпусѣ отца! Так и сказал. Ясно, что он затронулъ нашу больную струнку и мы всѣ с недоумѣніем покосились на него и подумали: «не доставало еще, чтобы он кошунствовал». Но он нам понравился, потому что он зналъ уже каким-то образом всѣх нас по имени и потому, что очень уж дружески объяснил нам всѣ мелочи кадетской жизни.

Хорошо было все-таки по окончаніи классов выходить из огромной двери корпуса и чувствовать себя снова самим собою, ходить, как всѣ люди, вот по этим плитам тротуара на Головинском проспектѣ и останавливаться, если захочешь, у Дитятковского Товарищества.

Уличные плиты особенно умиляли меня в эту пору, подумать только,

как много онъ на своемъ вѣку видѣли и никто их не двигает по-своему усмотрѣнію с мѣста на мѣсто. Когда дойдешь до Сололакской улицы и, пройдя ее, повернешь налево, там, на изгибѣ, гдѣ для сокращенія пути переходишь на другую сторону улицы, есть камень, на который я никогда не забывал наступить, когда идешь домой, чтобы оставить на нем кусочек счастья, которым была наполнена моя душа, а потом, чтобы наступив на этот камень по дорогѣ в корпус, захватить с собою этот незримый кусок радости. И этот камень никогда не обманывал меня. Как будто он давал мнѣ силы на трудный путь.

А дома почти все по-старому, как будто ничего не случилось. Ваня тоже поступил в реальное училище и носил фуражку с желтым кантом, за что наши гимназисты Юша и Миша прозвали его: яичница с луком, а меня Миша в минуты ссор стал обзывать «солдафоном».

Юша перешел одним из первых в восьмой класс гимназіи. Кромѣ того, Юша давал все это время уроки и заработал порядочно денег. Он купил себѣ маленькие часы и фуражку. Кромѣ того, он очень много работал с гектографом — записками для учеников его класса по математикѣ и другим предметам. Руки у него на первых порах были в это время всегда фиолетовыя от гектографских чернил и сам он был все время чрезвычайно занят. Надо добавить, что он был нашим семейным фотографом и снимал для папы много специальныхъ фотографій антропологических и медицинских.

Я довольно хорошо представляю себѣ нашего Юшу в послѣднем классѣ 1-й Тифлисской гимназіи: всегда дѣятельный, о чем-то думающій, очень, по нашему мнѣнію, красивый, красивѣе всѣх нас. Румянец во всю щеку, и какой-то дѣвичій нѣжный румянец. Тонкій, строгій нос. Едва пробивающіеся усы и борода.

*

Наступил 1893 год. Мы всѣ встрѣчали его с особенным, нѣсколько тревожным чувством: Юша кончал гимназію и уѣзжал в университет. Я переходил во второй класс кадетскаго корпуса и, значит, дѣлался «казеннокоштным» — одно слово чего стоит! Наконец, Ваня предполагает поступить в училище садоводства. Один Миша остается без больших видимых перемен, но переменны, мало видимыя в нем, были очень для меня ощутительныя: между нами все меньше и меньше было дѣтской чудесной близости и это очень мучило меня.

И вот осенью Юша уѣхал в Петербург. Мы провожали его на почтовой станціи, той самой пыльной почтовой станціи в концѣ Головинскаго проспекта, на которую мы пять лѣтъ тому назад пріѣхали из Петербурга.

У Юши бодрый вид, но чувствуется, что это разставаніе для него равносильно с разставаніем с лучшей частью его жизни. И для мамы тоже очень уж много значит этот отъѣзд. Она принесла на дорогу Юшѣ все что могла, а когда диллижанс выѣхал лихо в пыли по улицѣ, казалось, что наша милая мама была меньше ростом.

С осени 1893 года я — «казеннокоштный» кадет. Только теперь я ясно осознать, как болѣзненно я был привязан к мамѣ и ко всей нашей семьѣ. Я раньше и представить себѣ не мог, какое мученіе быть оторванным от мамы. Главным, конечно, образом, — именно от мамы, потому что мама являлась душою всей нашей семьи. По всей вѣроятности, мамины чувства были близки к моим, я знал, что она страдает, представляя себѣ меня в ка-

зарменных стѣнах корпуса, вдали от нея, вдали от всего, что мнѣ близко. Дядьки «пригнали» мнѣ казенный мундир без желтых нашивок, сапоги, бѣлье на каких-то странных тесемках. Мнѣ выдали три щетки — для платья, для волос и для зубов. Капитан Дуббельт показал мою кровать, покрытую темно-сѣрым одѣялом с фіолето-бѣлыми полосами. Рядом с кроватью был столик-шкафчик на двоих. В ногах табуретка, на которую ложась спать, надо было аккуратно складывать свое платье и бѣлье.

Спальни — это особый мір в кадетском корпусѣ: безконечная анфилада больших комнат, отдѣленных одна от другой арками. И в каждой комнатѣ одинаковые скучные ряды одинаковых кроватей. Какая наблюдательность, должно быть, нужна, чтобы разобраться в этом лабиринтѣ одинаковых поворотов, одинаковых углов, одинаковых кроватей. Спальни — это мѣсто, гдѣ мы, кадеты, чувствовали себя, пожалуй, немного болѣе «дома», по крайней мѣрѣ тогда, когда ложились под одѣяло и когда никто как будто бы не мог запретить нам принимать выраженіе лица, какое нам нравится и думать именно о том, что нам нравится, и жаль только было, что нельзя думать и вспоминать так долго, как хотѣлось бы: сон приходил слишком быстро...

Нам выдали книги, цѣлую кипу книг, и мнѣ это очень понравилось, особенно книги исторіи, географіи и еще хрестоматія. Тетрадки были не такія, как в гимназіи, а длинные, своеобразныя, но хорошія тетрадки. Я, кажется, всегда любил писчебумажныя принадлежности. Было пріятно, пріоткрыв парту, перебирать карандаши, ручки, книги, тетради.

Директором корпуса был генерал Н. Н. Острогоскій. Мы его, впрочем, мало видѣли. Это был высокій и представительный старик. Ротным командиром был полковник Александр Іосифович Калишевскій, любившій и умѣвшій говорить с кадетами. Правда, это случилось очень рѣдко, когда кто-нибудь особенно провинился и вышло постановление педагогическаго комитета снять с провинившагося погоны, или какой-нибудь другой экстраординарный случай. Помню, как Калишевскій стыдил при всей ротѣ какого-то кадета и говорил, что «паршивая овца все стадо портит». Я как-то тогда не совѣм понимал, почему это одна паршивая овца может испортить все стадо, но мнѣ жалко было и овцу и все стадо. Стал представлять себѣ, как это теперь по нашей горѣ ползут бѣлыми точками по тропинкам длинныя вереницы овец. Хорошо было бы быть теперь с ними там на Давидовской горѣ и смотреть на Тифлис с высоты птичьего полета и видѣть всѣ улицы как на ладони, и этот наш кадетскій корпус. Там, на горѣ, всегда вѣтер и кажется, что облака несутся ближе. Можно бы спуститься затѣм к Черепашьему озеру... Вдруг кто то сзади дергает меня за рубаху. Оказывается, можно уже расходиться.

В ротных залах на восточных стѣнах были образа. В каждой ротѣ свой святой и образ этого святого был окружен деревянной рѣшеткой, а у образа вечером зажигалась висячая лампада.

Быть богомольным не считалось слабостью в кадетском корпусѣ. Иногда первые силачи не стѣснялись преклонить колѣна перед ротным образом и осѣнить себя крестным знаменіем.

Когда Евгений Иванович Дуббельт предложил нам начать собирать на свой классный образ, нам эта идея очень понравилась и мы сразу же стали вносить свои пятачки. Рѣшено было, по совѣту Евгенія Ивановича, заказать образ нашему учителю рисованія, который согласился написать образ святого Николая Чудотворца за недорогую цѣну, а деньги нам можно будет вносить

понемногу. Хоть мы и не вполне ясно представляли себѣ, каков это будет образ, но во всем охотно довѣряли нашему любимцу капитану Дуббельту. Думаю я теперь, что ему очень хотѣлось, чтобы образ в классѣ у него был хорош и являлся бы, так сказать, гордостью всего класса, а кромѣ того, я думаю что ему хотѣлось дать маленькій заработок нашему учителю рисованія Шербиновскому, человѣку доброму и несчастному, больному туберкулезом.

Время от времени мы вносили свои пяточки и двугривенные, а Дуббельт рассказывал нам иногда, что он видѣл как написано уже лицо Святого и скоро мы получим наш образ. Наконец образ был готов и вставлен в золотой кіот-раму. Священник о. Александр Манцвѣтов освятил его. Образ был прикрѣплен высоко по самой серединѣ стѣны, за классными досками. Перед ним была подвѣшена золоченая лампадка. Мы получили теперь большую увѣренность, что за нас здѣсь в этом классѣ есть кому заступиться и есть кому нам обратиться с молитвою — нам всѣм так нужна помощь и заступничество.

Испытать заступничество Святого нам пришлось сейчас же на первом же трудном урокѣ, который прошел как нельзя болѣе благополучно... И очень удобно было с этих пор в трудныя минуты обращать свой взор на классную стѣну прямо перед собой — на образ святого Николая Чудотворца. Была твердая увѣренность в его помощи. Эта увѣренность осталась у нас на всю жизнь.

Про отца Александра сохранились у каждого кадета веселыя воспоминанія. Один случай был такой: кадет кавказскаго происхожденія — Асланов, боялся, что отец Александр может рассказать директору корпуса о тѣх грѣхах, которые он узнает на исповѣди. И вот Асланов стал говорить кадетам перед исповѣдью: «Нѣ буду сознаваться! Нѣ буду сознаваться!» И вот мы видѣли, как он вошел в притвор у алтаря и стал исповѣдываться. Мы видим, что на каждый вопрос отца Александра, наш Асланов отрицательно качает головой. Затѣм видим, как отец Александр удивленно разставляет руки и обращается к сторожу: «Иван, принеси свѣчу. Новый Святой появился!» — «А теперь пойдѣ и поставь двадцать поклонов»...

Мы всѣ очень любили отца Александра и он любил «своих кадет» и всегда заступался перед директором, если кто-нибудь провинился.

Один раз кадет вернулся из отпуска пьяный. Комитет хотѣл его «выставить» — уволить из корпуса, а отец Александр заявил: «Что вы господа дѣлаете! Он в первый раз пил много вина и потому был болен. Если бы он много раз пил, то не был бы пьян. Его надо утѣшить, похвалить!...»

Таким образом кадет был спасен.

Посреди почти замкнутаго четырехугольника корпусных построек был четырехугольный кадетскій двор, обсаженный по краям двойным рядом акацій. Здѣсь не на чем было остановиться глазу, но в той сторонѣ двора, гдѣ помѣщался лазарет, квартира директора и конюшни, там было кое-что интересное. — Во-первых, дрова. Во-вторых, — какая-то зелень, что-то вродѣ цвѣтника, и всегда какая-нибудь собаченка, или кошка, а то и курица, оживляли пейзаж. Когда мячик залетит в эту сторону, было весело бѣжать и смотрѣть по сторонам. Было иногда, что и в директорских окнах увидишь кого-нибудь, а в лазаретных окнах, уж навѣрное, кто-нибудь смотрит с завистью на мір Божій.

По средам были «пріемные дни». Это значит, что домашніе могли приходѣть и с полчаса, или час, сидѣть в столовой вмѣстѣ со своими сыновья-

Коля, Миша, Гриша Кнорринг и Олег с нашим отцом на фонѣ Эриванской площади.
Тифлис, 1896 г.

ями, или родственниками — кадетами. День этот был замѣчателен и для тѣх, к кому никто не приходил, потому что и для них было много шансов получить что-нибудь из принесенных товарищам сладостей. Обыкновенно, получившаго сладости, окружали кадеты и обращались к нему: «мы с тобой — товарищи»... Если это был доверчивый и не опытный владѣлец ѣды, он тут же удѣлял часть полученнаго лъстецу. Нѣкоторые же были болѣе осторожны, но очень скарденничать не рекомендовалось.

Мама иногда приходила ко мнѣ и приносила каких-нибудь пряников или фруктов, но ея приход был для меня и для нея тоже не очень радостен — что-то ненатуральное было и в этом сидѣннн в неестественных позах на кадетских скамьях и в разговорѣ вполголоса. И радостно и больно было смотрѣть на маму, одѣтую в рѣдкое для нея городское платье и думать, что это — «не то».

Прояснялось настроеніе в пятницу, когда за вечерними приготовлениями уроков приходил с дѣловым видом и, как нам казалось, с каким-то приподнятым настроеніем наш капитан Дуббельт и, расправляя одной рукой свои бѣлокурые усы, начинал раздавать отпускные билеты, чтобы каждый написал на своем билетѣ, как можно красивѣе, свое имя и фамилію и до какого часа и дня он увольняется в отпуск. Что могло быть радостнѣе этого момента? Оставалось, значит, меньше чѣм сутки до того счастливаго времени, когда мы покинем казарменные стѣны корпуса.

Весною я заболѣл корью. Было пріятно ощущеніе повышенной температуры, когда казалось, что кругом все совершенно иное, чѣм обыкновенно. Помню, что я очень внимательно наблюдал узоры, очень не замысловатые, на стѣнах лазаретной комнаты и даже эти простыя линіи и повороты на углах казались мнѣ очень интересными и полными смысла. Полумрак и тишина в комнатах, запах лекарств и ѣда особая, отличающаяся от обычной.

Когда меня, как выздоравливающаго, перевели во второй этаж, куда разрѣшалось приходиться родным, мама приходила нѣсколько раз и это было большой радостью.

Затѣм одну недѣлю я провел, как выздоравливающій, дома.

*

Какія же у нас событія были в теченіе лѣта 1894 года? Всѣ мы были снова в сборѣ и на этот раз пріѣхали еще и Гриша и Боря Кнорринги.

Неожиданно нашел нас и пріѣхал повидаться с папой, своим названным отцом, князь Чаго Анчабадзе. Сухой, высокій, с уже сѣдѣющей бородой, одѣтый в черкеску, он произвел на нас, мальчиков, довольно сильное впечатленіе и мы в душѣ сравнивали его с лермонтовским Мцыри, отказавшимся от городской жизни и бѣжавшим в свои родныя горы. Он уже плохо говорил по-русски и на папин вопрос: «Сколько же у тебя буйволов?», отвѣтил: «Не знаю, около одного или двух». У нас до сих пор сохранился снимок его с папой, сдѣланный во время этого пріѣзда.

Уѣхали, довольно давно уже, от нас в свой родной Кіев Татьяна Павловна и Лида, Анна Павловна пока осталась в Тифлисѣ.

Когда я теперь пишу о Тифлисѣ, то мнѣ кажется, что письма интереснѣе моих личных воспоминаній. А из писем того времени сохранилось больше всего писем Юшиных. Вот одно из его пожелтѣвших писем:

«1. 11. 1894. Фурштадтская 17, кв. 19. С. Петербург

Сегодня утром прибыл поѣзд с тѣлом Государя. Народу, конечно, было видимо-невидимо. Я пришел поздно, пробрался вперед и, можно сказать, собственной своей шкурой сломал одну рогатку. Сказать по правдѣ, я ожидал чего-то болѣе грандіознаго, хотя, конечно, и то, что было, поражало. В ваших газетах будет, конечно, самое подробное описаніе, так как у репортеров больше фантазіи, чѣм у меня, то у них выйдет интереснѣе, поэтому бѣдный чиж — сирѣчь я — молчит. От царской фамиліи я видѣл только макушки, они шли пѣшком. Поцѣлуй от меня папу, маму, а также Ивана Ивановича младшаго. Михаила Ивановича и Олега Ивановича»..

А вот второе письмо, написанное через девять дней:

«10. 11. 1894. Отчего это ты, папа, так давно мнѣ не пишешь. Может быть, ты чѣм-нибудь недоволен? Тогда скажи: я постараюсь исправить свою оплошность. Недѣли двѣ тому назад был у меня экзамен по анатоміи. Новаго в Петербурге мало, у меня тѣм болѣе: я нигдѣ почти, кромѣ Кноррингов, не бываю. Занимаюсь я теперь и практической фармаціей, хотя она и не обязательна, но очень интересна. Вчера дѣлал эмульсіи и порошки. Заниматься ей, конечно, весьма полезно: я теперь знаю, как легко что-нибудь прописать и как трудно по рецепту выполнить. По анатоміи сдал труп. Теперь работаю над конечностями. Сперва, конечно, в головѣ был сумбур, очень уж снаружи страшны всѣ эти нервы и сосуды, но теперь все это очень просто. По гистологіи все еще разсматриваем клѣточки: Кариокинд. По физиологической химіи открываю бѣлок и пептон».

Мы снова были всѣ, исключая Колю, в сборѣ на Рождество и на Новый Год. Я был в это время уже в третьем классѣ, в старшем классѣ третьей роты. В слѣдующем году буду «совсѣм большой» во второй ротѣ.

На Рождество было много удовольствій: «Ревизор» в Артистическом Кружкѣ, «Наталка Полтавка» в Банковском театрѣ. Дома была елка. Настроение у всѣх радостное, как будто все идет по-старому и Юша и не уѣзжал вовсе. Дома часто говорили о первых шагах новаго государя. Вспоминали с уваженіем покойнаго Александра Третьяго. Володька Тулаев и кое-кто увѣряли, что государь был отравлен каким-то порошком, подсыпанным в сюртук. Особенно цѣнили спокойствіе и молчаливое достоинство стараго царя. Рассказывали, что он мог одною рукою сгибать подковы. И что он будто бы заявил: «У меня есть в Европѣ только один друг — Николай Черногорскій».

Праздники прошли. Юша уѣхал снова и вот мы получили от него открытку, обѣщанную «с дороги»: «Подѣзжаю к Москвѣ, пью чай и пою: «Эх, Масква, Масква, Масква, За-а-ла-та-а-ая голова». Впрочем, благополучен, не унываем и прочее и прочее. Цѣлую. А. П.»

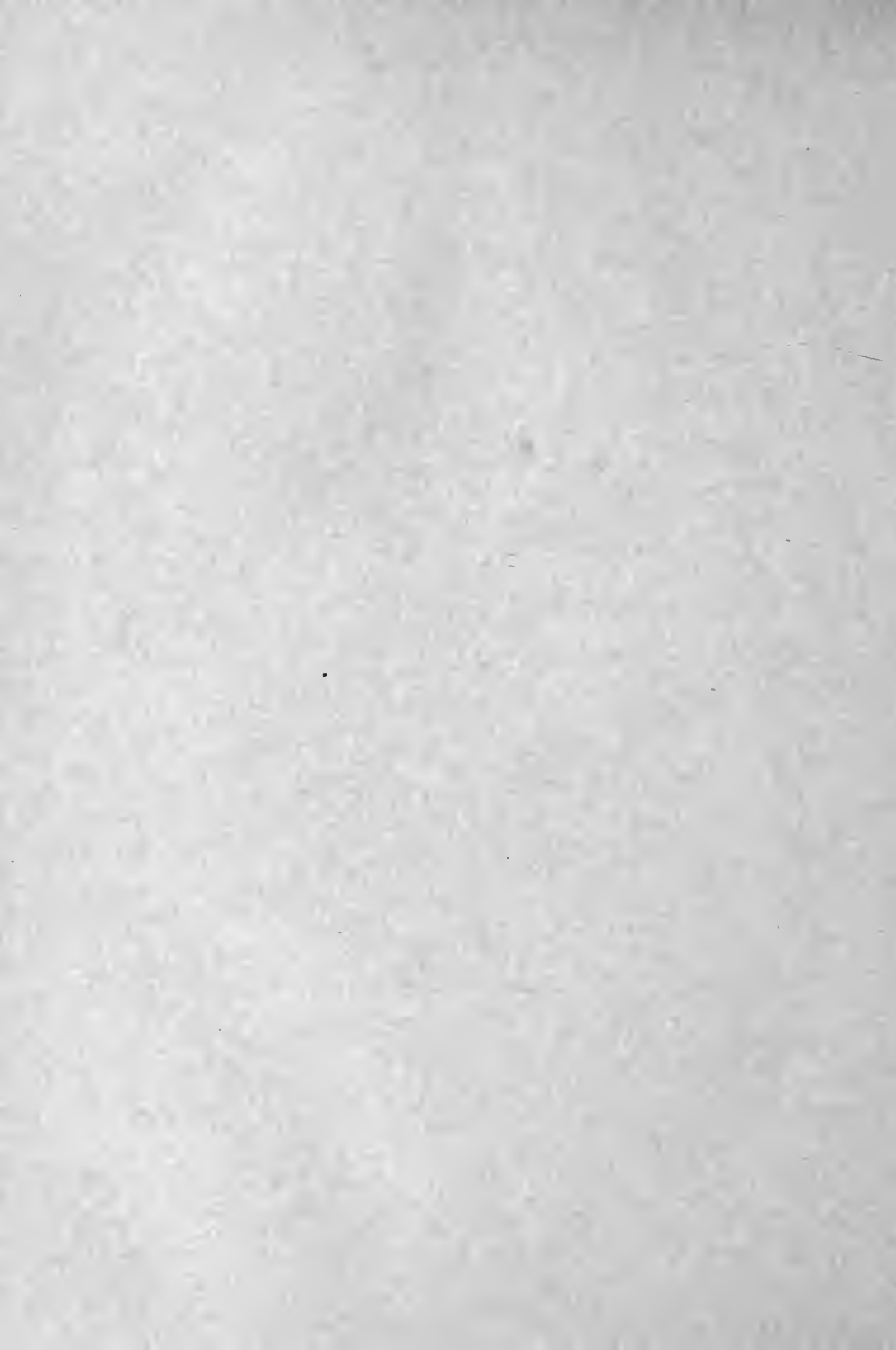
Открытка написана дрожащим почерком, видно, что в поѣздѣ, когда трясло. На адресной сторонѣ штемпель почтоваго вагона и тифлисскій штемпель: 16. 1. 1895.

Юшино письмо из Петербурга:

«30. 1. 1895. Статьи твои, дорогой папа, напечатаны обѣ, но, повидимому, сокращены: обѣ онѣ занимают всего 5 или 6 страниц. Впрочем, из всѣх сообщений, которые я видѣл, ни одно не превышает 8 страниц. Большинство от полутора до 4 стр. Всего два дня, как погода стала сносной, а до этого было черт знает что такое и даже еще хуже: при 18-20 гр. Р., говорят., что доходило на Невѣ до 23 гр., вѣтер, которому можно поставить по крайней

Отец с Чаго в 1894.

мѣрѣ 4 с плюсом, если не больше. Несмотря на вторник, а может быть и благодаря ему, я отморозил себѣ ухо, а для леченія онаго приготовил себѣ по рецепту Ратимова прекрасную мазь-вазелин: камфора, окись цинка, от которой ухо отмерзло очень быстро.

Недѣли полторы тому назад я стал заниматься по физиологіи, хотя это и не обязательно, даже наоборот: могут заниматься всего 8-10 человек. Сижу три раза в недѣлю по 3-5 час. обязательно, а кромѣ того, когда придется. Пока занимаюсь с большим интересом. Исключительнаго отдѣла еще не выбрал, работаю с кровью — число красных и бѣлых шариков, гемоглобин, гемин, спектр крови, кровяное давленіе, вліяніе электрических токов и перерѣзки нервов на кровяное давленіе и пр. Истребил порядочное количество лягушек.

Кстати о Тарахановѣ. Он как-то, знаешь, повздорил с начальником Академіи и был лишен званія Ученаго Секретаря, но на конференции был выбран профессорами снова. Что будет, пока навѣрно еще неизвѣстно.

На нашем вечерѣ хотѣли мы ему устроить овацію, но он, во избѣжаніе лишних осложнений, не явился.

В общем, все обстоит прекрасно. Я совершенно доволен. Коля — по-прежнему. 25-го у них были Муравьевы и Гвоздевы. Встрѣчаемся мы с ним довольно рѣдко.

Он был у меня раза два или три, но ни разу дома не застал. Я у него тоже был 25-го. Впрочем, вчера видѣлись на балу студентов. Да, вѣдь он сам, кажется, писал на днях. Всѣм кланяются. Я цѣлую. А. Пантюхов».

Письмо от 8. 3. 1895.

«Говорят, положеніе Пашутина очень не надежное. Всѣ профессора против него вооружены. С Тарахановым поругался он окончательно. Наши студенты занимаются составленіем петицій: ограниченіе власти начальника, усиленіе конференции, уничтоженіе штаб-офицеров, которые, конечно, не подадут. Универсанты тоже.

Я достал себѣ на нѣкоторое время фотографическій аппарат. На днях попробую бумагу Сухачева — вдвое дешевле, вираж замѣняется водой. Мечтаю приобрести фотографическій аппарат размѣром 9-12. Чтобы приобрести хорошій аппарат надо рублей 70, за то будет аппарат дѣйствительно хорошій: на 12 снимков с моментальным затвором, хорошій объектив, матовое зеркало сверху, вообще универсальный. Так как в наш вѣкъ ни одному порядочному человеку без фотографическаго аппарата быть нельзя, то хочешь ли приобрести такой пополам? Ты — сорок рублей, я остальное. Вѣдь антропология без аппарата — все равно, что гистология без микроскопа.

Погода хорошая, дворники, по обыкновенію, дѣлают весну.

Ну, всего хорошаго. Цѣлую вас всѣх. А. Пантюхов. П. С. Книгу и ноты получил».

Лѣтом было чрезвычайно жарко и мамѣ впервые пришла мысль, что надо бы выбратъся из города «на дачу». Нанять настоящую дачу — до такого расхода едва ли мама дошла бы, но вот рѣшено было навести справки и нанять на нѣсколько недѣль пустой дом верстах в пяти от нашей Цхнетской улицы. При переѣздѣ, как вспоминает Ваня, был какой-то инцидент с пьяным извозчиком, у котораго не было сдачи... Кругом ни души... Будто мы первые поселенцы здѣсь. Даже воздѣланных полей кругом нѣтъ, хоть и построена была мельница для чего-то. Был какой-то своеобразный шарм во всем этом. Никого кромѣ нас. Примитивныя условія существованія. В комнатах пахло старым дымом и нежилым помещеніем. По вечерам сидѣли у костра, или смотрѣли на звѣзды, мирно бесѣдуя под аккомпанимент цикад и кузнечиков.

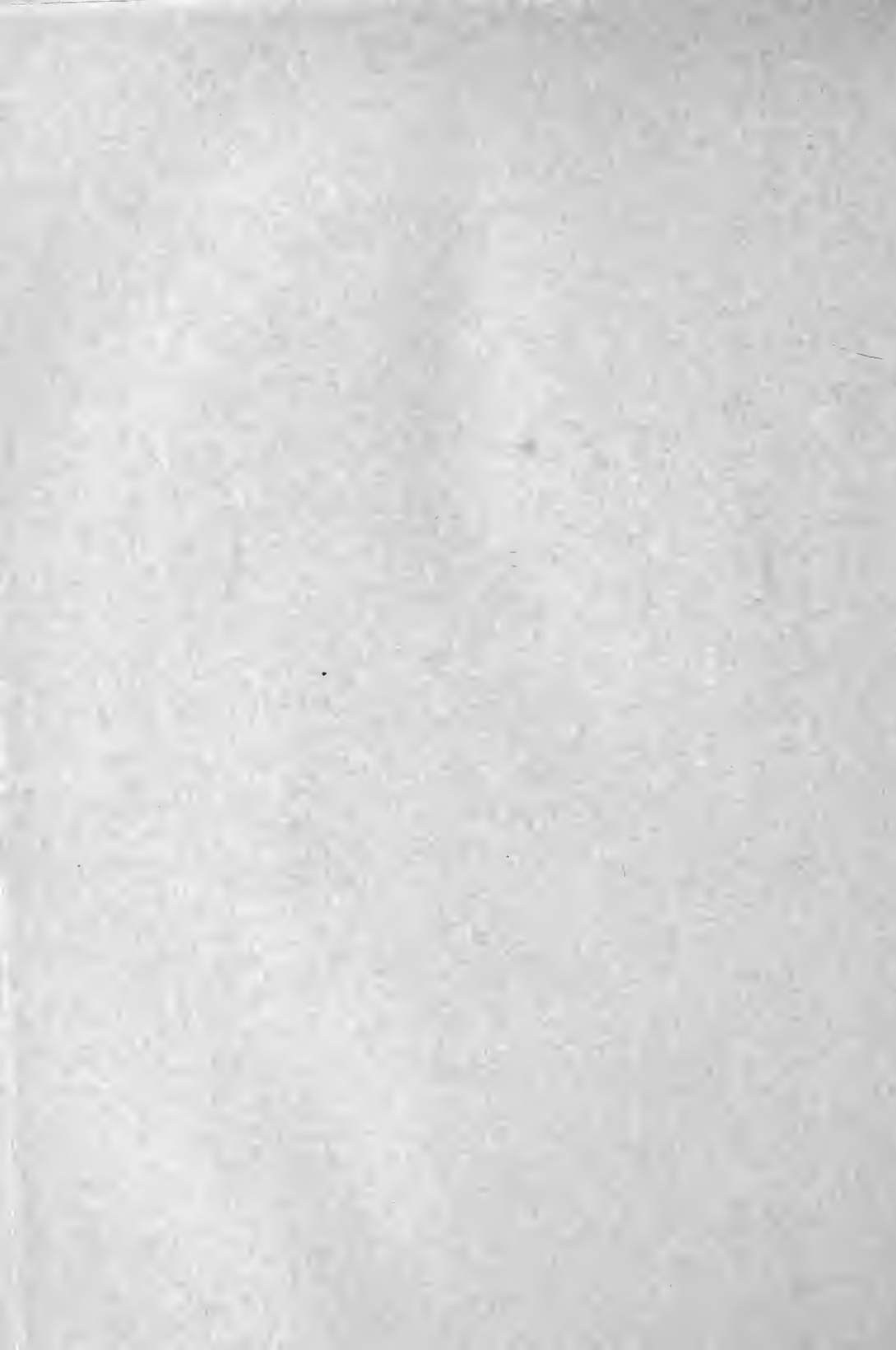
Ваня в это время был очень занят в своем училищѣ садоводства, которое он уже кончал. Он дѣлал вид, что профессія садовода это именно то, что

он желал, но я находил иногда нѣкоторое сходство его случайной карьеры садовода и моей, тоже случайной карьеры будущего военного. В концѣ концов обѣ «карьеры» были нами с Ваней приняты для облегченія папинаго бюджета. Мы ни чуть не протестовали против этого даже в душѣ, но все же иногда грустно было и я строил всевозможные планы своей жизни, рѣшая воспользоваться правом итти по окончаніи корпуса в гражданское высшее учебное заведеніе.

Как-то я застал маму плачущей. Я стал спрашивать в чем дѣло и она сказала причину: Ваня останется без высшаго образованія, я старался утѣшить и, не зная что сказать, стал доказывать, что дѣло вовсе не в высшем образованіи. Должно быть, не очень удачно я привел в примѣр самого себя: «я и без высшаго образованія смогу выйти в люди». Но для мамы это было не менѣе горько, чѣм вопрос о Ванѣ и она сказала, что плакала и из-за меня тоже, что без высшаго образованія плохо во всѣх отношеніях, а главное в смыслѣ, так сказать, внутренняго своего міра.

«Вѣдь антропология без аппарата — все равно, что гистология без микроскопа» — писал Юша, сдѣлавшій эту фотографію горцев для отцовской книги.

Глава VI

1895 год в Тифлисе. Семейные письма. Боржом. Бакурьяны и Цхаро. Пушкинское столѣtie. Сурам-Кутаис — Абастуман — Боржом. Скандал в корпусѣ. Выпускные экзамены. Планы повидать Европу.

...Конец лѣта. Сборы в корпус. Особенно пріятная деталь этих сборов — забота о письменных принадлежностях. Хоть нам и давали как будто бы все, что нам нужно, но это было «почти» все, а не все. И именно недостающіе пустяки нам были особенно цѣнны: перочинный нож, пенал, какая-нибудь особенная чернильница, не проливающаяся, или еще заманчивѣе — чернильница с двумя крышками.

Из моих сокровищ того времени сохранился мой дневничек. В нем есть фамилии всѣх «господ преподавателей» и изучаемые предметы. Это все 1895-96 года, когда я был во второй ротѣ 4 класса.

Сохранился список всѣх моих одноклассников. Читаю:

«Дерипацкий — первый зубрила; Вангнадзе — должно быть «князь», — всегда в хорошем настроеніи; Егигов; Ельчанинов — добродушный, музыкант, играл на скрипкѣ; Холостов и Юнг — второгодники; Юркевич — родом из Бѣлаго Ключа, одно время, кажется, был моим «первым товарищем»; Мищенко — почти все время первый ученик; Невскій — сын доктора, который знал моего папу и относился к нему с особым уваженіем; Линевиц — смысленый и остроумный мальчишка, отец его в это время командовал большою частью в Туркестанѣ. Были Огонь-Догановскій — хороший товарищ; Пашкевич, Скороходов, Тарханов, Феодотьев, Фіялковскій и другие».

Самого дневника я, как видно, почти не вел. Но вот нѣсколько случайных записей:

«8 мая 1896 года, распусят по случаю священнаго коронаванія Их Величеств».

Помню, с каким удовольствіем я выводил эту строчку, казалось, что счастливѣе никого нѣтъ, чѣм я...

«10 мая. Ходили довольно высоко в горы, за монастырь Св. Давида. Видѣли памятник и могилу Грибоѣдова».

«3 июня. Ходили вверх по ручью».

В то время, кажется, еще не совсѣм были открыты истоки Нила — Ливингстоном и Стенли. И мы, вѣроятно, под этим впечатлѣніем, ходили открывать истоки разных ручьев, но нѣкоторых, напримѣр, Ботаническаго ручья, истоков мы так и не нашли, хотя поднимались вверх по ручью верст на шесть.

Дома в это время как-то перемѣнилось: вѣдь если не считать меня, приходившаго домой лишь на праздники, то дома с мамой и папой оставался один лишь Миша, да и тот к этому времени как-то «отбился от дома».

Очень много времени проводил он со своими друзьями-гимназистами, причем, как оказалось позже, не очень-то удачно выбирал он себе друзей: стоит вспомнить хотя бы Вербицкого, развратника и пьяницу с малых лет. Дальше: Эрве, Черкезов, Чикнаверов, Флоринский — некоторые из них были лучше, некоторые хуже, но как всегда тон, к сожалению, задавали худшие. Я всего этого не знал, но как-то подсознательно чувствовал горечь отдаления Миши от меня и от нашей семьи и горевал, не отдавая себе отчета, — почему.

От Юши были за это время письма:

18 сентября 1895 года. Вот уже неделя, дорогой папа, как у меня начались лекции. Пока, конечно, еще не все вошло в колею, но все-таки, уже видно как кто будет читать и у кого на лекциях будет слушателей — хоть шаром покати. Из новых у нас прибавились: Тарханов, Данилевский, Заварыкин, Пржибытек... Тарханов читает физиологию и читает с увлечением, постоянно размахивает руками, приседает, вообще, изображает все в лицах. Даже раз изображал, как свѣтляки зажигают и тушат свои фонари. Недурно читает физиологическую химию Данилевский, но остальные шваховаты: отличительная их черта вялость и монотонность. Вот профессора надошли со своей клеточкой! Почти все поголовно самым безбожным образом мучают ее и терзают: и ботаник, и зоолог, и физиолог, и гистолог:

*И ботаник, и зоолог,
Гистолог и физиолог
Глотку мучают, терзают,
На все части разбирают,*

сказал бы какой-нибудь поэт, разумеется не признанный.

С ближайшего понедельника начинаются практические занятия по анатомии.

Завтра свадьба Гвоздевой и по этому случаю Кнорринги и Гвоздевы, кажется, помирились: м-ль Гвоздева была у Кноррингов, а Николай Густавович и Маруся у Гвоздевых. Встрѣча была, конечно, трогательная: объятия, поцѣлуи и проч.

Ваш любезный сын А. Пантюхов.

«19. 10. 1895. Мой первый дебют на медицинском поприще оказался крайне неудачным: больной мой умер, что, впрочем, и полагалось ему по всем правилам науки и искусства-ремесла.

Зато второй выздоровѣл слишком даже быстро. Завтра получу третьяго. Вообще занятий настолько много, что приходится разбрасываться, тем болѣе, что я изучаю, кромѣ обязательнаго и массаж, а также дѣлаю больным перевязки: очень уж все это интересно.

В настоящий момент я сижу в качестве дежурнаго студента в клиникѣ Чудновскаго: ставлю клистиры, компрессы, даю лекарства и т. д. Вѣроятно спать не придется: только что привезли больного, кажется нефритик.

Доктор дежурный один на весь госпиталь, насилу его добыли. Больного привез доктор в сопровождении цѣлой свиты дам. Только доктор этот какой-то не опытный. Меня принял за студента 5-го курса и все со мной совѣтовался, на что я давал ему самые мудрые, в общих чертах, совѣты.

Сообща посадили мы больного в ванну, дали ему смѣсь гофманских и валеріановых капель — больной очень слаб, — сильные припадки-судороги, рвота, вѣроятно уремицескіе. Он все бредит, принимая одних за других, воображает, что мы пациенты, жалуется, что к нему приходит сумасшедшій, который рисует на стѣнѣ круги, зовет свою собаку, даже видит ее в углу, бредит трубочистом. В то же время о многом он рассуждал совершенно как будто нормально.

Явившийся дежурный доктор поручил его мнѣ и снова удрал. Фельдшер тоже. Я приставил к больному солдата и жду что будет. В моем распоряженіи доктор оставил хлорал хидрат и мудрые совѣты».

...Конец 1895 года и начало 1896-го. Вот мамино письмо от 10 ноября 1895 года Ванѣ:

«Письмо твое, милый мой Ваничка, из Владикавказа я получила, из чего и заключили мы, что ты проскочил через горы, а то вслѣд за этим начались завалы. Зная это, мы терпѣливо ждем второго и слѣдующих от тебя извѣстій, но откуда, не знаем. Что понадобится, все купи, денег пришлю сколько скажешь. Чуть было не послала тебѣ стоячих воротничков с манишкой, да побоялась разсердить».

Синюхаев уже перешел, живет в Гранд Отелѣ, остальное можешь вообразить. Вчера он у нас был. Олег будет ходить домой по вторникам и четвергам, чтобы подготовиться по математикѣ, Миша берется заниматься с ним. Вообще это внесет разнообразіе в его — Олега — жизнь».

Когда мы жили на Садовой, недалеко от нас была каменоломня, впрочем она скоро закрылась и мы могли в любое время лазить на эту высокую скалу и оттуда сверху смотрѣть на наш дом и на всѣ Сололаки. Чтобы видѣть Вознесенскую улицу, надо было подняться еще выше на дорожку, ведущую в Ботанической сад. Еще с третьей стороны пришлось нам любоваться на Давыдовскую гору со стороны большого кладбища, подползающего к горѣ со стороны Эриванской площади. Через это кладбище мы ходили всегда, когда хотѣли сократить дорогу, идя к Семененкам.

Сандро Семененко был моим одноклассником в двух приготовительных классах гимназіи. Тогда он был худошав, забитый, какой-то жалкій мальчишка — «в чем душа держится». Очень почтительный и услужливый. Его можно было и выругать, и приласкать, и дать ему какое-нибудь порученіе, которое он постарается непременно исполнить. Мальчишка с хитрецей, но «что с него возьмешь?». За почтительность и услужливость многое ему прощалось. С ним можно было фантазировать и строить всякіе, даже несбыточные, планы. Он часто рассказывал о своем знаменитом и уважаемом дѣдушкѣ епископѣ, жившем в старинном монастырѣ за Кутаисом. Отец Сандро был полицейским приставом или уѣздным начальником.

Однажды Семененко выпросил у меня какую-то книгу в хорошем переплетѣ и обѣщал в благодарность подарить мнѣ иллюстрированную повѣсть Пушкина «Метель». Может быть он даже назвал эту повѣсть романом и для лучшаго впечатлѣнія умолчал о подробностях. У меня создалось впечатлѣніе, что я получу большую хорошую книгу. Долго он откладывал исполненіе своего обѣщанія. Наконец, вручил мнѣ пятикопѣечную брошюру в десять страниц, но это не испортило наших пріятельских отношеній.

Сохранилось письмо от Юши, присланное папѣ в это время:

«9.1.19896. Кажется мой адрес окончательно установился: Фурштадская, 17, кв. 19. Ты спрашиваешь о Ковалевских. Собственно говоря, вѣдь я знаю их очень мало для того, чтобы с увѣренностью сказать что-нибудь. Их внѣшнее житье-бытье ты знаешь. Глава в домѣ, во всяком случаѣ, не Евгенія Павловна. Как-то она затеряла свою брошюку и ужасно боялась, что ея дочь старшая будет читать ей нотацию. Когда я этому немного удивился, то она сказала, что они живут по-современному, т. е. не родители господствуют, распоря-

жаются и ругаются, а дѣти. Дѣйствительно, скоро появилась ея дочь с брошкой, сообщила, что она нашла ее в каком-то шкафу и что-то бормотала насчет рассомашества, или чего-то подобного. Выразиться сильнѣе, должно быть, постѣснялась.

Сама Евгенія Павловна дама, как тебѣ извѣстно, довольно симпатичная, хотя нѣсколько болтлива. Коля был у нея два года тому назад и она ему рассказывала, как и мнѣ, как у ея мужа украли 45.000 и что из этого вышло. Рассказывала, должно быть, часа полтора, ажно я устал. Гордится своими вечерами, на которых присутствуют знаменитости, инья с позволенія сказать, инья без позволенія сказать. Больше, впрочем, первых. Любит, играть в винт, благо дѣлать больше нечего.

У ея старшей дочери глаза сѣрые, волосы свѣтло русые, довольно жидкіе. Добродушна, болтлива. Любит танцовать. Ея остальные дочери-близнецы, похожи одна на другую.

Любят говорить о высоких — не о ростѣ рѣчь — лицах и красотѣ. Критикуют туалеты. Довольно скучны.

Старшій сын изображает в домѣ болвана тьмутараканскаго. Занимается, кажется, довольно много. Написал, вѣрнѣе, собрал, толстую книгу об образованіи в Америкѣ. На обложке крупно написано: «30 процентов населенія в школах». Любезен. Любит быть снисходительным. Младшій сын, безцвѣтен. Крѣпко цѣлую тебя, маму, Мишу, Олега. А. П.»

...Теперь из маминого письма Ванѣ, почти того же времени:

3 марта. 1896. «Виновата, Ваничка! Давно получила твое милое письмецо, но оно было так успокоительно, что я не поторопилась отвѣчать, а потом уж и пошла суматоха. Папа писал, вѣдь, тебѣ, что был болен, напугал нас было очень. У него был брюшной тиф. но Малинин как будто боялся худшаго, совѣтовал ѣхать в госпиталь, отрывал зачѣм-то рецепты, правда, что папа критиковал бы его.

Маруся давно — 26 января — приѣхала. Молодец она. Толковая, быстрая и без претензій, только очень любит наряды, но и это, вѣдь, не худо. Небось, в Варшавѣ у вас как франтят.

Она посылает тебѣ свою карточку в видѣ наѣздницы, не хватает только хлыстика, — ты подрисуй! Выраженіе совсѣм не ея. Про шляпу кто-то сострил: «не шляпа, а эшафот», но очень к ней идет. В натурѣ Маруся лучше, а шляпа больше. Она — «не шляпа, а Маруся» — как написал бы Юша, очень тебя любит, знает тебя по описанію Борьки.

Папина книга кончилась печатаньем. Тяжело она ему досталась, даже и захворал-то он от переутомленія. Теперь совсѣм здоров. Цѣлую тебя крѣпко, мой славный и милый. Пиши».

Книга папина, которую упоминает мама, наывалась: «О пещерных и позднѣйших жилищах на Кавказѣ».

В 1896 году хворал папа. Я не помню подробностей этого времени. Должно быть папа умѣл скрывать свою болѣзнь, даже такую тяжелую, как тиф. Мы долгое время даже и не знали об этой болѣзни.

В этом году, если не измѣняет мнѣ память, умер дѣдушка Николай Густавович. Мама, конечно, очень горевала, но умѣла быть стойкой. Ваня вспоминает, как мама, получив печальную вѣсть, отошла к образам и стала молиться. Ваня вспоминает также, что папа уговорил маму через нѣкоторое время поѣхать с нами со всѣми во Мцхет, чтобы хоть немного развлечься.

А вот еще отрывок из Юшинаго письма:

«12 сентября 1896. Литейный проспект д. 9, кв. 41, С. Петербург. Как я уже писал тебѣ, дорогая мама, поселился я на Литейном. Живу с товарищем. Комнат для одного совершенно нѣтъ, хотя я исходил и Выборгскую и Петербургскую стороны. Когда я от поисков совершенно, что называется, ошалѣл, то встрѣтил товарища, находившагося в таком же состояніи. Посочувствовали друг другу и рѣшили поселиться вмѣстѣ. Мой компаніон — бывший Колин товарищ по гимназіи, — нѣкто Туманов.

На днях получил я от Ковалевской приглашеніе изображать танцевальную машину у нея 15 декабря. Для этой же цѣли просила она привести ей двух товарищей. Я представил ей на растерзаніе только одного. Хватит с нея. Что касается меня, то я, вѣроятно, пойду.

Был я как-то на концертѣ 13-ти лѣтняго піаниста Раула Кочальскаго, благо билет в 10 руб. цѣной — получил даром. Даровые билеты раздавались в изобиліи. Играет, дѣйствительно замѣчательно. Видѣл еще Отеро, которая себя называет королевой бриліантов. Она была почти в естественном видѣ. Билет, впрочем, тоже даровой. Оба раза я получил их по знакомству из редакціи «П. В.», куда они были присланы.

Когда-то я так радовался праздникам, а теперь радуюсь тому, что пріемы больных будут продолжаться почти без перерыва. Я записался на Рождество дежурным не в очередь, а кромѣ того, в число желающих завѣдывать асептикой в хирургическом отдѣленіи.

Коля без перемѣн. Все тот же он, все тот же вид.

...Сегодня начались лекціи. Правильнѣе, впрочем, было бы сказать «началась лекція», потому что она была «как бы единственная».

Погода у нас стоит довольно сносная. Даже дождь идет не каждый день, что, согласись, для Петербурга излишняя роскошь, и, пожалуй, нѣсколько неприлично.

Столовая наша открывается в октябрѣ. С будущей недѣли открываются в Академіи, студентами же, три чайных.

В этом году 4-му курсу прибавили три новых кафедры: бактеріологія с инфекціонными болѣзнями, исторія медицины и физиологія, послѣдняя специально для трех старших курсов. Что это за такая физиологія пока не извѣстно. Впрочем экзамена по ней не будет.

Что новаго в Тифлисѣ? Какова погода и проч.? Как твое и папино здоровье? Что Олег и Миша? Передай кому слѣдует мои поклоны и поцѣлуй и пр. Крѣпко тебя цѣлую. А. Пантюхов».

Когда мы читали, или слушали получаемыя из Петербурга письма, то нам представлялся сырой, сѣрый огромный город. И главное, пожалуй, плоскій город. Город на равнинѣ, на болотѣ... Странно об этом думать в нашем милом Тифлисѣ, гдѣ в каждое окно глядит чудесная панорама гор, гдѣ все залито южным солнцем... Но в Петербургѣ Ольга Семеновна, и поэтому там хорошо. И еще там Кнорринги. Марусю, Гришу, Борю мы видѣли у себя в Тифлисѣ. А вот милую тихоню Зиночку хорошо бы тоже повидать. Гдѣ-то впереди невѣрным огнем мерцала у меня перспектива через три года ѣхать в Петербург... А может быть не в Петербург... Но какія перемѣны, какія огромныя перемѣны впереди... Надо вдоволь налюбоваться чудесным Тифлисом.

Должно быть, такими же чувствами были исполнены мои ближайшіе товарищи по корпусу — наш Пушкинскій Кружок — потому что мы то и дѣло отправлялись в поход, иногда за город, подальше к Коджорам, или к Удзо, или к Іоанну Зедазенскому. Однажды, помню, когда мы усталые, но довольные возвращались с Лисьяго Озера, стал накрапывать мелкій осенній дождь. Время приближалось к Рождеству. На Ольгинской и на Головинском, около цирка, большая оживленная предпраздничная толпа — знакомая тиф-

лисская толпа. И какой-то потертый человек идет к нам, как знакомый и напевает из оперы:

*Все снует и бьжит,
Все снует и бьжит,
— Странный народ — куда спьшит,
Странный народ — куда спьшит...*

Миша часто напевал этот мотив дома. Мне очень понравилось, что в Тифлисе появились не совсем тифлисские «бывшие люди» и я дал певцу пятак, или два, а после мы всей компанией напевали:

*Странный народ — куда спьшит
Странный народ — куда спьшит...*

Возвращаться домой после хорошего похода в горы — чудесно, чувствуешь заслуженный отдых и заботливые расспросы мамы, — не устал ли? И чувствуешь вкусный обед и цветной вечер у себя дома, вдали от суровых кадетских одеял и спертого классного воздуха. И завтра утро, которое принадлежит тебе одному. Если хочешь его продлить, то это можно сделать — стоит лишь встать пораньше и можно успеть до утреннего чая сходить в горы...

В доме на Садовой улице мы постепенно освоились. У папы опять сад и он с видимым удовольствием копается в нем, по возвращении со службы. Видно, что растения и цветы ему нравятся больше, чем некоторые люди. Он и высказывал это иногда.

Однажды я застал его в саду на скамейке с газетой в руках. Это было в дни коронационных торжеств. Вид у папы был беспечный, что очень редко с ним случалось.

— Знаешь ли что случилось в Москве. Сотни и тысячи убитых и раненых... Нераспорядительность... Неорганизованность... В самом начале царствования... Произошла давка при раздаче коронационных подарков...

Я старался себя представить — как это могло случиться, такая давка, и не мог. Жалко очень было задавленных и жалко было молодого царя. Что же это, если он не справился с делом в часы радости и торжеств, справится ли он в дни опасности?.. Должно быть весь народ думал таким образом. До нас доходили лишь вздохи: — плохое предзнаменование. Насчет «предзнаменований» и примет я не склонен был верить им, но как-то странным казалось, что такая большая страна — от Кушки до Соловков и от Варшавы до Порт Артура — вся страна могла или пострадать, или возвыситься одним человеком. Папа говорил, что государь и в особенности молодая государыня — «мудры». Дай-то Бог... Интересно бы посмотреть на них, чтобы самому составить себе представление. И это казалось мне чрезвычайно важным.

Другое мамино письмо Ване написано было немного раньше в Варшаву, в помологический сад, где наш Ваня так тосковал по дому и где ему приходилось тяжело работать:

«24 ноября. Ты слишком долго, Ванюшка, собираешься писать. Ждешь, ждешь почтальона, думаешь, верно от Вани письмо — не тут то было! Уж больше недели как пришло твое письмо из Варшавы, извещающее о прибытии и некотором разочаровании... В чем оно

мы не знаем и, конечно, ждем обстоятельного описания, какие обязанности, сколько работы, какое помещение, как поставлено дело и проч. Купил ли ты себя сапоги и рабочую одежду? Как твоё здоровье? Пиши правду, а то ты ради нашего спокойствия и промолчишь.

Как видно Дзюбенки увидели, что приехал настоящий хозяин который шутить не любит и дело понимает: один за другим пишут папѣ, Гавриил, что мол деревья подсаживаю и таких насадили, что и в Киевѣ новья: «Князь Бисмарк, Герцог Брауншвейг». «Хорошого, да мало», говорит сам.

Андрей прислал семьсот рублей, об которых Иван Иванович и не думал. Пишет, что бережет хутор, как свое добро. Вообще подтянулись. Юша прислал фотографии с хутора «сад со стороны лагеря», с поломанным забором, может служить уликой в небрежности, как говорит Иван Иванович.

Папа говорит, что возле Храма Славы все еще цветут розы, — вот какая у нас погода, а у вас как?»

Юшины письма приблизительно того же времени:

«1. 11. 96. Получил твое письмо, дорогая мама! Большое спасибо тебе и папѣ за деньги, присланные на инструменты, хотя я писал о них совѣм не с этой цѣлью. Вышло как будто я хотѣл «подпустить тонкой намек».

У нас, кажется, наступает настоящая зима: уже с недѣлю как морозы, снѣг. Впрочем, саней еще нѣт. Пароходики перестали ходить, по Невѣ идет лед.

Я с одним из своих ближайших товарищей думаем вдвоем писать сочинение на премию Моторина. Тема: «Новья данныя об обмѣнѣ веществ в ранний период жизни». К несчастью, у нас нашелся конкурент — протеже профессора, предложившаго тему. Последний обошелся с нами не особенно благоклонно, объявил, что мол опыты обойдутся дорого, иначе, как на казенныя средства дѣлать их невысказано, а что он своей лабораторіи предложить не может и пр. Мы, впрочем, не унывая, нашли лабораторію и другого профессора — физиолога Павлова. Пока приходится работать теоретически, т. е. рыться по разным диссертациям, руководствам и пр. Премія, положим, микроскопическая — 125 руб. Сравнительно с трудом, но все-таки лестно бы ее получить».

7 марта 1897. Я немного не понимаю, дорогая мама, что Надя так жалѣет о том письме, которое послала мнѣ. Вѣдь это так естественно. Если она знает адрес Виняевых, то, пожалуйста, сообщи его мнѣ. Как тебе, может быть, неизвѣстно, сидѣвшая в Петропавловской Крѣпости, в предварительном заключеніи, курсистка по неизвѣстным причинам облила себя керосином и подожгла, послѣ чего через два дня умерла. Недавно по этому поводу разсылались и читались трогательныя воззванія со всевозможными предположеніями, так что на панихиду в Казанскій собор собралось масса народу, главным образом, конечно, студенты и курсистки; их всѣх, конечно окружили городовые и жандармы, послѣ чего и переписали что-то тысячи полторы учащейся молодежи. Дальнѣйшее пока не извѣстно. По городу ходят слухи вроде того, что студенты, мол, ворвавшись в собор, стали ломать хоругви и проч. Богатая тема для Антонины Николаевны! Воображаю, как она допекать тебя станет. Что касается лично меня, то я жив и здоров. Не могу сказать, чтобы очень пополнил, но к «первобытному» состоянію вернулся.

Не знаю, что дѣлать лѣтом: за границу, как хотѣл папа, вряд ли можно будет, — сколько ни высчитывай. А тут еще чума, да может быть и война, пожалуй за границу и не пустят: вѣдь позволение испрашивается особым рапортом. Может быть уѣду на чуму, а, может быть, опять попаду к вам. Я слышал о твоём предположеніи в смыслѣ Киева. Хорошо бы пожалуй было!

Крѣпко дѣлаю тебя, папу и остальных. Вопреки своему обыкновенію, до конца не дописываю, так как и без того уже пропустил первую лекцію. Твой Ю.

Год за годом нас становилось меньше: сначала уѣхал Юша, затѣм Ваня, и вот настает черед Миши. Но хочется еще остановиться на том времени, когда не всѣ разъѣхались. Передо мною письмо Коли от 23 января 1894 года, из котораго я перепишу только часть:

М-р Андрэ теперь задает, так сказать, форсу лабораторіей и разными страшными ножами, которыми он собирается рѣзать несчастных мертвецов. Он вообще, кажется, не скупает и должно быть сумѣет совмѣстить дѣло с бездѣльным дѣлом. Сюда на съѣзд врачей пріѣхал Радецкій. Он просил тебѣ и папѣ кланяться и сказал нам, что ты такой брильянт, что тебя надо под 12 рамок спрятать. На это мы с Юшей довольно единодушно отвѣтили, что это мы и сами знаем; правда, вѣдь знаем? Может быть, это и не всегда замѣтно... На будущей недѣлѣ кончаю работу в лабораторіи, профессор ее одобряет, вѣроятно, и я зарываюсь по уши в книги. Цѣлую тебя крѣпко-накрѣпко. Поцѣлуй папу и дѣтвору. Твой Н. Пантюхов.

...Годы шли в Тифлисѣ медленно. Каждый год был для нас цѣлой эпохой и мы уж, конечно, не предполагали, что со временем будем с трудом разбираться, что и когда случилось в нашей тифлисской жизни... Наш Юша еще в послѣдних классах гимназій чувствовал себя не очень крѣпким физически. В Академіи в 1896 году он захворал тифом и как-то не мог поправиться как слѣдует. Вслѣд за тифом появились признаки туберкулеза. Юша получил отпуск в Тифлис и затѣм командировку в Абастуманскій военный госпиталь. Мама, конечно, очень мучилась — как-то все обернется.

Слѣдующее письмо от Юши о том же пріѣздѣ:

«10 января 1897 г. Пріѣхал я в Абастуман под вечер, т. к. ввиду значительной пронзительности погоды ночевали на ст. Ахури. Комиссар любезно предоставил в мое распоряженіе бурку, одѣяло и наполненную воздухом подушку, которыми я и воспользовался, предварительно объяснив ему, что мнѣ мол очень совѣстно и пр., на что он отвѣтил соотвѣтствующим образом. Помѣщеніе оказалось довольно прохладным, но зато воздух, должно быть, был идеальной чистоты. Утром мол изловлен клоп, втихомолку пробравшійся по дебрям чемодана нах гаузе.

Варенье и съѣстные припасы прибыли благополучно, хотя в дорогѣ я предоставил им самим заботиться о себѣ. Только раз, когда комиссар хотѣл с размаху сѣсть на них, я предупредил его, что там мол варенье, и что ему грозит опасность перепачкаться, если произойдет слишком сильное столкновение между ним и банками.

С Абастуманом никаких видимых перемѣн не произошло. При сем прилагаю квитанцію в смыслѣ пальта. Любящій тебя А. Пантюхов».

Лѣтом 1897 года было рѣшено ѣхать на дачу. Тут играла роль и болѣзнь Юши и усталость мамы и то, что скоро и Миша уѣдет от нас в университет... Аннѣ Павловнѣ не трудно было уговорить маму, а мама уж уговорила и папу. Предполагалось, что и папа будет пріѣзжать хоть на праздники. Анна Павловна уже второй год жила в Боржомѣ со своей воспитанницей Таней Богословской, дѣвочкой лѣтъ семи.

Анна Павловна и нашла нам дачу — верхній этаж дома над самой Курой. Высокій обрыв скрывал ее от наших глаз внизу, но вправо и влѣво видно было, как бурно неслись ея желтоватыя волны и как иногда среди них неслись плоты из бревен. За Курой чудесныя курчавыя вершины гор, а влѣво Ликаны со своими черепичными крышами: имѣніе Великаго Князя Николая

Михайловича. Если по этой дорогѣ ѣхать мимо Ликан, то проѣхав верст шестьдесят, попадаешь в Абастуман, гдѣ живет Наслѣдник Великій Князь Георгій Александрович и гдѣ так недавно лечился Юша.

Чудесное мѣсто этот «наш» Боржом. Здѣсь, кажется, вдоволь всего того, что нам не хватало в Тифлисѣ лѣтом: зелень, зелень и зелень кругом. Воздух такой, что хочется пить его — лѣсной и горный воздух. Должно быть он напомнил всѣм нам лѣсной воздух сѣвера.

За нашим домом, если идти напрямик в гору, были замѣчательныя, совершенно дикія мѣста. Идти туда вглубь гор по тропинкѣ вдоль горнаго ручья и говорить громко вслух тютчевскіе стихи:

*Какое дикое ущелье!
Ко мнѣ навстрѣчу ключ бѣжит:
Он в даль спѣшит на новоселье,
Я лѣзу вверх, гдѣ ель стоит.
Вот взобрался я на вершину,
Стою здѣсь радостен и тих...
Ты к людям, ключ, спѣшишь в долину,
Попробуй — каково у них!*

И в самом дѣлѣ на перевалѣ ель стоит и ручей бѣжал мнѣ навстрѣчу и, навѣрное, Тютчев чувствовал такую же радость бытія и такая же красота окружала его...

Пахло смолой от сосен нагрѣтых солнцем. К тому же здѣсь нѣсколько деревьев было срублено недавно, и аромат сосны наполнял воздух. Вдали внизу синія горы и разноцвѣтныя крыши Боржома на переднем планѣ... Ни-кого кругом.

Если пойти утром в парк, то послѣ ночного дождя под ногами скрипит крупный песок и прохожіе, если попадаютъ, то совсѣм другіе, чѣм в Тифлисѣ Много пріѣзжих «из Россіи». И Юша был доволен и мы с Мишей тоже. Юша много пѣл и мы иногда подтягивали за ним. Не знаю, пугались ли нижніе жильцы, когда это случалось.

Мама жила там же, гдѣ и Анна Павловна с Таней Богословской. Онѣ всѣ занимали дом наискось от нашего дома. Там же мы и обѣдали. Папа пріѣзжал лишь раза три за все лѣто. Вспоминаю, как во время обѣда Таня, в простотѣ души, запишала, когда увидѣла, что у папы усы запачкались супом. Она должно быть хотѣла предупредить папу об этой опасности. Смѣлая была дѣвочка Татьяна; из нас бы никто не рѣшился на такое дѣло. А папа, к нашему удивленію, сам засмѣялся и сказал: Да. Вот у вас, у прекраснаго пола, этого не может случиться. Это большое преимущество.

Кругом было так красиво, что мнѣ непремѣнно захотѣлось попробовать «увѣковѣчить» эту красоту на холстѣ. Не было большого труда уговорить папу и маму дать немного денег на краски и кисти. Было написано письмо в Москву к Мюр и Мерилизу. И вот наложным платежом пришла посылка. В ней были также и три маленьких подрамника с натянутым холстом. С увлеченіем писал я с нашего балкона бѣлую церковь на лѣсистом холмѣ за Курой и большую скалистую гору направо, над дворцом Великаго Князя Михаила Николаевича. Там наверху, на скалѣ над обрывом, бѣлѣл памятник — бѣлый крест, и никто толком не знал, в память чего или кого он воздвигнут.

С папой пошли всѣ в Воронцовскій парк, расположенный на плоской

горѣ в другой, противоположной от нас сторонѣ Боржома. Если посмотрѣть с обрыва в Воронцовском паркѣ вниз, то, как на ладони, видны «купальныя заведенія», источники цѣлебной воды, парк и эстрада для музыкантов. Еще — театр.

Про цѣлебные источники Юша шутил, что один из них слабительный, а другой, наоборот — крѣпительный и как кто-то перепутал их и что из этого вышло.

Здѣсь, в Боржомѣ, мнѣ в первый раз пришлось встрѣтиться со специально «курортной» публикой и вообще быть в специфически «курортной» обстановкѣ. Впослѣдствіи — Царское Село, Ялта — все это были болѣе или менѣе курорты, или, по крайней мѣрѣ, дачныя мѣста. Отличались они от обыкновенных городов и мѣстечек, во-первых, тѣм, что в них была атмосфера ничего-недѣланія, а во-вторых, военные ходили в них без оружія и даже носили тросточки. Этим правом — ходить с палкой — я с удовольствіем воспользовался и купил у какого-то горца, при входѣ в парк, отличную, обожженную круглыми пятнами, палку из кизила. Особенно пріятно было, что палка эта пахла политурой. Мнѣ казалось, что в этом запахѣ было что-то бодрящее и говорящее о недалеком уже путешествіи на сѣвер и вообще о начинающейся самостоятельной жизни.

В корпусѣ в это время был у меня пріятель Николай Кольдевин, переведенный к нам из реального училища. Восторженный юноша, писавшій стихи и не похожій на обычный тип тифлисскаго кадета. Этого Кольдевина, с благославленія мамы, я пригласил к нам в Боржом на нѣсколько дней. Его пріѣзд совпал с нашей поѣздкой в Бакурьяны и на Цхра Цхаро. Наняты были два «фаэтона», и большая оживленная компанія отправилась в поѣздку. Какой живописный и необыкновенный был этот путь. Все в гору и в гору. Бакурьяны уже совсѣм высоко в воздухѣ. Тот же аромат сосен, как и в Боржомѣ, но еще с прибавкой альпійской горной прохлады и чистоты.

Ночевали в только что построенных бревенчатых дачах. Пахло свѣжим деревом, а в окна доносился шум сосен.

Хорошо было бродить по лѣсу и собирать крупную сладкую малину. Мы с Кольдевиным были в восторгѣ от всего видѣннаго и вспоминали подходящія к случаю стихи. Лучше всего были Пушкинскіе:

*На границу
Владѣній дѣдовских, на мѣсть том,
Гдѣ в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят: одна поодоль, двѣ другія друг к дружкѣ близко...
Здѣсь, когда их мимо
Я проѣзжал при свѣтъ лунной ночи,
Знакомым шумом шорох их вершин меня привѣтствовал...*

Мы нашли, что этими строками Пушкин чрезвычайно хорошо уловил шум сосен — так и слышится шорох в вѣтвях, как сейчас в Бакурьянах.

Обѣдали на травѣ, на берегу ручья. Была еще и Надя Кистенева и наша сосѣдка по дачѣ Марія Николаевна Колобова, рожденная Николич. Как-то так вышло, что не то Анна Павловна, не то Надя сказала, что все-таки из всѣх присутствующих дам и дѣвиц, наша мама самая красивая. Это вышло

совсѣм неожиданно и мама была не на шутку сконфужена. Она-то уж на вѣрное этого не считала и не интересовалась этим.

Юша, мама, Анна Павловна, Надя — всѣ остались на слѣдующій день в Бакурьянах, а мы, остальные, с вечера поѣхали дальше на вершину Цхра Цхаро. Кругом были настоящіе альпійскіе луга, усѣянные гигантскими цвѣтами: тѣ же цвѣты, что и внизу, но будто их кто-то увеличил в три, четыре раза. И еще были поля рододендронов. С нами была еще какая-то богатая толстуха из Питера. Она должна была писать письма своему мужу и все подыскивала наиболѣе торжественныя напыщенные выраженія и все же этого было мало. Тогда она рѣшила переписать страничку из путевода — нам это очень понравилось.

Туманы, облака плыли внизу по склонам гор. Ночевали в так называемой «гостиницѣ» — туземной саклѣ на вершинѣ горы. Почти на вершинѣ. До вершины оставалось шагов четыреста. Мы должны были их пройти до восхода солнца, чтобы встрѣтить восход на вершинѣ. Мы не очень то выпались, но вволю налюбовались на великолѣпную панораму. Вспоминался Пушкин: «Кавказ подо мною. Один в вышинѣ стою над снѣгами у края стремнины...»

Здѣсь впервые я обратил вниманіе на группу звѣзд, ярко горѣвших передо мною над хаосом лѣсистых гор. Это — Плеяды. А главная из них — Альціона. Я тогда еще не знал, что это мое случайное «открытіе» останется со мною на всю жизнь. Я просто хотѣл запечатлѣть радостныя минуты моей жизни: вот я смотрю на эту красивую звѣзду в ту минуту, когда я счастлив. Может быть кусочек счастья останется там и в будущем я увижу снова как бы отраженіе этого счастья...

Но вот восход солнца на вершинѣ Цхра Цхаро. Говорят, что в совершенно ясную погоду можно видѣть отсюда Черное море. Может быть мы его видѣли, может быть не видѣли, но мы видѣли зато далекую, далекую панораму, пропадающую в утренней мглѣ... Мы ходили по настоящим альпійским лугам и дышали настоящим альпійским воздухом.

Может быть мнѣ удастся в недалеком будущем увидѣть Черное море вблизи. А может быть удастся побывать на настоящих швейцарских Альпах. Широкіе планы были у меня в это утро. И как-то пока у меня так складывалось, что всѣ мои главныя желанія исполнялись. Не даром папа говорил, что стоит лишь только по-настоящему захотѣть и желаніе должно воплотиться в жизнь.

Обратно в Боржом ѣхал я в одном экипажѣ с Маріей Николаевной и Кольдевиным. Марія Николаевна говорит: «С вашим прекрасным ростом вы непременно должны выйти в гвардію»... Что ж и это, пожалуй, может исполниться. Досадно только, что блондинка в пенснэ говорит только о моем ростѣ и не говорит, а может быть и не замѣчает других достоинств. Как ни мало я знал тогда о гвардіи, но все же понимал, что рост там нужен для солдата, а для офицера нужны другія качества.

Жалко было разставаться с царством зеленых гор и бѣлых пѣнистых ручьев, с «нашим» Боржомом. Звуки музыки и шумящей воды. Запах сосен и дамских духов — атмосфера беззаботности и флирта.

Тифлис принял нас в свои старческія объятія, как добрая, ласковая нянька, с которой связано так много воспоминаній.

Шестой класс кадетскаго корпуса. Быть в первой ротѣ — строевой ротѣ — это что-нибудь да значит. Мы теперь занимались на строевых занятіях с настоящими солдатскими ружьями и носили настоящіе, кожаные ремни.

А в головѣ, когда ляжешь в постель, такая сладкая кутерьма от боржомских воспоминаній, и тут уже не на звѣзды смотришь, а была в сосѣдном ночном столикѣ какая-то шель узорчатая. Вот эту-то шель я и выбрал, как свидѣтельница моих вечерних воспоминаній, пока глаза не сомкнутся в сладком снѣ.

Осенью 1897 года мой брат Михаил окончил Первую классическую гимназію и уѣхал в Москву, поступил в университет на естественный факультет. «По дорогѣ» он заѣхал в Нижній Новгород, гдѣ наш Коля был на высокой должности завѣдующаго одним из отдѣлов и получал фантастическую сумму 500 рублей в мѣсяц.

В том же 1897 году, 6 декабря, в день тезоименитства Государя, мой отец был произведен в генеральскій чин дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а через год он получил орден Станислава Первой степени, то есть звѣзду и ленту через плечо. Сѣрое генеральское пальто украсилось теперь яркой красной подкладкой и казалось, что вся наша улица гордилась этим: никаких других генералов в окрестностях наших не было. Надо сказать, что когда отец в своей генеральской формѣ в праздничные дни ѣхал в собор и стоял там среди генералов, то он был самый представительный из них.

1898-й год! Подумать только, что в этом 1898-м году мы перейдем в послѣдній, в седьмой класс, и станем для малышей, кадетов третьей роты, такими же недостигаемыми величинами, царствующими гдѣ-то там в высшем классѣ, какими казались нам раньше Лобанов, Казбек, Калишевскій, Гродеков и прочіе.

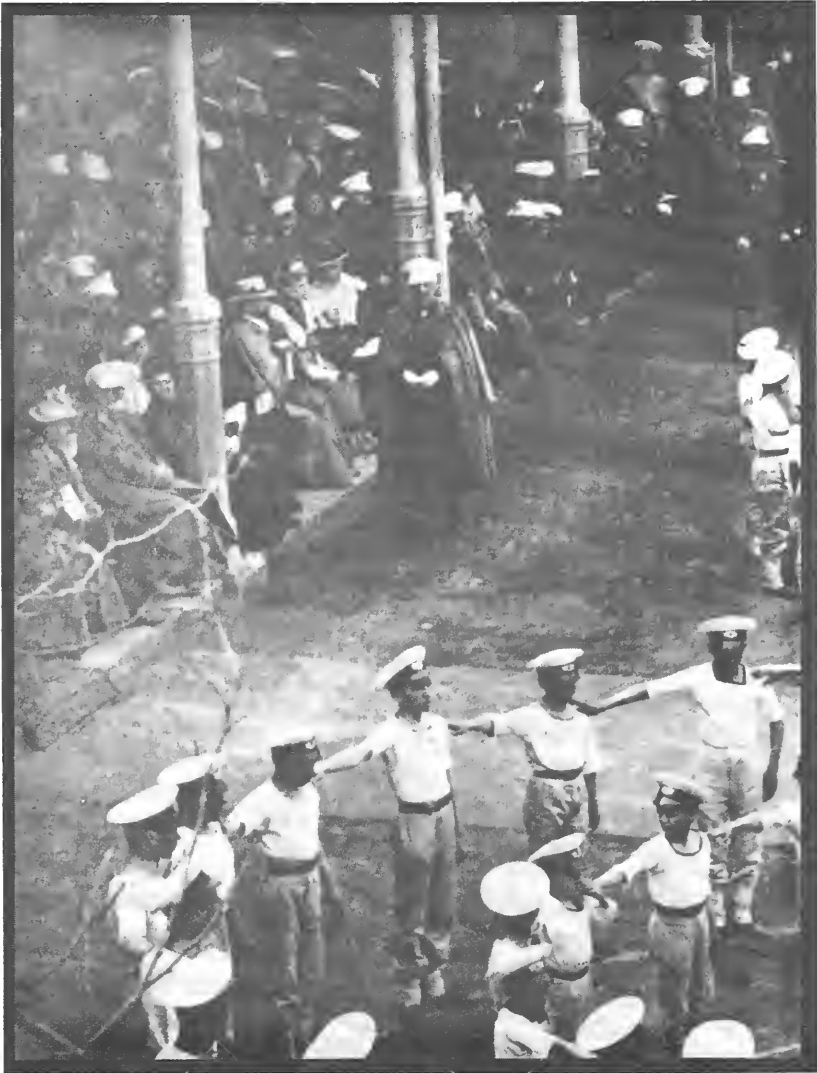
Мы готовились также и к Пушкинскому юбилею, к столѣтію со дня рожденія Пушкина. Я постарался изо всѣх сил и довольно прилично нарисовал итальянским карандашем большой портрет Пушкина.

Вспоминается, как мы из окон нашего Корпуса наблюдали за постройкой новаго «Казеннаго Театра», тут же на Головинском проспектѣ. Рассказывали, что предсѣдателем строительной комиссіи был мѣстный кавказскій князь, плохо говорившій по-русски. Будто секретарь говорил ему про театр: «Ваше Сіятельство, резонанса нѣтъ!» А князь отвѣчал ему: «Ва! мы его выпишем из Петербурга!»

Впрочем, на Кавказѣ любили посмѣяться и рады были каждому случаю, каждому анекдоту.

На перемѣнах, когда мы, кадеты, гуляли на своем плацу, мы окружали иногда воспитателей и задавали тут им вопросы, гораздо свободнѣе, чѣм в помѣщеніи. Кто-то из нас спросил нашего новаго воспитателя Мусин-Пушкина: кто из нас будет в слѣдующем году фельдфебелем и кто унтер офицерами? Мусин-Пушкин сказал: «Не знаю, зависит от ученія, но вот Олег Иванович мог бы быть отличным фельдфебелем»... Меня иногда из почтенія называли по имени и отчеству.

Дома в это время с нетерпѣніем ждали писем от Миши, нашего новаго

Тифлисскай кадетскій корпус (1897).

студента. Он поѣхал в Кіев, с тѣм чтобы перемѣнить послѣ, если не понравится.

Вот мамино письмо папѣ, который в это время был в командировкѣ:

Посылаю тебѣ третье Мишино письмо. Адресовала в Военный госпиталь или Военный лазарет, я думаю, понятно. В дополненіе к этому письму скажу, что 8 февраля в Петербургѣ были студентов нагайками, вообще больше досталось «бѣлоподкладочникам», как говорит Антонина Николаевна. В послѣднем письмѣ Юша говорит, что «на завтра их, казенных стипендіатов, требует к себѣ Пашутин, вѣрно будет грозить лишеніем стипендіи. Ни на лекціи, ни в клиники никто не ходит, ни в одном, ни женском, ни в мужском, высшем учебном заведеніи занятій нѣтъ». По словам Антонины Николаевны — то же в Варшавѣ, Кіевѣ, Харьковѣ. Неужели ты не писал еще ни Юшѣ, ни Мишѣ. Мы с Ваней постничаем, я собираюсь говѣть. Я было написала Юшѣ, что если его вышлют в скором времени, то пусть ѣдет пока в Кисловодск к тебѣ, ибо там уже цвѣтут деревья, а через горы ему ѣхать теперь не резон. Ну, всего хорошаго. Крѣпко тебя цѣлую.

Итак, я был в шестом классѣ кадетскаго корпуса. «Близок берег», говорили мы друг другу, и какое-то неопредѣленное чувство наполняло нас, когда мы думали о предстоящей ломкѣ, предстоящем отъѣздѣ на сѣвер. Жаль очень разставаться с городом и горами, и всѣми, всѣми чарами кавказской, тифлисской жизни. И мы спѣшили видѣть побольше, ходить во всѣ закоулки туземной части города или по окрестностям.

Весна 1898 года. Переходные экзамены в послѣдній 7 класс. Классныя парты послѣ уроков ставятся в поэтическом безпорядкѣ вдоль стѣн и это создает впечатлѣніе для нас и совершенно новой обстановки, и какой-то вольности: скамейки больше не вытянуты «в затылок» одна за другой, и мы тоже, как и скамейки, чувствуем нарек на «свободу». Воспитатели появляются рѣдко и когда приходят, то на лицах у них такое выраженіе, будто они хотят сказать: «Дѣлайте все, что хотите, только зубрите и зубрите во всю».

Мы зубрили, но в большія окна, как на зло, свѣшивались вѣтки цвѣтущей акаціи, птицы кричали, как оглашенные. Какой-то ералаш получался в головѣ и в душѣ, а тут еще начались приготовления к настоящему кадетскому лагерю в Манглисѣ, о котором мы только лишь слышали. Как-то будет там? Как на военной службѣ. Будем ли мы жить в палатках? Там рядом в Манглисѣ квартирует 13-й гренадерскій Эриванскій Его Величества полк, вот у тѣх кадет, чьи родители служат в Эриванском полку, мы и узнавали всѣ интересующія нас подробности. Эриванцев было много, одних Силаевых цѣлый выводок, затѣм много Эристовых, Вачнадзе и пр.

...Особенно хорошо было во время экзаменов вставать на разсвѣтѣ, когда почти никого не было в классах. Открыть окна, вздохнуть свѣжим воздухом и приниматься за книгу. Вставать спозаранку тоже официально разрешалось в торжественное время экзаменов. В самом дѣлѣ, гораздо лучше все укладывалось в головѣ во время этих ранних занятій натошак. На экзаменах подсказывали. Да и как не подсказывать, когда такіе взрослые дяди, как Наврузов или Бѣгіев, должны же были когда-нибудь кончить корпус, а в головѣ у них, да и у многих других, не укладываются ни теоремы, ни хронологія.

Экзамены сошли для меня вполне благополучно, хотя я не получил много двузначных отміток и поэтому не мог рассчитывать на нашивки в вы-

пуском классѣ, но это казалось мнѣ пустяками в сравненіи с таким большим количеством ожидавших меня перемѣн и впечатлѣній.

В Манглисѣ ѣхали рано утром мимо родных нам мѣст по Садовой улицѣ, мимо нашей Вознесенской церкви. Иногда вставали с линеек, чтобы облегчить лошадей при подъемѣ. Вот мы уже на вершинѣ Сололакской горы. Сололаки внизу, как на ладони. Если остановиться или отстать от громажающей линейки, то еще слышны крики пѣтухов и разносчиков... Вот Окроканы с «знаменитым» исправительным заведеніем для малолѣтних преступников. Когда наш батюшка о. Манцѣтов хотѣл пошутить, он говорил: «Ва! В Окроканской академіи воспитывался»...

А дальше Цавкиси и лѣсистая гора Коджор. Крѣпость Кер Оглы. Пропадавшая балка. Ушелія, лѣса все гуще и выше, воздух чище и рѣже... Вот Манглис. Впечатлѣнія большого он не произвел, но произвели впечатлѣніе настоящіе старые солдатскіе поселенцы, расселенные здѣсь чуть ли не во времена Потемкина или по крайней мѣрѣ в первые годы покоренія Кавказа.

Палаток не было, но были сѣрые дощатые бараки с обычными кадетскими кроватями; была рядом кадетская «чайная», столовая, и умывались мы почти под открытым небом, под круглым навѣсом, — сколько впечатлѣній! Ожидалось, что вот теперь наши военные воспитатели покажут нам всю прелесть походной и лагерной жизни. Нѣт. Ничего такого нам наши воспитатели не показывали, даже не показали нам Эриванскаго полка. Впрочем, полк был в это время на маневрах. Нѣсколько довольно обыкновенных строевых ученій под открытым небом на зеленой травѣ, у лагерной церкви — этим дѣло и ограничилось... Времени было много и мы могли дѣлать, что хотѣли. Я стал писать масляными красками пейзажи: во-первых, мнѣ захотѣлось с большим чувством написать просто сосновый лѣс на тему «знакомым шумом шорох их вершин меня привѣтствовал». Вышло темное іюльское небо и вершины сосен в этом небѣ — чувства много, а техники, конечно, мало еще, да и кисти, насколько я помню, оставляли желать многого. Потом я писал старую в грузинском стилѣ церковь с каменной оградой и черепичной крышей — это не далеко от того мѣста, гдѣ на дачѣ жила наша Анна Павловна со своей воспитанницей Таней.

Анна Павловна очень рада была мнѣ, конечно, она совсѣм свой человек и всѣ Пантюховы ей, как родные. Она угощала меня удивительной малиной с удивительными сливками. Ни того, ни другого в Тифлисѣ не достать.

Я писал из Манглиса много писем. Написал между прочим и нашей боржомской Маріи Николаевнѣ Колобовой, даже кажется послал ей один из своих этюдов. От папы получил письмо 30 іюня 1898 г.:

«Олег! Оказывается, что ты любишь получать письма, поэтому я тебѣ пишу, за неимѣніем под рукою почтовой бумаги, на бланкѣ Общества Переселенцев, из Управленія.

Вчера вечером я возвратился из с. Пассанаур в 90 верстах от Тифлиса, 18 от Млет и 32 от высшей точки перевала через Кавказскій Хребет — Гудаута.

В Пассанаур я ѣздил вмѣстѣ с редактором «Кавказа», Величко и гостил у него дня три. Там я измѣрял и фотографировал одного прокаженнаго и в сосѣдней деревнѣ группы крестьян и сакли. Фотографіей у Величко управляет твой пріятель Сандро, который живет у Величко, т. е. обѣдает, ужинает и пр., а ночует, за неимѣніем мѣста у Величко, напротив, у пристава.

Я сказал Величко, что ты собираешься с товарищами во Владикавказ и он будет очень рад, если зайдешь к нему. Мнѣ он и семья его нравятся.

Я написал письмо к Мусин-Пушкину и передал его мамѣ — она его отправила по твоему адресу.

Возвратясь из Пассанаура, гдѣ прохладно, я застал в Тифлисѣ такую жару, какой не помню и в прошлом году — в тѣни 28 гр. Реомюра.

Мама и О. А. поговаривали о том, чтобы найти гдѣ-нибудь по ж. д. мѣстечко для временнаго убѣжища, но едва-ли это состоится. Они ѣздили в Боржом, гдѣ встрѣтились с Юшей и привезли его сюда дня на три. Теперь он опять уѣхал. Бацил у него, по его словам, теперь нѣтъ.

Заходил ли ты к Кузьминскому и старшему врачу? Если ты не найдешь лучшаго употребленія для взятых тобою моих книг, то занеси, при случаѣ, хоть доктору «О Пещерных Жилищах» и кланяйся. Я ему не отплатил визита — присланы карточки — и ему будет, конечно, пріятно, что я его вспомнил. Кланяйся Аннѣ Павловнѣ и будь здоров. И. Пантюхов.

Это письмо, как замѣтил сам папа, было написано на бланкѣ Общества Переселенцев. Отец много лѣтъ принимал большое участіе в переселенческом дѣлѣ. Он возмущался, когда для переселенцев назначали не подходящія участки, особенно если эти участки были не благополучны в смыслѣ маляріи. Однажды я, кадет пятаго класса, отправился с ним на товарную станцію желѣзной дороги, гдѣ стоял поѣзд с переселенцами, принужденными возвращаться обратно в Россію послѣ попытки жить и работать на малярійном участкѣ. Часть их умерла там, а оставшіеся были в ужасном истощенном видѣ. Сначала сторож не хотѣл нас пропустить послѣ положеннаго часа, но я на него так прикрикнул, что ворота быстро открылись. Мы принесли бѣдным людям ѣды и конфекты и обѣ стороны были растроганы от души. Отец, конечно, старался дѣлать все, что было можно, для переселенцев.

Одна из написанных и изданных отцом книг называлась: «Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа». Я рисовал карту под руководством отца для этой книги и очень гордился, что эта карта была напечатана.

*

Наше Пушкинское звено, поподненное Разгильдѣевым и Горохом из со-сѣднаго отдѣленія, рѣшило по окончаніи лагеря совершить поход — именно то, чего нам не хватало в так называемом «лагерѣ».

Наше стремленіе употреблять свой досуг на лонѣ природы, в таком имен-но направленіи, как потом рекомендовал Баден-Пауель, — но по-простому, по-своему, по-русски — было еще задолго до появления системы скаутов. Въдъ наш Пушкинскій кружок имѣл правила честности и товарищества не напи-санныя, но точно исполнявшіяся. Была и надежда принести возможно больше пользы родинѣ и ближним. Наш кружок морально отличался от окружающей среды в лучшую сторону.

Долго разсматривали карту и наконец, по моему предложенію, останови-лись на маршрутѣ: — Сурам — Кутаис — Абастуман — Боржом. Это почти треугольник, потому что от Боржома до Сурама совсѣм близко. Каждая сто-рона треугольника равна приблизительно 70 верстам.

Какіе интересные планы: мы увидим знаменитый Сурамскій тоннель, пройдем не далеко от Чіатурских марганцовых копей, старинных монастырей, через дикій Зекарскій перевал...

Хорошо было обдумывать предстоящій поход. С этого времени и лагерь наш приобрѣл больше смысла. Помню, что у меня было из дому взятое, так

называемое черемуховое мыло мыловаренного завода, если не ошибаюсь, Чередниченко. Мыло было дешевое, но аромат его казался мнѣ чудесным и даже вдохновительным, особенно с примѣсью утренняго аромата, окружающих нас сосен.

Казалось, послѣднее лѣто в Тифлисѣ слѣдовало бы провести с родителями; да — это так, но и родители соглашались и мы чувствовали, что надо же распрощаться как слѣдует и с нашим великолѣпным Кавказом, пріютившим нас на двѣнадцать лѣт.

Было распределено, кто из нас походников, что с собою возьмет. Настал долгожданный день и вот мы уже сидим в вагонѣ вечерняго поѣзда. Спим кое-как на жестких скамейках, а утром выходим на станціи Сурам. Умываемся под открытым небом из крана, покупаем чуречки хлѣба и идем вдоль полотна на запад. Полотно желѣзной дороги ныряет в темноту туннеля, а мы идем по старому, еще не вполне разобранному, полотну по горам. Устраиваем костер, кипятим чай — какая масса новых впечатлѣній! Идем по шпалам и думаем о тѣх людях, которые проносились здѣсь же, гдѣ мы идем, но сидя в удобных вагонах — какіе разнообразные люди... Часть из них была счастлива и довольна, а часть скучала и всѣ они не замѣчали какая красота тут в горах, если выйти из вагона!

...Много мыслей приходит в голову, когда идешь по шпалам. Ночевали под открытым небом у костра. Когда дошла очередь до меня быть поваром, я насыпал в кастрюлю гречневой крупы, прибавил соли, а затѣм, накрошив малороссійскаго сала, варил это на кострѣ. В видѣ приправы нашлось немного лука и перцу. Я был очень горд своим малороссійским «кулешом», который вышел на славу, и в честь меня была спѣта малороссійская пѣсня. Дежурили по очереди и у дежурнаго на поясѣ висѣл револьвер — единственное наше оружіе. На всякій случай рѣшено было на недоумѣнные вопросы встрѣчных туземцев говорить, что мы — авангард, что за нами идут еще много солдат.

В Кутаисѣ был отдых у родных нашего спутника с фамиліей Горох. Осмотр стариннѣйших грузинских (вѣрнѣе имеретинских) монастырей, в одном из них показывали необычайных размѣров кольцо царя Давида. Старинныя стѣны над диким горным ущельем. Как и повсюду в Закавказьѣ, замки Царицы Тамары. Тут мы сосчитали деньги и часть из нас рѣшила ѣхать в Кобулеты, чтобы повидать море. Повод был достаточно уважительный: вѣдь мы никогда не видѣли что из себя представляет море.

...Вот оно, должно быть тут, близко, думали мы, когда в вечерних сумерках шагали по глубокому гравію и обоняли море, дышали морем, слышали море, но не видѣли еще его. И долго не видѣли, пока не подошли вплотную, да и тогда не сразу различили и не сразу поняли, что вот эта пѣна и кутерьма, это и есть Черное море. Гдѣ оно начинается и гдѣ кончается — ничего нельзя было разобрать в этом шумѣ и грохотѣ и суетѣ, да еще в сумерки, да еще с почтеннаго разстоянія, потому что в сапогах нельзя было близко подходить к водѣ.

Мѣшали нашему знакомству с морем также и родственники Разгильдѣева, говорившіе без умолку о самых прозаических вещах, мало считаясь с тѣм, что все равно ничего не было слышно. Очень шумѣл, пересыпаемый водою гравій... Только что навалит его на одно мѣсто, как кто-то, недовольный, собирает его снова и швыряет назад. И каждый раз дѣло идет о нѣскольких возах отлично вымытаго гравія — разноцвѣтных круглых камешков.

Мало-помалу мы ориентировались в этой неразберихѣ и стали различать какой-то порядок, с которым зеленовато-голубая, как стекло, вода собиралась в волну, подымалась выше и выше и разсыпалась водяным фейерверком — было от чего «обалдѣть»! И наши новые знакомые, родственники Разгильдѣва, должны были понять, почему мы не отвѣчаем на их вопросы и стоим уставившись в сѣро-зеленую мглу.

Утром, перед тѣм, как возвращаться в Кутаис, мы пришли снова к морю и увидѣли, что у него есть граница, хотя и очень туманная и неопредѣленная, там далеко, далеко на горизонтѣ. Мы увидѣли также, что волны блестят на солнцѣ так, что больно смотрѣть, а пѣна похожа на вычурныя кружева. Особенно врѣзалось в память это прозрачный, стеклянный цвѣт волн и совершенно особенная, «небесная» чистота всей этой громадины.

...Теперь ѣдем обратно и с любопытством смотрим на живописную одежду имеретинцев и их хрупкія, как на куриных ножках, сабли.

От Кутаиса до Абастумана — самый тяжелый переход, но какія дикія, первобытныя ущелія, какіе лѣса, какая глушь! Когда ночевали у шумящаго горнаго потока, кругом была кромѣшная тьма. Только ближайшія деревья были освѣщены нашим костром. Если бы кто-нибудь захотѣл незамѣтно подкрасться к нашему «биваку», он мог бы сдѣлать это очень легко. Но никто не подкрадывался. Только дикіе звѣри подавали голоса из лѣсной чащи. Это было самое непріятное дежурство за все наше странствованіе.

Переход был тоже очень утомителен, да и хлѣба у нас не хватало. Кукурузныя желтыя без соли лепешки, которыя мы покупали в попадавшихся селеніях, были совершенно не съѣдобны.

Истощенные и голодные мы с трудом подымаемся на перевал, входим в полосу облаков и туманов, не видно ничего, кромѣ хлопьев бѣлаго тумана, прячущагося за деревьями. Ни души кругом на многія десятки верст. Когда стало смеркаться и мы подумали уже о непріятной перспективѣ ночлега в облаках, какой-то сказкой, волшебством, миражем показалось нам, когда мы сначала услышали чистѣйшую русскую рѣчь и пѣсни, а затѣм в туманѣ, как призрак появились очертанія постройки — не то сабли, не то избы. Это был пикет казачьяго Хоперскаго полка, несущаго службу в Абастуманѣ, гдѣ в это время жил Наслѣдник. Какія родныя, русскія лица, какія залихватскія, раздольныя пѣсни, какія добродушныя шутки, какой вкусный борщ и какой блаженный спокойный сон на сѣнѣ, среди своих — это была лучшая ночевка наша.

Затѣм уже было легче: шли под гору. Ночевали почти у самага Абастумана в каком-то лѣсопильном заводѣ. Вот это было не комфортабельно, если не сказать больше: доски, на которых я лежал, больно врѣзались в бок и мнѣ снилось, что я лежу как Лермонтов «в долину Дагестана» на острых камнях, а мои спутники уходят. Я стараюсь крикнуть им вдогонку и просыпаюсь.

Абастуман нарядный, но по-другому, чѣм Боржом. Здѣсь нѣтъ минеральных вод, здѣсь только воздух, насыщенный смолой, очень вкусный воздух, и еще здѣсь Наслѣдник Цесаревич в морской формѣ. Но Наслѣдник, Великій Князь Георгій Александрович, как говорят, живет очень скромно, не так как Великій Князь в Боржомѣ. Говорят, что Наслѣдник очень симпатичный молодой человек.

...Приближаемся к концу нашего похода. Идем мимо Ахалциха по безводной, или во всяком случаѣ выжженной солнцем и безлѣсной равнинѣ. Вос-

ход солнца. Старый турок верхом на лошади останавливается лицом к востоку и закрывает ладонями лицо. Должно быть и Магомет и его послѣдователи очень умѣли видѣть и чувствовать красоту разсвѣта. Наши мысли и чувства при видѣ восхода солнца не идут дальше обычных, повседневных слов, а здѣсь в деревушкѣ на минаретѣ мулла долго и восторженно поет славословіе и благодарность Творцу.

Когда мы проходили мимо турок, мы говорим им: «Селям ай лекюм». И они привѣтливо отвѣчают тогда: «Алекюм селям». Здѣсь, в этой части Кавказа, мы нашли настоящій уголок Турціи, так нам казалось. Небольшіе домики, почти без окон, пыльные сады и тишина. Тихіе, неторпливые люди, благодушные не злыя собаки... Как видно хорошій народ турки и жаль, что мы воевали с ними и поем про них «поносныя» солдатскія пѣсни. Помню одну солдатскую пѣсню, которой меня дразнили дома братья, но главным образом Гриша Кнорринг:

*Говорили нам про турок
Что они драться молодцы.
А на дѣль оказалось,
Что они трусы, бѣглецы...*

Но вот и Боржом. Какой опустѣлый, потому что в нем нѣтъ никого из наших. Конечно, есть что-то родное в шумѣ Боржомки и в зеленых ущельях, в чистых песочных дорожках, но мои спутники, когда посмотрѣли на себя в станціонное зеркало, рѣшили, что «всѣ роскоши эти и нѣги» не для нас, походников, что мы бы напугали до смерти мѣстных дам и дѣвиц, если бы показались в курзалѣ в таком походном видѣ.

Мы вернулись домой в Тифлис по желѣзной дорогѣ и вскорѣ началась для нас прежняя, но не совсѣм прежняя, корпусная жизнь, жизнь старшаго класса, — жизнь 19-го выпуска, Пушкинскаго выпуска.

*

Жизнь нашу дома легче всего себѣ представить при чтеніи семейных писем. Юши, часто с юмором, отцовскіе, полны совѣтов. Вот четыре из них:

«Малая Посадская, 22 кв. 8, 2 сентября 1898 г. Большое спасибо тебѣ, дорогая мама, и прочим, за поздравленіе.

Наша Академія на днях празднует столѣтній юбилей. По поводу его устраивается бал, спектакль, а также будут отслужены молбен и панихида. По этому случаю возникли довольно серіозныя столкновенія между студентами и начальством. Воспользовавшись тѣм, что нѣкоторыя желанія — перемѣна формы и пр. — не были исполнены, студенты вспомнили всю свою многолѣтнюю вражду и недовольство, рѣшили не быть совершенно ни на одном из вышеозначенныхъ празднествъ. Надѣялись этимъ достигнуть чего-нибудь и улучшить какъ бытъ студентовъ, такъ и учебно-административную постановку дѣла.

Мысль сама по себѣ симпатичная, такъ какъ во всемъ этомъ слишкомъ много темныхъ сторонъ. Попугали этимъ какъ начальство, такъ и профессоровъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ — Таренскій, Беллярминовъ, Сиротининъ — по этому поводу устраивали цѣлыя диспуты и читали рѣчи, убѣждая не пятнать академіи и пр. Скандаль былъ бы дѣйствительно ужасный, такъ какъ на это празднованіе соберется много представителей отъ университетовъ. Крѣпко цѣлую тебя и папу. А. Пантюховъ».

«10 сентября 1898 г. Миша! Я только что возвратился из поѣздки в Батум, Сухум, Поти и др. и мнѣ говорили о твоих каких-то вродѣ телеграфных депеш, но говорили также, что из них ничего ясно не видно. Считаю не бесполезным сказать тебѣ, что писать такіа депеши, имѣя в виду, что твоими первыми шагами всѣ заинтересованы, а мама и беспокоится, — просто неприлично.

Напиши обстоятельно все, что с тобою дѣлается. У Ольги Александровны 4 сентября родился очень здоровый сын. Она и твой племянник чувствуют себя хорошо.

Мама больна. По телеграммѣ Олега я постигшии прѣхать. Болѣзнь довольно серіозна. Температура с недѣлю доходит до 40 гр. К ранѣ мама примѣшивает и воспоминаніе о укусившей ее змеѣ, и приводит в связь свою болѣзнь с укусом. Врачи Чудновскій и Руденко конечно не признают этого. Твой И. Пантюхов».

«4 октября 1898 г. Дорогой Миша! Мама все еще не поправилась и не встает с постели. Однако, в послѣдніе дни самочувствіе и бодрость лучше.

Коля у нас прожил с недѣлю. Ольга Александровна живет у нас в комнатѣ угловой, сосѣдней со мною, и я, с нѣкоторым даже удовольствіем, слышу временами разные протесты своего внука и твоего племянника. Его еще никак не назвали, но я его зову Николай второй и вѣроятно Николаем он и останется.

Ваня прислал письмо Олегу и 5 руб. денег и предлагает привести ему лошадь во время своего прибытія в Тифлис зимою. Не знаю, что Олег скажет. От Юши сегодня получил довольно бодрое письмо. Он остается в Петербургѣ. Олег во время отпусков не пропускает ни одного опернаго представленія.

В числѣ моих совѣтов, не знаю обратил ли ты должное вниманіе на совѣт, ежедневно мыть шею и грудь по утрам и мыть зубы мылом, вычищая промежутки ногтем или спичкой, или гусиным пером. Это очень важно. Я сам теперь это дѣлаю систематически и перестал простуживаться и беспокоиться о зубах.

У нас, разумѣется, все еще лѣто. Лѣтняя форма не отмѣнена у военных. Новый сезон разцвѣта роз.

Сообрази точнѣе твои расходы и напиши подробно. Кланяйся м-р Пьеру, Михаилу и Митрофану Павловичам и супругѣ Михаила Павловича. Будь здоров. Ив. П.».

«3 ноября. 1898 г. Дорогой Миша! Сейчас получил твое письмо и показал мамѣ.

Ты жалѣешь, что не поступил на медицину. Мнѣ кажется, не стоит жалѣть. Теперь ты, самое главное, должен укрѣпиться тѣлом и духом.

Очень рад, что ты соблюдаешь мои совѣты. Ты, однако, не упомянул об одном из болѣе важных — вставать в 6 ч. и ложиться в 11. Хорошо, что принялся за химию. Хотѣлось бы мнѣ очень, чтобы ты серьезно попробовал заняться эти мѣсяцы естественными науками и не только по книгам, но главное на практикѣ. Для этого, однако, нужны жертвы. Главное надо пожертвовать прочею литературою. Разумѣется, не вовсе уж бросить газеты или очень интересную книгу, но посвящать им свое небольшое время, уж никак не болѣе часа в сутки. Надо, разумѣется, пожертвовать и многими удовольствіями — продолжительными бесѣдами о постороннем естественным наукам, театрами, визитами и прочем.

Я словом хотѣл бы, чтобы ты испытал себя, в состояніи ли ты полюбить естественныя науки и выбрат их для устройства своей будущей карьеры.

Очень хорошо было бы, если бы ты отдѣлил часть времени и на изученіе нѣмецкаго и англійскаго языков. Сообрази, конечно, все сам, как лучше. Ты малый не глупый и понимаешь все не хуже меня. Главное все-таки укрѣпи здоровье.

Если у тебя уж очень будет желаніе изучать медицину, то можешь начать ее хоть со слѣдующаго года. Я не знаю, насколько ты серьезно отнесся к теперешним занятіям. Они во всяком случае пригодятся. Уже научившись систематикѣ ботаники и инсектологіи, чело-

вѣкъ вездѣ чувствует себя как бы дома. Он понимает природу, она ему говорит больше, чѣм другим.

Еще будь здоров. Когда свободен, пиши какіе-нибудь характерные эпизоды своей жизни. Что тебя поражает или озадачивает? Ты умѣешь передавать кратко и ясно. Твой Иван Пантюхов».

Из письма мамы:

Спасибо, Мишуточка, что писал аккуратно и с дороги и с мѣста. Жаль только, что тебѣ пришлось прозябнуть. Я, таки, бѣгала и за тобой в догонку: купила теплыя перчатки и еще кое-что забытое взяла, но когда подѣзжала к станціи, то экипаж ваш уже терялся из виду.

Олега отпускают завтра 21-го, потому что у них в корпусѣ корь: один день 40 человек заболѣло. В этом году у них умерли три кадета, — очень плохія условія жизни. Бросать корпус не хочет и слышать...

В 1898 году, мы снова переѣхали на нашу Вознесенскую улицу. Мнѣ досталась отдѣльная, хотя и крохотная комнатка, которую мама окрестила «студіей». Она выходила прямо на входную лѣстницу и была совершенно самостоятельна. Размѣр ея был таков, что если бы удалось втиснуть в нее кровать, то почти не осталось бы мѣста для чего-нибудь другого. Но кровати не было, а был маленькій столик и стул. Стоял временами мольберт и была полка с книгами: Алексѣй Толстой, Лермонтов, Пушкин, Чехов. Это мои любимцы. Если выйти из комнаты, то на входной площадкѣ видишь средней величины зеркало в рѣзной рамѣ. В зеркалѣ отражается кругловатое и угловатое, как мнѣ казалось, лицо, которым обладатель его был весьма недоволен, считая, что привлекательное, красивое лицо, — это залог успѣха в жизни, так же как княжескій титул, а когда ни того, ни другого нѣтъ, то приходится трудновато. Но я выпячивал грудь, поднимал голову и увѣрял себя, что «мы справимся, мы побѣдим»...

В корпусѣ прошли Пушкинскія торжества. В городѣ, в театрах, всюду Пушкинскіе юбилейные спектакли или празднества, гдѣ у бюста Пушкина произносились рѣчи и стихи.

*Погиб поэт, невольник чести
Пал, оклеветанный молвой...*

Я никогда без волненія не мог слышать этого замѣчательнаго «крика души» Лермонтова.

Весною мы рѣшили, что наш «Пушкинскій фонд» — около десяти рублей — мы, «Пушкинскій Кружок», истратим на поѣздку на лоно природы в кавказскія горы, которыя так любил Пушкин. И мы поѣхали в старый Мцхет, гдѣ жили родители нашего «разъяреннаго гуся» Гедеванова. Мы отчасти ожидали увидѣть «княжескій двор» и «княжеское» гостепріимство. Но увидѣли мы на окраинѣ Мцхета дом-саклю, мало отличающуюся от других туземных сакль, нѣсколько пасущихся баранов и овец и испуганныя женскія лица в полутьмѣ дверей ...мы поняли, что «промахнулись» и, удивившись самому инициатору этого похода Гедеванову, рѣшили отпраздновать юбилей на лонѣ природы, вѣдь Пушкин так любил кавказскую природу... и он любил

наѳрное кавказское вино, он писал об этом в «Путешествіи в Эрзерум». У нас был с собою небольшой бурдючек. Итак,

*Там, гдѣ сливаясь шумят,
Обнявшись будто двѣ сестры
Струи Арагвы и Куры...*

Мы отпраздновали столѣтіе со дня рожденія Пушкина.

Приближался срок выпуска из кадетскаго корпуса. Шли экзамены. Мы уже ходили к традиціонному фотографу Мищенко, который всегда снимает фотографіи с выпускных классов. Фотографіи небольшого «визитнаго» размѣра. Затѣм эти фотографіи наклеиваются на акварельно-разрисованный картон с прибавленіем видов Тифлиса и зданія корпуса и снова переснимаются общей группой. А сам оригинал — большой картон с рисунком, вѣшается в «строевой» первой ротѣ, то есть в залѣ, гдѣ на мраморных досках золотыми буквами выгравированы фамиліи лучших по успѣхам выпускных кадет. Это тѣ самые «свѣтила», о которых так любит говорить о. Манцѣвтов. Если будет когда-нибудь война, и будут среди бывших воспитанников нашего корпуса георгіевскіе кавалеры, то они тоже будут красоваться здѣсь на мраморных досках... Так что для меня, как будто еще не потеряна возможность быть уѳковѣченным здѣсь — так шутили мы друг с другом.

Но не до шуток было, когда пронесся слух, что нашу группу — наш пушкинскій 19-й выпуск, не повѣсят в залѣ, потому что, когда мы были в старшем классѣ, то было нѣсколько раз то, что мы называли «бенефисами». По правдѣ сказать, это и в самом дѣлѣ было большое безобразіе — большой скандал, ничѣм невызванный, исключая лишь развѣ переизбытка сил и жажды что-нибудь выкинуть сверхобыденное и сверхестественное: напримѣр, «проучали» ни в чем неповиннаго новаго воспитателя... Когда он в столовой подносил ложку ко рту, вся рота гремѣла: «Ууффф». Еще хуже, когда какой-нибудь скромный воспитатель совершал ночной, или вечерній обход спален, он находил двери запертыми, забаррикадированными, а когда с помощью служителей вламывался в помѣщеніе, то подымался невыразимый шум и даже подушки летали в его направленіи.

...Приходил ночью директор распекать. Приѣзжал из Петербурга Начальник военно-учебных заведеній Великій Князь Константин Константинович и тоже говорил о недопустимости таких выходов. Но мы и сами понимали, что это «недопустимо» и отвратительно. Однако, это было рискованно; может быть нам казалось, что в этом есть, какая-то удаль, не знаю. Я лично бы этого никогда не стал дѣлать, но когда какой-нибудь здоровый дядя, вроде Бегіева или Челокаева, начинал скандалить, его поддерживали другие «силачи», и пошла писать губернія. Должно быть было что-то заразительное, стихійное в этих «народных волненіях» и не сродни ли они были тому, что случилось потом «во всероссійском масштабѣ».

В это время, в концѣ мая 1899 года, у меня в головѣ была порядочная путаница не только от экзаменов, но и от всяких предположеній на будущее. Воспитатель уже спрашивал, в какое училище я хотѣл бы ѣхать, а у меня были планы не ѣхать вовсе в военное училище, а куда-нибудь в лѣсной институт, как «попка» Бекилов, что ли. Кромѣ того, я с гордостью думал, что у меня в сберегательной кассѣ есть, отложенные папой, сто рублей. Вопрос — какое бы им дать назначеніе?

Перед тѣм, как ѣхать в училище, если уж ѣхать, то хорошо было бы повидать свѣтъ и посѣтить тѣ мѣста в Европѣ, которыя мы так тщательно изучали в свое время по учебникам.

Напримѣр, поѣхать в горы, в Шварцвальд или в Саксонскую Швейцарію, там гдѣ-то есть Фрейберг, гдѣ есть горная академія. Хорошо бы поступить туда и посмотреть, не выйдет ли из меня горный инженер! Во всяком случаѣ, за тот год, который я, допустим, могу потерять, я научусь нѣмецкому языку и нѣкоторым предметам. А там, в крайнем случаѣ, никто мнѣ не мѣшает поступить в то же Павловское военное училище, куда меня прочит Мусин-Пушкин.

Я не только говорил всѣ эти доводы папѣ и мамѣ, но даже написал их насколько мог убѣдительно на бумагѣ. К моему удовольствію, папа не очень возражал против поѣздки в Европу. Возражал лишь против фрейбергских планов.

И вот корпус окончен. Паспорт заграничный в карманѣ, так же, как и сто рублей... Всѣ в этом году подвержены каким-то переѣздам и планам: во-первых, Юша женится, а может быть и женился уже. Лѣтом он ѣдет с молодой женой в Крым и зовет туда маму и братьев. Ольга Александровна, как видно по мишиному письму, тоже ѣдет в Крым. Только лишь папа и Ваня остаются на своих мѣстах в Тифлисѣ и в Артвинѣ.

ГЛАВА VII

Поѣздка в Европу — (1899 год). Севастополь. Киев. Цюрих, Вѣна, Инсбрук и Зальцбург. Смерть Наслѣдника Георгія Александровича. Одесса, Алушта, Ялта и возвращеніе в Тифлис. Выдержки из писем отца, мамы и Миши.

Штатское платье у меня было довольно распространенное в Россіи — косоворотка, спортивный широкій пояс и еще было куплено легенькое песочнаго цвѣта пальто в магазинѣ Гуласпова. Странно было видѣть там главным управляющим нашего вознесенскаго кинто, сотоварища в играх Сандро. Я купил у него еще и какую-то необыкновенную кепку с целлюлоидовым козырьком.

...Один в вагонѣ поѣзда, идушаго на запад в Батум. Ёду ночью, чтобы съэкономить и время и деньги на ночлег. Жестко на твердой скамьѣ, да и мыслей уж очень много, гдѣ же тут спать... Осматриваю город, пишу открытки домой и плыву на пароходѣ Русскаго Общества Пароходства и Торговли. — Билет 3-го класса, но есть возможность перейти во второй, если будет качать, надо лишь приплатить пять рублей. И я это дѣлаю в Поті, пролежав до полуночи на каких-то канатах и вдыхая в себя испаренія машиннаго масла. Перебравшись в каюту 2-го класса, сплю барином на чистых простынях, утром люблюсь лѣсистыми горами справа и синим простором слѣва. Рѣшаю, если деньги останутся, сдѣлать остановку на обратном пути в Новом Афонѣ. Затѣм начало качать и было большое облегченіе, когда пароход вошел в Новороссійскую бухту.

Как и подобает туристу, иду скорѣе осматривать город. Но города нѣтъ. Все пристани и пристани, одноэтажные длинные склады, желѣзнодорожныя мастерскія, грязь и неотвязчивая пыль. Долго таким образом я шел, упорно стараясь найти пропавшій город. Дошел наконец до городского сада, пыльнаго и безцвѣтнаго, но города так и не нашел. Какія-то мелкія деревенскія строенія, мелкія лавченки и запах каменнаго угля. Этот запах и сохранился у меня в воспоминаніи, как запах Новороссійска.

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ — Керчь. Какое оживленіе. За городом свсѣм близко гора Митридата.

*С Атридом спорил там Пилат
Там закололся Митридат,
Там пъл Мицкевич вдохновенный,
И посреди Тавридских скал
Свою Литву воспоминал...*

На пляжѣ песка и камушков нѣтъ, одни лишь ракушки величиною с горошину, рѣдко крупнѣе. Хорошо было выкупаться в этой прозрачной, как стекло, водѣ. Люди кругом какіе-то другіе, чѣм в Тифлисѣ, как будто у них здѣсь нѣтъ других забот, как купаться в прозрачной водѣ и сушиться на солнцѣ, а послѣ пить черное кофе в турецких кофейнях.

Еще лучше Феодосія! Это уже настоящий Крым и на пароходѣ публика немного в приподнятом настроеніи, — завтра на разсвѣтѣ мы в Ялтѣ. Вот она та Ялта, гдѣ живет наш Чехов. Она еще спит. Солнце едва пробирается из-за облаков на востокѣ. Только что был дождь. Песок скрипит под ногами и воздух такой, что никакими словами не расскажешь о нем.

Я спросил у помощника капитана — сколько часов будем стоять в Ялтѣ? Отвѣтъ был не очень опредѣленный — часа два, а может и три, зависит от груза. Иду по набережной и надѣюсь, что удастся каким-то чудом повидать Чехова или хоть бы дом, гдѣ он живет; тревожить его было бы совѣстно в такой ранній час. Спрашиваю городского — гдѣ дом А. П. Чехова? Увы! Это имя, столь дорогое для нас, чуждо толстому городскому: он не знает ни дома Чехова, ни самого Чехова! Спросил еще у двух-трех прохожих и наконец один высказал догадку, что кажется в Ауткѣ. А далеко ли туда? — Версты три-четыре... Как быть? Найду ли там дом, не уйдет ли без меня пароход... и я позорно сдался: сѣлъ пить чай в ресторани на сваях, над морем. Чай был очень вкусный, а сдобныя булочки и того вкуснѣе. Я старался себя утѣшить, что может быть Чехов приходит иногда сюда пить чай, может быть он сидѣлъ на этом же стулѣ, гдѣ сижу я, и смотрѣлъ на море, как я смотрю...

Севастополь. Какое громкое слово. Вот бухта, вот горы кругом и даже видны курганы и старая крѣпость. Гдѣ и как тут воевали? Задаю я себѣ вопрос и со стыдом вижу, что мои познанія о севастопольской оборонѣ чрезвычайно жалки. Надо будет подчитать и перечестъ Севастопольскіе рассказы Толстого. Буду поскорѣе дальше в Киев. Переѣзд с пересадками довольно утомителен. У Татьяны Павловны зато отдыхаю дня два в ея прохладной квартирѣ у Коршуна. И какими вкусными блюдами меня подчивала наша Татьяна Павловна!... В комнатах пахло нафталином. Но даже этот запах нравился мнѣ и казался уютным и прохладным!

Лида! Какова теперь наша Лида! Она уже в одном из старших классов гимназіи, читает много, мечтает, должно быть и гуляет со своими подругами. Она большая мамина любимица и я пишу домой о ней и о Татьянѣ Павловнѣ, и о хуторѣ.

При описаніи хутора, который был тогда арендован нѣким Дзюбенко и был в весьма запущенном видѣ, я впал в лирической тон и, подражая Палатѣ Номер Шестъ Чехова, начал так: «Если вы не боитесь обжечься о заросли крапивы, то пойдемте по узкой тропинкѣ, ведущей к флигелю». По правдѣ сказать, все было в большом запустѣніи и нелегко было себя настроить на хуторской лад.

Буду дальше. На пограничной станціи знакомлюсь с студентом-ветеринаром Борейшей, дальним родственником нашего тифлисскаго кадета, и послѣ уговоров с его стороны, беру билет не в Фрейберг, а в Цюрих, куда Борейша ѣхал учиться. В разлукѣ с папой, мнѣ показалось, что лучше исполнить его желаніе и оставить мысль о горной академіи в Шварцвальдѣ, а кстати и сохранить для папы с мамой деньги, которыя бы пошли на мое ученіе. Как потом оказалось, папа написал мнѣ в Фрейберг очень доброе и поощрительное письмо, восторгался моей настойчивостью и обѣщал присылать деньги на ученіе... Письмо это так и не дошло до меня и узнал я о нем лишь по возвращеніи в Тифлис.

В Вѣнѣ мы с Борейшей ночевали в каком-то довольно шикарном отелѣ недалеко от Сан Стефан Кирки. Вечером даже пошли посмотреть знаменитый Пратер, гдѣ все было очень чинно, лишь на «американских горах» разда-

вался большой визг, особенно, когда «экипаж» катился в воду. Бросилось в глаза, что встрѣчающіяся на Рингштраѣ модницы, совѣм не так красиво одѣты, как об этом думают у нас. «Вѣнскій шик» отсутствовал. В модѣ было странное сочетаніе цвѣтов, — ярко-желтаго и фіолетоваго. Но дорогіе магазины, и в особенности магазины цвѣтов, обращали на себя вниманіе. Музей производил ошеломляющее впечатлѣніе. Дворцы и дворцовые экипажи, тысячи военных в странной, как-будто полуштатской, формѣ...

Газеты бойко продавались на улицах. Какая-то нервозность чувствовалась в воздухѣ, а может быть это обычная вѣнская жизнь.

В Цюрих мы попали не выпавшись, проведя ночь в вагонѣ, наполненном до отказа, курящими свои длинныя фарфоровыя трубки, тирольцами... Красивое озеро, красивыя горы вдали... Но надо было найти себѣ пристанище-комнату на недѣлю. И мы бродили довольно долго по городу. В одном из подъѣздов было объявленіе о сдачѣ комнат, и мы рѣшили, что обойдем этот квартал и вернемся. Но дома этого мы не нашли больше, он как в воду канул. Бродили, бродили и, наконец, привлекли почему-то на себя вниманіе какого-то почтеннаго господина в штатском, пригласившаго нас слѣдовать за собою, что мы не без любопытства исполнили. Оказывается это был полицейскій и привел он нас в полицейское управленіе, гдѣ нас очень вѣжливо распросили и просили показать деньги и паспорт. Дали нам вырѣзку из газеты с объявленіями о комнатах и рассказали, как на какую улицу итти. Происшествіе в общем показалось нам интересным, — будет о чем рассказать дома. Позже, когда нам на улицах попадались надписи: «русским вход запрещен», это казалось обидным, но мы узнали, что именно в Цюрихѣ штаб-квартира русских революціонеров и террористов, и тогда эти предосторожности показались мнѣ не лишними. Мы даже зашли раз взглянуть на студенческую русскую столовую, гдѣ видѣли типичных русских «нигилистов» в духѣ Антонида и Авдѣя. Но цѣны в столовой были высоки и мы ретировались. Деньги мнѣ нужны были на что-нибудь болѣе продуктивное. Я хотѣл итти пѣшком в горы и писать этюды. Надо было купить краски и я это сдѣлал, истратив почти десять рублей на ящик с масляными красками. Ходил по окрестным горам, видѣл жизнь этой игрушечной, красивой как бомбоньерка, страны, писал немного с натуры.

Вспоминаю, как по пути на Этлиберг меня обогнал какой-то нѣмец, с рюкзаком за плечами и с палкой в руках. Он так восторженно смотрѣл по сторонам и с таким подъемом напѣвал марш из «Торредора», что мнѣ стало неловко своей медлительности и нерѣшительности.

Недѣля прошла и я оставил своего студіюза. Ёду обратно с маленьким сожалѣніем, что не было у меня никаких крупных достиженій, но с массой заграничных впечатлѣній, совершенно не похожих на наши російскія. Цюрих, со своими темноватыми улицами и просторными набережными, с черными странными, работающими как извозчики, автомобилями, с многолюдными стрѣлковыми праздниками, остался позади. Вот снова Инсбрук, втиснутый в ущелье высоченных скал. Вот Зальцбург, гдѣ я останавливаюсь на два часа и рисую в своей записной книжкѣ вид на город со стороны рѣки. Прохожіе на меня оглядываются и я этим доволен: пусть даже, если угодно, посылают ко мнѣ полицейскаго. Зальцбург извѣстен своими колбасами и я покупаю тонко нарѣзанную салами. Часть съѣдаю, а часть оставляю, чтобы отвѣдали наши дома. Вообще мысль о домѣ все больше и больше занимает меня и порою мнѣ кажется странным, как это я странствую по заграницам,

когда мог бы быть дома с мамой перед отъездом в Петербург. Теперь это довольно ясно, что я поеду в Питер. Только вот еще не решил — может быть в Академию Художеств?

Попадаю снова в Вѣну, сажусь за столик хорошей кофейни на Рингѣ, заказываю себѣ чаю и беру в руки газету. Оказывается большая русская новость: умер Наслѣдник Георгій Александрович, который лѣчился от чахотки в Абастуманѣ. Газета старается разцѣнивать это событие с точки зрѣнія австрійской политики. Жаль, что наш длинный Зильберг не научил нас лучше понимать нѣмецкія газеты.

Из Вѣны скучный переѣзд до границы, и я раскрываю свой рюкзак — единственный мой багаж, чтобы вынуть оттуда истрепавшуюся в дорогѣ книжку Чехова. Читал ее как Евангеліе, как откровеніе, как отраженіе настоящей нашей русской жизни, красивой и привольной, другой, чѣм эти чужія и черствыя заграничныя...

На русской станціи за 10 копѣек дают отличный борщ. Все тут дешево и понятно. Только вот в Одессѣ на знаменитой лѣстницѣ я, будучи в хорошем настроеніи, решил поддержать коммерцію какого-то типчика и дать ему возможность почистить мнѣ сапоги. Негодяй, в отвѣтъ на мои добрыя чувства, заломил послѣ чистки с меня такую цѣну, что я совсѣм не знал, что дѣлать. Пятак, предложенный вначалѣ, вызвал лишь на его лицѣ грустную улыбку сожалѣнія: мазь, которую он употребляет стоит чуть ли не рубль! Этот эпизод был мнѣ неприятен. Чтобы поправить настроеніе я стал вспоминать пушкинскіе стихи об Одессѣ:

*Я жил тогда в Одессѣ пыльной,
Я мог сказать в Одессѣ грязной,
И тут бы право не солгал...*

Опять пароход. Крым с моря. И, наконец, краткая остановка у Алушты, пересадка на лодку и вот берег.

Гдѣ тут дача Вишнякова? Иду по дорогѣ и вижу элегантное строеніе и кто-то на балконѣ пьет чай... Это Юша с женой! Какая идиллія! Они приняли меня за «знатнаго иностранца». Мама тут же жила внизу. Было что поразсказать и услышать. А жена Юши очень привѣтливая и обходительная, совсѣм иного склада, чѣм наша первая невѣстка Ольга Александровна, которая оказывается живет недалеко в Профессорском уголкѣ.

Мы с Юшей идем с ночевкой на Чатырдаг и он рад, что принесет женѣ пару отличных сталактитов из чатырдагских пещер. Я люблюсь сталактитами и кладу их себѣ на грудь. Лежу и люблюсь глубиной крымскаго неба, забывая про сталактиты и поднимаюсь... у одного из сталактитов отпадает при паденіи на землю кусок. Юша очень опечален, видно, что любит свою жену.

Ночевали в пастушьей хижинѣ. Утром пустились в обратный путь.

В Цюрихѣ была куплена мною общая тетрадка с налинованной бумагой, — это был мой альбом, в который я старательно время от времени зарисовывал что-нибудь. Помню, что много времени посвятил зарисовкѣ стараго дуба в окрестностях Алушты. Хорошо было знать, что и мама немного отдыхает и даже нѣсколько раз купалась в морѣ.

Время летѣло очень быстро и надо было подумывать о возвращеніи во свояси, но сначала рѣшено было, с легкой руки Юши, побывать, а может быть и пожить, в Ялтѣ. Что-то было в Ялтѣ, что бросилось мнѣ в глаза при

первом же знакомствѣ с нею: кромѣ неопикуемой красоты — какой-то неожиданнѣ уют, как будто это вовсе не чужой, в первый раз видѣнный город. Может быть здѣсь жило много хороших людей и это наложило отпечаток на город. Вѣдь говорят, что если в домѣ жили хорошіе люди, то какой-то слѣд духовный остается там для новых жильцов.

Теперь наши семейныя письма того времени. От Миши:

Тифлис, 4 июня 1899 г. Твое письмо, дорогая мама, мы с папой получили. Очень рад, что ты с Ольгой Александровной так хорошо устроились: горы, море, зелень и цвѣты, цвѣты, слишком много цвѣтов. По всѣй вѣроятности я тоже попаду вмѣстѣ с Колей в Алушту. Однако, если я и не поѣду, то ты не изумляйся. «Хорошему вездѣ хорошо», а я вѣдь у тебя хорошій, не правда ли, мама?

Ты может быть хочешь знать о том, что пишет Ваня. Он, прежде всего, недоумѣвает, что это всѣх нас охватила горячка странствованій, а затѣм пишет, что все у него очень хорошо: полнѣет и поправляется.

Папа чувствует себя очень недурно. Сначала, *entre nous*, от новаго режима нѣсколько тоще обѣды, отсутствіе женскаго общества, которое, т. е. отсутствіе, как извѣстно, приводит в дурное расположеніе духа, у него немного разсорился... понимаешь... Но теперь все отлично, и Алексѣй умудряется устраивать нам обѣд из четырех блюд. И обѣды, серьезно, не дурны. Только ты не сердись, мама, они, конечно, много хуже твоих, но не забывай, что мы ѣдим чтобы жить, а не наоборот. Я устраиваю себѣ завтрак и ужинаю преимущественно дома. Последнее время, впрочем, к счастью, в Тифлисѣ такая жара, что аппетит стал значительно хуже, а то совсѣм были бы «убытки».

Ну-с, всего лучшаго. Поклон Юшѣ и Ольгѣ Александровнѣ.

Твой Михаил Пантюхов.

Письмо от Юши:

13 июня 1899 г. Алушта. Дача Вишнякова.

Пишу тебѣ, дорогая мама, из Алушты, сидя на балконѣ. Как я тебѣ сообщал, 2-го была моя свадьба и в тот же день мы уѣхали. Прокатились очень славно. Останавливались в Москвѣ, Севастополѣ, Байдарках, Ялтѣ. Осматривали все, что было можно, начиная с Третьяковской галлерей и кончая Балаклавой, Георгіевским монастырем и пр. В Алушту ѣхали из Севастополя на лошадях. Дорога удивительно красивая. В самой Алуштѣ устроились прекрасно. Вид с нашего балкона чудесный: море, небо, горы и зелень. В саду кипарисы, олеандры, розы, лиліи и проч., а кругом все виноградники. Погода чудная: солнце, морской воздух, масса тепла и свѣта. Приѣзжающих здѣсь пока еще не много. Из фруктов в разгарѣ черешни, есть крыжовник, смородина. Абрикосы пока еще дороги. Груши плохи.

Что касается лично меня, то я чувствую себя великолѣпно и бодро, как никогда. Дышу, ѣм, сплю и гуляю так, что самому завидно.

Ну, прощай пока, славная моя, крѣпко любимая мама. Горячо обнимаю и цѣлую тебя и папу.

Твой А. Пантюхов.

От Коли:

Алушта. 22 июня 1899. Дорогой папа!

Сегодня я выѣзжаю через Симферополь в Питер. Юша с Олегом отправились на Чатыр Даг и дома останутся только три дамы, каковыя и займутся приисканіем новаго жилища. По-видимому Юша рассчитывает пользоваться твоей помощью только до конца курса, а

за сим он думает попасть на Кавказ и с твоей помощью устроиться при Тифлисском Госпиталѣ. Юшина жена выглядит лѣтъ тридцати, одѣвается старательно и может произвести иногда впечатлѣніе недурненькой, а во всяком случаѣ воспитанной в извѣстных традиціях семейнаго режима. Остальных ея талантов я не успѣлъ разобрать. На хутор мама хочет ѣхать только тогда, когда сам Ваня, без твоего давленія, вспомнит о нем и захочет им заняться.

Что касается твоей отставки, то мама с тобой совершенно согласна. Тифлис ей надоѣлъ и вам обоим будет лучше жить в Кіевѣ, но хутором самостоятельно не заниматься, так как ты и хутор в суммѣ можете дать только убытки.

Крѣпко цѣлую. Твой Н. П.

Моя поѣздка по морю на пароходѣ с пріятным названіем «Ялта» была очень пріятна. Я все еще продолжал смотрѣть кругом беззаботным оком туриста. Остановился в Сухумѣ и оттуда на лошадях поѣхал в Новый Афон. В Сухумѣ должен был переночевать и когда засыпал в гостиницѣ, то гдѣ-то по сосѣдству в городском саду играл военный оркестр и на душѣ было очень sloжно и хорошо.

В Новом Афонѣ провел два дня, пользуясь гостепримством монастыря, живя в монастырской гостиницѣ; ходил по сосѣдним горам и дѣлал наброски с натуры. Познакомился с двумя художниками-учениками Академіи Художеств. Слѣдил, как они умѣло распоряжались своей палитрой и холстом. Один из них сдѣлал нѣсколько хороших карандашных набросков у меня в «альбомѣ»... Когда я собрался уѣзжать, монастырскій монах-казначей, очень толстый, очень настойчиво дал мнѣ книгу, гдѣ я должен был записать свое «пожертвованіе», и это вышло совсѣм не дешево.

Но вот и Тифлис. Вот наш дом и на балконѣ самовар и мы с папой вдвоем сидим за обѣденным столом и я со вниманіем слушаю его мудрыя рѣчи о «выбранной» мною военной карьерѣ, об антропологии и міровых событіях, о том как надо устраивать свое будущее, о будущности Россіи и других странах, о нашем долгѣ перед Россіей и об офицерской работѣ... «Офицеры — это своего рода монахи, совершающіе свой трудный подвиг», так говорил папѣ какой-то из его пріятелей-генералов, кажется Адамович. Офицеры, как монахи, должны посвятить себя воспитанію народа, то есть солдат.

Для пробы и не энергично вовсе, я заговорил между прочим о том, что еще не поздно мнѣ выбрать другую карьеру, напримѣр, поступить в Академію Художеств... Папа сказал, что кругом, а в особенности в больших городах, такая масса небольших художников, не проявивших себя ничѣм крупным, — их жизнь не веселая и не завидная. Офицерская работа — это другое дѣло и она может дать удовлетвореніе.

*

Вот нѣсколько писем этого же, 1899 года, хотя нѣкоторые из них имѣют даже и болѣе раннюю дату — до моей поѣздки за границу:

«12 апрѣля 1899. М. Посад., 22, кв. 8. Христос Воскресе! Поздравляю тебя, дорогая мама, и всѣх остальных, имѣющихся налицо членов семейства, с праздниками и желаю всѣм вам всяких благ. У нас идет все помаленьку. В Академіи публика оказалась очень благодарумной, рѣшила, что «новых жертв» не надо, и значительным большинством отказались от вторичной забастовки.

Нѣкоторую роль в этом сыграли слухи, что в случаѣ забастовки всѣх стипендіатов переведут на извѣстное время в фельдшеров. Поэтому занятія у нас продолжаются безостановочно.

В один прекрасный день заходил ко мнѣ Масло пэр и оставил записку. Был я как-то у них. Они, кажется, друг другом довольны, по крайней мѣрѣ шебечут довольно дружелюбно. Их младенец, для перваго раза, показался мнѣ довольно безцвѣтным, но оба они от него в восторгѣ. Положим им, как авторам, трудно относиться критически к своему произведенію. Пэр, как тебѣ вѣроятно извѣстно, в отставкуѣ. Марья Михайловна возится со своей головой, а младенец поражает все время умом и ѣст сладкое. Крѣпко цѣлую тебя и папу.

А. Пантюхов».

От Миши Ванѣ:

Тифлис, 17 мая 1899 г. Собственно говоря, дорогой Ваня, я собирался тебѣ написать еще на прошлой недѣлѣ, но, как видишь, только собирался.

Недавно получил от Ольги Александровны письмо, в котором она довольно ясно — о, женщины — намекает, что ей не особенно пріятно ѣхать с мамой. «Если», говорит, «тебѣ, мамочка, почему-либо неудобно, то и не стоит, мамочка, ѣхать».

Я, послѣ совѣщанія с Олегом, написал ей ядовитое и остроумное письмо, над которым, впрочем, кажется, сам смѣялся больше всѣх. — «Мамочка», говорю, «до сих пор ровно ничего не имѣла против» и т. д. Дѣйствительно, странно: послѣ всѣх наших разговоров, и вдруг такой сюрприз. «Ах», говорю, «вы нефтепромышленники». Впрочем, я это только говорил, а не писал.

Коля продал свою землю за 6000 руб., так что я даже немного раскаиваюсь в том, что написал Ольгѣ Александровнѣ такое письмо. Вѣдь супруг перед ней «нуль — сушій нуль», как пѣла м-ль Чистякова, помнишь?

В общем, то письмо я порвал и замѣнил менѣе ядовитым, хотя все-таки не поздоровится Ольгѣ Александровнѣ..., а впрочем... Твой Михаил Пантюхов.

От отца мамѣ:

«Вот и 3 августа, лѣто идет к концу. Я очень рад, что, хотя всѣ наши и были разбросаны это лѣто, но, кажется, от этого бѣды не произошло. Для тебя купанье, свобода, свѣтъ, воздух, движеніе, если ты ими хорошо воспользовалась, должны были принести пользу.»

Теперь хочется переѣхать в Кіев в началѣ будущаго года и выждать пенсію. Там я сам смогу наблюдать за приведеніем хутора в нѣкоторый порядок.

Здѣсь у нас уже нѣтъ интересов. Работы книжныя перестают интересовать меня. Разумѣется мы слабѣем и физически. В Кіевѣ мы будем больше в своей сферѣ. Я нѣсколько даже поэтизирую, вспоминая, как я украшаю землю по Чехову, насаждая деревья, и с удовольствіем увижу своих питомцев. В Кіевѣ гораздо пріятнѣе, чѣм в Тифлисѣ, и умереть. Ив. П.».

Мое письмо:

Тифлис. 16 августа, 1899. Дорогая мама,

Итак я тут три дня. Почти не жарко, тѣм болѣе, что вѣтер. В городѣ пыль, скверно, а у нас отлично.

Авдѣй пока обѣдает у нас. Сегодня будет обѣдать и Невскій. Он вчера пріѣхал сюда, а у них дома ни души.

Что у вас там в Ялтѣ? Как ты поживаешь? Впрочем, все это мнѣ раньше, чѣм в Пе-

тербургъ не узнать. Но хоть туда уж пиши непременно — в Павловское — по всей вѣроятности, училище.

Папа, повидимому, чувствует себя прекрасно. Алексѣй готовит вполне удовлетворительно.

Мы с папой — папа со мной — говорили как-то насчет Кіева и отставки Он колеблется и может быть, взявъ двухмѣсячный отпуск, съѣздит на хутор, а в отставку пока не выйдет. Проекты насчет хутора, право на мой взгляд, недурны, тѣм болѣе, если там будет Миша. Это был бы наш центр. Цѣлую крѣпко, Олег.

Мишѣ от папы:

«29 сентября 1899. Тифлис. Вчера был у нас на переселенческом пунктѣ министр Ермолов. И уж тут-то Величко и Марья Георгіевна разстилались.

Я очень рад, что ты начал учиться по-англійски. По-моему, французскій, нѣмецкій, латинскій и греческій ты знаешь и надо только небольшія, но систематическія усилія, чтобы укрѣпить эти знанія. Значит, ты можешь быть серьезным филологом. Зная главные языки, для тебя одного по окончаніи университета будут открыты чуть ли не всѣ дороги, особенно на государственной службѣ. Теперь вездѣ чувствуется, что без этого нельзя ничего знать основательно. Проектируют и у нас даже поѣздки студентов за границу. Без особеннаго напряженія и заведя систему, я совершенно убѣжден, что ты можешь достигнуть всего, чего пожелаешь. Разумѣется при условіи, что ты сумѣешь сохранить и закрѣпить свои физическія силы.

Журналы выдумывают, будто в Германіи падает классицизм и, цитируя мнѣнія весьма некомпетентных нѣмцев, говорящих против классицизма, умышленно замалчивают мнѣнія большинства. Дрбоглав увѣряет, что в Германіи гимназисты 7-8 классов уже превосходно и сознательно понимают чуть не всѣх авторов-классиков. Жаль, что ты пока не знаешь по-нѣмецки. Ты уже, кажется, понял, какую ерунду пишут Амфитеатровы, да и вообще доморощенные публицисты и, если бы ты, бросив русскую ерундистику, это время посвятил чтенію, ну хоть бы какой-нибудь нѣмецкой газеты, ты бы и научился нѣмецкому языку и сильно расширил свой кругозор.

Я помню на меня производило совершенно особое впечатлѣніе чтеніе одних французских и даже польских газет. Совершенно иныя постановки вопросов, чѣм у нас. Если не замѣнишь чтеніе русской ерундистики чтеніем по-нѣмецки, ты останешься недоучкою и едва ли сдѣлаешься образованным европейцем. При быстротѣ теперешних международных отношеній оставаться на одной своей литературѣ для образованнаго человѣка уже нельзя.

21-го открыли школу в Караязах в хорошем, построенном нами, переселенским комитетом, зданіи. Дрбоглав привел туда свою музыку и пѣсенников. Восторгов сказал слово и проч.

Мы начинаем подготовливаться к переселенію в Кіев. Ну, будь благополучен и ты. И. Пантюхов.»

«1 ноября, 1899. Я не могу согласиться с тобой, Миша, что исторія и исторія литературы не науки, и что они основываются на точках зрѣнія, а не на фактах. Конечно, ученые вносят свою точку зрѣнія, но факты дѣйствительно существовали и существуют. Разработка, возможно правильное освѣщеніе их, и есть наука.

По моему, как и по всеобщему мнѣнію, это величайшая из наук, но пока, может быть, односторонне разрабатывается и в освѣщеніе фактов вносится много личнаго. Личную точку зрѣнія вносят вездѣ и в другія науки, но наконец устанавливается и общая.

Я, на примѣр, теперь обращаю вниманіе, что язык в малороссійских губерніях не вполне

одинаков, что на мѣстностяхъ есть особыя пѣсни, обряды, преданія и что самый типъ весьма разнится: есть курносые, есть с прямыми и горбатыми носами.

Я невольно думаю о старыхъ племенахъ — древлянахъ, полянахъ, сѣверянахъ, и весьма интересуюсь, когда и что ихъ связало. Раскрыть это могла бы исторія к исторія литературы и филологія в обширномъ смыслѣ этого слова. Тут, конечно, нужны не одни книги. И пѣсни, и обряды, и преданія — это факты. Указанія на связь ихъ дает исторія — книги, архивы, археологія.

Юша благополучно возвратился из Сигнаха. Теперь отправился вновь в командировку в Баку, откуда он должен будетъ сопровождать новобранцевъ в Закаспійскую область, в Красноводск.

Меня весьма интересуетъ совершающаяся с тобой эволюція. Миѣ представляется, что тутъ как бы опредѣляется твоя дальнѣйшая жизнь.

У насъ всѣ мечтаютъ только о карьерахъ. Земмель — старый, напримѣр, только и думаетъ, что выгодиѣ, да скорѣе. Есть, однако, и нѣчто особенно влекущее к себѣ, называемое призываніемъ. Повидимому ты теперь занимаешься по призыванію. Это нравственное удовлетвореніе, счастье. Тутъ одно только опасно — односторонность. Преданные одному книжному дѣлу, люди часто бываютъ теоретики и на все остальное, даже здоровье, смотрятъ, между прочим, слегка.

Очень хорошо было бы устройство при университетѣ обязательныхъ гимнастическихъ и др. обществъ для спорта. Если что подобное у васъ есть, совѣтую примкнуть. Будь здоров. Ив. П.»

От Юши Мишѣ:

6 ноября 1899. Невскій 136, кв. 33. Твое поздравленіе, драгоценный Ми, пришло как нельзя болѣе вовремя: часа черезъ три послѣ того, какъ я сдал послѣдній — чтобъ ему пусто было — экзаменъ. Лестно, чортъ возьми, перестать наконецъ учиться. Кончилъ я, с позволенія сказать, с отличіемъ «Summa cum laude».

Сегодня я, такъ сказать, праздную окончаніе Академіи, и у меня соберется самое изысканное общество — если никто не надуетъ — какъ-то: Никола и О. А., Гриша и Ан. Ал., Олегъ и другіе представители высшаго свѣта. Вообще, все будетъ «какъ в хорошихъ домахъ». Жалѣю, что тебя нѣтъ. Жму твою лапу. А. Пантюховъ.

Письмо от мамы к папѣ:

Третьяго дня у меня были переселенцы из Тертера Николай Козаковъ и сынъ Воинова Владимір. Отецъ умер. Докторъ не былъ у него ни разу. Только фельдшеръ былъ и помочилъ карболкой. Они привезли сюда Ростова в цынгѣ в больницу по распоряженію Начальника, а сами хотятъ ѣхать «подъ Карсу» посмотреть земли: всѣ рѣшили переселяться подальше отъ прекраснаго Тертера. Имъ здѣсь предлагали поселиться в Караязахъ, но они очень умно разсудили: «другіе уходятъ, а мы будемъ селиться, надоѣло ужъ хворать».

От Тертерскаго начальника тебѣ есть ничего не говорящее письмо. Впрочем, «жена моя с дочерью ежедневно посѣщаетъ больныхъ, но нѣкоторые рѣшительно отказываются принимать хининъ, несмотря ни на какія увѣщанія»... С докторомъ у него какія-то пререканія, а изъ врачабнаго отдѣла Губернскаго Правленія нахлобучка, за то, что помѣстилъ вдову Андріевскую в пріемный покой. Затѣмъ множество любезныхъ фразъ по твоему адресу. Вообще, они очевидно добрые люди. Не напишешь ли кому изъ Владикавказъ. От твоихъ брошюръ онъ в восторгѣ: «с гордостью могу сказать, что наши взгляды сходятся».

Еще тебѣ письмо отъ какого-то учителя изъ Чурук-Су, с цифрами, двѣ карточки, одна отъ Стрижевскаго.

Ну, прощай, мой хорошій, крѣпко цѣлую тебя.

От мамы Мишѣ:

Я нашла себѣ маленькое развлеченіе: ко мнѣ приходит готовить уроки дѣвочка 7 лѣтъ, посѣщающая школу. Она прослыла лѣнтяжкой, безтолковой и упрямой — «слезинки из нея не вышибешь», говорит мачеха. Этим, впрочем, все и объясняется. Она у меня прелесть, какая милая! Сегодня уже и ночует и думаю всегда оставлять, а то ей приходится до 2-х часов почти быть без чаю, т. к. мачеха встает поздно. Она дочь какого-то техника, отец в отъѣздѣ, живут в домѣ батюшки, возлѣ церкви, так что я ничѣм не связана. Все не так тоскливо, как быть почти цѣлый день одной.

Папа принялся уже опять за свои счеты и измѣренія. Теперь мѣряет и разматривает у новобранцев носы и брови, чѣм нерѣдко смѣшит их.

Мои невѣстушки как воды в рот набрали. Ты их там хорошенько размотри и напиши, как и что.

Мишѣ от папы:

8 декабря 1899. Петровск, Дагестанской области.

Петровск мнѣ нравится. Главное — море, гавань и суда. Церквей же здѣсь только двѣ — большая красивая русская и небольшая армянская. Перед моим окном, в котором я теперь смотрю, гавань.

Петровск очень разбросан и сравнительно, напримѣр, с Тифлисом, кажется пустынен. Населеніе смѣшанное, но большая половина русская. Я с особенным удовольствіем прохожу по окраинам, гдѣ небольшіе домики с геранями на окнах, хлопочущія куры, роющіяся в навозѣ свиньи весьма напоминают обыкновенный захолустный русскій городок. Русское населеніе здѣсь как-то самоувѣреннѣе и бодрѣе, чѣм собственно в Россіи. Очевидно оно лучше умѣет постоять за себя и не даться в обиду.

На той же окраинѣ я попал в русскую паровую баню. В общую итти в формѣ было неприлично и мнѣ дали миниатюрный, кругом продувающей, номерок, и сказали, что если я хочу пара, то должен только поливать водою какую-то желѣзную плиту. Пара я не добился. Банщиков не полагается.

В воскресенье ходил по базару, расположенному на морском берегу. Окрестные туземцы, кумыки, навезли дров, сѣна и частью зерно. Большая толпа и оживленіе. Самое характерное то, что на базарѣ занимаются торговлею и кумыкскія женщины — онѣ продают лук, чеснок, яйца. В Закавказьѣ нигдѣ нѣтъ ничего подобного. Прощай, пиши, когда будет время. Любящій тебя отец твой И. Пантюхов.»

А вот письма нашего отца и мамы, которыя говорят о послѣдних приготовленіях покинуть Тифлис и о возвращеніи на хутор в Кіевѣ. В 1900 году отцу исполнилось 65 лѣтъ.

М. И. Пантюхову: 1900. Сейчас, 26 января вечером, я получил твою открытку, Миша. От нея, как и от прошлаго письма, вѣет пріятною бодростью и увѣренностью. Очевидно, ты стоишь на ногах теперь тверже, чѣм прежде и даже прошлым лѣтом. Я не знаю требованій факультета относительно знанія разных языков, но убѣжден что без знанія нѣмецкаго невозможно нигдѣ спеціализація. Взявшись серьезно за дѣло, ты без сомнѣнія скоро ориентирешься.

Я завтра отправляю товаром пудов 15-18 своих вещей, главное книг, в Кіев. Один ящик старых книг и журналов, пудов 7-8, бросаю здѣсь, во дворѣ. Юша ими не интересуется и во всяком случаѣ они остаются в его распоряженіи. Из другого ящика книги роздал. Вещи оставил здѣсь.

На выставкѣ три небольших картины Лопатинскаго, из которых одна с мертвенным лицом старухи, что-то декадентское. Безцвѣтный юнец тоже плох.

У нас послѣдніе три дня был шах персидскій. Большія торжества, флаги, иллюминаціи. Я был на парадном бесплатном спектаклѣ с Шахом, гдѣ давали странную пьесу «Измаил» с Суворовым и Потемкиным.

Кажется ничто не должно мнѣ препятствовать выѣхать 22-23, значит прибыть в Кіев 1-3 іюня. Относительно мамы ничего нельзя сказать опредѣленнаго. Все будетъ зависѣть от Юши, Шуры, Людмилы...

Будь здоров. Кланяйся при случаѣ дядям Михаилу Павловичу и Митрофану Гривичу.

И. П.

М. И. Пантюхову.

1 іюня, 1900. Кіев.

Как видишь, дорогой Миша, я пріѣхал «домой» — в Кіев. Должен сказать, что твое послѣднее письмо заставляетъ смотрѣть на тебя, как на человѣка совсѣм зрѣлаго, и я стараюсь больше не говорить в прежнем тонѣ.

Моя теорія — нужно быть по возможности довольным, нравственно удовлетворенным и разумно осматривая прошедшее, настоящее и будущее, не попадаться впросак, не роптать. Для того, чтобы удерживать равновѣсіе, нужно, однако, здоровье. Кромѣ 65 лѣтъ я и прихварываю, поэтому, естественно, иногда колеблюсь и ворчу. Я, между прочим, постоянно говорю Ванѣ — принимай насколько хочешь в соображеніе мои слова, но дѣйствуй по-своему.

Вмѣстѣ с твоим получил по обыкновенію содержательное письмо от Олега. Он думает, что ты уже здѣсь. От жены Юши письмо. Они может быть будутъ лѣтом в Эссентуках, куда пріѣдут родители Шуры. У нас все теперь в цвѣту. Сухих и безплодных деревьевъ вовсе нѣтъ и, по-видимому, должен быть обильный урожай. Ты, кажется, весной не был на хуторѣ. В это время особенно хорошо — соловьи, синички, иволги, кукушки, вид разлива Днѣпра, все это то, что воспѣвалось да и воспѣвается настоящими поэтами.

По части земледѣлія, Ваня дѣйствует. Высадил артишоки, дыни, посѣял всякую всячину. По части птицеводства, у нас штук 15 гусей, десять утят, руководимыхъ курицей — современное семейство. Двѣ взрослые утки, ожидаютъ индюшата и множество кур и цыплятъ. Из четвероногихъ прибавился только все выросающій кабан. Ну, будь здоров. Пиши. Всѣ тебѣ кланяются. Твой любящій тебя, Ив. П.

9 іюля 1900. Кіев.

Я получил твое письмо, дорогой Миша. Интересно, как ты себя чувствуешь в совершенно новой средѣ? Вѣдь ты в русской деревнѣ никогда не жил. Каковы крестьяне и фабричные? Мнѣ кажется, что это все умный, хотя и имѣющій почти ничего общаго с горожанами, народ. Это отдѣльный и, кажется, враждебный интеллигенціи міръ. Это неизвѣстная нам Россія, которая, повидимому, не прочь уничтожить все ей чуждое, т. е. образованный пролетаріат, да и собственников, как людей случайных, не настоящих русских. Настоящая Россія — мужики.

7-го был у нас Митрофан Павлович с женою и нашею племянницею, здѣшнюю полковницей, женою командира 6-й батареи. Я спал, женской прислуги не было, мальчика Егора тоже нѣтъ. Мама их встрѣтила, разбудила меня. Митрофан был страшно зол и главное на тебя, за то, что ты ему дал адрес Куреневки и они доѣхали до конца Петропавловской площади, затѣм проѣхали чуть не всю Куреневку, пока не нашли нас. Он обвинялъ тебя, ну словом был ненормален. Потом, однако, успокоился. В бесѣдѣ пили чай, молоко, ѣли ягоды.

Пришел и Ваня. Митрофан, однако, мнѣ здѣсь не понравился. Жена его в траурѣ, прилично молчала. Полковница очень милая дама. Они сказали, что на другой день ѣдут в Чернигов. Мама пригласила их обѣдать, но им не было времени. Ив. П.

Послѣднія два письма уже были написаны послѣ переѣзда в Кіев.
Мамино письмо Мишѣ:

«Насчет Юши и А. А. я, кажется, удовлетворила твою любознательность, и может быть буду повторяться, но ты этого хочешь.

Квартира у них прекрасная, вещи пришли и обстановка не оставляет ничего желать, кромѣ письменнаго стола Юшѣ. Рояль благозвучен. А. А. искусна в игрѣ на нем, а по хозяйству дѣлает чудеса, несмотря на помощь своего Гапрандашвили. Впрочем, и он уже научился ставить самовар, зажигать лампы, натирать полы и пр. К приготовленію же кушаній А. А. еще не допускает его, так как он еще не научился отличать чистаго от нечистаго, и недавно Шура застала его моющим Юшины калоши в лоханкѣ для мытья посуды.

Я уже утѣшаю ее, что от таких сюрпризов никто из нас не застрахован, но это ее не в состояніи утѣшить, кажется.

Вообще, она очень мила, дѣятельна, толкова и очень заботится о Юшѣ. Юша здоров. Ходит ежедневно в 8 ч. на Авлабар в полк. Возвращается к двѣнадцати и раньше. Службой доволен и пока не желает лучшей, так как и быть ее не может. Хотѣли его прикомандировать к госпиталю, но И. И. велѣл подождать.

Ну, всего хорошаго, Мишуточка. Крѣпко цѣлую. Папа выѣдет в Кіев недѣли через 2 за мною, чтобы уж было все устроено, а я, вѣрно, 21-22-го. К этому времени и пиши в Кіев. Коля с Лелей возвратились. Всѣм довольны, пополнили, веселы. Твоя мама.

Теперь хочу приложить письмо от нашего папы мамѣ. Повидимому, мама была в отъѣздѣ из хутора, может быть в это время она навѣщала меня и Колю в Петербургѣ:

30 марта 1901. «Утреню на праздниках мы слушали в Кирилловской церкви. Мы с И. И. условились, что он со своей Таисіей и Вячеславом придут к утрени и мы там встрѣтимся. В 11 с половиной часов я с пасхой отправился и в концѣ Копылова вдруг услышал родные голоса. Оказалось, что наше тріо уже побывало в Кирилловском и возвращается. Они, извольте видѣть, устали. Обращаюсь к дамѣ — та тоже вторит кавалерам и говорит, что устала. Тогда я сдѣлался грозен. Я сказал, что уходить с заутрени не только неприлично, но постыдно, что таким здоровякам говорить об усталости унижительно и лживо и что я предлагаю им немедленно возвратиться. Дама, конечно, поджала, как и слѣдует, хвостик и повернула назад, а за нею молча поплелись и кавалеры.

Ночь была тюрьмы чернѣй, дорога изрыта дождями, тропинка узкая в гору, но мы все же добрались благополучно. Поспѣли как раз к началу. Там встрѣтили Лиду с каким-то миниатюрным женским существом и разных больничных дам и мужчин. Утреня велась необычайно мрачно, пѣли деревянными голосами гдѣ-то высоко на хорах, дьячки гудѣли как осы. Церковь мрачная, холодная. Даже простое пѣніе нельзя разобрать.

Возвратились часа в два и похристосовались... Закусивши, я ушел спать, а они остались и долго еще пили и ѣли. Когда я на другой день прочел лекцію о том, что алкоголь яд и ведет к ослабленію нравственной и умственной силы, дама с изумленіем тарашила глазки.

На другой день я в полной парадной формѣ со звѣздой и лентой был у Городецких. П.»

ГЛАВА VIII

Дорога в СПб (1899). Павловское училище. Письма отца Мишѣ. Нѣсколько писем мамы. Жизнь в училищѣ. Зимній Дворец. Государь в училищѣ. Поѣздки на хутор. Производство в фельдфебели роты Его Величества. Поздравленіе Государя со днем рожденія. Производство в офицеры.

Осень 1899 года. Мы, кадеты, ѣдем по недавно открытой, новой желѣзной дорогѣ через Баку, Петровск, Ростов на Дону — на сѣвер.

Тифлис и вся лучшая половина жизни осталась там позади в облаках ароматной тифлисской пыли... Красоты Военно-Грузинской дороги. Владикавказ. Желѣзная дорога. Русскіе города... С большим любопытством вглядывались мы всѣ в Россію! Какова-то она, как нам себя покажет? Какое-то ревнивое чувство по отношенію к «нашему» Кавказу, который совсѣм не «Россія»!

Но Россія оказалась просторной и добродушной, всепрощающей и всепонимающей стихіей: она не могла обидѣться на нашу подозрительность; она просто по-родственному приняла нас в свои материнскія объятія без лишних слов! Россія пахла яблоками и рогожей в прохладном сентябрьском воздухѣ! Вѣет вѣтер по Россіи и воздух русскій — совсѣм особенный воздух: он много говорит тѣм, кто может слушать!

И я, высунувшись из окна вагона, гдѣ сквернословили будущіе пажи, юнкера, — был в другом мірѣ, несказанно красивом и многообъщающем.

*Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій простор...*

В Москвѣ мы ночевали в великолѣпных залах-спальнях Александровскаго Военнаго Училища. Мельком видѣли Москву, но зато вдоволь надышались ея воздухом... Московскій Кремль останется у меня в памяти и в душѣ.

Петербург — совсѣм другое дѣло! Он показался нам холодным, темным и сырым... «Сыро, сѣро и сиро», как писал когда-то Юша отсюда мамѣ.

Сильное впечатлѣніе на меня произвел сам город и, так сказать, петербургская атмосфера. Был сѣрый, типичный для Петербурга, денек. Промозгая, прохладная мгла на прямых, как линейки, непривычных для нашего тифлисскаго глаза, улицах. В центрѣ города безшумныя торцовыя мостовыя и пахло слегка дегтем, которым смазывали торцы перед их укладкой на мостовую. Совсѣм другая атмосфера, и совсѣм другіе люди. Мѣстами чиновный люд и военные, мѣстами — ближе к окраинам — простоватые люди в чуйках, зипунах и кафтанах. Запомнились продавцы сочных и вкусных слив.. Продавцы в бѣлых фартуках носили свои лотки на головѣ. Около Сѣнной площади и Апраксина Рынка можно было встрѣтить купчих в очень красочных и типичных старинных салопах и шалях.

Но все это я разглядѣл значительно позже. Сначала надо было ориентироваться в Училищѣ.

Павловское военное училище оказалось гдѣ-то на задворках Питера и

было совѣм не похоже на Александровское в Москвѣ: это мрачная сѣрая казарма, даже не старинная. И внутри не высокія залы, а очень низкіе коридоры и комнаты. Пахнет мастикой, которой усердно натирается паркетный пол, который, кажется, является главным украшеніем.

Вспоминается мнѣ, что и в корпусѣ мое первое впечатлѣніе было неблагоприятным. Что то будет дальше?... Может быть тоже полюбится. Мысли, однако, летѣли отсюда обратно, туда — к Салолакам, к Вознесенской улицѣ, к родителям, оставшимся там в одиночествѣ.

Суровая военная школа Павловскаго военнаго училища послѣ моей самостоятельной поѣздки в Швейцарію, послѣ сравнительно вольной жизни в нашем Тифлисѣ... Тоска по родинѣ, тоска по родным. Дружба с остатками родного корпуса, их у нас было здѣсь человекъ двадцать, если сосчитать и старшій и младшій курсы. Мелешко, Борейша, Саско — это тифлисцы нашей роты Его Величества, куда попадали юнкера болѣе высокаго роста. У тифлисцев, как и у остальных кадетских корпусов, был свой собственный стол в юнкерской чайной, куда мы собирались, как в клуб, в перерывѣ между дневными и вечерними занятіями. Расходы на чайную были не велики. Если не было денег купить сушек, то пили чай просто с сахаром. Главное, дѣлились друг с другом своими дѣлами и вспоминали Тифлис.

Тут за чайным столом давались дружескіе совѣты, какія конки или трамваи надо брать, когда идешь в отпуск. Тут давалась вѣрная характеристика наших курсовых офицеров и ротных командиров, но главное и болѣе цѣнное в нашей чайной мы получали в общих, столь цѣнных для каждого из нас воспоминаніях о Тифлисѣ. А когда кто-нибудь получал чурчелу, то он, конечно, дѣлился с другими этой роскошью. К нам, тифлисцам, прикомандировался еще и сибиряк Макѣев — «морж», как мы звали всѣх сибиряков. Эти «моржи», так же как и мы, «кинтошки», болѣе других тосковали по «родинѣ». С Макѣевым у нас были очень дружественныя отношенія и мы во время большой перемѣны бодро шагали по училищному плацу и говорили преимущественно о прошлом и будущем. Настоящее, казарменное время, пройдет довольно быстро. И оно в самом дѣлѣ не шло, а бѣжало.

Мы могли уходить в отпуск не только по субботам, но и по средам, — это был для нас хороший знак, что мы «без пяти минут офицеры, взрослые и самостоятельные люди». «Офицерами», впрочем называли себя первокурсники, а мы на их жаргонѣ назывались «козерогами», но это не мѣняло дѣла.

Когда мы собирались итти в отпуск, то должны были «блистать опрятностью» и молодцеватостью. Для этого надо было почистить сапоги и пуговицы, подровнять концы башлыка за поясом и громко «печатая» по паркету сапогами, явиться к дежурному офицеру, громогласно возопія: «Ваше Высочайшее повелѣніе, позвольте билет юнкеру перваго курса роты Его Величества Пантюхову до восьми часов вечера завтрашняго дня». Если была какая-нибудь оплошность или недостаточно было молодцеватости, то юнкер отсылался обратно: «подучитесь как рапортовать и тогда явитесь снова».

Зато, когда выходишь из парадных дверей училища и можешь сам выбирать куда итти и что дѣлать, то это было большим удовольствіем. Сѣрая и провинціальная Большая Спасская на Петербургской Сторонѣ, если пойти по ней налѣво, то через нѣсколько больших кварталов доходишь до Большаго Проспекта со звенящим трамваем и почти столичным оживленіем, с булочными, аптеками, книжными лавками, с типичной публикой Петербургской стороны.

Если пойдешь или поѣдешь налѣво, то попадешь на Каменноостровский проспект, гдѣ больше простора и чувствуется близость Островов. Если пойдешь или поѣдешь направо, то попадешь сначала к какому-то небольшому парку вокруг бѣлой церкви, а затѣм к Невкѣ и к Васильевскому Острову. Тучков Мост, Кунсткамера, то есть музей, Биржа с исполинскими красными колоннами и бѣлыми статуями у подножія их, а дальше Нева, Дворцовый мост, деревянный, и чудесный вид на Сенатскую площадь, Адмиралтейство, Зимній Дворец, Лѣтній Сад. Перейти через Дворцовый мост и мимо памятника Жуковскому, что в Александровском саду у Адмиралтейства, и это большое удовольствіе, даже, если ноги в казенных сапогах ноют от усталости.

На памятникѣ Жуковского надпись пушкинская:

*Его стихов ильнителная сладость
Пройдет въков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славь младость
Утѣшится безмолвная печаль
И рязвая задумается радость.*

Хорошо имѣть Пушкина! Имѣть его у себя в душѣ и в памяти. Только стоить подумать: здѣсь он жил, здѣсь он ходил. И все оживает, все становится полным смысла.

Папа вспомнил чье-то изрѣченіе, что в Россіи было лишь два великих человѣка: Пушкин и Петр Великій.

Вот он Петр на вздернутом на дыбы конѣ, здѣсь же, на Сенатской площади — пушкинскій Мѣдный Всадник. А если повернуть от Зимняго дворца налѣво, то приходишь к Зимней Канавкѣ и Эрмитажу... Вход бесплатный, не то что в Вѣнѣ, и тут чудесно, в другом мірѣ, или вѣрнѣе в других мірах, потому что тут творенія различных эпох. Если же не сворачивать ни вправо, ни влѣво, то минув Арку Главнаго Штаба и Александровскую Колонну, входишь в начало Невского Проспекта с заманчивым художественным магазином Даціаро на углу, и магазином Главнаго Штаба — напротив, а дальше перекресток Большой Морской, писчебумажный магазин Цѣлибѣева, а над ним Англійскій магазин и послѣ Мойка, Полицейскій мост, Строгановскій дворец, Аничков дворец и Гостиный двор с Городской Думой, не доходя Гостиного. Против Гостиного, налѣво, — Пассаж, а дальше Публичная Библіотека и Александринскій театр. Еще дальше — филипповскіе пирожки и наша Пушкинская улица, гдѣ мы жили в дѣтствѣ, и маленькій, теперь показавшійся мнѣ смѣшным, памятник Пушкину. Садовая улица пересѣкает Невскій за Гостиным Двором, а дальше Литейный проспект и, наконец, доходишь до площади Николаевского вокзала. Тут конец большому Невскому. Дальше идет неширокая улица провинціального вида, про которую с удивленіем говоришь: «а это тоже Невскій», или «это все еще Невскій?»

На этом то «тоже Невском» и жило патриархальное семейство с длинным и странным для непривычнаго кавказца названіем Спичаковых-Заболотных. С большим интересом, если не с тревогой, звоню и вхожу в уютную стариковскую квартиру. Старик сидит в креслѣ. Он похож на Льва Толстого, только нос побольше и с краснотой, а жена его и добрая и ласковая старушка, и есть у нея все же твердость какая-то. Но главное — оба очень старые и гостепріимные, их критиковать нельзя, да и не за что, навѣрное.

Молодое поколѣніе, как видно, росло в ежовых рукавицах, а теперь и души не чае в стариках.

Молодое поколѣніе, настоящіе петербуржцы, должно быть олицетвореніе молодого Петербурга: Юшина жена очень любезная и произвела хорошее впечатлѣніе. А сестра ея еще интереснѣе и оживленнѣе.

Меня поят чаем, «почти как у Ольги Семеновны», и старшая берется показывать мнѣ Петербург. Мы лазим на вершину Исаакіевскаго Собора и я очень доволен имѣть такого хорошаго проводника.

...У брата Коли была совсѣм другая обстановка: во-первых, ѣзды туда на Лиговку 285 — часа полтора, да еще на старомодной, как в Тифлисѣ, конкѣ с полудохлыми лошадьми. Ѣдешь, Ѣдешь, и если нѣтъ в руках книги, то время кажется безконечным. Смотришь на постоянные дворы, на остатки Лиговскаго канала, обнесенные бревнами, и становится досадно. Но вот поворот к огромному Волкову кладбищу гдѣ похоронено много извѣстных писателей. С удовольствием слѣзаешь с конки, идешь по раздольным, хотя и грязным пустырям, через полотно Царскосельской желѣзной дороги, потом начинается длинный сѣрый забор — преддверіе Жуковскаго мыловареннаго и стеариннаго завода. Ворота и черная липкая грязь за ними, и воздух, и стѣны тоже кажутся темными, но не противными. Сильно пахнет каменным углем, мазутом, соляной кислотой и еще какими-то жирами. Из одного окна заводскаго зданія видѣн огонь, из другого валит бѣлый пар. Налѣво, за вторым забором, двухэтажное деревянное зданіе. Во втором этажѣ живет Коля с женой и оба они счастливы и довольны.

Вечером, когда переходишь через полотно желѣзной дороги, часто слышишь оглушительные свистки паровоза и вспоминалась фраза из Горькаго по поводу этого свиста: «Как будто кто-то большой и никого не боящейся, освистывал всѣ земные порядки». А наверху ярко горѣли звѣзды, которыя рѣдко видишь в городѣ.

Коля всегда занят. Дѣти милы и скромны. Впрочем, вначалѣ была лишь одна Леля. Ночевал иногда на узеньком, коротком диванчикѣ, но было уютно на сон грядущій читать какую-нибудь книгу.

Когда возвращаешься в училище, поправляешь свой костюм и маршируешь в комнату дежурнаго офицера. Лихо останавливаешься перед ним и рапортуешь: «Господин капитан. Юнкер роты Его Величества Пантюхов, билет № 17, из отпуска прибыл».

Итак, Коля, Юша и Олег в Петербургѣ. И вот каким-то чудом случилось, что и Миша и Ваня пріѣхали сюда. Раза два мы были вмѣстѣ у Коли и рѣшено было, что мы должны сняться. Назначили день и час и собрались у Лоренса на Невском. Странно было нам быть в сборѣ и без мамы и без папы. Как-то они теперь там в Тифлисѣ?

Довольно часто бываю у моей крестной матери, Ольги Семеновны. Она так радуется, когда мы приходим и Михаил Семенович тоже рад, и дочка Ольга Михайловна рада. Только ея маленькій муж сидит обыкновенно молча и не знаешь, что у него на умѣ. Ольга Семеновна рассказывает мнѣ о тѣх временах, когда меня и на свѣтѣ не было, угощает вкусным чаем, ветчиной и всякими сладостями, рассказывает всегда что-нибудь о политикѣ и возмущается какой-нибудь несправедливостью или неблагодарностью со стороны Франціи или Австріи...

Вот мое письмо Мишѣ, вскорѣ послѣ поступленія в Павловское училище:

СПБ. 26 сентября 1899. Сегодня воскресенье, но я предпочел сидѣть в Училищѣ, ибо завтра предстоит у нас репетиція. Да и погода совсѣм не располагающая к шатанію по Невскому. Времени свободного порядочно, чѣм я и воспользуюсь для письма тебѣ.

Вчера у нас с утра началась осень настоящая: крыши покрылись инеем, шла «крупа» и мы уже облачились в зимнее. До Коли я, против обыкновенія, дошел пѣшком нашим традиціонным Павловским шагом. И то не согрѣлся. Что-то будет зимою. Коля живет как раз на противоположном концѣ Петербурга. Там уже начинаются огороды, Петербург видѣн издали.

Большую частью, когда я подхожу к заводу, в сторонѣ города догорает заря и силуэты Исаакія, Адмиралтейства, фабричных дымящихся труб выдѣляются на ярком фонѣ...
Поэзія!

Нѣтъ, тут серьезно очень много красиваго. Хороша вечером Нева, красивы Исаакій и Казанскій собор.

Когда я прихожу по субботам к Колѣ, как это было вчера, бывает уже почти темно. Перед носом громадная дымящая труба; налѣво цѣлое облако пара и двѣ сверкающія громадныя печи, как у Чехова в «Случаѣ из практики». За облаком пара двухэтажный деревянный дом, гдѣ и обитает Коля. У дома садик, очень уютный. Три с половиною комнаты у Коли обставлены уже, повѣшены ковры, проведено электричество. Все очень недурно.

Коля с Ольгой Александровной живут, очевидно, душа в душу, как говорится. Она, Ольга Александровна, оказалась ничего себѣ хозяйка, маринует вишни, сливы, варит варенье... но... что-то не тае... — говорящій шевелит пальцами. Нѣтъ пантоховскаго чего-то, и мнѣ она попросту не нравится!

Коля был недавно у Юши, познакомился со Спичаковыми у них Юша совершенно свой. Свой до того, что это Колѣ не нравится. Оспичаковался Юша дѣйствительно нѣскольکو, но у них так там это все мило, весело, и Юша всегда так весел, как я его, кажется, и не видѣл. Юша и с пѣр и с мѣр на ты. Оба они его, очевидно, очень любят.

Пиши, брат Миша, меня очень интересует твоя жизнь, даже твои визави сосѣдки, о которых я слышал вчера. Я, в концѣ концов, очень рад, что ты будущій филолог.

Что ты предпримешь на Рождество?

Твой Олег.

На Рождество был дома, на хуторѣ; и странно, и хорошо было ѣхать на розвальнях по снѣжной дорогѣ с мыслью, что скоро вернешься в свой дом, гдѣ уже зажигаются огни и услышим снова папины рѣчи, когда он еще не совсѣм проснувшійся от послѣобѣденнаго сна, сядет на свое обычное мѣсто в концѣ стола, закрывая руками глаза от свѣта лампы и потирая их, станет говорить о политикѣ, о будущности народов, об антропологии. — «Да, антропология есть вещь, а прочее все гиль», — шутил он. Иногда по старинѣ, как в дѣтствѣ, кто-нибудь читал стихи Черниговца (папин сотовариш), Буренина, Беранже или новых — Блока, Ахматовой, Гиппиус. И ставили на полях баллы по старшинству, начиная с младших. Но хоровое пѣніе уже не выходило. Во-первых, не было главнаго запѣвалы Юши, который уже жил с женою и дѣвчонкой Людмилой в Тифлисѣ, а во-вторых, мы всѣ слишком выросли. А как славно в былое время распѣвали за чайным столом:

*Лен мой лен, бѣлый лен. Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой бѣленькій, полюби меня, мой миленькій.*

И в это время папа стучал по столу кулаком, а стаканы дребезжали и звенѣли. Мы были в полном восторгѣ.

Теперь осталась лишь «пѣсня морских волков», которую мы, братья, одни по традиціи заводили звѣрскими разбойничьими голосами, когда наступали сумерки — к ужасу мамы:

*Было нас матросиков пятнадцать человек.
Пятнадцать человек морских волков!..*

Миша затыгивал еще иногда «Гаудеамус» или «Мы фабричные ребята» — пѣсню, которую он привез из Москвы. Но сам Миша конечно был выше своих сотоварищей-студіозов, считавших за хороший тон либерализм и социализм. Миша смѣялся над этим панурговым стадом.

Рождественскій отпуск прошел быстро и вот я уже снова в вагонѣ с корзинкой ароматных печеній и тьмою всяких довольно неопредѣленных, но предприимчивых планов в головѣ.

*

Один раз в жестокой (14°, кажется) мороз училище было на похоронах ген. Рыкачева, бывшаго когда-то начальником училища. Хоронили на Ново-дѣвичьем. Дальній путь по людным улицам, прохожіе, со вниманіем разсматривающіе нас, юнкеров, а мы их: что-то думают они о нас, будущих офицерах, сочувствуют или состоят в оппозиціи, как большинство «интеллигентов». Музыка, а затѣм залпы ружейные в воздух, — все это ново и мы были «совсѣм как большіе», — даже пальцы чуть-чуть не отморозили, а плечи и локти устали страшно. И как всегда в таких случаях, усталость давала удовлетвореніе.

На Крещеніе было большое событіе: наша рота Его Величества принимала участіе в церковном парадѣ в Зимнем Дворцѣ, и мы впервые увидѣли Государя Императора Царя и Самодержца Всероссійскаго.

Торжественныя залы. Великолѣпныя картины на стѣнах, люстры, вазы. И на фонѣ этой роскоши мы вытянулись в двѣ шеренги и смотрим с удивленіем и восторгом на генералов, на свиту, на никогда невиданные ордена, на лакеев и камер-фурьеров, скороходов, кавалергардов, гусар в красных доломанах, Павловцев в высоких гренадерках... «Лоскутья сих знамен побѣдных, сіянье шапок этих мѣдных, насквозь прострѣленных в бою»... Должно быть у кузнеца Вакулы не было больше удивленія на его лицѣ, когда он верхом на чертякѣ прилетѣл во дворец, чѣм у нас, не так давно разставшихся с кинтошечьим Тифлисом, или Омском, или Оренбургом... Какой блеск! Какое богатство!

Но вот торжественная церковная процессія, двигающаяся по всѣм залам к Иорданскому подѣзду и на Неву, на Иордань.

Вот Государь Император, котораго мнѣ так хотѣлось увидѣть: он образец скромности и простоты, несмотря на все блестящее окруженіе и на заносчивость царедворцев. Его голубые глаза чрезвычайно просты и ласковы, как будто знакомые, как глаза тысячь и тысячь русских людей. Что-то русское, наше родное, в них и еще, как это ни странно, слегка застѣнчивое и этим очень симпатичное. И чин у него только полковника — это бросается в глаза среди сотен высших генеральских чинов вокруг. В голову приходит мимолетная мысль: хорошо бы все-таки ему быть не полковником, а генералом... Что Государь по скромности отказался от высших чинов, конечно, тоже при-

ятно, но поймутъ ли это вон тѣ, исполинскіе преобразенцы, стѣною вытянувшіеся в коридорѣ... Впрочем, мало ли какія мысли не приходятъ в голову провинціалам, впервые появившимся во дворцѣ!... Но главное — надо дорожить временем, пока не прошел он мимо и взглядѣться в него получше. Государь медленно проходит и смотрит добрыми, внимательными глазами в глаза каждому. И на мнѣ остановились на секунду глаза и наполнили меня гордостью; казалось что я таким образом как будто стал знаком Царю.

Императрица шла рядом и благожелательно и умно смотрѣла вокруг и медленно кивала головой.

Толпа великанов во главѣ с бородатым фельдцеймстером Михаилом Николаевичем шла сзади, и только еще больше оттѣняла то обстоятельство, что Государь не был похож ни на кого из них: ни своим ростом, ни манерой держать себя. Хорошій, добрый Царь. И он сдѣлает все, что в его силах, чтобы быть таким, каким надо быть Русскому Царю. Так казалось, если сам себя спрашивал: ну какое же впечатлѣніе? А сердце говорило больше и на глазах слезы стояли от радости и «поджилки тряслись» от волненія. И должно быть это волненіе заражало всѣх.

Самый симпатичный из группы великанов был начальник военно-учебныхъ заведеній. Великій Князь Константинъ Константинович. Потом — командир гвардейскаго корпуса Павелъ Александрович, — красивый и необщительный; Дмитрій Константинович, своеобразной наружности, чрезмѣрно художавый и скромный; Сергѣй Михайлович — тоже гигант, унаслѣдовавшій от своего отца привязанность к артиллеріи. Потом слѣдуетъ семья Владиміра Александровича, который в то время был главнокомандующим гвардіей и Петербургским Округом. Он представительен и важен (впослѣдствіи я слышал, что он очень стѣсняется), говорит внушительным басом и даже, когда хочет сказать тихо, его слышно далеко. Сыновья держатся вмѣстѣ: вот они Кирилл, Борис и Андрей, один другого красивѣе, но будто чѣм-то недовольные. Их сестра Елена привлекаетъ всеобщее вниманіе молодежи.

В общем, впечатлѣніе от всего было чудесное, почти ошеломляющее и, когда я очутился послѣ парада в юнкерской чайной и меня стали разспрашивать о всем видѣнном, я отвѣчал с энтузіазмом и о дворцѣ, и о парадѣ, и о Государѣ.

Сажусь писать домой в Тифлис свои впечатлѣнія, которым, я знаю, будут рады: папа не раз высказывал, что мои письма интересны и стоило бы их сохранять. Однако мнѣ очень грустно, что я не сохранил всѣх его писем и открыток, часто лаконическихъ, но такихъ значительныхъ.

Слѣдующій раз мы видѣли Государя, когда он пріѣхал к нам в Училище и обходилъ всѣ роты и лазарет. С ним был только один флигель-адъютантъ, да и то державшійся в сторонѣ, так что всѣ юнкера чувствовали, как будто Государь у них в гостях. Училищное начальство тоже не окружало Государя тѣсным кольцом, только запыхавшійся от счастья генерал Шатилов сѣменилъ сзади и старался давать объясненія своим простуженным шипящим голосом.

Государь был доволен, как видно, всѣм и, может быть, особенно тѣм, что он теперь совсѣм в другой, непривычной ему обстановкѣ и соприкасается с русской молодежью, так сказать свѣжепріѣхавшей из разныхъ углов его обширной имперіи. Кто знает, может быть, сибирцы, кавказцы, уральцы, псковичи принесли с собой вѣяніе всѣхъ русскихъ окраин, и Государь помимо воли своей окупнулся в эти восторженныя юношескія чувства и ошущал то самое единеніе с народом, которое ему так необходимо...

Это было время наибольшего расцвѣта нашего Россійскаго Государства. Русскія войска стояли на далекой Кушкѣ и в еще болѣе далекой колоссальной Маньчжуріи. Государь наш самый могущественный монарх во всем мірѣ. И вот он тут с нами и мы можем видѣть его близко и разсматривать всѣ детали его преображенскаго сюртука и старых флигель-адъютантских погон, двумя переплетенными серебряными вензелями Александра Второго — дѣда и Александра Третьяго — отца. От погона вниз под рукой шел золоченый флигель-адъютантскій аксельбант. Государь ласково смотрѣл на юнкеров. Иногда задавал маленькіе вопросы. Уже у подѣзда, куда ринулись всѣ провожать Государя, он надѣв свое сѣрое пальто и, пошевеливая плечем, как будто была неловкость в пальто, будто оно жало ему подмышками, сказал нѣсколько слов, что он был очень рад видѣть училище в таком образцовом порядкѣ и что он желает успѣха в ученіи и подготовкѣ.

Было молчаливо разрѣшено выбѣжать на Спасскую улицу и бѣжать за коляской. Кричали ура! Затѣм кучер прибавил ходу и сани скрылись в петербургской мглѣ.

Нас распустили на лишній день и мы были вдвойнѣ довольны.

Что касается Великаго Князя Константина Константиновича, то он пріѣзжал нѣсколько раз и совѣм невзначай. Он не очень был любезен с начальством и мы это не могли не замѣтить. Он просил никого не сопровождать его и «не обращать на него вниманія». Это было не так просто сдѣлать, и начальник училища лишь изрѣдка поглядывал на все. Ротный наш капитан Герцык был ближе. А Великій Князь в это время обходил, как в корпусѣ, всѣ кровати, у которых стояли мы, юнкера. Было удобно видѣть у изголовья кровати у каждаго четкую надпись — имя и фамилію. Оставалось лишь припомнить гдѣ, в каком корпусѣ раньше встрѣчалось это лицо. Это не представляло большого труда для Великаго Князя: у него была удивительная память — говорят, по наслѣдству.

Тифлисам он сказал нѣсколько слов укора и спросил, что за безпорядки были опять у нас. Мы его увѣрили, что ничего особеннаго не было и он кажется, вполнѣ удовлетворился нашим объясненіем.

Меня он хорошо помнил по Тифлису. Еще больше он меня запомнил с тѣх пор, когда на училищном балу увидѣл в нашей «занималкѣ» свой портрет, нарисованный мною итальянским карандашем. Тут же была Великая Княгиня Елизавета Маврикіевна. Великій Князь говорит: «Я не могу судить о сходствѣ, но Великая Княгиня говорит, что похоже». Великій Князь как будто ищет случая, чтобы поговорить с юнкерами. О чем? — Все равно. О том, кто родители, что читает, как учился, не родственники ли такіе-то? Поученій никаких, и в этом тоже своя прелесть. Вопросы пустяшные, с улыбкой, иногда с шуткой. Возьмет при этом за плечи, или за шею и внимательно смотрит в глаза. Начальство не замѣчает до такой степени, что и Драке и Герцык стушеваются, отходят подальше и кажется чуть-чуть обижены.

Еще раньше в раннем дѣтствѣ видѣл Александра III, когда он с семьей возвращался послѣ крушенія поѣзда в Борках. Помню благоговѣйное настроеніе ожидающей у Николаевского вокзала толпы и спокойный, величественный вид полного бородатаго генерала. Но это было так давно. Послѣ в Боржомѣ и в Тифлисѣ, случайно мельком видѣл опального генерала Вел. Кн. Николая Михайловича, равнодушнаго и непроницаемаго. Будучи кадетами мы зубрили наизусть весь Царскій Дом и знали по именам и по фотографіям отлично, включая дѣтей Вел. Кн. Константина — просто князей, просто

Высочеств. Теперь предстояло увидѣть их всѣх и было интересно. Константин Константинович умилил нас всѣх, а в особенности меня. По всей вѣроятности и он это почувствовал — даже навѣрное; иначе чѣм объяснить, что он сразу же запомнил и имя, и фамилію, и лицо, и на второй же раз здоровался со мною — «Здравствуй Олег».

Как-то однажды Великій Князь проходил с сыновьями и сказал что-то про меня одному из них. А послѣ на парадѣ на Марсовом полѣ или училищѣ говорит: «Мой сын был очень заинтересован, что у него есть тезка в Павловском военном училищѣ». В другой раз спросил — «как это священник меня согласился крестить таким именем. Ему это не легко было устроить.» Я рассказал подробно, что у меня было уже пять братьев и родители очень хотѣли дѣвочку Ольгу. Когда родился я, то рѣшили, если не Ольга, то пусть будет Олег. Священник не хотѣл. Но потом согласился. Рассказ понравился и, конечно, Константин Константинович его запомнил. — Поразительная память у него. И еще есть особое свойство — плѣнять своих собесѣдников. Как и большинство Императорской фамиліи, он колоссальнаго роста, строен и во всем видно, что-то царственно-скромное.

Зима эта прошла для меня полна новых впечатлѣній и муштры знаменитаго своей строгостью Павловскаго военнаго училища.

«Козерожьим папашей», то есть старшим учителем, у нас был портупей-юнкер Иван Иванович Шнеевайс — рѣдкой души человек, хотя и хорошій учитель по шагистикѣ и муштрѣ. Да, шагать по училищному плацу, вытягивая ногу как можно дальше вперед и носок ноги вытягивая как можно ниже к землѣ, вот то трудное искусство шагистики, о котором так много говорили и над которым так много подтрунивали всѣ, кому не лѣнь.

Весна 1900 года. Наше казарменное зданіе училища как-то помолодѣло и сѣдородый швейцар особенно ярко начинал мѣдныя украшенія на парадных дверях. Особенно трогательно было наблюдать «пришествіе весны» в этот казенный город и в эти казенные, казарменные кварталы. «Весна была весною даже и в городѣ», как начал, появившійся в печати приблизительно в это время, свое «Воскресеніе» Л. Толстой. Какое сильное впечатлѣніе производило на нас весеннее солнце; это было то же самое солнце, которое грѣло нас каждую зиму на дворѣ корпуса, когда мы в большую перемѣну с Тургеневым или Купером в руках сидѣли на бревнах и грѣлись. Как хорошо и теперь подставлять лицо под лучи этого же, немного запоздавашаго, солнца, слышать гам воробьев и видѣть распускающіеся одуванчики.

Если перейти нашу Большую Спасскую улицу и взять патрона во право, то входили в училищный тир. Чтобы выпустить свои пять патронов в цѣль на сто или двѣсти шагов, надо было сперва долго ждать очереди и это ожиданіе было пріятным, если погода была весенняя. Снѣг начинал таять, воробьи кричали как угорѣлые, небо было широко открыто и почки на деревьях набухли и распространяли весенній смолистый аромат. Но главное — весна и скоро конец первому году ученія. Осталось лишь нѣсколько экзаменов. Юнкера старшаго курса с авторитетом говорили о предстоящих лагерях в Красном Селѣ, о съемках, о маневрах и о стрѣльбѣ на настоящем стрѣльбищѣ.

Училищная жизнь текла своим чередом. (Может быть одинаково почти вот уже 99 лѣтъ со времени Павла I-го.) Та же муштра и так называемый «образцовый» порядок внутренней жизни согласно всяким уставам и положеніям.

Один раз вечером в Портретном залѣ всѣ юнкера и начальство собрались слушать лекцію прїѣхавшаго албанца. Черный, худой, вертлявый, коверкающій русскія слова, он заставил нас всѣх, начиная с начальника училища Шатилова, смѣяться до упада, хотя лекція была на темы вовсе не смѣшныя. «В Турціи нас называют шкипетари... Многіе из нас апатурчились» и пр. Слово «шкипетари» на нѣкоторое время стало модным прозвищем в нашем юнкерском обиходѣ.

Лекціи шли обычным порядком в классах. Полковник Богданов преподавал химию, говорил невнятным голосом и не был очень интересен. Гораздо интереснѣе была военная исторія, преподававшаяся капитаном Новицким и администрація — капитаном Шильдбах. Шильдбах, молодой офицер, говорил с нами как с будущими офицерами на темы нам интересныя. Вспоминаю его совѣт — в течение первого года в полку никого и ничего не критиковать. Вспоминаю слова о необходимости прилично одѣваться: «По одежкѣ встрѣчают, по уму провожают.» Но до ума, когда еще доберутся, надо чтобы сначала одежда была в порядкѣ. Совершенно особое мѣсто почему-то занимала «ситуація»; преподаватель, полковник Язвин, суровый и важный на вид офицер. Русскій язык преподавал талантливѣйшій из всѣх Петров, будущій учитель будущаго Наслѣдника престола. Это былъ плотный, невысокаго роста человекъ, говорившій густым басом. Когда он произносил что-нибудь из Пушкина, мы будто видѣли самого великаго поэта:

*Могучей страстью очарован.
У берегов остался я.
О-чем жалеть... Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремил...
Один предмет в твоей пустынь
Мою бы душу поразил...
Одна скала. гробница славы...*

Как хорошо, что Государь впослѣдствіи выбрал именно Петрова учителем к своим дѣтям и, в частности, к Наслѣднику. Вот уж можно было быть вѣрренным, что он, Наслѣдник, будет любить и Россію, и нашу русскую рѣчь.

Но мы тогда ничего не знали, что будет впереди. Россія огромная, хоть и необразованная, но сильная, идет медленными, но вѣрными шагами куда-то вперед и «все обстоит благополучно», — так казалось нам тогда. И мнѣ вспоминались слова моего отца о том, как прошлый Государь мудро и спокойно правил Россіей и как остальные страны старались заручиться его благоволеніем. А тепершній Государь тоже, даст Бог, будет хорошим правителем. Жена у него умница. Государь рад был бы дать пресловутое самоуправленіе и конституцію, но этого нельзя сдѣлать, пока народ необразован. Образование же идет быстрыми шагами вперед...

*

Если в отпускной день выйти из училища и, повернув налѣво, дойти до Большого Проспекта на Петербургской Сторонѣ, то можно было или взять за пятак конку, или итти пѣшком по направленію к Невскому проспекту. Конка останавливалась часто на разѣздах и лошади везли не спѣша, так что ѣзда на конкѣ требовала почти полчаса. Пѣшком же можно было прой-

ти это разстояніе не многим больше, чѣм в полчаса. Если в этот день не было усиленной «шагистики» или верховой ѣзды, то я выбирал ѣзду «на своих на двоих», или вдоль Малой Невки и через Биржевой мост, или по Васильевскому острову и опять к Биржѣ и через Дворцовый мост, мимо Зимняго Дворца и Адмиралтейства.

*Люблю тебя, Петра творенье.
Люблю твой строгій стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранит.
Твоих оград узор чугунный...*

Да. Тут и береговой гранит на Невѣ, и оград узор чугунный, и Адмиралтейская Игла.

Петербургская весна, с ея голубыми днями и бѣлыми ночами, на всѣх производит сильное впечатлѣніе. Она длилась довольно долго... Мы успѣли уже сдать экзамены, побывать на нѣскольких заводах, в Экспедиціи заготовленія государственных бумаг, на каком-то далеком стрѣльбищѣ и в «Крестах», а весна все еще не проходила. Как много новых впечатлѣній! Ѣзда по какой-то узкоколейной желѣзной дорогѣ на Охтѣ; на пароходикѣ и на паромѣ по Невѣ; закусываніе взятыми с собою булками с котлетами, наблюденія среди рабочих, солдат, народа. Узенькіе, маленькіе номерки в тюрьмѣ «Крестах», — произвели сильнѣшее впечатлѣніе своей чистотой, безнадежностью и драмами, пережитыми здѣсь: лишеніе зелени, солнца, словом природы — что может быть злѣе этой пытки, практикующейся в тюрьмах почти повсюду. Едва ли этот способ содѣйствует исправленію преступников. Как зачерствляет людей тюрьма, как облагораживает природа.

В училищном манежѣ два раза в недѣлю «верховка» — верховая ѣзда. В манежѣ туман, пар от лошадей и запах конскаго пота. Крик штаб-ротмистра Федорова, брата командира второй роты. Голос гулко раздается, потому что нѣтъ никаких других звуков, а на полу опилки; никаких стуков копыт; «борьба дворянина с лошадейю» — кричит он, когда юнкер не может заставить лошадь итти, куда надо. Возвращаемся в роту усталые, с болью ножных мускулов, но довольные новыми впечатлѣніями и тѣм, что верховая ѣзда — принадлежность близкаго офицерства.

Но вот и смотр, к которому мы долго подготовлялись. Когда мы участвовали на царском смотру на Марсовом Полѣ, мы были среди нѣскольких десятков тысячъ солдат пѣших и конных, в красивых формах, с оркестрами музыки. Вспоминались стихи Лермонтова: «Уланы с пестрыми значками, драгуны с конскими хвостами: всѣ промелькнули перед нами, всѣ побывали тут»... А Лѣтній Сад тихо шелестѣл перед нашими глазами своими вѣковыми липами, посаженными еще Петром Великим, и статуи таинственно виднѣлись в глубинѣ. Направо возвышался крѣпостью Инженерный замок Павла Перваго, а напротив — к Невѣ бронзовая статуя Суворова с поднятым мечом, звала за собою вперед.

Государь — олицетвореніе скромности, спокойствія и сознанія своего долга. — Я буду дѣлать свое дѣло так, как только смогу и, пожалуйста, не мѣшайте мнѣ, — казалось говорили его пристальные, задумчивые и усталые глаза.

Верхом на рыжем конѣ впереди свиты и сбоку от ложи императрицы, он

стоял неподвижно как кумир, на котораго обращены взоры этой многотысячной, как шахматы разставленной, людской массы. А когда он объѣзжал войска и здоровался: «Здравствуйте, господа», то выходило очень внушительно и мы, напрягая легкія, кричали: «Здравія желаем, Ваше Императорское Величество»! — и затѣм — ура! Ура нельзя кричать очень долго и вслѣд за первыми минутами внушительнаго крика с подъемом, слѣдовала какая-то заунывная слабая нотка, тянущаяся раскатами по всему полю, то усиливающаяся, то слабѣющая. А сколько старанія прилагалось для того, чтобы пройти мимо Царя в стройном порядкѣ, равняясь и отвѣчая в такт шага и музыки: «Рады стараться, Ваше Императорское Величество», и затѣм слышно было, как уже слѣдующим за нами Преображенцам несло громкое: «Спасибо, Преображенцы»!

Затѣм на нѣсколько дней мы были свободны и я навѣщал своих родственников перед отправленіем в лагерь. Но время шло быстро и вот вскорѣ училище выступает в Красное Село. Сколько рассказов было выслушано в нашей чайной о лагерѣ.

Лагерь на берегу Дудергофскаго озера, за которым возвышается живописная Дудергофская гора. Это — с одной стороны лагеря, с тыла. А с фронта — безконечный простор Военнаго поля с Царским валиком в серединѣ и Лабораторной рошей за ним. Слева от нас лагерь Константиновскаго военнаго училища, а справа — пустующее мѣсто для лагеря лейб-гвардейскаго 1-го Стрѣлковаго Его Величества батальона, который приходит в лагерь в самом концѣ іюля из Царскаго Села. За тифлисским столом в лагерной чайной говорят о сосѣдних стрѣлках с уваженіем и даже с почтеніем, вспоминая славные кавказскіе стрѣлковые батальоны. Кто мог думать, что через год с небольшим, мнѣ придется итти в лагерь сосѣдняго батальона и представляться, как будущему офицеру.

Когда начались маневры, мнѣ сначала казалось, что в них будет что-то красивое, воинственное, военная тренировка, полезная для здоровья. И в самом дѣлѣ, чувствовать себя участником обороны Петербурга или наступленія на вражескую армію, получать солдатскую пищу из походной кухни и носить с собою ложку, вилку и нож, есть из своей собственной «манерки», — все это было ново и интересно, но иногда, когда переходы были черезчур длинные и фляга с водой была уже пустая, и пыль стояла столбом, тогда пѣсенники, подзадориваемые уставшими юнкерами, запѣвали весьма скабрёзные пѣсни и казалось, что они как бы мстят кому-то за чрезмѣрно длинный переход.

Зато, по приходѣ на мѣсто бивака, хорошо было растянуться на зеленой травѣ и смотрѣть на красиво догорающій закат, смотрѣть как плывут облака и садится солнце, как мужики и бабы в ярких платьях возвращаются в свои деревни, а гдѣ-то вблизи, в собраніи гвардейскаго полка, уже играет музыка. А затѣм, закусив, пріятно было спать в небольшой солдатской палаткѣ, в надеждѣ, что сосѣди по палаткѣ не будут черезчур храпѣть. Перед сном горнист играл «На Молитву» и молитва была краткая, но хорошая. Если в палаткѣ были юнкера старшаго курса, то они, конечно, не могли не мечтать о приближающемся днѣ производства и считали уже не недѣли, а только дни и даже часы, а любители — и минуты, оставшіяся до полученія погон подпоручика.

А мы, юнкера перваго курса, тоже были в приподнятом настроеніи, когда представляли себѣ и предстоящій трехнедѣльный отпуск и возвращеніе

в училище в качествѣ старших. И мы задумались, кто же будет назначен старшим учителем или «Козерожым Папашей», как его величают обычно. А кто будет выбран фельдфебелем, кто будут старшіе портупей-юнкера?... Кто — младшіе? Сколько вопросов!

Много времени удѣлялось топографическим занятіям, «глазомѣрным» и другим съемкам. Руководители-офицеры приходили провѣрять сдѣланную работу. Тут же появлялись и продавцы бутербродов и сладостей, которые носили неблагозвучное имя «шакалов». Они брали за свои бутерброды довольно дорого и давали иногда все в долг, «в счет будущих благ», старшему курсу для расплаты послѣ производства в офицеры. Это, впрочем, касалось больше будущих корнетов Николаевского кавалерійскаго училища, старавшихся «держатъ фасон». Говорили, что когда они проѣзжали верхом мимо пѣвших юнкеров, то будто бы говорили: «Пѣхота не пыли». Им тогда отвѣчали в таком же грубом тонѣ...

Это был 1900-й или 1901-й год, когда на Дальнем Востокаѣ, в Китаѣ, были боксерскія или хун-хузскія возстанія, и русскія войска посылались туда для водворенія порядка. Трудно теперь представить себѣ ту почти психическую заразу, которая охватила наш Авангардный лагерь при извѣстіях о нападении китайцев на русскія войска: откуда-то, кажется от артиллерійских училищ, потянулись вдоль по всему лагерю вереницы и толпы юнкеров. Я был, конечно, в числѣ их. Мнѣ кажется и солдаты сосѣдних полков присоединились к этой огромной толпѣ и все это полчище двинулось к дому Великаго Князя Владиміра Александровича на правом флангѣ лагеря. До дома этого не дошли, но до штаба войск лагеря дошли. Не помню, что именно пѣли? Может быть гимн. Такой был патріотическій подъем. Затѣм, стали расходиться восвояси.

А на слѣдующій день Владимір Александрович подѣхал к нашему училищу и сказал нѣсколько пріятных слов начальнику училища генералу Шатилову, бритому смуглому человѣку: — «Генералу — наше высокопочитаніе... Как пріятно видѣть красиваго генерала в лентѣ...» Подѣхал ближе к нашим рядам: «Очень жаль, что такіа порядочныя чувства выражаются так непорядочно... На нас это произвело впечатлѣніе. Мы, кажется, и сами удивлялись и не понимали, какой это был дикій и заразительный порыв.

К концу лагеря наше училище принимало участіе в общих маневрах и это было весьма утомительно. Что касается пониманія смысла маневров, то надо сознаться, что мы как-то не были в курсѣ дѣла. Окончаніе маневров всегда подгоняли к Преображенскому празднику. Если нужно — маневры комкали, но не нарушали этой традиціи. В предпоследний день для нас был пріятный сюрприз — мы увидѣли Государя — верхом, в сопровожденіи только трубача и конвойца с Императорским Штандартом. Красив, величествен и многоговорящ был этот царскій штандарт, неожиданно появляющійся среди кустарника или зрѣющих хлѣбков.

Из предосторожности нельзя было стрѣлять в эту сторону. Передавали, что гдѣ-то, когда-то слышали свист не холостого патрона, а настоящей пули. Не вѣрилось. Казалось чудовищным.

Производство старшаго курса состоялось в усадьбѣ Тирана, близ Луги, Кстати и сын Тирана был произведен в корнеты из вольноопредѣляющихся

или из прапорщиков — не помню — помню только, иначе, чѣм остальные и приятно было, что есть кто-то, кто может поступать, как признает нужным. Государь говорил, что желает успѣха в работѣ и в службѣ и еще в этом духѣ что-то, а кончил словами: «Поздравляю Вас господами офицерами!» В отвѣтъ — ура молодых офицеров, заразительное чувство радости!... Мы уже в старшем классѣ!

И вслѣд за этим разъѣзжаемся в отпуск, по домам. Но перед отъѣздом, как не повидать крестной матери Ольги Семеновны, чтобы и дома рассказать об общей любимицѣ нашей. Она, как всегда, дома за чайным столом или в домашней маленькой работѣ. Сын, Виктор, женился на милой особѣ, но дѣтей у них нѣтъ. А дочка, Ольга Михайловна, уже нѣсколько лѣтъ как вышла замуж за небольшого ростом юриста Муравьева. У них дѣвочка Леля, очень миленькая, как и ея мать, и очень бойкая, веселая. Все в домѣ уютно, тихо, дружно. Моя крестная очень гордится каждым из нас братьев и знает про нас всякіе детали. Птицы Михаила Семеновича и акваріум — все на своих мѣстах, как это было и в моём дѣтствѣ.

Но вот, я уже ѣду на юг в Кіев, на хутор, и моим попутчиком в вагонѣ был добродушный и преданный мнѣ сибиряк Макѣев. Мы почему-то вспоминаем Лермонтова и говорим вслух:

*Когда же на запад умчался туман
Урочный свой путь продолжал караван...*

Должно быть это стук вагона, как будто в такт стихам говорил нам, что все образуется, что все будет хорошо и в нашей жизни, которая ровно через год начнет итти самостоятельно. Во всяком случаѣ мы чувствовали себя юнкерами старшаго курса и старались предугадать — куда мы попадем через год и как мы устроим свою жизнь.

Послѣ трехдневнаго путешествія попал в Кіев, на родину. Родился я в той части города, которая называлась Липки. Это кажется в районѣ том, гдѣ Кіево-Печерская лавра и чудесный Царскій сад. Насколько я знаю, приблизительно в это время, около 1882 года, мои родители купили хутор в районѣ Куреневки, вблизи Кирилловскаго монастыря. Земли вокруг хутора было около ста десятин. Домик был каменный с желѣзной крышей, из шести или семи комнат. Вокруг дома — фруктовый сад, яблони, груши и вишни, а подалеже березовая роща. Через нашу землю проходила проселочная дорога, по которой почти никто не ѣздил. Сосѣдей у нас не было вблизи, было много простора.

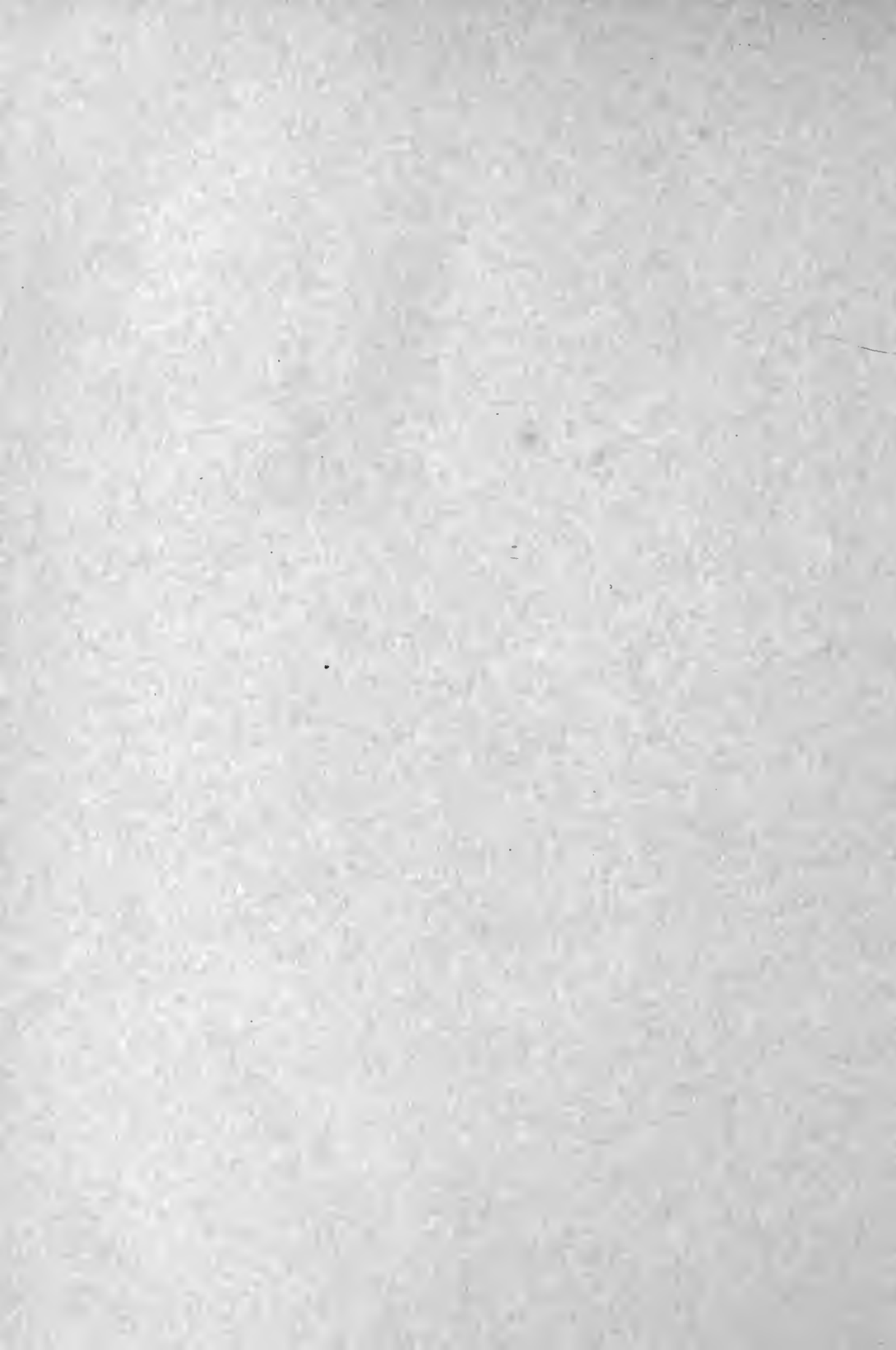
Я думаю, что мы жили на хуторѣ в моем дѣтствѣ очень недолго, потому что мой отец получил назначеніе сначала в Одессу, а затѣм в Петербург и Тифлис.

Хутор тогда поступил в веденіе арендатора Дзюбенко, который обязался все на хуторѣ поддерживать в порядкѣ. Однако, когда я посѣтил хутор в 1899 году, перед своей поѣздкой за границу, то видѣл и заборы, и сад, и дом в большом запустѣннѣи. В 1900 году мои родители переселились из Тифлиса обратно в Кіев, и я приѣзжал домой на каникулы. Мой брат, Ваня, теперь распоряжался и работал на хуторѣ.

Что сказать о Кіевѣ? Когда я приѣзжал сюда с сѣвера, из Петербурга,

Кирилловская церковь, купола которой можно было видѣть с нашего хутора.

то меня приятно поражала, прежде всего, сама «атмосфера» этого чудесного города — «Колыбели Земли Русской».

*Толь дѣло Кіев! Что за край!
Валяются сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай!
А молодежи, молодухи!...*

И в самом дѣлѣ: я вспоминаю, как в один из моих первых приѣздов я с удовольствием всматривался, когда ѣхал с вокзала, в кievскую уличную жизнь и находил очень большую разницу с туманным сѣверным Петербургом, гдѣ не так часто можно видѣть на улицах улыбку. А здѣсь, слава Богу, всѣ привѣтливо смотрят в глаза и улыбаются. Вот какая-то молодуха стоит на возу с овощами, улыбается и кричит какой-то другой во весь голос: «Хиба ж я знала!»

В Кіевѣ рѣдко увидишь бѣдно одѣтаго человѣка. Крестьяне одѣты в свои свитки, а женщины в цвѣтныя «понявы», иногда очень красиво вышитыя. Лошади у крестьян в тѣлѣ... не говоря уже о Царском Садѣ над величавым Днѣпром, много зелени и цвѣтов на улицах. Одним словом — все обстоит благополучно.

Вспоминались гоголевскія строки: «Чуден Днѣпр при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчит сквозь лѣса и горы полныя воды свои...» Как это все было просто и хорошо!...

На хуторѣ я застал папу, маму и братьев Ваню и Мишу.

Папа приводил в порядок свои записки по антропологии. Ваня заканчивал работы в саду и на огородѣ, а Миша, как всегда, был погружен в свои книги и журналы. Он сошелся в Москвѣ с Брюсовым, Андреем Бѣлым-Бугаевым, Блоком и цѣлою плеядою московских писателей и поэтов. Тѣ стихотворенія, которыя читал мнѣ Миша, производили незабываемое впечатлѣніе.

Мой отец довольно часто уходил из хутора, брал лошадей или трамвай и ѣхал на Крещатик и садился там на скамейку, чтобы наблюдать публику. Это он называл «принимать человѣческую ванну». Такія прогулки давали ему соприкосновеніе с простым народом и помогали ему держать себя в курсѣ их настроеній и давали ему матеріал для его послѣдних научных работ. Когда он возвращался домой на хутор и шел по Куреневкѣ, то его всегда окружала цѣлая стая дѣтей и подростков, с которыми он охотно разговаривал и которых знал по именам.

Когда я бывал в Кіевѣ, то по воскресеньям я с моим отцом, а иногда и с братьями, уходил к обѣднѣ в нашу ближайшую к хутору Куреневскую сельскую церковь. Недалеко от нас была еще другая Кирилловская церковь, купола которой можно было видѣть с нашего хутора.

Кирилловская церковь была впервые построена еще в двѣнадцатом столѣтіи на холмѣ, гдѣ, говорит сказаніе, русскій богатырь Кирилло Кожемяка убил двѣнадцатоголоваго змѣя.

Очень красиво своими простыми старинными стѣнами эта церковь выдѣлялась среди построек монастыря и больницы. Во время ремонта, однажды, когда снимали со стѣн штукатурку, здѣсь были открыты старинныя фрески. Кирилловская церковь была еще замѣчательна тѣм, что в теченіе пяти лѣт,

между 1884 и 1889 годами, художник Врубель написал для этой церкви нѣсколько чудесных икон.

Я долго не мог оторваться от иконы Божьей Матери с Младенцем в иконостасѣ. Я молился здѣсь, предчувствуя, что недолго смогу приходить сюда. Еще очень запомнилась икона на стѣнѣ, фреска, «Сошествіе Святого Духа на Апостолов». Как-то совѣм по-иному, по-своему, Врубель написал и святых Апостолов, вдохновенно принимающих таинство Сошествия Святого Духа и таинственные струи с небес Духа Святого. Все иначе, чѣм у других художников и все вдохновенно.

Мой брат, Михаил Иванович, был большим знатоком искусства. Он особенно высоко цѣнил работы Врубеля и, в частности, эти иконы.

Хотѣлось бы еще вспомнить о том, как наша мама жила на хуторѣ одной лишь заботой о всѣх нас, и я думаю, что каждый из нас, братьев, жил с мыслью, что мама о нем думает, и что мамины молитвы и заботы спасают его от бѣд и всяких неприятностей. И если у кого-нибудь из нас бывала удача матеріальная или моральная, то думалось, что это мамины молитвы помогают.

И именно так и случилось, когда я, по своем возвращеніи из отпуска, не без нѣкотораго волненія, вошел под суровые своды нашего училища, я сразу же был огорошен совершенно невѣроятным для меня и неожиданным извѣстіем, что я уже не юнкер Государевой роты, а портупей-юнкер и меня ждут бѣлыя нашивки на мои погоны. Мало того: назначеніе меня «Козерожим Папашей» давало какой-то чрезвычайный почет и отвѣтственность, с которыми не сразу я мог освоиться. В помѣщеніи роты на моей кровати я нашел уже свой виц-мундир с бѣлыми лычками на погонах, а мои сосѣди, и в особенности юнкера-тифлисцы, от души поздравляли меня. Моя кровать теперь была поставлена на правый фланг, на почетное мѣсто, а фамилія на металлической дощечкѣ в головах была обведена золотой краской. Теперь надо встрѣчать привѣтливо вновь прибывающих юнкеров.

Моя должность наиболѣе почетная послѣ фельдфебеля. Я — «взводный командир», — начальник 30 юнкеров и кромѣ того начальник 60 молодых, только что приѣхавших кадет-юнкеров, которыми надо не только командовать, но и руководить. И я руковожу по мѣрѣ всѣх своих сил, рассказываю им училищныя правила и стараюсь преподнести все это так, чтобы им было не очень страшно, потому что помню себя в их положеніи и потому что это такая уж хорошая должность — быть «папашей». Мой серьезный, положительный, а может быть даже важный вид помогает мнѣ, а говорить, внушать, объяснять, толковать — я откуда-то научился, может быть от отца, и в этом отношеніи совершенствуюсь с каждым днем. Папа часто говорил мнѣ что у меня есть врожденная способность «повелѣвать», что для военнаго человѣка далеко не лишнее.

В училищѣ, впрочем, моя способность повелѣвать выражалась в полнѣйшем спокойствіи, когда другіе, пожалуй, стали бы суетиться. Напримѣр, рота юнкеров или младшій курс долго не выстраивается, шумит и прочее. Я стою неподвижно и смотрю издали неопредѣленно — поверх голов и должно быть каждый мог думать, что я смотрю на него. Все успокаивалось очень быстро и тогда я распоряжался или командовал, или объяснял что-нибудь. Вспоминаю, что в корпусѣ — единственный офицер-воспитатель, которому не устраивали кадеты какой-нибудь неприятности (полк. Иванов) импонировал кадетам своим сонным, непоколебимым спокойствіем; каждый знал, что его не

прошибешь и за это его уважали. Дѣти только и хотят проявить свои силы хотя бы в том, чтобы вывести взрослого из равновѣсія. Да и не одни дѣти.

Фельдфебелем в нашей государевой ротѣ был назначен скромный и невзрачный Леваневскій. Он не долго удержался на своем высоком посту. Его смѣстили за то, что он допустил куреніе в своем присутствіи там, гдѣ курить не разрѣшалось.

Выходили из классов и спускались по лѣстницѣ. Наш курсовой офицер штабс-капитан Гамбургцев, красивый чрезмѣрно и элегантный, подзывает меня к себѣ и поздравляет с производством в старшіе портупей-юнкера. Я благодарю и ничего не понимаю. «Вы назначаетесь фельдфебелем роты Его Величества». Это было для меня, как снѣг на голову. Затѣм было сказано нѣсколько похвальных слов моему такту. Позднѣе я слышал разговор другого офицера — Мельникова, который говорил своему собесѣднику обо мнѣ: «И имя, и отчество, и фамилія все уж дѣйствительно чисто русское».

Встрѣчаю прибывших. Вот они молодые люди со всѣх краев нашей ма-тушки Россіи: сибиряки, туркестанцы, москвичи... и, наконец, родные тифли-цы, принесшіе с собой всѣ свѣжія новости Кавказа. У каждой группы кадет, пріѣзжих из далеких краев, была своя собственная «лінія», свой даже жаргон, своя особенность и, конечно, общая корпусная дружба. И чѣм дальше от Петербурга были их родные корпуса, тѣм крѣпче спаяны были друг с другом кадеты. Наши тифлисы и молодые и старые, как родные обрадова-лись моему высокому назначенію и как бы гордились этим.

Особенно близко к сердцу они принимали тѣ случаи, когда мнѣ представ-лялась честь рапортовать Государю или ѣздить во дворец, чтобы принести поздравленія Государю и Императрицѣ в день Пасхи. Кромѣ поздравленій Их Величествам, я ѣздил на Пасху со своим ротным командиром, капитаном Герцьком, в Мраморный Дворец поздравлять нашего любимаго Начальника военно-учебных заведеній Великаго Князя Константина Константиновича и его супругу Великую Княгиню Елизавету Маврикіевну. В обоих случаях я получил чудесныя фарфоровыя, украшенныя богатыми бантами, пасхальныя яйца. Всѣ тифлисы любовались ими, когда я принес их в нашу чайную комнату, гдѣ меня спрашивали о подробностях моего путешествія во дворцы.

Не столько занимали их вопросы богатства украшеній дворцов или ко-личество дворцовых лакеев. Мои слушатели, юнкера, интересовались, не ска-зал ли чего-нибудь значительнаго Государь или Великій Князь, и какое вы-раженіе лица было у них и у Государыни или у Великой Княгини. На всѣ эти вопросы надо было отвѣчать, но еще подробнѣе, конечно, был мой раз-сказ послѣ моей поѣздки в Царское Село весною 1901 года для поздравленія Государя со днем рожденія.

Это было большое событіе и для всего училища и для меня лично. К этому дню я уже был произведен в фельдфебеля и смѣнил свои три бѣлыя нашивки на погонах на одну золотую, и вмѣсто юнкерскаго тесака у меня через плечо висѣла почти офицерская шашка, а вмѣсто безкозырки была фуражка с черным козырьком. Я отправился с командиром роты Его Вели-чества по царской вѣтви царскосельской желѣзной дороги. Поѣзд был весь занят генералами и офицерами, приглашенными для приношенія поздравле-ній Их Величествам.

И для cadaго из ѣдущих нашлись мѣста в дворцовых экипажах, ожи-давших нас на дворцовой станціи по пріѣздѣ в Царское Село. Ъхать в дворцо-

вом экипажѣ с расшитым золотом кучером по великолѣпным царскосельским дворцовым паркам и не слышать ничего, кромѣ пѣнія птиц, было большим удовольствіем.

И вот чудесный Екатерининскій дворец с великанами каріатидами, поддерживающими своды. В залах множество, может быть около семи сот, генералов, придворных чинов и офицеров. Только лишь небольшая часть их помѣстилась в дворцовой церкви. Я уже обратил вниманіе на золотые церковные купола в той части дворца, которая примыкает к Пушкинскому Лицею, отдѣляясь от лица только легкой аркой, в которой устроен коридор... Все это я отчасти знал по рисункам и фотографіям, а отчасти успѣл уже замѣтить, когда мы подъѣзжали ко дворцу.

Итак, по окончаніи богослуженія, мнѣ было видно, как предшествуемый церемоніймейстером, кажется Гендриковым, Государь и вся царская семья идут и занимают мѣста в одной из ближайших к церкви зал.

К Государю и Императрицѣ стали подходить старшіе, начиная с Императорской фамилии и придворных чинов, генералов и офицеров. Впереди меня шли представители Пажескаго Корпуса: командир роты и камер-паж Манвелов. Послѣ капитана Герцыка подошел я и послѣ поздравленія получил из рук Государя так называемый «Золотой Рубль». Величина монеты, которую можно было получить только из царских рук, равнялась точно нашему рублю, но золото вѣсело гораздо больше серебра и на монетѣ была надпись: два с половиной имперіала золотом. Имперіал золотом стоил 15 рублей. Так что вся монета стоила 37 с половиной рублей. Когда Государь давал эту монету, он привѣтливо смотрѣл мнѣ в глаза и сказал: «Вы можете мѣнять эту монету». Я отвѣтил: «Ниѣкак нѣтъ, Ваше Императорское Величество!» Эта монета осталась у меня до сих пор, несмотря на бѣды и нужды, которыя произошли.

Когда я написал домой обо всем этом, то мама сейчас же отвѣтила мнѣ кратко: «С Суворовским Рублем, дорогой Олешенька!»... Оказывается, мама хорошо знала, как Суворов, стоя на часах у этого же Екатерининскаго дворца, получил из рук Екатерины Великой серебряный рубль. Как это трогательно было получить такой привѣт от мамы.

Весенній парад на Марсовом полѣ в этом году для меня был болѣе отвѣтственный, потому что послѣ прохожденія церемоніальным маршем мимо Государя, я должен был выйти в ту сторону, гдѣ Государь, и в концѣ парада рапортовать Государю. Рапорт я знал, конечно, отлично, но от того ли, что на меня были устремлены взоры громадной толпы, или от чего другого, я сдѣлал небольшую ошибку в словах. Всѣ, конечно, сдѣлали вид, что не замѣтили, а может быть и впрямь не замѣтили, потому что я говорил безостановочно и громко, но сам я сгорѣл от стыда и долго еще потом считал, что это был едва ли не самый неудачный день моей жизни.

С каким нетерпѣніем и с каким волненіем мы, юнкера военных училищ, ожидали дня производства в офицеры.

С тѣх пор как я являлся в Стрѣлковый Его Величества батальон и представлялся командиру батальона полковнику князю Трубецкому и адъютанту поручику Зволянскому и затѣм ужинал в батальонном собраніи со всѣми офицерами, я стал чувствовать себя как бы членом этого славнаго батальона. Этот мой первый визит был всего лишь за двѣ-три недѣли до моего производства в офицеры. Эти недѣли еще надо было терпѣливо выждать. Впрочем, время тогда шло довольно быстро.

Фельдфебель роты Его Величества (1901).

Наши портные, у которых мы заказывали себѣ форменную одежду, кажется, знали и говорили нам больше о нѣкоторых традиціях полков, чѣм наши курсовые офицеры.

Говоря о портных, можно упомянуть, что сам по себѣ выбор портного был нелегкой задачей и в этом выборѣ проявлялся прирожденный вкус каждаго из нас. К сожалѣнію в нашей арміи как-то не было строго установленных оттѣнков сукна и нам портные предлагали на выбор нѣсколько цвѣтов темно-зелено-синяго, так называемаго «царскаго» цвѣта сукна для сюртуков и мундиров, брюк и шаровар, а также нѣсколько оттѣнков сѣраго сукна для пальто. Хорошо еще, что наше красивое золотое шитье на мундиры дѣлалось, насколько я знаю, только лишь в одной золотошвейной. Хоть в этом не было никакого разнообразія.

Фуражки мы заказывали у лучшаго шапочника гдѣ-то около Казанскаго Собора. Фуражка наша не должна была быть так сказать «прямолинейна», то-есть не должна была выглядѣть черезчур новой.

Мундиры гвардейских стрѣлков по правилам были чуть длиннѣе, чѣм в остальной гвардіи, а сосѣдній четвертый стрѣлковый Императорской Фамиліи батальон удлинял свои мундиры значительно больше и фасон этих мундиров отличался от остальных батальонов. Шаровары у наших батальонов были нѣсколько шире и сапоги довольно высокіе, в складку, не твердыя голенища. Наши барашковыя шапки мы носили так же, как и наши стрѣлки, даже и лѣтом, при лѣтней формѣ при кителях. Этой маленькой особенностью мы как-то невольнo гордились, так же, как отсутствіем барабанов, замѣненных лихими фанфарами по образцу итальянских берсальеров.

Многія из этих подробностей стали мнѣ извѣстны лишь послѣ нашего производства в офицеры. Счастливыя день! По окончаніи больших маневров в окрестностях Краснаго Села, юнкера старших курсов всѣх военных училищ выстроились громаднѣм прямоугольником. Это было в началѣ августа 1901 года. Памятнѣй день! Государь своим ясным громким голосом сказал нам свои пожеланія удачной доблестной службы и в заключеніе произнес: «Поздравляю вас всѣх офицерами!»

Ура! Наконец-то мы на самостоятельном, отвѣстном пути!

В Петербургѣ в это время бывало много разговоров о бурных и веселых, будто бы традиціонных, кутежах в дни послѣ производства в офицеры. Однако ни мои близкіе друзья, ни я в них не участвовали.

Я сразу же явился в Царское Село, чтобы представиться командиру батальона и, не застав его дома, в тот же день поѣхал в Кіев.

ГЛАВА IX

Царское Село. Вступленіе в Стрѣлковый Его Величества батальон (1901). Поѣздка на Соловки. Служба в батальонѣ. Царскосельскіе парады. Фельдфебель Капустин. Высочайшій завтрак. Объявленіе войны (Январь, 1904). Крещенскій парад (1905). Открытіе Думы (1906). Генералы Данилов, Лечицкій и Леш.

Судьбѣ было угодно, чтобы я вышел в офицеры в стрѣлки Его Величества, в Царское Село, в 1901 году. Но мой первый пріѣзд в этот город был годом раньше и был очень торжественным и официальным, о котором, впрочем, я уже писал. Тогда я, как фельдфебель Государевой Роты Павловскаго военного училища, был командирован для принесенія поздравленій Государю в день его тезоименитства. Я видѣл тогда чудесные парки и великолѣпный Екатерининскій Дворец. Городскія улицы были видны из дворцоваго экипажа только мельком, но все вмѣстѣ взятое оставило у меня сильное впечатлѣніе... Я никак не представлял себѣ, что буду здѣсь жить в теченіе четырнадцати-семнадцати лѣтъ, что для меня и моей семьи Царское станет «нашим» городом.

Но вот, в один из сентябрьских дней я снова пріѣхал в Царское Село. На этот раз меня встрѣтили довольно пустынные улицы. Извозчик везет по аллеям мимо парков и дворцов... В воздухѣ та особая свѣжесть и прелесть царскосельскаго воздуха, которую не передашь словами, но которая запоминается, как нѣчто главное. И еще главное для меня — новоиспеченнаго офицера — какая-то «индивидуальность» царскосельскаго гарнизона. Вот ѣдет на простом извозчикѣ гусар в красной, как огонь, помятой фуражкѣ; вот Императорскій стрѣлок в барашковой шапкѣ с ополченским крестом. У офицера в руках трость и за ним бѣгут две таксы. Никакого оружія. Шашка оставлена дома и мнѣ показалось, что есть что-то общее с Царским Селом и далеким Боржомом, гдѣ мы тоже ходили с тросточкой в руках. Так и тут — курорт, дачное мѣсто.

*Смуглый отрок бродил по аллеям
У озерных глухих берегов
И столѣтіе мы лелѣем
Еле слышный шелест шагов.*

Эти слова Ахматовой были написаны позже, но чувствовались они и тогда.

Мое появленіе в батальонѣ было осенью, когда стрѣлки Его Величества вернулись с маневров и многіе офицеры были в разѣздѣ, в отпуску. Батальонная жизнь шла своим спокойным порядком. Перед своим пріѣздом, я представлял себѣ, что увижу красивыя, но может быть не очень уютныя, казармы, и что же я увидѣл? Ряд скромных дощатых построек, тянущихся вдоль по Павловскому шоссе и заросших деревьями. Строенія были чистенькія, но и цвѣт их и конструкція были чрезвычайно скромными, непоказными.

Да и весь уклад офицерской жизни мнѣ показался совѣм своеобразным, также по-своему скромным, и это мнѣ очень понравилось: какая-то другая, непоказная жизнь чувствовалась в нашем Государевом батальонѣ. Я бы сказал, в ней был свой, пожалуй, внутренне аристократическій отгѣнок, без бахвальства, без ежедневно парадной стороны.

Обычно офицеры, выходявшіе в Стрѣлки Его Величества до 1901 года, не получали сразу батальонной формы, а сначала, в теченіе года, считались прикомандированными. В 1901 году это правило было измѣнено и я, произведенный в 1901 году, первый получил право надѣть нашу форму сразу же по производствѣ.

Младшіе офицеры, особенно обрадовались моему пріѣзду, ибо они дежурили по батальону через два дня в третій. Кромѣ того, кое-кто собирался в отпуск. Младшіе офицеры в это время были: Олсуфьев, Грундт, Ганскау, Рогуля. Три послѣдних из Пажескаго корпуса. Кромѣ них, из пажей был поручик Зволянскій, батальонный адъютант. Еще был Тишин, но он уже был прикомандирован к штабу бригады. Пажи отличались тѣм, что продолжали поддерживать корпусную дружбу и поэтому в полковом собраніи частенько появлялись их сверстники Императорскіе стрѣлки и гусары. В сосѣдном кирасирском полку пажей было мало.

Ротные командиры были: роты Его Величества капитан Транковскій; второй роты капитан Веревкин, третьей роты капитан Гольмберг и четвертой, куда я был зачислен, капитан Рейтерн.

Завѣдующій хозяйством капитан Паландер. Доктором был Пунин. Капельмейстером Сабателли. Гольмберг и Паландер были из Финляндскаго кадетскаго корпуса. Вот, кажется, и весь небольшой состав нашего батальона.

Мнѣ отвели комнату на третьем этажѣ Малиновской дачи, гдѣ жило большинство наших офицеров. Рядом поручик Ганскау, который был «хозяином» офицерскаго собранія. Грустно вспомнить, что он как-то запутался в своих карточных и «собранных» дѣлах и не нашел ничего лучшаго, как покончить с собою...

По сосѣдству со мной поселился подпоручик Гебель, а в сосѣдней квартирѣ другой мой пріятель и однокашник по Павловскому военному училищу — Мешетич. Оба они, и еще поручик Гловацкій, были моими ближайшими друзьями и всѣ они в будущем погибли на войнѣ.

Меня назначили младшим офицером в четвертую роту, командиром которой был капитан Георгій Александрович Рейтерн, или, как его звали попросту, Боби Рейтерн. Это был очень спокойный, мало подвижной и мало разговорчивый человек, добрый товарищ. Вскорѣ я, впрочем, был переведен в роту Его Величества к капитану Федору Николаевичу Транковскому.

28 ноября (1901) я писал по этому поводу домой:

«Сегодня я совершенно для себя неожиданно узнал, что меня переводят в роту Его Величества. Не знаю — радоваться или печалиться. С одной стороны, это очень лестно, но я уже привык к своей скромной 4-й ротѣ, познакомился с офицерами, заинтересовался новобранцами, но «убытки», как выражается кто-то у Чехова, «будут».

Были у меня на днях Коля и Ольга Александровна. Привезли «хлѣб-соль».

Сегодня новый наш командир бригады генерал Скарятин был в батальонѣ.

С нетерпѣніем ждем папу».

Мой новый командир капитан Транковскій был женат и охотно принимал у себя дома офицеров. На Малиновской жили еще женатые поручик Зволянскій, женатый на Софьѣ Васильевнѣ Козловой, очень интересной дамѣ. Затѣм подпоручик Рогуля, женившийся на молодой директрисѣ одной из петербургских гимназій. В нижнем этажѣ жил командир батальона полковник, вскорѣ произведенный в генералы, князь Николай Андреевич Трубецкой, женатый на красивой аргентинкѣ Изолинѣ, очень свѣтской и пріятной дамѣ.

Еще в батальонѣ был поручик барон Таубе, но он выдержал экзамен в юридическую военную Академію и мы его видѣли довольно рѣдко. Он жил в деревянном офицерском флигелѣ, рядом с квартирой капитана Веревкина, который обитал там вмѣстѣ со своей сестрой Лидіей Федоровной, весьма начитанной и интересной собесѣдницей.

Когда я прибыл в батальон, генерал Огарев лишь недавно сдал батальон полковнику князю Трубецкому, Николаю Андреевичу, бывшему кавалеристу нижегородцу и офицеру генеральнаго штаба.

Говорят, что когда Трубецкой явился Великому Князю Владиміру Александровичу послѣ своего назначенія, то Великій Князь будто бы сказал ему в видѣ привѣтствія: «Батальон настолько хорош, что даже вы его не испортите!»

Когда в будущем я возвращался из Тифлиса, мой сосѣд по купѣ, нижегородец Кобіев, рассказывал, что когда Трубецкой был в Нижегородском полку, то он еще настолько плохо знал русскій язык, что командуя эскадронном, держал в руках строевой устав и читал: «эскадрон аллюр марш», вмѣсто того, чтобы сказать — какой аллюр.

Но у нас в Царском Селѣ Трубецкой говорил по-русски вполнѣ хорошо. У него были другія странности и какая-то не подходящая для командира скромность. Конечно, в полках очень много зависит от полкового, в данном случаѣ, батальоннаго командира, но наш князь Николай Андреевич был настолько скромнѣе, что едва ли он мог очень вліять на нашу батальонную жизнь. Мой друг подпоручик Павел Владимірович Карсаков, вышедшій к нам вскорѣ послѣ меня и послѣ А. Н. Мешетича, шутя сравнивал нашего командира с князем Мышкиным у Достоевскаго. Зато полковой адъютант поручик, вскорѣ произведенный в штабс-капитанскій чин, Николай Эрастович Зволянскій, несомнѣнно отражал жизнь батальона и даже незамѣтно направлял эту жизнь. Он был дружен едва ли не со всѣми штабными адъютантами и был в хороших отношеніях с начальником бригады, сначала генералом Скарятиним, а затѣм с генералом Дельсалем. Зволянскій был в дружбѣ со всѣми офицерами, а его жена поддерживала дружбу с полковыми дамами. Да и мы, холостые офицеры, рады были заходить к Зволянским «на огонек», гдѣ за чашкой чая вели бесѣды на самыя разнообразныя темы.

Я забыл сказать, что старшим полковником, когда я вышел в батальон, был полковник Федор Николаевич Генюк. Мы, молодые офицеры, с уваженіем смотрѣли на его шашку, на которой красовался анненскій красный темляк, а на эфесѣ-рукояткѣ шашки была надпись: «За Храбрость». Мы думали, будет ли у нас когда-нибудь такая надпись? Полковник Генюк вскорѣ получил полк и оставил нас, но еще успѣлъ отпраздновать с нами 25-лѣтіе Правецкаго боя, 11 ноября 1902 года. Празднованіе этого дня прошло очень торжественно. Мы ждали, что пріѣдет к нам Государь, но он был в это время в Ливадіи. От генерала Васмунда, который был в отъѣздѣ, была получена телеграмма, которую мы прослушали с уваженіем и восторгом и которую я до сих пор

помню наизусть: «Уношусь мысленно в четвертьвѣковую даль прошлаго, вижу до мельчайшихъ подробностейъ всѣхъ перипетій славнаго Правецкаго боя, в которомъ чудныя государевы стрѣлки доказали міру, что для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго».

Генерал-майоръ Георгій Робертъвичъ Васмундъ былъ командиромъ нашего батальона во время турецкой войны и получилъ орденъ святаго Георгія — завѣтная мечта каждаго изъ насъ. В наше время Васмундъ былъ начальникомъ штаба у командовавшаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа Великаго Князя Владиміра Александровича. В послѣдствіи этотъ постъ занималъ отецъ нашего офицера Мешетича.

Мы съ Мешетичемъ были сверстники по Павловскому военному училищу и большіе пріятели. Оба мы восторгались Васмундомъ, и какъ-то однажды, когда генералъ посѣтилъ нашъ батальонъ и обѣдалъ съ нами, мы рѣшили сказать ему что-нибудь пріятное и не нашли ничего лучшаго, какъ при нашихъ словахъ поднести ему красивую розу. Васмундъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на насъ и в раздумьи сказалъ: «Пожалуй!» — и принялъ цвѣтокъ. Все это было, кажется, послѣ нѣкотораго возліянія съ нашей стороны. Васмундъ почти ничего не пилъ.

*

В первый же годъ, в первую же зиму моего пребыванія в батальонѣ, пріѣхалъ къ намъ Государь. Какая простота во всемъ: и в одеждѣ, и в обращеніи, и в разговорахъ, и в окруженіи. Окруженіе, собственно говоря, никакого и не было. Не было видно даже обычной «охраны», то-есть тѣхъ унылыхъ штатскихъ людей, которыхъ иногда мы встрѣчали в паркахъ или на улицахъ. Государь былъ в формѣ нашего батальона. Если бы не двойные вензеля на его полковничьихъ погонахъ и не золоченые аксельбанты, то по формѣ его можно было бы принять за одного изъ нашихъ офицеровъ.

Я былъ представленъ Государю, какъ недавно произведенный в офицеры, и Государь вспомнилъ, что я былъ фельдфебелемъ его роты в Павловскомъ училищѣ. Память у него была великолѣпная, но тутъ еще помогло, конечно, что я не такъ давно получилъ изъ его рукъ «золотой рубль», здѣсь же в Царскомъ Селѣ в день его рожденія. А раньше, на Марсовомъ полѣ и в Красномъ Селѣ на Военномъ полѣ, я рапортовалъ ему послѣ парада: «Ваше Императорское Величество! В ротѣ Вашего Императорскаго Величества юнкеровъ состоитъ сто десять. В ротѣ никакихъ происшествій не случалось». Кромѣ того, в первый же день Пасхи я, какъ и другіе фельдфебеля роты Его Величества всѣхъ шефскихъ полковъ и Пажскаго корпуса, христосовался съ Государемъ.

По всей вѣроятности Государь помнилъ все это и благосконно, какъ старому знакомому, кивалъ мнѣ головой и улыбался. Спросилъ меня в какую роту я назначенъ? Затѣмъ рѣчь пошла о злободневномъ событіи, о кончинѣ нашего недавняго еще и любимаго командира генерала Огарева, близкаго къ Государю по Преображенскому полку. — «Онъ погибъ в результатѣ своего стремленія похуодѣть. Я говорилъ ему, что эти лѣкарства лишь повредятъ ему». Такъ сказалъ Государь и видно было, что онъ опечаленъ отъ всей души и дружескія чувства у него очень крѣпкія и постоянныя. Вѣдь Огаревъ былъ у него в первомъ батальонѣ Преображенскаго полка, когда Государь, будучи Наслѣдникомъ, командовалъ этимъ батальономъ.

Кромѣ того, Огаревъ былъ такой человѣкъ, съ которымъ было легко подружиться. Одною изъ его особенностей было знаніе и умѣніе разсказывать безъ

конечное количество анекдотов, причем он не стѣснялся присутствіем дам.

Государь в сопровожденіи командира и офицеров обошел все огромное расположеніе батальона, зашел в недавно построенный тир и выстрѣлил из солдатской винтовки пять патронов, заходил на кухню, гдѣ готовился обѣд, на хлѣбопекарню и, наконец, пришел в наше офицерское собраніе, гдѣ всѣм было предложено по стакану чая или вина. Но Государь уже должен был ѣхать к себѣ во дворец. Он обратился к нам, к офицерам, со словами благодарности за службу, за порядок в «Его» батальонѣ. Я не помню точных слов его, но хорошо запомнил послѣднія слова: — «Я у вас в первый, но далеко не в послѣдній раз».

Мы вышли провожать своего Шефа на наш очень скромный подъѣзд деревяннаго строенія, гдѣ помѣщалось наше офицерское собраніе. Напротив через улицу здѣсь тянется такой же сѣрый деревянный некрашенный, или очень ужѣ давно покрашенный, забор мѣстной Софійской пожарной команды, а за ним пожарная каланча. А влѣво от подъѣзда собранія — зданіе-квартира мѣстнаго воинскаго начальника полковника Зубинскаго... Вспоминаются всѣ эти детали должно быть потому, что был какой-то своеобразный уют в этих одноэтажных деревянных зданіях, растянувшихся вдоль по Павловскому шоссе чуть ли ни на цѣлую версту. Павловское шоссе утопало в зелени, а за ним виднѣлся чудесный парк.

Осенью в одном из петербургских манежей происходила так называемая «разбивка», или разверстка новобранцев, дѣлаемая командиром гвардейскаго корпуса, который мѣлом отмѣчал на одежѣ каждаго новобранца — в какую часть гвардіи он назначается. Нѣкоторыя традиціи обычно при этой разбивкѣ соблюдались: рослые люди попадали в Преображенскій полк или в гвардейскій Экипаж, кѣрносые в Павловскій полк, коренастые блондины в стрѣлки.

В полку, по прибытіи новобранцев, командир распредѣлял всѣх по-ротно, рослых людей назначали в роту Его Величества, маленьких в четвертую роту.

Надо сказать, что всѣх новобранцев встрѣчали очень привѣтливо. Стрѣлки сами вспоминали то время, когда они были новобранцами и старались своим добродушіем скрасить первыя впечатлѣнія службы.

Служба наша заключалась главным образом в обученіи новобранцев и старослужащих стрѣльбѣ, военному строю, грамотѣ, немного гимнастикѣ, караульной службѣ и, конечно, маневрам. Совершенно особое положеніе было с так называемым «словесным обученіем». Я старался в эти часы просто бесѣдовать со стрѣлками на военныя темы, но многія поручали эти занятія фельдфебелям или унтер офицерам, которые сводили эти занятія на зубрежку малопонятных слов. Напримѣр: «Солдат — это имя знаменитое, его носит и первѣйшій генерал и рядовой».

Во всѣх пѣхотных, а частью и кавалерійских частях, лагерный сезон начинался усиленной подготовкой к стрѣльбѣ. Но у нас в Царском Селѣ было свое стрѣльбище и поэтому наши три стрѣлковых батальона выходили на лагерный сбор в Красное Село значительно позже. Наши лагерные участки в Авангардном лагерѣ, рядом с Павловским училищем, долгое время стояли пустыми. А третій стрѣлковый Финскій батальон приходил из Финляндіи еще позже. Это были очень своеобразные, коренастые, довольно угрюмые люди, совершенно не говорившіе по-русски, но мы им очень симпатизировали и это выражалось главным образом в маленьких пирушках. Вспоминается рассказ, как наш Боби Рейтерн всю ночь просиживал со Спооре, офицером финскаго

батальона. Они молча опустошали свои стаканы с вином, произнося только: «Скооль, Боби! — Скооль Спооре!» А на разсвѣтѣ, когда пора уже была расходиться, слышно было, как Спооре говорил своему другу: «Подожди, Боби! Поговорим еще!»

*

Мы, офицеры, не только учили хорошо стрѣлять своих стрѣлков, но и сами старались подавать им примѣр. Раз в недѣлю мы стрѣляли в тирѣ в особую, «офицерскую», круглую мишень, и лучшіе из нас по стрѣльбѣ посылались на состязаніе всѣх гвардейских пѣхотных полков, — зимою в тирѣ лейб-гвардіи Семеновскаго полка, а лѣтом на Стрѣльбищѣ. Лучшіе по стрѣльбѣ получали призы в 200 и 100 рублей и кромѣ того золоченый бронзовый значек с царским вензелем, который мы получали из царских рук в Красном Селѣ, послѣ знаменитых Красносельских скачек. Я получил такіе призы два раза, и два золоченых значка украшали мою шашку, чѣм я очень гордился.

Когда я получил за призовую стрѣльбу деньги, я стал подумывать — как их употребить, и строил всевозможные планы. Нѣкоторое сходство было с той порой, когда я, кончив кадетскій корпус, имѣл в своем распоряженіи именно такую же сумму — 100 рублей, поѣхал в Западную Европу. И так же, как в 1899 году, моим любимым теперь занятіем было разсматривать географическую карту, мысленно путешествуя по самым мало извѣстным краям.

В нашем батальонѣ батальонный праздник был 17 апрѣля, в день святых Зосимы и Савватія соловецких чудотворцев: это потому, что в этот день было рожденіе Александра Второго, основателя батальона.

Случилось так, что офицеры меня выбрали завѣдующим батальонным «музеем». Мнѣ показалось, что надо бы посѣтить Соловецкій монастырь, чтоб хоть один человѣкъ из числа офицеров батальона побывал там. Я купил у Суворина в Петербургѣ маленькую книжку, нѣчто вроде бедкера-путеводителя по сѣверу Россіи, составленный бывшим архангельским губернатором, кажется — Островским, и с упоеніем стал изучать эту книжку.

Обычно, каждый из нас офицеров мог рассчитывать на двадцативосьмидневный отпуск по окончаніи маневров. По моим расчетам за это время я мог бы успѣть побывать и в Соловках и у своих на хуторѣ. Я отправился в путь по желѣзной дорогѣ через Ярославль, гдѣ впервые увидѣл Волгу и любовался старинными многоглавными церквями, затѣм через Вологду в Архангельск и парходом в Соловки.

Какое необыкновенное, пожалуй даже сказочное, впечатлѣніе было от этих старинных крѣпостных стѣн вокруг обители: будто сказочные великаны, а не люди уложили огромные камни один на другой. А собор величавый, а монахи работники усердные и трудолюбивые... Все здѣсь дышало стариной и глубокой вѣрой. Я узнал, что здѣсь много временных послушников, из числа моряков-рыболовов, чудом спасшихся от гибели в морѣ и давших обѣтъ «год поработать на святых Зосиму и Савватія». А работ очень много. Есть даже оранжереи, есть кожевенный завод, рыбные промыслы, иконописная мастерская, огороды.

Перед отъѣздом из монастыря я побывал у отца архимандрита-настоятеля и получил благословеніе и для батальона, и для меня.

Потом я успѣл побывать у родных на хуторѣ. Какая самоотверженная

жизнь у мамы, да и у отца. Брат мой, Иван Иванович, в это время женился на сестрѣ Мишинаго гимназическаго товарища Вячеслава Флоринскаго, который уже стал практикующим врачом в Кіевѣ.

Когда я вернулся в батальон, жизнь потекла привычным ходом. Дежурства по батальону, караулы при большом Екатерининском Дворцѣ. Эти караулы назначались в то время, когда Государь находился в Царском Селѣ. Но Государь теперь так полюбил Царское Село, что рѣдко уѣзжал куда-нибудь в Ливадію, в Петербург, или в Петергоф.

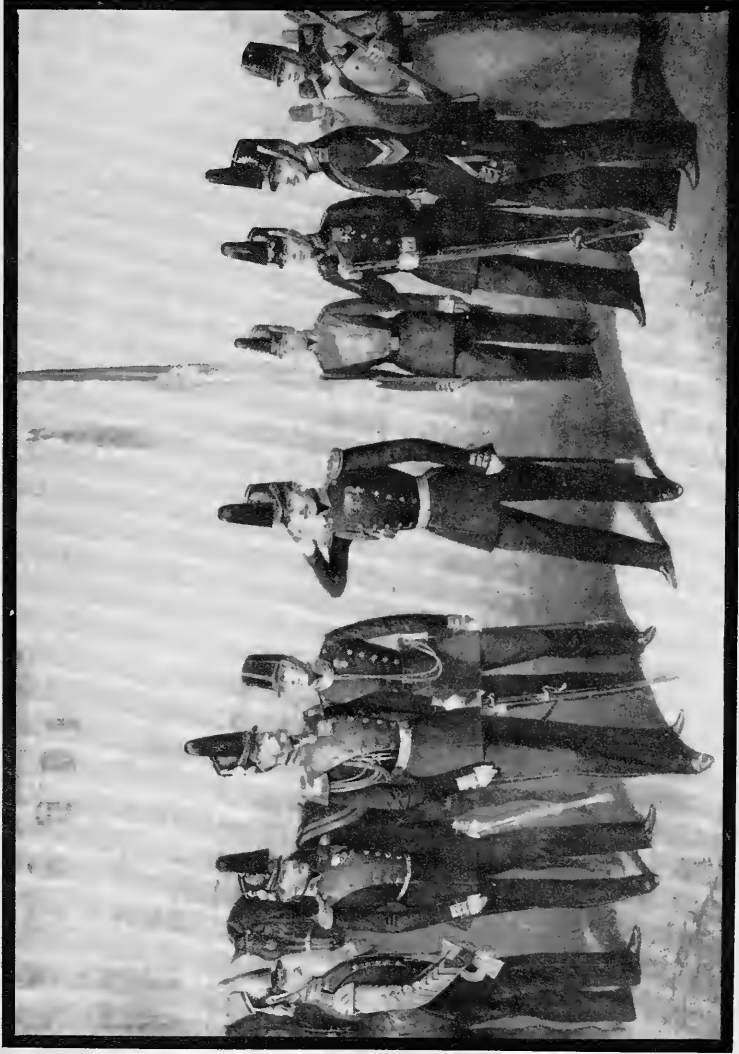
Иногда приѣзжали иностранные принцы, или короли. Тогда из одного из батальонов назначался почетный караул, который маршировал на царскій вокзал для встрѣчи, и этот маленькій поход мы в шутку называли «крестовым походом», потому что обычно мы получали за него иностранные ордена. Я получил таким образом черногорскій бѣлый крест, французскій — «Черной Звѣзды» и очень красивый саксонскій на зеленой лентѣ.

Я в это время был уже в болѣе высокой должности рунда, офицера, объѣзжающаго и провѣряющаго всѣ наши караулы не только у дворцов, но и у порохового погреба и у интендантскаго склада. Для объѣзда караулов подавалась наша казенная пролетка. Объѣзжая караулы, мы расписывались в караульной книгѣ. Затѣм мы могли, не раздѣваясь, ложиться спать на удобном дворцовом диванѣ. Большим преимуществом дворцовых караулов были отличные дворцовые завтраки, обѣды и утренній и дневной чай. Все это сервировалось и подавалось стареньким дворцовым лакеем Петром, любившим поговорить и рассказать о далеком прошлом времен Александра Второго и Александра Третьяго.

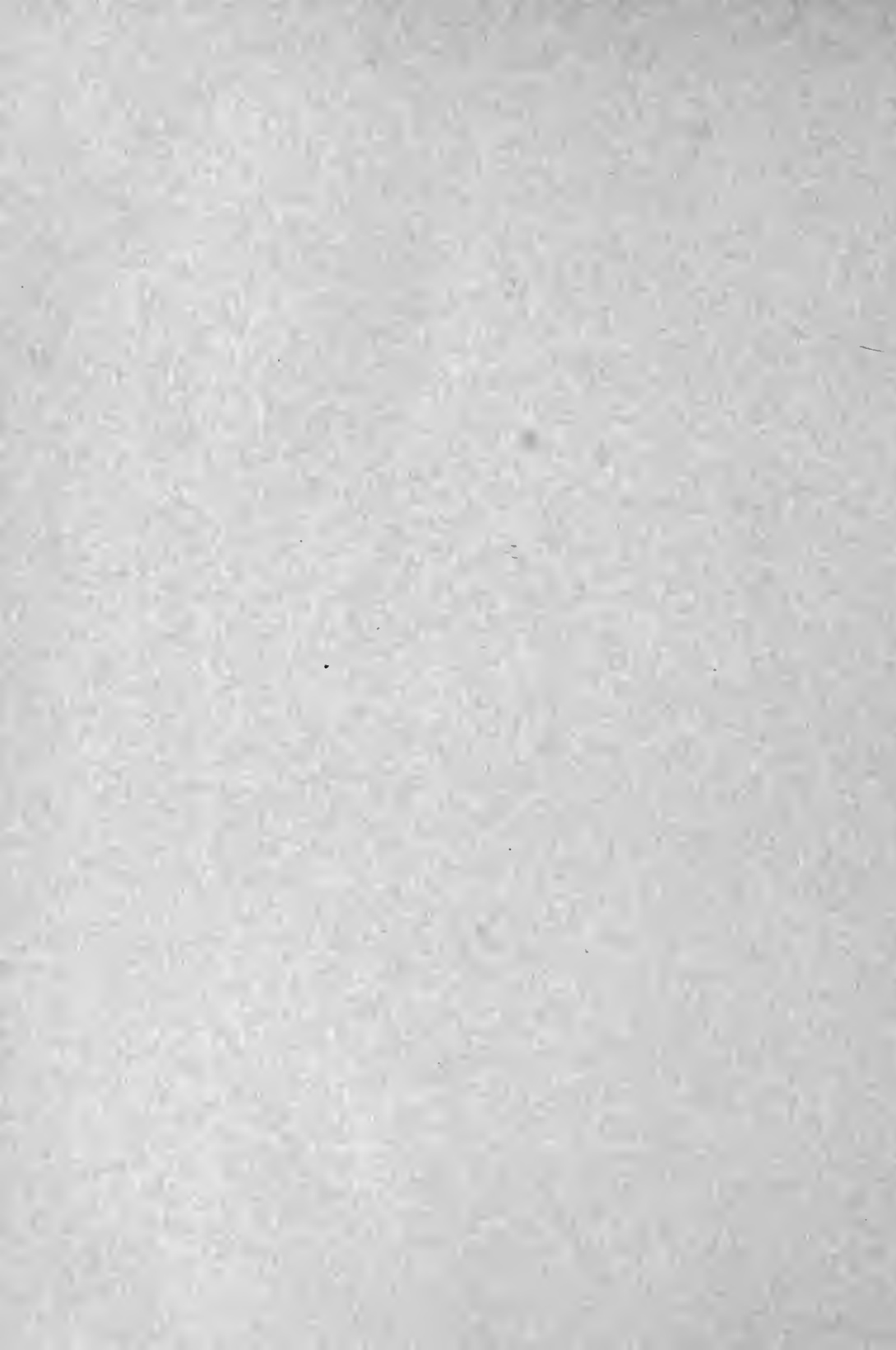
Рѣдко, рѣдко, когда кто-нибудь из царствующаго дома проѣзжал мимо дворца, и часовой звонил два раза. Тогда караул выбѣгал на платформу и караульный начальник командовал: «Слушай, на караул!» и сам тоже салютовал своей шашкой. Особ императорской фамиліи издали наши часовые различали лишь потому, что у кучеров на груди виднѣлись какія-нибудь медали. Когда сѣдоки ѣхали в автомобилѣ, то узнавать было труднѣе. Но тогда автомобилей было еще не много. Иногда и городовые, стоявшіе у ворот, любезно давали знак, что ѣдет кто-нибудь из императорской фамиліи. Иногда наш дворцовый лакей Петр тоже давал знать о предстоящем проѣздѣ кого-нибудь из «высочайших».

У нас была традиція давать от cadaго из караульных офицеров Петру по одному рублю на чай. Это было довольно щедро и обычай этот может быть пошел от гусарских или кирасирских караулов, но мы, стрѣлки, не хотѣли, конечно, отставать от них в щедрости.

Изрѣдка, в нашем офицерском помѣщеніи дворцоваго караула находился чужой гость — арестованный офицер какого-нибудь сосѣдняго полка, и это вносило оживленіе, а иногда было поводом для лишняго стакана вина. Иногда, кто-нибудь из своих полков навѣдывался навѣстить караульных офицеров и приносил с собою маленькія полковныя новости. В таких случаях часовой, стоящій на платформѣ около своей будки, звонил один раз в колокол, вызывая этим караульнаго начальника для разрѣшенія прохода в помѣщеніе. Часовые стояли на своих постах по два часа. Только в очень сильные морозы смѣна часовых производилась каждый час. Пищу наши стрѣл-

«В полковом собраніи у нас находилась старая гравюра того времени. На ней виден был и полковник Гр. Строганов и адъютант штабс-капитан Янковскій».

ки получали из полка, но чай, ситный хлѣб, они получали дополнительно и, кромѣ того, каждый из них получал дополнительное денежное вознагражденіе. В общем, всѣ были довольны.

Иногда случалось, что у Большого Царскосельскаго дворца, на огромном красивом плацу происходили царскіе смотры-парады и тогда наш караул стоял на платформѣ все время на вытяжку и любовался всей церемоніей парада. Под звуки духового оркестра приходили батальоны и полки, а если это был кавалерійскій парад, то эскадроны. Всѣ выстраивались лицом ко Дворцу. На высоком флагштокѣ, над центром этого великолѣпнаго растрельевского дворца, развивался золотисто-желтый с черным двуглавым орлом императорскій Штандарт. Начальство пріѣзжало по очереди по старшинству и здоровалось: «Здорово, стрѣлки!» Или: «Здорово, лейб-гусары!» И отвѣтъ был громкій, единодушній: «Здравія желаем, Ваше превосходительство!» Или «Сіятельство», или «Высокопревосходительство», а затѣм и «Императорское Высочество», и, наконец, уже послѣ нѣкотораго ожиданія, но точно в одиннадцать часов дня у ворот показывался экипаж, гдѣ сидѣлъ Государь с Императрицей и Наслѣдником, а в слѣдующем экипажѣ — Великія княжны. Государь садился на коня, если это был кавалерійскій смотр, а если пѣхотный, то он шел пѣшком и здоровался сначала с многочисленным начальством, выстроившимся на правом флангѣ. На моей памяти здѣсь были вначалѣ Великій Князь Владимир Александрович со своим начальником штаба генералом Мешетичем — отцом нашего офицера, затѣм командир гвардейскаго корпуса Великій Князь Павел Александрович.

У Государя была привычка правой рукой разгладить свой лѣвый ус и пристально смотрѣть в глаза людей. Он идет вдоль фронта и всѣм, даже в дальних рядах, кажется, что он смотрит на каждого из них. Пріятным голосом громко он говорит: «Здорово, стрѣлки!» Отвѣтъ несетя громогласный: «Здравія желаем, Ваше Императорское Величество!», и затѣм еще громче длительное «Ураа». Обойдя весь фронт, Государь поздравляет полк с полковым праздником и полк отвѣчает: «Покорнѣйше благодарим, Ваше Императорское Величество.» Затѣм начинается самая трудная часть парада — церемониальный марш развернутым фронтом по ротню. Здѣсь надо не только хорошо маршировать, вытягивая вниз носки ног, но и держать хорошо равненіе и стройно отвѣчать на привѣтствіе Государя: «Рады стараться, Ваше Императорское Величество».

Маршировали мы за нашим знаменем, которое было вручено батальону в 1856 году, когда из всѣх полков 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи был сформирован наш батальон. В полковом собраніи у нас находилась старая гравюра того времени. На ней видно было полковника гр. Строганова, и адъютанта штабс-капитана Янковскаго и других офицеров того времени.

Зная в то время, как всѣ гвардейскія знамена, было очень красиво с царским вензелем и иконою святых Зосимы и Савватія. Но в мое время, когда я поступил в батальон в 1901 гоу, от шелковаго полотнища уже почти ничего не осталось. Лишь бѣлый эмалевый Георгіевскій крест в центрѣ золотого лавроваго вѣнка и золотой двуглавый орел над ним, сіяли красивым старинным золотом, и говорили нам о прошлой славѣ, о турецком походѣ.

Мы, молодые офицеры, да и не только офицеры, но и стрѣлки, когда смотрѣли на наше знамя, представляли себѣ все, что оно видѣло на своем вѣку и сколько почестей принимало оно. Вѣдь уже три императора отдавали ему честь наравнѣ со всѣми другими офицерами и стрѣлками.

На барашковых шапках у нас над Андреевской звѣздой на золоченой ленточкѣ выгравировано: «За Правец 11 ноября и за Филиппополь 3, 4 и 5 января 1877 и 1878 годов». Длинная трехстрочная надпись, которой мы всѣ очень гордились.

Итак, наше знамя видѣло и Правец, и Филиппополь, и пережило много и славных и трудных дней.

А из живых членов батальона видѣл ли кто-нибудь войну и побѣду? Из офицеров — полковник Генюк, у котораго красиво выдѣлялся на шашкѣ красный Анненскій темляк. И затѣм наш старый знаменщик, сверхсрочный фельдфебель Иван Капустин. Мы с уваженіем смотрѣли на него, как на свидѣтеля живой славы полка и батальона, а Георгіевскій солдатскій Крест на чернооранжевой ленточкѣ вдохновлял и нас и наших стрѣлков к воображаемым побѣдам в случаѣ войны. Об этом Георгіевском Крестѣ Капустина мы, конечно, говорили нашим стрѣлкам на так называемых «словесных за- нятіях».

В обычные будніе дни Капустин занимал скромное мѣсто швейцара на нашей Малиновской дачѣ, гдѣ жил и командир батальона, и большинство наших офицеров. Обязанности его были не многосложны: подмести лѣстницу и указывать пріѣзжающим к командиру батальона лицам, как к нему пройти. Но во время парадов Капустин надѣвал свой новый мундир с нѣсколькими медалями и Георгіевским Крестом и преображался, когда из караульнаго помѣщенія адъютант передавал в его руки наше батальонное знамя, и два молодых офицера, как ассистенты у знамени, шагали рядом с ним впереди всего батальона, предшествуемые лишь трубачами и оркестром духовой музыки.

Капустин был стар и шагал не очень твердо, но на это смотрѣли сквозь пальцы. Ему было уже лѣт пятьдесят, но волосы у него были почти без просѣды.

Когда пріѣзжал в батальон наш боевой командир генерал Георгій Робертович Васмунд, на груди котораго красовался офицерскій Орден святого Георгія, то оба они очень подходили друг к другу благодаря двум равным Георгіевским Крестам... Думали ли мы, гадали ли мы, что через десяток лѣт и наше знамя и мы сами получим другое, куда болѣе суровое боевое крещеніе в міровой войнѣ?... Могли ли мы себѣ представить, что наше знамя вмѣстѣ со всѣм полком чуть-чуть не осталось врагу на кровавых Опатовских полях?...

Но о парадах: послѣ прохожденія церемоніальным маршем, нам, офицерам, приходилось выслушивать отзывы о том, какая рота прошла лучше других и какой из нас офицеров лучше других маршировал. Наши дамы были своего рода знатоки всего этого. Надо сказать, что полковья дамы получали всегда в день полкового праздника приглашеніе присутствовать на парадѣ и получали очень хорошее мѣсто у самаго главнаго дворцоваго подѣзда, гдѣ огромные каріатиды-гиганты поддерживали на своих могучих плечах весь навѣс — балкон над подѣздом. Здѣсь же, почти рядом, стояли Императрица с дочерьми и еще дальше, впереди, стоял Государь с Наслѣдником, оба в формѣ нашего полка. Отступая нѣсколько шагов — в генерал-адъютантской формѣ командующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа Великій Князь Владимір Александрович со своим начальником штаба генералом Васмундом, нашим бывшим батальонным командиром. Впослѣдствіи глав-

нокомандующим, впрочем, стал Великий Князь Николай Николаевич, почти всегда носивший форму гусарского полка.

Послѣ парадов или торжеств, мы, офицеры, приглашались к «Высочайшему завтраку».

В огромном золоченом и полном граціи и тонкаго искусства залѣ, окна выходили в парк и в сторону военного плаца.

Обѣденный стол, покрытый бѣлой как снѣг скатертью, был расположен «покоем», как буква «п», и был богато, по-царски, сервирован серебром и фарфором знаменитаго Императорскаго фарфороваго завода.

Дворцовые лакеи в красных с золотым шитьем камзолах, бѣлых шароварах и бѣлых чулках стояли на своих мѣстах за столом, и было удивительно, как они успѣвали вовремя и пододвигать тяжелые стулья, и наливать в соответствующіе бокалы и рюмки вино, и подавать горячія тарелки со вкусными, артистически выглядѣвшими кушаньями.

Но это все позже. Сначала нѣсколько минут ожиданія, — когда войдет в залу сам Государь с Императрицей и Великими Князьями и княжнами и важными сановниками. Особ императорской фамиліи и важнѣйших сановников мы попросту издали отличали от простых смертных тѣм, что у них через плечо была надѣта голубая Андреевская лента. Один из обладателей этой ленты и ордена святого апостола Андрея Первозваннаго был министр Императорскаго двора граф Фредерикс. Его импозантная, хотя и старая фигура, как-то сразу запоминалась, может быть еще и потому, что он часто находился именно там, гдѣ находился Государь, и как-то чувствовалось, что весь этот образцовый порядок были в значительной степени обязаны его организационному таланту, природному вкусу и преданности царской семьѣ.

В Петербургѣ лучшим из ресторанов, славящимся своей изысканной ѣдой, был ресторан Кюба. Этому же Кюба, продавшему свой ресторан на Морской другому французу и получившему должностю завѣдующаго кухней Их Императорских Величеств, было поручено организовать всю ѣду, всѣ обѣды и завтраки во всѣх Императорских дворцах. И Кюба вполне справлялся с этой колоссальной задачей. Мы это ощущали и в дворцовых караулах, и на торжественных дворцовых обѣдах. Перед каждым прибором всегда стояла красивая карточка с двуглавым орлом и перечнем предстоящих блюд. Особенно вкусно было еще и потому, что было все подано чрезвычайно красиво и всегда на теплых, почти горячих, тарелках. Как все это удавалось дѣлать, когда за столом сидѣло нѣсколько сот гостей, — этого я не могу себѣ представить!

Мнѣ запомнился чудесный, ароматный, свѣтло-розоватаго цвѣта суп биск и варенія небольшая стерляди, положенныя кольчиком и окруженныя красными и зелеными овощами.

Каждая тарелка Императорскаго фарфороваго завода представляла собою цѣлое состояніе. В день Георгіевскаго-Орденскаго праздника, напримѣр, сервировались тарелки и блюда с изображеніем подвигов георгіевских кавалеров, рисованныя первоклассными художниками, и рисунки были обрамлены нарисованными черно-оранжевыми георгіевскими лентами. У нѣкоторых офицеров, знатоков и любителей фарфора, глаза разбѣгались при видѣ этих сокровищ и они тайком, незамѣтно, старались заглянуть на доньшко опустошенной тарелки, чтобы увидѣть вензель Императора Николая Павловича или другого императора.

Тостов почти никогда не было; рѣдко, когда Государь поднимал бокал в честь празднующаго свой праздник полка или высокаго гостя.

Тихая музыка Императорской Капеллы иногда доносилась из сосѣдняго зала.

Если это был день наших батальонных или полковых праздников, то послѣ завтрака мы, офицеры, собирались в сосѣднем залѣ и становились двумя группами: наш лейб-гвардіи 1-й Стрѣлковый Его Величества батальон и лейб-гвардіи 2-й Стрѣлковый батальон. Мы, как близнецы, нераздѣльно праздновали этот день святых Зосимы и Савватія Соловецких чудотворцев.

Минут десять ожиданія и из «внутренних покоев» выходят Государя с Государыней. Пока Государь бесѣдует с нашими офицерами, Императрица говорит с нашими собратьями. Затѣм, минут через пятнадцать, они мѣняются мѣстами и Императрица подходит к нам. О чем идет рѣчь? Это, конечно, болѣе или менѣе зависѣло от Государя, ибо мы знали, что нам задавать вопросы царской четѣ не подобает. Государь вспоминал старых офицеров, успѣхи в стрѣльбѣ батальона, или отдѣльных офицеров... Тут являлся повод для наших охотников — Зволянскаго, Вишнякова и других — рассказать про недавнюю охотничью поѣздку и прочее. У Государя всегда добрые, привѣтливые глаза. С ним легко бесѣдовать и всѣ мы очень довольны этой возможностью.

Когда подходила к нам Императрица, мы всѣ восторгались ея внѣшностью и, конечно, старались понять, разгадать — что она за человекъ? Очень уж много разнорѣчивых мнѣній приходилось слышать от городских и дальнегородных знакомых. Тут представлялась возможность и видѣть и слышать ее лично! Может быть она чуть-чуть стѣснялась вначалѣ и не сразу рѣшала, о чем заговорить. Однако чувствовалось, что она не станет говорить о пустяках. И в самом дѣлѣ — с сосѣдними Царскосельскими стрѣлками она говорила о своем любимом «дѣтищѣ» — о Школѣ Нянь, которую она построила совсѣм недалеко от Второго нашего батальона. Это была, насколько я знаю, первая в Россіи Школа Нянь, столь необходимая для спасенія многих и многих дѣтей. А нас она спросила о наших новых, только что построенных казармах: — не холодно ли в них? Не сыро ли? Высохли ли кирпичи? Сказать по правдѣ, мы сами мало об этом думали и вопрос Императрицы был очень кстати.

Она говорила почти совсѣм без акцента и вообще произвела самое пріятное впечатлѣніе. И как-то грустно было знать, что у нея так много недоброжелательниц, среди так называемаго «высшаго общества», и она об этом знала.

В день полкового праздника, послѣ царскаго парада, то есть во время парада, перед церемоніальным маршем, всегда был молебен в присутствіи Царской семьи перед дворцом. Наш полковой священник, отец Веселовскій, облачался в батальонныя ризы, на которых золотом были вышиты листья кактуса — копія нашего батальоннаго шитья, и вмѣстѣ со священником втораго батальона они служили молебен святым Зосимѣ и Савватію. И сейчас еще, много лѣтъ спустя, будто слышится задушевное пѣснопѣніе батальонных пѣвчих: «Святые отцы наши Зосима и Савватіе, молитесь Бога о нас! Молитесь Бога о нас, святые отцы наши Зосима и Савватіе, яко мы усердно к вам прибѣгаем, скорым помощникам и молитвенникам о душах наших». Перед молебном старшій из начальников подавал команду: «На молитву шапки долой». А послѣ молебна: «Накрыйсь».

В началѣ 1904 года я уже был кандидатом для производства в слѣдующій чин поручика. Я как бы предвкушал третью звѣздочку на своих погонах. Уже было в полку нѣсколько офицеров моложе меня: Гебель, Лебедев, Гловацкій, Чубаров, Голубев...

Жизнь в батальонѣ текла обычным порядком и нам казалось, что и по всей Россіи жизнь течет обычным, прочно установившимся порядком. Нам, офицерам, представлялось, что все благополучно, — да так в сущности и было. Восемь лѣтъ тому назад министерство народного просвѣщенія получало всего-навсего пятнадцать милліонов рублей. А теперь, в 1904 году, оно уже получало сто пятьдесят милліонов! Какой прогресс! А рост желѣзнодорожных сѣтей, добыча угля, золотой запас, — все шло быстрым темпом вперед...

В полку я был избран библиотечарем офицерской библіотеки в нашем офицерском собраніи. У нас была хорошая библіотека, доставшаяся нам вмѣстѣ со столовым серебром от нашего перваго командира батальона графа Строганова. Книжные шкафы занимали всѣ три, даже четыре, стѣны, если считать стѣну с окнами нашей билліардной комнаты. Мы получали разные «толстые» журналы и газеты. «Новое Время» читалось прежде всѣх газет. В этой газетѣ мы рѣдко встрѣчали критику министров и правительства. Газета была правая, но весьма освѣдомленная, серьезная газета. Так нам казалось... Все в Россіи как будто шло «как по маслу». Мы вѣрили в правоту и честность высших начальников и министров и не очень задумывались по поводу их дѣятельности и по поводу каких-то далеких государственных предприятий и планов на берегах Тихаго Океана. Мы гордились величіем Россіи, которая никогда еще не была так велика и сильна.

Я уже упомянул, что у границы Китая, еще в 1900 году, были волненія и Боксерскія возстанія. Мы смутно чувствовали что-то неладное там, за тридевять земель, на берегах далекаго Тихаго Океана. Ходили слухи, что Великій Князь Алексѣй Александрович, а затѣм и адмирал Алексѣев являются участниками в торговых переговорах происходящих на границах Кореи...

Когда Россія получила наконец Порт Артур и Дальній, всѣ мы были довольны, что есть доступ теперь к незамерзающему морю. Стали строить большой город Хабаровск, и инженер Николай Ипполитович Суржин, ѣхавшій туда, сдѣлал предложеніе моей тетушкѣ Марусѣ Кнорринг. Она обвѣнчалась и поѣхала вмѣстѣ с мужем.

Мы не придавали большого значенія газетным сообщеніям о неудовольствіи Японіи по поводу переговоров о Маньчжуріи. Насколько я помню, министр иностранных дѣл или правительство затягивали совѣщанія. Тогда Японія прервала сношенія с Россіей и в ночь на 26 января японскій флот внезапно напал на нашу эскадру. Началась война.

Для того, чтобы присутствовать на торжественном объявленіи войны против Японіи, нѣсколько офицеров нашего батальона были командированы в парадной формѣ в Петербург, в Зимній Дворец. Я был среди них. Уже много раз мнѣ приходилось ѣздить в этот величественный Дворец. Мы, офицеры, командировались сюда на большіе, парадные балы, на водосвятіе в день Крещенія и вот в этот раз на объявленіе войны и молебен о ниспосланіи побѣды.

Как всегда, мы вглядывались в лица Государя и всей Царской семьи, стараясь увидѣть или разгадать, что у них на душѣ и есть ли увѣренность

в том, что все обойдется благополучно и что не надо беспокоиться за судьбу России. Государь был спокоен, или почти спокоен, но он особенно пристально смотрел в лица, в глаза офицеров, как будто стараясь увидѣть в наших глазах и моральную поддержку, и готовность воевать и умереть За Вѣру, Царя и Отечество. Лицо Императрицы было болѣе задумчиво и болѣе озабочено. Великіе князья серьезны или бодры, каждый в своем родѣ. Не помню, был ли среди них Великій Князь Алексѣй Александрович, косвенный виновник войны, судя по частным разговорам среди офицеров... В окна было видно, что почти вся площадь вокруг Дворца покрыта патриотически настроенным народом.

В началѣ войны многіе думали, что «макашек закидаем шапками». В нашем батальонѣ настроеніе тоже было приподнятое. Одно время говорили, что нас пошлют на фронт, но это не осуществилось. По сохранившейся у меня почтовой карточкѣ, я вижу, что писал своей мамѣ 25 мая 1904 года:

Кіев. Куреневка, хутор Пантюхов.

Ея Превосходительству Ольгѣ Николаевнѣ Пантюховой.

...на Восток мы едва ли поѣдем, это Коля сострил — какая-то фантастическая утка.

А было бы славно.

Через семь мѣсяцев — 27 января 1905 года я писал слѣдующее:

Сегодня в годовщину войны ожидаются беспорядки в Колпино, и наши двѣ роты гуда ушли. Тѣм не менѣе, обычный товарищескій обѣд не отмѣнен. Вспоминаю прошлогодній товарищескій обѣд, 27 января, по возвращеніи из Дворца. Тогда мы поднимали бокалы за побѣду и были увѣрены в ней.

Ты знаешь должно быть, что Гриппенберг ѣдет обратно. Говорят, только на 4 дня, рассказать Государю свои планы. Он не был (будто бы) своевременно поддержан Куропаткиным и обидѣлся. Олег.

Всѣ русскіе люди переживали 1904-1905 годы по-своему. Сильныя чувства Миши видны из короткой записки от 1 августа 1904 года в его дневникѣ:

Два дня в бреду... Что-то ужасное мерещится... Тысяча жизней, погибших на «Петропавловскѣ»... Адмирал Макаров... Боже мой, это началось вчера — этот бред!!!

Наш отец страшно возмущался газетами — их пошлостью и бездарностью. Он пишет 12 апрѣля 1905 года:

Масса писателей с совершенно разстроенными нервами, но несомнѣнно искренних и поэтому неизбежно влияющих на толпу, т. е. заразительных, требуют всяких свобод и истерически затрагивают самые основные вопросы жизни государства... Несчастная толпа слѣпа. Справедливо протестуя против многого, она не видит, что исполненна истерических воплей нервно больных людей, ведет к ухудшенію условий их жизни, даже с разбоями, анархией и пр.

Однако вспоминается и окруженіе моего старшаго брата Коли, который завѣдовал фабрикой Жукова и к которому я время от времени заѣзжал. Там были люди, да и жена его принадлежала к этим людям, которые мечтали о переворотѣ, о конституціи, свѣбодѣ слова и о прочих свободах. Я старался

показать, что все это придет, но не сразу, что надо только подождать, но мнѣ не вѣрили.

...Зимній Дворец... «Как много в этом звукѣ для сердца русскаго слилось»... Пушкин писал это про Москву, но нам, петербужцам, особенно послѣ всего пережитаго, можно сказать эти же слова и про петербургскій Зимній Дворец, зародившійся чуть ли не при Петрѣ Великом и выдавшій много на своем вѣку.

Мы, офицеры, приглашались сюда или командировались — не знаю, как выразиться — на большіе балы, когда являлись в парадной формѣ и видѣли весь блеск Императорскаго двора, и дворца и придворных.

На Больших Выходах царской семьи мы с волненіем смотрѣли, как торжественно пара за парой шествовали всѣ, начиная с Государя с Императрицею и Великих князей и княгинь, строго по старшинству в родѣ. Затѣм статсдамы и фрейлины, среди которых бывали и знакомыя лица.

А еще раньше, до производства в офицеры, мы, юнкера, назначались сюда и в почетные караулы и на парады при водосвятии.

Но вот еще одно, теперь уже очень грустное, воспоминаніе о Зимнем Дворцѣ. Зима 1905 года. Мы, офицеры, ѣдем в Зимній Дворец на Крещенскій парад. Торжественно как всегда, пара за парой прошла мимо нас, выстроившихся вдоль огромнаго, кажется, Георгіевскаго зала, процессія, и по лѣстницѣ спустилась для присутствія при водосвятии к Иорданскому подъѣзду.

Мы, офицеры, подождя к огромным окнам, выходящим на Неву, наблюдали, как митрополит со священнослужителями и пѣвчіе Императорской Капеллы заняли свои мѣста около павильона, специально строившагося для таких случаев на льду у проруби, гдѣ предстояло быть водоосвященію.

Затѣм вышли из Иорданскаго подъѣзда Государь с Императрицею, Великіе князья, свита и наиболѣе важные сановники. Слегка доносился, еле слышно, голос митрополита, немного лучше — голос дьякона и хор пѣвчих. Вот скоро будет главный момент: погруженіе святого креста в рѣку и митрополит скажет: «Освящаются воды сіи наитіем Святаго Духа...» И вслѣд за этим раздастся пушечный салют с противоположной стороны Невы. Все это бывало каждый год.

Но что случилось? Мы, стоящіе у окон, не могли сначала понять: вокруг нас посыпались осколки разбитых оконных стекол и часть хрустальных подвѣсок на люстрах тоже посыпалась на паркет. Не легко было понять, как могло случиться это невѣроятное происшествіе, чтобы наша гвардейская конная батарея могла бы вмѣсто холостого заряда выстрѣлить боевым — картечью!..

Но был 1905-й год и мысли наши, а впослѣдствіи и всего населенія, конечно, обратились на революціонеров и их работу. Революціонно настроенные люди стали говорить, что это «сигнал», «предупрежденіе».

Мы продолжали стоять стройными рядами, когда царское шествіе прошло мимо нас обратно, но оно было в очень сокращенном составѣ: Императрицы и Великих княжен и княгинь не было. Государь прошел с озабоченным и недовольным видом быстрыми шагами и за ним министр Двора и кое-кто из Великих князей.

Мы разѣхались по своим домам и разнесли повсюду весь этот печальный, непонятный нам случай, причина котораго так и не была выяснена властями. Насколько помню, наказали весь офицерскій состав этой батареи. Фамиліи офицеров запомнились: это были братья Ротт, так что их называли «Рты».

К этому времени однокорейная сибирская желѣзная дорога улучшила свою провозоспособность. Японцы же наоборот: дали уже все, что могли и им с каждым днем было труднѣе не только увеличивать, но и поддерживать свои коммуникаціонныя линіи.

Но на поддержку им моральную и отчасти матеріальную выступили наши «союзники» в ковчыках — англичане, французы и американцы. Достаточно сказать, что когда наша злополучная эскадра Рождественскаго и Небогатова двинулась в свое почти кругосвѣтное труднѣйшее плаванье, то ни французы, ни англичане не разрѣшали этим эскадрам останавливаться в их портах для пополненія углем или для починок.

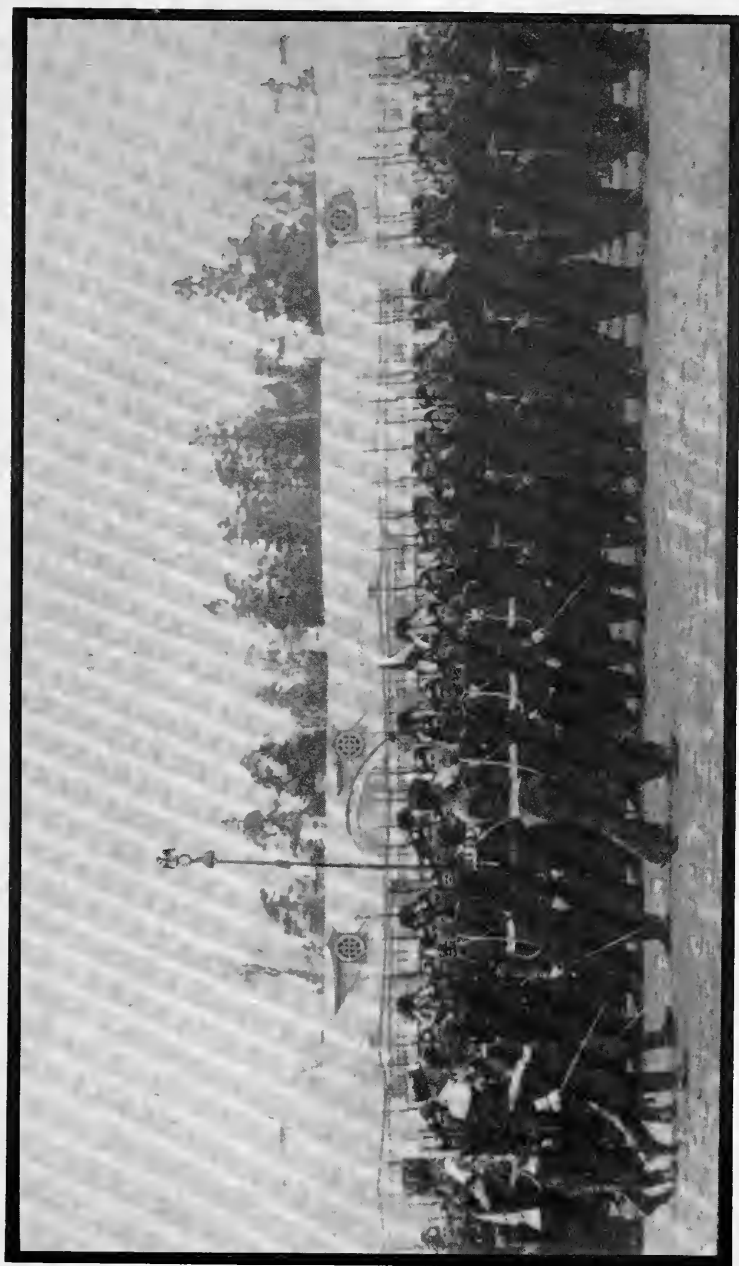
Но главную, неоспоримо, рѣшающую судьбу всей войны — помощь японцам — оказали наши революціонеры, говорившіе: «чѣм хуже, тѣм лучше»... Забастовки на столь необходимой для арміи сибирской желѣзной дорогѣ рѣшили участь всей войны. Революціонныя вспышки в разных губерніях европейской Россіи также помогли японцам. Вскорѣ произошло убійство Великаго Князя Сергѣя Александровича и многія другія убійства, пожары в помѣщичьих усадьбах и забастовки.

Государь подписал так называвшуюся конституцію — установленіе Государственной Думы. Я отлично помню этот день, вѣрнѣе это утро, когда я послѣ чтенія «Новаго Времени» в библиотекѣ офицерскаго собранія, утром пошел в Большой Екатерининскій парк и увидѣл, как из своего «Запаснаго дворца» торопливыми шагами через чугуныя ворота «Любезным Служивцам» прошел взволнованный Великій князь Владимір Александрович. Он шел такими быстрыми шагами, что я подумал — не вреден ли ему такой быстрый шаг! Вѣдь ему уже было тогда очень много лѣт. Я, конечно, сразу же догадался, куда идет Великій князь. Он шел парком, прямой аллеей вдоль небольшого ручья, отдѣляющаго парк от Садовой, а затѣм, пройдя под Лицейской Аркой и повернув направо, пошел к Государю в Александровскій дворец. Я подумал: теперь уж он и никто другой не могут измѣнить ход исторіи. Должно быть, его не спросили и он недоволен.

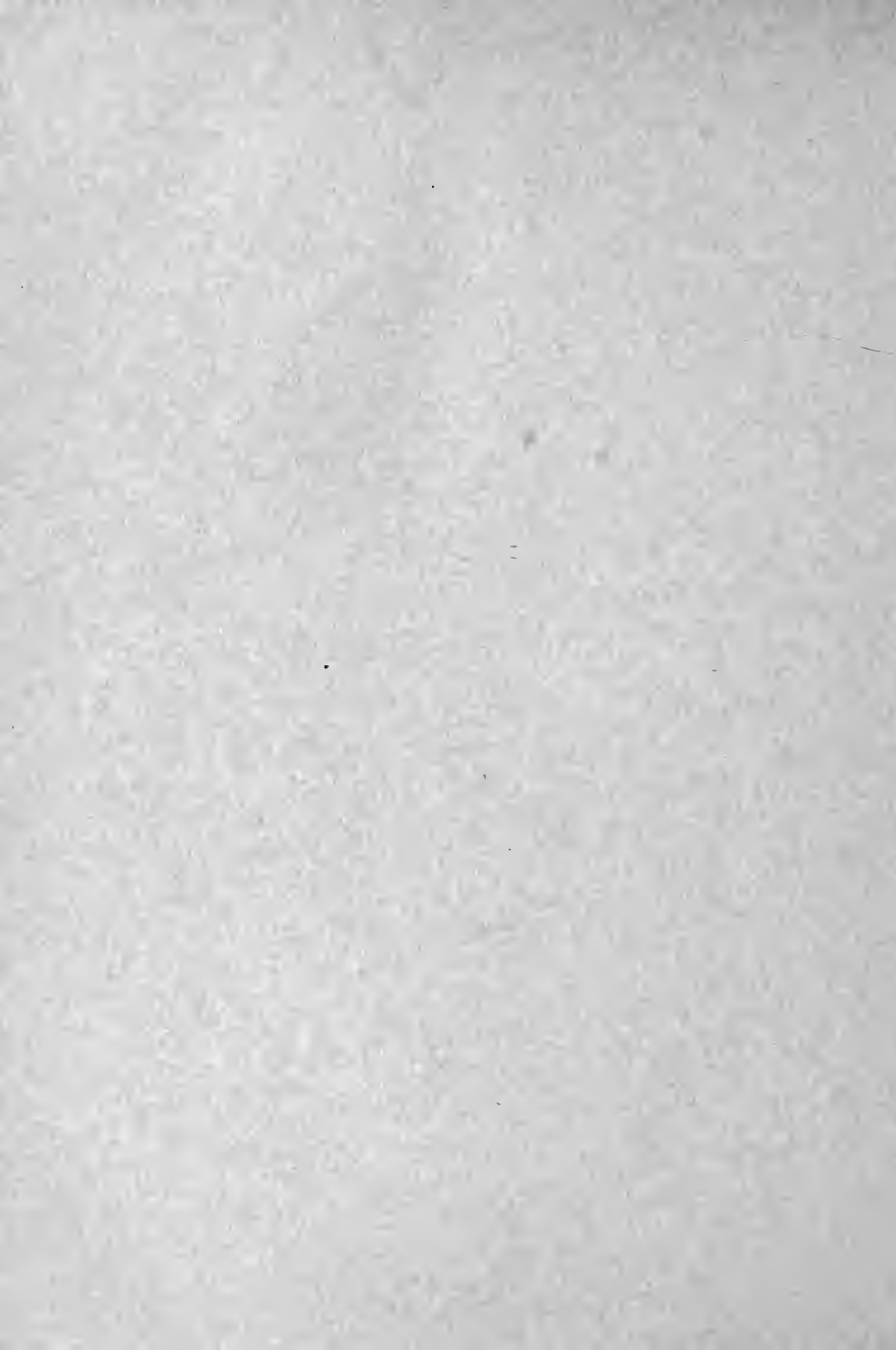
Вспомнились слова моего отца, который не раз и очень убѣдительно, как ученый с антропологической точки зрѣнія, говорил, что для русскаго человѣка необходима во чтобы то ни стало твердая власть: царь, как знамя объединяющій всѣх. Мой отец вспоминал также слова Бисмарка, который говорил приблизительно так: Русскій народ — удивительный, добрый, умный, старательный, честный... Но при одном условіи: нужна палка!

Но была у нас умная и крѣпкая рука: это самый замѣчательный человѣкъ того времени — Столыпин. Как он много сдѣлал за краткое время своего пребыванія у власти и как это было не по вкусу революціонерам, повторявшим: «Чѣм хуже, тѣм лучше».

Вспоминается мнѣ тоже, как муж Ольги Семеновны, Михаил Семенович, рассказывал послѣ своего обычнаго субботняго путешествія в русскую паровую баню, как его любимый банщик дѣлился с ним своими впечатлѣніями послѣ того, как он видѣл гдѣ-то на парадѣ Государя. — «Ну что же, какое на тебя впечатлѣніе произвел наш Царь?» «Да он какой-то маленькій, невзрачный такой...» Банщик стал подробнѣе рассказывать свои впечатлѣнія, которыя сводились к тому, что вся наружность Государя не давала ему, банщику, увѣренности, что Государь справится с трудной и отвѣтственной работой Царя-Самодержца. Михаил Семенович старался переимѣнить мнѣніе своего банщика и говорит ему: «Но зато он добрый!» А банщик в отвѣт

Парад на площади большого царкосельского дворца. Державный Шеф Государь Император; ген. Скарятин; ген. Кн. Трубецкой; ген. Кн. Васильчиков и Великие Князья Владимир, Михаил и Алексѣй Александровичи (17-го апрелья 1905).

бросил свой березовый вѣник, которым он парил, хлестал Михаила Семеновича по спинѣ, и говорит ему в сердцах: «Добрый!... — В монастырь!... Пусть идет в монастырь!»

Этот рассказ, добродушнаго Михаила Семеновича, только что вернушагося из бани, мнѣ хорошо запомнился. Это должно быть был, так сказать, «голос народа», который инстинктивно чувствовал необходимость твердой, крѣпкой власти.

У нас в полку тоже солдаты-стрѣлки не любили слабых или так называемых «добрых» командиров, а предпочитали строгих, но справедливых.

Говоря про 1905 год и о «революціонных вспышках», или как мы их называли «безпорядках», могу упомянуть о небольшом безпорядкѣ в нашем батальонѣ. По какому-то поводу в Петергофѣ, стрѣлки в столовой подняли шум и отказывались ѣсть обѣд. Все это не было похоже на настоящій бунт, как мнѣ передавали, но командир батальона Трубецкой, как иронизировали позже, «сам себя высѣк», то есть в преувеличенном видѣ официально доложил обо всем по командѣ и... вскорѣ же послѣ этого он был уволен в запас, или в отставку, а на мѣсто его был назначен генеральнаго штаба генерал-майор А. Н. Розеншильд-Паулин.

Послѣ принятія батальона генералом Розеншильдом, батальон по требованію петербургскаго губернатора был вызван в район озера Ладоги и рѣки Волхова, кажется Лодейное Поле. Это уже было в 1907 году. Причина, почему был вызван батальон, никому из нас не была извѣстна. По прибытіи в район Ладожских каналов, нас встрѣтил, точнѣ явился на нашем горизонтѣ петербургскій вице-губернатор, нѣмецкую фамилію котораго я не запомнил. Но вице-губернатор, по-моему, тоже неясно знал, для чего был вызван наш батальон. У нас, офицеров, было такое впечатлѣніе, что вызов был сдѣлан «на всякій случай», на случай безпорядков, «на страх врагам». Были какія-то случаи непослушанія, если не ошибаюсь, среди грузчиков, или какія-то угрозы забастовки, но мы видѣли только добродушныя рабочія и крестьянскія лица и ничего плохого или угрожающаго. Может быть вице-губернатор разыграл ту же паническую роль, как и наш Трубецкой.

Но мы были довольны этой интересной поѣздкой по Ладожским каналам: видѣли Старую Ладогу, мы побывали с очень сложным чувством в Шлиссельбургской Крѣпости. Мнѣ было как-то неловко даже издали смотрѣть на одиночныя камеры, гдѣ сидѣли политическіе заключенные. Разсудок говорил, что государство должно оберегать себя от разрухи; вспоминались слова моего отца, что русскій народ, не только судя по исторіи, но даже по антропологическим изысканіям, имѣет большую склонность к анархизму, что необходима твердая власть. Вспоминались преданія старины: «Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нѣтъ»... И все-таки было грустно смотрѣть на сѣрыя мрачныя стѣны крѣпости и хотѣлось вспоминать другое время, когда Петр Великій завоевал этот город и эту крѣпость, которая тогда называлась Орѣшком.

Вот еще одно воспоминаніе, связанное с Зимним Дворцом: послѣ Царскаго Манифеста о Государственной Думѣ и выборѣ членов ея, мы, офицеры, были назначены для присутствія при торжествѣ царскаго приѣма всѣх выбранных членов Думы. Это было, конечно, единственное такое в Россійской исторіи торжество. Как интересно было нам наблюдать не только обычных лиц-участников торжественнаго Царскаго Выхода, но и всѣх «избранников»-представителей всей нашей земли Россійской. Половина из них была одѣта в

обычные штатскіе костюмы, и трудно было представить себѣ — откуда они являлись? Но остальные люди были очень колоритны в своих разнообразных костюмах. Тут были и простыя крестьянскія одѣянія разных наших губерній и областей, а также пышные декоративные халаты Самарканда, Бухары, Хивы и, наконец, родные для нас, тифлисцев, черкески кавказских племен. Все это было очень «импозантно», грандіозно, необычно, чрезвычайно. Да, пожалуй, и сама атмосфера этих огромных дворцовых зал была в этот день как будто другая. Может быть, даже запахи деревенских чучек и зипунов доносились до нас, когда они проходили мимо нас. И нам это было пріятно, потому что мы думали — на простых людей мы можем положиться, они не выdadут, они не измѣнят Россіи! Такія смутныя, неопредѣленныя мысли бродили в наших головах, когда мы стояли, по краям проходившаго шествія. Я не видѣл, впрочем, на лицах крестьянских членов Думы ни изумленія, ни восторга при видѣ парадных зал Зимнаго Дворца. Вот всѣ они прошли мимо нас и свернули в сосѣдную Тронную залу. Нам отлично был видѣн Царскій трон с золотым небольшим балдахиним и с другим креслом-троном для Императрицы.

Теперь потянулась другая блестящая процессія и мы опять внимательно вглядывались в выраженія лиц и Государя, и всей Царской семьи. Государь был, по-моему, как всегда на выходах, спокоен и благодушен, как будто он знал и чувствовал, что все обстоит благополучно и ему нѣтъ никаких причин, чтобы волноваться.

Обѣ Императрицы и Великіе князья и княгини, каждый и каждая по-своему, выражали на своих лицах важность происходящаго. Мнѣ запомнилось выраженіе лица того же Великаго князя Владиміра Александровича, котораго я видѣл в волненіи в нашем паркѣ в день Царскаго Манифеста о Государственной Думѣ: он явно был озабочен и посматривал на нас, офицеров, как бы стараясь разгадать — что мы думаем по этому поводу. А мы... мы не столько думали, сколько вѣрили и, пожалуй, можно было бы и в этом серьезном случаѣ повторить шутку того же Владиміра Александровича, говорившаго Трубенкому о нашем батальонѣ: «Россія-матушка наша, так крѣпка и надежна, что никакія волненія ее не сразят!» Однако, как будто в отвѣтъ на эти оптимистическія мысли, какой-то внутренній голос говорил: «А как же не вспомнить про помощь революціонеров Японіи и их революціонныя забастовки на Сибирской желѣзной дорогѣ? А как же убійства лучших русских людей?» Как будто предчувствовалось тогда это ужасное по своим послѣдствіям убійство Столыпина!

Убійство это произошло значительно позже. Государственная Дума уже долго функционировала, и Столыпин обезсмертил себя своей аграрной реформой, которая, если была бы доведена до конца, то обезпечивала Россію от всяких врагов и напастей. Мы как-то инстинктом чувствовали все это, когда читали о Столыпинѣ. Особенно сильное впечатлѣніе произвели на всѣх нас его слова в Думѣ, в отвѣтъ на революціонныя выступленія одного из ея членов: «Вам нужны великія потрясенія, а нам нужна великая Россія».

Лично я видѣл Столыпина нѣсколько раз, но мельком. Только раз я мог наблюдать за ним немного дольше. Мы, офицеры, были приглашены вечером в Императорскій китайскій театр в нашем Царскосельском Александровском Паркѣ. Я не раз видѣл это интересное красивое строеніе, когда гулял в паркѣ, но я никогда не бывал внутри и даже не знал, что время от времени там устраиваются представленія, когда Царская семья живет в Александровском Дворцѣ.

Мы, офицеры, получили очень хорошія мѣста в партерѣ. На сценѣ шли смѣшныя вещицы Кривого Зеркала. Вспоминаю пресловутую «Вампуку» и «Иванова Павла». Но наше вниманіе привлекла не одна только сцена. Хотѣлось бы побольше смотрѣть и на Царскую ложу, но этикет этого не позволял. Зато можно было смотрѣть вдоволь на другія ложи. Вот одна из них в бельэтажѣ. В ней не трудно узнать семью Столыпина. Туда входит штабс-капитан 4-го Императорской Фамиліи стрѣлковаго батальона барон Притвиц, котораго всѣ мы звали почему-то просто Феллофей. Они оба в антрактѣ стоят и о чем-то бесѣдуют. По выраженію лица Столыпина видно, что ему не к чему было пріѣзжать на этот веселый спектакль, что ему было бы гораздо интереснѣе и полезнѣе для дѣла оставаться в Петербургѣ, но вот он исполнил то, что необходимо было исполнить. Только бы поскорѣе вернуться к любимому своему и необходимому дѣлу...

А еще через нѣсколько лѣтъ, когда я возвращался из Кіева в Царское Село, газетчики кричали о смертельном раненіи Столыпина, и было у меня такое чувство, что не Столыпин смертельно ранен, а вся Матушка Россія!

Японская война показала воочию ошибки и инертность нашей арміи и нашей гвардіи в том числѣ. На командные генеральскіе посты стали назначать боевых полковников и генералов — Георгіевских кавалеров. Командиром гвардейскаго корпуса был назначен скромный генерал Данилов, вмѣсто генерала гусарскаго полка князя Васильчикова. Генерал Лечицкій получил первую гвардейскую дивизію, а вмѣсто стараго сибарита генерала Кашеринина на должность начальника дивизіи нашей был назначен сравнительно молодой армейскій генерал, Георгіевскій кавалер Леонид Вильгельмович Леш, сохранившій форму Перваго Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго Е. В. полка, в рядах котораго, вѣрнѣе — командуя которым, он получил Орден Святого Георгія. Про его наружность можно было бы сказать: — «Не ладно скроен, да крѣпко сшит». Он наружностью никак не подходил под тип гвардейскаго генерала, да он и не хотѣл этого сходства. Но он был человѣком дѣла и всѣм нам он был по душѣ. Он говорил: «Пора же послѣ неудач японской войны, поставить военное дѣло на должную высоту».

Генерал Леш начал с развитія индивидуальных качеств рядоваго стрѣлка. Были собраны всѣ офицеры батальона сначала в полѣ, и генерал выбрал человѣка семь стрѣлков и сказал: «Я буду ваш начальник звена. Слушайте мою команду. Нам приказано осмотрѣть этот дом. Назначаю такого-то и такого стать по углам. Такой-то будет наблюдать, такой-то идет со мною». И таким наглядным способом генерал учил, как примѣняться к мѣстности, как наблюдать, как повторять приказанія, как докладывать и прочее. Часто он производил ученіе на глазах всѣх офицеров бригады, живописно слѣдовавших за ним по пятам. — Какой переворот! Вмѣсто сухого устава, мы начали заниматься практикой военнаго дѣла, да еще под руководством только что вернушагося с войны командира. Иногда он сам брал у звеноваго винтовку и принимал на себя начальствованіе над звеном. — «Слушай меня! Я твой начальник звена», и шел вперед. Когда генерал с винтовкой в руках и перепачканный землей лежал в канавѣ и бесѣдовал со своими новыми подчиненными, запоминая фамилію каждаго из них, то мы, толпившіеся вокруг офицеры были ошеломлены, — какая интересная и поучительная игра! Движенія

дозоров, авангардов, арьергардов, служба полевых караулов и застав, — все это было одно занимательнѣе другого и внесло в нашу царскоевельскую жизнь здоровую, свѣжую струю.

Ну, а как же в казармах? Какія занятія вести со стрѣлками в дурную погоду? Не все же время проводить с ними в полѣ? Завѣдующій хозяйством и ротные командиры запротестовали бы: «сапог не напасешься!»

В каждой ротѣ по приказанію генерала Лешь были заведены огромные плоскіе ящики с песком. Мы стали проводить интересныя игры на пескѣ. Мы устраивали миниатюрные рельефные планы мѣстности, иногда фантастическіе, а иногда согласно топографической картѣ. Из кусочков дерева дѣлались домики, церкви, из губок дерева, а солдат мы изображали простыми спичками. Вся эта игра была в самом дѣлѣ и интересна и поучительна на практикѣ, особенно когда каждый из нас ввел эту «игру на пескѣ» в своей ротѣ или командѣ.

Впослѣдствіи, когда генерал Леш получил высшее назначеніе, на прощальном обѣдѣ в его честь командир Императорских стрѣлков генерал Чернавин сказал в честь генерала Леша восторженную рѣчь. Мнѣ запомнилась фраза: «На нашем пути лежал огромный, выросшій в землю и поросшій мохом, камень. И никто не мог сдвинуть этот камень. Но вот пришел богатырь — генерал Леш — и убрал его с дороги».

Генерал Данилов иногда пріѣзжал в батальон и любил поговорить со стрѣлками. Я очень оцѣнивал то, что он настаивал, чтобы офицеры чаще бесѣдовали со стрѣлками. Я как будто и сейчас слышу его голос и вижу его жест правой, раненой на войнѣ, рукой: «Господа офицеры, я просил разговаривать со стрѣлками».

*

Я уже писал про неудачи японской войны, выстрѣл по Зимнему Дворцу, Манифест о Государственной Думѣ и убійство Столыпина. Все это как-то слѣдовало одно за другим. Вслѣд за открытіем Государственной Думы, начались и беспорядки и демонстраціи вокруг Думы.

«Свобода печати» дала поразительные результаты: появилось много газеток, листовок и брошюр, которыя как будто старались перешеголять друг друга в грубости и безграмотности.

Мой брат, Михаил Иванович, писатель, выдающийся по уму и образованію человек, как-то особенно остро переживал всѣ событія. Он пріѣхал в Петербург по поводу изданія книжным магазином Вольфа его книги «Тишина и Старик». Его очень волновали происходящіе беспорядки-демонстраціи вокруг Государственной Думы и он шел туда, чтобы понять настроеніе толпы... Я теперь думаю, что мой брат Миша был одарен какой-то прозорливостью, или предчувствіем грядущих потрясеній. Он всматривался в лица толпы и ея «лидеров» и возвращался домой совсѣм разстроенный и озабоченный.

Как знаток исторіи и поэт, он как-то в разговорѣ со мной упомянул и о тѣх кавалерійских полках, которые несли патрульную службу вокруг Государственной Думы. Ему нравились воронья лошади лейб-гвардіи Коннаго полка. И ему нравилось, как держали себя офицеры, даже их французская рѣчь и их спокойствіе: «Vieux Saxe», сказал он мнѣ, передавая свои впечатлѣнія. В общем, это было впечатлѣніе о Конном полку, проходившем вблизи Таврическаго Дворца, гдѣ тогда засѣдала Государственная Дума. Кто знает,

может быть эта запомнившаяся мнѣ бесѣда моего брата Михаила была отчасти навѣяна его желаніем подчеркнуть, что он уважает военную карьеру, выпавшую мнѣ на долю, или «избранную» мною.

Кромѣ того, брат Миша раздѣлял мнѣніе нашего отца, что русскіе офицеры, если они хорошіе офицеры, несут в высшей степени важную и отвѣтственную службу.

Когда я заговорил о моем братѣ Михаилѣ, мнѣ захотѣлось сказать еще о нем хоть кратко. В дѣтствѣ — до девяти-десяти лѣтъ — мы были особенно близки, пожалуй, как близнецы. Затѣм, гимназическіе друзья отдалили его от меня, да и мое поступленіе в кадетскій корпус тоже повліяло. Миша с ранних лѣтъ имѣл талант и к писательству и к поэзіи. Он знал русских поэтов наизусть, так много и так вдохновенно говорил о их произведеніях, что я как будто и теперь их слышу, и я запомнил с его легкой руки очень многое наизусть. Напримѣр, некрасовское... «Храм Божій на горѣ мелькнул и дѣтским чувством свѣтлой вѣры внезапно на душу пахнул...»

ГЛАВА X

Письма нашего отца Мишѣ. Дневник Миши с предисловіем отца. Письмо Блока и Блоку. Стихи Виктора Гофмана. Из рабочей тетради отца.

Миша был на два года старше меня. В 1905 году ему исполнилось двадцать пять лѣтъ и он начал много и серьезно писать. В этом же году он побывал в Лондонѣ и Парижѣ. До своей поѣздки он подружился с Виктором Гофманом. Александром Блоком, Бальмонтом и Брюсовым. Писем этого времени от Миши, к сожалѣнію, не сохранилось, но есть три письма, написанныя ему отцом. Тут же я прилагаю и папиных два письма мамѣ. Есть и интересное описаніе Миши нашим отцом; имѣются страницы дневника Миши и одно письмо Мишѣ от А. А. Блока. То и другое было написано в 1908 году.

Сначала привожу письма Мишѣ от нашего отца, который большей частью подписывался просто «П».

8 января 1904. 6-го января мама получила телеграмму от Юши, что у него родился нѣсколько преждевременно — на три недѣли — сын, что Шура больна оспою, что затрудняется прислугою и просит приѣхать. Мама в тот же день вечером уѣхала в Тифлис.

Не знаю, насколько важно тебѣ вносить деньги за учебу в январѣ. Для меня это не безразлично. Но что нужно, то нужно и деньги вышлю.

Спиритизм любопытен. Я пока не в состояніи вѣрить ему и считаю его чѣм-то вроде стихотвореній в прозѣ, то-есть, я хотѣл сказать сновидѣніями на яву. Но очевидно есть неизвѣстныя нам силы. Во всяком случаѣ, любопытно! Напиши, что особенное видѣл ты у Брюсова и вообще.

Мишѣ представляется, что у хороших спиритов непремѣнно в мозгу что-то шатается и что они к серьезным, особенно научным трудам, мало годны.

Я копаюсь в своих бумагах цѣлые дни, но пока результаты не велики. Я задался было характеризовать Кавказ с разных точек зрѣнія, но на почвѣ антропологической. Это необычайно трудно. Разумѣется, я не в состояніи много сдѣлать, но кое-что пробую.

Сигма в «Новом Времени» говорит, что Мережковский называет Хлестакова и Чичикова чертями. Не могу представить, что в сих почтенных продуктах русской жизни чертоскаго.

Я все не знаю твоих «устйхов в науках», ближайших планов? Будь здоров. П.

28 апрѣля (1906) ...Мишѣ все кажется, что твой порядочный разумок должен заставить тебя страхнуть когда-нибудь сон и мечты, в которых ты живешь. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Тебѣ бы слѣдовало выйти из своей скорлупы и смѣло вступить в общество. Слѣдовало бы познакомиться с Ясинским, давшим о твоей книгѣ такой лестный отзыв, зайти в редакціи солидных журналов, побывать в департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія, Археологической комиссіи и в разных ученых обществах и пр.

Очень, очень, желаю, чтобы ты устроился хорошо и чтобы твои предположенія и надежды исполнились. Для современников ты слишком идеалист, слишком игнорируешь дѣйствительность. Твой П.

И теперь из предисловія отца к Мишиному дневнику.

Михаил Иванович Пантюхов, рано умершій и мало кому, из большой публики, извѣстный писатель, был и писатель и человѣкъ незаурядный. Он писал немного, но по-своему...

Как натура исключительная, с сложною и утонченною психикою, переживши и перечувствовавши все, что волновало и волнует русских образованных людей двадцатаго вѣка, Михаил Иванович не уложился в рамки, как в своих тревогах и отрицаніях, так и в стремленіи найти выход из них в обращеніи к Богу, он не шел шаблонными дорогами, и сохранял свою собственную, только ему принадлежащую, фізіономію.

Михаил Иванович родился 4-го января 1880 года в Петербургѣ, умер 13 мая 1910 года в Кіевѣ...

С дѣтских лѣтъ Михаил Иванович отличался скромностью, деликатностью и независимостью.

Школьное ученіе он начал в Петербургской нѣмецкой гимназіи Анненшуль и продолжал в Тифлисской Первой. Вездѣ учился хорошо. По окончаніи гимназіи поступил в Московскій Университет на естественный факультет, потом перешел на филологическій, который он окончил по первому разряду...

Чуткій ко всему художественному, увлекаясь большими художниками, М. И. однако им не подчинялся. Деликатный, возмущающійся всяким заискиваніем, рекламою, строгій, к себѣ и другим, он ни при каких обстоятельствах не измѣнял своим убѣжденіям. Его увлекла художественная форма и оригинальность декадентов, и он напечатал нѣсколько очерков и критических статей в «Вѣсах» и других декадентских изданіях, но его сочиненія отличались от темных, безцѣльных, часто необузданных, фантазій декадентов. При внѣшней, как бы декадентской формѣ, М. И. был скорѣе реалист. Когда у него расшаталась вѣра и он пришел к заключенію о безцѣльности жизни, то, пытаясь найти объясненіе и выход, он не останавливался на полдорогѣ, а доводил свои размышленія до их логическаго, вытекавшаго из постановки вопроса, и неизбѣжно трагическаго, конца. При тончайшей чуткости, в его сочиненіях нѣтъ туманности и безцѣльных фантазій, и в безошадной логикѣ их чувствуется жестокой реализм. Честный и деликатный до шепетильности, он оцѣнивал людей только с собственной абсолютной точки зрѣнія, и судил их, без предвзятости, но строго. Малѣйшія неискренность, претенціозность, стремленія, под разными видами, устраивать свои дѣлишки, что замѣчал он и между декадентами, его возмущали. К революціонерам и утопистам относился с снисходительным пренебреженіем. Настроеніе русскаго либеральнаго общества объяснял расовым анархизмом и трусостью, особенно перед «черносотенцами». Над «косматыми либералами» смѣялся, а мѣщан и буржуев не терпѣл. Он имѣл свой собственный взгляд и на литературу. Он мало цѣнил Тургенева, Брюсова находил похожим на хищную птицу и нильскаго крокодила. Гофмана называл человѣчком игрушечным. Смѣялся над Надсоном, не терпѣл Буренина. О Герценѣ говорил — «большой ум, но как много в нем дѣтскаго, и какой устарѣлый язык». О современных петербургских писателях говорил, что на них, как и на всѣх петербуржцах, лежит какая-то сѣренькая, пошленькая тоска маленьких человѣчков, какой-то тоскливый налет. По его словам — «типичным петербуржцем представляется в своих тошнотворных писаніях напрімѣр Баранцевич. Такого писателя трудно себѣ представить хотя бы в Москвѣ или Кіевѣ. «Из слышанных М. И. на предвыборных соб-

раніях — Милюкова, Родичева, Мякотина, Водовозова, Винавера, о. Гр. Петрова и др. он отмѣчает особенно Петрова, который представлялся ему типом народного трибуна, хотя его статьи и фельетоны в М. И. возбуждали чувство «близкое к отвращенію».

Независимый и оригинальный М. И. сдѣлался центром, группировавшим вокруг себя небольшой кружок, в котором были лица разных профессій. Живописцы дорожили его мнѣніем о картинах, поэты посвящали ему свои стихи.

Будучи искренним и послѣдовательным, М. И. не мог остановиться в разрѣшеніи начавших волновать его вопросов. Он не мог так легко разстаться с вѣрою в Бога, как чуть не вся современная русская интеллигенція. Он неудовлетворялся бездушными теоріями атеизма и пантеизма, а искал живого Бога. Не находя цѣли в дѣятельности людей, он болѣе замыкался в свой собственный мір. Он мечтал создать произведеніе, по его мнѣнію, важное и нужное для выясненія истины и образумленія людей. Мучимый сомнѣніями, он как бы хотѣл исповѣдывать их перед всем міром. Не желая быть зависимым ни от декадентов и ни от кого бы то ни было, Михаил Иванович долго обдумывал и наконец написал и самостоятельно на средства брата Николая, издал большую повѣсть под заглавіем «Тишина и Старик», в которой проникновенно изобразил страшную драму, людей рано потерявших вѣру, и с нею смысл существованія.

ИЗ ДНЕВНИКА*) МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ПАНТЮХОВА

Декабрь 1902 г. Уже нѣсколько недѣль я бываю у Брюсова, на его средах. Это странный человек; он поэт с огромным даром, Бальмонт ниже его, хотя у Брюсова и нѣтъ бальмонтовской красоты и гармоніи. Лицо Брюсова, с большими, глубоко сидящими темно-кариими глазами; черты лица грубы, точно высѣчены из камня. Когда он смѣется, что-то страшное бывает в выраженіи неподвижных глаз и широко раскрытаго рта — точно сатир хохочет безмолвно. Когда всѣ мы были немного пьяны, Брюсов подсѣлъ ко мнѣ и Глѣбу и стал говорить о любви вообще и о любви студентов, о публичных домах и т. д. «Так живут всѣ студенты», сказал он: «так жил и я, и живете вы». Глаза его блестяли совершенно безумно и смотрѣлъ он не на нас, а в себя.

5 января 1903 г. Татьянин день провел неважно. В 5 часов поѣхал с Тувиным обѣдать в «Эрмитаж». Пообѣдал. Выпил вина. Почувствовал себя нѣсколько пьяным. В это время ввалилась шайка студентов, соединила по срединѣ зала столы. Я с Т. подсѣлъ к ним. Начались рѣчи. Очень глупыя, даже прямо возмутительныя. Один из студентов, весьма холуватаго вида, сказал, напримѣр, что «такіе два генія, как Толстой и Дорошевич». Я не выдержал, встал с своего мѣста, подошел к нему и стащил его со стола. Часть студентов была этим не довольна, часть довольна. Потом я опять пил и опять стащил какого-то холуя, полтора часа подряд читавшаго идиотскую прокламацію. В прошлом году Т. кричал: «Рабочіе! Студенты! Революція!» etc. Потом говорил, что отец его еврей, а сам он сын помощника пристава. К чему он это гово-

*) Дневник М. И. П. был издан в Кіевѣ в 1911 году.

рил? Не знаю. Теперь он сам даже стыдится своей рѣчи. Как-то я ему говорил, что консерватизм выше и благороднѣе либерализма и вскорѣ он стал консерватором, но от этого его слова стали еще противнѣе. Что-то хамское было в нем. Когда я возмущенный покидал «Эрмитаж», я видел, что Т. говорил «рыдающим голосом» с какой-то стриженной.

23 декабря 1903 г. Моя жизнь была невыразимо исковеркана тѣм, что я сын антрополога. Я всегда был поэтом и разумѣется гораздо раньше развернул бы мои крылья, если бы не висѣли надо мною вѣчно слова отца: «факты... факты... наблюдай. Все остальное пустяки». И я медленно и вѣрно погибал — дикая птица с обрѣзанными крыльями. Не мог я жить на одной землѣ! Но вот теперь уже все проходит... Еще год или два и будет окончено мое освобождение... Страшно и радостно быть одиноким на такой высотѣ... Только Бог и я — никого больше... Но Бог, быть может, только во мнѣ.

4 января 1904 г. Вчера получил письмо от Глѣба и от Гофмана. Письма меня окончательно примирили с ними.

Рос—лев ловко умѣет поддѣлываться ко всѣм, к кому надо и к кому не надо. Он ходил ко мнѣ почти каждое утро и надоѣдал еще больше, чѣм Глѣб Л. Морская свинка для опытов! Все же этот человек — разумѣется он не поэт — довольно забавен... иногда остроумен... Он раб — это неприятно. Если можно простить еще рабство в жизни, то никогда нельзя простить рабство в творчествѣ. Возможно, что он будет имѣть успѣх. Его стихотворная популяризація Библии и поэтов должны имѣть успѣх. И, несмотря на все, он довольно симпатичен — этот падшій человек. Я искренно люблю падших людей, как бы ни было отвратительно их паденіе... Поэтому меня тянут к себѣ даже журналисты, эти совсѣм уже, большею частью, падшіе люди.

1 февраля 1904 г. Как хотѣл я найти человека, которому можно было бы довѣриться; моя мысль часто останавливалась на Брюсовѣ, но он меня не понимает и часто, когда он говорит о моих вещах, я перестаю уважать его — ему нравятся как раз тѣ мѣста, которыя я считаю неудачными. Он вообще сбивчиво думает обо мнѣ: то говорит, что я кажусь ему большим, то ведет себя двусмысленно.

1 августа 1904 г. Два дня бреду... Что-то ужасное мерещится... Тысяча жизней, погибших на «Петропавловскѣ». Адмирал Макаров. Боже мой, это началось вчера — этот бред.

Утром я пошел для чего-то на кладбище — далеко, на Даниловское. Я хотѣл видѣть могилу Гоголя... Я долго искал эту могилу. Мнѣ не хотѣлось спрашивать гдѣ она. Я хотѣл случайно наткнуться на нее. И вот я обошел все кладбище.

Могилы Гоголя. Чистенькая, блестящая плита, и глыба камня около, и мѣдный крест на ней, с выцарапанными надписями бывших здѣсь. Мнѣ не понравилось все это...

8 августа 1904 г. Заходил в прошедшій вторник в редакціонное собраніе «Вѣсов». Видѣл Валерія Брюсова. Он был очень мил. Немного пополнило его черномазое татарское лицо... Странно: в его лицѣ так много татарскаго и похоже оно, кромѣ того, не то на хищную птицу, не то на нильскаго крокодила. И все же оно русское — его лицо. Странное лицо и странный человек. Один из тѣх людей, глядя на которых думаешь, что Россія не погибла и что есть у нея большое будущее.

13 декабря 1904 г. Прочитал «Возврат» Бѣлаго, недавно. Не очень хоро-

шо, но все-таки недурно. Мнѣ было все это почему-то уже извѣстно, хотя и не вполне подходит к теперешнему настроенію.

20 января 1905 г. Получил от Гофмана письмо и книгу стихов, с стихотвореніем, посвященным мнѣ. В письмѣ — растерянность и мнѣ жаль его.

30 января 1905 г. Прочитал «Красный Смѣх» Андреева. Л. Андреев — мой брат, мой младшій брат. Его «Жизнь Вас. Фивейскаго» и эта послѣдняя вещь близко напоминают то, что я писал в 1902 году, частью в образах, но главное в отношеніи к жизни. Мои герои тогда тоже корчили гримасы перед зеркалом и крались по стѣнам как сумасшедшіе. Но теперь я этого уже не чувствую.

28 мая 1905 г. Через 4 дня ѣду в Париж. Все измѣнилось. Никакой любви уже давно ни к кому нѣт. Эти пять мѣсяцев ничего не дѣлал.

22 июля 1905 г. Париж. На мое несчастіе тут Глѣб — эта воплощенная пошлость, идущая слѣдом за мной.

6 сентября 1905 г. Париж. Бездна маленьких событій — их не перечестъ. Почему-то сразу стала развиваться моя воля. 7 августа я бросил курить, и без особых мученій, пожалуй даже с радостью. Дней десять тому назад я познакомился с артисткою, игравшей первыя роли в петербургском литературно-художественном театрѣ. В ней много радости и свѣжести, как ни запачкана она театром и глупыми пьесами.

23 февраля 1906 г. Мнѣ хочется описать Андрея Бѣлаго. Он средняго роста, довольно худощав, ходит нѣсколько нагинаясь вперед, так что кто не знает, может счесть его за пшюта. Я увидѣл его в первый раз в концѣ 1902 года, на выставкѣ, в залѣ, гдѣ были картины Врубеля. С ним была его мать и сказала, наводя лорнет на Сирень, немного в нос: «Этот жанр мнѣ нравится». Лоуданскій, который был тогда еще жив, мнѣ сказал: «Это жена нашего декана Бугаева, а это ея сын, котораго она всюду всегда таскает с собой». Бѣлый скрывал от своего отца, что он пишет, и когда мнѣ сообщили что Бѣлый — Бугаев, просили не говорить об этом.

Позже я видѣл его нѣсколько раз у Брюсова. В первый раз он пришел с Михаилом Соловьевым, был довольно болтлив и очень деликатен со всѣми. Его лицо блѣдное, довольно длинное; есть в нем что-то отдаленно напоминающее коня. Очень любопытны его глаза: они свѣтло-сѣрые, с нѣсколько желтоватыми золотистыми лучами, слегка влажные. Его глаза очень нравились мнѣ и я сначала не знал чѣм объяснить их странный блеск. Потом взглядѣлся и разобрал. Эффект получался от того, что нижнія вѣки у переносицы были вывернуты наружу чуть-чуть больше, чѣм обыкновенно у людей. Его усы немного рыжеватые, волосы темнорусые, сухіе и довольно рѣдкіе; может быть скоро начнет лысина, и от этого такой большой лоб.

Мы рѣдко разговаривали с ним, не знаю почему. Как-то он сказал Рославлеву: «У нас с М. И. странныя отношенія. Когда я вхожу, я почему-то сажусь всегда далеко от него; если даже около и есть мѣсто. Также и он». Это правда, мы никогда не сажались с ним рядом. Я, впрочем, вообще выбирал самыя уединенныя мѣста, обыкновенно возлѣ какого-нибудь таинственнаго незнакомца. Бѣлый производит на меня обаятельное впечатлѣніе, чего вѣроятно не знал. Впрочем я, повидимому, не был ему неприятен. Он постоянно приглашал меня к себѣ и я раз был, когда он в первый раз просил зайти к нему меня, Бельмонта и Брюсова. Кромѣ нас троих были еще какія-то неизвѣстныя личности, плѣшивыя и не плѣшивыя. В числѣ плѣшивых был его отец, странное существо с маленькими глазами, в больших очках, квадратное,

добродушное и смѣшливое. Он занимался почти все время тѣм, что подбрасывал один под другой клеенчатые кружки из-под стаканов. Только накануне он узнал, что Бѣлый пишет и прочел его симфонію (повидимому ему это было сообщено в виду нашего прихода).

— «Ничего себѣ, талантлик виден. Но нужно работать. А так можно совѣм распасться», сказал он.

— «А, может быть, прежде чѣм начать творить, надо распасться», замѣтил почему-то Брюсов.

— «Ну, этак мы можем Бог знает до чего дойти», сказал старик Бугаев и занялся подбрасываньем кружечков.

Бѣлый старался занимать гостей, но довольно неудачно. Так он подошел к брюнету с оголенным черепом и спросил: «О чем вы думаете в данный момент?» и вопросительно посмотрѣл на него.

Тот, вѣроятно, думал о чем-то нехорошем, потому что покраснѣл.

«Ах Боря!», сказала татап, «можно ли так странно спрашивать!», и засмѣялась.

Я недолго сидѣл. Кто-то ждал меня, кажется, в этот день — не помню. Я простился и стал спускаться вниз по мрачной, тускло освѣщенной, лѣстницѣ...

Бѣлый удивительно читает свои стихи. Разумѣется, трудно передать это чтеніе на бумагѣ, но, когда он читает, то всѣ стихи кажутся гениальными. Он говорил то тихо, отчетливо, стальным шепотом, то почти кричал. Помню у редактора «Грифа» Соколова. Комната была не сильно освѣщена красноватым огнем. Он сидѣл в тѣни абажура посерединѣ комнаты, куда мы посадили его. Его лицо блѣднѣло, немного свѣтилось в темнотѣ. Он прочел нѣкоторые из своих пророческих стихов. Передо мною, почти до галлюцинаціи, развертывались зеленые долины и горы. И так ясно представился гном, «надувшій худыя щеки», и скелет «в малиновую тогу запахнувшись». Мнѣ хотѣлось смѣяться каким-то радостным смѣхом. Б. Лопатинскій, сидѣвшій рядом со мной, подпрыгивая от восторга, поправляя пэнснэ и опять подпрыгивал.

31 октября 1906 г. Москва. Держу государственные экзамены. Я в своей жизни ни разу еще не занимался так, как теперь. Я всегда занимался не тѣм чѣм надо — это было свойство моей природы. И вот теперь, чтобы побороть ужас, который все растет и растет и грозит разразиться чѣм-то еще болѣе страшным, еще болѣе безумным, я сижу за книгами, как гимназист, как мальчик... Я хожу на экзамены, я беру билеты, я отвѣчаю, получаю «весьма», ухожу домой... Собираюсь бездѣльничать и — не могу. Призраки, созданные мною и создавшие меня, куда влечете вы вашего господина и вашего раба? Я ничего не знаю. Это уже не тоска, а бездонное необъяснимое море. О чем горюю? Что страшит меня, поборовшаго уж так много ужасов? Я не знаю. Цѣпки маленькіе демоны, насмѣшливые, кривляющіеся, передразнивающіе и возвеличивающіе каждый мой шаг — кто вы?

И вот я ухожу из дому непонятный и страшный самому себѣ, в обществѣ, разговариваю с людьми, кажусь им то веселым и легкомысленным, то приговорно печальным.

Но, люди, вы вѣдь для меня тоже призраки и я не всегда знаю, каких призраков мнѣ надо предпочесть.

Вчера заходил ко мнѣ Гофман. Уже никогда не вернется мое расположение к этому человѣку. Он из другого міра, враждебного мнѣ. Пишет в га-

зетах самага разнаобразнаго направленія и одинаково равнодушен. Он сравнил себя недавно с торгующею тѣлом проституткой.

Заходил ко мнѣ еще один старый пріятель с революционными идеями в головѣ, но умѣющій недурно устраиваться на этой землѣ. Заходил еще один художник. И другой Жорж Якулов, душа котораго уже сильно испачкана, но все еще достаточно чиста. Заходил Тувин, присяжный повѣренный, и называл меня «дорогой мой».

Всѣ люди, которых я знаю в Москвѣ, мнѣ чужіе и оскорбляют меня своею пошлостью. Есть один человек, котораго я считаю своим братом, но не знаю лично — Л. Андреев. Наши отношенія с ним поистинѣ таинственны. Как это ни странно, но и он знает меня. Когда-нибудь потом я расскажу все это.

2 января 1907 г. Петербург. Кончились мои экзамены уже давно. Печатаю уже вторую часть моей книги. У меня все время легкое расположеніе духа. Был на днях на «Балаганчикѣ» — Блока; вчера на «Вѣчной сказкѣ» Пшебышевскаго. Отвратительно играют — не артисты, а лошади. Если я прежде, хотя и не приходил в восторг от этих пьес, то понимал их, но теперь я даже перестал их понимать.

2 марта 1907 г. Сегодня ровно двѣ недѣли как вышла моя книга. Мнѣ тяжело. Боже мой как мнѣ тяжело! Ее не поймут. Конечно не поймут. Это теперь слишком ясно. Моя любовь к міру так велика, что в ней кажутся игрушечными, тонут без слѣда всѣ «альтруистическія» и «гуманныя» воззрѣнія нашего времени. Сквозь всѣ эти «гуманныя» воззрѣнія слишком ясно просвѣчивает пошленькая любовь к себѣ, тупой, едва прикрытый эгоизм.

Эй, вы — люди! Есть ли из вас сейчас кто-нибудь, кто понял меня до конца? Кто понял, что этой книгой я начинаю отдавать себя на жертву, что она быть может начало распятія моего? Что *всѣ* грѣхи міра готов я принять на себя ради вас? Что уже давно ничего мнѣ не надо? Что жду я смерти, как избавленія, и лишь покорно переносу жизнь — не болѣе! О, я жажду, жажду страданія, жажду и отрекаюсь от него. И я не знаю какой жребій кинет мнѣ судьба.

2 марта. Я «приступил к отбыванію воинской повинности». Я начал покорно и смѣло и все шло сначала хорошо. Правда я не всегда стѣснялся в выраженіи своих взглядов. Но случилось нѣчто не совсѣм обыкновенное. Я узнал в полковой канцеляріи, что в отвѣт на мое прошеніе о выдачѣ свидѣтельства о благонадежности, необходимаго для поступленія в полк (вольноопредѣляющимся), из канцеляріи губернатора отвѣчают, что признать вполне благонадежным меня нельзя. На меня начинают смотрѣть косо и явно принимают за агитатора. Капитан Бородин, в ротѣ котораго я был, сказал: «Эх, пошли бы вы в госпиталь, там вольноопредѣляющихся — особенно окончивших университет, большею частью освобождают». Я ничего не имѣл, чтобы послужить, но не при таких обстоятельствах. Я мечтал побывать в непривычной мнѣ обстановкѣ, понаблюдать, — как это полагается писателю, укрѣпить свое тѣло. Но чувствовать косые взгляды, обращенные на меня, я не мог.

2 июля 1907 г. Как-то прочитал отзыв о моей книгѣ в «Вѣсах» и узнал кромѣ того, что моя «Тишина» многих смутила и возмутила и между пр. А. Бѣлаго. Я написал отвѣт, что это не міровая сатира, а пустяк. Я не хочу ни загнипнотизированных, ни поработенных моею идеею людей, и я не хочу никого пугать... Что понимают эти людишки? — Ничего.

1 сентября. Я выхожу на путь Христа. Вѣдь он же есть! Никогда у меня

не бывает в этом сомнѣній — я молюсь и в видѣніях я видѣл недавно Бога и Божію Матерь. Но иногда снова окружает меня своими хитросплетеніями сатана и снова закрывает от меня Его лицо.

Меня возмущает все, что соприкасается с нашими революціонерами. Их убійства отвратительны и тупы, их агитація глупа и бессмысленна. Моя «Тишина» начало конца революціи, как понимает революцію наша интеллигенція.

Надо бросать мой слѣпой путь. Умышленно не обращая вниманія на разум, стараясь идти путем ощущеній, путем исключительно одних слѣпых открытій (без провѣрки их умом, из боязни, что это может задержать быстроту их) — я шел и шел... и дошел до многого. Но теперь нужен разум — во имя Бога! Если пойду прежним путем, то попаду в руки сатаны.

17 сентября. Бѣлый представляется мнѣ иногда чѣм-то вроде идиота. Во всяком случаѣ никто из всѣх московских декадентов не понимает меня до конца. Всѣ они вообще многого не понимают. Близок к пониманію Александр Блок.

28 октября. Сейчас прочел первые строки страницы и удивился. Я как-то совсѣм позабыл что назвал Бѣлаго идиотом. Это в общем не хорошо.

Но иногда мнѣ все противно... Гдѣ мои братья? В какой сторонѣ? По видимому в сторонѣ «Скорпіона» их нѣт. Есть у меня братья безвѣстные, быть может еще ничего не писавшие, или написавшіе слишком мало, и они нужны мнѣ болѣе чѣм А. Блок и может быть даже чѣм Л. Андреев, — этот мой единственный, несомнѣнный брат по литературѣ (лично мнѣ незнакомый).

Господи, Отец держашій мір, помоги мнѣ на моем пути. Я заблудился, я устал в моем одиночествѣ, я не знаю куда мнѣ идти. Ты, сіяющій там наверху, в державѣ и во славѣ своей, укажешь ли мнѣ своей десницею дорогу? Благославляешь ли меня на мой подвиг? Если да, то скажи мнѣ это и я пойду куда надо. А то я совсѣм запутался, совсѣм не знаю что дѣлать... Этот человек, к которому я хочу идти, желателен ли он тебѣ, как желателен он мнѣ? О, Господи, мое сердце бьется... Идти к нему или не идти... Не знаю я ничего.

Но ты придешь, Избавитель! И ты распутаешь всѣ клубки наших заблужденій и всѣ наши знанія станут лишь маленькой дѣтской игрой. И рассыпятся всѣ странные призраки, стоящіе по всѣх путях ведущих к Тебѣ — эти ужасныя чудовища, стерегущія нас в хаосѣ, чтобы мы не ушли от них, не заплатив страшной дани.

ПОСЛѢДНІЯ ПИСЬМА А. А. БЛОКА К М. И. ПАНТЮХОВУ И ОБРАТНО М. И. К БЛОКУ

22 мая 1908 г. Развѣ я не откровен с Вами, дорогой Михаил Иванович? Нѣтъ, я не скрываю ничего и не «оберегаю». Но я чувствую все болѣе тщету слов. С людьми, с которыми было больше всѣх разговоров (и именно мистических разговоров), как А. Бѣлый, С. Соловьев и др. — я разошелся; отношенія наши запутались окончательно, и я сильно подозреваю, что это от систематической «лжи изреченных мыслей». И я совершенно не умѣю сказать прозою лучше, чѣм говорю стихами.

Одиночество не побѣдить сравненіем мистических переживаній, я глубоко увѣрен в этом. Может быть одиночество преодолимо только ритмами

дѣйствительной жизни — страстью и трудом. Остальное — сны. Но неужели Вы думаете, что я отказываю в реальности Вашим снам? Это было бы равносильно моему отказу от собственного припоминанія, а я только не хочу говорить, лучше не могу говорить.

На днях уѣзжаю отдохнуть в деревню — недѣли на двѣ. Ваш А. Блок.

15 июля 1908 г. Петербург. Судьба религиозной идеи, так или иначе объединяющая нас, дороже мнѣ не только моего, но и Вашего, дорогой Александр Александрович, спокойствія, поэтому напишу Вам еще кое-что о своих впечатлѣніях.

Я как-то писал уже вам относительно моих убѣжденій в послѣдних глубинах. Так не смущайтесь если на поверхности моей души будет еще много колебаній.

Я пока должен идти мрачным, с современной точки зрѣнія, путем, отвѣчая любовью не только на всякій призрак привѣта, но и на вражду, увлекаясь самыми разнообразными и невѣрными идеями и часто сомнѣваясь в себѣ. Это — надо... Как рыцарь, покидающій темный город, заглядывает во всѣ закоулки и тупики, чтобы посмотреть не оставил ли он кого-нибудь, кого мог бы взять с собою в страну солнца — так я, увидѣвшій ясный свѣтъ в концѣ своего пути, должен все же еще много мыслей, руководящих другими людьми, продумать до конца и провѣрить медлительным разумом правильность предстоящаго пути, чтобы стал он ясен и другим.

Хочется сказать кое-что о современных писателях. Вы писали, что разошлись с А. Бѣлым. По-моему — напрасно. Его душа необыкновенно красива и налет лежащій на ней, дѣлающій иногда А. Бѣлаго похожим на шаблоннаго фельетониста, совершенно случаен.

Теперь о Брюсовѣ (опять этот Брюсов, вѣроятно думаете Вы). Если он и не на столько впал в дѣтство, как думаете Вы, что считает будто бы, что все в жизни есть средство для ярко звучащих стихов, — его вліяніе очень вредно. И никакого безпристрастія в этом человѣкѣ нѣтъ. Он весь создан из лжи.

Простоватый и грубоватый редактор лучше такого, который будет гипнотизировать вас своим взглядом. Отчего Бѣлый не вернется снова в «Золотое Руно». Вѣроятно, если держать себя на достаточно приличном разстояніи от издателя (который, говорят, не совсѣм культурен), то все это ничего не значит. Да и может ли какой-нибудь простой смертный оскорбить или обидѣть Бѣлаго. Это — смѣшно... В этих случаях, надо рассуждать так: «Быть может это не издатель, а просто бык, посланный мнѣ, поэту, для моих надобностей. Как и Божьему дару, к нему можно относиться даже с нѣкоторым уваженіем, как от быка — от него надо держаться в приличном разстояніи... А если он дѣйствительно чѣм-нибудь провинился, то Бог его, конечно, накажет».

Вы совѣтовали мнѣ как-то заняться трудом. Надѣюсь не разсердитесь, если я Вам тоже совѣтую кое-что. Вообще мы должны быть как дѣти, и постепенно ломать тѣ перегородки, которыя раздѣляют нас. И так совѣтую Вам поставить себя в нѣкоторыя рамки, поддерживать нѣкоторую гармонию между духом и тѣлом. Ваша нервность и мнительность от того, что Вы ведете не совсѣм правильный образ жизни. Все то, что пугает Вас заключается не в других людях, а в Вас самом. Не мѣшает также всѣм нам стараться уменьшать свои потребности. Кромѣ того, что в этом есть извѣстное наслажденіе, — самое главное тут то, что ограниченія своих потребностей дает чувство сво-

боды. Если Вы в деревнѣ, то совѣтую Вам заниматься собираніем гербаріума. Это поведет на очень многія мысли и расширит кругозор. Я почти совсѣм не имѣю знакомых в Петербургѣ и, признаться, мало жалѣю об этом. Всѣ современные интеллигенты мнѣ кажутся чѣм-то отравленными, носящими в себѣ глетворный яд подполья. Думаю, что достаточно нѣскольких самоотверженных рыцарей, чтобы низвергнуть к черту все міросозданіе этой пьяной орды варваров.

Не вѣрьте никогда и никому, что я могу так запутаться и погрузиться в мір отвлеченных идей, что потеряю ясное сознаніе земной дѣйствительности. Конечно я ошибался, слишком уж я был одинок. Слишком много было желанія узнать правду, но не было точек опоры, и от этого был богатый простор для фантазіи. Я и теперь, благодаря своему одиночеству, не знаю гдѣ ложь, гдѣ правда. Но, повѣрьте мнѣ, не все было бредом в моих догадках. Я и до сих пор думаю, что моему мистическому переживанію, было какое-то соотвѣтствіе. Но в настоящее время для меня это уже не важно. Раз я не знаю сколько правды в перечувствованном мною, то я должен отбросить все это, как бред. Терпѣть не могу всего неопредѣленного.

Когда выйдет моя будущая большая вещь (а это еще не особенно скоро), Вы узнаете как много дум мнѣ надо было передумать. Послѣдніе дни во мнѣ какое-то веселье. Вчера я ходил весь день по улицам и мнѣ вспоминались строки из какой-то пѣсни.

«На святой Руси пѣтухи поют, скоро будет день на святой Руси». Они все время как будто вились вокруг меня, кружили мнѣ голову.

Ваш Михаил Пантюхов

СЫН ГОРОДА

(Михаилу Пантюхову)

Пойду к тому, который слышит,
Кто не оглох еще в борьбѣ.
Который также трудно дышит.
Сын города! пойду к тебѣ!

Ты все какой-то блѣднолицый
Учужный тяжелый груз.
Ты тоже быть мечтаешь птицей
И с солнцем празднуешь союз.

Но ты уж понял всю побѣдность
Окаменелых этих стѣн,
И потому в тебѣ и блѣдность
И ненасытность перемѣн.

Твои усталыя бестыды
Всегда тягучи как смола,
Но в них тревожно свѣтят тучи,
И разъѣдающая мгла.

Ты обезсилен и недужен
В невозможаньях и борьбѣ —
И оттого то ты мнѣ нужен.
Сын города! поиду к тебѣ!

Виктор Гофман

Теперь опять об отцѣ — докторѣ Иванѣ Ивановичѣ, о котором уже так много было написано в этих записках. Был он, несомнѣнно, исключительным по своему уму и тому впечатлѣнію, которое производил на окружающих.

У нас, у дѣтей, было такое чувство, что он был выше других людей не только своим ростом и своей величественной наружностью и осанкой, но и своим, как бы парящим над другими людьми, умом, предвидѣніем будущаго, не только в обычной обстановкѣ, но и будущаго народа Русскаго, нашей Россіи и даже других стран.

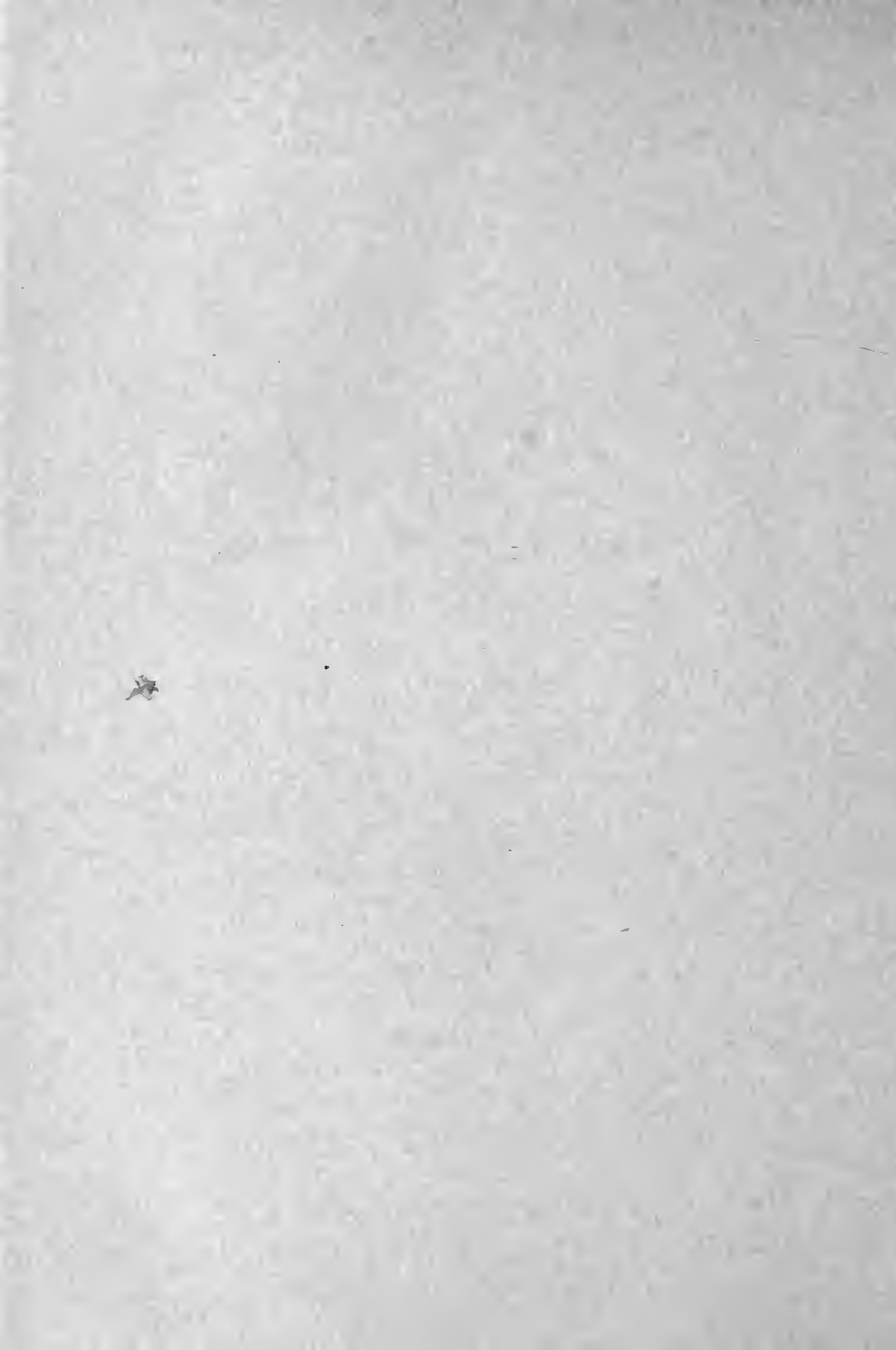
Основаніем для этих наших юношеских мыслей было, по всей вѣроятности, его несомнѣнное краснорѣчіе, его «профессорскій», немного может быть ораторскій тон, и, конечно, его знанія и опыт в жизни и в отношеніи избранной им науки — антропологии. Он как бы смотрѣлъ на жизнь нашу, и даже на жизнь всей страны, «с птичьего полета», свысока, предсказывая будущее, основываясь при этом на своих антропологических, а иногда и на докторских наблюденіях. В жизни, за обѣденным столом, он старался поощрять своих собесѣдников, выбравших какую-нибудь профессію, считая, должно быть, что каждая, или почти каждая, работа нужна Россіи, лишь бы дѣлалась она от души, вдохновительно. Однако безличное чиновничество, шаблон, пошлость, мѣщанство, в узком смыслѣ этого слова, — его возмущали, и он критиковал все это очень остроумно.

Он был либералом в душѣ, но вмѣстѣ с тѣм ученым, основывавшем свои мысли на исторіи и на той же антропологии, и он очень смѣло высказывал свои чрезвычайно интересные и своеобразные взгляды. Он давал характерные отзывы о политикѣ Англии, Франціи, Германіи и как бы предсказывал их будущее. Я знаю, что когда он выступал со своими докладами в мѣстном медицинском или географическом обществѣ, то всѣ слушали его с напряженным вниманіем, даже когда он стучал краски и говорил рѣзко. В дружеской компаніи, в Тифлисском Кружкѣ, за стаканом вина, он находил случай говорить о болѣе высоких идеях, чѣм обычныя кружковскія незначительныя мысли и сужденія. То же было приблизительно и за нашим домашним обѣденным столом. Тут рѣчь заходила и о газетных сообщеніях, были сужденія о новых книгах, и «высшія матеріи», как нам, дѣтям, казалось, все это было восторженно принимаемо нами, мальчиками и юношами.

Обычно мой отец ходил в штатском платьѣ, и когда мы жили на Кавказѣ, это облегчало ему вход в туземные кварталы, гдѣ он нерѣдко производил свои антропологическія наблюденія. Он носил очень своеобразную про-

«...отец производил впечатлѣніе нѣкоего пророка».

сторную «размахалку» без рукавов, но с удобной пелериной. Мнѣ кажется, такія «размахалки» бывали в употребленіи в концѣ прошлаго вѣка. Это одѣяніе, нам казалось, очень шло к нему и я не мог бы представить себѣ моего отца в другом штатском платьѣ. На службу он, конечно, надѣвал свой военный сюртук с орденом святого Владиміра на шеѣ, как полагалось по военным правилам. Пальто с красной подкладкой и «генеральскими» погонами — все было очень эффектно. Несмотря на то, что мой отец совсѣм не обращал вниманія на свою наружность и на свои костюмы, он все же производил впечатлѣніе нѣкоего пророка или апостола своей осанкой, своей рано посѣдѣвшей бородой и шевелюрой и... я не знаю еще чѣм именно, но впечатлѣніе было трудно забываемое.

Когда в царскіе дни или на большіе праздники он шел в собор в своей парадной формѣ, со своей красно-бѣлой лентой и звѣздой Станислава, то наша Вознесенская улица, т. е. ея обитатели, смотрѣли на него с неподдѣльным уваженіем.

На дверях нашего дома была мѣдная дощечка с надписью: Доктор Иван Иванович Пантюхов. Но мало кто приходил к моему отцу, как к доктору. Приѣмной комнаты не было. Денег за лѣченіе он обычно не брал. Лишь иногда приходилось ему спѣшно помогать больным.

Нашим друзьям и в нашей семьѣ отец ставил вѣрные діагнозы болѣзням, но лѣкарство он не любил давать. Шутил, что иногда простая вода или безвредная сода отлично помогают, если сказать больному с убѣжденіем: принимать через два часа по столовой ложкѣ. Считал, что иногда внушеніе может подѣйствовать не хуже лѣкарства.

Отец не погружался в мелочи ежедневной жизни, но мелочи, конечно, доходили до него... Вѣдь нам, дѣтям, необходимо было довольно часто ставить на башмаки новыя подметки, а иногда и покупать новые башмаки и костюмы, когда их не могли сшить дома. Иногда мама сидѣла у отца в комнатѣ, обсуждая, сколько рублей можно будет послать Юшѣ и сколько Ванѣ, и сколько заплатить за право ученія Миши... Все это запомнилось нам и подсознательно хотѣлось помочь, быть полезным в общих расходах, в общей жизни семьи.

Вспоминается мнѣ, как отец любил ухаживать за цвѣтами в нашем Поповском саду, а когда были куры кормить их. Вспоминаю, как раз он шутя сказал неловкой курицѣ: «Горе побѣжденным». Он сказал это по латыни: *Vae Victis!*

Я довольно ясно вспоминаю комнату отца. Он, возвратясь со службы, обычно лежал на диванѣ и лежа читал и писал свои статьи и книги по антропологии и медицинѣ. Рядом стол, заваленный рукописями, журналами, газетами, книгами, У стѣн шкафы и полки с книгами. Когда мама пыталась «навести порядок», то это кончалось большим недовольством отца, которому трудно было тогда что-нибудь найти. Занимался он до поздней ночи. Дома ходил обычно в халатѣ, небрежно одѣтым, но даже в этом одѣяніи он производил на нас почти величественное впечатлѣніе. В бесѣдах со знакомыми он нерѣдко бывал остер, но знакомые быстро привыкали к его шуткам и острому словам и не обижались. С дамами и дѣтьми он всегда был мил и добр в разговорах. Для дѣтей у него часто бывали в карманѣ конфеты. Окрестные дѣтишки издали, завидѣвъ отца, взапуски неслись к нему со всѣх сторон.

Еще одну особенность моего отца хотѣлось бы отмѣтить: это его любовь

к природѣ. Именно этим надо объяснить и его желаніе служить на Кавказѣ, и его стремленіе уходить по праздникам в горы с какою-нибудь интересною научною или изслѣдовательною цѣлью. Мы, дѣти, всегда бывали в восторгѣ от этих походов, иногда довольно утомительных, но всегда интересных.

Хотя отец и чуждался наград и почестей, но все же видно было, что он бывал доволен, когда выходили в свѣтъ его многочисленныя научныя книги и брошюры, или когда он узнавал, что он был избран членом Парижскаго географическаго общества, или когда имя его помѣстили в Энциклопедическом словарѣ Брокгауза и Эфрона.

Привожу тут часть записей из рабочей записной книги нашего папы. В этой книгѣ он, повидимому, писал, «что на ум придет», иногда не очень считаясь с читателями... но читателей не предполагалось, — это была его личная рабочая тетрадь. Никаких своих комментариев я дѣлать здѣсь не буду, да и были бы они совсѣм ни к чему.

31 марта 1905. Читая газеты, болѣе и болѣе убѣждаюсь, что среди так называемых образованных людей мало людей нормальных и что большинство, если не просто психически больны, то с помутившимся сознанием, с потерей способности анализа... Кромѣ психической заразы в послѣднее время болѣе и болѣе замѣтна простая пошлость и бездарность. Большую новую кievскую газету «Кievскіе Отклики» тошно читать... Евреи, правда, держат свою линію в «Кievской Газетѣ» и в «Кievских Новостях», но всѣ, очевидно, горячія статейки, напримѣр, возраженія «Кievлянина», мелки и ясно имѣют в виду только евреев и никакого дѣла им до русских нѣтъ.

Удивительно жалкое и безпомощное общество. «Московскія Вѣдомости» назвали 1000 врачей, участвовавших в Московском Пироговском съѣздѣ, собраніем умственных хулиганов, но это просто зараженные общей атмосферою люди.

Предсѣдатель Пироговскаго съѣзда и писатель повѣстей Елпатьевскій прямо сказал, что главное дѣло — употреблять слово на зараженіе людей. Всѣ думают, что словами можно перемѣнить антропологическія свойства людей и вѣрят в болтунов.

Все вмѣстѣ высоким слогом можно изобразить, как русскаго добраго молодца, который зажмура глаза, прет сам не зная куда и с полным риском сломать голову.

Наука, в лицѣ нѣскольких ученых, спряталась и как будто исчезла. Искусство, художества пошли на служеніе толпѣ.

Послѣ великаго художника Чехова, истинные, свободные от заразы, художники остались только в Москвѣ и во главѣ их Брюсов и Бальмонт.

Или я уж очень состарился, но все современное, либеральное, кромѣ передачи фактов, представляется сплошной пошлостью.

На панихидѣ по Шевченко, 14 февраля, было особенно много молодежи. Тогда на всей публикѣ лежала печать чего-то особеннаго. Именно малороссійскаго. Никакого блеска и эффекта, но толпа смотрѣла упрямо и внушительно.

12 апреля. Американец Карнеги культурными людьми называет умѣющих сберегать, а не умѣющих — некультурными. Не имѣющіе сбереженій — дѣти случая и элементы всяких насилій и преступленій.

У русских хранительницей зачатков культуры — земля. Если земли нѣтъ — русскій дикарь, не умѣющій сберегать. Не умѣя сберегать, русскіе, грузины...

стараются отобрать землю, остающуюся у болѣе культурных. Нужна большая сила власти царя, или культурнаго общества, как в Англии, Сѣверной Америки, чтобы сдержать диких и заставлять их смириться.

Наши либеральные молодцы, педагоги, адвокаты и даже врачи, думают, что бѣда наша от бюрократіи, а сами, ничего не производя и живя жалованьем или эксплуатаціей невѣжества и запуганности, полагают, что с перемѣною власти и народным представительством измѣнится порода людей. Легкомысліе, нервозность, а также антропологическія причины образовали какіе-то психозы, затменіе умов.

Печально видѣть, что масса русских, особенно получивших городское образованіе, живет иллюзіями. Совершенно ясно, что мір должен принадлежать людям дѣловым, практичным, слѣдовательно — англійской, нѣмецкой, монгольской, — главное японской и китайским расам. Если русскіе не станут на таком же уровнѣ, они раньше или позже должны исчезнуть. Эта участь грозит не менѣе и другим народам, кромѣ указанных... Русскіе богатыри... самоувѣренно идут вперед...

Могущественнѣйшее вліяніе на судьбы людей имѣет гипноз, поработеніе воли нѣкоторыми предразсудками, утопіями и непосредственным зараженіем людьми, находящимися в экстазѣ, крайнем возбужденіи, с потемнѣніем всего, кромѣ охвативших их мыслей... Извѣстно, какое могучее вліяніе имѣли рѣчи отдѣльных лиц на массы. Как-то стыдно слышать, что, напримѣр, московскаго адвоката Плевако приглашают за дорогую цѣну защищать правых и виновных потому, что его слова просто гипнотизируют присяжных и даже судей. Сами судьи в Тифлисѣ потом конфузались, что по одному разбиравшемуся в судѣ дѣлу, они не имѣли мужества сопротивляться словам Плевако. Артистка Савина и другіе заставляют плакать и смѣяться и пр. и пр. Все совершенно ясно говорит о могуществѣ гипноза.

Теперь у нас гипноз повален. Цѣлое общество интеллигентов, а частью и сельчан, живут под давленіем какого-то кошмара и гипнотизируются нѣкоторыми пошлыми словами. Взволнованное неудачами войны, теряющее почву под ногами, с все разжигающимися аппетитами, не умѣющее честным трудом ни наживать, ни жить умѣренно и сберечь, распущенное, развращенное, часто с наслѣдственно испорченными организмами от отцов пьяниц или сифилистиков, городское общество всѣ бѣды свои сваливает на правительство и бюрократію, и болѣзненно предубѣждено, что не будь бюрократіи, оно было бы в состояніи само повести всѣ свои и государственныя дѣла превосходно.

Масса писателей, с совершенно разстроенными нервами, но, несомнѣнно, искренних и поэтому неизбѣжно вліяющих на толпу, требуют всяких свобод и истерически затрагивают самые основные вопросы жизни государства. Они, несомнѣнно, увлекли все неопредѣлившееся, мятущееся, недовольное своим положеніем, т. е. едва ли не все городское сословіе из так называемой интеллигенціи и, кажется, совершенно искренно увѣрили его, что конституція все излѣчит, все успокоит, всѣх удовлетворит...

Несчастливая толпа слѣпа. Она, как «Свинья под Дубом» у Крылова, свѣсьм не замѣчает, подрывая корни, что желуды, которыми она питается, растут на дубѣ. Справедливо протестуя против многоаго, она не видит, что исполненіе истерических воплей нервно больных людей ведет к ухудшенію их жизни, даже с разбоями, анархіей и пр.

Странно, что государство Русское так естественно сплотилось в одно цѣлое, что кажется никакой из входящих в состав его народностей, не включая

даже поляков и финнов, не приходит мысль отделиться от него. Связано все в одно целое — идея Царя... Благое, могучего Царя. Ничто другое, кроме Царя, не могло связать другие народы с Россіей. Насколько тут участвовали собственно духовныя силы великорусскаго и малорусскаго народа, трудно сказать. Культура, и особенно школа, только позже начали помогать объединенію государства.

Жаль, что, кажется, нѣтъ разбора вопроса о том, что было бы, если бы всѣм народам была бы предоставлена возможность управлять, как они хотят. Мнѣ кажется, что всѣ они потребовали бы одного русскаго Царя.

24 июня 1905. Мнѣ кажется, что все-таки авторитет Царя не колеблется в глазах народа. Если бы даже вырѣзали и всю интеллигенцію, народ и Царь останутся и ничего особенно не изменится. Даже распадется Россія не на что — никто не захочет уходить. Если наша... промышленность, поддерживаемая государством, и вся погибнет, но землю государственную и помѣщичью отдать крестьянам, то все же останется та же Россія с Царем и народом.

Возможна ли Пугачевщина? «Кіевлянин» сегодня говорит, что может быть нѣчто еще худшее. Но редактор считает самую мысль отобрания части помѣщичьей земли почти анархией.

29 июля 1905 г. Враги государства и народа, не просто социалисты и анархисты, как говорит «Кіевлянин», а городской полуобразованный пролетаріат, образовавшій так называемые Союзы и пр. Всѣ эти союзы педагогов, юристов, инженеров и др. вмѣстѣ с союзами евреев, армян и проч., всѣ они хотят осѣдлать народ и ѣздить на нем, при условіи, разумѣется, что правительство, с его полиціей и войском, должно защищать их от народной расправы.

Евреи, «союзы» и проч. хотят, чтобы все было по закону, чтобы договоры с бѣдным, эксплуатируемым народом, соблюдались, чтобы по векселям платилось и проч. Выставляя красные флаги о какой-то свободѣ, они расшатали основы русской и вообще культурной жизни. Пролетаріату, в видѣ разных наемников от босняка до адвоката, терять нечего. При возстаніях и волненіях они рассчитывают только выиграть.

Евреи, из которых теперь выдаются Ратнер, Куперинс, Грузенберг... всѣ фанатики, и, кроме интересов еврейства, ничего знать не хотят и не могут, как фанатики.

22 октября. Послѣ противоправительственных манифестацій и уничтоженія царских портретов и пр., начался погром евреев и еврейских магазинов.

Я был сегодня в городѣ — все еврейское разорено. Я смотрѣл сначала как на патриотическую контр-демонстрацію и был довольно равнодушен, но увидѣвъ погром, мнѣ стало скверно. Кроме, вообще, разрушенія культуры, тут и несправедливость, особенно к бѣднякам.

На всѣх встрѣчающихся, особенно на простом народѣ, замѣтен конфуз, а у нѣкоторых и страх перед наказаніем.

3 декабря 1905 г. Наибольше сильным оказываются малорусскіе типы. Матрос, командовавшій «Потемкиным», малоросс, команда большею частью малороссійская. Поп Гапон — полтавец. Предсѣдатель совѣта и союза рабочих Хрусталева, подлинная фамилія Георгій Носарь — уроженец Пирятина, из крестьян. Во главѣ московскаго союза телеграфистов, опять малоросс Парфемеенко. Все это очень славные, умѣлые, энергичные люди, подчинившіе себѣ великорусскія толпы.

13 мая 1906. Малорусы, кажется, сознательно понимают необходимость

Царя, Вѣры, вообще, русскаго государства. Инженер Чернов развил эту мысль превосходно.

Борьба патриотов необычайно трудна. Гипноз, под которым находится вся пролетарская часть интеллигенціи, повидимому, не ослабѣвает. Евреи, в руках которых чуть не вся пресса, нравственно покорили всю молодежь и всѣх впечатлительных, нервных людей из взрослых, которые, главным образом, и попали в Государственную Думу.

Удивительно! Русскій народ очутился в руках космополитической, не имѣвшей с ним ничего общаго, группы и не может из них вырваться. Интеллигенція городов, повидимому, ничего не понимает. Им кажется, что все дѣло в свободѣ прессы, сходках, всеобщих выборах и проч.

Организація евреев непобѣдима. Всѣ они одинаково сомкнуты. Против их идеи, для которой они сами посылают тысячи бойцов, ничто устоять не может. Искренне фанатичные они, как адвокаты, растлѣвают и гипнотизируют массы. Если русскіе люди организуются, то произойдет страшная расправа со всѣм, что идет против государства, то есть Царя и Вѣры. Но они не могут организовать. Правительство, по идеѣ Витте, продолжает препятствовать русским организаціям и защищает евреев и интеллигенцію... Исходя из того, еврейскіе принципы непобѣдимы.

Основа Россіи — крестьяне-земледѣльцы, русскіе купцы. Это люди совсѣм не способные организовать и мало образованные и подвижные. Они сильны только, имѣя самодержавнаго Царя.

Всѣ, питающіеся на счет государства — горожане, помѣщики, адвокаты, врачи, газетчики, не говоря об учащихся, гипнотизированы и имѣют в виду не русское государство, а что-то другое, идейное.

Для натуралиста, а особенно антрополога, дѣйствіе психозов необъяснимо. В основѣ русских волненій — инстинкты грабежа. В основѣ еврейства — религія, увѣренность, что Бог им одним все отдаст.

Удивительно, что люди, видя на каждом шагу, как присяжные рѣшают дѣла по гипнозу адвокатов, как платят бѣшенныя деньги мошенники, как под гипнозом Плевако освобождаются преступники, как зрители плещут, слушая хорошаго актера, как воспаляют массы, поэты, — не сознают все значеніе и опасность гипноза.

11 июля 1906 г. Как безпомощен здоровый, неуклюжій, нерасторопный, честный и правдивый русскій великан, когда на него набрасываются стаи мелких родных, злых, эгоистичных поляков, еврейчиков, армян и разнаго сброда из метисаціи городских сословій! Великана обвиняют во всем, что сами людишки напакостили, и он готов признать за собою всякія вины. Признав за собою всякія вины, великан одного желает: от них избавиться радикально. Свобода, так уж свобода до анархіи.

23 августа 1906. Покушеніе на Столыпина, убійство варшавскаго губернатора и других, ясно показывает, что между партіями революціонеров есть партія анархистов, обреченных и безповоротных. Русских легко загипнотизировать, что доказывается возникновеніем разных странных сект и гипноза, доводящих до самосожеженія, оскотленія, голоданія.

Великорусскій тип содержит в себѣ что-то ненормальное, то-есть не общепризнанное, и, слѣдовательно, не умное. Умным должен называться тот, кто хорошо сознает все окружающее, умѣет анализировать, сравнивать свое и чужое и идет к опредѣленным, ясным, достижным цѣлям. Этого не видно у великороссов. Мужик слишком прост, прямолинеен, необразован, но ум его

загроможден массою суетвѣрія. Судя по сектантам, можно ожидать, что этот ум когда-нибудь выравнивается. Только находчивости, юркости, необходимой для современной борьбы, у него никогда не будет.

Но интеллигенція — просто ужасна. У нея совсѣм не видно яснаго пониманія, даже трудоспособности. Никакого практическаго дѣла она не умѣет. Иногда она начинала, да и то с казенной помощью, разныя грандіозныя дѣла, напримѣр, Шавров, но неизбѣжно проваливалась.

Книжными умами по линіи литераторов мы болѣе богаты. Очевидно тут есть ум, но не такой, как я его представляю, а какой-то специфическій русскій. Всѣх русских писателей, лучших, можно назвать хорошими художниками, но не умными людьми. Ну, какой ум, обладающаго ограниченным кругозором, назойливаго и даже пошлаго Салтыкова-Щедрина? Какой ум у немѣющих цѣли и не интересующихся государством писателей — больших художников Чехова, Горькаго, Л. Н. Толстого, не говоря уже о всѣх остальных? Тоже и у Розанова, Меньшикова, т. е. у публицистов. Они говорят как бы нутром, желудком, сердцем, а не разумом. Они нигдѣ не ставят твердо долг, честь, государство, производительность, упорный труд. Знамя русскаго государства держат не они, а Гринмут, Берг, Юзефович, Пихно и, вообще, главное, не великорусскіе люди.

Великорусскіе писатели, как и политическіе дѣятели, Аладьин, Анохин, Набоков и пр. и пр. только расплываются в неопредѣленных затѣях. Упорный производительскій труд они ненавидят. Над кропотливыми работниками, напримѣр — Черновым, смѣются.

Да, странные типы. Насколько это результат дурацкаго воспитанія — трудно сказать.

Теперь предоставлено, по необходимости, дѣлать переоцѣнку цѣнностей и это взвалено на плечи молодого поколѣнія. Это необходимо, чтобы, наконец, разобраться. Напрасно бранят молодежь. В этой переоцѣнкѣ она страдает больше всѣх. Необходима самая страшная, какая есть, встряска, чтобы не отчаиваться и разобратся. Великорусскіе протестанты и революціонеры, это тѣ же Титычи, требующіе, чтобы нраву их не претягивали. В исторіи новгородцы очевидно были организованы сосѣдями шведами и нѣмцами, потому что других организацій в Россіи не было. Цари, особенно Иван Грозный, держали их в руках. Сами они не знают, как управиться. Присягают самозванцам, зовут поляков, потом отстаивают свою вѣру, являются Аввакумы, Никиты Пустосвяты, Никоны. Петру Первому приходилось уничтожать тупых революціонеров тысячами. Они за бороду спокойно отдавали голову. Совершенно такіе же тупоголовые, отдающіе голову за бороду, и Аладьины, Набоковы, Мышкины и пр. Государство для них — наплевать. Они, как и Никита Пустосвят, совершенно убѣждены, что свято только то, что им кажется таким. Если их не уничтожить, то они уничтожат все, что не в их головѣ, то есть всякую культуру и власть.

Умным человѣком не может почитаться тот, который не принимает в соображеніе государство и не знает, что он не один в мірѣ, и есть англичане, японцы и проч., и что есть и тончайшая культура, обязательно поражающая все некультурное, пьяное, нетрудоспособное.

Кіевскій профессор Рикорскій в популярной — у него, впрочем, все популярно — статьѣ говорит, что умны только молодые, и чуть ли не послѣ 40 лѣтъ мозг начинает атрофироваться. Рикорскій человѣкъ, как видно, малообразованный и не умный и не ученый, но как он мог рѣшиться сказать это —

непонятно. Не знаю, поддѣлка ли это к аудиторіи, или это дѣйствительно его мнѣніе.

Из литературы извѣстно, что художники лучшія свои произведенія создают дѣйствительно в молодости, до 40 и даже до 30 лѣтъ, но вѣдь это — художники. В том-то, кажется, и штука, что вся городская Россія состоит большей частью из художников. Современная, по случаю войны и безурядицы, болтовня — рѣшительно вопли и стоны художников. И вообще, жизнь на авось, без умѣнья сберечь, в зависимости от случая, есть свойство и признак художника. А у нас живет так чуть ли ни вся Россія.

Ученые японцы прямо говорят, что Россія создана исключительно мужиком, сплотившимся вокруг царя, а все служилое сословіе держалось для служилых цѣлей.

30 декабря 1907. Судя по «освободительным» газетам: Рѣчь, Русь, Биржевыя Вѣдомости, Киевскій Голос, наше образованное и полуобразованное общество вовсе не интересуется государством и необыкновенно мечтательно. Оно воображает, что все можно быстро передѣлать, что мужики несчастны и порабошены бюрократіей, а когда бюрократіи не будет и землю передать всю мужикам, всѣ будут счастливы и пр. и пр. При таком жалком умственном состояніи современнаго русскаго общества трудно надѣяться, что, как по видимому думает правительство, какая-либо реформа и новая «Дума» убѣдят его в необходимости спокойной культуры и повиновеніи законам.

Непонятный, невѣроятный психоз затмил всѣ головы. Всѣ в восторгѣ от убійств полицейских и сильных людей, и негодуют, возмущаются, когда их не только казнят, но толкают, или плохо кормят убійц.

Из этого слѣдует замѣтить, что сам тип русских антигосударственный, анархическій, но, кромѣ того, и все школьное образованіе, усвоенное в послѣднія десятилѣтія, совершенно непригодно.

Поразительна оторванность школы от государства и народа. В то время, когда в европейских государствах и даже в Соединенных Штатах Америки патріотизм и в стихах, и в прозѣ, и в пѣснях проводится вездѣ, от низшей школы до высшей, у нас в школах он считается чуть не постыдным. Учителя элементарных школ, учителя гимназій, профессора — все теоретики, не интересующіеся ни дѣйствительными потребностями народа, ни благом государства. Это жалкіе чиновники-наемники. Сельскіе учителя презирают крестьянскій труд. Они с завистью и жадностью смотрят на чужое благосостояніе, ненавидят людей трезвых, умѣренных.

Все это в утрированном видѣ представляется мнѣ, чтобы объяснить изумительное, беспочвенное состояніе современной интеллигенціи. При таком безпомощном состояніи и, несомнѣнно, с основным типом анархиста и индивидуалиста, русскій интеллигент весьма неустойчив и подчиняется всякому другому устойчивому типу, особенно еврейскому, армянскому.

Когда наступит выздоровленіе Россіи и сознаніе не только народности, но и государственности, трудно представить. Настоящее выздоровленіе может наступить только с выздоровленія школы. Мое крайнее мнѣніе то, что нам ни университеты, ни даже современныя гимназій не нужны. Они, в европейском смыслѣ, нужны только для немногих способных и состоятельных людей, имѣющих возможность празднично проводить время и наслаждаться наукою. Нам надо элементарныя школы, гдѣ бы учитель рядом с учениками занимался земледѣліем, скотоводством, садоводством, пѣлъ патріотическія пѣсни, а между прочим, и научил возможно лучше грамотѣ, арифметикѣ, исторіи, по-

знакомил с природой. Затѣм, необходимы всевозможныя техническія школы, гдѣ бы, непрѣнно на практикѣ, обучались всевозможным ремеслам и промыслам.

5 февраля 1907 года. Сегодня в «Кіевлянинѣ» перепечатана из «Веч. Биржевых Вѣд.» замѣтка о моем знакомом в Тифлисѣ, отцѣ Восторговѣ. Вот этот тип несомнѣнно русскій, но совсѣм особаго склада. Если в основном великорусском типѣ есть нѣчто разлагающее, то в типѣ Восторгова нѣчто объединяющее, созидающее. И это не во славу православія, а во славу русских и государства. Когда он говорил толпѣ русских переселенцев об объединеніи и о том, что они здѣсь борцы за государство, — и переселенцы, и я, и Величко прослезились.

Восторгов ни на кого не нападал. Он говорил всегда только как русскій и православный, но только за это и за то, что его слишком прочувственные слова зажигали даже воспитанниц смѣшаннаго происхожденія женской гимназіи в Тифлисѣ, гдѣ он преподавал Закон Божій, не только армяне, но и либеральные грузины, его страстно ненавидѣли.

19 июня 1907 года. По временам приходят мысли общаго характера, касающіеся современнаго положенія нас и вообще в человѣчествѣ. Кажется, в литературѣ недостаточно подчеркивается, что существуют, собственно, двѣ категоріи людей: люди, что-нибудь производящіе и люди, живущіе на счет этих производителей.

29 июня 1907 года. У И. И. гостит дядя Таисіи Ивановны, армянин, ходящій в отставных подполковничьих погонах. Он с ненавистью говорит о русских войсках. Говорит, что они грабители и даже трусы. Я ему поэтому наговорил: жалкіе людишки, хищники и нищіе только и спасаются русскими войсками и кусают руку, их кормящую.

Русскіе вообще, в том числѣ и войска, слишком мягки, терпимы, чело-вѣчны. Вмѣстѣ с тѣм у русских, даже образованных, какое-то равнодушіе к государству, что-то вродѣ космополитизма или анархизма. Когда, напримѣр, строго организованные евреи или армяне убивают всяких начальников и полицію, они легко прячутся между своими соплеменниками, которые их не выдают. В Бѣлостокѣ было убито болѣе 40 человекъ русских, главное полицейских, и ни одного преступника поймано не было. Тоже и в Тифлисѣ. Ни евреи, ни армяне, ни городской грузин не выдадут своих. Полиція безсильна. В Бѣлостокѣ полиція для самообороны распустила, может быть, слухи и даже возбудила массы против евреев.

25 октября 1907 г. — Прочитал сочиненіе «Степняка», извѣстнаго революціонера, о русской революціи и брошюры «Биржевых Вѣдомостей» о разныхъ дѣятелях революціи и прочихъ продѣлках. Общее впечатлѣніе, что главные революціонеры большей частью злые эгоисты, искавшіе удовлетворенія своей личной злобы, или фантазіи, разнаго рода неудачники, истерическія женщины и другіе полупомѣшанные.

Заговоры убить царя Александра Второго и какое-то дѣтское убѣжденіе, что от этого произойдет что-то очень хорошее, мнѣ представляются заговором сумасшедших. Как и настоящіе маніаки, заговорщики Желябов, Перовская, Кибальчич и были маньяки, то-есть фанатики до самозабвенія. Увлеченные маньяками и завлеченные в заговоры разными способами, заговорщики находили почву для своих преступленій в удивительной средѣ русскаго общества, непротивящегося злу.

Не умѣя работать и сбергать, всѣ кого-то обвиняли, главным образом

правительство, царя и сочувствовали революционерам, или, не то из робости, не то из боязни, покрывали их.

13 ноября 1907 года. Главные противники злу и защитники государства и русского народа малороссы, а также и бѣлорусы. Из Кіева сыплются телеграммы Государю и Столыпину о том, что власть убача, что революцію надо уничтожить безопасно, но останавливаясь перед уничтоженіем многих вредных людей, ни перед исключеніем тысяч студентов.

20 ноября. Во всѣх дѣяніях революціонеров, хотя и просвѣчивают фразы, что революція будто бы для блага народа, но виден только простой эгоизм.

Студент медицинской Академіи Попов серьезно занимался и похвастался своими сдѣланными микроскопическими препаратами своему товарищу, но товарищ посмотрѣл и презрительно замѣтил: «В такое время он занимается препаратами». Это так поразило Попова, что он бросил заниматься и пошел в революцію.

1908 год. Январь 9. Мнѣ 71 год и почти 6 мѣсяцев. Мое естественное угасаніе идет без скачков. В прошлом году как бы не произошло никаких замѣтных перемѣн ни в умственном, ни даже в физическом отношеніи. Я обрабатывал свою уже напечатанную статью «О Кіевском и Уманском уѣздах в антропологическом отношеніи», дѣлал сообщенія в Обществѣ Кіевских врачей и смѣло полемизировал с оппонентами. Уставал, кажется, больше прежняго и иногда уходил из церкви до окончанія службы.

22 июля 1908 года. В этом году я чувствую довольно рѣзкое физическое и умственное ослабленіе. Голова и борода почти сплошь посѣдѣли. Я мало дѣятелен, меньше читаю, еще меньше разрабатываю книжный матеріал. К лѣту, когда я начал работать на воздухѣ, нѣсколько подбодрился и равнодушіе к жизни ослабѣло. Чуть не через полгода я заглянул в эту тетрадь.

Событій много. Миша с марта в Петербургѣ. Олег женился. В юнѣ на хуторѣ Ольга Александровна с дѣтьми и жил недѣли двѣ Коля. Все идет довольно правильно и даже хорошо, пожалуй. Пока я помогаю, Миша держится и мечтает создать какое-то твореніе на удивленіе Европы, а пока прячется и, по словам Коли, не рѣшил знакомиться даже с литераторами, напримѣр, Чуковским и другими, с которыми, по инициативѣ Коли, встрѣтился.

Хуже всего Ванѣ, несмотря на его увѣренность, что он справится с хозяйством, всѣ его начинанія кончались неудачами. Он пробовал парники, дыни, особая порода огородных овощей — капуста, артишок, спаржи. Выписывал из Риги, Умани, Житомира свиней, завел особых кур... Все это, раньше или позже, гибло и доходов не приносило. Жена его тоже мечтала вмѣстѣ с ним. Я их называю иногда поэтами.

30 июля 1908 г. Я родился 19 июля 1836 года, а сегодня 30-е, Ивана Воина — мои именины. Я как будто чувствую себя бодрѣе и еще не отказываюсь помогать на хуторѣ.

15 августа ѣду на археологической сѣзд в Чернигов. Читаю «Россію», «Кіевлянин», «Биржевыя Вѣдомости». Мое давнишнее мнѣніе, что «даны нам благіе порывы, но свершить ничего не дано» (Некрасов), относится, конечно, к нѣкоторым великорусским типам. На славянском сѣздѣ в Прагѣ среди дѣльцов и ученых: чехов, поляков, болгар, выдавались своею поверхностью и увлеченіями гр. Бобринскій и Маклаков.

Судьба ереев полна особенностей антропологическаго типа, удивительно искусно загипнотизированных со времен Моисея и пророков и строго объединившихся, иная, чѣм у всѣх других народов. Евреи живут в заколдован-

ном кругу, из котораго выйти не могут. Убѣжденные, что земля будет принадлежать им, воздержанные, трезвые, плодovitые, составляющіе неразрывный союз, они взяли в свои руки всю торговлю. В Европѣ народы еще долго будут конкурировать с евреями, но, на примѣр, в Россіи, если евреи получат полноправіе, они быстро возьмут в свои руки всю торговлю и фабрики. Больших земельных имѣній брать в свои руки им не расчет. Для них выгоднѣе только раздробить их, чтобы ослабить высшія сословія. (Уничтоженіе дворян, аристократіи, буржуазіи — основная идея ученія Маркса). Крестьянскія земли они не рѣшатся трогать, а будут только высасывать из них что можно. Парализовавъ, собственно, русскую торговлю и промыслы, они сдѣлаются монополистами и будут облагать налогами косвенно все населеніе по своему произволу.

9 сентября 1909 года. Евреи имѣют свойства бродила, заставляющее бродить и волноваться другія массы. Они вливают новыя струи в застоявшіеся народы. Евреи как бы жертвуют собою для сближенія всѣх других народов. Они не могут произвести никаких существенных измѣненій в народных толпах, а сами, раньше или позже, должны потонуть в них.

Для русских баранов козлы евреи, кажется, необходимы... От метисаціи с евреями произошли, на примѣр, московскій профессор Захарьин, державшій в руках московских толстосумов, пожертвовавших 5 000 000 рублей на школы в Кіевской губерніи, ученые Мечников, Иностранцев, писатель Потапенко, энергичные, державшіе в руках общественное мнѣніе Москвы, братья Гучковы. Даже в старовѣры залѣзли евреи в лицѣ б. проф. исторіи Дуревина. В старообрядцах епископ Михаил. Все это служит к объединенію и развитію русскаго народа.

Европа дряхлѣет. Ея условныя традиціи, основанныя на рабской христіанской морали, поведут ее к краху. Пьянство, сифилис, стремленіе к вредным удовольствіям, вмѣстѣ с сентиментальностью, отживающим, идиотам, никуда не годным и не умѣющим самим бороться за существованіе, ставит Европу в положеніе гораздо худшее, чѣм расы азіатскія и даже африканскія, гдѣ люди прямѣе и трезвѣе смотрят на вещи.

Высокая культура Китая, Японіи, Индіи, арабов, персов, египтян не пропала безслѣдно. Они выработали сильнѣйшіе типы, чѣм европейскіе. Их не смутят вздорныя европейскія философіи. Они легко воспримут всякое новое приобрѣтеніе культуры матеріальной, но не увлекутся вздорными мечтами социализаціи и пр.

Очень важно, что у магометан нѣтъ пьянства, сифилиса и семья у них традиціонно подчинена мужу и что женятся рано. Это ставит развитіе магометан — физическое и умственное — в несравненно лучшія условія, чѣм у дряхлых европейцев, особенно горожан, проводящих вечера за пьянством, картами и разговорами.

В случаях волненій, азіаты не задумываются ставить вопрос ребром, и в національной борьбѣ будут истреблять противников тысячами и миллионами. Гуманность — это ахиллесова пята и не годится в борьбѣ.

Русских всѣ уважают и боятся. Это уваженіе и боязнь, замѣтны еще с XVIII вѣка. Англичане почувствовали это и при Екатеринѣ II-й или Павлѣ, и затѣм во время Наполеона — Питт, Гладстон, Биконсфильд. Они, разумѣется, свысока смотрѣли на русских, но, замѣчая государственное распространеніе, начали опасаться их престижа. Уже во времена Павла боялись их похода и вообще вліянія Россіи на Индію.

Французы со свойственным им легкомысліем смотрят на дикость русских. Они русских мало уважают, считая Россію царством деспотичным и считая своей культурной обязанностью идти против деспотизма.

Из записей И. И. П. в концѣ дневника, без даты:

Умных людей между русскими литераторами весьма мало. В газетах и журналах пишут чуть ли не исключительно люди неуравновѣшенные, недовольные, неудачники, не умѣющіе понять дѣйствительность. Среди городских и привилегированных сословій, привыкших только кому-либо служить, совсѣм не видно людей, умѣющих взяться за самостоятельное дѣло.

Между так называемым образованным обществом, установилось мнѣніе, что люди дѣла — это кулаки, міроѣды, даже ретрограды и шпионы. Даже из величайших современных художников А. П. Чехов обо всѣх людях дѣла говорит только с ироніей. У остальных добродѣтельный интеллигент вездѣ протестует против всякаго пракческаго дѣла и мечтает о том, как бы низвергнуть бюрократію и сдѣлать всѣх счастливыми. Это им кажется так возможно, легко.

...На этом кончаются записи моего отца. Они написаны в обычной так называемой «Общей тетради» в простом синем картонном переплетѣ. В концѣ тетради дѣловые замѣтки по хозяйству относительно налогов на хутор и прочіе.

ГЛАВА XI

Добровольскіе. Свадьба (1908). Вильна. Поѣздка на Балканы (1909). Первые русскіе скауты-развѣдчики. Рожденіе сына. Государь в батальонном собраніи. Поѣздка на Кавказ (1913-1914). Закладка полковой церкви.

Я уже писал, как я использовал тѣ сто рублей, которые получил как приз за отличную стрѣльбу, истратив эти деньги на поѣздку в Соловецкій монастырь. Когда я снова, как Императорскій приз за стрѣльбу, в 1907 году, получил такую же сумму, я стал с большим интересом разсматривать карту Европы. Меня давно уже, еще со школьной скамьи, интересовала Испанія. Может быть отчасти и потому, что Пушкин (никогда не бывавшій в Испаніи) описал ее так заманчиво. Вспоминался его «Каменный Гость», «Дон Жуан», гдѣ «Ночь лимоном и лавром пахнет». А Дон Кихот Сервантеса! Какое это гениальное произведеніе и как легко мнѣ было запомнить наизусть отрывки из книги о его походах. Вот один из них, когда он обратился с воззваніем, с рѣчью к воображаемым рыцарям: «Мужайтесь, благородные рыцари, стояшіе под знаменами великаго Пентаполина, обнаженной руки! Мужайтесь, слѣдуйте за мною и вы увидите, как скоро и легко я отомщу врагу Пентаполина Алифанфарону Тапробанскому!.. И храбрый рыцарь мужественно вѣрзался в самую середину бараньяго стада».

Мережковскій написал чудесные стихи, посвященные Дон Кихоту, которые я тоже знал наизусть. Видѣть родину Сервантеса, видѣть ему памятник в Мадридѣ, — это было моим завѣтным желаніем так же, как увидѣть в Прадо картины Веласкеса, о которых с таким вдохновеніем писал Бальмонт: «Веласкес, Веласкес — единственный геній, сумѣвшій таинственным сдѣлать простое. Как властно над сонмом твоих сновидѣній безмолвствует солнце, всегда молодое! С каким униженіем и с болью и в страхѣ тобою, безсмертные, смотрят шуты» и т. д.

И вот я иду в бюро для путешествій и выбираю маршрут кругового билета: Берлин, Париж, Ницца, Венеція, Фиуме, Будапешт, Киев. Самый отдаленный и самый для меня в то время интересный пункт — Мадрид. И я был в восторгѣ видѣть воочию произведенія Веласкеса, причем особое мое вниманіе было остановлено его гигантской и чудесной картиной «Взятіе Бреды», гдѣ побѣдитель, по-рыцарски, встрѣчает побѣжденнаго с ключами от крѣпости. Я как будто предчувствовал, что эта картина будет очень кстати для будущих времен. Я купил фотографію «Бреды» и еще «Нищаго Пепито» и королевских карликов и шутов, которых обезсмертил своею кистью Веласкес. Но как много еще было великих художников в музеѣ Прадо!

А памятник Сервантесу находился на центральной мадридской площади и рядом с памятником была великолѣпная бронзовая группа: Дон Кихот на своем Россинантѣ и слѣдом за ним толстый Санхо Пансо на осликѣ.

В Ниццѣ я ночевал в небольшом отелѣ около садика Эльзас Лорен. Я любовался морем и съѣздил в Монте Карло, гдѣ на террасѣ встрѣтил милых людей из нашего Павловска. Я сказал им Лермонтовское:

Стрѣлок Его Величества (1905).

*Блѣнет парус одинокій
В туманъ моря голубом.
Что ищет он в странѣ далекой,
Что кинул он в краю родном...*

Затѣм Ментона, гдѣ я ночевал, и Венеція, откуда пароходом в Фіуме, подъѣзжая к которому любовался чудесным глубоким заливом и лѣсистыми горами.

В Будапештѣ я уже стал ощущать, что за мною слѣдят, как за русским офицером: не шпион ли? Особенно эта слѣжка стала замѣтна, когда я высадился на 2-3 часа в Львовѣ, и я был доволен, когда, наконец, добрался до нашей русской границы.

*

Вернувшись в Царское Село, несмотря на утомительную работу с нашими новобранцами и стрѣлками, я записался в Петербургскій Императорскій археологическій институт и ѣздил аккуратно три раза в недѣлю на лекціи. Кроме того, я нѣкоторое время был в Императорской школѣ Поощренія художеств, помѣщавшейся в Петербургѣ на Большой Морской улицѣ и, наконец, участвовал раз в недѣлю на собраніях кружка Любителей ораторскаго искусства. Всѣ эти учрежденія отнимали у меня большинство вечеров.

Я, конечно, успѣвал навѣщать своих петербургских родных и знакомых. Не забывал также посѣщать время от времени наш чудесный петербургскій Эрмитаж, гдѣ были сосредоточены сокровища искусства. Затѣм, конечно, театры: Маріинскій, Александринскій, Малый и иногда чудесный Московскій Художественный театр, — Чехов, Ибсен, Метерлинк! Как много незабываемых впечатлѣній. Мы, зрители, благоговѣнно уходили из этого театра, как из храма искусства, будто мы причастились высшему, чистому святому искусству!..

Знакомства мои, царскосельскія, были у наших женатых офицеров: у Зволянских, мать и дочь Урусовы, дѣвица Михалевиц и семья Стаховичей: три дѣвицы — Варенька, Юленька и Ледушок-Лидія. Иногда пріѣзжал и отец, или дядя, будущій член Государственной Думы Михаил Стахович, очень славный и пріятный человек. Бывал у Зволянских иногда и поэт Жемчужников, один из авторов Козьмы Пруткова.

У Олсуфьевых бывали Макаровы, вдова адмирала и ея сын, моряк, затѣм Епанчины, с молоденькой и миловидной дочерью Вѣрой, будущей Фальц Фейн.

Я уже писал, что в Петербургѣ я бывал в семьѣ жены моего брата Андрея Ивановича, который вскорѣ послѣ его производства в доктора, уѣхал с женой в Тифлис. Семья эта состояла из старичков родителей по фамиліи Спичаковы-Заболотные. У них была дочь, замужем за нѣким Барбот де Марни, и сын Александр Александрович, собиравшійся жениться на графинѣ Вѣрѣ Константиновнѣ Кронгельм, причем брат ея, правовѣд, шутил, что когда Спичаков-Заболотный станет женихом его сестры, то его фамилія станет Спичаков-Зарѣчный, а когда он женится на его сестрѣ, тогда он будет Спичаков-Заморскій.

Вот в эту-то семью и был я как-то приглашен Александром Александровичем Спичаковым и его невѣстой гр. Кронгельм. Александр Александрович, приглашая, сказал, что в гостях у Кронгельмов будет очень симпатичная барышня.

И в самом дѣлѣ, среди многочисленных гостей в этот вечер была, недавно вернувшаяся из Парижа, очень миловидная Нина Михайловна Добровольская, с которой легко и интересно было говорить. И было о чем говорить с молодой «парижанкой», как ее шутя называли.

Нина Михайловна ѣздила в Париж и жила там почти год с двумя своими подружками, чтобы учиться живописи. И подружки были, как видно, чудесныя: Рената Юльевна Фехнер и Берта Ивановна Рулле, у матери которой и жила послѣ в Парижѣ Нина Михайловна.

Стали играть в «почту». Я получил между другими посланіями: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горѣ.» Очевидно, это от Ренаты.

Перед тѣм, как уѣзжать к себѣ в Царское Село, я спросил разрѣшеніе навѣстить Нину Михайловну и ея родителей. Это я и исполнил дня через два или три.

Добровольскіе жили тогда в уютном небольшом домикѣ на Эртелевом переулкѣ. Отец Нины Михайловны как раз на это время, на нѣсколько мѣсяцев, был командирован в Петербург из Вильны, гдѣ он командовал 3-м Саперным батальоном. В воскресный день я застал все семейство в сборѣ: полковник, с орденом св. Владимира в петлицѣ, и его радушная жена, говорящая с небольшим нѣмецким акцентом, подросток, младшая дочка Леля, сіяющая своей привѣтливой улыбкой, и, наконец, молодой человек, в красивой формѣ Училища Правовѣденія, брат Нины Михайловны, Борис. Славная, дружная семья. Кромѣ того, у Добровольских жила и Рената Юльевна Фехнер, одна из тѣх двух подруг Нины Михайловны, с которыми она была в Парижѣ.

Борис Михайлович жил у знакомых — у Николаевых. Но всѣ остальные как то хорошо умѣли размѣститься в небольшой квартиркѣ. Мнѣ предложили чашку чаю с вкусными печеньями, и всѣ уютно сидѣли вокруг круглаго стола и Нина Михайловна помогала матери с чаем; общая бесѣда шла весело и оживленно.

Меня просили заходить и я, конечно, с удовольствіем исполнял это приглашеніе. Нина Михайловна, вмѣстѣ с Ренатой и Вѣрой Константиновной, усердно учились в художественной мастерской Яна Францевича Цюнглинскаго, а также, отчасти, в художественной школѣ барона Штиглица, в Соляном Городкѣ.

Сколько было веселых и интересных рассказов об этих художественных школах и особенно об учениках и ученицах, работавших там. Как увлекательно Нина Михайловна рассказывала про всякія мелочи и какія интересныя работы она показывала.

Рената могла бы точнѣе и подробнѣе рассказать об этой удивительной художественной мастерской. Я вспоминаю, что сам Цюнглинскій всегда был вдохновлен искусством и музыкой и вдохновлял своих учениц и учеников. У него были друзья среди крупных музыкантов и иногда Гофман и другіе играли для мастерской в сосѣдней комнатѣ и это было большое наслажденіе, как говорила Нина Михайловна, и способствовало вдохновенію работающих. А сам Цюнглинскій всегда был воодушевлен искусством.

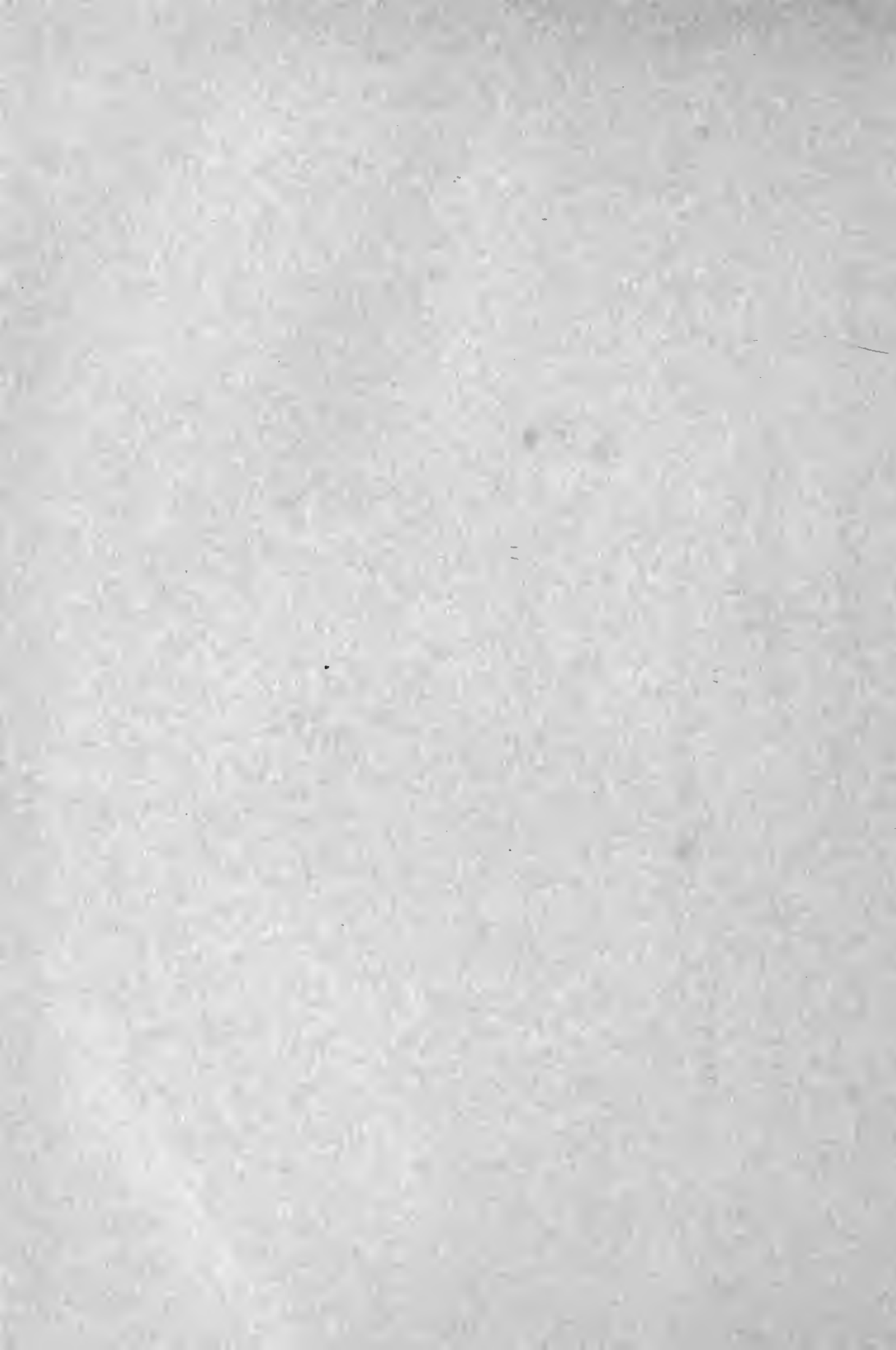
— Вы посмотрите же: это не модель, а это тигрица!, — говорил он ученикам. — Рената, вы не искренни! — Закричал он раз на всю студию. А бѣдная, скромная Рената Юльевна не знала куда дѣваться от конфуза.

Он рассказывал о своей недавней поѣздкѣ в Испанію и в Египет и говорил: Испанія — это конфета, а Египет — это ананас.

Запомнился рассказ про одного художника, который для работы за-

Нина Михайловна Добровольская.

бирался куда-то высоко, чуть ли не под потолок, и его прозвали Нина с Ренатой — «Совушкой». Когда Цюнглинскій иногда подходил к работающей Нинѣ и находил, что нѣтъ достаточно смѣлости в живописи, он вспоминал тогда моднаго художника и говорил тихим замогильным голосом одно магическое, по его мнѣнію слово: «Бурлюк!»...

Итак, Нина Михайловна была рада, что я раздѣлял ея восторги «перед созданіями искусств и вдохновенья.»

Однажды, когда мы с ней долго ходили по залам Эрмитажа, нам встрѣтилась одна из учениц Цюнглинскаго, и Нина, послѣ нѣкоторой доли возмущенія, передавала, что эта ученица говорила в студии: Добровольская вчера в Эрмитажѣ наслаждалась вдвойнѣ.

*

Вспоминается, как мы с Ниной Михайловной ходили весною, в ростепель, в Академію Наук на выставку картин. Тающій, грязный снѣг на улицах, а Нина Михайловна не выбирала особенно дорогу куда ступить, и мнѣ показалось, а может быть я и сказал про это: и грязь не пристанет никогда к ней. Рената Юльевна Цедер, тогда еще Фехнер, попрежнему жила в дружеской, даже как бы родственной ей, семьѣ Добровольских, но ее как-то не было видно и она, по-видимому, старалась не мѣшать нашей дружбѣ и даже собралась куда-то уѣзжать. Но перед отъѣздом мы пошли втроем по каким-то дѣлам, и недалеко от Таврическаго Сада Рената заявила, что она на короткое время должна зайти к ея друзьям Голицыным и она скоро вернется.

Был чудный свѣжій вечер. Деревья были убраны снѣжными узорами. На душѣ тоже было хорошо и я рѣшил, что это очень подходящее время, чтобы попросить у Нины Михайловны ея руку, то-есть стать моей женой. Отвѣтъ был: лучше подождать еще, чтобы быть увѣренным еще больше, а пока не говорить никому. Так мы и сдѣлали. Но все же я еще чаще стал бывать у Добровольских. Только через большой промежуток времени я сказал обо всем матери Нины Михайловны. Отец ея был к этому времени уже в Вильнѣ и только иногда пріѣзжал в Петербург. Я значительно позже узнал, что или он, или его брат, саперный генерал, ѣздил в Царское Село к своему другу капитану М. И. Дворжицкому, чтобы больше разузнать обо мнѣ, и всѣ были очень довольны. Из близких мнѣ людей в Петербургѣ особенно была довольна, а может быть даже счастлива, моя крестная мать Ольга Семеновна, в семью которой мы с Ниной поѣхали вскорѣ с визитом...

Мы, офицеры, обычно в полку ходили в своих темно-зеленых сюртуках «царскаго цвѣта», а дома в тужурках сѣраго сукна. Когда кто-нибудь появлялся в так называемой «обыкновенной формѣ», то-есть в красивом мундирѣ с погонами и оружіем, то это заставляло встрѣчных офицеров удивляться и задавать вопросы: «по какому случаю такой красивый»? Обыкновенная форма надѣвалась тогда, когда офицера по дѣлам службы вызывали к командиру батальона для выговора или каких-нибудь особо важных объясненій, или тогда, когда офицер просил разрѣшенія, вѣрнѣе, заявлял о своем желаніи жениться. Но добавлю сначала, почему я сказал о том, что на «обыкновенной» формѣ мы надѣвали погоны. Именно в этих погонах и была разница между «обыкновенной» формой и формой парадной, когда вмѣсто погон надѣвались эполеты.

Итак, я надѣл свою обыкновенную форму и отправился к командиру ба-

тальона генералу Николаеву на квартиру в той Малиновской дачѣ, гдѣ мы всѣ жили. Николаев не был особенно удивлен моим рѣшеніем жениться. Должно быть наш батальонный адъютант, штабс-капитан Зволянскій, успѣлъ ему проболтаться. Нѣсколько обычных вопросов о родителях невѣсты и о деньгах... Особенное, как всегда, впечатлѣніе, что Нина Михайловна дочь командира 3-го Сапернаго батальона и племянница командира лейб-гвардіи Сапернаго батальона свиты Его Величества генерал-майора Добровольскаго. Значит — Нина Михайловна из нашей военной среды.

Лѣто 1907 года Нина Михайловна провела в Вильнѣ и на дачѣ под Вильной в живописном мѣстечкѣ Кучкуришках. Я навѣстил ее там по дорогѣ в Киев, куда я торопился, узнав о болѣзни моей матери. Тяжело было всѣм нам видѣть, как наша мама была безнадежно больна. Лучшіе доктора, навѣстившіе ее, сказали, что если бы они видѣли ее немного раньше, то ее можно было спасти. Но теперь это невозможно. На ночном столикѣ стояла карточка-открытка, на которой Нина чудесно нарисовала акварелью цвѣты и написала любящія строки привѣта. Почти всѣ мы, братья, были тут. Только Андрей Иванович не мог еще пріѣхать из Тифлиса. ...Но трудно и, не знаю, нужно ли писать о горестных минутах и днях жизни. Перейду снова к описанію полковой жизни в Царском Селѣ.

Я уже писал, как я одѣвал «обыкновенную» форму, чтобы просить у командира батальона разрѣшенія жениться. Такую же обыкновенную форму я одѣл, чтобы получить разрѣшеніе на отпуск в город Вильну для моей свадьбы там 11-го мая 1908 года.

Посаженым отцом и посаженной матерью я просил быть моего непосредственнаго начальника и сосѣда по квартирѣ на Малиновской Дачѣ капитана Николая Эрастовича Зволянскаго и его жену Софію Васильевну; шаферов я себѣ выбрал: поручиков Нила Завалишина и Алексѣя Гловацкаго. Они тоже взяли себѣ отпуска на нѣсколько дней, чтобы поѣхать в Вильну.

Перед поѣздкой на свадьбу я был приглашен в ресторан Куба всѣми офицерами батальона на «мальчишник», то-есть на веселый товарищескій ужин в мою честь; на моем печатном меню Зволянскій написал для меня нѣсколько «поучительных» строк: «В семейной жизни важнѣе всего терпѣніе и взаимопониманіе». — «Я увѣрен, что у тебя это есть!» — сказал я Зволянскому... В самом дѣлѣ, я довольно часто заходил к своим сосѣдям Зволянским и всегда видѣл их в добром согласіи и в хорошем настроеніи. Меня очень тронуло вниманіе моих сослуживцев. Вечер прошел весело и дружно. Говорили всякія добрыя пожеланія и рассказывали много интересных исторій.

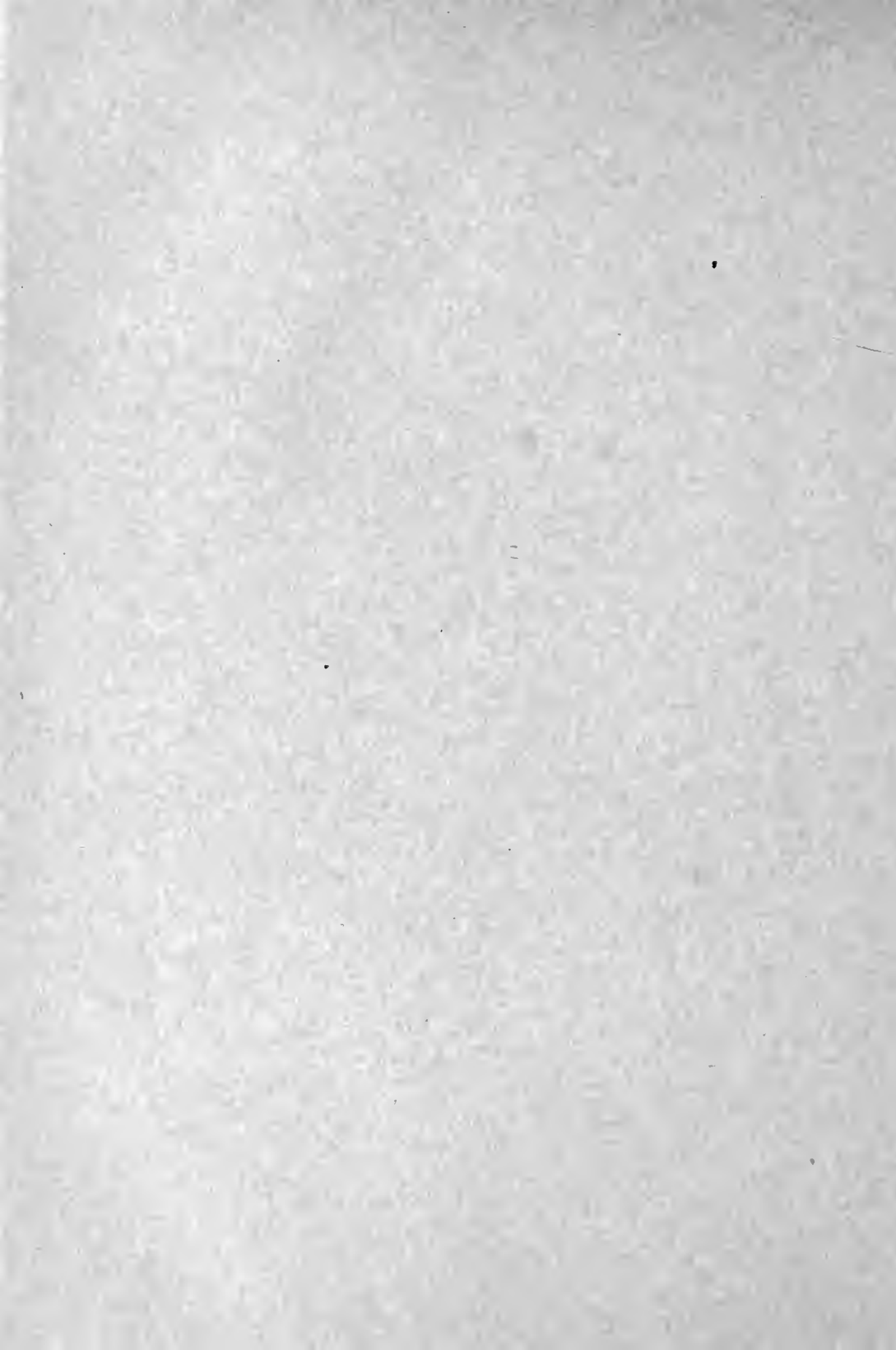
Итак, я ѣду в милую старую Вильну, о которой уже много слышал от Нины Михайловны. Я останавливаюсь в гостиницѣ на Георгіевском проспектѣ, рядом с домом, гдѣ живут Добровольскіе. На слѣдующій день пріѣзжают и мои шафера и останавливаются в той же гостиницѣ. С ними пріѣхал и брат моей невѣсты Борис Михайлович Добровольскій. Мнѣ передают, что в день, когда будет вѣнчаніе, нельзя видѣться с Ниной. Мы встрѣтимся в той самой церкви, в которой весь батальон Михаила Васильевича ходил и к Причастію и на Рождество Христово.

Кажется многіе хотѣли видѣть, кто из нас первый ступит на плед, или платок, который был там, гдѣ мы должны были стоять. Но мы оба ступили на этот платок вмѣстѣ. Все вѣнчаніе было и торжественно, и умирительно.

Послѣ вѣнчанія Нина сказала мнѣ, что она уже велѣла нашему возницѣ, чтобы он ѣхал к Добровольским не прямым путем, а гораздо болѣе дальним,

Под Вильной в живописном мѣстечкѣ Кукуришках.

чтобы Нина могла рассказать мнѣ о тѣх своих впечатлѣніях, которыя у нея с давних пор особенно ясно живут в душѣ. Вѣдь подумать только, сколько чудесных впечатлѣній было у нея здѣсь. Вот школа Прозоровой, куда она поступила вмѣстѣ с подружкой Ренатой, вот в паркѣ тот маленькій «кружок», гдѣ дѣти играли в свои веселыя игры. А когда дома папа и мама говорили вечером, что они идут в «кружок» в обществѣ, то Нина не знала, зачѣм им итти в «кружок» — вѣдь там очень темно и никого там нѣтъ теперь. Вот магазин Сыркина, гдѣ так много было чудесных, интересных книг, которыя она брала с собой и читала, иногда одна, а иногда вмѣстѣ со своей подружкой Ренатой.

Рядом с домом, гдѣ жили Добровольскіе, была Георгіевская гостиница, гдѣ мы с Ниной принимали поздравленія от всѣх, кто был на нашей свадьбѣ. У Нины были такія дружныя, такія чудесныя подружки, душевныя пожеланія которыя они хотѣли бы передать ей на всю ея жизнь: Рената, Берта Рулле, Аня Фробеен. А еще всѣ в батальонѣ, а родственники в Ригѣ!...

Затѣм был обѣд дома у родителей Нины и вскорѣ послѣ этого обѣда мы отправились на вокзал, чтобы ѣхать в Ригу, в тѣ мѣста, гдѣ Нина так часто, почти каждое лѣто, наслаждалась под крылышком своей бабушки, милой, заботливой, совершенно исключительно преданной своим внукам. Мы жили здѣсь, на приморьѣ, нѣсколько дней, а затѣм переѣхали в Зеегеволд. Конечно, мы должны были бы сдѣлать визиты родственникам Нины в Ригѣ. Но вот уже скоро надо мнѣ возвращаться в батальон...

Но тут я сдѣлаю короткое отступленіе от своего разсказа и напишу короткое, сентиментальное слово о Ригѣ и Вильнѣ и о дѣтствѣ там моей жены.

*А юность была как молитва воскресная,
Мнѣ ли забыть ее?*

Ахматова

Вильна — это город маленьких еврейских торговцев, польских помѣщиков и литовских крестьян. Город русскаго чиновничества, русских солдат, литовскаго и русскаго прошлаго.

В одном из саперных батальонов, здѣсь стоявших, — в Третьем саперном — батальонным адъютантом был поручик Михаил Васильевич Добровольскій. Когда этот батальон квартировал в Ригѣ, Михаил Васильевич познакомился с молодой барышней Ольгой Федоровной Шмидт и женился на ней. Ольга Федоровна была из большой рижской семьи и у нея было много близких родственников и друзей, кромѣ ея трех сестер, пріемнаго отца, ея собственнаго дяди, и бабушки Юліи.

Когда батальон перевели в Вильну, будто невидимые дружественные провоза установились между этими двумя городами — Ригой и Вильной. Вмѣстѣ со своим папой и мамой пріѣхала из Риги в Вильну их маленькая дочка Ниночка и ея братец Боря. Рѣчь дальше будет итти главным образом о Ниночкѣ.

Маленькая дѣвочка, сначала с паяцом-погремушкой, а потом с куклой-Иришей в руках — вот одни из первых ея фотографій. Ранняя весна в Вильнѣ. Солнышко так хорошо свѣтит и грѣет. Цвѣтут яблони. Звон колоколов католических и русских. Щebetаніе птиц. А на улицах — гимназисты и гим-

назистки, скромные чиновники и скромные русские солдаты. И русские, и поляки, и литовцы все перемешаны в одну толпу и все живут мирно и все объединяет под своим покровом общая Покровительница Вильны Остробрамская Божья Матерь, икона, которая одинаково почитается и поляками, и литовцами, и русскими, хотя у русских людей есть и свой монастырь и свои святыни.

Дѣтская площадка в Бернардинском саду. Здѣсь много дѣтской радости и веселья. Иногда для дѣтей устраивались далекия прогулки в Банковскій сад, на гору, — в сказочное царство для маленьких дѣтей. Все сказочно. Должно быть так Бог устроил, все радостно в этом земном раю.

Все привѣтливо улыбаются, глядя на Ниночку, и она отвѣчает своим дѣтским привѣтливым взглядом. Иногда прохожіе женщины на улицах останавливались и говорили: «Какая душечка». Ея игры, ея ученье и вся жизнь освѣщались весельем и смѣхом. Радостью для нея был Божій мир, и она была радостью для окружающих. Какой чудесный смѣх с подружками, с братом и сестренкой, с родителями и особенно с молодой «няней», подростком Леной Плечиковой, которой было всего только пятнадцать лѣтъ, когда она поступила к Добровольским. Лена и сама очень любила посмѣяться и побѣгать, и пошалить немного. Веселая, добрая, быстрая на выдумки, пѣвунья, Лена была не няней, а подругой. Она была сирота. Брат у нея был послушником в Виленском русском монастырѣ, а сестра была в каком-то сиротском пріютѣ и что-то неудачное было с ней: кажется, пріют на нее плохо повліял и она стала нечистой на руку, и Лена и Ниночка вмѣстѣ Богу молились, чтобы Господь помог этой дѣвчкѣ выбратъся в добрые люди.

За обѣдом иногда Нина и Боря отказывали себя в сладком блюдѣ и откладывали его, чтобы отнести сестрѣ Лены в пріют. Милая Лена Плечикова говорила про эти подарки, что это дѣти «жертвуют» ея сестрѣ. И слова «жертва-жертвенность» запечатлѣлись в душѣ у Нины и, может быть, у Бори, и главное смысл этих слов — вся жизнь Нины была жертва и жертвенность в лучшем смыслѣ этих слов... Лена Плечикова дала свѣтъ радости и русскость, и веселость и, может быть, эту жертвенность, в душу маленькой Ниночки. Надѣмся, что она жива и здорова в Москвѣ.

...Весну и лѣто Добровольскіе проводили в Ригѣ и в Майоренгофѣ у бабушки и у дѣдушки. Здѣсь, обычно, собирались все родственники и друзья. Родственников очень много и все очень милые, добрые, ласковые и... очень разные. У каждого есть что-нибудь свое, индивидуальное, но все сходятся в одном: все любят своих русских родственников Добровольских.

Сколько радостей на новом мѣстѣ! Здѣсь и зеленая лужайка около дома и крокет, и мяч, и куклѣ Иришѣ раздолье и ея подругѣ Ниночкѣ. Сосны шумят у самага дома, а в домѣ живет чудесная фея-бабушка Юля, с доброй улыбкой и мягкими щеками, которыя так пріятно цѣловать! Она ходит так тихо — «как мышка» — и это сравненіе тоже веселит Нину.

В Майоренгофе все иначе, чѣм в Вильнѣ. Но главное, что чувствуется вездѣ и как бы невидимо присутствует здѣсь — это море! О нем говорят. Его дыханіе всегда доносится до всех. Его шум, мѣшающійся с шумом сосен, посылает вам привѣтъ и как будто кто-то заботится о вас по-сосѣдству, невидимый и большой. Он говорит, он дружески трогает и толкает вас своим дыханіем — вѣтром с моря.

В девяностых годах Нина была в школѣ Прозоровой в Вильнѣ. Это было большое событіе, когда она поступила туда. Сколько новых впечатлѣній! Как

Нина Михайловна с родителями с сестрой Лелей.

хорошо вышло, что вмѣстѣ с Ниной поступила к Прозоровой и ея маленькая подружка Рената. Обѣ дѣвочки вмѣстѣ подготавливались у учительницы Гемиллер, которая была своим челювѣком в домѣ у Добровольских и которую Михаил Васильевич, со свойственным ему остроуміем, прозвал «Благодарной почвой», потому что она так сердечно и искренно всѣх за все благодарила.

На почвѣ подготовки в гимназію двух дѣвочек, собственно и состоялось первое знакомство Фехнеров и Добровольских, перешедшее затѣм в нерушимую дружбу. Впослѣдствіи маленькой Ренатѣ захотѣлось носить болѣе русское имя и ее, частным образом, называли Рогнѣдой. Рогнѣда звучало болѣе поэтично, а поэзіи у обѣих подруг и в душѣ и в жизни было цѣлое море — непочатый край. Двѣ подружки-гимназистки стали почти неразлучными, и на перемѣнах в гимназіи они ходили все время обнявшись, отдѣльно от других, так что кто-то из учениц нарисовал мѣлом на классной доскѣ двух обезьянок и надписал: «двѣ обезьяны», так что всѣм было понятно нарисованное.

С возрастом их дружба крѣпла и, кромѣ обычных игр, шалостей и забав, у них в душѣ крѣпла любовь к хорошим книгам, к музыкѣ, к искусству. Впослѣдствіи Нина так хорошо все это выразила слѣдующими словами: «Создать красоту, завершить какое-нибудь хорошее начинаніе... Посвятить себя какой-нибудь духовной или высокой цѣли»...

Со временем Михаила Васильевича перевели на должность в Петербург из губернскаго городка в столицу Имперіи! Сколько новых впечатлѣній для Нины! Гимназія Таганцевой на Моховой улицѣ, новыя подруги, выставки картин, музеи, театры, художественныя мастерскія и веселье, и смѣх, смѣх при каждом удобном случаѣ. — О чем? — О том, что новая подружка Нетти Субботина так серьезна по виду, и такая забавница и шалунья внутри. О том, что дядя Володя вчера рассказывал в вагонѣ конки про времена Государя Николая Павловича, и сосѣди в вагонѣ очень одобрительно на него смотрѣли и ввязывались в разговор. Мало ли поводов для веселья и радости. Много веселаго на этом свѣтѣ, если только умѣть разглядѣть это смѣшное.

Письменный стол Нины поставлен был недалеко от огромнаго окна, страннаго низкаго окна, из котораго не видно было очень много неба, но зато видно было цѣлое море зелени сосѣдняго парка. Над столиком, по тогдашнему всеобщему увлеченію Линой Кавальери, масса ея фотографій в самых разнообразных позах и одѣяніях, снимки с картин и много других уютных вещей: вѣера японскіе, маленькія статуэткі на кронштейнах и всякіе сувениры.

Иногда Михаил Васильевич с Ниной просто шли «погулять» по городу.

«Невская Перспектива» была во время Петра. Теперь это — Невскій Проспект. Какой широкій и как много тут разных людей. Что-то в нем есть особенное. Недаром и Гоголь и другіе пишут о Невском. Михаил Васильевич обращает вниманіе, что самого Аничковскаго моста через Фонтанку почти незамѣтно — такой он широкій. Только гигантскіе Аничковскіе кони — скульптура барона Клодта — и Аничковскій дворец за ними. Сколько здѣсь движенія, сколько саней, конок, пѣшеходов! Всѣ спѣшат куда-то.

Между Думской каланчею и Гостиным двором скромно притаилось какое-то маленькое строеніе. Но почему там так много народу и всѣ прохожіе снимают шапки, крестятся, а внутри часовенки много, много свѣчей? Это горят свѣчи перед иконою Божьей Матери... Как в Вильнѣ Остробрамская Божья Матерь, так и здѣсь Покров Пресвятой Богородицы невидимо спасает от бѣд этот город.

...В каждой почти части города жили друзья и знакомые Добровольских. Всѣ, без исключенія, были настоящіе друзья, не поддѣльные. Других у Нины и не было. Должно быть у Нины было какое-то особое чувство или чутье, так как выбор друзей был безошибочен.

Около Инженернаго замка, через Фонтанку, Цѣпной висячій мост. Здѣсь, когда возвращаешься из Таганцевской гимназіи, особенно интересно итти, и здѣсь, поблизости, начинается подземный туннель-коридор, ведущій к Инженерному Замку. Когда Нетти Субботина провожала Нину домой, то в этом туннель почему-то обѣ дѣвочки особенно весело хохотали.

А дома Нина пишет за своим уютным столиком рассказ о том, что она поднимается на высокую гору. Подъем очень труден, но радость достиженія заслоняет усталость: вперед и вперед! Выше и выше!

Отец Нины, Михаил Васильевич, который когда-то в Вильнѣ для маленькой Нины любил строить красивые «Куклины Домики» и умѣло их меблировал, теперь, на новосельи, рассказывал своей дочери замѣчательныя исторіи про замѣчательнаго императора, построившаго чудесный Замок, и еще о других императорах и императрицах, начиная с Петра, который построил Петербург и перестроил Россію.

Раньше Императрица Елизавета Петровна жила в деревянном дворцѣ на том мѣстѣ, гдѣ стоит Инженерный замок.

Впослѣдствіи, здѣсь одному караульному солдату, стоявшему на часах, было видѣніе: явился Архистратиг Божій Михаил и сказал, что тут должна быть построена церковь его имени.

В это время на престолѣ был Император Павел, и он исполнил волю Архистратига. Церковь была построена и, кромѣ церкви, огромный замок во славу Архистратига — Михайловскій замок и в нем церковь святого Михаила.

Много видѣли толстых стѣны Михайловскаго Инженернаго Замка! Скольбо клеветы и поклепов возводили на своенравнаго и умнаго Императора Павла! Он вставал в пять часов утра и вся дѣятельность правительства, города, и за ними и всей матушки Россіи начиналась довольно рано: надо было дорожить временем для работы. Эта идея, дорожить временем, нравилась Нинѣ, а впослѣдствіи и мнѣ.

Много хороших черт было у оклеветаннаго императора-рыцаря Мальтійскаго Ордена. Он основал много училищ, университетов, институтов... Говорят, что его убили по интригам Англій, интересам которой он не захотѣл подчинить интересы Россіи. Нинѣ, конечно, Михаил Васильевич ничего этого не рассказывал.

И вот совпаденіе: в то время, когда Нина и всѣ Добровольскіе жили в Замкѣ, гдѣ был храм св. Михаила, в далеком Тифлисѣ, у нас, в кадетском корпусѣ, была церковь во имя этого же святого, и наш корпусный праздник бывал в тот же день, как и в Инженерном замкѣ.

*

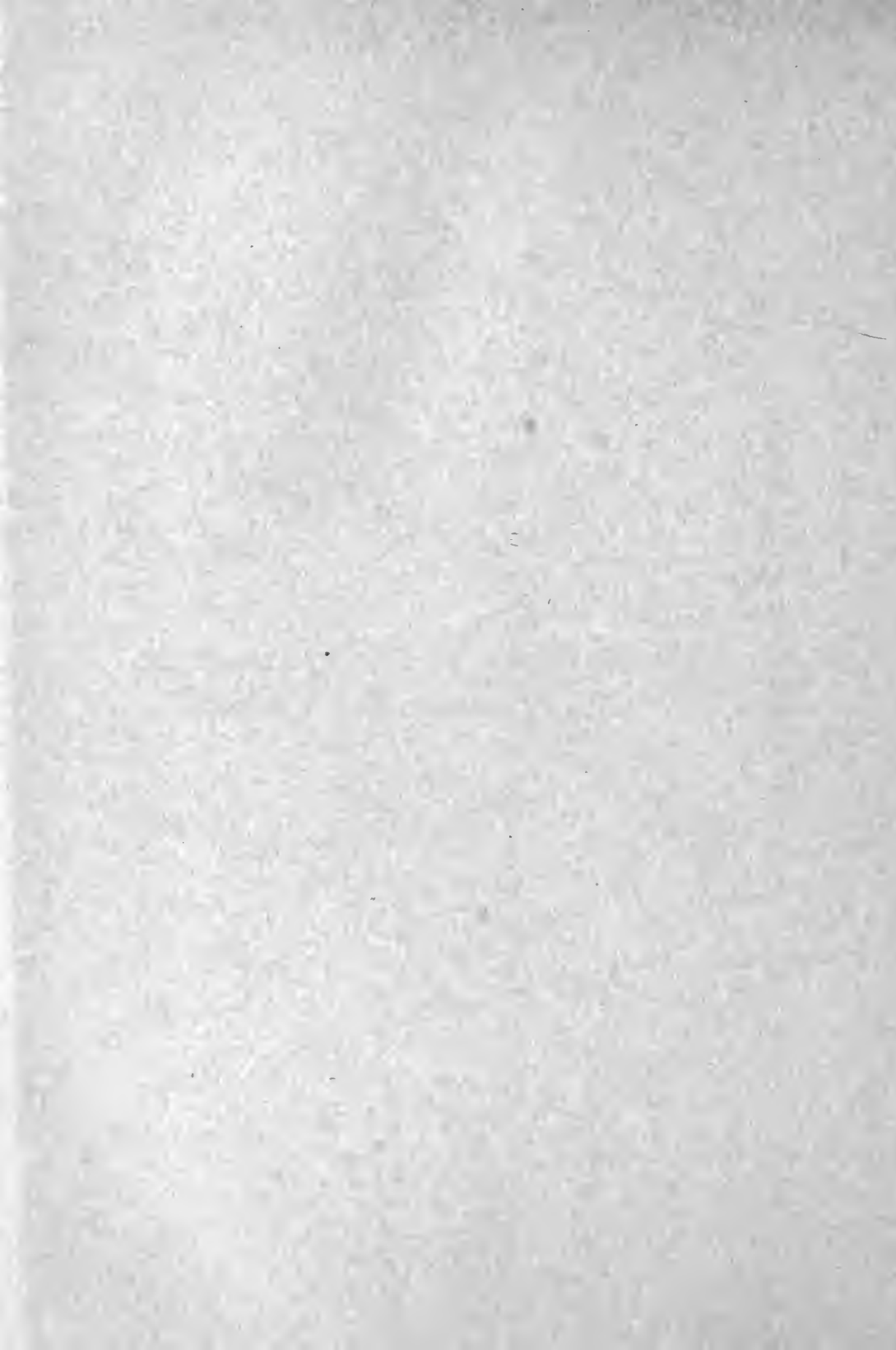
Послѣ свадьбы мы поселились сначала на Малиновской Дачѣ в квартирѣ капитана Рейтерна, стараго холостяка, который на нѣсколько мѣсяцев переѣхал в сосѣднюю квартиру к своему пріятелю капитану Паландер. Рейтерн, котораго почти всѣ звали «Боби», рад был получить от меня квартирныя деньги и вмѣстѣ с тѣм оказать услугу давнему сослуживцу своему. Вѣдь я, по пріѣздѣ в батальон, был сначала зачислен в рейтерновскую 4-ю роту.

Нина с родителями и дѣдушкой в Майоренгофѣ.

Нина (с куклой) с родителями, бабушкой, прабабушкой и братом Борей (1885).

С. В. Зволянская была нѣсколько огорчена, что не получила моей телеграммы, когда именно мы приѣдем: она хотѣла, как посаженная мать, встрѣтить нас с хлѣбом и солью. Я посѣтовал тогда на зеегевольдскаго телеграфиста, не пославшаго мою телеграмму.

Нас встрѣтила моя бѣль мэр, показала нам все, что она приготовила в хозяйствѣ и вскорѣ уѣхала в Петербург. У нас была нанята Ольгой Федоровной кухарка и деньщик, славный деньщик, Иван Борцов. Мой отец видѣл его, когда он как-то ночевал у нас, и очень хорошо отозвался о Борцовѣ.

Была весна, разгар стрѣльбы и я должен был рано вставать, чтобы к 6 часам утра быть уже на стрѣльбищѣ. Нина сначала пробовала вставать тоже вмѣстѣ со мной, но вскорѣ благоразумно отказалась от этого. Поздним лѣтом, когда батальон ушел в Красное Село, я, как квартирмейстер и завѣдующій оружіем, был оставлен в Царском Селѣ и лишь часть времени проводил в лагерь. Мы с Ниной поѣхали на Зарю с Церемоніей, когда лагерь уже приближался к концу. Нина сдѣлала даже маленькій карандашный набросок с Государя, когда он стоял у царской палатки и принимал рапорт.

По окончаніи маневров, мнѣ удалось получить отпуск на полтора мѣсяца и мы с Ниной рѣшили поѣхать в Вильну, Кіев и, может быть, за границу. На всякій случай запаслись заграничным паспортом, но костюма штатскаго у меня не было. Нѣсколько дней мы прожили на старой знакомой, по свадьбѣ, квартирѣ на углу Георгіевскаго проспекта и Жандармскаго переулка. Мы посѣтили всѣх старых знакомых: Штауден, Бенземан, Гимилер. Штатскій костюм, почти полностью, одолжил мнѣ мой свекор Михаил Васильевич.

Послѣ Вильны мы рѣшили навѣстить мать моего однополчанина Джуліани.

В Царском Селѣ мнѣ было очень интересно бывать у Александра Ивановича. Они жили в своем уютном домѣ на углу Стесселевой улицы и Захаржевскаго бульвара, если не ошибаюсь. В домѣ у них все будто пахло стариной. Сама хозяйка Марія Александровна была как будто отраженіем давняго прошлаго и своими вкусами и манерой держать себя, иногда немножко заносчивой, но чаще всего весьма дружелюбно, даже если Марія Александровна говорила вслух то, что обычно стараются держать про себя...

Но мать хозяйки — Елена Сергѣевна Рахманова — я имѣл большое удовольствіе встрѣчаться с ней в Царском Селѣ и был у нея дважды в Вейсбаховкѣ, в Черниговской губерніи. Вот в ней то и был для меня весь интерес моих посѣщеній! Дочь декабриста князя Волконскаго и Маріи Раевской. Да, дочь той Маріи Раевской, в которую был так безнадежно и так долго влюблен Пушкин. Вспоминается:

*Но голос музы темной коснется ль слуха твоего!
Поймешь ли ты душою скромной волненіе сердца моего?*

В 1827 году Волконскіе и всѣ декабристы оцѣнили слова, написанныя в их честь:

*Во глубинѣ сибирских руд
Храните гордое терпѣнье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.*

И вот в Сибири у Волконских родилась дочь Елена. Нам всѣм теперь было как-то странно и очень цѣнно встрѣчаться со старушкой — дочерью Маріи Волконской.

Осенью 1908 года, на этот раз с Ниной Михайловной, я снова был приглашен в Вейсбаховку.

Как хорошо было ѣхать безконечными полями верст двадцать от станции и как радушно нас встрѣтили гостепримные хозяева. Какой красивый огромный дом в «русском стилѣ» и все как будто в сказкѣ, — так уютно и так не по шаблону. Идешь в этом красивом помѣстьи и не знаешь — какіе сюрпризы тебя ожидают впереди. Во-первых, — церковь многоглавая и художественная роспись внутри. Талантливый художник Соколов был приглашен для этой работы, но, закончив ее, он здѣсь и остался жить навсегда. Не мог не поразить нас и искусственно разведенный лѣс.

Елена Сергѣевна любила когда хвалили ея имѣніе и я называл ее «Культуртрегершей». Она и была таковой — дочь Маши Раевской. Умная, благородная, она как бы отражала минувшую Пушкинскую эпоху.

Отсюда мы поѣхали дальше, — на хутор.

В Кіевѣ мы провели тоже лишь нѣсколько дней и притом очень грустных: мы посѣтили в Кирилловской больницѣ моего дорогого брата Михаила, который нас почти не узнал, и было чрезвычайно тяжело видѣть его измѣнившимся, погруженным в какую-то глубокую думу. Желая отвлечь его вниманіе, я сказал, что мы собираемся ѣхать за границу, может быть в Константинополь, вот было бы хорошо, если бы и ты поѣхал с нами. Тогда Миша взглянул на меня ясно и ясно спросил: ты предлагаешь мнѣ ѣхать с тобой... Мнѣ надо было подтвердить это и, кто знает, может быть его болѣзнь повернулась бы в лучшую сторону. Может быть мы могли бы поѣхать вмѣстѣ. Но мой отвѣтъ не был так ясен, как его вопрос, и Миша снова ушел в свои мысли...

Дома, на хуторѣ, папа был все же бодр, как всегда. Его разговор с Ниной был интересен и поучителен. Он говорил о Балканском вопросѣ, об еврейском вопросѣ, о будущем, и, как всегда, об антропологии... У Вани с Таисіей Ивановной был мальчик — Ваня, четвертое поколѣніе Иванов. Это был милый, добрый и умный мальчик, и дѣд души не чаял во внукаѣ.

Когда мы приѣхали в Одессу, то рѣшили для экономіи остановиться в гостиницѣ Афонскаго подворья. За небольшую плату нам отвели чистую комнату и даже накормили постным ужином. На слѣдующій день мы были уже на пароходѣ «Русь», который должен был плыть по Дунаю. Константинопольскій пароход еще не скоро должен был итти, и мы рѣшили сократить свой маршрут. Это было в самом началѣ ноября. Море уже было не очень привѣтливо и мы не без тревоги посматривали на бѣлые гребни волн вдали, за молом. Как только наша «Русь» вышла в открытое море, началась отвратительная качка и мы, не докончив ужина, отправились в свою каюту и старались лежать неподвижно. С облегченіем увидѣли утром берега Измаила, но качка еще продолжалась, даже когда мы вошли в широченное устье Дуная.

Румынскій город Галац — совсѣм европейскій, на сѣверном берегу. Болгарскій город Тырнов — совсѣм азіатскій, а послѣ, такой же Свищев, гдѣ нас пригласили осмотрѣть казармы Свиштовскаго пѣхотнаго полка. Вообще, когда узнали, что я русскій офицер, нам старались оказывать всякія услуги. Офицер Свиштовскаго полка провожал нас и показывал казармы, очень похожія на наши русскія, только немного попроще. Даже на стѣнах, военныя

Наш старый знаменщик, сверхсрочный фельдфебель
Иван Капустин.

Вдали памятник-колонна с надписью: «Семеновцы — своим
павшим боевым товарищам». Дальше — чудесный вид на
Орханійскую долину и деревню Правец.

картинки издательства Березовскаго и Главнаго Штаба и, конечно, портрет Царя-Освободителя Александра Второго. Даже в церквах, мы видѣли большіе портреты Царя-Освободителя. Потом мы ѣхали по желѣзной дорогѣ в Плевну и смотрѣли памятники русско-турецкой войны. Путь держали к Правцу, гдѣ отличился в 1877 году наш батальон. Дѣло было 10 и 11 ноября и мы тоже путешествовали приблизительно в этих числах ноября. Было довольно холодно и мнѣ было непріятно оставлять Нину в мало комфортабельном болгарском домишкѣ на станціи Роман. Рано утром, наняв верховую лошадь и проводника в придачу, я отправился в горы. Проводник, как древній глашатай, бѣжал впереди и рассказывал каждому встрѣчному о выпавшей на его долю чести быть проводником русскаго офицера. На нѣкоторых это производило сильное впечатлѣніе, и духанщики иногда отказывались брать с меня плату за кофе и ѣду. Впрочем, настоящей ѣды нигдѣ не было. В одной деревнѣ, однако, я чуть было не нарвался на непріятность: какой-то осел, вродѣ деревенскаго оратора, долго говорил толпѣ свои подозрѣнія, что я вовсе не русскій офицер и трудно сказать, чѣм бы это кончилось, если бы я не сѣл на лошадь и не поѣхал дальше.

Ночевал под самой Правецкой горою и рано на разсвѣтѣ стал подниматься на вершину, как это дѣлали стрѣлки Его Величества тридцать один год тому назад. Мѣстами был снѣг. Мѣстами поросли орѣшника были трудно проходить. Но вот и вершина. Слѣды окопов. Вдали памятник-колонна. Надпись: «Семеновцы — своим павшим боевым товарищам». Дальше — чудесный вид на Орханійскую долину и деревню Правец. Зарисовал, как мог, этот вид в своей записной книжкѣ.

Вернулся обратно к Нинѣ, когда уже было почти темно и она стала безпокоиться. Вообще, эти болгарскія путешествія были не похожи на свадебную поѣздку. В Софії пробыли два дня. Мнѣ особенно понравились бани и банщик, который хорошо знал свое дѣло и рассказывал, как он мыл в свое время генерала Мосолова и других военачальников.

В Бѣлградѣ с нас не хотѣли брать денег за проѣзд в трамваѣ, когда наши сосѣди по поѣзду шепнули, что мы русскіе. В поѣздѣ мы дали одному из сосѣдей яблоко и тот сказал, что он сохранит это яблоко, чтобы показать своим дѣтям.

Пріятно было пріѣхать в Вѣну, но непріятно было, что приходилось поскорѣе ѣхать дальше, домой. Все же видѣли собор и картинную галерею, и дворцы, и Пратер. Особенно понравился какой-то кривой старинный переулочек с хорошими книжными магазинами. Легко было представить себѣ в таком переулкѣ и Моцарта, и Бетховена, и сцены из исторіи средних вѣков.

Когда мы вернулись в Царское Село, я прочел доклад о своей поѣздкѣ на Правец и иллюстрировал его, написанной мною картиной «Вид Правецких гор». Картина была повѣшена в музейной комнатѣ нашего офицерскаго собрания. Вскорѣ я написал копію этой картины и отвез ее в лейб-гвардіи Семеновскій полкъ, гдѣ по этому поводу специально был устроен обѣд. Командир полка генерал Новицкій говорил рѣчь, я отвѣчал, — словом, вышло так называемое слияніе двух частей. В «Военном Сборникѣ» помѣстили мою замѣтку, т. е. довольно подробный рассказ о моей поѣздкѣ с фотографіей моей картины и по моему желанію выпустили эту замѣтку отдѣльной брошюрой. Кромѣ того, мнѣ прислали довольно хорошій гонорар, что-то около 40 рублей. Это был, так сказать, мой третій «печатный труд», — первый «Памятка юнаго развѣдчика», второй «Поѣздка к Бой-скаутам», который также был напе-

чтан в Военном Сборникѣ и выпущен отдѣльной брошюрой. О них я напишу еще потом. Четвертая книжка, которая намѣчалась к изданію мною, была «Памятка Стрѣлка Его Величества». Так как меня выбрали завѣдующим батальонным музеем, то я счел своей обязанностью написать историческую «Памятку». Она была издана в царскосельской типографіи. Не обошлось без критики, когда книжка была готова: — почему я не просил составить комиссію для такого отвѣтственного дѣла, но я знал, что это бы затормозило работу, или совсѣм бы остановило ее.

Вскорѣ, в началѣ 1909 года, мы переѣхали на свою казенную квартиру, в так называемом деревянном офицерском флигелѣ, состоящем из трех квартир. Одна побольше, гдѣ раньше жил капитан А. Ф. Веревкин, и двѣ поменьше, гдѣ раньше жил барон Таубе. Так как с назначеніем полковника Ф. М. Транковскаго командиром армейскаго полка, освободилась его квартира на Малиновской дачѣ, то Веревкины получили полковничью квартиру, а мы — капитанскую, бывшую веревкинскую. В этой квартирѣ было пять комнат, передняя и кухня. Из окон был вид на заросль деревьев и каких то красных кустов, сохранявших свою листву довольно долго. За кустами длинное дощатое, как всѣ зданія, одноэтажное строеніе канцеляріи и приѣмнаго покоя, т. е. лазарета. Пока не построили нам, офицерам, собранія около Малиновской дачи, собраніе помѣщалось здѣсь, гдѣ теперь лазарет. В другую сторону, за маленьким парком вокруг дома, видѣн был батальонный плац, на котором маршировали стрѣлки, а за плацем — батальонный тир на 400 шагов. Сѣрая бетонная стѣна шла далеко, почти через весь батальон, к Малиновской дачѣ. Правѣе — зеленый луг, гдѣ иногда паслись лошади, а иногда заленѣли грядки капусты. Еще дальше, вправо, строенія музыкантской команды, школы солдатских дѣтей, нестроевой команды, полковой швальни, цейхгауза, конюшни, сараи неприкосновеннаго запаса, оружейная мастерская и, не далеко от нас, зданіе для семейных нижних чинов, т. е. музыкантов, писарей и пр.

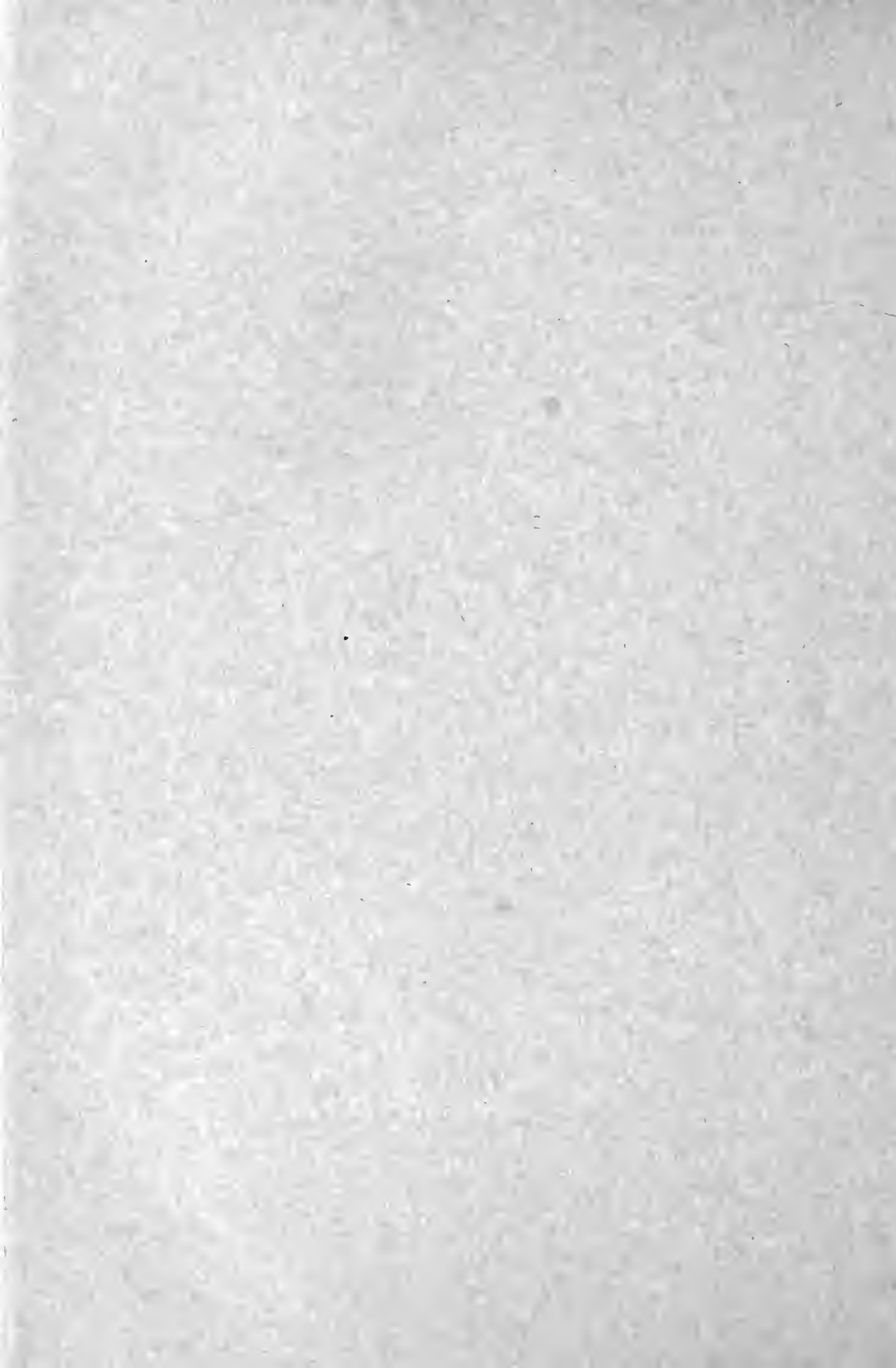
Флигель находился почти в центрѣ дѣловой жизни батальона. Жизнь в батальонѣ начиналась рано, зимою до разсвѣта, в началѣ седьмого часа. К неудовольствію Нины, вокруг тонких деревянных стѣн наших слышался уже небольшой, но назойливый шум, — это очередные стрѣлки подметали дорожки или сгребали снѣг. Нина называла этих уборщиков болтунами, потому что они во время работы рассказывали друг другу всякія исторіи. Мнѣ пришлось объяснить стрѣлкам, что нельзя шумѣть и все было улажено. В семь часов горнист, гдѣ-то вдали у батальонной столовой, играл «подъем». Стрѣлки шли с котелками за кипятком и пили утренній чай с хлѣбом. В 8 часов начинались занятія, стрѣльба в тирѣ, пригготовительныя к стрѣльбѣ упражненія и строевыя занятія.

Часов в 9 в канцелярію, опираясь на палку, шел наш безсмѣнный адъютант штабс-капитан Зволянскій, а затѣм, иногда по тому же пути, шагал командир батальона генерал П. Т. Николаев. К лазарету подъѣзжал на своей пролеткѣ доктор Пунин.

Зимой 1909 года, когда занятія кончались, мы часто ходили на лыжах, иногда в компаніи Софьи Васильевны Зволянской и ея знакомых, иногда с правовѣдом Борисом и пажами Шурой и Федей Фехнером, с их сестрою Ренатой и другими подругами Нины — Лизой и Ниной Якоби. Эти лыжныя

«...в Царские дни или на большие праздники он шел в собор в своей парадной форме, с красно-белой лентой и звездой Станислава».

прогулки оказались, к сожалѣнію, вредными для Нины и имѣли тяжелыя послѣдствія.

Как раз под Пасху у нас была Рената. Она всегда была чѣм-нибудь воодушевлена. Этот раз она рассказала, как у Седергольмов она познакомилась со святым старцем, простым мужиком — Григоріем. Когда вечером она ушла обратно к Седергольмам — Нинѣ было очень плохо. Я вызвал доктора, который констатировал результат бѣга на лыжах и предписал оставаться в постели нѣсколько дней.

Вскорѣ послѣ того, как мы перебрались в наш флигель, как снѣг на голову, совершенно неожиданно пришла печальная вѣсть о кончинѣ отца Нины, в Вильнѣ от разрыва сердца. Мы тотчас отправились туда. Ольга Федоровна в это время была в Швейцаріи со своей второй дочерью Ольгой. Покойный Михаил Васильевич был чудесным офицером и добрым другом многих людей. Это очень было видно в грустные дни нашего пребыванія в Вильнѣ. И солдаты, и простой народ, и, в частности, евреи, всѣ с одинаковой симпатіей относились к Михаилу Васильевичу. Какая то еврейка с чувством сказала, что полковник был «уж такой гуманный человѣкъ».

Кромѣ родственников и гостей, наш деревянный флигель по вечерам часто видѣл в своих стѣнах моих стрѣлков, в особенности новобранцев, с которыми я не имѣл возможности ближе познакомиться во время службы. Не легко было, даже по фамиліям, сразу запомнить всѣх сто человѣкъ, а я был вполне согласен с новым командиром гвардейскаго корпуса, что офицеры должны ближе знать своих подчиненных и «разговаривать» с ними. И вот ко мнѣ приходили по очереди молодые стрѣлки и я задавал им вопросы вовсе не служебные, а про их деревню или ближайшій город, про семью, про занятія, часто видно было, что моему собесѣднику пріятно было, что кто то, а в особенности начальство, интересуется его особой и его родственниками и домом. Иногда удавалось и быть полезным в чем-нибудь. Кромѣ желанія корпуснаго генерала Данилова, я вспоминал рассказы с японской войны, — что японскіе офицеры и солдаты составляют одну семью и хорошо знают друг друга.

*

Весною 1910 года у нас должен был родиться на свѣт ребенок, и Нина на это время поселилась у своего дяди, командира лейб-гвардіи Сапернаго батальона. И Николай Васильевич и его жена, которую родственники звали Амзя, и всѣ домашніе были чрезвычайно милы. Рѣшено было, что затѣм Нина поселится в клиникѣ лейб-акушера Дмитрія Оскаровича Отта, на Васильевском островѣ, недалеко от Академіи Наук. 1 мая мы с Ниной поѣхали на извозчикѣ смотрѣть «воздушныя состязанія». Это была сенсація для всего Петербурга: на одном из островов, или гдѣ-то за Каменноостровским проспектом, было собрано около 15 аэропланов. Часть из них довольно удачно поднималась в воздух и летала, к изумленію всѣх, довольно высоко и не было ни одного несчастнаго случая. У всѣх присутствующих, я думаю, было чувство, как будто они в этот день переступили в слѣдующій этап жизни человѣческой. Жили раньше до авіаціи, а с этого дня будут жить в годы авіаціи. Сильное впечатлѣніе!

На слѣдующій день Нина осчастливила меня сыном. Радостную эту вѣсть передала мнѣ в пріемной клиникѣ сестра милосердія: «Поздравляю вас

с наслѣдником», сказала она. И сказала, что все вполне благополучно и нѣтъ никакой причины беспокоиться, но что до завтрашняго дня видѣть ни мать, ни сына нельзя.

Пришлось нехотя уйти, и я довольно долго ходил в приподнятом настроеніи по набережной Невы, мимо Академіи Наук, 1-го Кадетскаго Корпуса и Академіи Художества, с ея сфинксами. На том берегу Невы был видѣн Сенат, Памятник Петру, Собор Св. Исаакія, Адмиралтейство. Было очень торжественно и чувствовался тоже перелом — до рожденія сына и послѣ его рожденія. Как же мы назовем своего первенца?... Как это ни странно, мы об этом, если и говорили с Ниной, то ни к какому рѣшенію еще не пришли, тѣм болѣе потому, что не знали, будет ли сын или дочь. Не назвать ли Петром, памятник которому видѣн на том берегу рѣки. Но вот что записала про эти дни сама «виновница торжества», Нина:

2 мая ночью и утром я старалась не обращать вниманіе на легкое недомоганіе. В два часа пріѣхал, по обыкновенію, Олег и хоть дѣло замѣтно прогрессировало, я рѣшила подольше ничего не говорить докторам. Но в 5 часов, когда пріем посѣтителей кончался, я сказала... В 11 час. благополучно все кончилось или вѣрнѣе, началось — это был сын. Его положили в маленькую кроватку в самый дальній угол от меня и это было мое первое мученіе. Мнѣ так хотѣлось рассмотреть его. На слѣдующее утро пришел Олег и очень был доволен сыном: он так был похож на его отца. Второе мое мученіе было — страх, чтобы няньки ничего с нашим сыном не сдѣлали, чтобы он не утонул в ваннѣ и проче.

Крестины были тут же, в церкви клиники. Рѣшено было крестить Олегом. Ольга Семеновна была крестной матерью, а дѣдушка Иван Иванович крестным отцом, а Борис его замѣстителем... Когда мы возвращались домой в Царское с маленьким Олегом, всѣ деревья были покрыты пышной зеленью, цвѣла сирень.

Нина так обожала своего первенца, что не щадила своего здоровья. Не сразу догадались мы купить козу, которая очень помогла питанію Олешеньки.

В началѣ лѣта у нас была большая радость — пріѣзд моего отца. Он остановился у брата Коли в Петербургѣ и был у нас в Царском Селѣ. Я думаю, что главная причина его пріѣзда на сѣвер была — повидать своего новаго внука Олега, и он с нѣжностью держал его на руках, поглаживал и рассматривал. Мы с Ниной сказали, что в первые дни послѣ рожденія, наш Олег был особенно сильно похожим на своего дѣдушку и это понравилось дѣду. Мы тогда просили рассмотреть внука «с антропологической точки зрѣнія». Дѣдушка смѣялся, говоря, что в таком возрастѣ трудно что-нибудь сказать, но все же принялся за измѣренія черепного показателя и проч., и, в концѣ концов, сказал нам вполне точно, что черепной показатель отличный, то-есть наш Олег болѣе долихоцефал, чѣм Коля, Ваня и я, а долихоцефалам, по мнѣнію папы, т. е. длинноголовым, «принадлежит будущее». Брахоцефалы, т. е. круглоголовые, — это солдаты, а долихоцефалы — это офицеры в общечеловѣческой арміи культуры. Все это мы знали с дѣтства и так пріятно было вспомнить старину. Наш Олег, как видно, очень хорошо себя чувствовал на колѣнях у дѣдушки. Но к вечеру дѣдушка уѣхал обратно в Петербург, да и в Петербургѣ он не долго оставался. Когда папа уѣзжал обратно в Кіев, я пришел провожать его на Варшавскій вокзал и чувствовал, что надо сказать многое, что и Коля и я мало оцѣнили папин пріѣзд и, во всяком случае, мало умѣли показать нашу сыновнюю любовь. Увы! Это общій наш семейный недо-

статок и, может быть, он объясняется тѣм, что в нашей семьѣ не было дѣвочек, сестер.

Папа был, видимо, тронут моим прїѣздом на вокзал, а я старался и показать и высказать ему заботу и вниманіе. Папа, впрочем, как всегда, не выражал ничуть своих чувств. Только милые отцовскіе глаза и каждое движеніе его говорило мнѣ многое, даже когда мы говорили о самых житейских вещах.

Вскорѣ, послѣ поѣздки на сѣвер, мой отец стал чувствовать себя хуже и он как будто бы предчувствовал близкій конец. Относительно печальных дней дорогого папы, я, к сожалѣнію, могу сказать мало. Я получил телеграмму от Вани: «Папа умирает. Хочет проститься». Немедленно я отправился в Кіев, позвонил Колѣ, который тоже поѣхал, но на нѣсколько часов позже. Как я ни спѣшил, но не застал папу в живых. Ваня рассказал мнѣ, что вечером папа вышел из своей комнаты и просто сказал, что он умирает. Его больное сердце не выдержало. В госпиталѣ мнѣ говорили, что папа хотѣл видѣть нас, сыновей, говорил — «сыны мои» — в госпиталѣ говорили по-хохлатски.

Похороны состоялись на ближайшем к хутору Куреневском кладбищѣ. Пришли сосѣди. Было много дѣтей, которых папа любил и баловал. Могила была близко от маминой, гдѣ был похоронен и Миша. Отец умер 15 іюня 1911 года, за пять недѣль до своего семидесятипятилѣтія.

Теперь снова выдержки из записок Нины:

На зиму Олешѣ сшили пальто из сѣраго плюша и такую же шапку с наушниками. Софія Васильевна говорила, что в этом нарядѣ он похож на мышь. По-моему, сѣрый цвѣт не мог придать ему этого сходства, — такія у него были розовыя щечки. Я клала его на свою кровать, гдѣ могла видѣть его лучше, чѣм в его коляскѣ, и рисовала его личико со всѣх сторон. Теперь я могла говорить только о маленьких дѣтях и, когда Борис навѣстил нас и мы вдвоем пошли в парк, он должен был принимать участіе в разглядываніи каждаго встрѣчнаго ребенка и в разговорѣ о дѣтях. Он не высказал никакого нетерпѣнія и мнѣ не пришло в голову, что эта тема не слишком для него интересна... Одно время Софія Васильевна приходила ко мнѣ днем, когда спал маленькій Олеша, и читала вслух «Четверть вѣка назад» Маркевича. Это было большое для меня удовольствіе, но у меня не было настоящего покоя в душѣ, чтобы вполне что-нибудь оцѣнить. Когда однажды у нас обѣдало нѣсколько человек полковых и послѣ обѣда Елена Николаевна согласилась пѣть, для меня это было мученіе и я закрыла всѣ двери и поминутно ходила смотрѣть, не проснулся ли Олеша.

*

Наша гвардейская Стрѣлковая бригада состояла из четырех стрѣлковых батальонов, причем третій из них, лейб-гвардіи 3-й Стрѣлковый финскій батальон, стоял в Финляндіи и пополнялся финнами, которые по-русски не говорили. Офицеры выпускались в этот батальон из Финскаго кадетскаго корпуса и военного училища...

Послѣ убійства генерала Бобрикова в Гельсингфорсѣ, когда выстрѣлы были сдѣланы из района расположенія лейб-гвардіи Финскаго стрѣлковаго батальона, этот был расформирован и вслѣд за сим лейб-гвардіи Резервный полк был переформирован в лейб-гвардіи 3- Стрѣлковый Его Величества полк. Это было в 1910 году, если не ошибаюсь. Всѣ наши офицеры были в большом недоумѣніи относительно шефства: в одной бригадѣ два шефских полка! К тому же новым стрѣлкам дали очень красивое серебряное шитье на мунди-

ры офицеров, а в старом лейб-гвардіи 2-м стрѣлковом было лишь простое галунное шитье!

Помню, я был в лагерь в Красном Селѣ, когда было получено извѣстіе об этих перемѣнах, напечатанных в «Русском Инвалидѣ». А я как раз рисовал масляными красками своего пріятеля капитана Мешетича и лицо на моем рисункѣ выходило довольно грустное, кислое. В руках у Мешетича был «Русскій Инвалид». Я надписал на оборотной сторонѣ рисунка: «Грустное извѣстіе».

В Красном Селѣ и лагерь я бывал каждое лѣто, пока не был назначен квартирмейстером и завѣдующим оружіем. Тогда я оставался в Царском Селѣ наблюдать за хозяйством, ремонтом и проч. Когда я получил учебную команду, то всѣ мои отборные из рот воспитанники возвращались к лагерному сбору в свои роты. Наиболѣе важное в обученіи стрѣлковаго батальона дѣло, то есть обученіе стрѣльбѣ в цѣль, мы проходили на нашем Царскосельском стрѣльбищѣ. Там же происходила и провѣрочная инспекторская стрѣльба в присутствіи Инспектора стрѣлковой части или начальника нашей гвардейской Стрѣлковой бригады. Волненій было очень много. Большею частью, Инспектор приказывал стрѣлять в небольшую «головную» мишень на 400 шагов, лежа на землѣ. В большинствѣ случаев, мои стрѣлки стрѣляли «выше отличнаго», но сколько приходилось заниматься с каждым стрѣлком, чтобы пріучить его не дергать за курок и цѣлиться аккуратно. «Приготовительныя к стрѣльбѣ упражненія» велись нами каждый день.

Однажды Государь пріѣхал к нам на стрѣльбище без всякаго предупрежденія и пробыл часа полтора, переходя с одного участка на другой, то есть обходя всѣ три батальона. Не помню, стрѣлял ли он в мишени? Мы знали, что он отличный стрѣлок. Я лично наблюдал, как он в Гатчинѣ стрѣлял на охотѣ, когда наша охотничья команда была послана туда для загонки зайцев. Здѣсь, на стрѣльбищѣ, он просил не обращать на него особаго вниманія и переходил из одного ротнаго участка к другому. Я был тогда в ротѣ Его Величества и на нашем участкѣ стоял недавно полученный новый дальномѣр, и Государь смотрѣл в него. Тут была снята довольно удачная фотографія около нашей ротной будки, когда Государь смотрит в этот довольно громоздкій прибор. Тут же, на фотографіи, виден и Трубецкой, и я, и другіе офицеры. Затѣм, на участкѣ Императорских стрѣлков, вызванный по телефону, фотограф Ган снимал большую группу офицеров всѣх трех батальонов, гдѣ я стоял сейчас же за Государем. Рядом со мною поручик Ильин. Командиром 2-го Батальона был генерал Кутепов, а 4-го — Фитингоф.

Как я писал, у нас в полку был тир для стрѣльбы. Но вот выстроили еще один для своего гарнизона на Софійском плацу, недалеко от кирасирских казарм и Софійскаго Собора. Не помню, по какому поводу я был в этом новом тирѣ, когда Государь пріѣхал туда. Помню, что у меня с собою был кодак и я раза два-три успѣл снять Государя: один раз, когда он шел прямо в мою сторону. Он, как всегда, привѣтливо, с легкой улыбкой, посмотрѣл и, когда подошел ближе, сказал: «Снять изволили?».

По окончаніи японской войны и подписаніи графом Витте Портсмудскаго мирнаго договора, русскіе люди как бы раздѣлились на двѣ неравныя части: маленькая, незначительная часть, продолжала думать и считать, что «чѣм хуже, тѣм лучше». Эти люди сочувствовали забастовкам на Сибирской желѣзной дорогѣ и пораженію Россіи. Но остальное 120-ти миллионное население — что оно думало и на что надѣялось? Я думаю, что оно не было инертно, что оно было уязвлено и причинами, вызвавшими японскую войну, и

результатами этой несчастной войны, и было воодушевлено желанием помочь своей родинѣ.

А наша молодежь? Она еще больше, еще острѣе переживала неудачи войны и тоже хотѣла «что-то сдѣлать» для Россіи! Вопрос был только в том — что именно можно было бы сдѣлать?

Мальчики стали собираться в группы, играть чаще, чѣм раньше, в «казаки и разбойники», а взрослые люди с умилением смотрѣли на них. Но вот инспектор Бахмутскаго городского училища Луцкевич собрал большую группу учеников своего училища, дал им деревянные ружья, барабаны и организовал духовой оркестр. Началась игра в солдатики. Ее поддерживали власть имущіе, особенно послѣ того, как дружина Луцкевича была вызвана в Петербург и представлялась Государю. Военный министр и старшіе военные начальники поощряли работу с потѣшными. Именно такое название было придумано для этой милой молодежи. Почти во всѣх полках стали создавать потѣшных. В лейб-гвардіи Семеновском полку капитан Назимов особенно старался, и его друг, или родственник, М. О. Меньшиков его очень поощрял.

Увы, кромѣ нужной солдатской строевой шлифовки, потѣшные почти ничего не получали в своих дружинах. Да и что могли им дать тѣ унтер-офицеры и фельдфебеля, которым поручалось вести «военное обученіе».

...Как раз в это время появилась в продажѣ русская книжка — перевод книги генерала Роберта Баден Пауэля «Scouting for boys». Вскорѣ послѣ этого М. О. Меньшиков в «Новом Времени» помѣстил по поводу этой книги восторженную статью. Я пошел к автору. Он жил против казарм стрѣлков Императорской Фамиліи, почти на углу парка и бульвара, в домѣ Бенземамова. Бесѣда наша была очень дружественна, хотя он не был так краснорѣчив на словах, как в своих фельетонах, и я не согласился с ним, что слѣдует в работѣ итти сообща с кап. Назимовым, возившимся с так называемыми «потѣшными». Но о книгѣ Баден Пауэля — тут дѣйствительно было чѣм восторгаться! Жизнь на лонѣ природы, стремленіе быть полезными другим и, конечно, своей родинѣ Россіи. У Баден Пауэля было сказано про его родину — Англию, но эти страныцы легко было передѣлать на русскій лад.

Так вышло, что я первый по времени начал работать с русскими скаутами. Я вспомнил счастливое время горных походов нашего тифлискаго Пушкинскаго Звена и мнѣ показалось, что послѣ десятилѣтняго перерыва слѣдует поскорѣе приняться за продолженіе работы с молодежью, но уже с болѣе разнообразной и по дѣловито разработанной программѣ.

Вот что писал я впослѣдствіи Русским скаутам, дав своему письму заголовок: «Каждый мальчик в душѣ скаут», или «Когда появились скауты».

Перелистывая свои тетради с описаніем дней отрочества и юности, я обратил вниманіе, что наиболѣе восторженные, радостныя чувства связаны у меня были с жизнью на лонѣ природы. Да и у одного ли у меня?

— Подумайте, припомните: каждый из вас найдет в своем прошлом часы, а может быть и дни, незабываемаго, чистаго восторга, какого-то, я бы сказал, молитвеннаго настроенія в минуты общенія с матерью природой, с красотой Божьяго міра...

Идея Баден Пауэля стара, как мір... Инстинктивное стремленіе молодежи к привольной и чистой жизни на лонѣ природы, а также стремленіе ко всему благородному, героическому, необыкновенному — все это гениально уловил сэр Роберт и воплотил в скаутингѣ. Но мы и раньше, правда ощупью и неувѣренно, шли тѣм же путем... В нашем классѣ Тифлис-

скаго кадетскаго корпуса образовалась небольшая группа в пять-шесть человек, которую мы назвали «Кружок имени Пушкина» или «Пушкинскій клуб». Наш выпуск совпадал с годом Пушкинскаго юбилея в 1899 году.

В концѣ концов, мы воспитывались сами. Баден Пауэль прав, полагая, что мальчиками и юношами в клубах должны руководить обычно свои же сверстники, но лучшіе из них. Задача взрослых — лишь помогать им. Так было и в нашем Пушкинском кружкѣ, а затѣм в наших царскосельских звеньях.

В юности, в Тифлисѣ, нас вдохновлял какой-то юношескій задор благородный, смѣлость, стремленіе к чему-то высокому, к свободѣ, к подвигу, к новым открытіям.

Мысль об изданіи книги Баден Пауэля на русском языкѣ принадлежала нашему Государю, получившему эту книгу из Лондона от одного из приближенных к нему лиц. Издана была эта книга Главным Штабом. Но какой это был неудачный перевод. Баден Пауэль сам лично прислал мнѣ впоследствии длинный список ошибок и опечаток. И тѣм не менѣе, появленіе на рынокѣ этой книги было огромным событіем для нашей русской молодежи. Она была как бы отвѣтом на вопрос: «Что же нам сдѣлать для Россіи?»... Отвѣтов на этот вопрос в книгѣ Баден Пауэля было очень много и все было в таком радостном, веселом духѣ изложено: — Это была и веселая игра, и подготовка к служенію, а может быть, и само служеніе нашей Россіи...

Весна 1909 года. Конец учебных занятій в школах. Заглохшая было площадка, для подвижных дѣтских игр в Павловском, стала оживать. Павловск — любимое мѣсто прогулок для нас, офицеров, живущих на Малиновской Дачѣ на Павловском шоссе. Только лишь полторы версты прогулки по красивому Соединительному Парку, и затѣм Павловским парком-лѣсом, и вы уже перед старым музыкальным павильоном, гдѣ по вечерам играет чудесный симфоническій оркестр, а в антрактах, на особой эстрадѣ, на свѣжем воздухѣ играет оркестр нашего полка.

Немного дальше, в тѣни вѣковых елей, расположена довольно большая площадка для дѣтских игр. Я вошел туда и с любопытством смотрѣл на дѣтишек младшаго возраста, играющих в мяч, или скатывающихся с деревянных гор. Но я замѣтил, что здѣсь было довольно много подростков, учеников гимназіи и городских школ, которые не знали, куда бы им приложить свои молодые силы. Многіе из них обступили меня. Часть из них знала меня по Царскому Селу. Молодежь любила нас, своих офицеров, своих «царскосельских полков».

Как-то так вышло, что я рассказал им про наш Пушкинскій Клуб в Тифлисѣ и про наши чудесные походы за город, в природу, и видѣл уже по глазам моих слушателей, что им хотѣлось бы продолжить игру нашего тифлисскаго звена и стать тѣми развѣдчиками-скаутами, о которых я им только что рассказывал.

Согласно нашему тифлисскому опыту и совѣту Баден Пауэля, я выбрал, из обступивших меня мальчиков и молодых людей, ровно семь человек, а слѣдующих желающих я записал как кандидатов и они присоединились вскорѣ к нашей первоначальной группѣ. Вспоминаю фамиліи: Кирилина, Персіанова, Ильина, Малафеева, Боровкова, Иванова, Палепы...

Нина Михайловна очень сочувствовала моему начинанію или, вѣрнѣе, продолженію моей работы с молодежью. Она тоже прочла с интересом книгу Баден Пауэля и сразу же стала рисовать красивые силуэты диких звѣрей и птиц для наших скаутских звеньев-патрулей, а затѣм и рисунок скаута под

деревом, который стал как бы эмблемой нашего движения. Первое звено, если не ошибаюсь, было звеном Бобра.

Большинство нашей молодежи жило в Царском Селѣ и, конечно, наше павловское звено, то-есть нѣсколько наших скаутов из Павловска стали приходить к нам в Царское.

Первые же походы, лагеря, бесѣды у костра и развѣдки так увлекли нашу молодежь, что не было отбоя от желающих примкнуть к нам. Наши флажки развѣвались то там, то тут по всеѣм направлениям окрестностей Павловска и Царскаго Села.

Наш «Деревянный Офицерскій Флигель», вѣрнѣе наша с Ниной Михайловной квартира, стала первой скаутской «штаб-квартирой», как мы ее торжественно называли. Мною печатались, иногда с помощью кого-нибудь из скаутов, на гектографѣ программы, законы, узлы и план окрестностей.

В общем, «власть имущая» все еще поощряла «потѣшных», которых обучали фельдфебеля и ефрейторы, и которые все еще существовали в нѣкоторых полках. Мало кто из «власть имущих» читал книгу Баден Пауэля, и такіе люди косо поглядывали на мою организацию. Всеѣм нам хотѣлось бы имѣть свое, русское, начиная с нашего названія. И мы называли себя «Развѣдчиками». Это не вполне соответствовало идеѣ нашей организациі, но вошло крѣпко в наш лексикон. Мы старались ввести свою русскую форму, и наш ротный портной шил для молодежи русскіе кафтаны и барашковья шапки с малиновым верхом, но вскорѣ мы увидѣли, что на «развѣдкѣ» и во время полевых игр ни кафтаны, ни барашковья шапки не пригодны.

Я не хочу преувеличивать количество тѣх людей, которые, так сказать, «косо» поглядывали на моих скаутов-развѣдчиков. Вспоминаю павловскаго коменданта Сабурова, с которым мы тщетно старались придумать болѣе русское названіе и русскія особенности в скаутской формѣ... Для большинства людей то обстоятельство, что я был офицером блестящаго гвардейскаго батальона и не раз лично бесѣдовал о скаутах с Государем, успокаивало умы, но никто не изъявлял желанія помочь дѣлу своей работой или деньгами. Один петербургскій часовщик прислал для скаутов в мое распоряженіе нѣсколько призовых часов и жетонов, а также согласіе бесплатно чеканить для нас скаутскіе значки. Значек для наших скаутов мною был установлен как изображеніе геральдической лиліи с царским вензелем в центрѣ и с надписью на ленточкѣ: «Будь готов». Этот же милый часовщик отпечатал, выгравировал для моих скаутов почетную медаль по рисунку Нины Михайловны: «Скаут под деревом». Надпись вокруг была: «Вѣра в Бога. Вѣрность Царю. Помощь ближним».

Осенью мнѣ удалось заинтересовать скаутизмом правленіе царскосельскаго гимнастическаго общества «Луч», даващаго скаутам отличное помѣщеніе в занимаемом ими домѣ. К этому времени ко мнѣ примкнул и стал моим помощником инвалид-офицер с изуродованной ногой, тяжело израненный во время японской войны, Д. В. Малкочи, погибшій впоследствии в бою во время германской войны. Кромѣ Малкочи, скаутским движением стали интересоваться новыя лица. Среди них, в Петербургѣ, прежде всего слѣдует отмѣтить Василія Григорьевича Янчевецкаго, преподавателя первой петербургской классической гимназіи, который организовал и совмѣстно со мною работал со значительной группой гимназистов его гимназіи; группа эта носила названіе «Легіон Юных Развѣдчиков». Нѣкоторые из этих развѣдчиков обладали посохами, но скаутской формы никто из них не носил. Василій

Григорьевич, кромѣ того, состоял редактором небольшого, но очень популярнаго среди учащихся, журнала «Ученик», в котором я помѣщал свои замѣтки для скаутов-развѣдчиков «Бесѣды у костра».

Внѣ Петербурга попытка вести занятія с молодежью по системѣ «скаутинг» была сдѣлана в Москвѣ офицером Александровскаго Военнаго Училища штаб-ротмистром Захарченко, который, к сожалѣнію, сдѣлал крупнѣйшую ошибку — набрал нѣсколько сот молодых людей и поручил подготовку их... юнкерам своего же училища, имѣвшим о скаутингѣ болѣе чѣм смутное предствленіе.

Наша дружина в Царском Селѣ на Рождество 1910 года устроила елку, на которую были приглашены бѣдные дѣти. Была с успѣхом разыграна пьеса «Миклуха Маклай». Зимой 1910-11 года мною была составлена и выпущена в свѣтъ первая русская книжка для скаутов «Памятка Юнаго Развѣдчика». Составлена она была по руководству Баден Пауэля, но с русскими измѣненіями. Доход от книжки шел на царскосельских скаутов. Но дохода, собственно, и не было. Отпечатана книжка была в мѣстной типографіи Боровкова, сын котораго был у нас в отрядѣ. В этой же типографіи была мною отпечатана раньше «Памятка Стрѣлка Его Величества».

Приблизительно в это время пріѣхал из Кіева мой отец, много лѣтъ отдавшій воспитанію дѣтей. Его мнѣніе, что скаутизм болѣе, чѣм для какой-нибудь другой націи, для нас, русских, особенно необходим, — воодушевило меня к работѣ со скаутами еще болѣе.

Однажды я получил приглашеніе тогдашняго военнаго министра Сухомина на собраніе дѣятелей по физическому воспитанію молодежи. Собраніе происходило на квартирѣ министра. Я рѣзко, но, увы, тщетно, отстаивал идею скаутизма в противовѣс «потѣшному» движенію. Я опредѣленно и рѣшительно возражал и против названія «потѣшные» и против всей системы этого «унтер-офицерскаго» воспитанія, вѣрнѣе обученія. — Ничего не помогло...

Дома Нина и я время от времени рисовали, составляли коллекцію фарфора и, когда могли, ѣздили в Эрмитаж.

В 1911 году мы были очень взволнованы, когда мы прочли о похищеніи из Лувра леонардовской Монны Лизы. Мнѣ ярко вспоминается это событіе еще потому, что Нина, вмѣстѣ со своими двумя подружками, особенно восхищалась этим произведеніем искусства, когда онѣ всѣ жили в Парижѣ. Рената вся преображалась, когда говорила о Моннѣ Лизѣ, а в своих воспоминаніях о Луврѣ она писала так:

Монна Лиза встрѣчала нас всегда своей неизмѣнной, вѣчной улыбкой, откуда-то из глубины вѣков, отвѣчая нашей душѣ на наш временно связанный ежедневными переживаниями привѣтъ, и, когда мы подходили ближе, то выраженіе ея лица мѣнялось: из безразлично безличнаго, далекаго, оно переходило в личное, близкое и индивидуальное. И оно дарило нас счастьем личнаго общенія с той стороной ея многогранной души, в которой в тот день мы находили свое отраженіе.

Мы всѣ были счастливы, когда узнали, что Монна Лиза найдена и водворена на свое почетное мѣсто в Луврѣ.

Немного раньше, еще в концѣ декабря 1910 года, было другое, меня очень интересующее событіе: в Петербург пріѣхал основатель скаутизма в Англіи генерал Баден Пауэль. Об этом я узнал из газет и немедленно посѣтил

Государь среди офицеров: ген. С. И. Кутепов, л-гв. 2-го стр. бат.; ген. бар. Е. Э. Фитингоф, л-гв. 4-го Имп. фам. бат.; Государь; ген. Скорятин, ком. бригады; ген. кн. Н. А. Трубецкой, л-гв. ,1-го Его Вел. бат. За ген. Фитингоф — Зволянский, правѣ; Ильин, Пантюхов, бар. Притвиц, Тушин, Джуліани и Чернавин. Внизу: Олсуфьев, Мешетич, Романовский, Котыбаев, Стесель и Вишняков (1903).

его. Я пошел туда, на Морскую улицу в Отель де Франс, вмѣстѣ с В. Г. Янчевским. Мы видѣли, как Баден Пауэль, только что вернувшійся, по-видимому, со своей прогулки по городу, с удовольствіем подошел к горѣвшему камину и стал грѣть свои руки, глядя на огонь. Кто знает, может быть ему представлялось, что он стоит у лагерного костра, и он готов был побесѣдовать на свои и на наши любимыя темы, но... никого вокруг него не было видно. И как раз в это время человек доложил ему о нас и дал мою визитную карточку.

Мы подошли и сразу же началась у нас та дружеская бесѣда, которая всегда идет у скаутов, на самыя разнообразныя темы, которыя объединяются в одну общую тему, коротко называемую «скаутинг» и, за неимѣніем лучшаго слова по-русски: «Развѣдка». Лица наши — всѣх трех — горѣли энтузіазмом. Мы говорили о наших дружинах и легіонах, о предстоящих походах и лагерях.

Я вернулся к нему через день к завтраку, и мы вдвоем продолжали наш разговор и все на ту же неисчерпаемую тему. Я получил приглашеніе навѣстить его скаутов в Англии. Я звал его посѣтить нашу дружину в Царском Селѣ, но не могли мы сговориться, в какой именно день было бы удобно и ему и мнѣ, и мы рѣшили, что я дам ему знать вскорѣ.

Во время нашей бесѣды Пауэль показал мнѣ свой небольшой альбом, куда он зарисовывал все главное, типичное, что он встрѣчал на пути. Мнѣ запомнились толстыя кучера, с подушками на животѣ и на сидѣнны, а также рисунки купцов, баб и проч. Он был с художественным талантом и сам иллюстрировал свои книги. Я замѣтил, что Баден Пауэль рисовал лѣвой рукой. Он объяснил мнѣ, что умѣет одинаково рисовать и лѣвой и правой, что такая сноровка для скаутов практична. Баден Пауэль предложил мнѣ пива и я не без удивленія видѣл, как он пил его: мнѣ казалось, что не только табак, но и все спиртное не подходит для настоящаго скаута. Я очень жалѣл, что мой англійскій язык был недостаточно хорош, но мы друг друга понимали хорошо. Я ему сказал, что мнѣ помог самоучитель Туссена и Лангешейда, и из этого самоучителя я смог сказать Баден Пауэлю наизусть довольно длинный кусочек из «A Christmas Carol», Диккенса. Баден Пауэль весело смѣялся, слушая Диккенса, вспоминая свои дѣтскіе годы. Мы разстались большими друзьями, как и подобает скаутам.

Баден Пауэль сказал мнѣ, что «будет в Царском», но я не понял, что ему была назначена аудіенція у Государя. Итак, когда я послал ему мое приглашеніе пріѣхать к нам в Царское, то получил отвѣтную телеграмму, что он очень благодарит за приглашеніе, но он только что вернулся из Царскаго Села от Государя и должен уже в этот же день ѣхать дальше в Москву.

Это было для всѣх нас большое разочарованіе, но я рѣшил все же показать Баден Пауэлю хоть часть нашего отряда, и вот в тот же день всѣ мы, то есть всѣ патрульные и три звена, с нашим красивым стягом-знаменем отправились, несмотря на жестокой мороз, на Николаевскій вокзал в Петербургѣ к вечернему поѣзду, идущему в Москву. Мои скауты выстроились на дебаркадерѣ в своей зимней формѣ с флагом-стягом на правом флангѣ и с посохами в руках.

Баден Пауэль, видимо, был поражен и порадован этим дружеским знаком вниманія. Он поздоровался со мной и сказал, что очень, очень рад меня видѣть. И я тоже был рад его видѣть, потому что, как я сказал, между нами установилось то дружеское чувство, которое так искренно и крѣпко связывает тѣх людей и мальчиков, которые стали убѣжденными скаутами.

Баден Пауэль разсматривал наш стяг, рисованный Ниной Михайловной,

на котором было изображение Св. Георгія Побѣдоносца, а на другой сторонѣ изображение Наслѣдника. Он обошел всѣх скаутов и каждому пожал лѣвую руку. Я подарил ему от лица нашей дружины скаутскій альбом, красивую иллюстрированную книгу Величковскаго о Царском Селѣ и компас, как эмблему скаутов, которые всегда стараются итти, как по компасу, вѣрным путем и другим показывать тоже вѣрный путь. На компасѣ ювелир успѣлъ придѣлать наш скаутскій значек с изображеніем вензеля Государя и с надписью — «Будь готов». Все это было по душѣ Баден Пауэля. А один из младших скаутов еще преподнес ему цвѣты. Баден Пауэль повторил свое приглашеніе пріѣхать к нему в Англію. Он интересовался, перед тѣм как сѣсть в вагон, из какой гостиницы ему легче будет видѣть наш московскій Кремль... Но вот уже раздается второй звонок и кондуктора тревожно поглядывают на генерала и на наш отряд. Пора садиться в вагон и нам пріятно видѣть, как наш гость продолжает на нас смотрѣть из своего окна и привѣтливо поднимает свою правую руку, причем мы видим, что пальцы на рукѣ сложены как наш скаутскій знак. Мы отвѣчаем ему этим же знаком-салютом... Здѣсь же очутился вблизи корреспондент «Новаго Времени», и на утро я прочел в газетѣ описаніе проводов Баден Пауэля.

Я воспользовался приглашеніем Баден Пауэля ближайшим же лѣтом, и по пути повидал скаутов в разных странах. Свои впечатлѣнія я написал в иллюстрированной брошюрѣ под заголовком «В гостях у Бой Скаутов». Первым изданіем эта брошюра была издана «Военным Сборником». Вторым, значительно дополненным изданіем со многими иллюстраціями, книжка была выпущена в 1914 году по желанію и на средства попечителя Петербургскаго учебнаго округа г. Прутченко, который произвел на меня великолѣпное, дѣловитое впечатлѣніе и мы отлично поняли друг друга. Это былъ первый из «власть имущих», который, в противовѣс сухомятиновщинѣ и «потѣшным», поддержал идею скаутов. Если бы он дольше оставался на своем посту, то русскіе скауты нашли бы в нем сильную поддержку. Увы, этому не суждено было сбыться: он был «освобожден» от должности его оппонентом министром Кассо.

Привожу тут кой-какія выдержки из моей вышеупомянутой брошюры:

В ГОСТЯХ У БОЙ-СКАУТОВ

Не знаю, удалось ли нам сохранить улыбку Баден-Пауэля на лицах, когда, подѣхав в Мальме к пароходной пристани, мы увидѣли, убираемые на берег сходни, услышали звонки и свисток давшаго ход корабля. Полоса воды между пристанью и пароходом увеличивалась и волей-неволей приходилось отложить свой переѣзд в Копенгаген. Очертанія его домов уже виднѣлись в туманѣ на том берегу Зунда. Мы рѣшили воспользоваться вынужденным пребываніем в этом хорошеньком шведском городкѣ, чтобы повидать здѣшних бой-скаутов. Это нам не удалось, так как мальчишки собирались лишь раз в недѣлю по праздникам, но мы побывали у организатора здѣшняго отряда, видѣли фотографии, программы и убѣдились, что в Швеціи, странѣ гимнастики и здороваго спорта, организація команд бой-скаутов стоит на вѣрном пути. Воспитаніе молодежи это — конек каждаго шведа. Нам бросилось в глаза, что лучшія зданія города были школы. Проѣзжая по улицам города, мы насчитали таких школ не менѣе десяти с обширными площадками для игр и огром-

ными окнами. Посѣтив одно из таких зданій, я был поражен простором свѣтлых классов.

Во время дальнейшаго переѣзда, как в Копенгагенѣ, так и в Амстердамѣ, в окна магазинов нам часто попадалась на глаза дешевая популярная брошюра — программа занятій с бой-скаутами — переложеніе книги г. Баден Пауэля для дѣтских мальчиков.

В Амстердамѣ, в книжном магазинѣ, очень быстро справились по телефону и дали мнѣ адрес одного из устройств амстердамских команд бой-скаутов, г. de Voogt'a. Спустя полчаса, я уже сидѣл в кабинетѣ этого почтеннаго журналиста, окруженный книгами, журналами, брошюрами и фотографіями. Перед моими глазами обрисовывалась чрезвычайно интересная и безкорыстная работа лиц, сочувствующих молодой Голландіи.

Не лишено интереса то обстоятельство, что всѣ, кому приходилось работать над дѣлом подготовки бой-скаутов, встрѣчаются друг с другом, как старые знакомые, понимают один другого с полуслова и бесѣдуют с таким увлеченіем, будто продолжают обсуждать только что прерванный, увлекательный разговор. На слѣдующее утро г. de Voogt явился ко мне в гостиницу и мы вмѣстѣ поѣхали в лагерь мальчиков... Через полчаса мы сошли на небольшой станціи Naarden Bussum по дорогѣ в Гаарлем... Отпустив экипаж и пробираясь по пѣшеходной тропинкѣ, не твердо зная дорогу, мы могли бы заблудиться, как вдруг среди кустов, вдали, мелькнула коричневая фигура молодого индѣйца. Он нес в обѣих руках по ведру воды в лагерь. Мы окликнули его; он подошел... Мальчик стал во фронт и, подняв руку, с тремя вытянутыми пальцами, к широкополой шляпѣ, весело привѣтствовал гостей. Он захватил свои ведра и предложило проводить нас. Через двѣ минуты среди зелени кустов мелькнуло нѣсколько конусообразных вигвамов, коричневозеленых, будто построенных из древесной коры. Потом на зеленой лужайкѣ, среди лѣса, открылся нашим взорам и весь лагерь, состоящій из десятка палаток.

На высоком шестѣ развѣвался трехцвѣтный голландскій флаг. Красный, бѣлый и синій — наши цвѣта. Навстрѣчу нам вышел предводитель этого племени, скаутмастер седьмой амстердамской роты m. Mondriaan. Он был в том же удобном спортсменском костюмѣ бой-скаутов, как и остальные мальчики.

Жизнь ключем кипѣла в лагерьѣ «краснокожих». Это был час отдыха от занятій, но, несмотря на это, я не видѣл мальчиков, сидѣвших, сложа руки. На наш приход они не обратили вначалѣ никакого вниманія и продолжали свое дѣло... Мы обходили лагерь, слушая объясненія мальчиков. Трое из них знали нѣсколько слов по-французски и по-нѣмецки. Что не было ясно из разсказа, показывалось на дѣлѣ... Неожиданно раздался голос скаутмастера: «перелом ноги в голени и обморок. Патруль коршуна!» Назначенный изображать раненаго, с серьезной миной повалился на землю. Старшій патруля свистит сбор. Каждый заранѣе знает свое дѣло. Санитары бросаются к пострадавшему, осторожно спускают чулок, вынимают медикаменты и быстро дѣлают временную перевязку. Остальными уже принесены и разложены носилки; раненаго укладывают на них, как в люльку, закрытую со всѣх сторон брезентом от пыли, или дождя. Лишь у головы окошко для воздуха. Два скаута подают свои велосипеды, приторачивают к ним очень крѣпко носилки и везут раненаго в ближайшій госпиталь...

Когда мнѣ рассказывали мальчуганы и юноши о техникѣ службы связи и о своевременной передачѣ донесеній и приказаній, или о незамѣтном проползаніи в лагерь противника, видно было, что для них это спорт, гораздо

болѣ захватывающей, чѣм всѣ остальные их дѣтскія игры. Если бой-скауты сохранят такой интерес к военной службѣ, из них выйдут прекрасные солдаты, унтер-офицеры и офицеры...

Мы зашли на кухню и видѣли, как мальчики, приставленные к этому дѣлу, чистили картофель, приготавливали посуду, поддерживали огонь. Возраст бой-скаутов от 12-ти до 18-ти лѣт. Они проводят в лагерьѣ от одной до двух недѣль...

В обществѣ дѣтей мы привыкли глядѣть на мѣр их глазами, говорить с ними на понятном для них языкѣ. Учитель здѣсь только лишь старшій товарищ. И, посмотрите, в результатѣ — какая крѣпкая дисциплина соединяет нас.

...Потом всѣ мальчики построились, выравнялись в одну шеренгу и в отвѣтъ на здравицу нашему Государю Императору, провозглашенную начальником лагеря, от всей души кричали «ура». Звонкіе дѣтскіе голоса далеко разносились по окрестности: «Hir, hir, Hurra». Еще и еще.

В отвѣтъ была провозглашена здравица королевѣ Голландіи и снова «ура» раздалось, звонкое и радостное.

Мнѣ представлялось то далекое время, когда царь Петр жил и работал в здѣшнем Заандамѣ, окруженный такими же дѣятельными и веселыми людьми. Великій Император недаром остановил свой выбор на этой странѣ.

Всѣ окружающіе меня, не только взрослые, но и мальчики, слышали о Zar Peter'ѣ и о недавнем Высочайшем дарѣ городу Заандаму. Они рассказывали о том, что знали, с очень дружелюбным чувством.

Когда мы, торопясь на поѣзд, принуждены были разстаться с радушным лагерем, старшій из скаутов вышел проводить нас и на прощанье передал еще раз привѣтъ от лица всей команды. Мы дружески пожали друг другу лѣвыя руки (обычай бой-скаутов) и разстались.

Как ни хотѣли голландцы быть самобытны в дѣлѣ организациі команд бой-скаутов, все же картина голландскаго лагеря была очень сходна с тем, что я увидѣл в Англии.

Этот лагерь находился в сорока минутах ѣзды по желѣзной дорогѣ на запад от Лондона. Деревня называется Флит. Пришлось еще около 4 верст ѣхать на лошадях...

Дѣтскіе голоса и звук трубы донеслись до экипажа. Снова передо мною живописный, веселый вид на лагерь бой-скаутов. Мальчики обѣдали, сидя на травѣ. Я сказал одному из них, что желал бы видѣть мистера Кайль; мальчик, бросив обѣд, спросил мою фамилію и побѣжал сообщить обо мнѣ. Вскорѣ ко мнѣ навстрѣчу вышел джентльмен, высокій, широкоплечій и загорѣлый, радушно протягивая руку и привѣтствуя... Это был секретарь главной квартиры бой-скаутов, начальник здѣшняго лагеря.

У его ставки, под парусиновым навѣсом, собрались для обѣда шесть офицеров и столько же начальников патрулей. Мнѣ было предложено раздѣлится с ними обѣд; офицеры ѣли то же, что и мальчики: блюда, приготовленные одним из патрулей, назначаемых на дежурства на кухню по очереди...

Я вначалѣ не знал, кто такіе были всѣ они, однообразно одѣтые в костюм скаутов, цвѣта хаки. Были ли это офицеры дѣйствительной службы или лишь «офицеры» бой-скаутов? Был ли офицером сам мистер Кайль, начальник лагеря, такой распорядительный, с видом внушительным и властным, с фигурой полководца?

Сосѣд стал перечислять мнѣ, их. Широкоплечій черноволосый господин с мужественным лицом — организатор отрядов бой-скаутов на островѣ Маль-

тѣ, имѣющій там свои дѣла. Другой — сын извѣстнаго профессора Оксфордскаго университета. Третій — пастор, настоятель одной из лондонских церквей. Один из моих сосѣдей был офицер артиллеріи. Другой, его товарищ, которому было поручено показать мнѣ лагерь — офицер инженерных войск. Оживленный молодой человек, сосѣд мой за обѣденным столом, оказался венгерским журналистом, командированным из Будапешта на продолжительное время для изученія организациі команд бой-скаутов...

Вниманіе мое, по-прежнему, останавливало отношеніе мальчиков к старшим. Ясно было, что дѣло взято в руки лучшими людьми, вполне достойными и подготовленными. Дѣло велось лично офицерами и — как велось!

Мы проходили мимо пруда с протянутыми поперек канатами. Здѣсь учатся плавать. Каждый развѣдчик должен постигнуть это искусство в совершенствѣ, чтобы не попасть впросак и чтобы имѣть возможность оказать помощь утопающему. На изученіе различных способов спасанія утопающих обращено особое вниманіе...

Потом была стрѣльба в цѣль из монте-кристо и духовых ружей. Крошечныя мишени ставились на землѣ в 20 шагах; надо было большое умѣнье, чтобы не промахнуться. Скауты стрѣляли, сидя на землѣ.

Таким образом, офицеры-скауты показывают бой-скаутам примѣр в умѣньѣ грести, ѣздить на велосипедѣ, сажать цвѣты, спасать погибающих, дѣлать добрыя дѣла, строить шалаши и палатки и т. п.

Сопровождавшій меня капитан показал на рукавѣ своей куртки около пятнадцати разнообразных значков, полученных им послѣ соотвѣтствующих испытаній на одинаковых основаніях с прочими развѣдчиками. Здѣсь были значки за санитарное дѣло, за стрѣльбу, за гимнастику, за саперное дѣло (значек, который ему, как инженерному офицеру, ничего не стоило получить), значки за садоводство, за игру на музыкальных инструментах, за ѣзду на велосипедѣ, сигнализацию и т. п...

— Среди юношей, увлекшихся дѣлом бой-скаутов, невозможны ни увлеченія политикой крайних, ни наклонность к праздности, которая, как извѣстно, «мать всѣх пороков».

В 4 1/2 часа, по сигналу на трубѣ, собрались на кухню всѣ мальчики с большими кружками и получили какой-то бурый, мутный напиток — чай с молоком. Пили его здѣсь же у палаток, закусывая бѣлым хлѣбом.

В центрѣ лагеря, на высоком флагштокѣ развѣвался національный британскій флаг — Юніон Джек. Тут же, на особой доскѣ, вывѣшивались: приказанія по лагерю, распредѣленіе времени, расписаніе занятій, а также назначеніе патрулей на должности и работы...

Занятія, вѣрнѣе было бы их назвать играми, назначены были в этот день слѣдующія: под покровом ночи один из отрядов должен был расположиться цѣпью сторожевых постов и не пропустить никого в сторону своего лагеря. Другой партіи ставилась задача — проникнуть в лагерь противника и добраться до знамени. Ей разрѣшалось для этого прибѣгать к каким угодно хитростям, до переодѣванія включительно.

Игра называлась: «контрабандисты через границу».

В этой игрѣ требуется много ловкости, находчивости, осторожности и она, в сущности, очень близко напоминает службу войск на войнѣ.

Это уже спорт, одушевленный сознательной цѣлью подготовить себя для защиты отечества. И мнѣ казалось, что окружавшіе меня мальчики чувствовали это.

Таким образом, нам удалось видѣть лагерь голландцев и лагерь англичан. Недавніе враги, не забывшіе еще уроков войны в Южной Африкѣ, работали в одном и том же направлении, руководствуясь одним и тѣм же методом, с одинаковым упорством и увлеченіем, над главным стимулом всякой побѣды — над моральной подготовкой молодежи: в ней сила народа, это давно уже поняли всѣ государства.

Кто достигнет лучших результатов? Чей патриотизм горит ярче и кто сумѣет зажечь им большее количество молодых сердец — это покажет нам будущее.

Во время моего отсутствія за границей, моя жена была у своей матери в Вильнѣ, гдѣ вскорѣ послѣ моего возвращенія, в сентябрѣ, у нас родился второй сын — Игорь.

Когда мы всѣ вернулись в Царское Село, Нина Михайловна чувствовала себя иногда лучше, иногда хуже. Мы ѣздили ко многим докторам и доктора ѣздили к нам. В концѣ концов они опредѣлили что-то вроде бронхита, но бронхит не проходил. Все это было печально, и по совѣту одного из докторов было рѣшено, что Нина Михайловна поѣдет в клинику доктора Тернера в Давос Платц, в Швейцаріи. Нина пробыла в Давосѣ около восьми мѣсяцев и только тогда «умные» доктора рѣшили, что ей не нужны высокія горы, а наоборот, — низкія мѣста, и посоветовали переѣхать в Бад Райхенхал, недалеко от Зальцбурга. Но тут ей тоже не помогло и она вернулась домой без особых результатов...

Когда Государь в первый раз пріѣхал к нам в батальон, в 1901 году, то он всѣм нам, офицерам, перед своим отъездом во дворец, привѣтливо сказал, что благодарит нас и что он сейчас «в первый, но далеко не в послѣдній раз». И это свое обѣщаніе он очень хорошо исполнил, пріѣзжая к нам в собраніе на наши «товарищескіе обѣды» довольно часто, особенно когда по его же желанію нашему батальону было построено красивое и удобное офицерское собраніе.

Вскорѣ послѣ отъезда в Москву Баден Пауэля, у нас в полку был очередной товарищескій обѣд, на котором присутствовал Государь. Наш командир полка свиты Его Величества генерал-майор Николаев был вполне в курсѣ наших скаутских дѣл и я сказал ему, что хотѣл бы преподнести Государю наш скаутскій значек с царским вензелем для Наслѣдника. Случай представился вскорѣ послѣ обѣда, когда всѣ перешли из столового зала в уютную смежную гостиную, и Государь стал бесѣдовать с нами на разные темы. Командир представил ему только что вышедшаго к нам в полк Павла Владиміровича Карсакова и сказал, что он из Московскаго военнаго училища, а я, как раз вовремя, поправил и сказал подчеркнуто: «Алексѣевскаго училища». Государь на меня одобрительно взглянул, ибо как раз накануне отдан был приказ о переименованіи этого училища.

Командир полка сказал Государю, что я довольно давно уже организовал в Царском Селѣ дружину юных развѣдчиков скаутов. Государь, как видно, уже знал об этом. Я думаю, что царскіе дѣти не раз видѣли наших скаутов в парках в окрестностях Павловска и Царскаго Села. Я спросил Государя: — «Как Вам понравился генерал Баден Пауэль»? — Государь отвѣтил: «Очень, очень понравился! И идея его скаутинга тоже очень понравилась» ...«Я приказал книгу его перевести на русскій язык и издать. Теперь пусть само об-

щество продолжает это хорошее дѣло». Тут я попросил разрѣшенія преподнести наш скаутскій значек для Наслѣдника, и стал рассказывать, почему нами был выбран рисунок лилии для нашего значка: таким рисунком отмѣчается сѣвер на больших компасах, а хорошій юный развѣдчик-скаут, как компас, должен показывать вѣрный путь другим не только в буквальном, но и в переносном смыслѣ этого слова.

Я стал рассказывать, что на ленточкѣ нашего значка выгравировано «Будь готов». — Это наш девиз, который имѣет очень много высоких значеній: помогать несчастным, защищать родину Россію, спасти погибающих и прочіе... Я сказал, что у наших стрѣлков на шапках ленточки за отличие в боях загнуты концами вниз, а у наших скаутов-развѣдчиков ленточки девиза загнуты концами вверх и напоминают улыбающійся рот развѣдчика, который всегда должен быть весел.

Государь весело засмѣялся, слушая это объясненіе. Да и другим, кто были вокруг, это объясненіе очень понравилось. Государь сказал — «Скажу об этом Алексѣю», т. е. Наслѣднику.

Итак, наш скаутскій значек был поднесен и принят Государем внѣ всяких официальных правил, и я получил царское поощреніе своей работы с молодежью.

В отдаленном будущем, уже во время войны, когда я был на фронтѣ и мою дружину принял директор мѣстнаго реального училища и преподаватель царских дѣтей Эраст Платонович Цытович, Наслѣдник был официально зачислен в ряды нашей дружины. Отчасти этому способствовала Великая Княгиня Елизавета Маврикіевна и ея сын Георгій Константинович, который вступил в дружину раньше и был активным скаутом-развѣдчиком, и рассказывал Наслѣднику много увлекательных скаутских исторій. Наслѣднику особенно нравился наш скаутскій девиз: «Будь готов».

Через много лѣтъ, потом я снова встрѣтился с князем Георгіем Константиновичем и он тогда написал письмо для скаутов, которое я переписал в одном своем «Приказѣ». Привожу тут одну его часть:

Помните, что всѣ русскіе Скауты-Развѣдчики должны быть за одно со своим Старшим Скаутом и основателем нашего движенія.

В переживаемое нами отвѣтственное перед Родиной время, особенно важно наше скаутское правило:

— В единеніи сила!

Да не будет таких, которые захотѣли бы дробить нашу скаутскую семью.

Я горжусь тѣм, что мнѣ первому из Царской Семьи довелось вступить в славные ряды Русских Скаутов-Развѣдчиков и ходить на развѣдку под сѣнью нашего Георгіевскаго Стяга.

Слѣдующим за мною, с соизволенія Государя Императора, вступил в ряды Русских Скаутов Наслѣдник Цесаревич.

Когда он услышал от моей матери, Великой княгини Елизаветы Маврикіевны, увлекательныя подробности о нашей привольной жизни под открытым небом, о наших походах и развѣдках, Цесаревич захотѣл быть скаутом-развѣдчиком.

Цесаревичу нравился наш девиз: «Будь готов»! Шла война и он тоже хотѣл «Быть готовым».

Государь Император зачислил его в наш Царскосельскій отряд.

Я всегда с гордостью буду носить скаутскій значек с изображеніем нашего общаго, а моего вдвойнѣ, Небеснаго Покровителя Святого Георгія Побѣдоносца.

Под Его водительством Русскіе Скауты-Развѣдчики, а с ними и все русское молодое поколѣніе, вернет себѣ освобожденную и закалившуюся в теперешних страданіях Россію.

Лѣтом 1912 года для молодежи Петербурга, и не только Петербурга, было большое событіе: царскій смотр, в котором участвовало нѣсколько тысяч мальчиков и дѣвочек, обучавшихся военному строю и гимнастикѣ.

Рѣзко и пріятно бросался в глаза всѣм присутствующим небольшой отряд моих царскосельских скаутов. Присутствіе их на смотре я считал очень важным также и для пропаганды скаутизма.

В журналах появились фотографіи наших скаутов и многія газеты с особой теплотой отзывались о скаутах-развѣдчиках. Дѣйствительно — простая и изящная скаутская форма, цѣлесообразное и удобное снаряженіе, характерныя и удобныя скаутскія шляпы и посохи в руках, вмѣсто «потѣшных» деревянных ружей, а также вся система нашей скаутской работы, палатки, носилки, первая помощь, сигнализациія и все, что скауты могли демонстрировать перед публикой, все производило исключительное впечатлѣніе.

В результатѣ этого царскаго смотра у многих, стоящих у власти, колебалась вѣра в потѣшное дѣло. Государь не дал никому за этот смотр ни чинов, ни орденов, и потѣшные стали быстро сходить со сцены.

Всѣ эти долгіе годы я продолжал руководить нашим царскосельским отрядом и вел обширную корреспонденцію с заинтересованными лицами, а также с главной квартирой великобританских скаутов, в чем, отчасти, мнѣ помогала милѣйшая С. В. Зволянская, у которой я брал уроки англійскаго языка.

Нина Михайловна, как всегда, мнѣ очень помогала, по-скаутски «оставаясь в тѣни», но у нея было не только это качество скромности, но и очень многія другія, почти всѣ лучшія скаутскія особенности, и она, как бы незамѣтно, но была всегда вдохновительницей нашего скаутскаго дѣла. К ней обращались дѣвочки за совѣтами по устройству своих звеньев и отрядов. Вспоминаю одну из них — Богданову, нашу царскоселку, затѣм наши звенья дѣвочек были в районѣ Сестрорѣцка, вблизи Финляндіи. Царскосельская школа Левицкой запомнилась мнѣ. У них была эмблема, очень подходящая для наших скауток: бѣлый цвѣток подскнѣжника на шляпах, вѣрнѣе на их красных кепках.

В Царском Селѣ я издал в пользу моей дружины много тысяч открыток с иллюстраціями-фотографіями, изображающими жизнь скаутов: подачу скорой помощи, жизнь на лонѣ природы, помощь ближним, игры, черченіе условных знаков на пескѣ и т. д.

Впослѣдствіи, перед отъѣздом на войну, мнѣ удалось провести по всѣм инстанціям устав нашего Общества содѣйствія мальчикам-развѣдчикам «Русскій Скаут». На первое собраніе я пригласил профессора Срезневскаго, вице-адмирала Бострема и многих других. Профессора Срезневскаго я предложил избрать на этот вечер предсѣдателем собранія, а затѣм я выставил кандидатуру адмирала Бострема в постоянные предсѣдатели, что и было поддержано всѣми. Секретарем, если не ошибаюсь, был Я. Н. Репнинскій. Он служил в канцеляріи генерала Воейкова, который не так давно был назначен завѣдующим спортивными организациями, не помню точное названіе этой должности... Итак, я был рад, что мое любимое дѣтище перед отъѣздом на фронт, я смог передать в надежныя руки. Вскорѣ был приглашен, как старшій опытный инструктор-скаутмастер, швед Р. Фернберг, который очень по-

мог тренировкой наших первых петербургских скаутмастеров. Дѣло наше крѣпло.

Издательство Березовскаго выпустило в свѣтъ мою книжку «Спутник Русскаго Скаута», которая вышла затѣм вторым изданіем.

Стараюсь припомнить еще хоть нѣкоторыя детали посѣщеній Государем нашего лейб-гвардіи 1-го Стрѣлковаго Его Величества батальона, а впослѣдствіи, послѣ 1910 г., полка. Мы, офицеры, были, так сказать, «одного поля ягоды» — воспитанники кадетских корпусов и военных училищ и наш политическій кругозор был почти одинаков. Мы читали, главным образом, «Новое Время», — Суворинскую газету. Мы любили нашего Государя и его семью. Особенно любили Великаго Князя Константина Константиновича и мы считали, что старый російскій строй, который сдерживал всѣ народности Россійской Имперіи и сливал весь этот конгломерат в одно цѣлое, должен быть сохранен до поры до времени. Мой отец так убѣдительно об этом нам говорил и писал в своих записках и книгах.

Государь был воспитан в таких же убѣжденіях. Может быть он как-то подсознательно чувствовал, что для каких-нибудь переменъ в управленіи надо бы имѣть большаго человѣка, может быть генія, а такого великана он вокруг себя не видѣл. Вот развѣ Столыпин был, и не уберегли его... Итак, когда, очень изрѣдка, бесѣда с Государем у нас в собраніи заходила на «политическія темы», то мы единодушно, иногда взглядами, иногда и словами, как бы подтверждали, что мы солидарны с общим направлением дѣл. Особенно это все высказывалось, или без слов чувствовалось, послѣ 1905 года и послѣ открытія Думы. Вспоминаю как, должно быть, послѣ Выборгскаго воззванія членов Думы, кто-то упомянул про Милюкова, и Государь весьма неодобрительно отвѣтил по этому поводу, что он не любит Милюкова. Впрочем, кажется, всѣ уже это знали и знал сам Милюков, который был очень умным человѣком.

Фамилія П. Н. Милюкова часто произносилась в семьѣ моего старшаго брата Николая Ивановича, который с ним часто встрѣчался и очень уважал его. Я сам был один раз на его докладѣ в залѣ Тенишевскаго училища и был в восторгѣ от его эрудиціи, как он, как бы с птичьаго полета, умѣл охватить много исторических событій и объединить все в одну идею.

Я не помню точно, по какому поводу, кажется по поводу какого-то очереднаго возстанія или «безпорядка», связаннаго с рѣчью кого-то из лѣвых членов Думы, Государь сказал, что он мог бы в отвѣтъ на это объявить там пробную мобилизацію. Чувствовалось, что Государь, хоть и скромным, джентльменским голосом, но хотѣл сказать, что он очень тверд в своих рѣшеніях и убѣжденіях. Запомнилось еще, что послѣ недавней бывшей встрѣчи Государя с Вильгельмом, Государь не высказывал в своих словах никакого восхищенія, и когда кто-то разсказал, что у полка, нашего русскаго, имени императора Вильгельма были заслуженныя на войнѣ серебряныя трубы «За взятіе Берлина», то Государь одобрительно улыбнулся и сказал что-то поощрительное. Однажды, за одним из наших полковых «товаришеских» обѣдов, когда я сидѣл почти против него, немного наискось, Государь сказал кому-то, кажется командиру батальона генералу Розеншильду, что у него есть очень вѣрный способ узнавать людей: достаточно ему взглянуть в глаза человѣку

и в них, как в зеркалѣ, он может прочитать характеристику этого лица. Слу-чилось так, что как раз в это время Государь смотрѣлъ на меня. Я весьма одобрительно кивнул головой и промолвил: «Совершенно вѣрно», а Госу-дарь, не спуская с меня глаз, продолжал: «если человек этот не опускает или не отводит глаза, то это уже хороший признак» ...И я долго, очень долго, не отводил от Государя своих глаз, может быть цѣлую минуту или даже боль-ше, пока что-то постороннѣе не отвлекло вниманія Государя.

Когда Государь, во время приѣзда эмира Бухарскаго, получил от него, как приношеніе, большой позолоченный жбан на таком же подносѣ и с двѣнад-цатью такими же чарочками, то Государь распорядился, чтобы всѣ эти дары были бы отправлены в наш батальон, в наше офицерское собраніе, гдѣ одна из комнат была устроена в восточном, почти бухарском, стилѣ.

Однако мы, офицеры, предпочитали пить шампанское или крюшон не из этих азіатских стопочек, а из наших личных чарочек, которыя заказыва-лись для каждаго вновь поступающаго офицера, простого, раз на всегда уста-новленнаго образца. Чарочки эти были серебряныя, золоченыя внутри с выг-равированной фамиліей владѣльца и годом выпуска, или вступленія в полк. У Государя и у Великих князей, числившихся в полку, у всѣх были такія же чарочки.

По окончаніи одного из наших наиболѣе торжественных царских обѣ-дов, — кажется это было в юбилейный год, — было спрошено разрѣшеніе под-нести Государю чарочку и всѣ мы пѣли: «Чарочка моя, серебряная, на золо-том блюдѣ поставленная. Кому чару пить? Кому выпивать? Пить чару, быть здраву свѣту Государю Николаю Александровичу». Не помню, выпил ли Го-сударь всю чару сам или передал частью кому-нибудь, но мнѣ лично показало-сь, что наша обычная застольная пѣсенка была как будто черезчур «фа-мильярна» для нашего высокаго Гостя.

В торжественных случаях, на такіе обѣды приглашались, то-есть нани-мались, хорошіе артисты, пѣвцы, как, напримѣр, Варя Панина или веселые ко-медіанты. Вспоминаю трех черных, как смоль, американских негров, которых «выкопал» из «Буффа» поручик Рогуля, или наш адъютант штабс-капитан Зволянскій. Не помню, конечно, слов и даже смысла их незатѣйливых ан-глійских пѣсенок и шуток, но один номер хорошо мнѣ запомнился. Кажется этим они и начали свое выступленіе. Три огромных глупаго вида негра, от-лично одѣтых во фраки с бѣлыми галстуками, появились под аркой, отдѣляю-щей нашу столовую от зала. Всѣ трое изображают котов или кошек. Один из них наклоняется к уху сосѣда и едва слышно что-то шипит или мяукает. Сосѣд в тихом ужасѣ отстраняется и шипит или мяукает и все это передается от одного кота к другому, как какія-то чрезвычайно таинственные секрет-ныя новости, от которых слушающій почти шарается, и все это дѣлалось с такими кошачьими ужимками, что всѣ мы, и Государь первый из нас, захо-тали до упаду. Насколько мы слышали, эти негры были приглашены затѣм в царскій дворец, чтобы сдѣлать представленіе для царских дѣтей.

Один раз, уже под утро, часа в три, когда Государь поблагодарил всѣх и, в частности, командира, всѣ вышли на подѣзд, гдѣ стоял парный экипаж. Должен сказать, что Государь всегда выглядѣлъ так, будто он никогда ничего не пил. Офицеры были в энтузіазмѣ и побѣждали за экипажем сначала до ворот, до которых добѣжал и я, но многіе побѣжали и дальше, благо Госу-дарь велѣлъ ѣхать шагом; прикомандированный к нам штаб-ротмистр Романов-скій рассказывал мнѣ, что Государь в пути ему сказал громко: «Улан изне-

могает!» и, остановив коляску, посадил его рядом. Так они доѣхали почти до самаго дворца.

У нас, офицеров, было такое впечатлѣніе, что Государь и вся царская семья жили своей спокойной домашней жизнью и, когда на слѣдующій день командир полка ѣздил во дворец благодарить за посещение полка, императрица от души говорила командиру, что она очень довольна, что Государь имѣл пріятный вечер.

Вспоминается мнѣ еще, когда Государь возвращался из Ливадіи, он очень подробно рассказывал о своих крымских впечатлѣніях и говорил про старый дом, гдѣ вся семья жила сначала. И затѣм, как-то раз Государь рассказал о своем рѣшеніи вмѣсто стараго дома построить новый, и передавал слова того архитектора, который завѣдывал работой. Он говорил, что в подвалах стараго дома он нашел так много всяких разновидностей грибков и моха, что он никогда таких и не видывал. Это ясно говорило, что дом уже мало пригоден для жилья, особенно для дѣтей. Государь как будто хотѣл оправдать то, что он затратил деньги на новый дом.

Я вспоминаю этот новый дворец. Увы, я посетил его уже тогда, когда Царская семья была в заточеніи. В 1917 году, когда мы всѣ жили по сосѣдству с Ливадіей в Чукурларѣ и я побывал во дворцѣ, я не нашел в нем ничего черезчур роскошнаго. Помню, что я от дворца спустился к берегу моря и увидѣл двѣ совсѣм незатѣйливых будочки, гдѣ царскіе дѣти переодѣвались для купанья. Как все здѣсь было скромно, опрятно, будто вот-вот вернутся обитатели этого имѣнія, и грустное чувство обуревало тогда всѣх нас.

*

В концѣ 1913 года, когда зима осыпала Царское Село снѣгом, мы с Ниной рѣшили, что хорошо было бы ей уѣхать на юг, на Кавказ. И вот я взял отпуск и мы вмѣстѣ с дѣтьми ѣдем туда, гдѣ я провел такіе счастливые дни молодости.

Помню, как послѣ чудесных рассказов Нины Михайловны о своем дѣтствѣ, меня манила Вильна; думаю, что теперь было такое же чувство у Нины по отношенію к «моему» Кавказу. Мы поѣхали туда, как в священный город, как мусульмане ѣдут в Мекку.

Но вот мы, наконец, поѣхали всю Россію, Дон, Дагестанскія земли, Баку. Поѣзд поворачивает круто на запад, переѣзжает Куру — и вот должный Тифлис!

Тут я снова прибѣгаю к запискам моей жены:

Марія Николаевна и Иван Ипполитович Суржины и Андрей Иванович встрѣчают нас на вокзалѣ в Тифлисѣ. Было больше 10 ч. вечера, когда мы направились лѣшком на квартиру Суржиных. Я шла с Олешей и Андреем Ивановичем. Свѣтила луна и Олеша сказал: «Здѣсь луна совсѣм другая, чѣм в Царском Селѣ». И, дѣйствительно казалось, что луна и звѣзды горят здѣсь гораздо ярче, чѣм на сѣверѣ... У Суржиных пили чай и закусывали за длинным обѣденным столом.

Анна Павловна хлопотала за столом. В большой гостиной были уже приготовлены постели для дѣтей и Саши.

Дѣти Суржиных: Кирилл, кажется, 9 лѣт, по прозвищу «Жрец», потому что он очень много ѣл. Свѣтик, Олег и даже маленькій Сережа, всѣ были довольно буйные и одно из их любимых развлеченій было — держась за руки, кружиться таким образом. что дальній

от центра летѣлъ, как на гигантских шагах. Также бывала и «куча мала». Это все поощрялось их отцом. Наши мальчики были гораздо спокойнѣе и благовоспитаннѣе, и Анна Павловна, которая полюбила наших дѣтей потому, что они Пантюховы, все же называла их шутя — «царскосельскими болонками».

Вся компанія дѣтей с Анной Павловной ходила на прогулки, часто на «Нахаловку». За обѣдом больше говорил сам Суржин. Он был казак. Один из его рассказов был, как весело казаки проводили время в Парижѣ и, когда их, по возвращеніи домой в Россію, спросили, как им понравился Париж, то они могли только отвѣтить дружным смѣхом: «Ха-ха-ха... Париж!»

У Суржиных не надо было приходиться во время к обѣду и это давало нам полную свободу ходить когда и куда мы хотим, и рисовать.

Первое сильное впечатлѣніе произвела ближайшая к мосту лавка, вся заваленная фруктами и овощами: — это был юг.

А Армянскій Базар! А Петхаинскій Подъем! На базарѣ шелка, тыквы с узорами, старье... Какіе интересные для рисованія дома! Один раз, когда мы рисовали старую улочку, цѣлая стая ребят окружила нас. Они всѣ говорили на грузинском языкѣ, но когда я стала рисовать вход в дом, то послышался громкій восторженный возглас: подъѣзд!

А Вознесенская улица, гдѣ так долго жили Пантюховы. Дом Гиргидова, дом Торуманова. Вознесенская церковь. Из дома Торумановых особенно долго не хотѣлось уходить: длинный балкон вдоль Вознесенской улицы, а за домом тѣнистый сад с фруктовыми и другоими деревьями, с бассейном и проточной водой, текущей по открытым желобам в Дворцовый Сад. Хозяйка дома была очень привѣтливая, а для О. И. здѣсь было много чудесных дѣтских воспоминаній.

Здѣсь же, рядом, начинается крутой подъем шоссе в Ботанической Сад и дальше.

...На второй день Рождества мы поѣхали в Батум. Неосторожно сидѣли вечером на пескѣ у моря и я простудилась. На обратном пути Боржом, Бакурьяны.

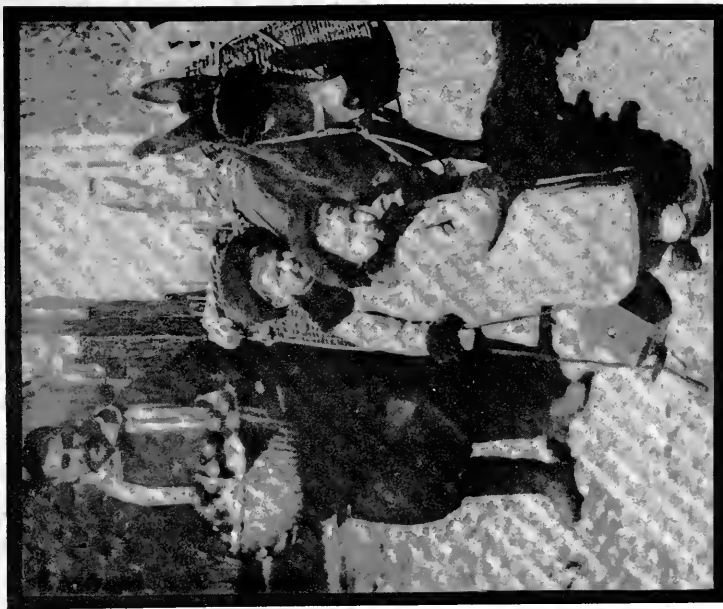
Андрей Иванович так старательно и хорошо лечил. Приходил два раза в день. Спасибо ему большое. Он же нашел нам болѣе подходящую квартирку в центрѣ города, гдѣ мы и прожили до отъѣзда в Царское Село.

Да, Тифлис принял нас гостепріимно, патриархально. На окраинах он похож был еще на большую деревню. Нам по душѣ были туземныя пекарни в азиатской части Тифлиса, гдѣ нам можно было наблюдать всю процедуру изготовленія и печенія вкусных кукурузных лавашей и чуреков. Глубокая, глубиною больше сажени и шириною аршина полтора, яма была гладко оцементирована. На днѣ ея разводился костер и ароматный дым этого костра возвѣщал окрестным жителям, что часа через два они могут получить вкусные лаваша и чуреки. Интересно было видѣть, как пекарь-пурник, ловко зацѣпившись за края этой «допотопной» ямы-печки, спускался, то-есть свѣшивался головою вниз, почти касаясь ею горящих углей, с лавашем в рукѣ, и ловким движеніем налѣплял этот лаваш на цементную стѣнку печи-ямы. Когда мы, дѣтьми, наблюдали всю эту процедуру в сосѣдней с нашим домом пекарнѣ-пурнѣ, мы очень безпокоились, чтобы пекарь не свалился головой в огонь. Но нѣтъ: все обходилось благополучно. Яма покрывалась досками и укутывалась какими-то тканями, и часа через два кто-нибудь из нас братьев посылался в пекарню за чуреками или лавашами.

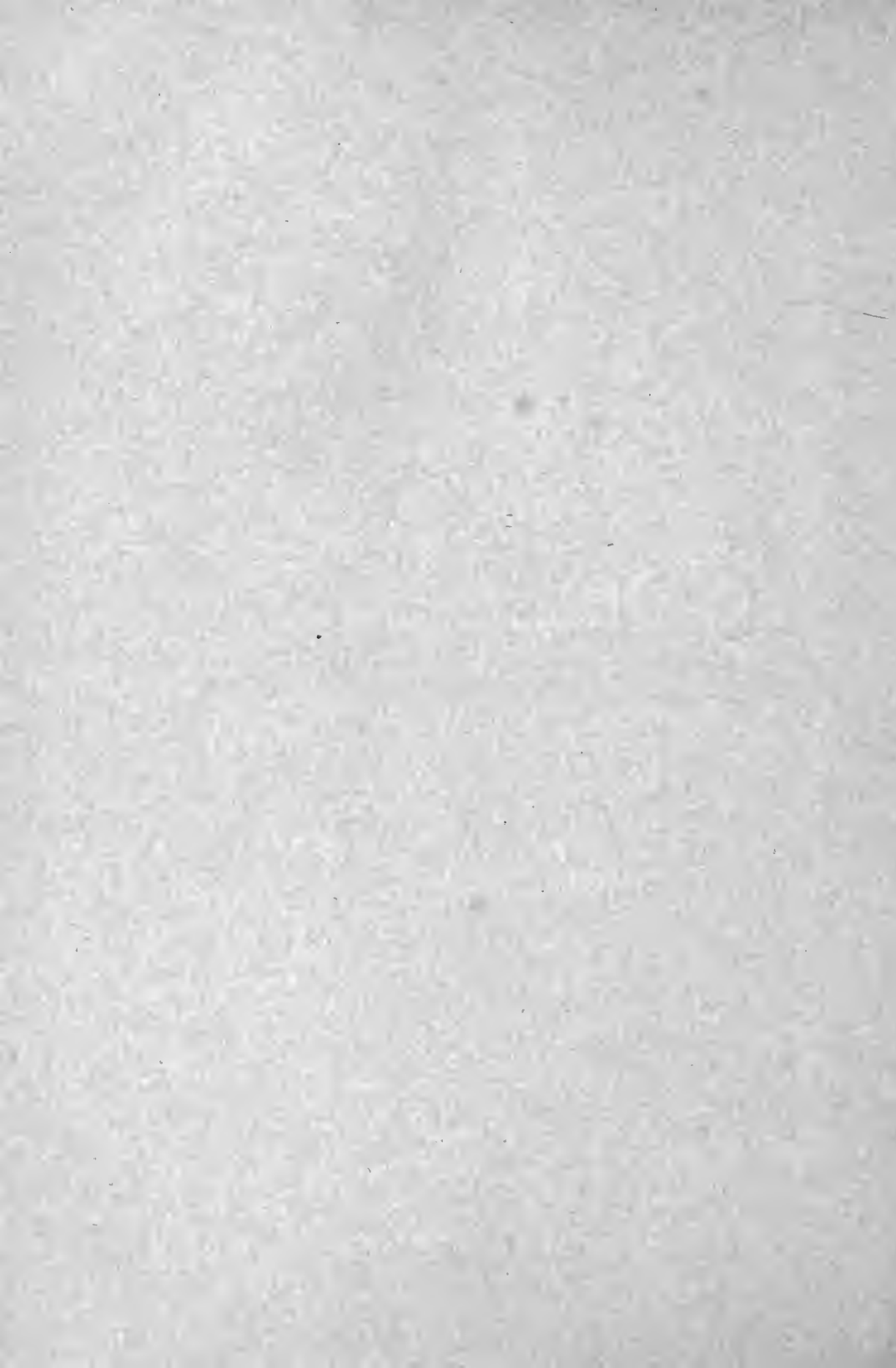
О Тифлисѣ писал Пушкин и я думаю, что азиатская часть города Авлабар, Нафтлуг и другія мало измѣнились с тѣх пор... А Лермонтов в своем «Свиданіи» чудесно передал всю «атмосферу» Тифлиса.

Нина Михайловна с дѣтьми и няньками
у Софійского собора в Царском селѣ.

Олег и Игорь с продавцем гранатов
в Тифлисъ (1914).

Мы жили в Сололаках — в ущелье между двух гор. Нижняя часть Сололак — это европейская часть города и туземцев здесь меньше половины. На улицах теперь больше офицеров, чиновников и дам. Дальше Эриванская площадь, где Джугашвили-Сталин и его сотрудники ограбили казначейский деньг и убили казаков. Здесь, около городской думы, стоят парные экипажи. Дальше — каравансарай, Дворцовая улица, Дворец наместника, Головинский проспект с классической гимназией, где я учился в течение двух лет, Казенный театр, кадетский корпус, почтовая станция для вьющих на почтовых лошадях по Военно-Грузинской дороге. Именно сюда мы всей семьей и приехали в былое время, кажется в 1888 году.

Гораздо более интересная была азиатская часть Тифлиса. Здесь доминировали живописные костюмы туземцев. Грузины, а частью и армяне, ходили в темно-синих национальных костюмах: широченные шаровары, высокие сапоги-чуваки, а на головках всегда плоская черная, валяной шерсти, шапочка. Иногда на кожаном, отделанном серебром, поясе серебряный, то-есть в серебряной оправе, кинжал. Но кинжал больше был принадлежностью горцев: абхазцев, черкесов, носивших длиннополая черкески и горские шапки-папахи черного бараньяго меха.

Еще живописнее была часть города за старым грузинским собором и за Армянским базаром. Тут в полутемных переулках, в лавках были навалены чудесные персидские ковры и ткани. Когда мы с Ниной Михайловной пришли сюда, то у нас глаза разбегались и мы не могли не закупить шелковых шалей. Тут же серебряных дел мастера стучали своими молоточками и выбивали и вырезывали на серебре красивые узоры с чернью и для кинжалов, и для позументов, и для поясов. Еще ниже, у самой Куры, почти всегда можно было увидеть караваны верблюдов, медленно и спокойно жующих свою жвачку. Они то и привезли на своих горбах из далекой Персии и ковры, и шелковые ткани. Персы носили высокие черные шапки, напоминающие слегка фасоном камилавки наших священников, но не расширяющиеся сверху. В азиатских кварталах можно было встретить также много турок. Они важно сидели в своих кофейнях и курили кальяны, попивая черный кофе. Носили они или красные малиновые фески, или красиво обмотанные вокруг головы тюрбаны. ...В конце января 1914 года мы должны были возвращаться из Тифлиса в Царское Село.

Тифлис нам нравился до того, что мы строили самые фантастические планы, как я переведусь сюда из гвардии в чин полковника и буду командовать батальоном в одной из расположенных здесь частей. И мы ходили по Сололакам, осматривали квартиры. Побывали и в доме Поповой и у Тулаевых, и везде нам казалось удивительно уютно и хорошо.

Грустно было уезжать из Тифлиса. Но вот мы снова в вагоне. Снова перед нами вид на Тифлис с необычной для нас стороны, — со стороны арсенала и Нафтлуга. Милое Сололакское ущелье и Ботаническая гора в дымке, как бы в дымке прошлого... Перед нами Муганская степь, скоро будет полустанок, от которого мы с папой в былое время ездили в Нафталан. Баку, с лесом нефтяных вышек у Чернаго Города. Петровск с живописной гаванью и амфитеатром спускающимися к зеленой воде домами... Ростов на Дону. Воронеж, — какой-то серый. Так, по крайней мере, он выглядит издали, будто огромная деревня. Москва. А дальше уже незаметно прошло время до Питера. Вот наш старый знакомый Царскосельский вокзал и на вокзале знакомые царскосельские лица.

Казалось, что жизнь снова вступит в старую, известную колею... но приближается описание тяжелого периода... не только для нас, но и для всех русских людей, для всей России. Теперь мне кажется, что в воздухе чувствовалось какое-то необычное напряжение, что-то похожее на гипноз, на внушение. Должно быть от людей к людям шли невидимые нити или токи и друг от друга передавались эти «флюиды» и заражали воздух нервною и чрезмерною восприимчивостью к передаваемым в газетах известиям. И, как видно, всё без исключения были под влиянием этих отвратительных «флюидов» и не только у нас в России, но и за границей. Или может быть эти «флюиды» так же легко распространить в воздухе, как бактерии заразных болезней? И способ для распространения эпидемии нервности найден: газеты.

Я снова принял свою Учебную команду. Очень доволен я был своим фельдфебелем подпрапорщиком Сазоновым, моим воспитанником, прошедшим у меня в роты и в Учебной команде весь курс обучения.

Явился командиру полка свиты Его Величества генерал-майору Николаеву. На него тоже, как видно, под влиянием «флюидов», и он сказал мне, что теперь такое время, когда надо особенно интенсивно вести занятия с учебной командой.

Когда Государь приехал в первый раз в наш полк в 1901 году, тогда наше офицерское собрание помещалось в очень уж скромном бревенчато-дошчатом бараке, рядом с батальонной канцелярией, с которой сообщалось дверью. Одни окна выходили на мало проезжую улицу, а противоположные окна выходили к деревянному офицерскому флигелю, который был едва виден из-за заросли диких кустов. Шагов сорок от нашего собрания, на углу Павловского шоссе, был длинный барак, то-есть бревенчато-дошчатое строение, три четверти которого занимал манеж с земляным полом, а одна четверть была отведена для нашей полковой церкви. Священником при мне, в течение пятнадцати лет, был отец Веселовский, ктитором капитан Зволянский, а иногда его сменил капитан Ильин.

Все расположение батальона было в высшей степени скромного вида и это обстоятельство никаким образом не подрывало в наших глазах высокой авторитет и, так сказать, репутации нашего славного полка. Однако, когда Государь обходил наш батальон то он, я думаю, запомнил и скромный вид офицерского собрания, и церкви, куда он, конечно, входил и где на особом анало-витрине под стеклом хранился полковой мундир основателя нашего полка Императора Александра Второго.

Итак, много лет спустя, кажется в 1909 году, было выстроено для нас отличное полковое собрание на участке около Малиновской дачи, с калиткой в величественный Соединительный Парк. Терраса собрания выходила к этому парку и на этой террасе мы завтракали и обедали летом.

Вслед за постройкой нашего собрания был поднят вопрос о постройке нашей новой полковой церкви. Должно быть Государь или Императрица намекнули или, вернее, просто распорядились, не знаю, как сказать? Распоряжений в военном или инженерном деле Государь, кажется, не делал. Насколько я знаю, даже деньги, или часть денег, была ассигнована от Императорского Двора. Мало того, был выбран Императрицей академик Шусев, разработавший чудесный проект постройки церкви, и утвержденный затем Государем и Императрицей.

В присутствіи всей Императорской семьи произошла закладка нашей полковой церкви.

За Государем ген. Кашерников, около него ген. П. Т. Николаев и полк. Тришатный. На первом планѣ о. Веселовскій, а правѣе него Государыня и протопресвитер Шавельскій.

И все это было в началѣ «зловѣщаго» четырнадцатаго года. На горизонтѣ как будто еще не было зловѣщих туч, но все-таки... В самом началѣ этого года как-то вернулся из своего отпуска в крѣпость Згерж поручик нашего полка Петров, и неожиданно для всѣх, в собраніи за обѣденным столом, бухнул: «Будет война!» Он, должно быть, основывал свое мнѣніе на еврейской «пантофельной почтѣ»; всѣ они продавали, покупали и дѣлали махинаціи в ожиданіи войны! Его подняли на смѣх: вѣдь тогда не было ни Сараевского убійства, ничего...

Итак, 14 марта, если не ошибаюсь, 1914 года произошла закладка нашей полковой церкви в присутствіи всей Царской семьи. Из высшаго начальства никого не было. Все было как-то по-семейному. Около мѣста закладки церкви было устроено возвышеніе в два-три метра высотой, и на нем размѣстились наши полковья дамы. Рядом с «командиршей» Н. А. Николаевой стояла Н. М. Пантюхова. Я это легко запомнил, потому что я снял довольно удачную фотографію. Внизу, у мѣста закладки, стоят Государь, Императрица, Великая Княгиня Марія Павловна, Наслѣдник и всѣ княжны. На облаченіи отца Веселовскаго и причта ясно видно у меня на фотографіи наше полковое шитье, т. е. листья кактуса.

На другой, снятой мною фотографіи, — Наслѣдник в строю на правом флангѣ роты Его Величества, гдѣ он и числился. За ним виднѣтся подпоручик Генюк. Мой кивер тѣнью отпечатался, — дал тѣнь на песокъ у ног Наслѣдника. Командир роты Его Величества капитан барон Таубе. Слева виднѣтся полковник Тришатный и командир полка генерал-маіор Николаев. Императрица издали с тревогой слѣдила, чтобы Наслѣдник не поскользнулся на тающем весеннем снѣгу. А когда я дѣлал слѣдующій снимок, то видно было, с какой тревогой она посматривала — не оступился бы ея сын на снѣгу. На фотографіи ясно видна почти вся царская семья.

Мы всѣ «предвкушали» видѣть вскорѣ нашу новую церковь рядом с нашей Малиновской дачей. Увы! Это не сбылось!

В іюлѣ я взял остальную часть своего накопившагося отпуска и мы рѣшили поѣхать в Финляндію. Нина Михайловна пишет об этом по просьбѣ нашего Олега, обращаясь лично к нему:

В 1914 году, когда началась война, тебѣ, Олеша, было 4 года и три мѣсяца. Лѣто 1914 года было необыкновенно жаркое и мы рѣшили поѣхать в Финляндію, к морю. Остановившись в Гельсингфорсѣ, узнали, что в ближайших курортах — скарлатина. Пришлось ѣхать дальше и мы попали на Аландскіе острова в мѣстечко Маріенгоф. Оттуда мы ѣздили каждое утро на берег моря в Меккеле. Там был громадный пляж и сосновый лѣс. Вы, дѣти, купались и играли на песокѣ.

Там, в лѣсу, папа прочел в газетѣ, что какая-то женщина ранила Распутина ножом. Как-раз папин отпуск приходил к концу и мы поѣхали по желѣзной дорогѣ домой. Было очень жарко и вы оба устали. Юлѣ удалось уложить Игоря спать, а ты, Олеша, не соглашался и все время смотрѣл в окно... В Петербург пріѣхали поздно вечером и остановились на ночь в гостиницѣ Военнаго Собранія на Литейной улицѣ...

Сараевского убійства еще не произошло, но война была уже в воздухѣ. Когда папа пошел прогуляться, студенты устроили ему, как офицеру, овацію.

Распутин послѣ раненія уѣхал к себѣ на родину в сибирскую деревню.

ГЛАВА XII

«Война объявлена!». Распутин. На фронтѣ. «Как цвѣток душистый...». Под Ломжей. Под Холмом и под Вильной. Награда (1916). Поѣздка на Кавказ. Скауты в Петербургѣ. Вторая контузія (2 октября 1916 г.). Эвакуація в Царское Село и Ялту. Отречение Государя.

Как-то раз, в іюльскій день 1914 года, я возвращался со своей Учебной командой с какого-то ученья, в районѣ сосѣдняго полустанка Тярлево, и мы вошли в район нашего полка, маршировали в стройном порядкѣ мимо Малиновской дачи, гдѣ квартировали почти всѣ офицеры, начиная с командира полка генерала Николаева. Это были очень уж знакомыя мѣста, гдѣ мы как-то «обжились». Швейцар Малиновской дачи и наш знаменосец, фельдфебель Иван Федорович Капустин, копошился около своего подѣзда, деньщик капитана Гебеля шел в сосѣднюю мелочную лавку за ситным хлѣбом.

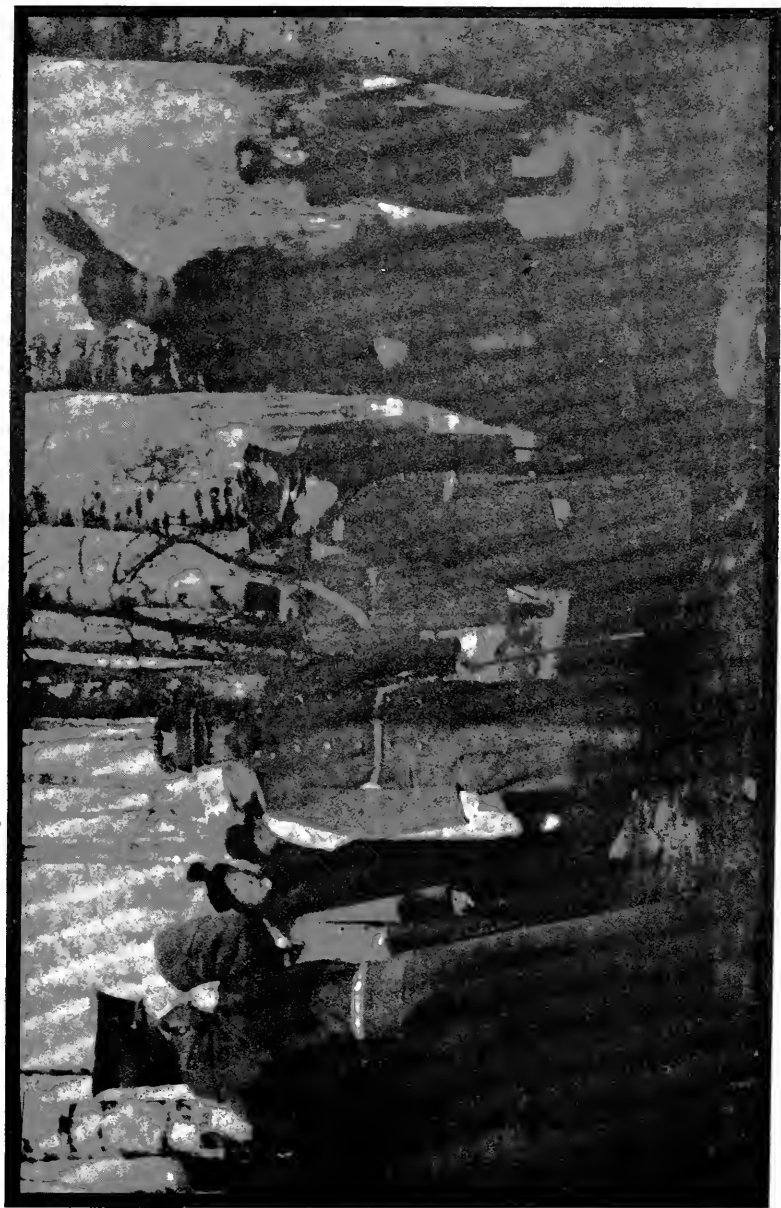
Направо от шоссе, в березовой рошѣ, виднѣлся деревянный навѣс, гдѣ так недавно в присутствіи всей Царской семьи был заложен фундамент нашей новой полковой церкви. А дальше, за березовой рошицей, под сѣнью елей и дубов, красовалось наше полковое офицерское собрание и видно было, как наш повар Алексѣев хлопотал в кухнѣ. Все было вокруг уютно, родственно, и казалось таким постоянным, прочным. Не знаю, как назвать, но думаю, что эти чувства подсознательныя были у всѣх нас в то далекое время, когда я маршировал со своей учебной командой по Павловскому шоссе...

Навстрѣчу нам мирно ѣдет на сѣром, в яблоках, конѣ ротмистр гусарскаго полка Ефимович. Он каждый день проѣзжает своего коня, но вмѣсто обычнаго привѣтствія, Ефимович говорит: «Война объявлена!»

Я вовсе не принадлежу к числу предсказателей судьбы и будущаго, но что-то совершенно особенное, неизбѣжное, как судьба, представилось мнѣ в эти минуты, и это чувство мнѣ очень хорошо запомнилось. В то же время, гдѣ-то подсознательно, я уже чувствовал грядущія событія и даже старался себѣ представить будущее нашей Россіи и будущее нашего Царскаго Села, которое, конечно, будет недоступно никакому врагу... наоборот — наши войска будут наступать, но что-то такое случится здѣсь! Так мнѣ пришла в голову несуразная мысль и я ее старался отогнать. Да и некогда было в это горячее время, когда полк зашевелился во всѣх закоулках. Стали прибывать к нам бородачи запасныя, мобилизованныя, коих наряжали в нашу форму и многіе из них уже носили унтер-офицерскіе лычки на погонах, несмотря на то, что никогда не кончали моей учебной команды. Все было новое, все по другому. На нашем полковом плацу около офицерскаго флигеля, гдѣ жили мы, устроили деревянную часовню-навѣс для предстоящаго молебна.

Наши дѣти, из небольшой рошицы, окружавшей наш дом, смотрѣли с интересом на все происходящее. Послѣ двух-трех дней тренировки, всѣ восемь рот полка стали довольно стройно маршировать, и нашему сыну, Олегу, запомнилса и парад и маршировка под музыку, перед отправкой на Александровскую станцію.

Мы, офицеры, получили приказ ѣхать в Зимній Дворец на Царскій мо-

«...видно было, с какой тревогой она поглядывала — не оступился бы ее сын на снегу».

лебен и Царскій выход, по случаю объявленія войны. Впечатлѣніе от всего, что видѣли и слышали мы во Дворцѣ, осталось незабываемым. Послѣ молебна Государь был наружно спокоен, но Императрица плакала горько. Великій Князь Николай Николаевич, повидимому уже принявшій званіе главнокомандующаго, провозгласил «ура» и опустился на одно колѣно; находясь в такой позѣ, он вынул из ножен саблю и потрясал ею в воздухѣ.

Из окон Дворца нам была видна огромная, патріотически настроенная, толпа.

Всѣ наши полковныя дамы захотѣли пройти краткій курс сестер милосердія для будущей работы в госпиталях. Нина Михайловна тоже записалась на такіе курсы, но послѣ нѣскольких уроков увидѣла, что ей это никак не под силу.

Софья Васильевна Зволянская быстро прошла эти курсы и работала при дворцовом госпиталѣ, куда почти каждый день приѣзжала Императрица с дочерьми. Софья Васильевна любила рассказывать всякія мелкія подробности про каждую из царских дочерей. Всѣ онѣ были разные по характеру и всѣ были очень скромныя, милыя, простыя в обращеніи, так же, как и сама Императрица. Софья Васильевна работала там и в канцеляріи. Раза два-три в эту канцелярію навѣдывался Распутин и нѣкоторое время сидѣл там. Он рассказывал Софи Васильевнѣ про Сибирь, откуда он был родом, и даже стал рисовать для нее на клочкѣ бумаги, очень неумѣло, какое-то деревцо и едва разборчивыми каракулями надписал: «Сибирская Кедр». Впечатлѣніе у нея было от Распутина очень отрицательное, но никаких ни вольностей, ни грубостей, он себѣ тогда не позволял.

Мы с Ниной Михайловной видѣли Распутина однажды совсѣм близко. Он сѣл против нас в вагонѣ второго класса, когда мы ѣхали в Петербург. Мы очень скоро пересѣли от него подальше: так неприятны были его пронизательные глаза.

Теперь хочу сказать, хоть вкратцѣ, о началѣ боевых дѣйствій нашего полка, участником которых я не был, потому что, согласно мобилизаціонному плану, я, как начальник учебной команды, был оставлен в нашем запасном батальонѣ для подготовки кадров для пополненія полка. Работа эта была в высшей степени отвѣтственная и жаль, что не было оставлено для этой работы больше офицеров, как это дѣлали наши враги нѣмцы. На фронт я прибыл в концѣ мая 1915 года.

Полк в это время занимал боевыя позиціи в районѣ Ломжи. Незадолго до моего приѣзда в полк, был тяжело ранен мой друг, полковник барон Д. Ф. Таубе, которому пришлось ампутировать ногу.

За восемь мѣсяцев боевых дѣйствій наш полк понес огромныя потери. Полк прибыл в Варшаву 3 августа 1914 года и сразу же принял участіе в боевых дѣйствіях. 23 августа полк был переброшен к Ивангороду. Бои продолжались, но главное, самое большое, самое тяжелое испытаніе ожидало наш полк 20-21 сентября, когда полк в составѣ гвардейской стрѣлковой дивизіи получил заданіе упорно оборонять Опатов против наступающих корпусов германской арміи. Почти всѣ офицеры боевых линій, доблестно сражаясь, были или убиты, или тяжело ранены. Мало кто уцѣлѣл. Полковое знамя было с трудом спасено. Такія же потери понес дружественный нам и сосѣдній лейб-гвардіи 4-й Стрѣлковый Императорской Фамиліи полк. Другіе полки тоже пострадали, но меньше.

Наш полк, совсѣм незадолго до опатовскаго боя, получил в командованіе

генерал-маіор Эрнест Лаврентьевич Левстрем, бывший офицер лейб-гвардіи Семеновскаго полка. Он командовал полком почти всю войну, вѣрнѣе, до февраля 1917 года, когда он получил бригаду. В мирное время мы встрѣчались с ним нерѣдко в семеновском тирѣ, гдѣ обычно зимою шли офицерскія состязанія в стрѣльбѣ на Императорскіе призы. Он отлично стрѣлял из винтовки и у него был на шашкѣ значек за призовую стрѣльбу, такой же, как и у меня. Вспоминаю, как он был в числѣ офицеров на общесеменовском завтракѣ, устроенном командиром Семеновскаго полка генералом Новицким, чтобы поблагодарить меня за мой подарок: картину правецких высот и семеновскаго памятника павшим воинам.

Генерал Левстрем окончил Финскій кадетскій корпус, гдѣ русскій язык изучали довольно поверхностно и он говорил с небольшим иностранным акцентом и небольшими ошибками. Его адъютант Ковальков любил вспоминать такія ошибки и отлично его копировал. Напримѣр, он говаривал: «Мы можем попасть в шекотильное положеніе». Левстрем справедливо, конечно, требовал на биваках и повсюду чистоту и гигиену: пользованіе спеціальными уборными или хотя бы своими индивидуальными шанцевыми лопатками, и он приходил в раж, когда гдѣ-нибудь ночью в лѣсу наступал на грязь, свидѣтельствовавшую о нарушеніи правил и приказа о гигиенѣ. Другой правильной привычкой, вѣрнѣе приказом его, было распоряженіе: ночью в темнотѣ на вопрос «Кто идет?», отвѣчать ясно — званіе, чин и фамилію. И вот, однажды ночью, Левстрем вопрошает, видя впереди приближающуюся тѣнь: «Кто идет?» и слышит в отвѣт: «Это я!» Тогда Левстрем говорит: «Какой там дурак говорит «я»?... И, когда обнаружилось, что приближался полковник Вишняков, Левстрем говорит, не очень громко — «Он, кажется, обидѣлся!» Офицерскія фамиліи Левстрем произносил не всегда ясно и точно, напримѣр, фамилію выдающагося командира одной из моих рот штабс-капитана Дампеля, он произносил неясно и, может быть, вспоминая фамилію убійцы Пушкина, — «Дантес»!

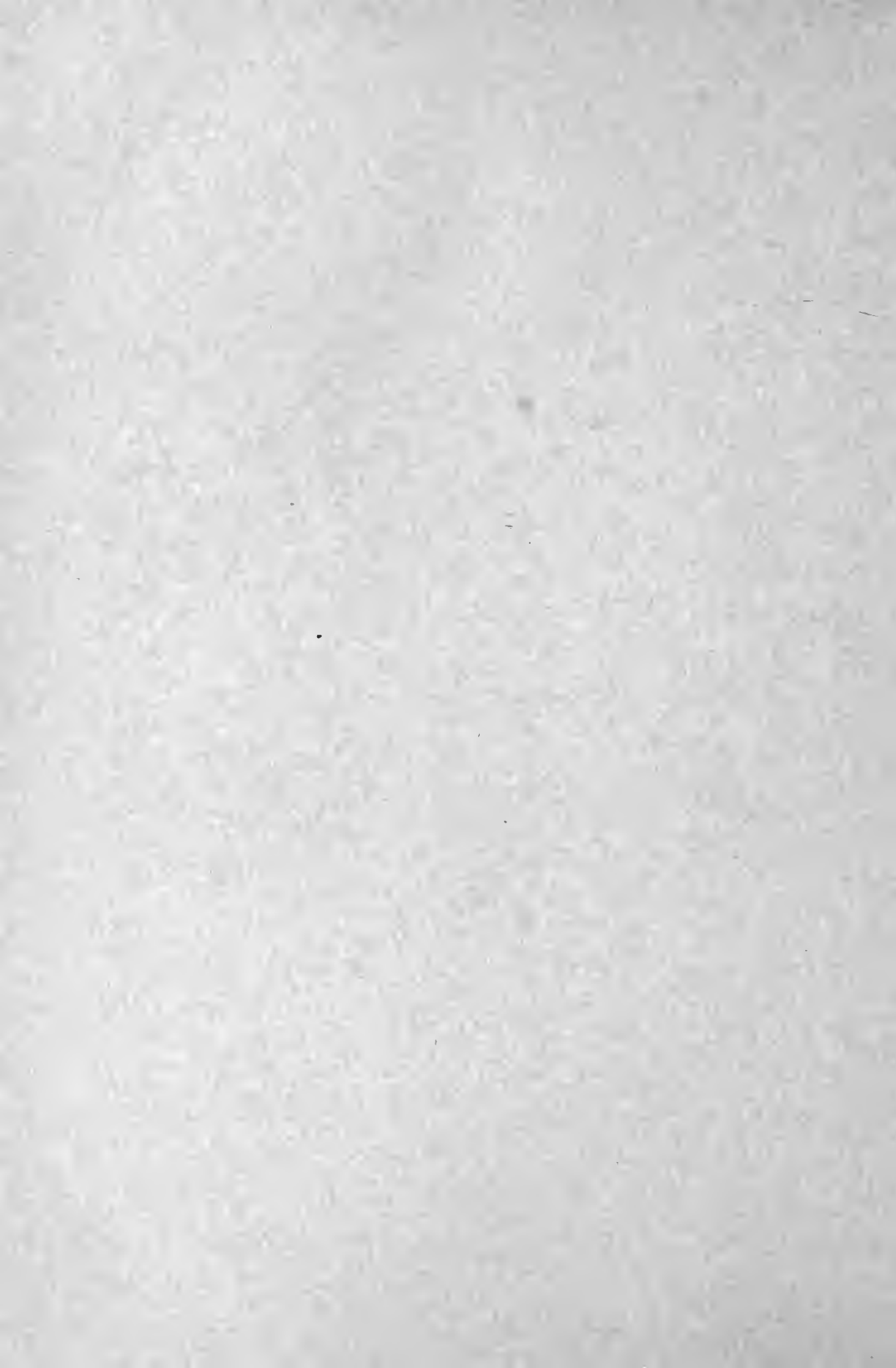
Наш безсмѣнный адъютант, штабс-капитан Николай Николаевич Ковальков, пользовался большим уваженіем у командира полка. Толстый, добродушный, всегда готовый пошутить и выпить, он был незамѣнимым в должности адъютанта, но мнѣ было бы трудно представить его в роли командира роты. К тому же он, пережившій всѣ ужасы Опатова, как бы подчеркивал, что он не обладает «марсiальными», воинственными наклонностями. Должно быть, он был по-своему прав, если вспомнить тот же ужасный Опатов и в особенности, если бы предвидѣть тѣ ужасающія обстоятельства, когда впереди в 1917 году в столицах так нужны были стойкія, крѣпкія войска, а их и в поминѣ не было.

Наши гвардейскіе полки три-четыре раза мѣняли свой состав. Почти всѣ офицеры были выбиты. Высшее командованіе, по первому требованію французов, начало не нужное нам и неподготовленное наступленіе. У артиллеріи снарядов почти не было. Все это, без лишних слов, таилось в душѣ у каждаго из нас, но никто об этом не говорил. Мы старались поддерживать бодрый дух в наших стрѣлках и, когда я принимал свой батальон под Ломжей, я от души говорил, что здѣсь, на фронтѣ, настроеніе, подъем духа, гораздо лучше, чѣм в тылу.

Итак, Ковальков был отличным адъютантом. На отдыхѣ, на биваках, из его адъютантской палатки весело разносились пѣсенки. Одну из них я помню: «Будь благословенно бѣлое вино! Моему здоровью не вредит оно». Наш ко-

Наслѣдник в строю на правом флангѣ роты Его Величества,
где он и числился. Мой кивер тѣнью отпечатался — дал тѣнь
на песокъ у ног Наслѣдника.

мандир гвардейскаго корпуса генерал Безобразов был старшим однокашником Ковалькова по Пажескому корпусу, и Ковальков его часто навѣщал, когда бывала возможность, так же, как и генерала Дельсаля, нашего начальника дивизіи, тоже бывшаго пажа и тоже не обладавшаго военным гением. У Ковалькова был пріятель, своего рода негласный адъютант, прапорщик Млодецкій, поляк, говорившій по-русски с акцентом. Он был начальником конно-развѣдческой команды и был очень полезным, как польскій переводчик, знаток и любитель лошадей, веселый собутыльник... Но тут я зашел вперед. Вернусь к моему прибытію на фронт.

Поѣзд остановился на станціи Красный Бор, Пункт Пуришкевича, гдѣ сестры предлагают чай и закуску. Подвода получена через коменданта станціи; он же указал и точное мѣстонахождение полка — на сѣверо-запад от Ломжи. Пріѣхали под вечер. Явился командиру полка, радостно меня встрѣтившему и назначившему меня командиром 2-го батальона. Довольно вкусный обѣд в полковом собраніи, разспросы о Царском Селѣ и рассказы о новостях боевой жизни. Общее впечатлѣніе — веселость, шутки, как будто маневры, даже веселѣе. О погибших вспоминали будто об ушедших, переведшихся в какой-то почетный полк, но вспоминали рѣдко.

Больше всего занимал вопрос — когда можно будет съѣздить в Ломжу и какіе планы в штабѣ арміи. Ночью отлично спал на своей походной кровати, заботливо постеленной Ильей Поповым, моим еще царскосельским деньщиком-вѣстовым. С вечера не было слышно большой пальбы, во всяком случаѣ меньше, чѣм на стрѣльбищѣ и на маневрах. Артиллерія же берегла снаряды. О недостаткѣ снарядов давно уже слышали всѣ в тылу и здѣсь об этом тоже говорили, но не так уж трагически. Когда стал засыпать, и затѣм ночью, были слышны странные звуки — будто кто-то неприлично громко хлопает дверьми: это наша артиллерія проявляет жизнь и заявляет о своем существованіи.

Чудесное весеннее утро. Вкусный чай в Собраніи, прогулка в окопы. Сначала верхом на назначенном мнѣ конѣ, а затѣм пѣшком. До нѣмецких окопов недалеко. Устроены пути сообщенія, но пользоваться ими приходилось лишь в особенно видных и опасных мѣстах. Вот землянка ротнаго командира. Вот и окопы. С любопытством всматриваюсь в линію на горизонтѣ — шагах в 300 — окопы нѣмцев. Однако получаю совѣтъ: долго не останавливаться, так как еще недавно убили здѣсь стрѣлка, смотрѣвшаго в амбразуру: у нѣмцев очень точные прицѣлочные инструменты, бинокли...

*

Под Ломжей. Весна 1915 г. Из лѣска, около моей землянки, видно в бинокль, как верстах в двух — внѣ точнаго ружейнаго выстрѣла — нѣмцы с котелками идут к походной кухнѣ. Они думают, что их не видно, потому что лѣсок должен скрывать их, и в самом дѣлѣ, их мало видно. Но достаточно, чтобы различить в бинокль, как один из них привычным движеніем сполоснул котелок и что-то сказал сосѣду: кажется, у того не было ложки — так мнѣ показалось. Знакомая картина... Стрѣлять в них? Во-первых, мало вѣроятія, что попадет, во-вторых, без особых надобностей, по своей инициативѣ, стрѣлять как будто не полагается. Нѣмцы тоже почти не стрѣляют из ружей, а вот их тяжелая артиллерія раз-два в день любит позабавиться и жарит почти в одно и то же мѣсто — гдѣ раньше была землянка моего предшествен-

ника командира батальона и гдѣ сходятся наши пути сообщенія. Звука выстрѣла почти не слышно — только лишь бульканье и мелодичное пѣніе или шипѣніе далеко вверх. Смотришь туда — будто можно там что-нибудь видѣть, кромѣ чистаго бездоннаго вѣчнаго неба, и смотришь пристально, будто удивляешься — какое оно глубокое и спокойное. Вспоминаешь Лермонтова (Валерик). «Небо чисто. Под небом мѣста довольно всѣм; но безпрестанно и напрасно один воюет он — зачѣм?» Но над этим вопросом как раз и не слѣдует задумываться на фронтѣ. Бульканье в лазури усиливается и переходит в ясно слышный звук: фью-фью-фью... и, наконец, шипѣніе и треск разрыва, брызги земли, дым. Впечатлѣніе довольно сильное и прямо пропорционально тому, на каком разстояніи произошел разрыв.

Берешь телефонную трубку и говоришь Ковалькову в штаб полка о том, гдѣ у нѣмцев резерв, т. е. походная кухня, и куда стрѣляла тяжелая артиллерія, и, кстати, спрашиваешь, какой будет сегодня обѣд и нѣтъ ли чего новенькаго.

Оживленіе бывало к вечеру, когда рѣшалось — кто поползет в секрет и куда именно, и будет ли стрѣлять наша артиллерія по пулеметному гнѣзду нѣмцев. Временами поднималась с обѣих сторон такая трескотня, что можно было подумать, не ожидается ли наступленіе. Один раз тяжелый снаряд попал в наш резерв и так неудачно, что убил нѣсколько хороших стрѣлков и ранил многих: попал он в низину и разорвался вѣером кверху. Санитарам и доктору была работа в этот день. А то, время шло спокойно; рѣдко-рѣдко ранят кого-нибудь через амбразуру окопа.

Лѣтом 1915 года наш гвардейскій корпус перевезли к г. Холму. Как видно, в Ставкѣ рѣшили или наступать в этом районѣ, или, по крайней мѣрѣ, крѣпко задержаться и остановить противника. В один из свободных дней мы, офицеры, поѣхали в Холм посмотреть город и повидать нашего общаго пріятеля генерала Ю. Д. Романовскаго. — Повидать вліятельных друзей — это всегда поощрялось и командирами полка Левстромом и Ковальковым: всѣм было интересно хоть намеками, хоть предположительно, узнать военные планы и новости. Романовскій же был, если не ошибаюсь, дежурным генералом штаба арміи и, конечно, должен был знать почти все.

— Какой милый, обаятельный человек! Так же молодежав, так же весел и дружен, как десять лѣт тому назад, когда он, в формѣ улана Ея Величества, командовал у нас в батальонѣ ротой, а затѣм мы провожали его в Порт Артур, гдѣ он получил орден Святого Георгія. — Юрій Димитріевич, скажи откровенно, какія новости? Что мы будем здѣсь дѣлать; наступать или отступать, и как долго гвардія будет на этом фронтѣ и как обстоит дѣло со снарядами и патронами?

Романовскій хитро и ласково смотрит. Говорит, что предстоят интересные и необходимые бои и что патронов для этих операций будет достаточно, сколько надо. Что он на днях пріѣдет к нам в полк и рад будет всѣх нас повидать и поговорить.

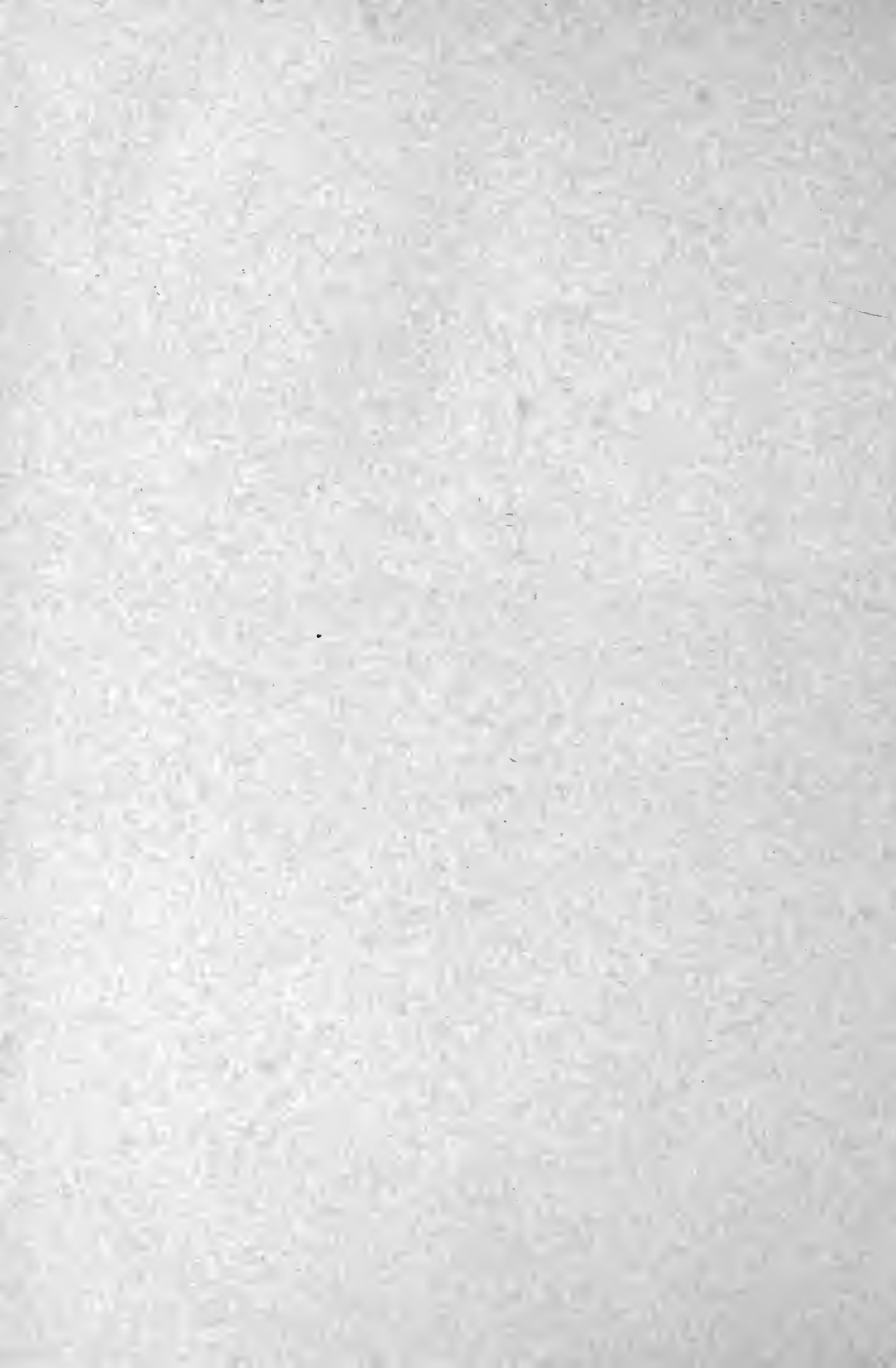
Полк стоял пока еще в резервѣ, в верстах 20 к юго-западу от города Холма. Чудный сосновый лѣс, попадались дикія козы. Пользуясь свободным временем, я старался не только обучать своих стрѣлков, но и развлекать их, показывая им нѣкоторыя скаутскія игры и занятія. Одна из игр носила смѣшное тифлисское названіе: салик малик. И послѣ Ковальков, толстый

Знамя полка на походѣ в 1915 году. Знаменщик ст. унт.-оф.
Софронов. Впереди архимандрит Амфросій.

В роскошном лѣсу. Командир посерединѣ, справа от него
Веровкин, слѣва — я.

наш адъютант, смѣялся, что скоро на позиціях нѣмцы такого салик малика пропишут нам... По вечерам, когда офицеры собирались на ужин, было похоже на пикник: в роскошном лѣсу был вкопан в землю самодѣльный обѣденный стол и скамейки по обѣим сторонам стола. Командир посрединѣ, справа от него Веревкин, слѣва — я. Напротив — смѣшной и улыбающійся Ковальков. Дальше размѣщались по чинам. Доктора и чиновники — по углам стола. Обѣд скромный, но хорошій, как когда, конечно. Очень часто приходилось довольствоваться солдатским супом из котла, а затѣм еще какое-нибудь добавленіе. Поваром был Алексѣев из школы солдатских дѣтей, ученик знаменитаго нашего Желѣзняка.

Ничего спиртнаго за столом не было. Приказ Государя был принят всеоріоз и о водкѣ и винѣ почти забыли. Почти, — потому что по вечерам в палаткѣ адъютанта за карточным столом появлялось и вино, и водка, и далеко разносился мотив старой цыганской пѣсни:

*Как цвѣток душистый аромат разносит
Так бокал налитый себя выпить просит.
Выьем за здоровье друга дорогого
А пока не выпьет, не нальем дорогого!..*

Иногда это мѣшало спать, если затягивалось надолго, но в большинствѣ случаев было как-то умѣстно, создавая впечатлѣніе, что все обстоит благополучно и все на своих мѣстах и даже пѣсни тѣ же и лица (отчасти) тѣ же, как в былое время, дома, в Царском Селѣ. — Вернемся ли туда? — Вот кардинальный вопрос, который у всѣх был на умѣ. Что-то говорило в душѣ, что самого и Царскаго Села не будет больше. Но под звуки пьяной пѣсни легче вѣрилось, что мы еще вернемся и Царскосельская жизнь продолжится.

У меня сохранились фотографическіе снимки офицеров полка за обѣденным столом и другая фотографическая группа, гдѣ всѣ улыбаются по той причинѣ, что заѣзжіи фотографы забыли привести в порядок свой костюм, когда снимал нас.

...Затѣм мы заняли «заранѣе подготовленныя позиціи». Эти позиціи были устроены рабочими батальонами под руководством сапер. Как видно, рабочіе обладали вшами, так как я, довѣрчиво расположившись на бывшей в землянке-блиндажѣ соломѣ, через нѣкоторое время стал почесываться, а затѣм, впервые, обнаружил на себѣ этих отвратительных бѣлых тварей, довольно твердых — не сразу и раздавишь ногтем.

На вольном воздухѣ, вообще, было куда лучше. Поля были засѣяны гречихой, и она была в цвѣту. Видны дали — хорошій обстрѣл. Скоро мы это почувствовали.

Послѣ Холма и Бреста, когда мы то останавливались и рыли окопы, чтобы задержать противника, то маршировали дальше и дальше на сѣверовосток, едва вступая в соприкосновеніе с нашим, не очень то бойким (на три четверти австрійским), противником; казалось бы — нѣтъ ничего легче, как не только задержать, но и прорвать и опрокинуть этого противника. Под Сѣнницей Коралевской и Сѣнницей Рожаной мы это видѣли, и что бы было это сдѣлать ночной атакой. Но высшія соображенія, а главное — недостаток патронов и снарядов, заставлял Ставку отступить.

Досадно было. Боя ждали. Ворчали старики.

Ворчали мы, впрочем, постоянно. Но добродушно ворчали. Может быть наполеоновская гвардія тоже ворчала в этом родѣ, так как Наполеон прозвал своих гвардейцев «мои ворчуны» (grognards).

Брест нам показался отличной крѣпостью, с недавно отстроенными современными фортами. Думали ли мы, что и Брест отдадут без боя, или почти без боя. Нас в это время уже там не было. Мы продолжали наш »Drang nach Osten«, как мы шутили. Ковальков очень мило пошучивал также насчет воинственного настроенія нѣкоторых начальников и вполнѣ был солидарен с генералом Безобразовым, что «гвардію надо беречь». Дальнѣйшая исторія показала, что в этих словах было много смысла. Мы же очень цѣнили своего Безобразова, потому что он был наш и заботился о нас. А вот под Сѣнницами (за Холмом) был случай, когда он хотѣл наступать и наступленіе было бы успѣшно, но ему не только не позволили, но еще и «выдрали хвостъ», как у нас выражались.

В полку были большія потери за предыдущіе бои. Память об Опатовѣ носилась в воздухѣ...

Если Россія останется и будет существовать, то ей понадобятся лучшія войска, которыя и надо сохранить, независимо от того, гвардія это или не гвардія. Но всѣ мы искренно считали, что гвардейскія войска — лучшія.

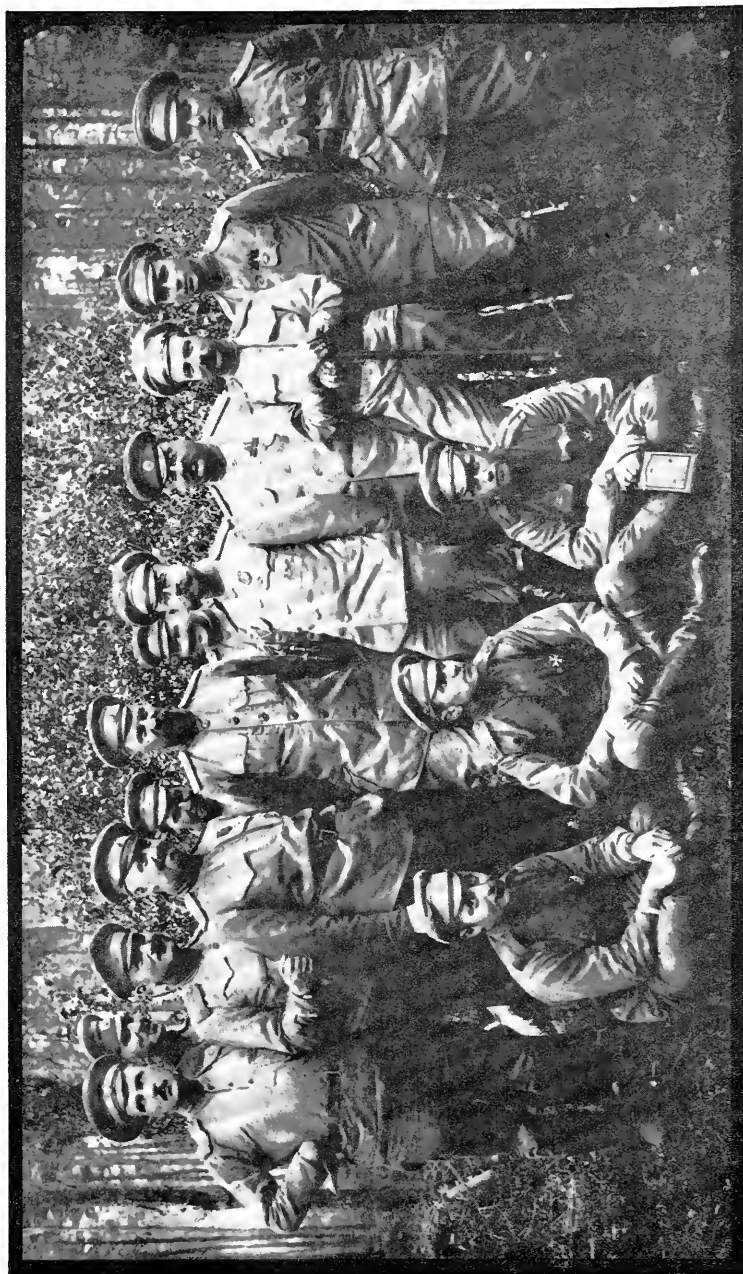
Мнѣ представляется совершенно непонятным, почему казаки иногда прибѣгали к дѣйствіям, совершенно лишенным всякаго здраваго смысла, как то сжиганіе хлѣба, а подчас и цѣлых деревень. Толпы бѣженцев, отправлявшихся в тыл и этим увеличивавшіе количество ртов в тылу, — стали заурядным явленіем. Иногда мѣстные жители подходили к офицерам и спрашивали совѣта: бѣжать им в тыл или оставаться на мѣстах? Они хотѣли быть в Россіи, с русскими. Я, конечно, совѣтовал им оставаться на своих мѣстах.

Сентябрь 1915 года. Под Вильной. Если выползти на опушку лѣса, то видно мѣстечко Мейшагола и высокій костел. Если посмотрѣть в бинокль, то видно едва замѣтное движеніе на колкольнѣ костела, а если бинокль сильный или есть подзорная труба, то видно два круглых стекла от бинокля, и кажется, будто кто-то с колокольни смотрит на тебя в упор, так же, как ты на него. Должно быть, такой же неподвижно внимательный и пристальный взгляд бывает у двух звѣрей, готовых вцѣпиться друг в друга.

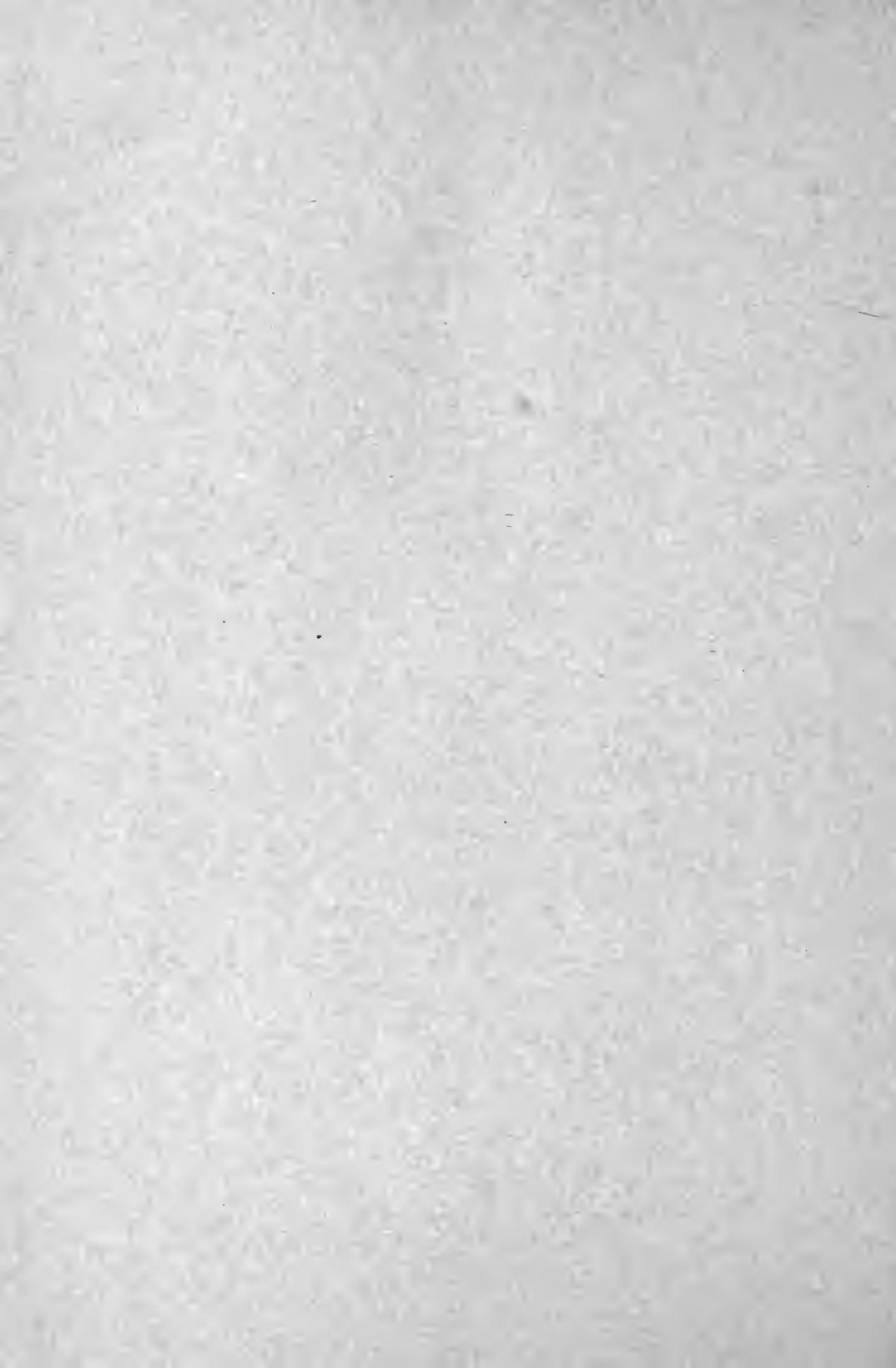
И людскіе звѣри вцѣпились... Предвозвѣстниками крупнои схватки были взрывы тяжелых, огромных снарядов, от которых дрожала земля на полверсты кругом и эффектным вѣром далеко вокруг, как фонтан, разсыпалась земля, иногда перемѣшанная с частями человѣческих тѣл.

Другим вѣрным предвозвѣстником жаркаго боя был привязной воздушный шар, верстах в 8 за окопами нѣмцев. Наблюдатель быстро скатился с колокольни при первом удачном папаніи русскаго снаряда.

1-го, 2-го, и 3-го сентября 1915 года у Мейшагола и произошел бой, доставшій мнѣ орден Святого Великомученика Георгія. В постановленіи Георгіевской думы сказано приблизительно слѣдующее: «Лейб-Гвардіи 1-го стрѣльковаго Его Величества полка полковник Пантюхов награждается орденом святого Георгія 4-й степени за то, что командую в боях 1, 2 и 3 сентября участком своего батальона, с придачею двух рот, когда под натиском превосходящих германских сил, сосѣднія справа позиціи были заняты противником и, будучи обойденным справа, он во главѣ своего батальона перешел в контр-

Под деревней Люта, близ Владовы, Холможской губ. 1915. Дампель, Будберг, Фохт, Рагозин, Ипатев, Пантюхов, Ковальков, ген. Левстрем, Вережкин, Колобов, Бржезицкий и Гиршфельд. Внизу, пажи Ратьков-Рожков, Кириллин и Наумов.

атаку и вернул наши окопы, взяв плѣнных и предотвратив своим наступлением прорыв неприятеля к Вильню по Мейшагола-Виленскому шоссе. Кроме того, полковник Пантюхов своим наступлением спас от окружения, находившуюся за его участком и вправо, батарею лейб-гвардии стрѣлковой артиллерийской бригады и броневой автомобиль. Своим наступлением он обезпечил планомерное передвижение войск для дальнѣйших боев. Бои велись под сильнѣйшим обстрѣлом, ураганным огнем германцев, и полковник Пантюхов, несмотря на полученную контузию, не оставил строя, лично повел в атаку роту своего резерва, а затѣм и весь батальон».

Однако, реляція и официальное описание боя это одно, а в дѣйствительности картина боя была болѣе сложна. Уже три дня как нѣмцы долбили по нашему участку. Вспоминалось мнѣ, как перед занятіем позиціи наш командир полка генерал-майор Левстрем пріѣхал ко мнѣ в батальон и стал указывать, гдѣ надо копать окопы. Так как ожидалось серьезное дѣло, то я рѣшительно отвѣтил, что на открытом мѣстѣ окопы рыть нельзя и что в деталях я сам намѣчу линію наших окопов. Я думал, что мнѣ «попадет» за такой тон, но у меня была болѣе важная задача: с меньшими потерями достигнуть больших результатов. В разгарѣ боя я увидѣл, что я был прав, да и командир полка, как я узнал послѣ, с большим уваженіем отзывался о моем упорствѣ и прямоствѣ.

Полк первой гвардейской дивизіи, справа, не выдержал на третій день ураганного огня и натиска нѣмцев, причем этот полк даже потерял со мною связь и образовался очень глубокий прорыв, по которому нѣмцы не замедлили проникнуть и зашли нам в тыл. Одну из моих резервных рот я послал заслоном вправо. Телефон к штабу полка тоже часто рвался и, наконец, замолк совершенно. Послѣднее, что я слышал от командира — прорыв справа будет ликвидирован и мнѣ, с моими полутора батальонами, надо расширяться вправо и вернуть хоть часть оставленных сосѣдями окопов.

Дѣло было не легкое, особенно, если принять в соображеніе, что от ураганного огня в лѣсу не было слышно своего собственного голоса и потери были уже велики. Стоявшаго рядом со мною сигнальщика силою разрыва отбросило далеко в сторону, а меня оглушило и контузило. Толстое дерево спасло нас. Пользуясь отчасти телефоном, а отчасти посыльными, я отдал приказ о наступлении и сам повел в атаку батальон, прося сосѣдній лейб-гвардии 2-й стрѣлковый Царскосельскій полк поддержать наше наступление огнем. На нашу артиллерию мы мало рассчитывали из-за недостатка снарядов.

Нѣмцы 1-го германскаго армейскаго корпуса, как видно, не ожидали нашего наступления. Часть их была убита в рукопашном бою, часть была взята в плѣн. Наступали сумерки. Если частично и оставался еще противник справа от нас, то он не осмѣливался больше заходить нам в тыл... до поры до времени. А это-то нашим штабам и нужно было.

Задача наша была выполнена. Когда нас смѣнили с позицій и мой сильный порѣдѣвшій батальон присоединился к остальному полку, на нас всѣ смотрѣли с большим уваженіем. Издали всѣм казалось, что никто из нас не вернется из этого ада кромѣшнаго, гдѣ видѣн был только дым и огонь и летающія по воздуху осколки деревьев. Двое из ротных командиров у меня были убиты, — лучшіе наши товарищи — поручик Гиршфельд и подпоручик Ипатьев. Мир вашему праху!

С другими командирами рот — Дампелем и Будбергом, — а позже и Гран-

бергом, я прослужил еще долгое время и эту совмѣстную службу пріятно вспоминать.

Штабс-капитан Е. Х. Дампель был в высшей степени твердый, исполнительный, храбрый, преданный своему дѣлу — своей ротѣ, которая отвѣчала ему тѣм же, то-есть такой же преданностью.

Затѣм, — поручик барон Н. А. Будберг. Он прибыл в полк, преисполненный боевого энтузіазма. Хорошо был встрѣчен офицерами и был очень заботлив о своих стрѣлках. Доблестно командовал своей ротой в бою под Мейшаголой. Его задачей было усилить наш лѣвый фланг и держать связь с сосѣдним боевым участком Л. И. 2-го Стрѣлковаго Царскосельскаго полка и эту задачу барон Будберг блестяще выполнил. Конечно, в его ротѣ были потери. Все до изнеможенія утомились, люди готовы были падать от усталости послѣ безсонных боевых ночей. Но молодой командир выглядѣл бодро. В глазах его свѣтилась гордость исполненной боевой задачи.

Поручик В. И. Гранберг прибыл в наш полк, переведясь к нам из одного из славных кавалерійских полков. Сколько надо было имѣть мужества, чтобы настаивать на переводѣ в наш передовой боевой стрѣлковый полк! При взглядѣ на жизнерадостное молодое лицо Володи Гранберга, как-то веселѣе и бодрѣе становилось вокруг.

Вскорѣ, послѣ тяжелаго боя под Мейшаголой, когда нашей успѣшной контр-атакой мы обезпечили планомѣрное передвиженіе наших войск и могли, не торопясь, выполнять предписанный нашему гвардейскому корпусу маневр, наш полк снова проходил через старую Вильну. Увы, этим «маневром» мы двигались не на запад, как раньше, а на восток, и грустные мысли приходили в голову.

Так много воспоминаній было у меня связано с Вильной, не говоря о недавном боѣ под Мейшаголой. Вѣдь в районѣ этого городка было имѣнье Фехнеров, гдѣ моя жена, еще дѣвочкой, не раз проводила свои каникулы. Сколько было радости и веселья в этом помѣстьѣ. А сама Вильна, гдѣ жила так долго чудная семья Добровольских и гдѣ была наша свадьба! Мнѣ, конечно, вспоминались рассказы моей жены о ея ученических годах в школѣ Прозоровой, о книжной лавкѣ и библіотекѣ Сыркина, о лавкѣ Шера, о дѣтских играх в саду, в Кружкѣ.

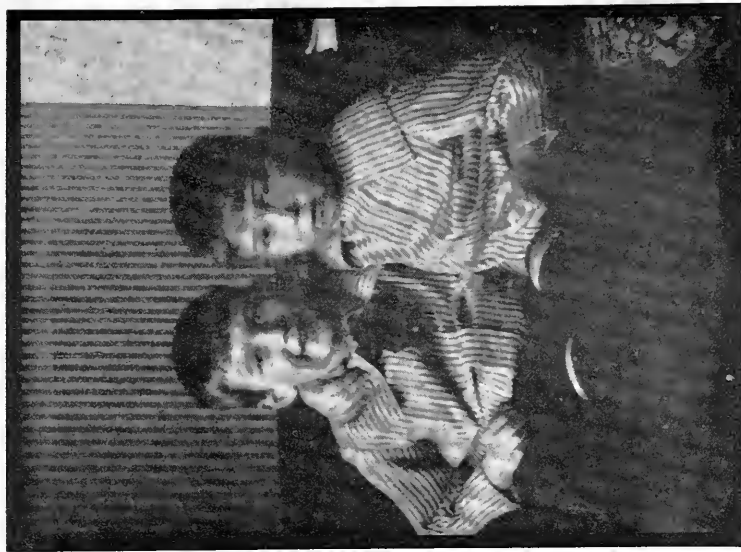
Но сама по себѣ старая красивая, величественная Вильна говорила теперь совѣм о другом, о своем историческом прошлом. Сколько событій она видѣла на своем вѣку!

Когда-то в давнія времена, этот город был на пути из стараго торговаго Любека в наш Новгород и Псков. Вильна была, так сказать, соединительным звеном Запада и Востока.

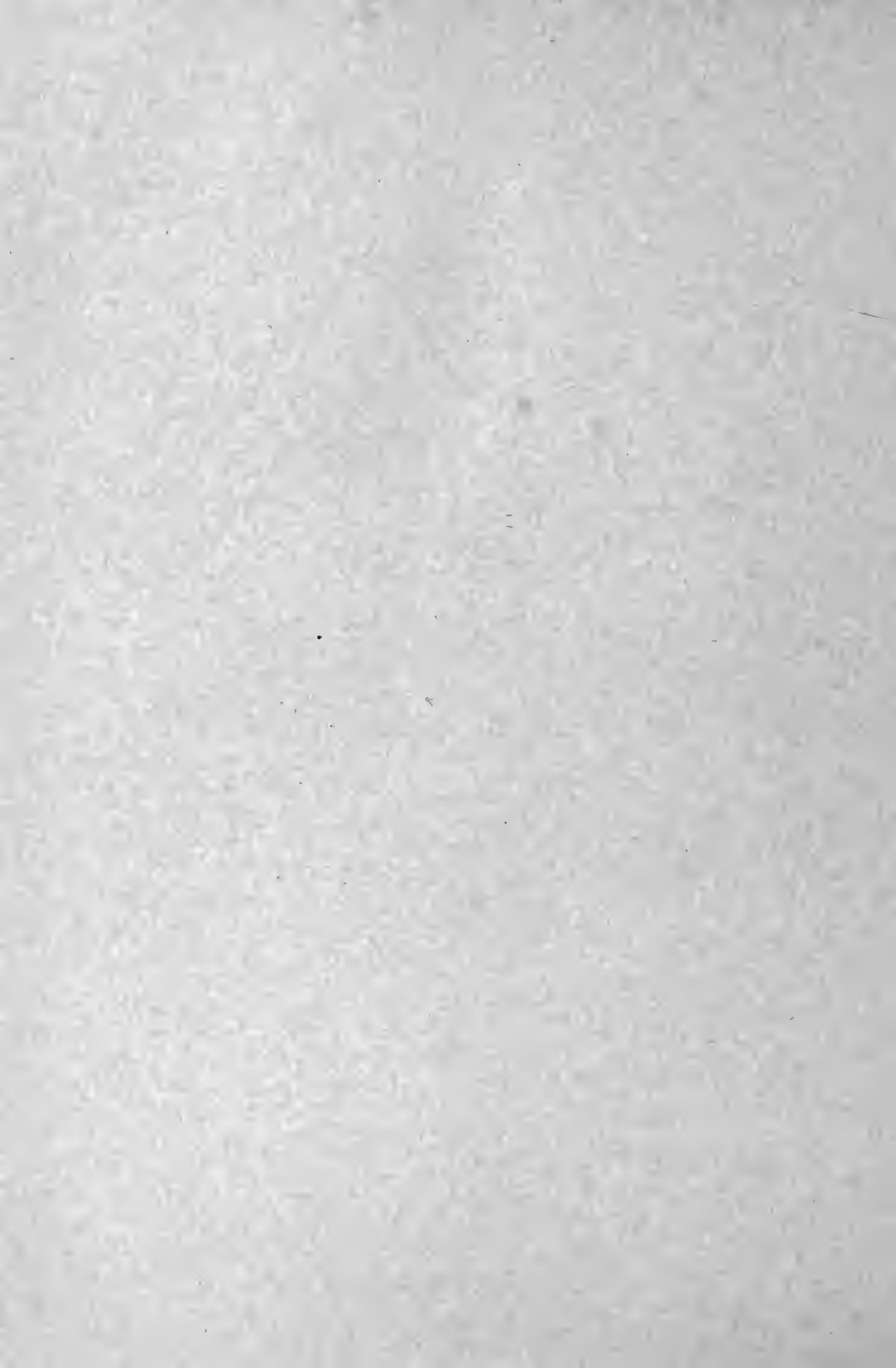
В то далекое время дочь Византійскаго Палеолога, Софія, вышла замуж за литовца Александра Ягелло и привезла с собой сюда в Вильну свое сокровище, свою чудотворную икону Божьей Матери, стариннаго византійскаго письма. Эта святыня и сейчас находилась здѣсь, в Вильнѣ, в нашем русском Троицком монастырѣ, и не раз эта икона Божьей Матери спасала Вильну. А костел Святой Анны, со своим чудесным готическим фасадом, изящный, легкій и фантастическій! Говорят, что Наполеон стоял тут, гдѣ мы сейчас стоим, около этого костела, сто с лишним лѣт тому назад, и он так же, как и мы, восхищался этим чудесным храмом. Говорят, он воскликнул: «Такого храма и в Парижѣ у нас нѣтъ!» И будто бы, Наполеон хотѣл даже перенести этот храм в Париж или построить там точную копию Святой Анны.

Олег и Игорь на Аландских островах
(1914).

В Петроградъ (1916).

На конѣ Эльбрусъ, перед парадом в день полкового праздника,
в корпусном резервѣ (17 апрѣля 1916).

Грустно было сознавать, что наши войска оставляют этот чудный город и мы не могли сказать — на долго ли? Мой батальон остановился как раз у костела Святой Анны и больше часа отдыхал здѣсь, а я воспользовался этим временем и, сидя на ступеньках собора, успѣл написать Нинѣ Михайловнѣ в Царское Село длинное и подробное письмо с описаніем недавняго боя под Мейшаголой и с описаніем окружающих меня, спящих и пустынных в настоящее время, столь знакомых нам улиц...

*

В паспортной книжкѣ Нины Михайловны есть помѣтка: Кисловодск, 28 марта 1916 года. Эта поѣздка в Кисловодск была вызвана тѣм, что Нина Михайловна очень плохо себя чувствовала. По настоянію доктора, кажется Бритнева, рѣшено было, что дѣти на время будут жить у бабушки Ольги Федоровны Добровольской в Петербургѣ вмѣстѣ с их няней Юлей, а Нина Михайловна поѣдет в Кисловодск в пансіон-санаторію женщины-врача Проскуряковой.

Нина Михайловна очень неохотно согласилась на эту общую нашу просьбу, но все же поѣхала, и в лицѣ доктора Проскуряковой нашла добраго, милаго и заботливаго друга, с которым очень сошлась и вела долгія дружескія бесѣды. Докторскіе совѣты также были бы полезны, если бы кисловодскій климат был болѣе подходящим для ее болѣзни — бронхіальной астмы. Доктор Проскурякова была по профессіи женским врачом, но она принимала и всѣх многочисленных дѣтей Великаго князя Константина Константиновича и была в дружеских отношеніях со всей этой симпатичной великокняжеской семьей. Она знала даже нѣкоторые интимныя стороны жизни этой семьи. Уже давно, может быть еще со времен Николая Павловича, ко всѣм Константиновичам со стороны Императорскаго двора было нѣкое предубѣжденіе и урѣзка в отпускаемых средствах на содержаніе двора. При рожденіи дѣтей тоже не было положеннаго для августѣйших дѣтей церемоніала.

Поѣздка в Кисловодск не помогла Нинѣ Михайловнѣ и бронхіальная астма продолжала ее мучить. Тогда мы сдѣлали еще одну попытку помочь этому: мы воспользовались моим отпуском и поѣхали опять в наш Тифлис, в котором были всей семьей перед самым началом войны. У меня была мысль: если климат Тифлиса поможет, то попросить о переводѣ меня на кавказскій фронт и получить там, может быть, полк, кандидатом на который я уже состоял.

Насчет этого я хотел посоветоваться с моим пріятелем, однополчанином, генералом-лейтенантом Янушкевичем в Тифлисѣ. Я знал генерала еще в чинѣ полковника. Он аккуратнo пріѣзжал к нам в офицерское собраніе на наши товарищескіе обѣды, особенно, когда были полковые праздники или ожидался пріѣзд Государя.

На одном из таких товарищеских обѣдов он сидѣл рядом с Государем и я видѣл, как Государь его о чем-то спросил, и как Янушкевич подробно и дѣловито ему говорил в отвѣт. Тут-то на наших глазах и произошло это дѣловое сближеніе, послѣ котораго Государь дал Янушкевичу порученіе написать какой-то важный доклад, а затѣм, через нѣкоторое время, Янушкевич был назначен начальником штаба к Великому Князю Николаю Николаевичу и вообще выдвинулся на высшія должности.

Мы, офицеры, рады были за нашего однополчанина, который в свое

время командовал у нас ротой в течение двух лѣтъ. Мои сослуживцы, знавшіе Янушкевича лучше, чѣм я, говорили о нем с уваженіем, как о хорошем человѣкѣ и семьянинѣ, но не считали его выдающимся генералом, а тѣм болѣе стратегом. Когда мы впоследствии узнали, что именно он, как правая рука главнокомандующаго Великаго князя Николая Николаевича, будет вершить судьбой военных дѣйствій, мы не могли не удивиться, хотя и продолжали его уважать и любить.

Во время моей поѣздки в Тифлис, Великій князь уже был главнокомандующим кавказским фронтом, а Янушкевич его начальником штаба. Он был очень рад меня видѣть, спрашивая обо всем, что дѣлается на главном фронтѣ и вообще «в Россіи», то-есть внѣ Кавказа. Он непременно хотѣл, чтобы я явился к Великому Князю, что я и исполнил.

Это была моя вторая личная встрѣча с Великим князем. Первая была в началѣ 1914 года, еще до Сараевского убійства, когда я пріѣхал к нему в Красное Село, в лагерь, чтобы вручить ему только что изданную мною книжку «В гостях у Бой Скаутов». Я дал двѣ таких книжки в дорогіе переплеты из сафьяна, малиноваго стрѣлковаго цвѣта. Один экземпляр, с соотвѣтствующей собственноручно мною сдѣланной надписью, наш командир полка отвез Государю для Наслѣдника, а другой экземпляр, в таком же переплетѣ, я вручил Великому Князю.

Я ожидал тогда, что он будет меня спрашивать подробнѣе о моих царскосельских скаутах-развѣдчиках и, может быть, поможет мнѣ двинуть это столь необходимое дѣло вперед и распространить шире, но он ограничился двумя-тремя незначительными вопросами и перешел на военныя темы: давно ли я в полку и чѣм командуя, какой приз получил за мѣткую стрѣльбу, как стрѣляла моя учебная команда и так далѣе. Мало того — в его вопросах и в разговорѣ ясно сквозило убѣжденіе, что скоро будет война. Он это ясно говорил и как будто мечтал об этом. Это все напомнило мнѣ недавнія манифестаціи на Литейном проспектѣ в Петербургѣ, гдѣ толпа меня чествовала как офицера.

Итак, та встрѣча с Великим князем заставила меня очень задуматься: у меня осталось впечатлѣніе, что в случаѣ войны именно Николай Николаевич будет играть первенствующую роль. Подходит ли он к ней?... Вторая личная встрѣча с ним теперь была в Тифлисѣ, ровно два года спустя, и как много исторических перемѣн произошло за это время!

На этот раз его вопросы были в другом родѣ. Казалось, он многое знал, чего я и не предполагал. Он стал спрашивать меня о моральном состояніи нашего полка и вообще войск на фронтѣ, а затѣм перешел на вопрос о противоправительственной пропагандѣ революціонеров. Эти вопросы поставили меня втупик: я был увѣрен, что правительство дѣлает все необходимое, чтобы парализовать работу революціонеров. Я отвѣтил, что в войсках на фронтѣ все благополучно, но в тылу — в запасных батальонах — другое дѣло...

*

Когда я вернулся в свой полк, походная и боевая жизнь шла своим чередом, и я оставил свои проекты о переводѣ на Кавказскій фронт.

Не могу сказать, чтобы я совсѣм забыл своих скаутов. Наоборот, я поддерживал переписку и был в курсѣ их дѣл. Мнѣ было извѣстно, конечно, о двух скаутских съѣздах в Петербургѣ, но время было тревожное и я не хо-

тѣмъ такъ скоро, послѣ поѣздки на Кавказъ, спрашивать разрѣшенія для отпуска домой. Я посылалъ привѣтствія основанному мною Обществу Русскій Скаутъ и обоимъ сѣздамъ. Сѣзды отвѣчали мнѣ привѣтствіями и присужденіемъ высшей скаутской награды ордена Сѣраго Волка и званія почетнаго старшаго скаутмастера.

Однако, какъ-то наш полкъ былъ въ резервѣ и за обѣденнымъ столомъ командиръ полка говоритъ мнѣ, что онъ прочелъ въ газетахъ мою фамилію въ связи съ бывшими скаутскими сѣздами и мнѣ пришлось подѣлиться съ Левстромъ, что я вотъ уже около семи лѣтъ, какъ началъ работать со скаутами. Левстремъ думалъ, что это является какъ бы продолженіемъ потѣшныхъ, которыми занимался его однополчанин-семеновецъ Назимовъ. Мнѣ пришлось рассказать генералу о нашей скаутской организаціи, о недавнихъ петербургскихъ сѣздахъ и о предстоящемъ скаутскомъ парадѣ въ день Святого Георгія, 23 апрѣля. Левстремъ пожурилъ меня, что я не отпросился въ отпускъ, когда были сѣзды, и посовѣтовалъ мнѣ взять отпускъ, чтобы присутствовать на скаутскомъ праздникѣ.

Конечно, было очень цѣнно для меня быть снова у себя дома и видѣть Нину Михайловну, которой было очень и очень не легко, не только въ моральномъ, сердечномъ отношеніи, но даже и въ матеріальномъ, потому что цѣны на продукты съ каждымъ мѣсяцемъ поднимались, или продукты вовсе исчезали изъ лавокъ и магазиновъ.

Наши дѣти подрастали. Олегъ уже сталъ весьма смышленнымъ мальчикомъ и съ нимъ можно было разговаривать съ интересомъ для обѣихъ сторонъ.

Что касается нашихъ скаутовъ, то я поспѣшилъ, прежде всего, повидать милаго и энергичнаго вице-адмирала Ивана Федоровича Бострема, котораго я просилъ передъ своимъ отъѣздомъ на фронтъ, выставить свою кандидатуру въ предсѣдатели основаннаго мною Общества содѣйствія мальчикамъ и развѣдчикамъ «Русскій скаутъ».

Однимъ изъ помощниковъ адмирала Бостремъ, въ дѣлѣ организаціи двухъ скаутскихъ сѣздовъ, былъ весьма культурный и способный Яковъ Николаевичъ Репнинскій. Надо сказать, что незадолго передъ войной было основано, насколько я знаю, по личной инициативѣ Государя, общество или департаментъ — не знаю какъ оно называлось — для поощренія и развитія спорта, и завѣдующимъ этимъ учрежденіемъ былъ назначенъ не кто иной, какъ дворцовый комендантъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Воейковъ. Я. Н. Репнинскій былъ однимъ изъ служащихъ тамъ. И онъ былъ однимъ изъ «связующихъ звеньевъ» съ генераломъ Воейковымъ. Впрочемъ, никакой существенной помощи, насколько я знаю, отъ генерала и его учрежденія получено не было.

Нашъ скаутскій парадъ былъ организованъ предсѣдателемъ общества адмираломъ Бостремомъ. Послѣ молебна всѣ скаутскіе отряды собрались въ одномъ изъ парковъ на островахъ, насколько я помню. Это было великолѣпное для меня зрѣлище — видѣть нѣсколько сотъ нашихъ русскихъ скаутовъ, бодрыхъ и веселыхъ, согласно нашимъ правиламъ и даже болѣе этого — энтузіастовъ. «Всегда готовыхъ» стоять за правду и добро, за Россію; уже были въ нашихъ рядахъ руководители-офицеры, побывавшіе на фронтѣ, начиная съ моего царскосельскаго помощника поручика Малкочи, израненаго въ прошлую японскую войну и въ будущемъ погибшаго смертью храбрыхъ. Затѣмъ, въ нашихъ рядахъ былъ капитанъ лейб-гвардіи Петербургскаго полка Борисъ Николаевичъ Свѣжевскій, тяжело контуженный германской бомбой. Онъ, во главѣ своей роты, бросился на непріятельскіе окопы и дошелъ до вражескихъ проволочныхъ загражденій, гдѣ и былъ подброшенъ на воздухъ взрывомъ германскаго снаряда. Только черезъ много

часов, пролежав без сознанія, он был спасен своими «чудо-богатырями». Были и другіе скауты, побывавшіе на фронтѣ. Орден Святого Георгія, красовавшійся на моей груди, конечно, производил впечатлѣніе особенно потому, что этот, столь чтимый русским народом святой, был избран, как наш небесный покровитель, и 23 апрѣля — день нашего парада — это день нашего святого... Я сказал всѣм хорошее, прочувственное слово.

Надо, конечно, еще сказать, что скаутская подготовка всѣх отрядов, и в особенности наших отличных молодых скаутмастеров, была результатом работы, в большей степени, отличнаго опытнаго шведскаго скаутмастера Р. Фернберга. Ему всѣ петербургскіе руководители и скауты шлют свое «русское спасибо». Наш скаутскій праздник и парад прошли великолѣпно. Замѣчательную фотографію этого праздника я только недавно получил от нынѣ здравствующаго в Бельгіи полковника Свѣжевскаго.

Итак, я рад был побывать на скаутском смотре и пробыть нѣсколько дней дома с Ниной Михайловной и дѣтьми перед тѣм, как возвратиться на фронт. Удалось мнѣ и навѣстить нѣкоторых старых знакомых в Петербургѣ. У них я быстро почувствовал, что в столицѣ многое измѣнилось.

Мы знали в полку, что Государь не рѣдко посѣщал свои войска на фронтѣ, дѣлал смотры. Он был в таких случаях часто с Наслѣдником. Государь посѣтил войска в далеком Эрзерумѣ на Кавказском фронтѣ, он побывал на Карпатах. Хотя я сам не видѣл, но много раз слышал о том, какой подъем вызывали царскіе смотры и приѣзды у солдат и офицеров. Иногда Государь бывал в окопах, ближе к передовым позиціям, иногда в полевых госпиталях, награждая отличившихся и подбадривая раненных.

Для меня не было сомнѣнія, что войска на фронтѣ были надежными. Народ, в общем, тоже стоял «За Царя, за Русь», но исключенія уже были среди распропагандированных рабочих и в тыловых запасных частях, гдѣ было меньше и меньше строевых кадровых офицеров.

В Петербургѣ, несомнѣнно, велась антиправительственная работа-пропаганда и «свободой печати» широко пользовались враждебные государству элементы. Можно быть увѣренным, что ни в какой другой странѣ не допустили бы подобных выступленій. Вспоминался фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы», напечатанный в газетѣ «Русь». Это, впрочем, было значительно раньше. Лѣвые распространяли клевету о якобы готовящемся сепаратном мирѣ. Многое дѣлалось в разных слоях, чтобы скомпрометировать династію.

На фронтѣ же было иначе. Войска получали больше и больше подкрѣпленій. В началѣ 1916 года артиллерія тоже получила достаточное количество снарядов.

Теперь, много лѣт спустя, нам стало извѣстно, что Кайзер, предчувствуя печальное будущее, хотѣл заключить с Россіей сепаратный мир. Германским правительством было послано с фрейлиной Васильчиковой письмо к Государю с предложеніем мира. Но Государь отказался видѣть Васильчикову и заявил, что Россія доведет войну до конца, так как она находится в полном согласіи с союзниками и связана с ними не только договорами, но и искренней дружбой и кровью.

Однако, клевета, будто Васильчикова была германской шпіонкой, стала распространяться всюду. Старались замѣшать и Государыню. Кое-кто даже говорил: «Вѣдь она нѣмка». Всякія, подрывающія довѣріе расказы и сплетни, дѣлали свое дѣло, будто они созданы были непріателем. По всей вѣро-

ятности, это и была хитрая работа противника. Весною 1916 года и позже, на фронтѣ, я ничего такого не слышал. Я уже упоминал, что на вопросы Великаго Князя я отвѣчал искренне, что «на фронтѣ все спокойно», вспоминаемая, может быть, историческую фразу: «На Шипкѣ все спокойно».

Я пишу эти «тыловые» размышления и впечатлѣнія, в которыя я окунулся в тылу, в Петербургѣ, но вот я снова возвращаюсь на фронт к своему второму батальону л. гв. 1-го Стрѣлковаго Его Величества полка, гдѣ я нашел все по-старому.

*

3-го, 7-го и 19 сентября 1916 года Гвардейская Стрѣлковая дивизія была трижды атакована австро-германцами на фронтѣ Квадратнаго лѣса, юго-восточнѣ деревни Войнина, но все же отстояла свои позиціи. 1-го и 2-го октября на фронтѣ появилась германская тяжелая артиллерія. Непрїятель открыл ураганнѣй артиллерійскій и минометнѣй огонь по нашему расположенію. Было много убитых и в числѣ их прапорщик Глибенко. Меня контузило снова. На этот раз я был эвакуирован в госпиталь в Царское Село.

В октябрѣ я был послан медицинской комиссіей в Ялту для леченія и мы с Ниной Михайловной рѣшили ѣхать вмѣстѣ, сговорившись с Ольгой Федоровной, что она снова возьмет к себѣ своих внучат с их воспитательницей, заботливой Юлей.

Предполагалось, что мы с Ниной поѣдем на юг мѣсяца на два, и наши друзья Карсаковы — вѣрнѣ мать Павла Владиміровича — спросила у своего сына разрѣшеніе, чтобы Нина Михайловна могла бы остановиться в домѣ Карсаковых в Чукурларѣ.

Моя бѣль мэр, Ольга Федоровна Добровольская, жила тогда на Кронверском проспектѣ, недалеко от Петропавловской Крѣпости, Троицкаго моста и дома Кшесинской. Сестра Нины, Леля, тоже жила со своей мамой, а брат Боря как раз кончал Училище Правовѣденія и тоже переѣхал к своей мамѣ. До этого он много лѣт жил у друзей, у Николаевых, в Инженерном Замкѣ. Жена капитана Николаева, Елена Николаевна, была в высшей степени талантливая и обаятельная дама. Она была очень талантливая пѣвица, и Борис аккомпанировал ей на рояли. Он как-то сроднился с этой симпатичной семьей. Впрочем, у него, кажется, не было среди однокашников хороших друзей. Вспоминаю лишь одного Доможирова, который как-то написал Борѣ в открыткѣ: «Мой дорогой и безтелефонный друг».

Итак, наши дѣти остались со своей бабушкой и тетушкой, и дядюшкой в Петербургѣ, а мы поѣхали в Ялту. Нина, конечно, волновалась за наших мальчиков, но утѣшалась тѣм, что они были в хороших руках, среди любящих людей.

В Ялтѣ Нина поселилась в уютном домѣ Карсаковых, гдѣ было так много старины, начиная с великолѣпнаго портрета предка Карсаковых князя Львова, работы знаменитаго Левицкаго. Горничная Паша со своим семейством жила по сосѣдству, но все же, пока не появились знакомства с сосѣдями, я думаю, Нинѣ было немного скучновато по вечерам, когда я должен был быть в своей санаторіи Массандра, находящейся в діаметрально противоположном концѣ города.

Здравница помѣщалась в чудесном особнякѣ, построеном Императрицей с какой-то благотворительной лечебной цѣлью. Совсѣм близко от здравницы, немного выше ея, начинался великолѣпный парк царскаго имѣнія Массандра.

Парк этот напоминал ботанической сад, и Нина Михайловна любила приходиться сюда и любоваться деревьями араукарий и другим. Она говорила, что развѣтвленіе вѣтвей араукарий напоминают ей картины Руссо и недостает только обезьян на вѣтвях.

Мнѣ дали в здравницѣ отличную комнату с видом на море и отчасти на всю Ялту. А за Ялтой виднѣлась «наша» вила в Чукурларѣ и дальше царское имѣніе Ливадія. Еще дальше Мисхор — имѣніе Великаго Князя Дмитрія Константиновича. К этому Великому князю я был приглашен вскорѣ на завтрак, через его адъютанта, который лечился тоже в Массандрѣ.

Великій князь жил в первом этажѣ своего красиваго дворца, а во втором этаже жила его племянница, княгиня Татьяна Константиновна, которая вышла замуж за князя Багратион-Мухранскаго, погибшаго на войнѣ, если не ошибаюсь, в рядах лейб Эриванскаго полка.

Княгини за завтраком у Великаго князя не было, но мнѣ сказали, что она будет рада меня видѣть немного позже.

Завтрак был очень красиво подан. Дворцовые лакеи, сервировка и вся обстановка были великолѣпны, как подобает великому князю.

Великій князь, между прочим, спросил меня, как и раньше это сдѣлал великій князь Николай Николаевич в Тифлисѣ: «Что я знаю о «настроеніях» в войсках и нѣтъ ли там противоправительственной агитации?» — Я отвѣтил совершенно искренно, что в войсках на фронтѣ в этом отношеніи благополучно, но в запасных батальонах Петербурга и Царскаго Села — совсѣм другое дѣло. И в самом дѣлѣ, эти батальоны как раз пополнялись из среды распропагандированных рабочих петербургскаго района и в этом случаѣ можно было бы сказать: глупость это или измѣна? Как я понял, великій князь был того же мнѣнія.

У княгини Татьяны Константиновны, во втором этажѣ, бесѣда шла о другом. Она была в траурѣ по своему мужу, погибшему на фронтѣ; да и родители ея скончались не так давно, и брат ея, князь Олег Константинович, — единственный из царскаго рода — был убит на войнѣ... Я вспоминал в бесѣдѣ с нею свои встрѣчи с ея отцом, начиная с кадетскаго скамьи Тифлисскаго кадетскаго корпуса, куда он дважды пріѣзжал.

Вскорѣ, когда я едва начал поправляться, я нашел в Ялтѣ друзей. Мною был сдѣлан доклад о русских скаутах и тогда же было организовано Общество содѣйствія русским скаутам. Я создал небольшой отряд скаутов, а затѣм, с помощью учительницы мѣстной гимназіи Александры Львовны Копотиловой, и группу дѣвочек-герл-скаутов. В мѣстной типографіи был напечатан «Листок русскаго скаута», а впослѣдствіи и маленькая брошюрка. Была выпущена листовка с помощью одного из родителей скаутов инженера М.

В ноябрѣ 1916 года я был избран предсѣдателем Ялтинскаго отдѣла союза георгіевских кавалеров и среди членов этого Союза я нашел хорошую поддержку для работы с молодежью. Вспоминаю фамилію полковника С. А. Мащылева, поручика Иванова, капитана Фастовича.

В общем, Нина и я быстро жили с милой Ялтой. Нина рисовала этюды моря и садов, я лечился, занимался с молодежью и союзом кавалеров. Если бы не отсутствіе дѣтей и моей бель-мэр, находившейся в Петроградѣ, и если бы не война, то казалось бы, что ничего лучшаго и не могло быть...

Итак, на берегах Тавриды, на склонѣ ея прекрасных гор, мы жили не только до конца 1916 года, но тут же и застал нас злополучный февраль и март... Здѣсь, в этой красавицѣ Ялтѣ, пришлось нам с Ниной услышать о

безпорядках на сѣверѣ и пережить первыя, казалось нам, невѣроятныя извѣстія об отреченіи Государя и дальнѣйшей разрухѣ нашего государства, которой, казалось, никто, из окружающих нас людей, никак не могли ожидать... Правда, великій князь Николай Николаевич и великій князь Дмитрій Константинович, оба меня спрашивали: нѣтъ ли броженія в войсках — значит они оба что-то знали, больше, чѣм мы, войсковые начальники. Но почему же не настаивали они оба и другіе, выше стоявшіе, на том, чтобы нашу кавалерію, которой нечего было дѣлать на фронтѣ, перевести в Петербург и в Москву...

ГЛАВА XIII

Снова на фронтъ (Август 1917). Убийства на фронтъ. Царское Село. Назначеніе в Москву. Защита Кремля. На Юг! Записки моей жены.

Чтобы яснѣ представить себѣ обстановку того времени перед моим назначеніем снова на фронт, а затѣм в Москву, я напишу свои воспоминанія со дня отреченья Государя.

Извѣстіе это поразило всѣх настолько, что нѣкоторые из нас, офицеров, лечившихся в Массандрѣ, в Крыму, не хотѣли вѣрить этому сообщенію. Мы, кромѣ того, не зная деталей, считали, что Государь не должен был отказываться за своего сына. Это было тяжелое время, как будто предчувствовали мы грядущія событія. А на улицах толпы народа ходили с красными флагами и пѣли Марсельезу. Устраивались шествія и митинги, и мнѣ запомнился прапорщик Иткин и его мерзкія «рѣчи», а какой-то старец благословлял судьбу, что ему удалось дожить до таких «великих» дней. Только военный доктор Пасманик благоразумно предупреждал, что теперь опасность от большевиков.

Как раз в это время, Общество содѣйствія русским скаутам просило меня поѣхать в Гурзуф и просить Шалапина дать концерт в пользу Русских скаутов. Когда я пріѣхал к нему, он был в саду и с недовольством, если не с отвращеніем, смотрѣл, как по улицам шла толпа, оравшая тот же Интернационал и Марсельезу. Он возмущался, что толпа не знала русских пѣсен и вообще все шествіе было ему не по нутру.

Время шло быстро и очень скоро событія показали, что оба великіе князья были правы в своих тревогах за будущее и трона, и Россіи... Как я слышал, великій князь Николай Николаевич очень надѣялся, даже был увѣрен, что он унаслѣдует царскій трон послѣ отреченья Государя. Его телеграмма Государю, в которой он «колѣнопреклоненно» умолял Государя отречься от престола, может быть поясняет его предположенія. Мнѣ говорил мой пріятель генерал, что великій князь, сразу же послѣ отреченья, поѣхал было в Ставку, в надеждѣ принять бразды правленія, но его туда не пропустили сторонники Керенскаго...

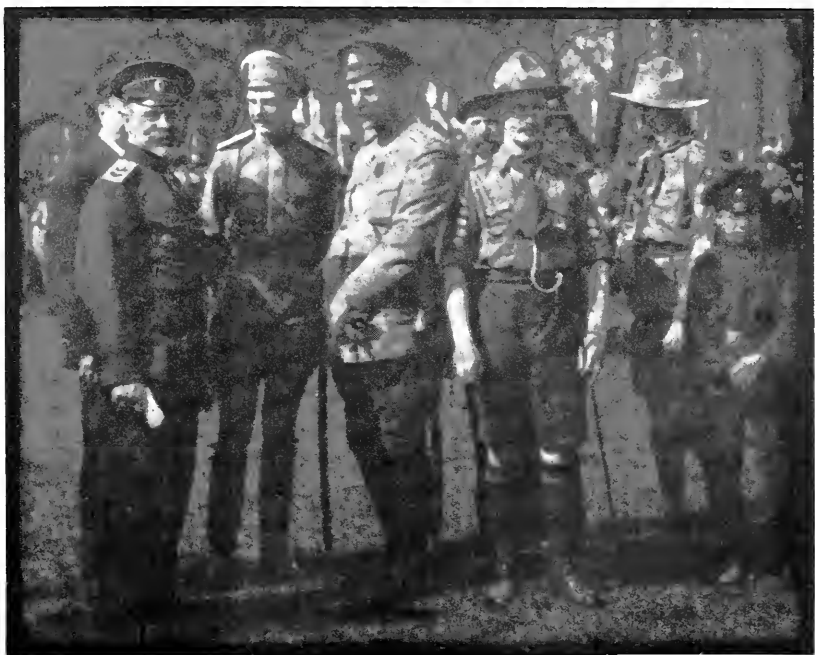
Итак, мы с Ниной Михайловной были в Ялтѣ, когда произошло отреченье и началась разруха с изданіем «приказа номер первый».

Март, апрѣль, май 1917 года... В это время наши дѣти оставались с бабушкой в Петербургѣ. Милая, заботливая няня Юля тоже была с ними и мы были почти спокойны. Собственно говоря, Юля была больше, чѣм няня. Это была хорошая воспитательница и, что важнѣе всего, хорошій человек. Наш Олег, кажется, до сих пор не плохо помнит время пребыванія у своей бабушки на Кронверском проспектѣ. Няня Юля водила дѣтей гулять и они с ней видѣли даже похороны так называемых «жертв революціи». Впрочем, знающіе люди говорили, что там, на Марсовом полѣ, были похоронены всѣ, погибшіе в эти дни: и красные, и бѣлые — и всѣ «случайно» убитые на улицах.

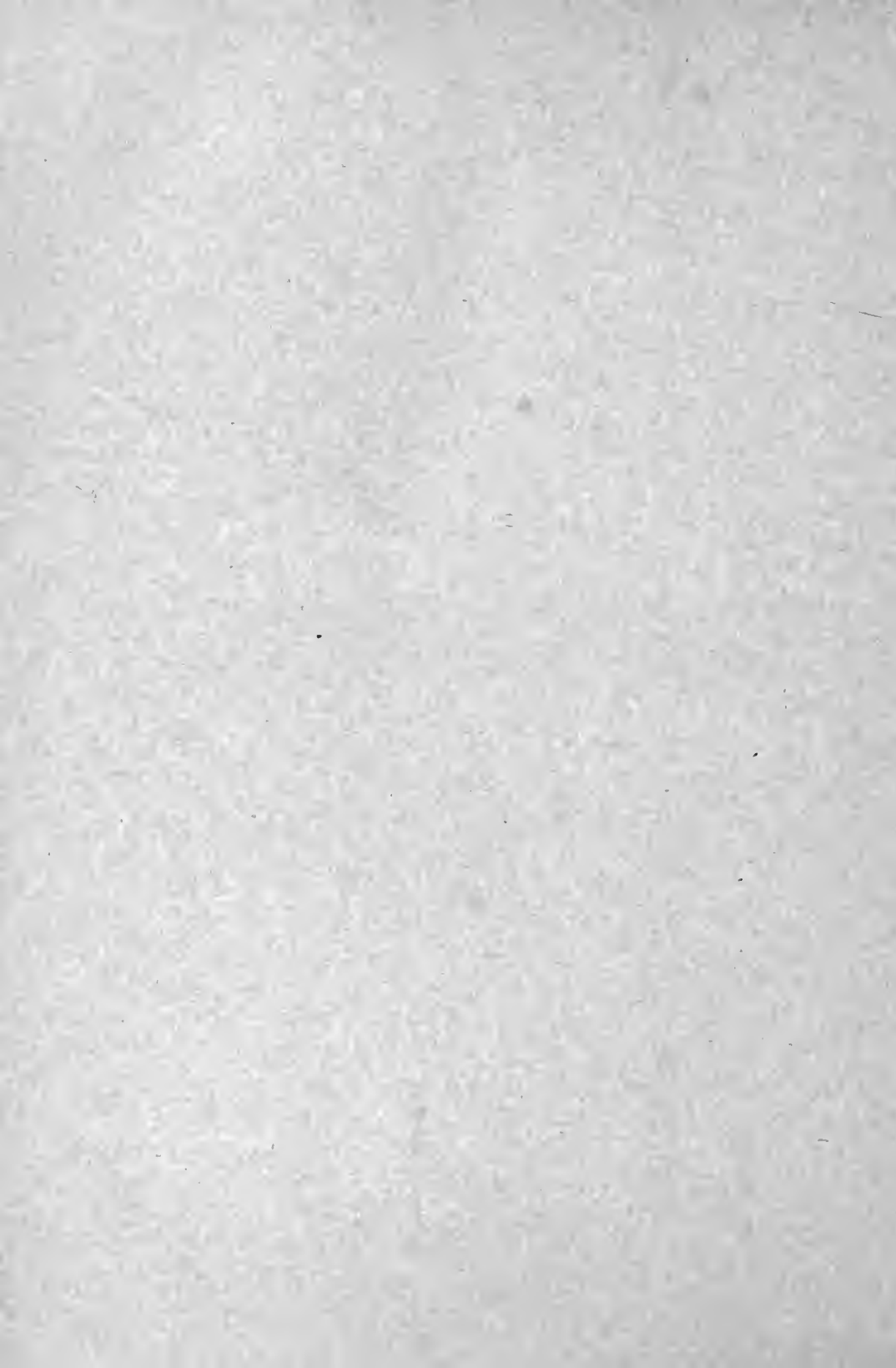
Отношеніе «нашего брата», коренных офицеров, находившихся в ялтинской Здравницѣ, ко всему происшедшему, было для меня ясно. Всѣ были

«23 апрѣля — день нашего парада. Это день нашего святого...
я сказал всѣм хорошее прочувственное слово».

Адм. И. Ф. Бострем, кап. Б. Н. Свѣжевскій, автор и скаутмастер
Фернберг .

возмущены, смущены, растеряны, подавлены... Трудно подобрать подходящія слова для опредѣленія нашего душевнаго и психическаго состоянія.

Мы подсознательно чувствовали крушеніе всей нашей Россіи, всего того, чему мы с дѣтства посвящали свои мечты, свою любовь, свои надежды, словом, все вышшее, что нас одухотворяло и воодушевляло... И неужели — все насмарку?... Мы не говорили этих слов вслух, но подсознательно чувствовали все это.

Что касается простого народа и солдат, то я имѣл случай убѣдиться, что и они огорошены были не меньше нас, «образованных» людей. Один из солдат, служителей Здравницы, узнавшій роковую вѣсть, влетѣл в комнату доктора Пасманика и выпалил вѣсть об отреченіи Государя. — «Как же теперь будет с Россіей?»... Он спрашивал и, будто сам знал отвѣтъ, сказал: «Без Царя не может жить Россія!»...

А в городѣ в это время уже начиналась кутерьма. Уже не было никакого начальства. В городѣ был, правда, Городской голова. Формально власть перешла к нему, но он, как говорили, метался из угла в угол и слѣпо исполнял внушенія какого-то «двухкопеечнаго» полуграмотнаго репортера мѣстной газеты, объявившаго себя «вождем пролетаріата».

Должно быть по наущенію этого «вождя», видно было, как в городѣ спѣшно снимали со стѣн вывѣски у магазинов, гдѣ раньше было написано: «Поставщик Двора Его Императорскаго Величества».

Пушкин писал по другому поводу: «Народ безмолствует». Может быть и теперь, несмотря на безконечные митинги и говорильни, настоящей русской народ «безмолствовал». В первыя недѣли и даже мѣсяцы мнѣ не случалось в Ялтѣ встрѣчать почти никого, кто бы открыто и громогласно возставал против большевиков, «ленинцев», против «солдатских депутатов». Я не помню никого, кто бы осмѣливался говорить против большевиков и против мерзкаго приказа номер первый. Один лишь Пасманик был исключеніем.

Мы, офицеры, в своей средѣ, конечно, честили всѣх повинных в революціи, но открыто на митингах не выступали по многим причинам. Кромѣ неподготовленности к «говорильнѣ», к митинговым рѣчам, мы чувствовали и, как военные, знали, что для успѣха, для спасенія Россіи, надо сначала объединиться и имѣть оружіе и только тогда «разговаривать» с совѣтом солдатских и рабочих депутатов, который уже открыто орудовал в столицѣ. «Керенскій был лишь орудіем в руках болѣе сильных, чѣм он. Керенскій невольно подготовлял пришествіе хамскаго царства Ленина», так писал один из журналистов того времени.

Люди еще надѣялись и вѣрили в Учредительное Собраніе, но разруха в Ялтѣ была уже полная.

Вѣсти из Петербурга доходили с перерывами и были не утѣшительными. Становилось ясно, что в столицѣ произошел грандіозный солдатскій бунт, а вовсе не та «безкровная» революція, о которой писали газеты — бунт, возглавлявшійся социалистами и санкціонуемый Государственной Думой во главѣ с Родзянко, Шульгиным, Гучковым и Милоковым.

Но теперь — в мартѣ и апрѣлѣ — в Ялтѣ все стало болѣе спокойно, хотя наплыв бѣженцев дал себя чувствовать в квартирном и продуктовом отношеніи.

Многія боязливо чего-то выжидали, но большинство думали, что все исправится. Совсѣм увѣренно можно сказать, что «Октября» еще почти никто не предвидѣл. Я говорю «почти», потому что все-таки были и доктор Пасма-

ник и другіе. А тѣ, у которыхъ были деньги или болѣе твердая валюта, — а такихъ в Ялтѣ наѣхало много — ни о чемъ вообще не волновались. В военномъ смыслѣ мы думали, что послѣ первыхъ кошмарныхъ перемѣн, все какъ будто установилось, были даже побѣды надъ врагомъ.

Офицеры в Ялтѣ пробовали объединиться. Не помню точно даты, кажется это было раньше, когда съверху получило предписаніе, одобренное «подлежащими властями», чтобы выбрать делегатовъ и командировать их, какъ представителей офицерства, в Петербургъ. Помню, что тогда собралось в большомъ залѣ много — около трехсотъ офицеровъ, и я былъ выбран — меня просили — быть предсѣдателемъ этого внушительнаго собранія. Моя вступительная рѣчь всѣмъ очень была по душѣ: в ней не было ни намека на царившій в то время, послѣ «приказа номеръ первый», бедламъ. Всѣ были рады почувствовать снова и дисциплину, и свое офицерское достоинство. Были выбраны представители, какъ наши делегаты, но в Петербургѣ тогда уже была керенщина и царилъ совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, которому Керенскій уступалъ дорогу. С этой керенщиной мнѣ вскорѣ пришлось ближе познакомиться.

В началѣ мая 1917 года я получилъ официальный запросъ — согласенъ ли я принять предложеніе на назначеніе меня командиромъ 21-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка. Полкъ этотъ до отреченья Государя былъ шефскій. Шефомъ была Императрица Александра Федоровна.

Хотя я и зналъ, что на фронтѣ разруха послѣ «приказа № 1», но все же хотѣлось вѣрить, что можно еще спасти армію и хоть какую-нибудь дисциплину в ней. Казалось, что славный шефскій Сибирскій Стрѣлковый полкъ не долженъ былъ поддаваться большевицкимъ провокаціямъ... Словомъ, я согласился и мы с Ниной Михайловной отправились из Ялты в Царское Село.

Я оставался всего лишь нѣсколько дней в «нашемъ» Царскомъ, гдѣ мы прожили такъ уютно с Ниной Михайловной около семи лѣтъ. Деньщикъ Иванъ еще былъ при насъ. Онъ, кажется, былъ первымъ информаторомъ всего происшедшаго за наше отсутствіе. Но насъ мучилъ вопросъ, на который даже наши офицеры не могли дать точнаго отвѣта: что будетъ с Царской Семейю, которая пока еще находилась тутъ же в Царскомъ Селѣ. Удастся ли ее спасти? Что дѣлаетъ для этого двоюродный братъ Государя англійскій король? Всѣ знали, что попытки спасти Царскую Семейю своими самоотверженными людьми, особенно безъ согласія Государя, могутъ лишь повредить.

А в полку? — Вѣрнѣе в запасномъ батальонѣ, квартировавшемъ в казармахъ нашего полка! Какіе ужасы мы мало-помалу услышали и узнали! Именно тутъ, вокругъ нашего офицерскаго флигеля, не такъ давно происходили дикія возстанія и стрѣльбы по своимъ.

Но расскажу все слышанное по-порядку. Когда я еще в Ялтѣ узналъ, что в обѣихъ нашихъ столицахъ размѣщены запасные батальоны из мѣстныхъ мастеровыхъ, революціонно настроенныхъ, то снова на умъ приходили слова думскаго оратора: «Глупость это или измѣна?» — Надежныхъ частей в столицахъ почти не было.

Мой другъ, Александръ Ивановичъ Джуліани, долгое время бывшій моимъ однопольчаниномъ, теперь командовалъ запаснымъ батальономъ нашего полка. В батальонѣ в это время насчитывалось около 3,000 солдатъ, но офицеровъ почти не было. Вотъ, напримѣръ, что Саша Джуліани рассказалъ мнѣ во время моего проѣзда черезъ Царское Село на фронтъ, в концѣ мая 1917 года:

Первыми предвѣстниками революціонныхъ волненій были начавшіяся в

серединѣ февраля серьезныя забастовки. Вскорѣ послѣ этого стало очень безпокойно и в войсках Петрограда. 26 февраля в запасный батальон — в Царское Село — прѣехали, как бы с визитом, наш старый командир генерал Левстром и вновь назначенный полковник Крейтон. Все, как будто, было в порядкѣ. Хорошо поужинали в офицерском собраніи, но это был послѣдній нормальный ужин.

27 февраля по приказанію коменданта была устроена облава на самовольно отлучившихся солдат. Затѣм, часть батальона была послана в Петербург для усмиренія возставших солдат, когда выявил себя предатель-агитатор Аксюта, числившійся штабс-капитаном в нашем Запасном батальонѣ. Что послѣ этого случилось в Петербургѣ никто, повидимому, не мог предугадать. Недостаток печенанаго хлѣба в столицѣ был лишь маленькой искрой, возбудившей пожар. Умѣлые пропагандисты были уже во всѣх запасных частях. Там, на тысячу солдат рѣдко когда был хоть один достойный офицер. Твердаго, энергичнаго старшаго начальника в столицѣ не было.

28 февраля полковник Джуліани и командир запаснаго батальона Императорских стрѣлков полковник Вейс отправился к великому князю Павлу Александровичу — дядѣ Государя. Он занимал должность Инспектора гвардіи. Великій князь, как видно, не был в курсѣ дѣла. Он был очень взволнован и все ходил взад и вперед по кабинету, заложив руки за спину. Он сказал, что в Петроградѣ образовалось Временное Правительство под предсѣдательством Родзянки. Великій Князь вѣрил, что Родзянко «монархист и предан Престолу». Он сказал: «Завтра в пять часов утра будет здѣсь Государь и я доложу ему положеніе дѣл. Увѣрен, что Государь даст желаемое отвѣтственное министерство, лишь бы не было поздно! В Царском Селѣ Наслѣдник Цесаревич и Императрица. Наш долг их охранять!»

Затѣм великій князь сказал, что по его свѣденіям ожидается «набѣг» автомобилей из Петрограда», но у Пулкова, он добавил, «есть двѣ роты Императорских стрѣлков и двѣ роты Гвардейскаго экипажа». Затѣм, обратясь к нашему полковнику Джуліани, он сказал: «Ваши роты охраняют Царское от наступленія со стороны Колпина, а двѣ роты Царскосельских стрѣлков охраняют подступ со стороны Краснаго Села, — это достаточно, если люди надежны. Исполняйте ваш долг. Господь с вами!» И Великій Князь перекрестился, благословил обоих полковников, которые были этим очень растроганы.

Мой однополчанин, полковник Джуліани, рассказывал мнѣ, как полковник Вейс, довольно флегматичный по натурѣ, сказал ему: «Пожалуй мы с тобой попадаем в исторію». На что Джуліани отвѣтил ему: «Только бы не в скверную исторію». «А ты увѣрен в своих стрѣлках?» И оба полковника переглянулись, подозрѣвая отрицательный отвѣт.

В этот «историческій» вечер старательный полковник Джуліани тщательно обошел всѣ закоулки своего гигантскаго трехтысячнаго батальона и повсюду он находил отличный порядок. Увы, это было лишь затишье перед бурей. Под утро выяснилось, что посланный со своей ротой в Петроград штабс-капитан Гиршфельд, при усмиреніи беспорядков ранен был в руку, а другой «офицер» Аксюта вернулся из столицы. Он явно отказывался от повинненія и был арестован полковником Джуліани. Однако арест оказался не дѣйствительным: он снова появился и теперь уже в роли предводителя возставших солдат.

28 февраля вечером вызывают Джуліани в батальон и он видит, как со стороны казарм, за батальонным плацем, собираются враждебно настроенные

солдаты. Джуліани вызывает свою учебную команду под командой прапорщика Дубицкаго. Располагает стрѣлков вдоль рожицы у нашего деревяннаго офицерскаго флигеля. Вздунтовавшіеся наступают. Стрѣлки Дубицкаго и Джуліани отстрѣливаются. И это все происходит в «нашем» садикѣ-паркѣ! За наступающей цѣпью Джуліани видит,.. батальоннаго священника о. Рупорта и... того же Аксюта!

Вскорѣ послѣ этого возставшіе перегруппировались и пошли с оркестром музыки по направленію к Александровскому дворцу, гдѣ была Императрица со всей Царской семьей. Впереди, перед оркестром, шел священник с крестом в рукѣ, а предводительствовал шестіем тот же Аксюта.

За ограду Александровскаго дворца никому из возставших не удалось пока проникнуть: там их встрѣтила рота Сводно-Гвардейскаго полка. У них не было никакого оружія: Императрица ни за что не хотѣла ни капли крови. Однако в этот раз Аксюта повернул вспять.

К стыду общему, он гнусно отличился в будущем, когда отрехійся Государь вернулся во дворец и, по довѣрчивости, протянул руку Аксютѣ, — Аксюта отказался пожать протянутую руку и сказал какую-то гнусность!

...Вот вкратцѣ почти все, что нам удалось услышать о недавних «исторических» событіях вокруг нашего царскосельскаго домика и «нашего» Царскаго Села.

Все, только что описанное, происходившее в нашем запасном батальонѣ, как-то фатально, почти мистически и трагически, совпадало с часами, а может быть и минутами тѣх трагических часов, когда Государя понуждали к отреченію от Престола и когда он не имѣл возможности снести с нужными ему лицами и со своей семьей: именно в это время, 28 февраля, царскій поѣзд окончательно покинул Могилев.

28 февраля — канун 1 марта, дня убійства Императора Александра Второго... Какое совпаденіе! Лермонтов предсказывал:

*Настанет год. Россіи черный год,
Когда с царей корона упадет,
Когда забудет чернь к ним прежнюю любовь
И пицей многих будет смерть и кровь.*

В эти тяжелые дни Императрица ничего не знала о своем мужѣ. Ни ея письма, ни письма Государя не доставлялись по назначенію. Императрица писала:

Не зная гдѣ ты, я дѣйствовала, наконец, через Ставку, ибо Родзянко притворялся, что не знает — почему тебя задержали. Ясно, что они не хотят допустить тебя увидѣться со мною, прежде чѣм ты подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцію или еще какой-нибудь ужас в этом родѣ. А ты один, не имѣя за собой арміи, пойманный как мышь в западню, что ты можешь сдѣлать? Это величайшая низость и подлость, неслыханная в исторіи.

Эти слова остались неизвѣстными мнѣ много лѣт: только недавно они вошли в печать.

Все же опять и опять приходит на ум, что все дальнѣйшее случилось именно перваго марта, в день убійства Александра Второго. Этот роковой день стал днем убійства нашей старой матушки Россіи, нашей святой Руси!

Отрехійся Государь — милый, хорошій, добрый и честный человек, писал в эти дни в своем дневникѣ: «Кругом измѣна, трусость и обман!»

Мы не знали тогда, гдѣ находится Государь. Нам не вѣрилось, что он один, как в западнѣ, гдѣ-то, ни то в Могилевѣ, ни то во Псковѣ, без друзей, без семьи, без вѣрных ему войск! Казалось, что если бы Государь оставался в Царском, и хоть один полк был бы здѣсь нормального надежнаго состава, то ничего бы не случилось. Но какая была оплошность убрать из столицы надежныя войска и населить ее распропагандированными рабочими в солдатской формѣ! Вспоминался мнѣ тогда ялтинскій доктор Пасманик, о котором я писал выше; как вѣрно он предвидѣл, что большевики могут прійти к власти и тогда конец свободѣ.

Мнѣ в Царском рассказали подробности звѣрскаго убійства нашего полковника Шестерикова, в Петроградѣ, 2 марта. Были убиты, конечно, и многіе другіе.

Все же люди кругом кричали и писали о «безкровной» революціи. Но, как я уже сказал, это кошмарное время мы с Ниной пробыли в Ялтѣ. Но как только мы вернулись и к нам присоединились дѣти из Петрограда, то и у нас, в нашем садикѣ вокруг нашего деревяннаго флигеля, случилось неприятное происшествіе, которое могло окончиться трагически. Олеша играл и бѣгал в садикѣ в то время, когда запасные солдаты устраивали ограду из колючей проволоки. Олег, которому было семь лѣтъ, проходил мимо лежавшей на землѣ проволоки; солдаты, по недосмотру, дернули ее кверху, натягивая ее на столбики, и острые шипы колючки вонзились Олегу по обѣим сторонам шеи. Шипы нанесли очень большія раненія. Олеша, весь в крови, прибѣжал домой. Легко себѣ представить ужас Нины, когда она увидѣла своего сына так сильно раненаго. Полковой доктор из ближайшаго по сосѣдству лазарета, остановил кровотечение и зашил раны. Он сказал, что проволока едва не задѣла артерію и тогда было бы очень плохо. Шрамы на шеѣ у Олега видны и по сей день.

Через нѣсколько дней я снова отправился на фронт.

12 іюня я явился в штаб 5-го Сибирскаго Армейскаго Корпуса генерала Баграмова. Однако там мнѣ было сказано, что 21-й стрѣлковый сибирскій полк, понесшій большія потери, восстановлен не будет, и что я назначаюся командиром 29-го сибирскаго стрѣлковаго полка.

По прибытіи в район расположенія полка, когда я вызвал к себѣ старшаго офицера, ко мнѣ явился «уполномоченный» подполковник, и от лица не только всѣх офицеров, но и от лица солдатскаго «комитета», которые уже в это время успѣли образоваться во всѣх полках, «посоветовал» мнѣ не принимать вовсе полка. Частным образом, как бы от себя, он сказал, что офицеры и так теперь уже боятся за свои жизни, а если прибудет еще новый и, может быть, требовательный командир, то им не одобровать: в сосѣдних полках уже были убійства офицеров.

В штабѣ подвернулся извѣстный мнѣ по Ялтѣ прапорщик Иткин. Он был близок к Керенскому, а потому имѣл смѣлость предложить мнѣ принять Лейб-гвардіи Преображенскій полк. Хоть такое назначеніе и было мнѣ лестно, я, конечно, не счел для себя возможным пользоваться подобной «протекціей».

В штабѣ 5-го Сибирскаго корпуса, ввиду создавшихся условій, я получил «командировку» в Царское Село. Там же я получил потрясающія извѣстія, что 2 августа на фронтѣ были звѣрски убиты солдатами полковник В. М. Бы-

ков и капитан А. С. Колобов моего 1-го Его Величества Стрѣлковаго полка. Возможно, что я только что миновал такую же участь.

Запасным батальоном в Царском теперь заправлял совѣт солдатских депутатов. Мнѣ пришлось раз побывать на засѣданіи этого совѣта. Грубостей я там не видѣл, но впечатлѣніе было тяжелое. Среди рядовых членов совѣта сидѣл там и наш офицер Бржезицкій. Это считалось хорошим признаком. «Комитет» или «совѣт» разрѣшил выдать для меня какую-то нужную мнѣ бумагу.

Дома мы все еще имѣли деньшиков. Один — Иван Сафонов, смотрѣл за «Эльбрусом», а другой — Илья, помогал дома. Иван как-то рассказывал с неприятным для меня юмором, что он видѣл, как наш друг, бывшій командир Запаснаго батальона полковник Джуліани, спасаясь от угрожавшей ему толпы солдат, быстро, быстро убѣгал через весь батальонный двор и перемахнул через высокій забор. Добродушный и преданный нашей семьѣ Иван, беззастѣнчиво останавливался на том, как всегда жаловавшійся на свои болѣзни Александр Иванович быстро бѣжал. Тяжело было все это и дало лишній повод торопиться с отъѣздом. Для этого я рѣшил съѣздить на Дворцовую площадь в Петербургѣ и повидать там своего стараго однополчанина Юрія Дмитріевича Романовскаго.

Когда я пришел к генералу Романовскому, он очень рад был меня видѣть. Сколько хороших воспоминаній о совмѣстной службѣ в полку, гдѣ он, как офицер генеральнаго штаба, командовал для ценза второй ротой в теченіе почти двух лѣтъ. Когда началась японская война, он пожелал ѣхать на фронт. В недавних сравнительно боях под Холмом, он навѣстил наш полк. Теперь генерал Ю. Д. Романовскій занимал высокій пост начальника генеральнаго штаба. Он сказал мнѣ, что он считал себя не вправѣ отказываться от этого назначенія, несмотря на то, что идея этого назначенія исходила от ненавидимаго им и всѣми Керенскаго или от одного из приближенных к нему лиц. Керенскій, по его мнѣнію, был лицо временное, и скоро должны были настать лучшія времена. Я думаю, Юрій Дмитріевич намекал на генерала Корнилова, но на эту тему, в присутствіи других лиц, в штабѣ говорить было нельзя. Он пожалѣл, что лишь на днях дал назначеніе полковнику 3-го Стрѣлковаго полка Христофору Ауэ в Австралію. А в данный момент он может мнѣ предложить только пост начальника 3-й Московской школы прапорщиков. Он дружески пожелал мнѣ успѣха в подготовкѣ прапорщиков, будущих офицеров. Вспомнил, что я родоначальник русских скаутов-развѣдчиков и, значит, могу вдохновить молодежь стоять крѣпко за наши идеалы — за Россію. Я посоветовался с Ниной Михайловной и на другой день дал свое согласіе на назначеніе меня начальником школы прапорщиков.

Только теперь мы поняли с тревогой, как трудно будет сдѣлать этот перѣзд, особенно потому, что мнѣ необходимо было ѣхать не откладывая, и вся забота и весь труд при раскладкѣ вещей падал на Нину Михайловну. Неприятным сюрпризом было то, что хорошая Юля, находившаяся при дѣтях, не могла ѣхать в Москву. Вмѣсто нея была нанята деревенская дѣвушка Маня. Я разсчитывал, что мнѣ удастся вернуться из Москвы, чтобы помочь с перѣздом семьи, но увы, это оказалось невозможным, и со всѣми этими хлопотами и неприятностями пришлось справляться одной Нинѣ Михайловнѣ.

Я очень рад, что сохранились замѣтки Нины Михайловны. Первые из них говорят об оставленіи ею Царскаго Села:

...Дѣти с Юлей у мамы. Дома я с Василисой и деньщиком Иваном, который был молодцом... Я укладывала вещи, чтобы ликвидировать квартиру. Капитан Иванов пришел сказать, что ночью солдаты будут грабить квартиры. Его семья в 4 часа поѣдет на вокзал, не хочу ли я с ними... Вещи остаются в открытых сундуках и корзинах. Почти все уложено в них. Когда я их снова увижу? Через нѣсколько мѣсяцев, вѣроятно... Дѣти пока обойдутся без игрушек. В Москву берем необходимое и часть мебели. Василиса спрашивает, не могу ли я ей подарить пару старых сапог? Какая честность в такое время, когда она остается одна в квартирѣ со всѣми вещами.

На вокзалѣ как-то пустынно, грязновато, нѣтъ знакомых лиц.

...Говорят, генерал Корнилов с войсками приближается к Гатчинѣ. Это недалеко, но гдѣ он в дѣйствительности?

На перронѣ вокзала небольшая толпа окружает оратора. Он расточает хвалу Керенскому. Говорит с азартом. Может быть, провокація?

У меня в руках тяжелая бабушкина старая сумка с серебром, орденами и проч. Сажусь на трамвай, но при пересадкѣ попадаю на невѣрный вагон и почти от Троицкаго Моста приходится идти пѣшком. На Кронверкском совсѣм темно. Побаиваюсь, как бы не вытащили из рук сумку.

...Время идет. Вот уже конь «Эльбрус» и вещи погружены в вагон. Поѣзд уходит в три, а теперь уже час, и Ильѣ все еще не дано разрѣшеніе сопровождать вагон. Он говорит, что хочет ѣхать, но тшетно ходит по начальству. Я иду в полковой совѣт солдатских депутатов на полковом дворѣ. Там всѣ в сборѣ, но разрѣшенія пока мнѣ не дают: должны еще обсудить этот вопрос. Думаю — не поможет ли Вишняков? Его нѣтъ дома — пошел в парк. В паркѣ — няня с его дѣвочками, показывают мнѣ его, но так далеко, что его догнать невозможно... Разрѣшеніе все же дали в послѣднюю минуту.

Эти краткія замѣтки Нины Михайловны показывают, как трудно было в это время в Петербургѣ и Царском Селѣ.

В Москвѣ я поѣхал сначала к своему новому начальнику генералу, завѣдывавшему всѣми четырѣмя школами прапорщиков. Я представился ему, но он не дал мнѣ почти никаких практических указаній или совѣтов относительно распорядков и руководства школою. Мнѣ кажется, он и сам был не очень долго на своей должности.

Он похвалил двух-трех из числа моих офицеров. Посовѣтовал мнѣ сдѣлать визит недавно назначенному московскому коменданту полковнику Морозу, упомянув кстати, что комендант имѣет постоянное кресло в Большом Московском театрѣ и охотно предоставлял это кресло начальникам школ прапорщиков и другим начальникам частей.

Прием мною школы прапорщиков состоялся на огромном плацу перед зданіем школы. Это зданіе раньше во время войны принадлежало одному из гренадерских полков московскаго гарнизона, кажется, Фанагорійскому гренадерскому. Я сказал подходящее к случаю слово. Затѣм обошел помѣщенія рот, а в офицерском собраніи мнѣ были представлены всѣ офицеры. Началась обычная для школы строевая и школьная жизнь.

Кромѣ обычных занятій по подготовкѣ будущих прапорщиков, много вниманія приходилось удѣлять вопросу питанія юнкеров и офицеров. Недостаток продуктов мы уже испытали в Царском Селѣ, гдѣ офицеры рады были получать ѣду из солдатскаго котла. Вопрос этот меня, конечно, очень трево-

жил, так же как и очень трудная для Нины Михайловны работа по укладкѣ вещей. Но отпуска мнѣ не удалось получить.

Из моей школы мы рѣшили посылать расторопных юнкеров за продуктами в другія губерніи. Помню, что почти вся школа прапорщиков знала об этих поѣздках и всѣ были заинтересованы в них, во-первых, из-за улучшения довольствія, а во-вторых, всѣ восхищались предприимчивостью и умѣніем ѣздивших. Вѣдь это было время, когда всѣ желѣзныя дороги были переполнены дезертирами, бѣженцами, мѣшечниками, и было чрезвычайно трудно, а иногда и опасно добираться куда надо. Я все это испытал уже при своей поѣздкѣ в Москву.

Всѣ смотрѣли на юнкеров, ѣздивших за продуктами, почти как на героев. Кромѣ продуктов они привозили с собою новости из других губерній: чѣм дальше от фронта, тѣм больше было спокойствія и больше продуктов. Пропаганда большевиков и полубольшевиков чувствовалась меньше в глухой провинціи, но все же юнкера возмущались пассивностью или, вѣрнѣе, покровительством, поощреніем большевиков Керенским.

Командующим войсками Московскаго военного округа в это время был, назначенный тѣм же Керенским, полковник Верховскій, очень молодой офицер, в 1904 году исключенный из Пажескаго корпуса за революціонную выходку и отправленный на Японскую войну солдатом, прославившійся своими «лѣвыми» выходками. Мы его не видали ни разу.

Первые дни моей московской жизни я ночевал в своем кабинетѣ в школѣ. Я расспрашивал у своих офицеров относительно квартиры и с помощью одного из них, кажется Околовича, нашел квартиру в Замоскворѣчьи, на Пятницкой улицѣ, на пол-пути от школы к Москвѣ рѣкѣ. Наши деньщики тоже помогли в поисках квартиры. Один из них был занят также моим конем «Эльбрусом». Он привез коня в Москву, но тут выяснилось, что нелегко доставать фураж и мало шансов на то, что будут случаи, когда мои юнкера будут участвовать на маневрах и верховая лошадь могла бы пригодиться. Так что я поручил моему расторопному Ильѣ продать моего славнаго боевого коня, что он и исполнил...

В это время от Нины Михайловны были самоотверженно бодрья письма, что для нашей мебели и вещей уже найден подходящій сарай и все уже перевезено туда и что ее торопят с освобожденіем квартиры и что она с дѣтьми и новой нянькой выѣзжает в Москву.

Это был конец августа или начало сентября 1917 года. В воздухѣ носилось безпокойство, тревога, но очень неопредѣленная: мы как-то не знали настоящей правды. Газет привычных, правдивых, уже не было; только слухи одни фантастичнѣе других.

Квартира наша помѣщалась во дворѣ, во втором этажѣ. Все было бы неплохо, но трудно было с ѣдой. Одну или двѣ порціи мы получали из Школы, но нас было пятеро, считая няньку. Деньщик довольствовался при Школѣ. Наш старшій сын Олег, во время прогулок с няней по окрестным улицам, сам нашел для себя школу и стал ходить по утрам туда на уроки.

У нас в Москвѣ было очень мало знакомых и друзей. Самая близкая для Нины Михайловны особа была ея еще дѣтская «няня» — Лена Плечикова из Вильны. Это ея дѣвичья фамилія. Теперь в Москвѣ она была замужем за банковским чиновником. Это была добрая, любящая Нину Михайловну и всю нашу семью, особа. У них был сын, имѣвшій гражданское мужество работать и помогать патриарху Тихону.

Затѣм в Москвѣ были наши скаутскіе друзья и знакомые: В. В. фон Мек, бывший секретарь Великой княгини Елизаветы Федоровны, с женой Варварой Геннадіевной и еще — Райскій, Попов и Преображенскій. Всѣ они стремились меня видать и считали, что я хорошо помогу им и их скаутам наладить столь любимую ими скаутскую работу.

На одной из площадей Москвы, около гимназіи, был устроен в мою честь скаутскій парад. Затѣм была устроена поѣздка в район Московскаго яхт-клуба, гдѣ тоже был небольшой отряд скаутов... Молодежь еще сильнѣе, чѣм взрослые, переживала это тревожное, гнетущее время и хотѣла «дѣлать что-то» для спасенія Россіи.

На квартирѣ у нас состоялись два-три засѣданія руководителей скаутов. Казалось, что если все будет благополучно, то Москва может стать хорошим скаутским центром. Был поднят вопрос, конечно, о названіи, и милый Преображенскій убѣдительно говорил мнѣ, что надо оставить иностранное названіе — «скаут».

Какой славный был этот Преображенскій! Он не только отлично снова перевел книгу Баден Пауэля, но и снабдил перевод русскими дополненіями, и все это было издано журналом «Вокруг Свѣта» под редакціей Попова. Преображенскій несомнѣнно предчувствовал крушеніе Россіи и говорил, что если большевики воцарятся, он не станет с ними работать, а уйдет в монастырь, в Сибирь, или вот еще что он может придумать: он притворится босяком!.. И он становился в разнузданную позу, поднимал воротник пиджака, взъерошивал волосы и начинал говорить простоватым жаргоном. Впечатленіе было очень яркое. Мы все-таки надѣялись, что до этого не дойдет и сводили разговор на скаутскія темы: скаут должен вѣрить в лучшее будущее! Но скаут должен быть «Всегда готов» — с этим мы всѣ были конечно согласны.

Еще одно знакомство, хотя и краткое, было у нас в Москвѣ — это Сатины, — родственники Духовских и Рахманиновых. Впрочем, у нас было мало времени, чтобы ходить по знакомым. Не знаю, при каких обстоятельствах мы с Ниной Михайловной познакомились с братом Чайковскаго, отставным адмиралом. Кажется, что наш пріятель, Владимір Владимірович фон Мек, познакомил нас, и это знакомство мнѣ очень пригодилося вскорѣ при других обстоятельствах.

*

Наступил октябрь. Были тревожныя вѣсти из Петрограда. Газеты стали выходить с перерывами. Лучшія из них совѣм прекратили свое существованіе. Это уже было дѣло большевиков и совѣта. Было отчего встревожиться и мы всѣ тревожились, но думали, что невидимый для нас «командующій войсками» полковник Верховскій и комендант города Москвы полковник Мороз находятся в курсѣ дѣла и предпринимают необходимые шаги.

Событія показали, что это было не так.

И вот в одно утро в канцелярію нашей школы для меня пришел приказ: выступить со всей школой к Кремлю, гдѣ взбунтовавшіеся солдаты арестовали коменданта полковника Мороза.

Юнкера, снабженные по походному, выступили в этот историческій поход в отличном строю, с трудно передаваемым на словах чувством готовности постоять за Россію, — сдѣлать «что-то» для нея, если надо будет. Это неопредѣленное «что-то» пожалуй походило на чувства моих скаутов.

Мои юнкера вѣдь были в большинствѣ зеленая молодежь, почти того же возраста и той же среды, как и скауты. В их разговорах, в их вопросах и даже в их обликѣ, в их глазах чувствовалось желаніе послужить родной Россіи, если нельзя на фронтѣ, который разсыпался, то хоть здѣсь в сердцѣ Россіи, в Кремлѣ. Большинство из нас думало, что с нашим появленіем взбунтовавшіеся запасные солдаты положат оружіе и освободят Кремль. Впрочем, мы знали вначалѣ очень мало: только, что коменданта Мороза не выпускают из Кремля взбунтовавшіеся солдаты. Этим было уж сказано все.

Был свѣжій прохладный день. Небольшой снѣжок лежал кое-гдѣ на улицах. Я шагал впереди своего батальона юнкеров. Рядом — адъютант Школы капитан Зайцев. Путь мы держали к сборному пункту, к огромному гарнизонному манежу. Рассказывали москвичи, что этот манеж видѣл на своем вѣку очень много. Не говоря о царских и великокняжеских парадах гарнизона, о елках и народных гуляніях, в этот грандіозный манеж в прежнее время направляли толпы участников демонстрацій и беспорядков и студенческих, и рабочих.

Мой батальон юнкеров, когда вступил в этот манеж, то занял едва ли тысячную часть этого огромнаго пространства, так нам казалось. Вскорѣ подошли и другія школы прапорщиков. И мы, начальники, и юнкера, всѣ хотѣли бы знать хоть какія-нибудь новости, но новостей никаких не было. Я знал только, что с кремлевским гарнизоном, который взбунтовался, ведутся переговоры по телефону. На всѣ предложенія и приказы сдаться получался все тот же отрицательный отвѣт. Коменданта Мороза, впрочем, через какой-то промежуток времени они выпустили. Я не могу сказать, когда именно он был выпущен, потому что он, во всяком случаѣ, не показывался на нашем горизонтѣ и никакого вліянія на нас он не имѣл. Кому именно мы всѣ были подчинены? Старшим в чинѣ был начальник Александровскаго военнаго училища. Он и стал распоряжаться. Наша школа прапорщиков из манежа была переведена в это училище послѣ долгаго стоянія в манежѣ.

Юнкера посылались патрулями ограждать доступ к Кремлю. В Александровском училищѣ им был приготовлен обѣд и на ночь свободные от службы юнкера пользовались дортуарами-спальнями хозяев юнкеров: всѣм хватило мѣста. Я взял одну из коек среди своих юнкеров.

Настроеніе у всѣх было приподнятое. Как будто чувствовалось, что время наступает историческое и на каждом лежит отвѣтственность перед Россіей. Мы всѣ, конечно, с волненіем ожидали добрых вѣстей о военной подмогѣ. Из «достоверных источников» передавали о приближеніи генерала Корнилова. Но из тѣх же, еще болѣе «достоверных источников» говорили о так называемом «нейтралитетѣ» «ВИКЖЕЛЯ», то-есть, желѣзных дорог, не желающих перевозить вѣрных долгу солдат.

Конечно, я очень волновался — как все обстоит у нас дома и первые дни мнѣ удавалось говорить с Ниной Михайловной по телефону. Наш деньщик Илья был на высотѣ и доставал солдатскій паек в Школѣ. Наш Олеша, конечно, уже перестал ходить в свою школу. Вообще показываться на улицах было не безопасно, потому что шальныя пули из осажденнаго Кремля свистѣли и в Замоскворѣчьи.

Однажды, когда я поздно вечером обходил свои заставы и посты, разставленные вокруг Кремля, меня пригласили в какую-то очень симпатичную семью, гдѣ обогрѣвалась наша застава. Я никогда не забуду этого в высшей степени трогательнаго, ласковаго уюта. Вся семья как будто чувствовала

особое значеніе, я бы сказал «величіе» историческое этих дней. Какая дружеская ласка была в голосѣ и в обращеніи каждаго члена этой семьи. Они не говорили высоких, красивых слов, но они будто считали каждаго из нас членами своей семьи. Да так в сущности и было: всѣ мы, русскіе, во дни опасности для нашей Россіи, мы одна семья и дружная, братская семья. Мнѣ никогда не забыть этих близких русских людей, москвичей. И видно было, что мои юнкера чувствовали все это одинаково, как и я.

Прошло два-три дня. В училище приходило много студентов, гимназистов и просто молодых людей, иногда и не очень молодых, предлагая себя в добровольцы. Сколько отваги и любви к нашей Матушкѣ Россіи было у них.

Что представляли из себя огромныя, красивыя залы училища в это время, трудно себѣ представить и трудно описать, Это был муравейник, гдѣ юнкера, офицеры и штатскіе добровольцы ходили от одной группы к другой, стараясь разузнать хоть какія-нибудь новости, и в особенности новости утѣшительныя, которым охотно вѣрили. Всѣ ждали поддержки со стороны казаков — не помню откуда именно, — и казаки будто объявили «нейтралитет». Были ли это только слухи, или была в них доля правды, мы этого не знали.

Наша надежная юнкерская группа проявила много инициативы и энергии: был сдѣлан налет на пороховой погреб, на склад оружія и было привезено нѣсколько ящиков боевых патронов и нѣсколько пулеметов: было в нашем распоряженіи и одно орудіе с весьма ограниченным числом снарядов. Вот на это орудіе и возлагались наши надежды, когда рѣчь шла о предстоящей «атакѣ» Кремля. Телефонные разговоры с бунтовщиками не приводили ни к чему. Кто именно говорил оттуда? Кто начальствовал там? Позднѣ выяснилось, что это был прапорщик Берзин. Во всяком случаѣ только послѣ нѣскольких дней осады, когда у осажденных, повидимому, стал ощущаться недостаток и патронов, и продовольствія, только тогда и послѣ того, как им был поставлен ультиматум, что в случаѣ отказа от сдачи, мы будем атаковать, разрушив орудіем Боровицкія ворота Кремля, — только тогда отвѣтом было согласіе на сдачу. Мы так часто в эти дни, да и раньше, любовались ими; они выходят в направленіи к Храму Христа Спасителя.

Перед тѣм, как перейти к разсказу о занятіи Кремля, хочу еще вспомнить, что во время нашего пребыванія в Александровском военном училищѣ, особенно выдѣлялся своим краснорѣчіем и, может быть, аффектированным энтузіазмом полковник генеральнаго штаба Дорофеев.

В дополненіе к моим московским записям скажу, что мои юнкера всего побыли в Кремлѣ от 28 октября до утра 1 ноября 1917 года.

Что дѣлалось в тѣ времена внѣ Москвы мы почти не знали. Газеты выходили неаккуратно, боязливо, с пропусками и все же их закрывали. Все же в одной из них было напечатано стихотвореніе Бальмонта, посвященное генералу Лавру Георгіевичу Корнилову, само имя и отчество котораго звучало вдохновительно. Я не помню стихотворенія полностью, но лишь нѣсколько строк: «В тебѣ упорный дух крестьянина и дух свободный казака. Твоя рука в боях изранена, но вѣра в родину легка»... На слѣдующій день и эта газета была закрыта.

Отвѣт из Кремля о сдачѣ был получен лишь в самую послѣднюю минуту, когда моя школа прапорщиков и другія школы выстроились у ворот Кремля, готовые к атакѣ. Это была торжественная минута.

Ворота Кремля наконец открылись и в них показался с поднятыми квер-

ху руками прапорщик Берзин. Он не был очень воинственного вида, но все же одѣт по фромѣ. Вид у него был какой-то странный, как будто ничего особеннаго не случилось. Тут же оказался с нашей стороны какой-то морской взволнованный офицер мичман, или младшій лейтенант, выхватившій свой револьвер с намѣреніем застрѣлить Берзина. Мичмана еле удержали. Он был почти невмѣняем, вспоминая своих погибших от рук большевиков родных.

Итак, мы вступили в Кремль.

Несмотря на столь чрезвычайныя обстоятельства, нельзя было не любоваться и не восхищаться красотой и простором огромной площади и подѣзда к колокольнѣ Ивана Великаго. Мы стройно маршировали мимо Успенскаго собора и мимо дворца, не встрѣчая ни души. Справа, за кремлевской стѣной, открывался чудесный вид на Замоскворѣчье. Вот там и наша Пятницкая улица! Как там поживают всѣ мои?

Но вот и главная площадь и у гауптвахты выстроен караул, который как будто поджидал официальной сдачи своих постов. Однако наш генерал и его окруженіе, да и всѣ были слишком взволнованы и слишком негодовали на бунтовщиков-предателей, чтобы выстраиваться перед ними и, принимая, как полагается по уставу, караульное помѣщеніе, отдавать бунтовщикам установленную честь. Моя школа прапорщиков, мой батальон в это время почти весь находился на наружных постах и был на заставах и караулах в разных частях города. Со мною в Кремлѣ была лишь незначительная часть юнкеров и я не мог особенно вмѣшиваться в распоряженія нашего генерала. Да к сожалѣнію распоряженій и приказов ясных, доходивших до каждаго из нас, не было и трудно было их ожидать в этой тревожной обстановкѣ. Я мог бы находиться и в Александровском военном училищѣ, но, конечно, предпочел быть в Кремлѣ.

Караулу, выстроившемуся у караульнаго помѣщенія, вмѣсто смѣны приказано было составить ружья в козлы. То же было сдѣлано с плѣнным запасным батальоном. Численность его была, насколько я помню, около 100-150 человек.

Все шло вначалѣ нормальным порядком, как вдруг неожиданно с крыши сосѣдняго арсенала раздались выстрѣлы и даже звук пулемета. Упали раненые как в наших юнкерских рядах, так отчасти и в меньшем количествѣ среди плѣнных. По старой боевой или маневренной привычкѣ многіе легли на землю, но в этом случаѣ, когда огонь был сверху, горизонтальная, лежащая представляла собою еще большую цѣль.

Юнкера были озлоблены так же, как и их начальники, считая, что стрѣльба с крыши — это была провокація, обман. Но, конечно, для всѣх было ясно, что никакого смысла в этой стрѣльбѣ не было. Может быть кто-то хотѣл еще больше разжечь обоюдную вражду, или это была выходка сумасшедшаго человека. Как бы то ни было, но вражда была этой стрѣльбой очень сильно подогрѣта. Раненых юнкеров отвезли в госпиталь, так же, как и двух раненых солдат запаснаго батальона, а всѣх плѣнных помѣстили в нижній этаж или арсенала или сосѣдняго зданія.

Теперь настала наша очередь защищать Кремль. На старых кремлевских стѣнах, в наиболѣе отвѣтственных мѣстах, были поставлены сторожевые посты. Почти в это же время или очень вскорѣ послѣ взятія Кремля, большевики, повидимому, получили подкрѣпленія. Наши попытки сдѣлать новый налет на пороховой погреб, или на склад оружія, окончились полной неудачей, а вопрос вооруженія, вопрос патронов был самый насущный. Слѣдующим

Начальник Штаба
5-го
Сибирского армейского
КОРПУСА.

Число *29* октября 1917 г.

Действующая армия.

Командованию Л.Туркина 1-го стрелкового полка
Ивантукосу.

Вследствие телеграммы Дежурного Генерала штаба XI-й армии от 12-го сего числа за № 18501 Вы назначены Командиром 29-го Сибирского стрелкового полка, по которому Вам надлежит отправиться в Штаб XI-й армии, для получения указаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ: копия телеграммы ДЕЖУРНОМУ № с/г. за № 18501.

И.А. Начальника штаба,
полковник *Василий*

Секретаря штаба,
полпоручик *Семин*

Из немногих сохранившихся документов...

ПРЕДСЕДИТЕЛЬ СОВЕТА
РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ
Военно-Революционный

Артиллерийскому отряду на Воробьевых горах

1 Калаш
29 октября 1917 г.
№ 1/11

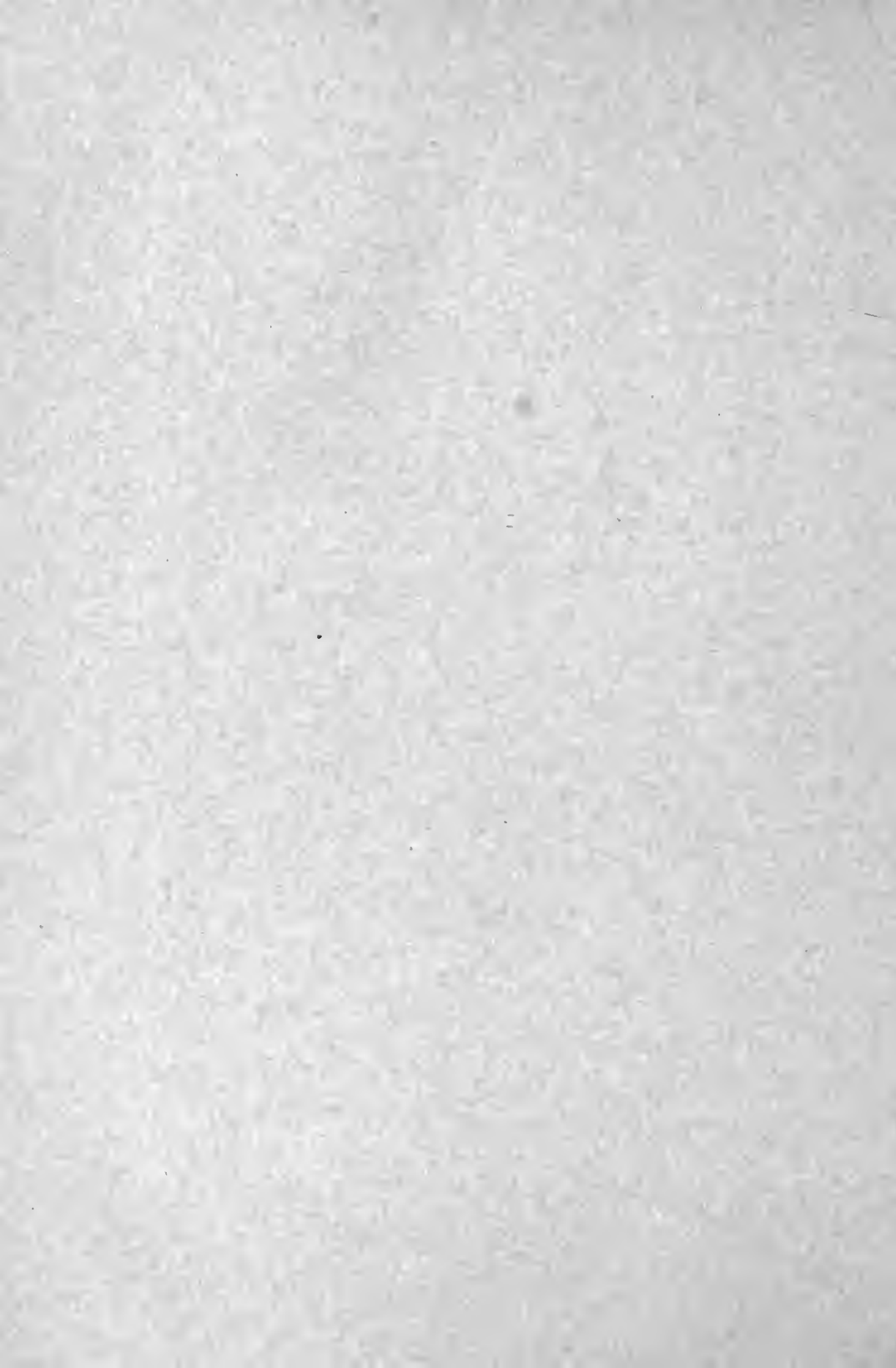
П Р И К А З Ъ

Штаб Военно-Революционный Комитетъ приказываетъ прекратить стрельбу по Никитскимъ воротамъ и перенести огонь на Кремль

Членъ Военно-Революціоннаго Штаба *А. Аркадьев*

Секретарь *Семин*

Но обстрел Кремля происходил и до 1-го ноября...

вопросом был вопрос относительно продовольствія не только юнкерскаго, но и плѣнныхъ.

Наши патрули, несущіе службу между Кремлем и Александровским военным училищем, а также и в нѣкоторых других пунктах города, подвергались обстрѣлу и с каждым днем было больше и больше убитых и раненых. Телефонная связь с городом, бывшая вначалѣ почти нормальной, стала прерываться и наконец мы получили дружеское предупрежденіе от телефонной станціи, что через короткое время телефоны перестанут работать. Я успѣлъ опять поговорить с Ниной Михайловной, моей женой, и успокоить ее, что все благополучно и узнать, что, несмотря на стрѣльбу на улицах, нашему деньщику все еще удавалось получать обѣды в школѣ прапорщиков. Пули нерѣдко свистѣли вокруг дома, но раненых в окрестных улицах не было. Я выразил нашу общую надежду, что скоро подойдут подкрѣпленія и нам удастся отстоять окончательно и Кремль, и всю Москву, а с нею и всю Матушку Россію! Так нам думалось, так мы надѣялись. Но мы не знали ничего, что дѣлалось в это время в Петербургѣ и гдѣ был Корнилов, на котораго всѣ так надѣялись.

Здѣсь в Кремлѣ состоялось засѣданіе старших начальников и представителей города, а может быть и правительства, трудно было сказать, — кого именно. Может быть всѣх, кто хотѣлъ бороться за Россію!.. Помню, что председательствовал на этом собраніи Петр Струве. Он подѣлился свѣденіями, какія у него были. Утѣшительнаго и новаго было мало.

Вмѣсто войск генерала Корнилова к Москвѣ приближались враждебныя нам войска-латыши. Непрiятельская артиллерія впервые дала о себѣ знать стрѣльбою по Кремлю, и так отвратительно было смотрѣть на глубокія раны в нашем любимом Иванѣ Великом. Большая часть площади вокруг Ивана Великаго была усѣяна обломками кирпичей исторической колокольни. Часть штукатурки попала и на Царь-Колокол. Я всматривался, есть ли опасность для самой постройки Бориса Годунова — для колокольни. Нѣтъ: крѣпок был старый Иван! Только грустно очень уж было ему!

Когда я обходил эти мѣста, я увидѣлъ около Ивана Великаго какую-то маленькую, поникшую головой, фигуру. Странно было видѣть посторонняго штатскаго человѣка в пустынном Кремлѣ. Я заговорил с ним. Это был старый дворцовый лакей, у котораго хранились ключи всѣх царских сокровищ Грановитой Палаты... Было о чем вспомнить ему и было о чем тревожиться. Он старался разспросить меня о положеніи дѣл. Но зіяющія раны на Иванѣ Великом здѣсь, перед нашими глазами, говорили яснѣе каких бы то ни было сообщений.

Эта встрѣча с хранителем ключей Грановитой Палаты и царских сокровищ произвела, конечно, на меня очень сильное впечатлѣніе. Я пошел дальше вдоль по кремлевской стѣнѣ. Вот Чудов монастырь, а вот памятник Императору Александру Второму. Вспоминались стихи Глинки:

*Кто Царь-Колокол подымет?
Кто Царь-Пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У Святых Кремля ворот?*

Из Александровскаго военнаго училища стало больше и больше поступать сообщеній о раненіях и о гибели наших юнкеров. Патронов у юнкеров — меньше и меньше и нѣтъ надежды на пополненіе боевых запасов.

Я пошел туда под пулями, стрѣлявших из окон большевиков, но были уже сумерки и я добрался благополучно. В училищѣ сутолока еще больше прежняго. Особенно неприятна была раздача желающим штатской одежды. Ее получили бесплатно из магазина Мюр и Мерилиз. Впрочем, подходящей одежды было очень мало. Я не взял ничего, кромѣ какого-то ярчайшаго синяго кашне, явно не пригодного для обычнаго употребленія. Это кашне в будущем произвело сильное впечатлѣніе на С. В. Духовскую в Ялтѣ, когда я пріѣхал туда в штатском костюмѣ.

Как я писал выше, не русскія, а латышскія воинскія части наступали на Москву и теперь именно они окружили наше Александровское военное училище. Всѣ, кто мог, старались вовремя уйти и проникнуть через это латышское окруженіе. Очень неприятно было видѣть эти озвѣрѣвшія лица солдат, одѣтых в русскую форму и не говорящих по-русски. С каким облегченіем и благодарностью Богу вздыхали всѣ, кому удавалось вовремя проникнуть через стягивавшееся вокруг училища кольцо. — «На юг, на Дон» — вот что звучало в наших душах, да и в наших ушах в послѣдніе дни осады. Но для исполненія этого надо было проявить много хитрости и настойчивости, и первое, что я сдѣлал по выходѣ из училища, еще до возвращенія домой, — я зашел к брату Чайковского, контр-адмиралу в отставкѣ, Модесту Ильичу, с которым мы познакомились не так давно. Он был очень рад меня видѣть, особенно в такое тревожное и опасное время. Я рассказал ему о положеніи вещей и кстати спросил — гдѣ можно было бы купить штатскій костюм? Модест Ильич был моего роста и, не задумываясь, предложил мнѣ на время, пока я не найду продавца, свое пальто и шляпу.

Итак, я вышел от него по виду уже штатским человѣком и это было очень кстати и вовремя, потому что уже не война, но звѣрства начались в Москвѣ. Юнкеров и даже кадет посадили в тот самый огромный манеж, гдѣ дней восемь тому назад мы начали свое наступленіе. Разница была в том, что бѣдную молодежь, в большинствѣ своем даже не причастную к военным дѣйствіям, подвергали пыткам: ей не давали никакой ѣды, кромѣ соленой сушеной рыбы, возбуждавшей жажду, но пить не давали. Мнѣ рассказывали очевидцы, что в городѣ еще долго продолжались звѣрскія убійства на улицах.

И Нина Михайловна, и друзья, и знакомые, и даже наш деньщик — всѣ совѣтовали мнѣ поскорѣе уѣхать из Москвы. Но как оставить Нину Михайловну и дѣтей? Я очень колебался... В это трудное время пришли на помощь наши вѣрные друзья: Елена Плечикова и вся ея семья, то есть ея муж и сын, и милые Карсаковы, и другіе. Было обѣщано, что Нина Михайловна с дѣтьми вскорѣ вслѣд за мной будет отправлена на юг ко мнѣ.

У ворот нашего дома уже «маячили» какія-то солдатскія фигуры и мы всѣ, всей семьей, воспользовавшись разрѣшеніем наших сосѣдей, прошли через их квартиру и вышли через другой подъѣзд. Мы вѣрили, что это Бог помог нам. Но минуты были очень безпокойныя.

Мы ночевали день или два в той же семьѣ Лены Плечиковой; затѣм я переночевал у одного из наших друзей, а в это время шли хлопоты с покупкой билета на поѣзд, а также штатскаго костюма. Во всем помогала семья Лены Плечиковой; один добрый человѣкъ самоотверженно дал мнѣ свой паспорт. Это было геройство с его стороны, которое нельзя забыть. Однако имѣть у себя желѣзнодорожный билет — это одно, а занять хоть какое-нибудь мѣсто в поѣздѣ — это совсѣм другое и почти невозможное дѣло. Наши друзья и тут мнѣ помогли, и с помощью знакомаго носильщика мы рано

утром отправились на какой-то отдаленный запасный желѣзнодорожный путь. Но и тут уже огромная толпа бѣшено осаждала каждую входную дверь вагона. С огромным трудом в концѣ концов удалось мнѣ протиснуться, но чемоданы остались на перронѣ. Их подали мнѣ через окно.

Нина Михайловна осталась на попеченіи наших московских друзей с Олегом и Игорем и нянькой при них.

Елена Михайловна, т. е. Лена с мужем и сыном, всѣ они были как родная семья для нас. Муж ея занимал хорошую должность и в голодные дни всѣ они старались, чтобы наша семья не голодала, а когда Нина Михайловна с дѣтьми уѣхала ко мнѣ на юг, то Елена Михайловна перенесла свои заботы на наших близких друзей Карсаковых.

Я рѣшил ѣхать в Ялту через Симферополь.

Моя поѣздка на юг прошла благополучно, но как было тревожно, когда совѣтскія власти стали проверять паспорт при переѣздѣ «границы», кажется, гдѣ-то у Харькована...

Около Харькова в вагон вошел офицер вмѣстѣ с женой своей. Это уже было южнѣе опасной границы. Здѣсь уже было свободнѣе дышать и мы могли поговорить по душѣ, откровенно. Офицер простодушно думал, что большевики будут недолго, и нес какую-то чушь, что все это будет на руку правым партіям.

Когда я нанимал в Симферополѣ экипаж, чтобы ѣхать в Ялту, ко мнѣ подошел какой-то, показавшійся мнѣ добродушным, человекѣ, в полусолдатской, столь обычной в тѣ времена формѣ, и попросил, чтобы я его подвез до Ялты. Я согласился, но послѣ пришлось об этом пожалѣть...

Я очень рад, что могу тут снова привести замѣтки Нины Михайловны.

Большевики завладѣли Кремлем 1 ноября 1917 года... Часа в два кто-то постучал в дверь с кухоннаго входа. Это был Олег, небритый и в штатском. Пальто и кепка Чайковскаго. Он все-таки вскорѣ отправился в Военное Училище, чтобы облегчить своим юнкерам получку отпускных билетов и денег. Он сдѣлал, что мог, но ему доброжелатели там посоветовали как можно скорѣе уѣзжать из Москвы. Надо было приготовиться к отѣзду и поскорѣе покинуть квартиру.

Пришли Попов и Преображенскій. На послѣдняго событія произвели такое сильное впечатлѣніе, что он совершенно измѣнился. Он не мог вынести участія в начавшемся «царствѣ хама», и вскорѣ ушел, кажется в монастырь.

Попов пригласил нас всѣх к себѣ и рѣшено было, что дѣти будут у него, пока я провожу Олега. Мы всѣ не могли сразу ѣхать на юг, так как это значило бы бросить все, что у нас было. Оставив у Попова дѣтей, мы стали искать пристанища на ночь. Были уже сумерки. Москва была странно пустынна. Взяли извозчика и поѣхали к О. Е. Духовской. Нам хотѣлось знать, как они пережили эти дни? В большом домѣ у них уже дежурил внизу комиссар и они не сумѣли скрыть испуга, увидѣв нас, так что о ночевкѣ у них не могло быть и рѣчи, и они, вѣроятно, облегченно вздохнули, когда послѣ краткой бесѣды мы удалились. Тогда мы поѣхали к Еленѣ Михайловнѣ, у которой мы знали, что всегда будем желанными гостями, даже в такое время. И мы не ошиблись. Сразу зашипѣла сковорода с колбасой и томатовым соусом. Вкусный ужин освѣжил нас послѣ тревожнаго дня. Рѣшено было, что Елена Михайловна поѣдет рано утром на вокзал с нами. Слѣдующій день весь был проведен в ожиданіи поѣзда, отчасти у С., живших близко от вокзала, но

большую часть в маленькой постройкѣ, рельс, откуда я постоянно выходила узнать, не идет ли поѣзд? У страха глаза велики и я была увѣрена, что Олега караулят и не допустят его отъѣзда. Поѣзд подошел только под вечер и был страшно переполнен, хотя мы прошли для посадки на запасный путь. Елена Михайловна ушла раньше и просила зайти к ней и рассказать, как Олег уѣхал.

Об извозчиках теперь нельзя было и думать, надо было беречь деньги, так как жалованье прекратилось. Кромѣ того, их было мало и они были очень дороги. Трамваев было очень мало и на них висѣли гроздя людей. Теперь начались экскурси пѣшком по всей Москвѣ. Походы за жалованьем Олега, за совѣтами к знакомым, походы, связанные с хлопотами об отъѣздѣ. Их было много. Все это время было полно препятствій.

У Елены Михайловны меня ждала жареная курица, давно невиданное лакомство. Но надо было торопиться к дѣтям, которые уже давно спали.

Только к 11 ч. вечера я попала к Попову и, написав письмо Олегу, легла спать с дѣтьми.

На слѣдующий день мы пошли домой и начались хлопоты: продажа сѣдла, продажа нашего милого бюро и дивана, покрытаго зеленым репсом, Попову, который раньше уже облюбовал их...

Я задавала вопрос, который у всѣх тогда был на умѣ: как думают — насколько мѣсяцев останутся большевики?.. Так обычно спрашивают докторов — как долго будет продолжаться болѣзнь? На этот вопрос обычно отвѣчали одни, — что нѣсколько недѣль, а другіе болѣе пессимистически и прибавляли, что будет голод. Но совѣта ни от кого получить было нельзя, как всегда бывает в серьезных случаях.

Семья хозяина дома уѣхала на юг, а сам хозяин очень уговаривал меня оставить у него всѣ вещи. Я готовила на примусѣ большую часть картофеля с жареным луком. Один раз купила кусочек свинины, полфунта. Это было самое большое лакомство. У нас была тогда няня Маня. Ея тетя служила на фабрикѣ и продавала нам иногда шоколад и еще кое-что по фабричной цѣнѣ...

От Олега письмо из Крыма, что там хорошо и чтобы мы скорѣе приѣзжали. Лучшія вещи наши я рѣшила отвезти к Еленѣ Михайловнѣ. Она достала ломовика и знакомого человѣка в помощь и сама пришла наблюдать. Карсаковы прислали молодого человѣка в помощь. Потом Елена Михайловна сама таскала к себѣ наши вещи на трамваѣ: большой образ, зеркало, серебро. Простую мебель я оставила на храненіе хозяину квартиры по его просьбѣ, а также бочку керосина для Елены Михайловны, но когда она позже пробовала добиться хозяина, он сказал, что мы ему ничего не оставили и захлопнул дверь.

Через три недѣли послѣ отъѣзда Олега мы тоже готовы ѣхать. У нас с собой главным образом одежда, подушки, одеяла. Набирается много некрасивых тюков, которые Шура Попов в обмѣн на гимнастерку везет на салазках на вокзал с помощью Мани.

Мы, то-есть я, дѣти и Елена Владимировна Карсакова, которая держит за руку Игоря, ѣдем на трамваѣ и идем пѣшком к Семененкам, которые живут у Курскаго вокзала. Они приглашали нас провести у них нѣсколько часов в ожиданіи поѣзда. Они всѣ очень любезны, но мнѣ не до разговоров. Предстоит необычайное дѣло — сѣсть в поѣзд гдѣ-то на запасном пути, далеко от станціи и без дѣтей. А дѣтей внесут в вагон два носильщика. Дѣтей почему-то не имѣют права посадить на запасном пути. Елена Михайловна приходит за мною и мы идем с двумя носильщиками, которые несут вещи, и садимся в купе перваго класса. Запираемся изнутри. Сидим долго и слышим, как «товарищи» заполняют вагон. Они говорят пьяными голосами о «буржуях», о том, что они теперь могут ѣхать в первом классѣ, словом, дѣлают, что хотят, шумят. Страшно за дѣтей, которых теперь Семененки, казалось, должны были бы уже привести на вокзал... Поѣзд двинулся и мы у станціи. Слышим суета, крики и в окно видно много солдат... Раздается, наконец, условленный стук и слово: «свои». Мы открываем дверь. Олег и Игорь на плечах у носильщиков, совсѣм крас-

ные и испуганные. Их сразу же кладут на верхнія сидѣнія. У Елены Михайловны в карманах конфеты. Она идет к «товарищам», угощает их и просит не беспокоить «большую женщину» и не пускать никого в купэ. Моряк-матрос, который, по-видимому, играет роль старшаго, общается. Мы прощаемся с Еленой Михайловной, без которой мы никогда бы не выбрались, и пускаемся в путь.

Елена Михайловна вернулась домой в этот вечер очень поздно и этот вечер чуть не стоил ей жизни: ее преслѣдовали на улицѣ и хотѣли убить, и ей едва удалось спастись, скрывшись гдѣ-то во дворѣ.

На одной из станцій матрос открыл нашу дверь и впустил к нам какую-то женщину в платкѣ. Она очень скоро ушла, не найдя у нас, по-видимому, подходящей компаніи.

Мы уже расположились спать — дѣти наверху, я и Маня внизу, когда дверь опять открылась и матрос привел нам другого пассажира. Это был по виду еврей. Он сразу устроился на скамьѣ и сказав Манѣ, чтобы она легла на пол, очень скоро заснул. Впрочем, во всѣх других отношеніях нельзя было желать лучшаго попутчика, и матрос не мог бы придумать ничего лучшаго.

Когда на слѣдующій день на станціи Бѣлгород появился в продажѣ настоящій бѣлый хлѣб, котораго мы не видывали в Москвѣ, а на какой-то другой станціи жареная утка и другія вкусныя вещи, этот господин каждый раз покупал нам все нужное.

Около Харькова пути были разобраны, потому что шел бой между бѣлыми и большевиками. Поѣзду пришлось итти вспять. Мы блуждали таким образом, и наш спутник, которому надо было спѣшить в Александровск, начинал терять терпѣніе.

Мы ѣдем очень медленно. Спутник сказал мнѣ, что на первой же станціи он сядет в другой поѣзд, но для меня с дѣтьми и массой вещей благоразумнѣе оставаться в том же поѣздѣ. Но предполагая, что наше путешествіе может продлиться дольше, чѣм мы думаем, и потому он рад будет одолжить мнѣ 300 рублей! К счастью, мнѣ этих денег не надо было, так как у меня было зашито пятьсот рублей и эта бумажка с портретом Петра Великаго осталась у меня неразмѣненной до самой эвакуаціи Крыма.

Только на пятый день поздно вечером мы приѣхали в Симферополь. Пол станціи был заплеван, засыпан сѣмечками и весь занят скарбом и сидящим на нем и лежащим народом... Жара и духота... С трудом мы нашли мѣсто, гдѣ можно было разстелить бурку и поставить вещи. Игорь покорно лег на приготовленное сооруженіе вродѣ постели, а Олег не согласился и предпочел сидѣть. Маня была вся красная от жары: она была одѣта в Олегин военный полушубок, который волочился по полу. Это было сдѣлано, чтобы его не «экспроприировали» в пути. Маня хлопотала с чайником для кипятка. Пришлось провести здѣсь на станціи всю ночь до утра в ожиданіи, когда можно будет нанять экипаж.

На разсвѣтѣ Маня пошла на развѣдку. Оказывается есть попутчик, который хотѣл бы ѣхать с нами. Он был немолодой и болѣзненного вида — «неопаснаго». Сговорились с извозчиком. Мы усаживаемся и ѣдем. Олеша между мною и попутчиком. Игорь у меня на колѣнях. Маня напротив. Ѣхать прохладно и уныло, и эта послѣдняя часть пути кажется безконечной. Мы ѣдем очень медленно. Попутчик, оказывается, повар по профессіи. У него перевязано горло, он кашляет и в разговорѣ выказывал себя очень кротким и благонамѣренным человѣком. Мы гдѣ-то в пути останавливались, закусывали и угощали его. Ѣдем дальше.

Игорь настоящій «дядя Пуд» — такой тяжелый, но я все время держу его у себя на колѣнях и колѣни инѣмѣли. Дѣти ведут себя примѣрно. Олеша, как всегда, немного взволнован и всѣм интересуется. В Алуштѣ возница два часа перепрягает лошадей и мы боимся, что он исчезнет со всѣми нашими вещами. Маня отправляется караулить вещи. Закусываем в ресторанѣ на берегу моря. Наконец, экипаж подѣхал и мы двинулись дальше. Теперь дѣло пошло еще медленнѣе. Возница заходил по пути в какіе-то дома и подолгу отдыхал. У спутника нашего настроеніе замѣтно портилось, но он не соглашался серьезно

поговорить с извозчиком. И чѣм дальше, тѣм больше казалось, что он в заговорѣ с ним. Было совсѣм темно, когда мы доѣхали до Никитскаго сада, но тут я вдруг не могла вспомнить дорогу в Магарач. вмѣстѣ со спутником я взошла на небольшую гору, в надеждѣ увидѣть дорогу. Магарач был тут под нами, но дорога не была видна. Спутник теперь был очень сердит на меня, так что я послѣшила к экипажу. Мы поѣхали обратно к Никитскому саду, гдѣ я зашла к Кузнецовым и попросила их сына-скаута показать нам дорогу. Было часов десять вечера, когда мы, наконец, пріѣхали. Олег уже ждал нас у ворот. Встрѣтили и Плотницкіе. Олег расплатился с извозчиком, угостили недовольнаго спутника вином и они поѣхали в Ялту. Нас ждали хлѣб, соленая камса и хорошее старое вино.

ГЛАВА XIV

Ялта (Декабрь, 1917 год). Снова большевики. Екатеринбургское злодѣяніе. Эвакуація на Кубань. Служба в Севастополь. Скауты. Поѣздка в Новочеркасск. Встрѣча с братом Юшей. Начало эвакуаціи. Босфор.

Теперь я продолжу рассказ о нашем пребываніи в Ялтѣ. Сначала, недѣли двѣ, мы прожили у гостепріимных Плотничких в Магарачѣ, гдѣ находился образцовый винный подвал удѣльнаго вѣдомства, и г. Плотничкій завѣдывал им. Его жена и Нина Михайловна очень подружились. Однако им тоже приходилось трудно с ѣдой.

Наши друзья Карсаковы еще в Москвѣ предлагали нам снова поселиться у них в домѣ в Ялтинском Чукурларѣ, что мы и исполнили. Но как раз перед переѣздом, наша прислуга, приходившая убирать наши комнаты, обворовала нас, она украла очень хорошее, единственное для зимняго сезона, пальто Нины Михайловны и мои хорошіе ботинки, причем впопыхах украдены были оба башмака с лѣвой ноги и, таким образом, пропали обѣ пары моих башмаков. Приходил полицейскій сыщик с собакой. Да и без собаки видны были слѣды на снѣгу у дверей, но горничная, одѣв калоши, нарочно наступила на эти слѣды. Полицейскій все-таки доброжелательно посовѣтовал прекратить это дѣло, чтобы не подвергнуться мести воров. Мы так и сдѣлали, хотя и очень долго чувствовали эту ужасную потерю: вѣдь деньги в это время почти ничего не стоили, а пара ботинок или пальто — это было цѣлое состояніе!

Итак, мы поселились опять в Чукурларѣ. Милая, преданная Карсаковым Паша, ея муж Егор, были нашими сосѣдями, и Паша приходила убирать квартиру и иногда готовить обѣд, что было очень трудно из-за недостатка продуктов. Вспоминается, что иногда бывал праздник, когда Пашѣ удавалось достать на базарѣ доступную по цѣнѣ голову крупной рыбы и сдѣлать вкусное заливное из этой «головизны». Хуже всего был недостаток сахара и жиров, и это могло отразиться на здоровьи дѣтей и Нины Михайловны.

Это был конец 1917 года. Нашему Олешѣ было уже больше семи лѣтъ. По сосѣдству с Чукурларом была маленькая частная школа или дѣтскій сад под руководством француженки и Олеша, и Игорь стали вдвоем ходить в эту школу. Помню, что их научили там пѣсенкѣ: «Petite Ninette, petite Ninette, où vas-tu? Où sont mes bottines? Je ne sais pas.»

Когда я переписываю краткія замѣтки Нины Михайловны, относительно ея героическаго путешествія из Москвы в Ялту. и, вообще, когда вспоминаю, как много было ею сдѣлано, как много она перетерпѣла, переголодала и, вмѣстѣ с тѣм, как подбадривала нас, и как вдохновляла меня для дальнѣйшей службы и работы и вѣры в лучшее будущее, то я чувствую, что мои слова бессильны и я не могу выразить и сотой доли того, что надо было бы сказать. Самоотверженная забота о дѣтях, любовь к нашей Россіи и вѣра в нее, всегдашняя бодрость, инициатива в способах заработка — это послѣднее было очень и очень нам всѣм необходимо. Жалованье мое прекратилось. Конечно, необходимо было думать о хлѣбѣ насущном. Денег с собою было немного и

они с каждым днем таяли. Мы продали кой-какія Нинины серьги и по частям маленькое ожерелье, но «золотой», т. е. монета в 37 с половиной рублей, которую я получил из рук Государя, будучи еще юнкером, и жемчужное кольцо Нининой прабабушки, у нас уцѣлѣли и сохранились.

У Плотницких в Магарачѣ мы прожили недѣли двѣ. Мы собирали желуди для кофе и ягоды от цвѣтов шиповника для «чая». Варили кашу. Мясо уже почти исчезло из продажи, или было недоступно дорого. Через нѣкоторое время мнѣ удалось получить должность «члена продовольственной управы» и получать небольшое жалованье, но бумажныя деньги «керенки» мало помогали. Рѣдко, рѣдко удавалось получить что-нибудь съѣдобное натурой, напримѣр, немного сахара или патоки. Запомнилось мнѣ, конечно, что раза два-три из-за недостатка питанія Нина Михайловна во время ходьбы теряла сознание и должна была хоть на короткое время прилечь.

В сосѣдном домѣ теперь там жила и Ирина Сергѣевна Покровская с дѣтьми: Гулей, Диком и Лелей. Это было очень пріятное сосѣдство, так же как и сосѣдство Софіи Ивановны Духовской, жившей в красивом особнякѣ над Чукурларом.

Недалеко от Чукурлара была церковь. Когда мы подходили к ней, мнѣ всегда припоминались стихи, хорошо знакомые мнѣ с дѣтства:

Войди с открытой головой!
Войди! Христос наложит руки
И снимет, волею святой,
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совѣсти больной...

В церкви молящихся очень много и видно, что всѣ молятся от души. Как быстро можно забыться в церкви, а иногда даже забыть какой сейчас год и какія времена... Вспоминаю, как в дѣтствѣ мы с мамой вмѣстѣ любили молиться в церкви и ставить свѣчи Христу Спасителю, Божьей Матери и Святому Николаю Чудотворцу. Я вѣрю, что молитвы материнскія остались со мною и с нашей семьей на всю жизнь.

Теперь наши сыновья, Олег и Игорь, ставят свѣчи с тѣм же молитвенным чувством. Видно, что им нравится слѣдить за огоньками, зажженных ими свѣчей, и видно, что эти огоньки им что-то говорят. Лишь бы такой же свѣтлый огонек Вѣры Христовой горѣл у них в душѣ всю жизнь, согрѣвая их и освѣщая путь другим — это скаутское правило. Вѣдь скоро оба наших сына достигнут скаутского возраста...

...А дьякон у царских врат возглашает: «Исполни молитву нашу, Господи!»... «Заступи, спаси и сохрани нас, Боже, Твоею благодатію». И хор поет, повторяя возглас священника: «Господь крѣпость людям Своим даст! Господь благословит люди Своя миром!» Дьякон читает Посланіе Коринфянам: «Да не будут в вас распри!.. И да будете вы в том же разумніи и в той же мысли»...

Мы с благоговѣніем слушаем посланіе Апостола и удивляемся, как эти слова, сказанные коринфянам почти двѣ тысячи лѣт тому назад, нужны, необходимы нам всѣм теперь!.. Мы с Ниной чувствуем, что все богослуженіе как будто отвѣчает на наши духовные вопросы и на наши молитвы. Нам кажется, каждый раз, что сам Господь привел нас в Свой храм, чтобы сказать

Свое слово. «Господь благословит люди Своя миром», повторяем мы. Это мир духовный, мир человѣческій, мир Божій.

Мы хорошо помним, знаем, что в трудныя минуты, в трудныя времена Господь Бог поддерживал и спасал нас и наших дѣтей.

Достаточно вспомнить, что перед моим отъѣздом на фронт, Нина своей рукой старательно переписала для меня псалом девяностый и сшила для него ладонку... И оба мы — я на фронтѣ, а Нина дома — читали этот псалом каждый день с вѣрою в помощь Божью... А времена Московскаго возстанія, а здѣсь, в Ялтѣ, сколько чудес спасенія было у нас. Мы должны не забывать их и благодарить за них Бога.

Трудно хилосо не только нам, но и почти всѣм нашим знакомым в это время. Помню как ко мнѣ, как к члену Продовольственной управы, приходил почтенный старый генерал-адъютант Николай Эдгарович Прескотт и просил устроить его на службу. Я помнил его по Петербургу, встрѣчал у дяди Нины Михайловны, свиты Его Величества генерал-майора Добровольскаго. Я старался и достал какую-то работу по перепискѣ для генерала, но эта была незначительная помощь...

Большевицкаго правленія в Ялтѣ пока не было. Для Крыма было какое-то свое правленіе, во главѣ котораго одно время стоял мѣстный богач караим Крым.

В Хараксѣ скромно жила вдовствующая Императрица. Кажется, в Дюльберѣ жил Великій Князь Николай Николаевич и в том же районѣ жили сестры Государя Великія Княгини Ольга и Ксенія Александровны. Но если кто и знал о их мѣстопробываніи, об этом из-за опасенія не говорили.

Когда было нам совсѣм голодно, мѣстный клуб, гдѣ играли в карты, предложил членам Георгіевскаго союза мѣста старшин и это давало им и мнѣ возможность раза два в недѣлю сытно поужинать и даже немного ѣды отнести домой. Возвращаться домой послѣ дежурства в клубѣ было не совсѣм безопасно. В городѣ было уже много людей безработных, голодных, или выпущенных из тюрем. В районѣ Чукурлара мы, мужчины, сторожили по очереди, чтобы оградить наши семьи и квартиры от грабителей.

Вспоминаю, как на одном из моих дежурств, подѣзжает к чукурларскому винному погребу грузовая автомобиль с нѣсколькими солдатами под командой того самого человѣка, котораго я когда-то подвез из Симферополя в Ялту. Говорит мнѣ, что пріѣхал «реквизировать» вино. Я отвѣтил, что я пойду сказать управляющему. Тогда солдат выхватывает револьвер и говорит, в таких случаях стереотипную фразу: «Ни с мѣста. Стрѣлять буду». Пришлось оставить идею итти к управляющему; да управляющій Сергѣй Иванович в это время уже чувствовал, что карсаковское имѣніе не совсѣм принадлежит нашим Карсаковым и доход от виннаго подвала едва ли попадет к ним в руки.

Но такіе случаи еще были ничто, по сравненію с тѣми злодѣйствами и ужасами, творившимися в сосѣдном Севастополѣ. Там, под Рождество 1917 года, так называемые «выборные» матросы, в значительном числѣ пріѣхавшіе из Кронштадта и уже проливавшіе там кровь, совершили такія преступленія и убійства, которыя трудно было бы описать. Мѣстные жители называли эти ночныя звѣрства Варфоломеевскими ночами. Передавали, что там за нѣсколько дней было убито около девятисот лучших морских офицеров и вѣрных долгу служащих.

Почта в эти времена дѣйствовала чрезвычайно плохо, вѣрнѣе, она бездѣйствовала, если говорить о связи с остальной Россіей. Мы совершенно не

знали ничего об Ольгѣ Федоровнѣ, матери Нины Михайловны. Деньги ея, лежавшія в банкѣ, были или реквизированы, или аннулированы. Наши — подверглись той же участи.

О Ольгѣ Семеновнѣ и ея семействѣ мы тоже ничего не могли узнать, пока в Ялту, в Гурзуф, не приѣхала со своим мужем-доктором дочь Ольги Семеновны Леля. Да и она очень мало знала о своих родителях. Знала только, что они очень болѣзненно переживали отреченіе Государя, и что они очень бѣдствовали и голодали в Петербургѣ. Впослѣдствіи, мы, к нашему общему горю, узнали, что оба они умерли от голода в Петербургѣ...

Леля с мужем пригласили нас всѣх к себѣ в Гурзуф и мы отправились всѣм семейством пѣшком верст семь, если не больше. Шли красивой дорогой вдоль берега моря. Обратнo ѣхали на лошадях, и наш Олег, сидя на козлах, первый увидѣл, как лисица несла через дорогу курицу и, испугавшись нашего экипажа, бросила курицу на нашем пути. Мы, конечно, с великой благодарностью подобрали эту курицу и у нас дома было пиршество: мы за все пребываніе в Ялтѣ никогда не могли купить курицы.

Кромѣ Гвоздевых, Добровольских и Кноррингов, у нас в Петербургѣ оставался мой старшій брат Николай Иванович с семьей, то-есть, с дочкой Лелей и сыном Мишей. Второй мой брат — доктор Андрей Иванович служил все это время на Кавказѣ, в Тифлисѣ. Мы от него не имѣли никаких вѣстей, но лишь позже мы узнали, что Андрей Иванович был одним из первых, столь необходимых врачей, записавшихся сразу же в Добровольческую армію. Самоотверженно леча больных воинов, он перенес болѣзни: тиф, возвратный тиф, холеру и все это не могло не отразиться на его здоровьи. Жена его вмѣстѣ с дочерью Людмилой уѣхала из Тифлиса еще во время войны и жила в Петербургѣ со своими родными. Третій мой брат все время жил в Кіевѣ на хуторѣ.

Почтовой связи в это время не было никакой, или почти никакой, не только с Россіей, с Петербургом, с Москвой и Кіевом, но и с Доном, с Новочеркасском, гдѣ в это время с такими трудностями и героизмом формировалась наша Добровольческая армія.

Однажды, идя по набережной в Ялтѣ (в началѣ апрѣля 1918), я увидѣл запыленного утомленного, по виду молодого, офицера-добровольца, предлагавшаго за небольшую плату какіе-то листочки и фотографіи. Когда я приобрѣл такой листочек, я с ужасом прочел о гибели того, на котораго мы всѣ возлагали наши надежды: генерала Лавра Георгіевича Корнилова!.. Какое это было несчастье! Похожее на это чувство ужаса я испытывал давно уже, когда, возвращаясь из отпуска в Царское Село, я прочел в газетѣ о смертельном раненіи Столыпина!

Кто может возглавить нашу армію? Кто сможет вдохновить ее и собрать вокруг нея русских людей?.. Отвѣта не было. И едва ли можно было ожидать положительный отвѣт, так думали ялтинскіе знакомые.

Весною 1918 года Крым был занят германскими войсками. Трудно рассказать о наших русских чувствах в это время. Недавніе враги на полях сраженій, они явились как бы спасителями, защитниками от безчеловѣчной и беззачинной власти большевиков, которые тогда очень быстро и незамѣтно исчезли с горизонта.

Нѣмцы быстро установили порядок. Германскій пѣхотный батальон, занявшій Ялту, был из числа второочередных, резервных, частей арміи. Солдаты были почтеннаго возраста. На вид многим из них было лѣтъ по сорока. Но они маршировали «гусиным шагом» и держали себя почти образцово. Офи-

церы — слегка заносчивы, но вѣжливы. Нам, военным, было пріятно видѣть воинскую дисциплину и порядок послѣ расхлябанных наших солдат (в результате пресловутаго «Приказа номер первый»). Ялтинцы, испытавшіе ужасы большевиков, надѣялись, что нѣмцы временно останутся до прихода наших союзников, или до того времени, когда наши Бѣлыя арміи получат снаряженіе и окрѣпнут. Однако вскорѣ мы увидѣли, как неудачи нѣмцев на западном фронтѣ подорвали германскую дисциплину. С двойственным чувством радости за успѣх союзников и чувством тревоги за успѣх большевиков, мы видѣли, как нѣмцы укладывают свои обозы и уходят на запад.

Союзники праздновали побѣду. Наступил конец этой несчастной для Россіи войны. Путь для большевиков в Крым был почти свободен.

Началось с Севастополя. В Ялту из Севастополя приходили миноносцы и обстрѣливали Мордвиновскій Дворец и другіе пункты, гдѣ предполагались «гнѣзда бѣлогвардейцев». Но настоящаго, внушительнаго сопротивленія не могло быть уже потому, что не было не только артиллеріи, но даже и простых винтовок и патронов к ним.

Вмѣстѣ с большевиками пришла тревога за завтрашній день. На молу было разстрѣяно, замучено и сброшено в воду много офицеров и так называемых теперь «буржуев». Всѣм офицерам было предписано явиться для регистраціи, и это было особенно волнительно и непріятно. Требовалось удостовѣреніе управляющаго Чукурларом, что я находился дома во время тревожных дней. А этого удостовѣренія управляющій С. И. Плетнев не хотѣл дать.

Сборы и занятія со скаутами также почти прекратились. По какому-то поводу я должен был повидать мѣстнаго комиссара в помѣщеніи классической гимназіи, и я сначала глазам своим не повѣрил, увидав на предсѣдательском креслѣ мальчишку лѣтъ шестнадцати. Был еще вопрос у нашего ялтинскаго Общества содѣйствія русским скаутам: сказать ли в типографію, гдѣ был уже набран текст для скаутской книжки «Спутник волченка», чтобы разобрали набор или рискнуть и печатать эту книжку. Впрочем, владѣлец типографіи все равно не хотѣл рисковать своей головой. Он дал совѣтъ предпослать тексту книжки предисловіе, подходящее к этому переходному времени. Предсѣдатель общества по фамиліи, кажется, Винник, так и сдѣлал.

Во время особенно тревожных дней, когда можно было ожидать, что придут для обыска и ареста офицеров, я, по настойчивой просьбѣ Нины Михайловны, отправился пѣшком в какое-то сосѣднее мѣстечко, кажется Симеиз, гдѣ помѣщался весь состав огромнаго учрежденія, разрабатывавшаго всѣ сложные планы орошенія туркестанских безводных земель. Там был у меня кто-то знакомый и я был очень гостепримно принят. Все было бы хорошо, но очень велика была опасность при возвращеніи по большой дорогѣ в Ялту. Мнѣ приходилось использовать весь свой военный и скаутскій опыт, чтобы при первом звукѣ приближающагося мотора, хорошо прятаться в лѣсу или за камнями.

Вот они мчатся — грузовики, переполненные матросами, с винтовками наготовѣ и с красным флагом впереди. Воинственная и мало осмысленная картина! Осторожно, шаг за шагом я добрался до дому.

А дома меня «искали». Как раз в этот день приходили с обыском, когда я был в отсутствіи. Нина встрѣтила меня радостно и тревожно. Она сказала, что я благоразумно сдѣлал, что ушел из Ялты. Но каковы были ея переживанія!.. Приходили с обыском красные солдаты с комиссаром и все пересмотрѣ-

ли, многое перерыли, однако ничего запретного не нашли. Нина держала себя спокойно и, может быть, это помогло. А, может быть, помогло еще то, что сын чукурларскаго дворника Семен, газетный наборщик, замолвил за нас словцо. Его мать Паша работала для нас, убирала квартиру, когда мы были еще прїѣзжими господами, когда наши друзья Карсаковы писали Пашѣ инструкции ухаживать за нашей семьей. Нинѣ запомнилось, что, когда комиссар с солдатами уходил, то наш Олешенька простодушно и довольно громко воскликнул: — «Комиссар плохо искал!». Но комиссар не слышал, или сдѣлал вид, что не слышал этого восклицанія. Олешѣ было тогда около восьми лѣтъ, но он запомнил этот эпизод. Красные тогда ушли не солоно хлебавши и на этот раз все сошло благополучно.

Однако вспоминаю, как когда в горах около водопада Учансу, какія-то неизвѣстныя лица убили особенно злобнаго комиссара, то большевики снова устроили облаву и расправы. Дорого тогда обошлась офицерам жизнь одного комиссара.

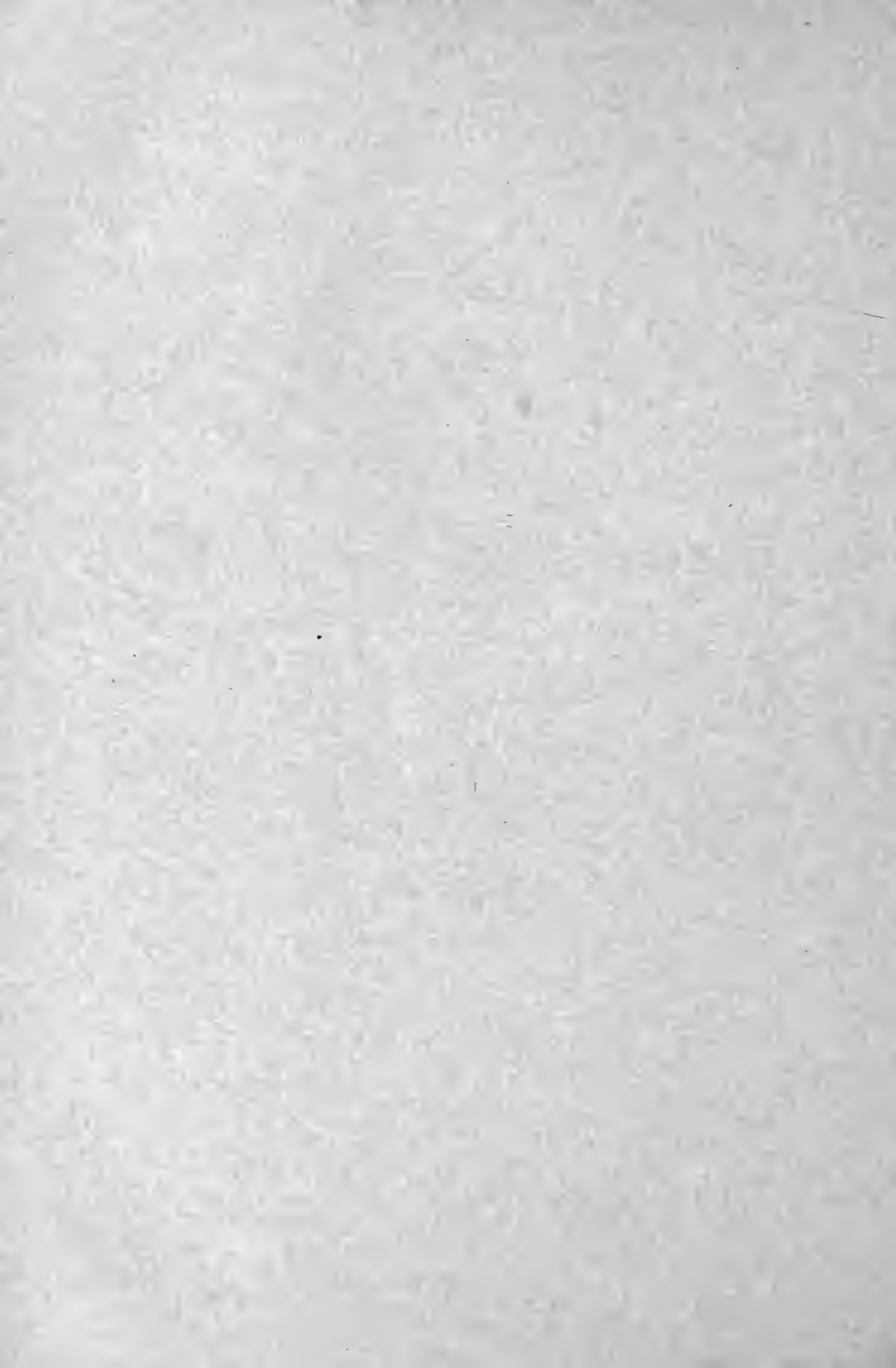
Через нѣсколько мѣсяцев опасностей как будто стало меньше, или мы привыкли к ним, или сама по себѣ вся атмосфера доносов, цензуры, коммунистических плакатов и газет настолько вѣвлись в подсознаніе, что именно это чувство и было самым отвратительным, запомнившимся мнѣ о жизни под большевиками. Этот кошмар продолжался около девяти мѣсяцев. Маленьким просвѣтом для нас был однажды прїѣзд в Чукурлар мужа Лены Плечиковой, который рассказал нам все, что он знал о наших московских и, отчасти, петербургских, друзьях. Он был важной персоной — представителем государственнаго банка на одном из крупных судов черноморскаго флота. Эту свою командировку в Ялту он устроил, чтобы повидать нас. Он привез нам довольно много не «керенских», а «Романовских» денег за проданныя наши вещи в Москвѣ, но продуктов никаких не мог привезти.

Вспоминаю, как в это голодное время милая Александра Львовна Копытилова пригласила всѣх нас в гости. Она с дочкой жила гдѣ-то высоко над Ялтой и было не легко туда добираться; но она угостила нас таким чудесным завтраком, какого мы давно не ѣли и, когда мы спрашивали ее, чѣм мы можем ей помочь в работѣ, она любезно отвѣчала: тѣм, чтобы побольше кушать. Эту «помощь» мы всѣ охотно дѣлали! Весь этот визит и завтрак запомнился, как хорошій скаутскій жест со стороны скаутской матери и дочери.

Мы стѣснялись ходить к нашей сосѣдкѣ Софіи Ивановнѣ Духовской, жившей в красивом особнякѣ над Чукурларом, и переживавшей тревожное время очень тяжело. Может быть визит офицерской семьи был бы ей неприятен в это время. К ней уже приходили большевики с обыском и допытывались, сколько у нея есть денег и какое имущество? Она так подробно нам обо всем этом рассказывала: у нея была «совѣм маленькая вилла в Дрезденѣ». Мы очень сочувствовали ей. Это был искренній друг скаутов. В прошлые годы она предоставила скаутам маленькую сторожку-домик для скаутскаго клуба и участок земли для разведенія лекарственных растений. Над этим участком мы водрузили высокій флагшток, на котором развивался наш скаутскій штандарт: черная лилія на золотистом фонѣ. Издали этот флагштант напоминал Императорскій штандарт! Конечно, это все было не при большевиках. При большевиках наш Георгіевскій союз тоже прекратил свои функціи. Вообще жизнь как-то замерла, а денег было все меньше и меньше. Какая радость была у жителей и у нас, когда до нас стали доходить свѣденія

Кажется, что я так недавно снял эту фотографию! Как сейчас слышу приятный голос Государя: «снять изволили?» Но увы, это было давно...

о побѣдах Добровольческой Арміи и когда мы сами замѣтили по поведенію красных, что они собираются оставить Крымскій полуостров.

И вот мы снова на свободѣ! Сколько было надежд, что бѣлыя войска побѣдят, дойдут до Москвы. И сколько сомнѣній в способностях наших генералов и особенно в помощи искренней наших «союзников» в кавычках? То и дѣло приходили вѣсти о том, что и англичане, и французы играют двойную игру, а о настоящей финансовой помощи даже и рѣчи у них не было. Ясно было, что, к сожалѣнію, у Ленина была чертовски геніальная натура и чтобы бороться с ней, надо было бы имѣть и с нашей стороны генія.

*

Здѣсь же в Ялтѣ мы с тревогой разспрашивали друг друга о судьбѣ нашей царской семьи, но мы не имѣли почти никаких достовѣрных свѣденій. Знали только, что охрана в Екатеринбургѣ была очень суровая и нельзя было рассчитывать на спасеніе насильственным путем, тѣм болѣе, что Государь вѣрил в народ даже и теперь послѣ всего пережитаго и не согласился бы на бѣгство — так толковали люди. Люди горевали, люди сочувствовали, но были безсильны что-нибудь предпринять. Вот если бы Колчаковская армія подошла и освободила бы... но никто достовѣрно даже и не знал, гдѣ находится сибирская армія.

Сѣтовали на родственника Государя англійскаго короля, ругали Ллойд Джорджа и вообще англійское правительство, которое не дѣлало никаких шагов для спасенія царской семьи.

Ллойд Джордж сказал приблизительно слѣдующее: «Мы не знаем, что мы можем предпринять, но мы знаем одно, что мы не должны вмѣшиваться в дѣла русских людей».

И вот в такой обстановкѣ, вслѣд за вѣстью о гибели Корнилова, пришла вѣсть о злодѣяніи в Екатеринбургѣ... об убійствѣ всей царской семьи! Сначала не вѣрилось. Но вот пришло официальное сообщеніе и не вѣрить было нельзя уже. Старались люди узнать фамиліи убійц. Их большевики не скрывали. Фамиліи были не русскія*). Вспоминали люди, что и Кремль брали не русскіе солдаты, и главные палачи у большевиков были не русскіе, а либо китайцы, либо лица с не русскими именами.

В мартѣ 1919 года в Ялтѣ с ужасом узнали об угрозѣ втораго нашествія большевиков. Приблизительно в это время прибыл в Ялту англійскій дредноут Malborough. Цѣль прибытія дредноута — предложить Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и Великому Князю Николаю Николаевичу эвакуироваться. Однако, Императрица не сразу согласилась на это и лишь при условіи, чтобы и другія лица, желающія покинуть Россію, тоже были бы эвакуированы вмѣстѣ с нею. Таким образом, произошла эвакуація значительнаго числа спасшихся от большевиков.

Нина и я в то время еще не думали покидать Россію. Нам казалось и вѣрилось, что есть еще надежда на Добровольческую Армію. Мы хорошо знали об опасности и допускали мысль о побѣдѣ красных, но мы все же надѣялись на какое-то чудо. Вѣрили, что «Бог спасет Россію, как спасал уже много раз»... Эти слова Достоевскаго вспоминались нам нерѣдко. Оставаться в Крыму мнѣ, однако, было нельзя, но этот раз нам представилась возможность эвакуаціи в Новороссійск.

*) Янкель Свердлов и другіе.

Начну с того, что наша Маня, няня дѣтей, не захотѣла уѣзжать от большевиков и осталась в Ялтѣ. Ей уже было лѣтъ восемнадцать, и на нее засматривалось не мало молодых людей, да и красивыя рѣчи о замѣчательных обща- ній коммунистов и их побѣдах не могли не подѣйствовать на Маню.

Ирина Сергѣевна Покровская с дѣтьми и еще кое-кто из знакомых, тоже рѣшили не эвакуироваться, а остаться в Ялтѣ. Впрочем, теперь мало было возможностей для эвакуаціи. С большими хлопотами, нам удалось получить мѣсто на маленьком военном вспомогательном суденышкѣ «Морж», причем второпях, впопыхах, у меня произошла неприятность довольно грустная: мой лучшій чемодан с хорошим новым костюмом и другими цѣнными вещами был украден на пристани.

С нами ѣхал полк. Владимір С. Хитрово и еще два-три человекъ, а пароходик был крохотный. Как только вышли за мол, стало качать. Каюта или трюм был очень маленькій, не всѣ могли помѣститься в нем, да и душно было в закрытом помѣщеніи. На палубѣ было пріятнѣе, но надо было быть очень осторожным, чтобы не скатиться в море. Один из пассажиров рассказывал, что наш Игорь очень напугал его, когда при большой волнѣ он пока- тился по палубѣ.

Грустно было смотрѣть на удаляющіеся берега Ялты, к которой мы при- выкли. Вѣдь южное побережье Крыма славится своей красотой. Один англи- чанин в Ялтѣ говорил мнѣ, что Бьюканен, англійскій посол, сказал ему, что он нигдѣ в мірѣ не видѣл такой красоты, а объѣхал цѣлый свѣт. Впрочем, это тоже писал и Марк Твен.

У нас на «Моржѣ» почти не было припасено провизіи и капитану «Мор- жа» пришла благая мысль — купить рыбы у встрѣчнаго рыболовнаго суде- нышка. Это было на уровнѣ мѣстечка Судак. Никто не знал, находятся ли там уже большевики или нѣтъ? Во всяком случаѣ наши встрѣчные рыбаки были нейтральны. Они спрашивали нас, что дѣлается в Ялтѣ и гдѣ нахо- дятся большевики. Как видно, новости до них не доходили. Наш капитан ку- пил у рыбаков мелкой рыбешки камсы, которая была нашей главной ѣдой давно уже в Ялтѣ и успѣла нам надоѣсть тѣм болѣе, что приправы к ней не было никакой.

Переѣзд по морю был долг и утомителен. Мы причалили к Новоросій- скому молу уже под вечер. Я успѣл повидать своего милаго однополчанина Василя Васильевича Фохта, который был редактором мѣстной газеты. Он дал нам не очень утѣшительныя свѣденія относительно свободных комнат: их просто не существовало, все было занято. Мы рѣшили тогда ѣхать сразу же в Анапу к моей тетѣ Маріи Николаевнѣ Суржиной. Сговорились с ямщиком, наняли повозку, гдѣ сидѣній для всѣх не было, но было много соломы, и вот мы ѣдем по безконечным полям мимо хуторов. Ёдѣм благополучно, несмотря на тревожные слухи о разбойниках, о «зеленых», царящих вокруг Новорос- сійска. Пріѣхали поздно вечером, почти ночью, и вызвали большой переполох у Суржиных. Самого Суржина не было в Анапѣ. Были только — Марія Нико- лаевна, Анна Павловна Ильина и четверо дѣтей.

Начался недолгій, но очень своеобразный період нашего бѣженскаго су- ществованія.

Анапа — маленькій городок. На город он похож только в центрѣ, около пристани и городского сада. Там было нѣсколько двухэтажных «барских» до- мов. В них помѣщалась одно время вдовствующая императрица и великіе князья, спасшіеся от большевиков. В этом же районѣ жил и бывшій председа-

тель Государственной Думы Родзянко. Я видѣл его не раз, прогуливающимся вдоль берега и обмѣнивался с ним нѣсколькими словами. Мнѣ жаль было его. Он долженъ былъ сознавал теперь, как не вовремя затѣян былъ весь переворот. А Гучков вѣдь былъ в свое время и членом Думы и, кажется, единомышленником Родзянки.

Тѣ же сожалѣнія, если не раскаянія, я думаю приходили в душу бывшего начальника штаба верховнаго главнокомандующаго генерала Алексѣева. Но он честно сознавался в этом и стал одним из основоположников Добровольческой арміи, и почти никто уже не бросал ему упрека за прошлую ошибку, можетъ быть вспоминая слова Евангелія: кто из вас без грѣха, первый брось в него камень. Однако всѣмъ помнилась телеграмма Великаго Князя Николая Николаевича «колѣнопреклоненно» просившаго Государя об отреченіи.

Итак мы жили нѣкоторое время, мѣсяца два, в Анапѣ. Денегъ было очень мало, но мы с Ниной Михайловной встрѣтили как-то милую чету англичан Самсон и рѣшили за малую плату брать у них уроки англійскаго языка. Насколько я помню, я брал уроки у нея, а Нина у него. Мнѣ запомнилось из этихъ уроковъ трогательное стихотвореніе: «T'is the last rose of summer left blooming alone...» Самсон в былое время преподавал англійскій языкъ в морском корпусѣ и в Училищѣ правовѣденія, если не ошибаюсь.

Запомнилось мнѣ, как однажды пріѣхал в Анапу какой-то важный чело-вѣкъ и нелегко было пробраться на мол для встрѣчи. Когда я помог Самсонам туда пройти, то она сказала: «A friend in need is a friend indeed» — мудрую поговорку, часто приходившую на умъ впослѣдствіи.

Чтобы заработать хоть немного денегъ, мы с Ниной Михайловной рѣшили попробовать дѣлать художественныя вещицы, но успѣхъ имѣли только глиняныя кувшины и горшки, художественно расписанныя красивыми цвѣтками, которые так чудесно рисовала Нина Михайловна.

Хотя мнѣ, послѣ моихъ двухъ контузій, докторскою комиссіей было выдано полное освобожденіе от военной службы, но я не хотѣлъ быть пассивным в это отвѣтственное перед Россіей время, и я смотрѣлъ на наше пребываніе в Анапѣ как на временный отдых и старался найти подходящую для меня службу, переписываясь с Фохтом и знакомыми, при штабѣ генерала Деникина.

В обращеніи в это время были не только «кережки», почти потерявшія всякую цѣнность, но и «колокольчики» Добровольческой Арміи, на которыхъ былъ изображенъ Царь-Колокол и видъ Москвы. Всѣ эти деньги потеряли уже почти всякую цѣнность, но какая-нибудь часть костюма или серебряная ложка, легко обмѣнивались на базарѣ на каравай отличнаго хлѣба, на мясо и на рыбу. Вспоминается мнѣ один почтенный доктор, старавшійся покупать черствый хлѣбъ и объяснявшій это тѣмъ, что его больше идет на вѣс и его дѣти не так жадно на него набрасываются...

Настал Великій пост и затѣмъ Пасха. И я, и Нина Михайловна исповѣдывались и пріобщались у священника о. Темномѣрова, впослѣдствіи отца одного из лучшихъ моихъ скаутмастеровъ Владиміра Апполоновича, тогда еще мальчика-гимназиста, пришедшаго ко мнѣ и попросившаго зачислить его в мой анапскій отрядъ скаутовъ.

Такъ выходило, что куда я ни пріѣзжал, неизмѣнно начиналъ я там свое любимое дѣло скаутизма. Да и сама молодежь «какъ утята в воду» стремилась «дѣлать что-нибудь», «быть готовою» в это отвѣтственное время. Можетъ быть молодежь еще болѣе остро, чѣмъ взрослые, чувствовала потребность не сидѣть сложа руки и не быть одинокой, группироваться в звенья и отряды и принад-

лежать своему братству в то время, когда о братствѣ и говорить-то было странно. Может быть в этом стремленіи быть скаутами-развѣдчиками, играло маленькую роль еще и желаніе быть ближе к нашей церкви. Вѣдь первый наш закон говорит о любви и преданности Богу, а в такіе чрезвычайные, переживавшіеся нами всѣми дни, всѣ мы как-то инстинктивно чувствуем потребность Вышшаго руководства, спасительнаго руководства... И дѣти все это чувствуют, хотя и не могут, и не хотят этого высказать. В душах молодежи заложено стремленіе быть рыцарями в лучшем смыслѣ слова.

Итак, Володя Темномѣров стал нашим скаутом-развѣдчиком и быстро понял всю несложную систему звеньев, игр. бесѣд у костра и прочаго. Он очень успѣшно продолжил свою дѣятельность впослѣдствіи в Константинополь и Парижѣ, а еще позже проявил свои скаутскіе таланты в исключительно полезной для бѣдствующих людей дѣятельности, работая под флагом Лиги Наций.

Анна Павловна Ильина была всегда вѣрным, хорошим другом нашей семьи Пантюховых, то-есть, семьи моей матери Ольги Николаевны, к которой она была привязана всей душой еще с тѣх пор, когда я подрастал в Тифлисѣ. Теперь она жила с моей теткой; Марія Николаевна была сестрой моей мамы.

Вскорѣ мы узнали о смерти генерала Алексѣева. И еще одна незамѣтная потеря случилась: умер от раны генерал Дроздовскій, который был моим однокашником по Павловскому военному училищу. Я был фельдфебелем роты Его Величества, а Дроздовскій был старшим портупей-юнкером сосѣдней второй роты, и мы часто встрѣчались и бесѣдовали. Он имѣл какую-то симпатію к нашему тифлисскому кадетскому корпусу и частенько приходил в гости к нам, тифлисцам, и садился за наш чайный стол. Он носил очки, много читал и любил разсуждать о прочитанном. Можно было подумать, что он готовил себя к профессорской дѣятельности. Вышел он в лейб-гвардіи Волынкскій полк. Окончил Академію генеральнаго штаба и вот уже боевым генералом сумѣл вдохновить, во время разрухи на южном фронтѣ, офицеров и солдат для геройскаго перехода через всю южную Россію на Дон.

Из Анапы до Новороссійска легче всего было ѣхать на маленьком пароходѣ, обслуживавшемся, если не ошибаюсь, гардемаринами Морского Училища. Я поѣхал однажды этим путем, чтобы повидать В. В. Фохта и узнать относительно должностей. Мои контузіи все еще давали себя знать, и я все еще был освобожден от строевой службы, но я рѣшил во чтобы то ни стало работать для Добровольческой Арміи, чѣм только мог. Я был зачислен в ОСВАГ, то-есть, Освѣдомительное бюро, который, если бы был хорошо поставлен, то был бы очень полезен для всего Бѣлаго движенія. Вѣдь народ на югѣ Россіи и повсюду еще мало разбирался в цѣлях Добровольческой Арміи. ОСВАГ мог бы принести огромную пользу всему дѣлу освобожденія Россіи, но нужен был для этого особый подъем, вдохновеніе, опытные ораторы, проповѣдники, воодушевленные люди. Для всего этого нужны были опять и опять деньги, настоящія деньги — ничего этого у нас не было.

Город был запружен бѣженцами. Комендантское управленіе дало нѣсколько адресов, но было безнадежно вселиться в эти дома: в одном лежал человек в сыпном тифѣ, в другом священник, встрѣтившій нас болѣе чѣм не по-отечески, и нам больно стало за него, но навѣрное были какія-нибудь тяжелья обстоятельства, оправдывавшія хоть немного его грубость. Наконец, в одном еще домѣ к нам выскочил совершенно взбѣшенный человек. Вид у него был такой, будто он был готов на какое угодно преступленіе...

Когда в Новороссійскѣ распространилось извѣстіе, что я нахожусь там, то мѣстный отряд русских скаутов-развѣдчиков устроил парад и я рад был видѣть эту милую русскую молодежь. Руководил отрядом Севастьянов. Я произвел смотр, провел подходящую бесѣду и на обращенныя ко мнѣ просьбы поселиться в Новороссійскѣ, сказал, что зависит от того, найду ли я здѣсь или квартиру, или хоть одну или двѣ комнаты внаем. — Не знает ли кто-нибудь из вас комнат внаем? — Скауты должны бы знать и помогать пріѣзжим! — сказал я. И вдруг, самый маленькій скаут на самом лѣвом флангѣ сказал: — Я знаю! — Это был Володя Оношко. Он привел меня к своей мамѣ, которая оказалась очень хорошей, на рѣдкость доброй особой и с которой легко было сговориться.

Мы переселились из Анапы в Новороссійск. С Суржинными разстались дружески, не предполагая, что эта разлука навсегда.

Недостаток жиров и особенно сахара сказался на дѣтях: у обоих, и у Олега, и у Игоря, была сильная желтуха, а у Олега, кромѣ маляріи, так ослабѣли ноги, что он не в состояніи был ходить и мнѣ приходилось носить его на руках.

Младшій из сыновей Оношко — Жорж, гдѣ-то отсутствовал и за него беспокоились. Старшій сын — Володя — был очень серьезный, много читал. Дѣвочка Витя была особенно мила и помогала матери по хозяйству. Помню, с какой любовью она возилась с недоразвитым цыпленком, которого звали Пилик. Иногда пріѣзжал отец семейства, генерал, который был теперь воинским начальником в одном из южных городов.

С Петром Ильичем пріятно было поговорить, да и было о чем... Вѣдь только в іюнѣ Дроздовцы заняли Харьков. Добровольческая армія пошла на Киев, Одессу, Москву. Вспоминается пѣсня Дроздовцев:

То были дни веселья
На улицах вездѣ —
Малиновыя шапки
И на погонах Д.

Как знак свободы вьется
Трехцвѣтный флаг родной
И радостно смѣется
Старик и молодой.

Пьянят красавиц взгляды
Кафэ, сады полны
И шляпы и наряды
Бѣлѣй цвѣтов весны...

Но вскорѣ надежды стали блекнуть. Объединить арміи Колчака, Деникина, а, может быть, и Юденича, никто не смог... Бѣлый шнурок нашего фронта, приколотый к картѣ Россіи в витринѣ ОСВАГ-а, стал спускаться к берегам Азовскаго моря.

Но даже, когда фронт и держался героической арміей, тыл разлагался. Шел «пир во время чумы» — так писал про тыл потом генерал Деникин.

В гражданской войнѣ, да и в каждой войнѣ, одной доблести войск недостаточно. Для командованія нужна и хитрость, и дипломатическія способ-

ности, которых, к сожалѣнію, у нашего высшаго командованія не было. Отчасти это доказывается небрежным приѣмом ставкой польскаго генерала Кальницкаго, в результатѣ котораго Польша не нашла другого исхода, как заключить мир с совѣтами. Освободившіяся красныя дивизіи были переброшены на наш фронт...

Вскорѣ мы услышали, что генерал Оношко пропал без вѣсти. А еще позже, когда французы без предупрежденія оставили Одессу, в одном из госпиталей, в это время, лежал раненый Петр Ильич, который и был там убит большевиками.

Работая в ОСВАГ-ѣ, я иногда писал в Черноморских Вѣдомостях. У меня сохранилась первая часть одной статьи от 23 іюня 1919 года, — «Маленькій фельетон»:

1. Будущая Россія. Годы позора и ужаса народнаго пройдут. Но будущее Государства в значительной степени зависит не только от побѣд на фронтѣ, но от того, кто будет на нашем мѣстѣ через тот промежуток времени, когда мы сойдем со сцены.

Будут ли на нашем мѣсте робкіе, мягкотѣлые «непротивленцы», или энергичные люди дѣла и люди долга, которых так мало видишь в настоящее время.

Как мало об этом думают. Как мало заботятся о воспитаніи нашего подрастающаго поколѣнія.

Неужели фраза: «Ничего не забыли и ничему не научились» полностью примѣнима к нам даже в это отвѣтственное время.

Так было и раньше: Когда маленькая Финляндія организовывала всевозможныя общества, кружки и школы для содѣйствія физическому и моральному воспитанію юношества, у нас это дѣло находилось в самом зачаточном состояніи. Когда в Финляндіи почти всѣ учебники (географіи, исторіи, отечественнаго языка и др.) неизмѣнно начинались с хвалебных слов, посвященных финляндскому генію, трудолюбію, честности и даже богатству финляндской природы, наши безмолствовали стыдливо.

Дѣлаем ли мы что-нибудь в этом отношеніи теперь? Удѣляем ли должное вниманіе молодежи?

Юношество наше растет — «как придется», прозябает, попадает под случайныя, зачастую вредныя вліянія.

Они сами просят руководства и говорят страстно, с юношеским пылом о происходящих событіях, о необходимости дружной, общей работы.

Они не хотят быть пѣшками. Если они еще не могут дѣйствовать, то хотят по крайней мѣрѣ подготовиться к той роли (возрожденіе Россіи), которая предназначена им судьбой.

А взрослые — помогают ли им? Они отмахиваются от надоѣдливых разговоров и вопросов: вам рано еще об этом говорить, — не приставайте!

И думают: что может быть интереснаго в разговорах о возсозданіи Родины, когда надо спѣшить с закупкой мануфактуры и повидать многих «дѣловых людей».

Американскіе принципы: «не терять время» и «дѣлать деньги» привились у нас совершенно своеобразно.

В то время когда американцы напрягали во время войны всѣ свои силы, мы видим, что большинство окружающих стоит в сторонѣ, занятое своими личными, эгоистическими интересами.

Американцы во время войны с гордостью выставляли каждый перед своим домом національный флаг, причем количество бѣлых звѣзд на голубом фонѣ флага указывало на число членов семьи, находящихся на фронтѣ. По вечерам в окнах выставлялись такіе же транспаранты, освѣщенные из квартир.

А у нас? Вниманіе большинства устремлено на другое, — на несполнѣ чистоплотную коммерцію, на изысканіе способов устроиться в тылу.

Приходится слышать голоса о том, что люди, обремененные семьей, не в состояніи оставить жен и дѣтей на голодную смерть: все так дорого, нечѣм существовать.

Но даже среди людей одиноких и здоровых многіе, очень многіе не обладают воинственным пылом.

Поистинѣ молодежь лучше, чѣм взрослые. Их души еще чисты, их мысли ясны и слова их не расходятся с дѣлом.

Протяните же им руку помощи! В свою очередь они помогут Вам, освѣжат Ваши души и волют в них бодрость, энергію и волю к побѣдѣ.

Лѣтом 1919 года наше начальство особенно остро почувствовало недостаток иностранных свѣдѣній, только случайно получаемых из европейских стран, и мнѣ было поручено организовать в Севастополѣ особый пункт информации.

И вот, в начале августа, мы ѣдем на пароходѣ в надеждѣ на лучшія времена.

В Ялтѣ, как и в Феодосіи, наш пароход стоял довольно долго, так что мы успѣли повидаться с милой Ириной Сергѣевной Покровской и с Плотничкиными. Бѣдная Ирина Сергѣевна очень тревожилась за своего старшаго сына Сергѣя, отправившагося в Добровольческую Армію.

Но вот и Севастополь. Ярко-бѣлые берега, глубоко, глубоко врѣзывающейся в сушу бухты, и ярко-зеленая вода тихо плещет о гранит и мрамор Графской пристани... Но гдѣ же корабли? Гдѣ славный наш Черноморскій флот?.. Его нѣт, или почти нѣт. Лучшій броненосный крейсер потоплен в водах Новороссійска. А вдали в сизой мглѣ виднѣются наши старые, отслужившіе свой срок, боевые корабли. Их много — около десяти, а, может быть, и больше. Цѣлое кладбище кораблей. Они видѣли на своем вѣку лучшія времена, но они же видѣли еще недавно, как адмирал Колчак, в отвѣт на требованіе сдать свое оружіе, бросил в воду свой Георгіевскій кортик, но не отдал его в руки красных.

Нас встрѣтил мой сосѣд по работѣ подполковник Рыбцкій и показал комнаты в маленькой гостиницѣ, гдѣ мы могли бы остановиться на первых порах, пока нам не отведут другое помѣщеніе. Комнатки были крохотныя. Гостиница помѣщалась тоже в крохотном стареньком домикѣ, но именно эта старина и придавала уют. Наш балкон выходил прямо на военную гавань и вода плескалась о фундамент нашей гостиницы. Вспоминались строки Некрасова, написанныя им по другому поводу и совершенно в другой обстановкѣ:

*...И черноморская волна
Еще тепла, еще красна,
Уныло в берег славы плещет.
Над всею Русью тишина,
Но не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет
И думу думает она...*

Ах! Если бы и теперь солнце правды блеснуло бы нашей матушкѣ Россіи в ея очи! — думалось нам с Ниной Михайловной и нам казалось, что наша новая работа — моя новая должность — хоть отчасти будет способствовать тому солнцу правды, о котором писал Некрасов. Вѣдь у нас на югѣ не было настоящих газет, не издавалось настоящих книг. У нас не было никаких сношеній с мѣстами, находящимися за кордоном военных дѣйствій. Мы не получали никакой почты. У нас не было даже бумаги, чтобы писать письма. Да и кому мы могли бы писать? Только на Дон, на Кубань и в Ялту?

О заграничных извѣстіях и думать не приходилось. Почта почти отсутствовала и поэтому и штаб Добровольческой арміи, и всѣ русскіе люди с таким нетерпѣніем поджидали свѣжих, правдивых вѣстей. Наш особый пункт иностранной информации должен был помочь этому дѣлу и он в дѣйствительности помог: я пригласил себѣ секретарем из Ялты добрую знакомую Марію Николаевну Ильину*), которая отлично знала и англійскій, и французскій языки, и была во всѣх отношеніях находкой для нашей работы.

Я выписал из Парижа и из Лондона нѣсколько газет, но самое цѣнное и самое скорое, что мы получили, это газеты с военных иностранных кораблей, которые часто приходили в Севастополь. По почтѣ как-то так выходило, что получались лѣвыя газеты, которых мы и не выписывали, вродѣ «L'Humanité».

Особенно дружественныя отношенія установились у нас с англійским легким крейсером «Caradoc», вѣрнѣе с одним из старших офицеров, с которым Марія Николаевна была уже знакома по Ялтѣ.

Потом через нѣсколько лѣт я узнал, что этот «Caradoc» не был единственным англійским судном, носящим это имя. Какое-то странное чувство охватило меня, когда я узнал, что другой «Caradoc» служил в англійском флотѣ во время Крымской войны и осады этого же Севастополя, гдѣ мы тогда находились. Тот, другой «Caradoc», перевез на русскіе берега части англійской арміи, сражавшейся против Россіи. Но это уже давно ушедшія времена. Это уже область исторіи... Здѣсь же всѣ офицеры были очень дружны и милы к нам, и когда однажды мы получили от одного офицера в подарок для Нины Михайловны большой пакет шоколаду, это было для всѣх нас огромным событіем: вѣдь мы жили впроголодь. Большим событіем было также, когда мы скопили нѣсколько сот рублей и купили в лавкѣ один сэндвич, намазанный баклажанной икрой. Олег наш в это время уже поправился настолько, что ходил без моей помощи, и вот он построил план, как заработать деньги.

Олег рѣшил заработать деньги, став газетчиком. Он навел сам всѣ необходимыя справки, побывал в редакціи мѣстной газетки и только тогда сообщил нам, родителям, о своем предпріятіи. Мы не знали, что сказать в отвѣтъ Олегу. С одной стороны, мы восторгались его поступком, с другой стороны, мы очень побаивались во многих отношеніях: наступала зима. Пальтишкѣ у него было не очень теплое и легко было простудиться. Но Олег стойко перенес всѣ невзгоды и неприятности, сопряженныя с ролью продавца газет. Главная неприятность оказалась в отношеніях к нему тѣх самых маль-

*) Марія Николаевна Ильина была родной внучкой севастопольскаго героя адмирала Корнилова. Она была фрейлиной двора Ея Величества. Близкіе друзья нашей семьи сестры Ильины не были с Марьей Николаевной в родствѣ и не были знакомы с ней.

чишек, других газетчиков, которые, может быть, и дали Олегу раньше мысль продавать газеты.

Нина Михайловна особенно остро переживала это время, когда Олега не было дома. Однажды он вернулся домой позже обычного, потому что мальчишки-газетчики, или спрятали, или закинули куда-то его кепку.

Но вот, наконец, выяснилось, что срок, который назначил себѣ Олег для этой работы, закончился, ввиду того, что сумма, необходимая ему для какой-то, хранимой им в секретѣ, цѣли, была накоплена.

Какая же это была цѣль? Как я уже говорил, всѣ мы почти голодали в Севастополѣ почти так же, как и в Новороссійскѣ. Особенно вредно это было для Нины Михайловны. Наш Олег по окончаніи своей мѣсячной трудной работы вернулся домой с торжественным лицом и с маленьким таинственным пакетиком в руках, который он и передал своей мамѣ. В пакетикѣ была... жареная гусиная ножка для мамы, за которую он заплатил весь свой мѣсячный заработок, кажется около двух тысяч рублей.

Кажется, что в это же время Олеша состоял в стаѣ волчат севастопольской дружины скаутов. У него сохранилось удостовѣреніе с печатью, на которой голова волка и девиз: «Приложим всѣ силы». Подпись скаутмастера Ивана Алексѣевича Гарднер. Тогда же Олег очень усердно прислуживал в соборѣ.

Зимою нас в Севастополѣ мучил не только голод, но и холод. Нам отвели помѣщеніе какого-то клуба из четырех комнат. В одной из них, самой большой, на биллиардѣ спали наши дѣти. Другую, самую дальнюю, мы предоставили М. Н. Ильиной. Но маленькая жестяная печурка, так называемая «буржуйка», была лишь одна на всѣ четыре комнаты. Дров, конечно, никаких не было. Мы топили эту печурку старыми газетами, но и газет было мало.

Нам посчастливилось нанять за очень скромную цѣну очень хорошую женщину в качествѣ кухарки. Это была Екатерина Михайловна Бороздина. Она готовила сидя на корточках у незатѣйливаго «мангала» наш, тоже незатѣйливый, обѣд. Ей удавалось иногда покупать на базарѣ кое-какія овощи, но возвращалась она с базара иногда в слезах — до такой степени поражала ее и дороговизна и общій безпорядок. Она, будучи настоящим русским человеком, очень остро переживала крушеніе нашей Матушки Россіи и в ея слезах мы видѣли как бы слезы нашей многострадальной родины. У нея было в Севастополѣ два сына: один в бѣлой арміи, а другой в красной, гдѣ-то поблизости, может быть скрываясь до поры до времени. Она как-то в слезах рассказывала Нинѣ Михайловнѣ, что, когда в Севастополѣ были красные и они устроили свое обычное шествіе с красными флагами, то она заплакала на виду у всѣх и стала вслух причитать. А сын и говорит ей: «Маменька, Вы лучше молчите и только молчите!»... Она была большой симпатіей Нины Михайловны.

Как всегда, повсюду мое вниманіе останавливали на себѣ наши русскіе мальчики и дѣвочки, которые как будто без слов говорили: Не забывайте про нас, вѣдь мы за вас будем расхлебывать кашу, заваренную вами! Не оставляйте нас «безпризорными». Мы уже любим нашу Россію... Мы хотим «Быть готовыми»... И как в Ялтѣ, как в Новороссійскѣ, как почти повсюду, гдѣ бы я ни был, на улицах встрѣчались мнѣ наши русскіе скауты-развѣдчики с одними и тѣми же вопросами: «Когда мы пойдем в поход? Когда на развѣдку? Когда будет очередной сбор?» Часть наших скаутов служила юнгами на военных кораблях, и был вскорѣ организован «морской отряд». Скаутмастер Мультианен Сахаров принимал дѣятельное участіе. Когда наш отряд скаутов

проходил по Нахимовской улицѣ мимо дома, гдѣ мы жили, то они неизмѣнно запѣвали скаутскую пѣсенку со словами: «Кто у нас всегда готов? — Олег Иванович Пантюхов!»

Из взрослых примкнул к нам генерал, числящійся по морскому вѣдомству — Иван Борисович Смольянинов, добродушный, милый человекъ, впоследствии звѣрски убитый большевиками. Стараясь возбудить у жителей Севастополя патриотическія чувства, он выставил как-то в витринѣ большого магазина модель того корабля, на котором однажды держал флаг адмирал Нахимов, и флаги на этом кораблѣ были подобраны с его же нахимовским приказом: «Так держать!» И этот сигнал-клич, по его мнѣнію, очень подходил к тогдашней военной и политической обстановкѣ. Но невольно нам, а может быть и всѣм нам, приходил на ум вопрос: — «Как именно держать путь в общероссійском масштабѣ?» Есть ли у нас на нашей сторонѣ геній, или хотя бы человекъ с искрой генія, который бы сказал коротко и ясно, какой путь держать, который бы вдохновил народ и внушил бы вѣру в данные им лозунги и в побѣду правды и добра, в побѣду матери Россіи?

Мнѣ кажется, всѣ вокруг, хоть и не говорили вслух, но в глубинѣ души думали это и мысленно прикидывали: Кто же? Кто? Корнилова нѣтъ... Дроздовскаго нѣтъ... Деникин — простой, честный, но заурядный генерал... Может быть Врангель? Есть ли у него хоть искра геніальности?

И, в концѣ концов, русскіе люди думали: Бог поможет! Вспоминали слова Достоевскаго: «Спасет Бог Россію, как спасал уже много раз!»

...На «союзников» в кавычках было мало надежды, вѣрнѣе — никакой надежды. Для очистки совѣсти они присылали иногда свои корабли, иногда свое ненужное им солдатское обмундированіе, иногда даже немного пушек, но как мнѣ говорили, то и дѣло присланная амуниція не годилась к употребленію. И если бы «союзники» в самом дѣлѣ думали о помощи, они, конечно, помогли бы в первую очередь деньгами.

От моего дорогого брата, доктора Андрея Ивановича, очень давно не было никаких вѣстей. Должно быть наши письма, адресованныя в Тифлис, не доходили до него. И вдруг один из пріѣхавших с Дона докторов при встрѣчѣ со мной сказал, что не так давно он получил извѣстіе, что Андрей Иванович, при лѣчненіи солдат, заразился холерой. Извѣстіе это пришло из Ростова. Я тотчас же отправил казенную, официальную телеграмму с запросом о здоровьи, и получил отвѣтъ, что, слава Богу, брат стал поправляться. Вслѣд за телеграммами установилась и почтовая связь. Конечно, нам захотѣлось поскорѣе увидѣться. И как удачно вышло, что почти одновременно я получил официальное приглашеніе на общій для всего юга Россіи скаутскій съѣзд в Новочеркасскѣ, гдѣ сам войсковой атаман генерал Богаевскій брал этот съѣзд под свое покровительство.

Севастопольскій наш скаутмастер Мультианен Сахаров рѣшил тоже ѣхать на этот съѣзд, и он дал оригинальную мысль: ѣхать на маленьком суденышкѣ, которое как раз было готово к отплытію в нужное нам время. Необходимыя разрѣшенія быстро были получены. Нина Михайловна, хотя и беспокоилась, что суденышко было маленькое, но была довольна, что я ѣду не один.

Плаванье мое по Черному и Азовскому морям прошло довольно пріятно. Мы с Мультианеном вели безконечныя скаутскія бесѣды, лежа на палубѣ, и

любуюсь великолѣпными очертаніями наших крымских берегов, подернутыми красивой аметистовой дымкой. Вот Старый и Новый Симеиз нашего бывшего командира батальона И. С. Мальцова и его брата, который не захотѣлъ уѣзжать от красных и был замучен. Вот Алупка Воронцова-Дашкова, сын котораго служил в гусарах Его Величества. Затѣм Ай Тодор. Мисхор, гдѣ я был не так давно при других обстоятельствах и вкусно завтракалъ у Великого Князя. Ливадія, Чукурлар, Ялта, Магарач, Никитскій сад, Алуста, Феодосія... Иногда, совсѣм недалеко от нас, появлялись из воды и сейчас же скрывались дельфины. Как это было красиво видѣть их довольно близко на фонѣ ярко-голубой воды.

Все это было, конечно, мелочью и было забыто, когда я увидѣлъ своего брата. Он очень похудѣлъ за время своей болѣзни, но был бодр, скромн, дружелюбен, мил и шутиль, как всегда.

Здѣсь, в предмѣстьи Ростова, ѣды было больше, чѣм в Крыму. Когда я поручил Мультанену купить для нас арбуз и стал объяснять, как надо выбирать, то Андрей Иванович вмѣшался и сказал очень авторитетно: «Оставь его, скауты умѣют выбирать арбузы!» И в самом дѣлѣ, арбуз был принесен великолѣпный.

Мультанен уѣхал в Новочеркасск, а я, поручив ему передать мое письмо и привѣтъ собравшимся, остался еще на полдня с братом.

Как хорошо было перенестись мысленно в родной Тифлис. Андрей Иванович тоже любил от всей души Тифлис и неохотно разставался с ним. Но грузины и армяне совсѣм потеряли головы, объявив Грузію и Арменію самостоятельными государствами и считали врагами русских, которые и стали покидать Кавказ. Это все было очень больно слышать. Казалось, наш Пушкин и наш Лермонтов уже они одни сдѣлали Кавказ недѣлимой частью Россіи. У Лермонтова в «Мцыри» есть такая строфа: «Такой-то царь, в такой-то год, вручил Россіи свой народ». Кавказским племенам, — а их там около пятидесяти — необходима была спасительная защита русских. Защита от турок, от курдов, от персов...

Керчь, Таганрог, Екатеринодар, Ростов-на-Дону, Анапа — все это были города сравнительно благополучные в тѣ времена.

В Екатеринодарѣ находилось так называемое Кубанское правительство, мѣнявшееся довольно часто. Тут я с горечью услышал, что наш милый Эраст Платонович Цитович, который был начальником нашей Царскосельской Дружины Русских Скаутов, когда в ней числился Наслѣдник Престола, был убит здѣсь, в Екатеринодарѣ, большевиками, когда он занимал пост министра просвѣщенія в мѣстном кубанском правительствѣ. Эраст Платонович за этот короткій період успѣлъ написать и издать довольно толковую книгу о русских скаутах, в которой хотя и было не мало ошибок, но было и много цѣннаго матеріала...

По пути — огромный торговый город Ростов-на-Дону. Здѣсь жил мой брат Андрей Иванович в своей скромной комнаткѣ, хотя по его генеральскому чину и положенію он, конечно, мог бы получить лучшее помѣщеніе.

Новочеркасск... Я приближался к этому городу с особым чувством. Это столица обширной области Войска Донского, или попросту Дона. Здѣсь в атаманском дворцѣ живет донской Атаман генерал А. Богаевскій. Здѣсь не только донскіе юнкера и кадеты, но и гимназисты носят широкіе красные лампасы на своих брюках и шароварах. А сама огромная рѣка Дон — чего стоит! Когда я приближался к Дону, я вспомнил стихи Пушкина:

*Приготовь же Дон завѣтный
Для наездников лихих
Сок кипучій искрометный
Виноградников твоих.*

Я сдѣлал визит донскому атаману и поблагодарил его за его сочувствіе и содѣйствіе нашим скаутам. Он принял на себя почетное покровительство нашего скаутскаго сѣзда. Мы поговорили с ним по душѣ и откровенно было видѣть в нем человѣка, сознающаго необходимость как можно больше времени, вниманія и любви удѣлять нашему молодому поколѣнію, нашей смѣнѣ. От лица собравшихся скаутских руководителей меня очень дружески привѣтствовал генерал Траилин, занимавшій какую-то должность при донском Атаманѣ, затѣм, знакомый мнѣ по нашему петербургскому обществу «Русскій Скаут», — кажется, секретарь этого общества Я. Н. Рѣпинскій и один из инициаторов нашего новочеркаскаго сѣзда Александр Дехтерев. Вспоминаются имена руководителей Бориса Солоневича, Севастьянова.

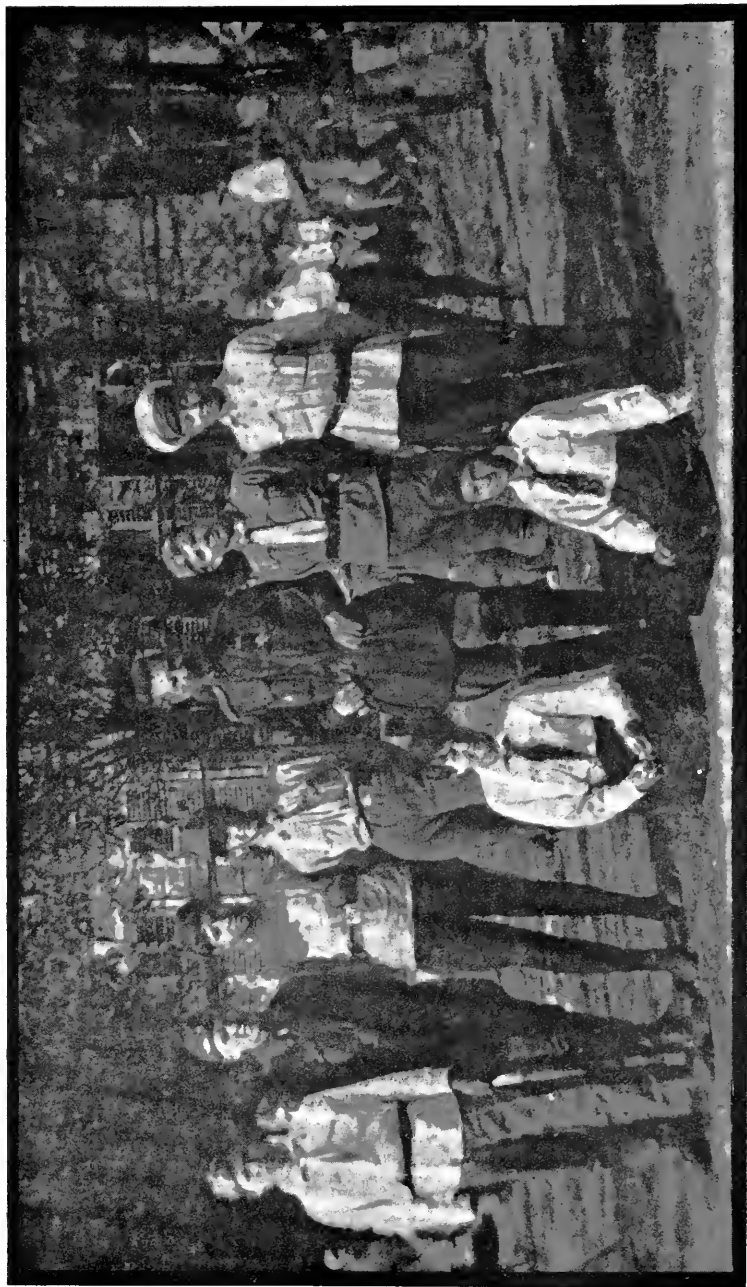
Собранія наши происходили в помѣщеніи какого-то учебнаго заведенія, кажется мѣстной классической гимназіи. Сѣзд был открыт генералом Траилиным, сказавшим привѣтственное слово от имени донскаго Атамана. Предсѣдательствовать на собраніях попросили меня. Намѣтили программу совѣщаній. С большим вниманіем и даже больше, чѣм вниманіем — с большим волненіем мы выслушивали доклады представителей с мѣст, особенно из харьковскаго и других, находившихся в сферѣ военных дѣйствій, районов. Сколько было юношескаго энтузіазма, сколько вѣры в нашу мать-Россію и в спасеніе ея, сколько безстрашія и увы — сколько погибших, арестованных и замученных большевиками в мѣстах, переходивших нѣсколько раз из рук в руки. Отряды дѣвочек-герл, скауток-развѣдчиц, существовали в меньшем количествѣ и им приходилось труднѣе, но энтузіазма у них было, кажется, еще больше.

Не было возможности прибыть делегатам из дальних краев, напримѣр, из Одессы, гдѣ одно время была очень большая организація. Особенно сильное впечатлѣніе произвел доклад скаутмастера — представителя района сѣвернаго Кавказа, гдѣ не так давно особенно звѣрствовали большевики.

Когда по программѣ сѣзда дошла очередь до выбора Старшаго Скаута Россіи, то меня попросили выйти из зала на нѣкоторое время и я минут десять бродил по училищным коридорам, смотрѣл в окна и представлял себѣ кипучую школьную жизнь, царствующую здѣсь в обычное школьное время. Сколько молодых сил, сколько возможностей у cadaго из них и для себя, и для других, и для Родины-Россіи!..

Я, кажется, предугадывал, что меня выберут Старшим Скаутом. И в самом дѣлѣ, когда меня попросили вернуться в зал, то у всѣх были какія-то торжественныя лица, и генерал Траилин в дружеском привѣтственном словѣ заявил, что я единогласно избран сѣздом на пост Старшаго Скаута Россіи. Я был глубоко тронут и отвѣтил, что в такое трудное время я мог бы, может быть, справиться с предстоящей работой, но только при условіи, что каждый из руководителей приложит всѣ силы для общей работы.

Я не мог не задумываться над громким, даже, пожалуй, торжественным титулом — Старшій Скаут Россіи! Всей Россіи! Но вѣдь всей Россіи нѣтъ. Есть только часть Россіи. Но члены совѣщанія меня увѣрили, поддержали увѣренность, что Россія будет! И я вѣрил со всѣми в это. И впослѣдствіи я узнал,

Со скаутами на Дону (3 октября 1919).

что приблизительно в это же самое время в далекой Сибири на скаутском съѣздѣ в Челябинскѣ я тоже был избран Старшим Скаутом.

Общее впечатлѣніе: особенно было отрадно видѣть нашу «зеленую молодежь» — наших скаутов и их ближайших руководителей, часто в невзрачной, вовсе не парадной формѣ, иногда замызганных, усталых и голодных. Вѣдь всѣ теперь голодали. Но, когда рѣчь заходила о развѣдкѣ, о походах, о помощи раненым, о лагерях, — глаза молодежи озарялись, проглядывало у них ясное, поистинѣ братское отношеніе друг к другу и видно было, что им есть что вспомнить из их лагерной, походной, а, иногда, и боевой жизни.

Кромѣ патріотических, походных и боевых пѣсен, которыя пѣлись нашими скаутами, мнѣ запомнилась веселая, но характерная для того времени, пѣсенка о картошкѣ, которую так трудно было получить им в то тяжелое время:

*Ах, картошка — объяденье и наш скаутскій идеал!
Тот не въдал наслажденья, кто картошки не ѣдал...
Наши бѣдные желудки были вѣчно голодны
И считали мы минутки до объеденной поры...*

И еще много строк в таком же родѣ. Пѣвшіе скауты с улыбкой вспоминали и рассказывали о трудностях походной и лагерной жизни и о голодовкѣ, и... о картошкѣ!

Добавлю еще, что когда я говорю о скаутах, то это относится и к дѣвочкам-скаутам. Онѣ были вездѣ, гдѣ были скауты, но, конечно, отдѣльными группами.

*

На обратном пути мы возвращались с братом через Екатеринодар, пробывши в нем дня два. В этом городѣ сосредоточилось много представителей политических теченій, бывших министров и других власть имѣвших людей. Особенно много было членов кадетской партіи, которая, как и многія другія, вырабатывала и предлагала свои планы спасенія Россіи.

Возвращеніе в Севастополь в этот раз было на большом пароходѣ. Снова в аметистовом лучезарном свѣтѣ вырисовывалась передо мной панорама крымских гор и городков: Керчь, Феодосія, Алушта, Ялта.

Вспоминались опять чудесныя строки Пушкина:

*Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свѣтъ утренней Киприды,
Как вас впервой увидѣлъ я.
Воображенью край священный —
С Атридом спорил там Пилад,
Там заколоса Митридат,
Там тѣл Мицкевич вдохновенный
И посреди тавридских скал
Свою Литву воспоминал.*

Вспоминаю, когда я послал свою статью с описаніем своего крымскаго путешествія в Новороссійскую газету, то мой пріятель В. В. Фохт, редактор

этой газеты, собрал всѣх своих сотрудников, прочел им мою статью и сказал с восторгом: «Вот как надо писать газетныя статьи!»

...Я рад был вернуться к своим в Севастополь и увидѣть всѣх — и Нину Михайловну, и дѣтей в добром здоровьѣ.

В моем бюро иностранной информации также все было благополучно. Интересныя и цѣнныя сообщенія, переводы из иностранных газет, посылались регулярно, а я уже знал послѣ поѣздки в Ростов, как все это было цѣнно и для штаба арміи и для населенія.

Жизнь и служба в Севастополѣ пошла опять своим чередом. Пока главные силы Добровольческой арміи имѣли успѣх и все было благополучно на главном фронтѣ, наш крымскій район был также тверд. Командовал арміей генерал Слащев. Про него говорили, что это был храбрый, но взбалмошный человек. Когда он встрѣчал в Севастополѣ офицеров без опредѣленной службы, то он говорил: «Ко мнѣ, в Джанкой!» Джанкой — это была желѣзнодорожная станція недалеко от Перекопа, гдѣ находилась его штаб-квартира.

В городѣ было не мало людей и в штатском и военной формѣ, которые как-то ухитрились спекулировать и добывать деньги, и тратили их в дорогих кабаках. Это, конечно, раздражало тѣх боевых офицеров, которые пріѣзжали сюда с фронта.

Одной из достопримѣчательностей Севастополя была огромная панорама осады Севастополя. Если не ошибаюсь, это была работа художника Рубѣ. Помѣщалась она в огромной палаткѣ, похожей на помѣщеніе для цирка, и мѣсто для этой панорамы выбрано было удачно, вблизи знаменитаго Малахова кургана. Отсюда открывался великолѣпной вид на весь город и на гавань-рейд. Сюда мы приходили со скаутами и тут не трудно было возстановить для молодежи осаду и показать им откуда именно стрѣляли французскія батареи и как англичане устроили бомбардировку Корабельной стороны. А глядя на остатки бастионов, легко было рассказать о геройствѣ матроса Кошки и адмиралов Нахимова и Корнилова.

Зима 1919 - 20 года была довольно холодная, и в нашей неотопляемой квартирѣ для Нины Михайловны легко было простудиться и простуда перешла в бронхит, а затѣм и в воспаленіе легких. Какая радость, как Божья помощь, была вѣсть о пріѣздѣ моего дорогого брата доктора, который спас Нину Михайловну от подобной же болѣзни шесть лѣт тому назад в Тифлисѣ. Тоже повторилось и здѣсь в Севастополѣ. Лечение пошло быстрѣе, так как этому способствовало ощущеніе какого-то спокойствія, когда с нами рядом был чудесный доктор и такой же чудесный человек. Достаточно сказать, что уже, когда он только появлялся у постели больной со своей дружеской улыбкой на лицѣ и иногда с веселой шуткой, то больной становилось лучше. Однако Андрей Иванович пріѣхал этот раз в Севастополь только лишь в служебную командировку, как инспектор военно-медицинской части арміи и через нѣкоторое время должен был уѣхать в другіе города.

*

Положеніе на фронтѣ, к общему горю, становилось хуже и хуже. Причины этому очень сложныя, но одна из причин может быть была: не подходящій командный состав. Люди, достойныя довѣрія, рассказывали, что когда представители освобожденнаго от красных города Харькова пришли с хлѣбом-солью и цвѣтами на вокзал к вагону командующаго войсками генерала Май-

Маевского, то он не мог принять представителей города по той причине, что был пьян...

Но были все же и герои... Корнилов, Колчак*), Марков, Каледин, Дроздовский, Юденич, Врангель и, конечно, многие, многие другие, которых забыть нельзя...

Наступило время «Деникинской эвакуации» из Новороссійска. Оборона Крыма продолжалась с успѣхом, но пессимистическое настроеніе как-то шире разлилось и среди населенія и, может быть, среди войск. Штабы, хоть и негласно, стали думать об эвакуации. В госпиталях сосредоточилось много раненых и больных, которых слѣдовало бы эвакуировать в первую очередь. Мнѣ предложили командировку на Балканы с тѣм, чтобы разрѣшить вопрос о размѣщеніи больных и раненых Добровольческой Арміи. Врачебная комиссія признала меня самого подлежащим эвакуации и подходящим для этой командировки.

Все это случилось в концѣ февраля, когда южное солнце стало по весеннему пригрѣвать, и Нина Михайловна с помощью моего брата стала поправляться. Как бы нам хотѣлось, чтобы и Андрей Иванович получил подобную командировку. Но он считал, что он нужнѣе в Крыму и, кромѣ того, он надѣялся, что ему удастся установить связь с его дочерью Людмилой, от которой он много мѣсяцев не имѣл вѣстей. Он обѣщал, однако, что если будет общая эвакуация, то он воспользуется ею.

Наши дѣти Олег и Игорь за эти годы подросли. Школы мѣнялись очень часто, а временами школ и вовсе не было. Олег учился гораздо лучше Игоря. Нина Михайловна частенько вспоминала, сочиненные им, бѣлые стихи-загадку про нее, написанную еще в Ялтѣ. Если читать первыя буквы каждой строчки, то получается — «Нина Михайловна Пантюхова».

Еще в Чукурларѣ и Олег и Игорь любили слушать стихи и рассказы, которые я иногда читал вслух. Помню, напримѣр, «Сказку о царѣ Салтанѣ», «Сказку о рыбацѣ и рыбкѣ»... А когда я имѣл неосторожность сказать стихи А. Толстого «Волки», то это произвело на них слишком сильное впечатлѣніе, но они просили опять и опять повторять их... У обоих наших мальчиков были несомнѣнные способности к рисованію, но в грамотѣ Игорь сильно отстал. Зато у него, по словам няни Юли, с ранних лѣт выявлялся талант актера.

Всѣ эти мысли приходили мнѣ в голову, когда нам надо было укладываться и затѣм грузиться на большой товарный пароход. Дружески попрощались с сотрудниками и сосѣдями.

Руководство скаутами в Крыму я поручил генералу Смольянинову.

*

Какія чувства, какія мысли, надежды и предчувствія были у нас с Ниной, когда берега Крыма, берега нашей Россіи удалялись от нас в лучезарной мглѣ? Надѣялись ли мы вернуться? Станет ли Россія снова Россіей? Что ждет нас на берегах Босфора?

Все было в туманѣ, а пока что было большое неудобство для нас, «мужчин», включая мальчиков: мы должны были оставаться на палубѣ все время нашего пути. Слава Богу, что Нину Михайловну удалось помѣстить в каюту вмѣстѣ с одной хорошей дамой. С ѣдой дѣло обстояло еще хуже и только

*) Предан французским генералом Жанен и передан врагам на расстрѣл.

подъѣзжая к Константинополю удалось для дѣтей и Нины Михайловны купить у повара-китайца немного рисовой каши. В пути качало, но на это как-то не обращалось вниманія: слишком много о чем надо было думать.

Но вот и Босфор! Издали берега его такіе же красивые, как наши крымскіе берега. Но вблизи — это иллюстрація для сказки из «1001 ночи».

Наш пароход прошел в Мраморное море и остановился против азіатскаго берега. Здѣсь всѣ мы должны были подвергнуться довольно неприятной процедурѣ «дезинфекціи», причем наши вещи подверглись пропаркѣ, в результате чего нѣкоторые кожанья вещи были испорчены.

Нас спросили: на какой из Принцевых Островов мы предпочитаем ѣхать — на англійскій, на французскій, итальянскій или американскій? — Мы выбрали самый крупный из островов — Принкипо, оккупированный англичанами. Здѣсь был комендантом полковник Максвел, который был весьма дружелюбен, особенно когда узнал, что я руководитель русских скаутов. Нам предложили поселиться в домѣ, гдѣ жила знакомая нам семья адмирала Бострем.

Попад на остров Принкипо, мы думали, что пробудем здѣсь только нѣсколько дней, так как приѣхали мы в Турцію по предписанію Представителя главнаго начальника санитарной части военных сил юга Россіи, от 17 февраля 1920 года, для изученія вопроса эвакуаціи раненых и больных за границу. Согласно этому предписанію, мнѣ было поручено ѣхать в Варну, Прахов и Бѣлград.

Однако послѣ двух моих визитов в наше посольство в Константинополь, стало ясно, что произошли в отношеніи комиссіи перемѣны, а вскорѣ выяснилось, что Югославія и король Александр широко раскрыли двери своей страны для размѣщенія значительной части русских воинов, раненых и больных.

Таким образом получилось, что я уже перестал быть членом комиссіи, а стал обыкновенным эмигрантом, или как тогда говорили «бѣженцем». Мы всѣ четверо стали маленькой частицей ста тысяч эвакуированных русских людей и эта цифра в будущем возросла до милліона.

Об остальной нашей жизни на берегах Мраморнаго моря и Золотого Рога, я написал в началѣ этих записей. Теперь прибавлю только окончаніе.

Сразу же по приѣздѣ нас обступили русскіе скауты и как-то само собою вышло, что тут организован был первый отряд заграницей.

Как я упоминал, наша скаутская идея патріотическаго и гражданскаго воспитанія русской молодежи конечно была совершенно неприемлема для коммунистов. Теперь в Россіи наших скаутских руководителей преслѣдовали, убивали, ссылали в концентраціонные лагеря. Достаточно вспомнить доблестнаго, недавняго моего помощника генерала Ивана Борисовича Смольянинова, разстрѣляннаго в Симферополь.

Но «Жив был Курилка», как они писали про меня. То же коммунисты могли бы сказать про наши скаутскія группы-отряды и звенья, которые долго еще держались по многим городам и вѣсям нашей матушки Россіи.

Наконец, рѣшено было, в противовѣс нашим скаутам, создать «красных пионеров». В началѣ они назывались «юные коммунисты» или «юки».

Вот что писал один из наших молодых руководителей из Москвы:

Осенью 1918 года в Россіи были организованы «Юки», которые, как вам извѣстно, пролетѣли, ибо скаутизм здѣсь считали приманкой, а дальше шло накачиванье коммунизма.

Большинство из них думало, что под видом юков можно будет основать скаутскую

організацію и нѣкоторые старые скауты перешли в отряды юков, но они были чужды «широкой массѣ».

Чувствовалась потребность в какой-то організації старых скаутов. Таким образом, организовалось «Содружество старых скаутов братьев костра», и тогда работа среди юков совсѣм замерла; юки распались.

Много было споров, много мыслей, а в результатѣ «говорильня». Однако в Семеновском, в 1919 году, удалось устроить большой хорошей скаутскій лагерь, воодушевивший всѣх участников к скаутской работѣ. Помѣшал этому съѣзд «Коммунистической молодежи», который постановил распустить скаутов, как организацию «буржуазную» и т. д.

Все же весной 1920 года, при помощи «Всеобуча», несмотря на протесты «коммунистической молодежи», наступил період вѣшняго, увя, только вѣшняго, разивѣта русскаго Московскаго скаутизма. Организациа принимает колоссальные размѣры. В Москвѣ 46 отрядов! Нас гоняют на парады, на всякія выступленія, и в результатѣ Московская дружина скаутов разваливается и от внутренней пустоты и от вѣшняго давленія.

3 - 4 отряда еще оставались и кое-как провели зиму. Весною 1921 года были снова попытки организациа, но безуспѣшныя. Остались только самые вѣрные движению скауты.

Прошло еще около двух лѣт. Должно быть в 1922 году, там уже практиковалось так называемое «промываніе мозгов», хотя и в другом родѣ, чѣм практикуется теперь. Лишеніе хлѣбных карточек, то-есть голодовка, не могли не воздѣйствовать и на голодных родителей и на голодных дѣтей. Но все же наши скауты еще держались кое-гдѣ.

Вот отрывок из моего оповѣщенія-приказа русским скаутам того времени:

Из Россіи скауты пишут мнѣ: «Тяжелыя времена настали для русских скаутов. Вездѣ разгромы отрядов. Разумѣется, скауты остаются скаутами и продолжают свою работу. Наш праздник мы, несмотря ни на что, отпразднуем, как подобает скаутам. Мы горим желаніем работать для славнаго скаутинга, для Россіи и твердо держим наше знамя с лиліей. «Мы будем готовы».

А вот выдержка из другого письма:

Скауты находятся на нелегальном положеніи. Знамя в цѣлости и безопасности (закопано в землю). Дружинный музей и скаутская литература тоже в цѣлости. Взято в К. С. М. только имущество в видѣ столов, шкафов и проч.

День святого Георгія скауты провели подобающим образом, даже в формѣ, собравшись по одиночкѣ в горах, в пяти верстах от города, куда проникли в частной одеждѣ, имѣя под ней скаутскую форму. Знамя тоже было на этом парадѣ. Не было только молебна, который скауты замѣнили своей молитвой Святому Воину. Скауты просили меня передать Вам: «Всегда готовы».

Вот отрывки из двух писем, которые так много говорят нам... Как древніе христіане, тайком собираются наши братья и тайком продолжают свое великое дѣло.

В первые вѣка гоненія на христіанство, как нам извѣстно, Правда и Добро восторжествовали. Восторжествуют и теперь, хотя, может быть, пройдут многіе годы — годы страданій, голода и угнетеній... Гоненіе на религію — вот одна из задач нынѣшних властителей Россіи, а вмѣстѣ с ними и руководителей красных «піонеров»...

Святой Георгій покинул тѣх, кто измѣнил скаутизму.. Один из коммунистов пишет: «Святой Георгій на бѣлом конѣ выѣхал из Россіи». Неправда. Он покинул лишь тѣх, кто измѣнил ему, измѣнил Добру и Правдѣ и перешел на сторону зла и лжи.

Эти годы были как бы заключительными, прощальными годами для наших скаутов в Россіи. Все же из Россіи нѣтъ-нѣтъ, да и придет скаутское письмо; там, несмотря на преслѣдованія, как пламя на золѣ, горит еще огонек скаутизма.

Я писал своим скаутам за границей в видѣ рождественскаго и новогодняго рассказа описаніе скаутской елки под новый 1922-й год, которое я получил тогда из Москвы:

Ночь. Неслышными шагами приходит в мир Новый год. Ночь в лѣсной глуши в 25 верстах от Москвы. Темный лѣс спит под глубоким снѣжным покрывалом, но одна из елок в лѣсу радостно свѣтится огнями свѣчей и как-то странно и весело смотрѣть на нее, убранную снѣгом и огнями... Высоко в темном небѣ одна ярче другой горят звѣзды и будто слышатся голоса поющие: «На землѣ мир. В человѣцах благоволеніе».

А рядом на прогалинкѣ, на снѣгу, приготовлен матеріал для костра.

Как будто для какого-то таинственнаго и молитвеннаго обряда собрались сюда в лѣс юноши и мальчики. Вот они стали вокруг елки и ровно в двѣнадцать часов опытными руками зажжен был костер.

Раздался знакомый мотив пѣсни. Это скаутскій гимн. Это скауты приѣхали сюда из Москвы. Они не могли собраться в эту ночь в городѣ и собрались сюда, чтобы на лонѣ природы в братской семьѣ встрѣтить Новый год! Что принесет он им? — Думали ли тогда скауты, что этот год несет им усиленное гоненіе на них, заточеніе и тюрьмы для многих, разгром скаутских организацій и их приморских собратьев?

Но они вѣрили в свѣтлое будущее Россіи, в славное будущее их любимаго дѣла, и как не вѣрить, когда так радостно на душѣ, когда так много молодых сил и надежд!..

Однако разгром скаутских отрядов и групп продолжался. Мнѣ было прислано из Москвы обращеніе, подписанное восьмью юношами, но составленное, судя по стилю обращенія, другими, болѣе взрослыми людьми. Вот выписки из этого очень характернаго для того времени «Открытаго письма»:

Мы, руководители московских скаутских групп, неоднократно обсуждали и всесторонне продумав создавшееся положеніе скаутизма в Россіи и в иностранных государствах, единогласно решили: скаутизм сделался орудіем реакціи и фашизма... Скаутизм в Россіи оказался в оппозиціи Советскому Правительству... Оказался средством борьбы капитализма против пролетариата... Русские скауты, если они сознательно относятся к переживаемому моменту общественной жизни, не могут быть враждебны рабоче-крестьянскому правительству, спасшему Республику от разгрома германскаго империализма, иностранной интервенціи и белогвардейско-монархических элементов, и пролетариат, всегдашней жертвы эксплоатации и несправедливости.

Итак, судя по тексту этого обращенія (открытаго письма), московскіе скаутскіе отряды стали разсыпаться мало-помалу и причин для этого в совѣтских условіях жизни было мнѣго.

В контраст письмам из-за чертополоха, привожу из моей Пасхальной «Бесѣды у костра»:

Христос Воскресе... В день Свѣтлага Христова Воскресенія всѣ мы будем объединены искренним стремленіем к духовному возрожденію. Мы, скауты, соединены друг с другом крѣпкими священными узами дружбы и братства. В свѣтлый день Воскресенія крѣпко пожем друг другу — хотя бы мысленно — лѣвыя руки и скажем: «мы исполним наш скаутскій долг». ...«Если разум ничего не в силах сказать о будущем нашем, о будущем Россіи, о будущем всего міра, то сердце говорит ясно, что Россія не сгинула. Послѣ крестнаго пути, послѣ Голгофы, настанет Воскресеніе».

*...Не пропадешь, не сгинешь ты
И лишь забота затуманит
Твои прекрасныя черты.*

Россія жива... Я пишу эти строки в дни Великаго поста, только что вернувшись из православнаго русскаго собора. Сегодня происходил вынос Всечестнаго и Животворящаго Креста Господня. Алтарь здѣшняго собора, как и всѣх наших церквей, обращен на восток, туда, гдѣ Россія. Там в церквах повсюду раздается то же трогательное, знакомое нам с дѣтства, пѣніе. «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко». — Какія знаменательныя слова. Крестный путь... Тяжелый крест приходится нести всѣм русским. Вам, скауты и герль-гайды, как и всей русской молодежи, особенно тяжела ноша — тяжелѣе, чѣм взрослым людям. Временами, может быть, покажется вам крест непосильно тяжелым. Захочется оставить его и избрать путь легче. Здѣсь-то, в трудныя минуты, и поможет вам скаутскій дух. Наши правила, наши законы и завѣты подскажут вам, как надо поступить, когда явится соблазн итти по болѣе легкой, хотя и не такой чистой дорогѣ. Долг скаута... Задавайте чаще себѣ вопрос: «Как должен поступить настоящій скаут. В чем мой долг?» И поступайте именно так, как велит вам долг скаута. Будь готов.

*

К лѣту 1922 года наши союзники уже позабыли свои недавнія соглашенія, согласно которым они должны были наблюдать за своим недавним врагом, за военными дѣйствіями Турціи, и стали покидать Константинополь, — убираться восвояси. В Константинополь остались их совершенно ничтожныя силы. Во владѣніе туркам не только был возвращен Константинополь, но предоставлены были и греческіе города Малой Азіи.

Длинноволосые, в своих огромных тюрбанах, Сики из восточной Индіи, черные как смоль сенегалцы, со своими «религіозными» шрамами на щеках, всѣ стали возвращаться к себѣ домой. Американцев и итальянцев тоже почти не осталось.

Возрожденіе Турціи чувствовалось. Непрїязнь к иностранцам была в воздухѣ и заставила нас, русских, намѣчать для себя тѣ страны, куда хотѣлось бы и куда можно было бы переселиться. Мечты о возвращеніи домой, в Россію, угасали день за днем. А еще недавно многіе, шутиливо выражаясь, сидѣли на своих чемоданах, ожидая чуда — крушенія совѣтов.

Как это хорошо было, как чудесно было, что Нина Михайловна раздѣляла со мной всѣ русскіе завѣтные взгляды и стремленія. Вѣрнѣе — она сама подсказывала мнѣ то, что я хотѣл бы сказать; было ли это надежда на освобожденіе Россіи или вдохновительное слово скаутам, или прозаическіе художественныя проэскты для нашей «мастерской»-студіи и проэскты дальнѣйших наших заработков, которые были нам так необходимы, — во всем, во всем у Нины был для меня счастливый задушевный отклик и счастливое еди-

нодушное согласіе. Рѣдко у кого бывало в жизни такое единомысліе, как у нас с Ниной. Короче сказать, наши общія мысли и желанія были тѣ же самыя, которыя мы хотѣли бы внушить нашим дѣтям и нашим русским скаутам и которыя выражались так ясно и коротко, словами нашего скаутскаго девиза: «За Россію»! А если сказать подробнѣе, то надо было бы опять вспомнить тѣ двѣнадцать наших скаутских законов, которые говорят о любви к Богу, к родной церкви и, конечно, к родной Россіи, говорят о послушаніи родителям, о чистотѣ нравственной и физической, о помощи ближним, о самодѣятельности, о бодрости, веселости, о защитѣ животных, словом, опять о том, о чем сказано в нашем «скаутском гимнѣ»: «Ко всему большому и прекрасному будь готов!»

Наш скаутскій гимн написал юноша скаут Адуев еще в самом началѣ нашего движенія в Царском Селѣ... Когда послѣ прихода большевиков к власти, мы произносили имя РОССІЯ, то нас охватывало какое-то странное, трудно передаваемое чувство: Россіи, как будто, судя по газетным свѣденіям, уже нѣтъ. Для нея придумано какое-то довольно дикое названіе: РСФСР! Но нам хотѣлось вѣрить и мы, конечно, вѣрили, что Россія живет в сердцах и душах русскаго народа и будет жить снова и во вѣки!..

Вспоминались опять слова Достоевскаго. Вспоминался его пророческій роман «Бѣсы».

Гражданская война на югѣ Россіи пришла к концу, но не кончились страданія и плач русскаго народа. С каждым годом и физическія и моральныя страданія росли. Мы с ужасом получали извѣстія о гибели от голода и от мученій наших близких. На краю гибели от голода был и мой брат Ваня и все его семейство.

Сначала Ленин, а послѣ Сталин во время этого чудовищнаго голода приказывали продавать русскій хлѣб за границу.

Горько было мнѣ по этому поводу вспоминать пушкинскую «Исторію Села Горюхина», когда польскій управляющій имѣніем замѣтил, что малоимущіе, нуждающіеся крестьяне, не смѣли жаловаться и были довольны каждой подачкѣ. А с имущими было труднѣе... И польскій управляющій для своего удобства рѣшил сдѣлать всѣх крестьян неимущими.

И Ленин, и Сталин, повидимому, держались именно такой тактики, а второй из них — Сталин — тоже был не русскаго происхожденія.

Долгіе годы послѣ Ленина коммунистическіе вожди появлялись к власти и падали: Троцкій, Зиновьев, Каменев, Радек, Рыков и многіе другіе появлялись на верхах и падали в результатѣ своей же системы.

Значительно позднѣе американскій радіокомментатор Фультон Луис говорил про періодическія чистки партійцев, что «коммунисты пожирают друг друга». В самом дѣлѣ похоже было на то, как пауки в банкѣ ѣдят один другого. Нам их не было жалко, но мы не можем простить гибель миллионов русских людей, происшедшую по их винѣ.

Одним из этих погибших был мой брат Коля.

Когда Коля женился (кажется в 1898 году) на «свободомыслящей» курсисткѣ, оба они находились под вліяніем Милюкова. Послѣ февральской революціи казалось бы, что ея мечты готовы были воплотиться в жизнь, когда Государственная Дума надѣялась править страной. Однако наступила керенщина и все пошло насмарку. Сначала совѣтскія власти держали Колю, как знающаго свое дѣло химика и директора завода, но когда наступило время

Дѣвочки скауты у стѣн Стамбула. Узнаю Мусю Добровольскую, Витю Оношко и Леночку Измаилову (1921).

Адм. И. Ф. Бострем с двумя его сыновьями. Налѣво наш сын Игорь, направо Олег. Остров Принкипо (1920).

очередной «чистки», то его сослали вмѣстѣ с другими учеными и профессорами в Соловки, в концентраціонный лагерь, а затѣм на ледяные берега Печоры, гдѣ он и скончался. Обо всем этом я узнал только послѣ побѣга из совѣтскаго рая профессора Чернавина, который написал обо всем этом в парижских «Послѣдних Новостях».

Как я уже говорил, мой другой скромный брат Ваня, оставшійся на хуторѣ, чуть не умер от голода. От него мы чудом в Константинополь получили открытку:

Дорогой Олег!

Получил вчера посылку из АРА. Муки больше пуда, риса 25 фунтов, сахару 15 фунтов, сала 10 фунтов, молока 20 банок, чаю фунт. На радостях напился чаю по-человѣчески, по мирному времени. Года четыре мы пили просто горячую воду с сахарином. Не нахожу слов, чтобы поблагодарить тебя за посылку, а еще больше за письма. Служу на желѣзной дорогѣ. Получаю по девять миллионов в день, но за квартиру платим 140 миллионов. Хлѣб 600 000 фунт. Сало 8 миллионов. Мясо 4 миллиона. Картошка 200 000 фунт и т. д. Убивают нас налоги, а с хутором я совѣм не знаю, что дѣлать: аренды надо платить 15 пудов жита. Я было с этим примирился, но вдруг — налог на огороды один миллион с сажени, и я подумываю продать свою хатенку, если бы кто дал хоть 60 рублей золотом.

Все это было написано мелким неразборчивым почерком на одной почтовой карточкѣ. Марок было наклеено на 410 рублей. На открыткѣ малороссійскій герб и надпись по украински: «На цьому боци пишеться тильки адрес». Послѣ этой открытки пришла еще одна, на которой Ваня пишет, что хутор, который был, так сказать, нашим семейным гнѣздом, пришлось «бросить» — иначе нельзя было сказать, так именно выразился наш Ваня в своем грустном письмѣ.

Сколько было у всѣх у нас и у всего русскаго народа трагедій личных, семейных, общенародных и даже общечеловѣческих, ибо мы как-то уже чувствовали, что зараза большевизма будет привита и другим народам.

Это была трагедія всей нашей матушки Россіи, и как бы олицетвореніем гибели старой Руси было зловѣщее убійство Государя и всей царской семьи. Мы пережили кошмарные годы, годы ужаса, которые наше человѣческое воображеніе и представить себѣ не может: гибель миллионов и миллионов людей в каторжных лагерях, а через нѣсколько лѣт гибель цѣлых народов — крымских татар, кавказских горцев и других.

Но возвращаюсь к своим записям о наших семейных переживаніях 1922 года.

Было нѣкоторым утѣшеніем русским людям видѣть, как скауты маршировали под нашим русским трехцвѣтным флагом по улицам Стамбула. Русские скауты участвовали на общескаутском смотру-парадѣ на площади Таксим, и бурными аплодисментами публика на эстрадах и на улицах привѣтствовала наш національный русскій трехцвѣтный стяг.

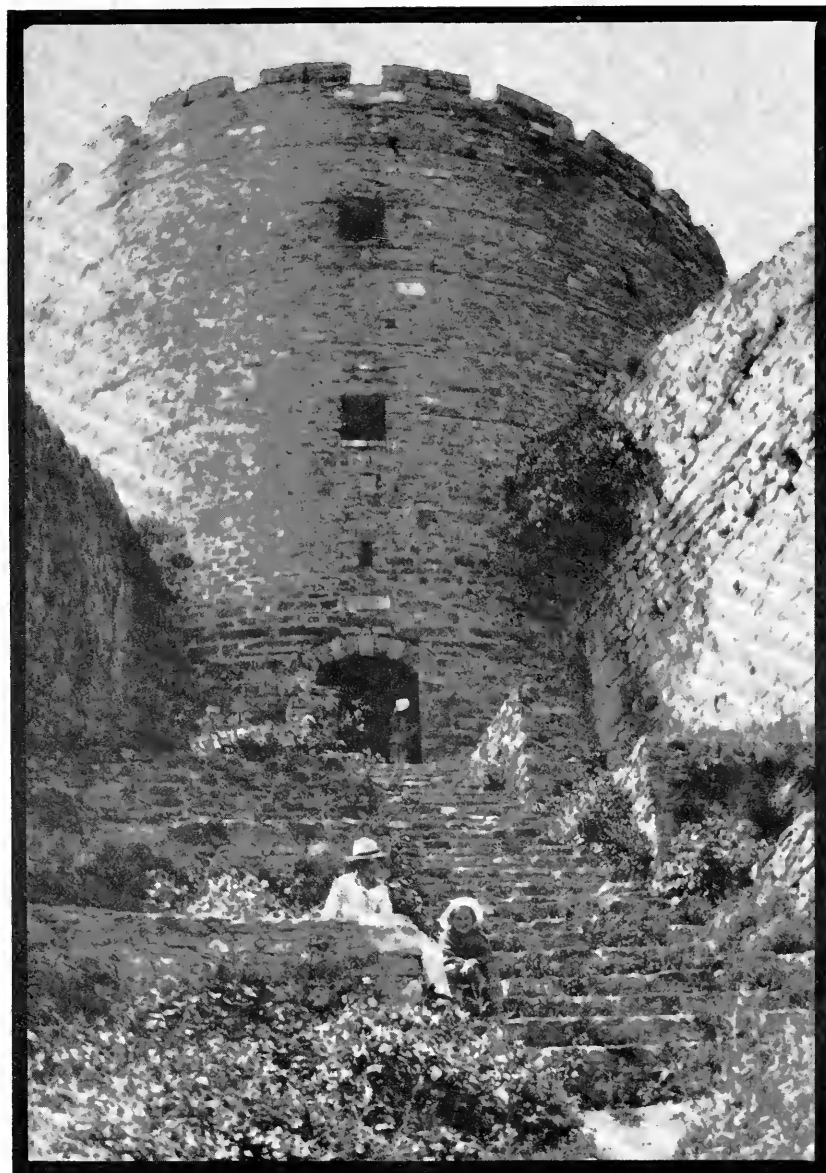
...На берегах Босфора мы отдохнули душой до тѣх пор, пока Кемаль не предложил нам, бѣженцам, покинуть Константинополь.

Как я уже писал, нам нужно было выбрать — куда ѣхать? Мой брат, доктор Андрей Иванович — Юша, переселился в Югославію, а мы с Ниной намѣтили болѣе отдаленную и заманчивую для нас страну — Соединенные Штаты Америки.

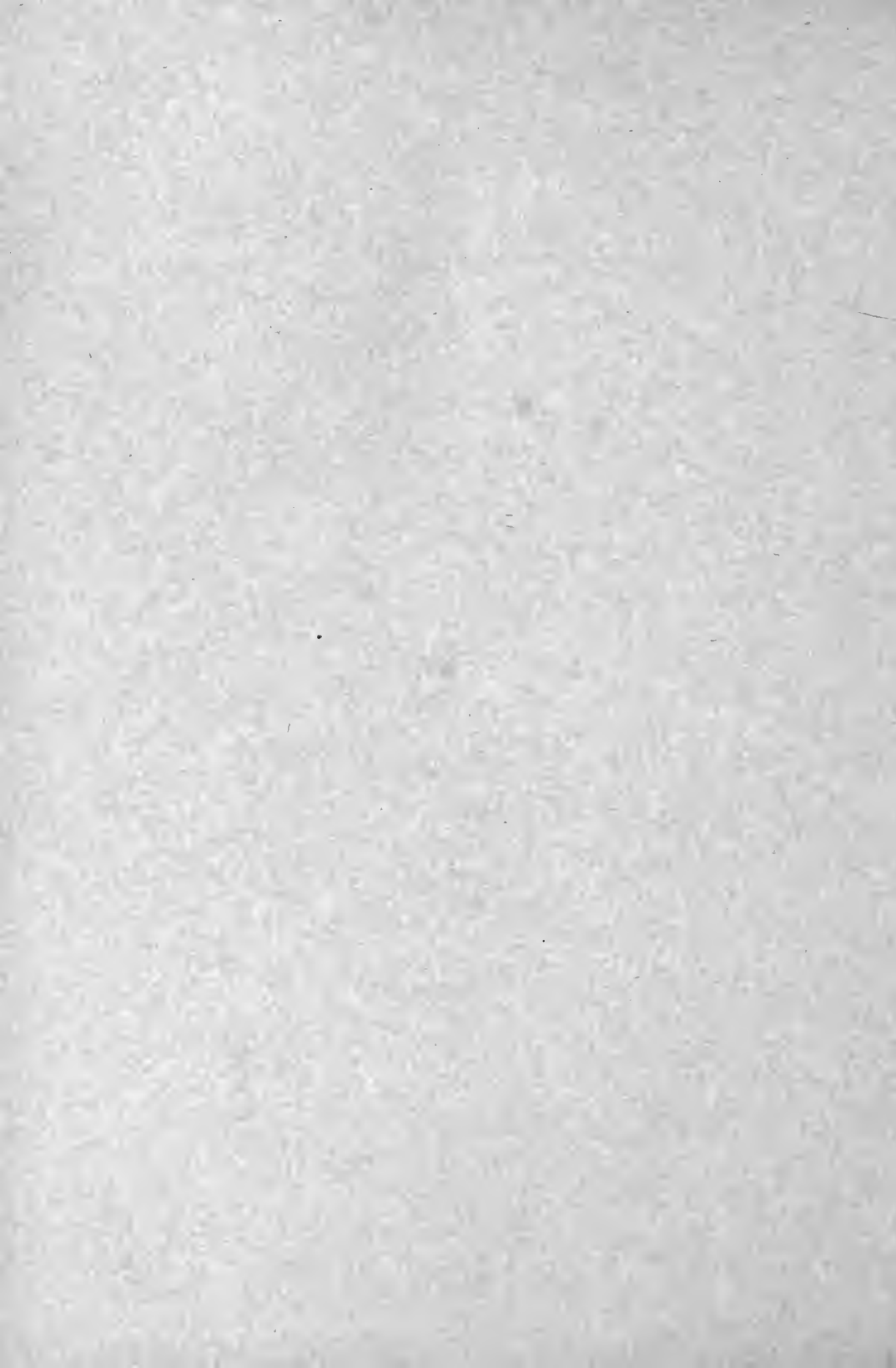
В начале сентября 1922 года мы двинулись в путь. Это было самое опасное из всех наших путешествий последних лет, но оно было вместе с тем и самым решительным и самым смелым. 11 октября, в канун дня Христофора Колумба, мы ступили на незнакомую, но гостеприимную землю Америки. Новая страна, новая жизнь открывалась перед нами — для Нины, Олега, Игоря и меня.

Мы благодарили Бога за то, что мы все были вместе неразлучны и что все у нас благополучно. Мы верим и чувствуем, что помощь Божья будет с нами в этой удивительной стране.

Нью Йорк, 1925 год.

Нина Михайловна, Игорь и Олег у башни Румели-Хисар
на Босфоръ.

ПЕРВОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Из книги И. И. Пантюхова «значение антропологических типов в Русской Истории».

Отец наш писал много и в свое время опубликовал больше ста статей, брошюр и книг. Большею частью эти работы были результатом его медицинских и антропологических изысканий, но послѣдняя его книга, изданная в 1909 году, отражает его глубокое знаніе русской истории и государственности.

В 1863 году «Современная медицина» опубликовала его первыя статьи под названіем «Ставропольскій госпиталь», «Майкопскій госпиталь», и «Замѣтки на проэкт преобразованія госпиталей». Послѣ этого послѣдовали другія, помѣщавшіяся главным образом в газетѣ «Кавказ». В 1877 году, послѣ службы на Балканах, он участвовал в составленіи медицинского отчета за время войны. В этом же году он издал большой труд в 431 страницу «Опыт санитарной топографіи и статистики Кіева». Из болѣе значительных других трудов является изданное в 1896 году исследование о «Пещерных и позднѣйших жилищах на Кавказѣ»; в 1898 году — «К статистикѣ Кавказской патологии» и в 1909 году «Значеніе антропологических типов в Русской исторіи». Эта послѣдняя книга у меня сохранилась и она мнѣ кажется достаточно интересной, чтобы сдѣлать из нея кое-какія выписки.

ЗНАЧЕНІЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

(Типографія «Просвѣщеніе», Кіев, 1909)

II. ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

(Выдержки)

Государственная организациа могущественно повлѣяла на этику славян. Блеск княжескаго двора гипнотизировал массы. Основныя свойства типа славян не могли измѣниться, но личный индивидуализм подчинялся индивидуализму государства. Славяне заражались настроеніем инициаторов долихоцефалов варягов, у них развились самодѣятельность, предприимчивость, національное самосознаніе, народная гордость. Появились сильные и славные богатыри, и воспѣвавшіе их подвиги, народные пѣвцы, баяны. В городах, особенно в Кіевѣ, необыкновенно быстро возникла высокая культура, развились торговля, ремесло, искусство и наука.

Могущественное, провиденціальное значеніе для объединенія русских славян и укрѣпленіе идеи одного русскаго государства, имѣло и принятіе ими от греков христіанской православной вѣры. Начавшись с гипноза, подражанія князьям, она укрѣплялась высоким идеалом любви и равенства всѣх пред Богом и подвигами святых. Бог один, Бог милосердный наиболѣе соотвѣт-

ствовав міровоззрѣнію и типу русских славян. Сила наслѣдственных традицій так велика, что, разставшись с идолами, народ пріурочил к христіанским событіям и языческія празднества. Коляду — к Рождеству Христову, Купалу — к Троицѣ и проч. Народ объединяло, воспринимаемое им от духовенства, убѣжденіе, что истинная вѣра только одна, православная, что государь помазанник Божій, которому должно повиноваться. Ненавидящіе господ и рабов индивидуалисты не считали себя рабами, повинясь князю, и поставленным им властью.

Важную роль для объединенія русских славян имѣл и введенный в богослуженіе, общій для всѣх племянных типов, церковно-славянскій язык. Не совсѣм понятный язык при торжественном христіанском богослуженіи должен был как бы гипнотизировать массы. вмѣстѣ с тѣм этот язык с небольшими измѣненіями вошел и в администрацію всѣх русских народностей.

О типѣ русских, по свѣдѣніям исторіи, можно составить только нѣкоторое представленіе.

По происхожденію Рюрик, Олег и Игорь были чистокровные варяги. У Святослава, сына Игоря, от русской жены, уже есть признаки мѣстнаго типа. По описанію греков, видѣвших Святослава во время свиданія его на берегу Дуная с греческим императором Цимисхіем, Святослав пріѣхал на это свиданіе на лодкѣ, которою сам правил. Он был одѣт в простое бѣлое платье, рост имѣл средней, грудь широкую, шею толстую, глаза голубые, нос плоскій, брови густыя, усы длинные, бороду рѣдкую, на головѣ клок волос, а в одном ухѣ золотая серьга с жемчужинами и рубином. В этом, как и в описаніи его образа жизни, видно и нѣчто южнорусское. Владимір Святой, судя по былинам, был типа великорусскаго. Сын Владиміра Святого, Тмутараканскій князь Мстислав Удалой по лѣтописи, был чермен лицом и имѣл необыкновенно большіе глаза, слѣдовательно был и не варяжскаго и не великорусскаго типа. Владимір Мономах, судя по его поученіям своим дѣтям: «ни праваго, ни виноватаго не убивайте, чтите гостя, откуда бы он ни пришел, будьте всегда заняты, скажите каждому доброе слово» и пр., напоминает скорѣе великорусса.

Если прибавить к этому былиннаго богатыря, убѣжденнаго поклонника земли, Микулу Селяниновича, не имѣвшаго блестящаго оружія, неуклюжаго, но наглядно доказавшаго другим богатырям, что сильнѣе земли нѣтъ ничего на свѣтѣ, и что всѣ их подвиги ничто против силы земли, то Мономах и Селянинович могут служить показателями миролюбиваго земледѣльческаго характера русских. На мирный, пассивный характер русских указывает и быстрое распространеніе между ними христіанства, и уваженіе, каким между ними пользовались, презрѣвшіе матеріальныя блага, святые Антоній и Феодосій. Малорусскій тип в чистом видѣ не выражен, но он чувствуется в поэтическом, художественном восхваленіи епископом Илларионом почившаго Владиміра Святого, в высоко-художественном Словѣ о полку Игоревѣ, в чисто хохлацкой ироніи, с какою воевода Ярослава — Будый, стоявшій с дружиною против войска польскаго короля Болеслава, подсмѣивался над тучностью короля; в отношеніях воеводы Волчій Хвост к пришедшим, чтобы отнять Кіев у Святополка, новгородцам, Хвост смотрѣл на новгородцев уже как на чужих и с насмѣшкою говорил им: ваше дѣло плотничать, а не воевать. Любимец Изяслава, погибшій во время бунта в Кіевѣ, Космичко, воеводы Мономаха Иван Войтишич и Ѳома Ротибарович имѣют фамиліи; нѣкоторыя черты типа также скорѣе южнорусскія. Былинныя герои, характеризуемые спо-

койствіем, самоувѣренностью, сознанием личнаго достоинства, большою физическою и психическою силою, имѣют общерусскій, скорѣе великорусскій, характер. В характерах их крайности — неподвижность и кипучая дѣятельность, осторожность и безоглядность.

Общій характер Кіевскаго княжескаго періода — великорусскій.

Идея монархизма упала на вполне подготовленную почву и народ сознательно усвоил ее. Произошло мировое событіе, как бы предуказанное провиденціально. Цѣль существованія опредѣлилась — народ нашел своего Бога и своего царя. В безпорядочный удѣльный період и позже власть князей держалась уже не столько на матеріальной силѣ, сколько на нравственной — правѣ потомков Рюрика на власть. Престиж этой силы был поразителен. Не признававши цѣлыя тысячелѣтія никакой власти, анархисты и индивидуалисты были как бы гипнотизированы и на власть рюриковичей смотрѣли как на нѣчто неподлежащее спору, священное. Предоставив, несвойственное его типу, хлопотливое управленіе государством, чуждым ему по типу рюриковичам и их боярам, и избѣгая городов и суеты, народ как бы считал этот вопрос окончательно рѣшенным.

Нѣкоторое различіе антропологических типов русских намѣчалось и в началѣ исторіи, но в общем между ними не замѣтно такой нетерпимости, мелочности, злости, какая видна у западных славян.

XVIII СТОЛѢТІЕ

XV. Русскій этнографическій тип

(Выдержки)

Ища высшей справедливости и на землѣ, и не удовлетворяясь ничѣм, великорусскіе анархисты постоянно искали тоже и земной власти абсолютной, которая бы положила рѣшительный предѣл их, не имѣющим предѣлов, желаніям. Такую власть они нашли в Иванѣ Грозном. Петр I, как сын царя Алексѣя, уже поэтому был самодержавным царем и помазанником Божиим, но вмѣсто погруженных в квіетизм царей московских, он сдѣлался свободным от московских предрасудков, императором всей Россіи. Петр за различныя убѣжденія никого не преслѣдовал, хотя и рѣзал бороды, поэтому кромѣ части духовенства и нѣкоторых особенно фанатизированных раскольников, он не встрѣтил сопротивленія при той ломкѣ, которую он произвел во всѣх частях управленія государством.

Царь Алексѣй, квіетист, и император Петр радикал, могущій сломить все, не исключая и религіи, могут почитаться представителями великорусскаго типа. Анархисты оставались вѣрны и всемогущему Богу в тѣх формах, в каких болѣе ярко выработалось поклоненіе Ему при царѣ Алексѣе, и всемогущему царю, как болѣе осязательно начал понимать его народ при Иванѣ Грозном. Свой всемогущій Бог и свой всемогущій царь соотвѣтствовали типу анархистов и были в их понятіях нераздѣлимы от понятія государства. Военныя и гражданскія власти только тѣм пріобретали свою силу, что были слуги царя. В глазах народа они облекались как бы нѣкоим, исходящим от царя, ореолом. Допустить, что власть чиновников исходит не от царя, а от какой-нибудь коллективной власти, народ не мог. Чиновники приказывали

и распоряжались только как агенты царя. Народ часто видѣлъ их несправедливость, но объяснял это тѣм, что царю это неизвѣстно.

Почти так же смотрѣли на самодержавную власть Петр I и южно-русскіе и западно-русскіе индивидуалисты. По свойствам антропологических типов, которые подтверждаются и опытом истории, эти народности никогда не могли сами самостоятельно организоваться.

Идея обязательности подчиненія самодержавной власти под каким угодно названіем — князя, короля, или царя — оставалась у них несокрушима с эпохи рюриковичей, и подчиненіе русскому царю было только продолженіем той же идеи. Предуказанное зоологическим районом и исторіею, неизбѣжное, органическое соединеніе их в одно русское государство, обуславливалось тѣм, что по общему этнографическому типу всѣ русскіе славяне составляли одну своеобразную, соответствующую зоологическому району, группу, что у них была общая православная вѣра и близкія одно другому нарѣчія, и что, по сохранившимся у них преданіям и инстинктам, соединеніе их в одно государство было предначертано самим Богом еще во времена рюриковичей.

Раскрывая дверь в Европу, пригласив множество иностранцев и выбирая на службу государству способных людей всѣх народностей, Петр I нанес жестокой удар той страшной схоластикѣ, которая царилла в просвѣщеніи как Москвы, так и болѣе образованнаго Кіева. Проповѣди Голятовскаго († 1688), Барановича († 1694) и проч. состояли из витіеватаго, риторическаго набора слов и ничего не говорили ни уму, ни сердцу. При Петрѣ схоластика уступила мѣсто живому слову.

Закрѣпленная Петром Великим самодержавная власть, как органически соответствующая народностям всѣх русских типов и всего русскаго зоологическаго района, не поколебалась даже во время разнообразных переворотов и безпорядков, при царствовавших почти цѣлое столѣтіе женщинах императрицах.

Ученые врачи и естествоиспытатели, кромѣ заслуг их как научных работников, должны были прокладывать первые пути для научной мысли, изобрѣтать терминологию, писать учебники, составлять словари. Заслуги в этом отношеніи малорусских ученых в XVIII вѣкѣ гораздо выше чѣм великорусских. Пригоровскій, Политковскій, Барсук-Мойсѣев, Вонсович, Джунковскій, Велланскій, Погорѣльскій, Полетика, Тимковскій занимали должности профессоров и другія, требующія специальных знаній, главное в Москвѣ и Петербургѣ.

Не меньшее, а в нѣкоторых отношеніях еще большее, значеніе для государства имѣли южно-русскіе проповѣдники, писатели, чиновники и вся, внесенная ими в великорусскую среду, этика.

Огонь вдохновенія, каким проникнуты проповѣди знаменитаго сподвижника Петра, Феофана Прокоповича, зажег сердце. Его вѣра в величіе Петра, могущество Россіи, великую будущность народа, переливалась в массы. Окаменѣлыя формы московскаго режима и православія, препятствовавшія естественной эволюціи и внесенію культуры, расшатывались.

Между многими другими дѣятелями, имѣвшими вліяніе на объединеніе русских типов, из духовных лиц особенно характерен епископ Георгій Конисскій (1717 — 1795 гг.). Кромѣ своих ученых трудов, он дѣйствовал на объединеніе государства и другою стороною малорусскаго генія — юмором.

Имѣя цѣль возвратить уніатов бѣлоруссов в православіе, и зная, что против гипноза, до котораго доводили іезуиты своих прозелитов, прямыя убѣжденія безсильны, Конисскій подходил к уніатам с шутками, анекдотами, насмѣшкою, и заколдованный круг распался. Конисскій составил и эпитафію себѣ: «Град Нѣжин — колыбель, град Кіев — мой учитель, а в тридцать восемь лѣтъ я был уже святитель».

Среди, так сказать, тяжеловѣсных представителей великорусскаго типа — Ломоносова, Тредьяковскаго, Сумарокова и слишком торжественнаго Державина, малорусскіе, хотя и небольшіе, писатели — полтавскій уроженец, внук грека, Капнист, с его комедіею «Ябеда» и другими, остроумный автор веселой поэмы «Душенька», харьковскій уроженец Богданович, начавшій писать по-малорусски Котляревскій с его «Наталкою Полтавкою», так же как и оригинальнѣйшій, писавшій своеобразным литературным языком, философ Скворода (1730 — 1798), смягчали грубые типы и вносили оживленіе и поэзію в общество. Котляревскій, как и Мазепа, имѣл темнокаріе, почти черные, глаза.

Несмотря на значительную разницу говоров и этики, народности двух главных антропологических типов великорусскаго и малорусскаго, послѣ продолжительнаго, с эпохи кіевских рюриковичей, разъединенія их, с Петра Великаго снова органически соединились в одно русское государство. Не говоря о географических и исторических причинах и общем зоологическом районѣ, уже по свойству своих типов, при усложняющейся борьбѣ за существованіе, эти народности не могли образовать двух отдѣльных государств, а должны были дополнять одна другую.

Анархист великоросс, склонный к величайшим крайностям, прущій «на авось» куда угодно, и неумѣющій остановиться, пока не упрется в стѣну, слишком размахист и прямолинеен, а индивидуалист малоросс, заботящійся главное о личных интересах, недовѣрчивый, упрямый и мало интересующійся общественными или государственными дѣлами, слишком осторожен и подозрителен, чтобы каждый из них отдѣльно при усложняющихся условіях мог успѣшно бороться за свое существованіе.

ХІХ СТОЛѢТІЕ

ХVI. Использование зоологическаго района.

Состояніе общества.

(Выдержки)

Учебныя заведенія давали, может быть, и неменьшіе, чѣм западно-европейскія, свѣдѣнія, но о том, чтобы воспитать характер, закалить волю ученика, развить его способность к самостоятельному производительному труду, внушить уваженіе к своей вѣрѣ и отечеству — русскія учебныя заведенія совершенно не заботились. Пользовалось покровительством только чтеніе разнообразных без всякаго выбора книг, и так называемое развитіе. Всѣ были убѣждены, что от чтенія книг человѣкъ дѣлается умнѣе и бывали очень оскорбляемы, когда какому-нибудь «весьма развитому человѣку» не давали хорошаго чиновничьяго мѣста.

Так как учебныя заведенія, кромѣ немногих школ грамоты, были почти

исключительно предназначены для дворян, чиновников и разночинцев, а народ от образования оставался в сторонѣ, то чиновничество и сдѣлалось самою могущественною силою в государствѣ. Нуждами и потребностями народа чиновники не интересовались. Почти безответственные, привыкнув жить на вперед, точно опредѣленное и выдаваемое в данный срок, жалованье, обеспеченное пансіоном, и воспитывая дѣтей на казенный счет, чиновничество как бы выключалось из оборота житейской борьбы. Отвыкнув от всякаго, кромѣ канцелярскаго и какого-нибудь учительскаго или архивнаго, труда, привыкнув с отдаленнѣйших времен кромѣ жалованья брать и взятки, а нерѣдко и просто торговать правосудіем, чиновники и их дѣти становились в безвыходное положеніе, когда им приходилось бросать службу чиновника, или не находить ее. При перепроизводствѣ чиновников, увеличившемся образованіи и возрастаніи потребностей, армія чиновников неизбежно должна была сдѣлаться страшным бременем для государства и вмѣстѣ главным очагом для всяческаго недовольства и протестов.

Появлявшаяся на почвѣ типа и космополитическаго характера учебных заведеній, и выходящая почти исключительно из чиновничьей среды, литература осмѣивала людей производительнаго труда, болѣе дѣловых и предприимчивых называла міроѣдами и кулаками, над семейною жизнью и религіею издѣвалась, и героями выставляла только развитых людей, которые всегда протестовали против буржуазных порядков и правительства, мѣшавших будто бы им дѣлать очень важныя дѣла.

С воцареніем слабаго Императора Александра II, распространеніем образованія и ослабленіем цензуры, для интеллигенціи открылась большая свобода выразить всѣ накопившіеся у нея протесты и желанія. На почвѣ типа, исканія вѣчной правды и свободы, появлялась и укрѣплялась и своеобразная, анархическаго характера, литература.

Кромѣ, так сказать, официальных, европейских представителей русскаго анархизма, Бакунина и Крапоткина, наиболѣе типичны Салтыков-Щедрин, безпредметно издѣвавшійся над всѣм русским, и граф Л. Н. Толстой в стремленіи отыскать истину, как и русскіе раскольники крайних типов, дошедшій до отрицанія всякаго государства и непротивленія злу. Анархизм, с равнодушіем к государству и неопредѣленными стремленіями куда-то, замѣтен и чуть не у всѣх, даже талантливых, писателей, но он проявлялся с полною откровенностью у писателей посредственных, а особенно у критиков, представителями которых могут считаться происходившіе из духовнаго званія и, слѣдовательно, вѣроятно болѣе чистаго великорусскаго типа, Добролюбов и Чернышевскій. Они все разрушали, ничего взамѣн не давая. Из борцов против анархизма наиболѣе типичен большой художник, мистик и психолог Достоевскій. С вдохновеніем пророка он между прочим высказал мысль, что русскій есть по преимуществу всечеловѣкъ, и что он на почвѣ православнаго христіанства когда-нибудь явится примирителем, гибнущих в анархіи, европейских народов.

К концу столѣтія под вліяніем, сдѣлавшейся почти исключительно анархическою — русскою, и, излюбленною обществом, утопическою — иностранною, литературы, чуть не вся интеллигенція, начиная от дворян и разночинцев, до научившихся читать либеральныя книжки мѣщан и крестьян, превратилась в утопистов, всѣм недовольных, все отрицающих и увлекающихся толь-

ко утопическими теоріями. Во всем конечно было виновато правительство, и по мнѣнію утопистов стоило его только переменить и все пойдѣт превосходно. Болѣе крайніе требовали социализма, коммунизма и книжного анархизма. Разнуздались и чисто звѣринные и разбойничьи инстинкты.

При таком положеніи дѣл расовой русской, главным образом великорусской, анархизм проявился во всей силѣ. Великорусскіе анархисты всегда легко поддавались гипнозу юродивых, кликуш, фанатиков, проповѣдывавших самосожженіе, оскотленіе и проч. Еще в девяностых годах сектант Ковалев, ради спасенія душ, зарыл живых в землю с их согласія десять человекъ. При отсутствіи задерживающих рефлексы религіи и категорической власти, всякій предѣл для проявленія анархизма исчез. вмѣсто юродивых и оскотителей анархистов направлял в любую сторону чуть не каждый с сильною волею утопист. Очень часто гипнотизировали, как отдѣльных лиц, так и цѣлыя массы молодых людей в учебных заведеніях и на фабриках и настоящіе юродивые, маніаки и инородцы. Евреи, тип с сильною волею и преслѣдуемые в общем такія же дѣла, как и анархисты, т. е. полную свободу, получили громадное значеніе. Против болѣе сильных гипнотизеров, как Гершуни, говорят никто и никогда не мог устоять.

На почвѣ анархическаго, не склоннаго к анализу и не знающаго удержу, типа, с ослабленною алкоголизмом и анархическою литературою волею, голодная, с увеличившимися аппетитами, интеллигенція, водимая, а не рѣдко и косвенно подкупляемая, имѣющими свои цѣли людьми, была конечно увѣрена, что она шествует по собственному своему желанію, для достиженія свободы и разных самых высоких цѣлей. Их увлекали и свойственный типу молодечество, спорт, риск. Их заинтересовывали и загнипнотизировали конспиративныя квартиры, получаемыя от каких-то таинственных лиц приказанія, заговоры, печатаніе прокламацій, изготовленіе бомб. В конспиративных квартирах их обыкновенно связывали клятвами и угрозами, и попавши в такія сѣти, многіе и колеблющіеся слабовольные люди уже не имѣли возможности отступить. Болѣе рьяные, нерѣдко больные, истерическіе и психически ненормальные, люди жаждали подвигов и требовали, чтобы их посылали на самыя опасныя предпріятія.

Несчастныя загнипнотизированныя дѣвицы, юноши, а иногда и взрослые, по указаніям гипнотизеров утопистов, а иногда и просто дѣльцов, имѣющих свои цѣли, шли куда угодно и на что угодно, и то хитро подкрадываясь, то с веселым видом и открыто бросали бомбы или стрѣляли.

Чуть не повальный психоз среди интеллигенціи, проникавшій и на фабрики, и заводы, а в отдѣльных случаях и в деревни, захватил преимущественно народность великорусскаго типа. Между народностями типов южнаго и западнаго, у которых анализ болѣе силен, психоз был гораздо слабѣе.

Утопическія, а также инородческія космополитическія теоріи, у них хотя и находили иногда весьма фанатизированных адептов (Лизогуб, Кибальчич), в общем встрѣчали серьезный отпор. Недостижимые идеалы анархистов великороссов у индивидуалистов малороссов выродились в простое разбойничество. Убивались, иногда с жестоком цинизмом, из-за грошей, цѣлыя семьи.

Начавшаяся с конца девятнадцатаго вѣка психическая эпидемія, перешла и в двадцатый вѣкъ, когда она послѣ неудачной войны достигла своего апогея.

XVI. Государственная Дума.

Русская народность, достигши Восточнаго океана и отграничившись от Китая р. Амуром, использовала свой зоологическій район. Выход из него означал вторженіе в зоологическій район большой желтой расы и должен был сопровождаться неизбежною там гибелью русской расы.

Безсознательное движеніе на юг и восток соотвѣтствовало, прущему «на уру» и незнающему предѣлов своим желаніям, по преимуществу анархическому великорусскому типу.

Кромѣ безсознательно двигавшагося народа, за это движеніе стояли и образованные люди, великорусскаго типа, которые, на почвѣ анархизма и непрерывных успѣхов в движеніи на восток, были убѣждены, что для русскаго все возможно, что китайцы и японцы какая-то дрянь и проч.

Наиболѣе ярким представителем этого типа новгородских ушкуйников был пользовавшійся большим вліяніем и слѣдовательно, соотвѣтствовавшій расовым инстинктам, редактор наиболѣе вліятельной газеты «Новое Время» А. С. Суворин, и ставшій во главѣ ушкуйников талантливый, предприимчивый с авантюристическими наклонностями, варяг Витте.

Постройка Порт-Артура и Дальняго и вторженіе в Корею было уже не стихійное движеніе, а прямое объявленіе войны двум могущественным державам желтой расы — Китаю и Японіи и должно было окончиться, совершенно ясным для антрополога, неизбежным поражением.

Это неизбежное, но всѣм русским неожиданное, поражение послужило началом громаднаго переворота в жизни русских. Увѣренность в силѣ русскаго Бога и царя поколебалась.

Печальное состояніе психики, в котором находилось чуть не все грамотное населеніе Россіи в концѣ XIX и в началѣ XX вѣка послѣ несчастной войны, достигло высочайшей степени. Всѣ ждали и требовали какого-то переворота. Людей, пробовавших доказывать невозможность такого переворота оскорбляли, их травилы газеты, а нерѣдко, вслѣд за газетною травлею и убивали.

Продолжительное существованіе психоза объясняется тѣм, что идеи, на которых он создавался, не были только наносныя, и что анархизм принадлежал к основным свойствам, вѣчно искавшаго бѣлой Арапіи, великорусскаго типа. При распространеніи просвѣщенія, улучшеніи сообщеній, и нѣкоторой свободѣ слова, он непремѣнно должен был когда-нибудь обобщиться, прийти к заключеніям. Ослабленіе воли, вслѣдствіе хроническаго алкоголизма и бездѣлья обезпеченных классов, и распространеніе анархической, свойственной типу, литературы, при разшатанности, как свѣтской, так и духовной власти, в концѣ девятнадцатаго вѣка только способствовали доведенію анархизма до степени психоза цѣлых масс.

Кромѣ анархической литературы на это имѣли вліяніе посторонніе типы. Кромѣ непосредственнаго вліянія отдѣльных лиц, других типов с ограниченным кругозором и потому имѣющих твердыя и ясныя цѣли, в русском, с неопредѣленными идеалами и расшатанною волею обществѣ, появились образовавшіеся, под гипнозом инородцев, чуждыя русскому типу, организациі. Такія искусныя организациі, как желѣзнодорожныя и телеграфныя забастовки и иныя, не могли быть дѣлом, плохих организаторов русских, а образо-

ывались при непосредственном участіи, имѣющих готовые денежные средства и опредѣленные цѣли, людей других типов, главным образом евреев. Сами евреи, всегда находящіеся под гипнозом своей религіи, ища равноправія, доведены были своею литературою тоже до состоянія психоза. Этот психоз, при способности евреев проникать всюду, денежных их средствах, газетной литературы, которую чуть не всю они взяли в свои руки и искусно и талантливо руководили ею, — заражал русскіе с расшатанною волею массы и подчинял их хорошо задуманным организаціям.

Психическая, охватывающая русское общество эпидемія, должна однако была раньше или позже окончиться. Собственно едва ли не все то, о чем мечтали утописты, в том числѣ и социализм, уже перерабатывалось в теченіи исторіи в мозгах русских анархистов. Под вліяніем причин, о которых упоминалось выше, русскіе анархисты только потеряли тѣ точки опоры, на которых до того держалось общество и государство. Для того, чтобы психоз разрѣшился возможно скорѣе, необходимо было каким-нибудь образом объединить общество, дать ему возможность гласно и откровенно высказать свои желанія в присутствіи не одних загипнотизированных, а и людей, которые бы могли дѣлать поправки к желаніям утопистов и могли поставить вопросы на реальную почву. Необходимо было познакомить общество со сложными потребностями государства, о котором большинство имѣло совершенно смутныя представленія. Необходимо было, чтобы причины той ненависти, какая накопилась у народа против помѣщиков и вообще интеллигенціи, а у интеллигенціи против правительства, были всесторонне разсмотрѣны. Вообще необходимо было, чтобы народ принял в соображеніе не одни свои личныя, хозяйственныя сословныя, сектантскія вождѣленія, а интересы всего государства.

Как всемогущій Бог, так и самодержавный царь, конечно, не могут быть заинтересованы в том, чтобы одним людям жилось хорошо, а другим худо. Цѣль у самодержавнаго государя может быть только та, чтобы всѣм его подданным, без различія их званій и состояній, жилось возможно лучше, а самая высокая цѣль, чтобы они научились сами, без участія власти, защищать как свои, так и государственные интересы.

По исторически сложившимся обстоятельствам, при необыкновенных крайностях и неумѣнью организовать народностей русских типов, правительство для обезпеченія государства вынуждено было сдѣлаться регулятором этих крайностей, всеобщим опекуном.

Не может быть сомнѣнія в том, что всѣм русским государям должна была приходиться мысль свалить с себя это непосильное бремя и по возможности передать все внутреннее управленіе государства в руки самаго народа. Но народ, кромѣ власти царя и вѣры, ничѣм другим не объединялся, а помѣщики и чиновники были увѣрены, что народ повинуеться только палкѣ, и что измѣненіе режима грозит страшною опасностью государству.

Самым существенным препятствіем, как для введенія самоуправления, так и еще болѣе для принятія участія в законодательствѣ и дѣлах государственнаго управленія была почти полная безграмотность народа. При оторванности от народа дворян и чиновников всякое, состоящее только из этих классов, представительное, законодательное, или учредительное собраніе могло выразить желанія только этих, незнающих производительнаго труда, классов.

С воцареніем Императора Николая Второго, когда в первый раз было об-

ращено серьезное внимание на образование народа, и число народных школ, не только общеобразовательных, но и прежде вовсе несуществовавших технических, к 1905 году увеличилось, может быть в десять раз, против числа школ, бывших в предшествующее царствование и под впечатлѣніем броженія умов и охватившаго образованные классы психоза, признано было наконец возможным сдѣлать попытку провѣрить дѣйствительное настроеніе народа, и в 1905 году была учреждена Государственная Дума.

В Государственную Думу вошли как избранники всего русскаго народа, так и представители всѣх главнѣйших, входящих в состав государства, других народностей. Всѣ они внесли с собою не только модныя и утопическія, навѣянные послѣдними событіями, теоріи, но самое главное, внесли ту суть, которая помимо теорій, лежит в основѣ их антропологических типов. Помимо всяких утопій, эта основа, при столкновеніи разнообразнѣйших интересов и желаній членов Думы, должна была выйти на чистую воду. При этом скоро и оказалось, что русскій тип между всѣми другими самый сильный и хотя под вліяніем гипноза, ослабленія воли и расовых свойств, русскій человек временно и подчинялся разнообразным вѣяніям, но в сущности он тот же самый, какой был и при Владимірѣ Святом, и Мономахѣ, и при Петрѣ Великом.

По народностям чистые русскіе типы вѣроятно составляли не болѣе половины членов Думы. Треть членов — русскіе смѣшанных типов, и около четверти принадлежат к разнаго рода инородцам. Фамиліи, из 442 членов послѣдней Думы, оканчивающихся на **ов** — 149, на **ев** — 38, на **ин** — 40, на **скій** — 50, на **цкій** — 15, на **ич** — 26, на **ко** — 19, на **ук** и **юк** — 5, всего 343. Множество фамилій с разнообразными, часто нѣмецкими (33), окончаніями принадлежат также болѣею частію к русским смѣшанным типам. Фамиліи на **скій**, **цкій** и **ич** частію польскія, но большая часть русскія, часто бѣлорусскія.

По антропологическим изслѣдованіям современнаго населенія, у русских членов Государственных Дум преобладает брахицефалическій тип, с 10 — 12% долихоцефалов. Цвѣтъ глаз у 50% сѣрый, у 25% карій, у 20% голубоватый и голубой, и 5% черный, зеленый и смѣшанный. Волосы преобладают темнорусые, носы прямые, крупные. Возможно, что долихоцефалы и кареглазые болѣе соответствовали требованіям избирателей и их выбрано больше. Типы не русских членов Дум, кромѣ поляков и латышей, брюнетическіе и еще гораздо болѣе брахицефаличны как татары, евреи, нѣкоторые финны, а особенно армяне, у которых черепной показатель 85 — 86, вмѣсто 81 — 82 черепного показателя русских. У евреев и армян носы преобладают горбатые, крючковатые. Из южных инородцев наиболѣе долихоцефалы имеретины и мингрельцы (Чхеидзе, Гегечкари), по языку принадлежащіе к брахицефалической грузинской группѣ.

При неизмѣнности антропологических типов основныя свойства их такія же, какія они были и тысячу лѣтъ тому назад. Ассимилируемые инородческіе типы вырождаются и тонут в массѣ государственнаго типа, не измѣняя его сущности.

Главную руководящую роль в Государственных Думах, как и в русской исторіи, играет сѣверорусскій, сѣроглазый, крупноносый, брахицефалическій, с 10% долихоцефалов, тип. Эта группа состоит из потомков земледѣльцев, ушкуйников и купцов, с небольшою примѣсью потомков варягов, которые с начала исторіи, смѣло, преодолевая всѣ препятствія, не зная хорошо куда идут, и не находя границы, гдѣ бы можно было остановиться, шла в не-

вѣдомыя страны, отыскивая землю и свободу. Между ними было много толков и людей с крайними убѣжденіями, готовых для защиты их даже на саможженіе. Были проповѣдники и социализма (духоборы) и анархизма, почтающіе насиліем и грѣхом паспорта и взыманіе налогов (бѣгуны).

Впослѣдствіи между ними появились приказные и формалисты, стоящіе на почвѣ закона, как протопоп Аввакум. Всѣ они легко подчинялись гипнозу фанатиков и юродивых. В глубоких тайниках души народа, со времени Рюриковичей и принятія христіанской вѣры, всегда однако таилась идея своего Бога и своего царя.

Из членов Государственных Дум этого типа большинство, отыскивая землю и свободу, руководствуется расовыми инстинктами, нутром (Бѣловусов, Образцов, Гулькин, Сторчак, Сурков, Кузьмин, Розанов и др.), другіе объясняют расовые инстинкты сложными научными и утопическими соображеніями (Покровскій, Гучков, Маклаков, Шингарев и др.), а иные стоят на почвѣ формы, закона (Аджемов, Муромцев, Милюков, Щепкин и пр.). Есть типы почти истерическіе (Родичев). Большинство, обвиняя во всем правительство, чувствует однако, что примирить всѣ разнообразныя желанія может только сильная власть.

Всѣ они стремятся к достиженію высшей, Божьей правды. Есть что-то гордое и наивное в широких, безпредѣльных идеалах и перспективах великорусскаго типа. Расчищая дорогу для колонизаціи, русскіе никого не порабощали, присоединеніе к государству разных племен было печальною необходимостью, а для этих племен благотѣльно, а присоединеніе грузин и армян вызвано только чувством милосердія к ним. Смотри на инородцев и иностранцев нѣсколько свысока, русскій не желает их ни в чем стѣснять, и даже готов посторониться, чтобы дать им дорогу. В государственном смыслѣ ошибкою правительства может быть развѣ то, что оно навязывает инородцам русскій язык. Русскій народ, хотя и чувствует стѣсненіе от эгоистов — латышей, евреев, армян и друг., но как бы совѣстится ставить какія-либо препятствія для их узеньких національных цѣлей.

Отсутствіе національнаго эгоизма, признаніе обязательных для человѣчества христіанских норм и Божьей правды, выдвигает міровой великорусскій тип из всѣх других имѣющих, эгоистическія, узко-національныя цѣли типов. В Государственной Думѣ идея русскаго націонализма, чуть не у большинства членов великорусскаго типа также не встрѣчает сочувствія.

Другая большая группа русских членов Государственных Дум состоит, как из наиболѣе из русских групп, брахицефалическаго и бронегического типа малороссов и полѣщук так и из, наиболѣе долихоцефалическаго и голубоглазаго, бѣлоруссов. Эти народности и при иноземном владычествѣ всегда оставались вѣрны православію и самодержавію, и не отыскивая новых путей, сохраняли традиціи, и шли по дорогам намѣченным.

Члены Государственных Дум этих типов (Алексѣенко, Созонович, Шубинскій, Замысловскій, Коваленко, Лучицкій, Проценко и друг.), преслѣдуя достиженія возможных цѣлей, улучшенія государственнаго порядка и болѣе критически относясь к утопическим и космополитическим теоріям, шли за членами великорусскаго типа, но регулировали и умѣряли его крайности. К этой группѣ должен быть причислен и тип запорожца, смѣло, как бы в порывѣ вдохновенія, бросающагося на невѣрных (Пуришкевич).

По ссловіям отношенія членов Государственных Дум к их задачам не совѣм одинаковы.

Громадное большинство крестьян, хотя и ничего не понимало в государственных потребностях и временно подчинялось гипнозу утопистов, твердо вѣрило, что всѣм распорядиться может только Государь.

Дворянская группа представляла большое разнообразіе. Древних бояр, блюдуших престиж царя больше чѣм сам царь, — немного (Марков 2-й, Вязигин, Доррер, Шульгин и др.). Несравненно большая группа дворян и чиновников, глубоко преданных самодержавію и убѣжденных, что государство сильно только под защитою его, но под вліяніем наслѣдственной праздности и алкоголизма, лишенных твердой воли и способности идти против теченія. Очень многіе дворяне из типа подъячих и книжников держатся за форму (Милоков, Кузьмин-Караваев).

Купеческая группа представлена слабо, хотя вліяніе купцов, умѣющих приспособляться к обстоятельствам и завидующих дворянам, замѣтно.

Духовенство, лишенное вдохновенія и талантов, нерѣдко выступало с защитою православной вѣры и христіанскаго просвѣщенія, но чувствовалось, что оно под вліяніем чиновничьяго воспитанія и режима, обезпеченное жалованьем и независимое от прихожан, потеряло идею самопожертвованія во имя Христа, преслѣдует не столько государственныйя и даже религиозныя цѣли, сколько свои кастовыя интересы. Исключенія составляют епископ Евлогій и еще немногіе. Были священники и чуть не анархисты (Тихвинскій).

Из числа членов Думы не русских, самую сильную группу, особенно в первых двух Думах, составляли поляки. Будучи культурнѣе русских и сохраняя свои историческія традиціи, поляки свысока и с нѣкоторым пренебреженіем смотрѣли на мятущихся россіян. Преслѣдуя свои цѣли, они вносили полезный коррективъ в засѣданіи Думы.

Разсчетливыя, дѣловыя и преданныя Государю члены Думы татары (Махмудов), преслѣдовали исключительно интересы своих единовѣрцев.

Нерасчетливыя и недѣловыя члены Думы грузины говорили страстным и возвышенным слогом о всяческих неправдах, но собственно ни о чем не заботились и ничего хорошо, даже Кавказа не знали.

Армяне и евреи, по свойству типов и историческим условіям, стояли за свободу и равноправность, имѣя в виду только свои народности.

По естественному ходу дѣла засѣданія Дум были сначала очень бурны, и на них высказывались самыя разнообразныя, главным образом крайнія, мнѣнія. Когда все, что накопѣло в сердцах, взволновавшагося и неумѣваго бороться с усложнявшимися требованіями жизни народа, было высказано, засѣданія Дум сдѣлались спокойнѣе, и хотя первые двѣ Думы вслѣдствіе большой взволнованности членов их и были распушены, нѣтъ сомнѣнія, что занятія Думы постепенно войдут в надлежащее русло.

Наиболѣе послѣдовательныя и вѣрныя типу были крестьяне всѣх русских народностей. Когда они узнали, что Государь разрѣшил всѣм высказать свои нужды и были убѣждены, что Государственной Думѣ предоставлено сдѣлать все то, что желательно и необходимо народу, то совершенно не зная государственных потребностей, и не интересуясь управленіем государством, как дѣлом государевым, крестьяне прямо и рѣшительно выразили свое единственное, такое же как и во времена рюриковичей, желаніе, чтобы им отдали всѣ, лежащія впускѣ, государственныйя и частновладѣльческія земли. Крестьяне были убѣждены, что высказывая свои желанія, они только выполняют волю Государя. Когда Государь сказал, что собственность каждаго священна, — крестьяне успокоились.

Мнѣнія и пожеланія остальных членов Дум, частію весьма дѣльные и выясняющія насущныя потребности государства и народа, частію утопическія, не заключали в себѣ ничего особенно оригинальнаго. В общем уже из первой Думы было замѣтно, что на ход исторіи не будут имѣть почти никакого вліянія, ни разнообразныя утопіи, ни инородцы, а руководить Думою будут, как и прежде анархисты с безпредѣльными желаніями великорусскаго типа, и регулирующіе эти желанія, осторожные индивидуалисты типов южнаго и западных. Высшею санкціею, как и всегда, будут русскій Бог и русскій царь.

Инородческія вліянія, хитросплетенія Винавера и Пергамента, умныя и энергичныя рѣчи поляков Дмовскаго и Жуковскаго, вопли Гегечкори и Чхеидзе, слушались достаточно терпѣливо и ими нерѣдко восхищались, но было видно, что как эти рѣчи, так и стenanія русских мистиков и раскольников, не в состояніи поколебать тѣ основныя свойства русскіих типов, какія были заложены при самом формированіи их. Большинство членов Думы все еще держится сдержанно и как бы из любезности к гостям, не проявляет своего типа, но уже ясно, что господами положенія будут они. Инородцы, особенно болѣе культурные поляки, уже почувствовали это, и только евреи еще вѣроятнo долго не будут в состояніи освободиться из своего заколдованнаго круга, но и они, как умѣющіе ко всему приспособиться, без сомнѣнія, пойдут за русским государственным этнографическим типом.

Когда народ узнал, что все, что накопѣло у него на душѣ, высказывалось в Думѣ, он, хотя и перестал вѣрить во всемогущество Думы, постепенно начал успокаиваться.

Есть всѣ данныя предполагать, что представители русскаго, мірового, доказавшаго свою жизнеспособность, типа скоро окончательно выйдут из нѣкотораго гипноза, в котором они, как и народ, находились, и что Государственная Дума, регулируя свойственныя типу, неопредѣленныя и стремящіяся к безконечному, анархическія порыванія, сдѣлается твердою и прочною опорою новаго государственнаго строя.

Опасности для существованія Думы однако есть. Хотя анархическіе инстинкты народа, признавшаго своего Бога и своего царя, и подчинились государству, и хотя идея государственности несомнѣнно существует у всѣх и самих крайних членов Государственной Думы, свойства расоваго анархизма у них остаются. Расовые инстинкты все тянут их то к мечтѣ о всеобщем счастьѣ, то к исправленію по своему вкусу религіи, или основных государственных форм, то к вмѣшательству в чужія дѣла и заступничеству за дѣйствительно, или в их воображеніи, угнетаемых, то к чрезмѣрному самомнѣнію.

Часть потерявшей вѣру и традиціи интеллигенціи, под вліяніем общераспространенных шаблонов, полагает, что государственная Дума может сдѣлаться такою же авторитетною и обладающею таким же престижем в глазах народа и всего міра, как и Государь. Она думает, что шапка Мономаха не тяжелое, независимое от личной воли Государя и не могущее быть сброшенным, исторически наложенное на него бремя, а может зависѣть от пестраго состава Думы. В Думѣ было брошено и принято значительную группу сочувственно, высказанное с молодеватым видом, мнѣніе смѣшаннаго типа, купца Гучкова, что было бы лучше, если бы военное управленіе, военачальники и министры зависѣли от Думы, а не от Государя.

Такое грубое непониманіе характера типов и положенія государства, совершенно напоминает идущих без оглядки и неумѣющих остановиться, пока

не упрутся в стѣну, ушкуйников. Хотя это, идущее против свойств антропологических типов и народных традицій и губительное для государства, мнѣніе и не может восторжествовать, но если бы, под вліяніем гипнозов, оно настойчиво проводилось, то это обозначало бы, что и состав третьей, избранной в період волнений, Думы не понимает дѣйствительных потребностей государства и народа, и было бы необходимо избраніе новаго состава Думы.

Другая опасность для Думы это неопредѣленность желаній, безоглядность и порыванія идти на «уру», не разбирая препятствій и подробностей, свойственные, главным образом, великороссам сѣвернаго типа. Хотя теперь прежней самоувѣренности и убѣжденія в том, что мы всѣх шапками закидаем и нѣтъ, но стремленіе с кѣм-то воевать, вмѣшиваться в непосильныя для государства и вредныя для народа предпріятія остались. Очень многіе увѣрены, что нам необходимо будет воевать с высококультурными и, идущими увѣренными на почвѣ труда шагами, нѣмцами.

Необыкновенный шум, который подняли из-за никогда не могущих объединиться с нами и вѣроятно будущих наших врагов, западных славян, весьма видные члены Думы великорусскаго типа Маклаков, граф Бобринскій и сам предсѣдатель Думы Хомяков, показывает, что Дума может когда-нибудь увлечься и другими, вредными для государства и народа, предпріятіями. Не невозможно, что под гипнозом весьма вліятельных русских купцов Дума когда-нибудь, как бывало и встарь, придет к рѣшенію изгнать или даже истребить всѣх евреев и армян. Можно представить и то, что под вліяніем демократических идей, Дума порѣшит вмѣсто войска устроить милицію. Но не говоря о таких крайностях, что зараженные излишним самомнѣніем и воинственностью члены Думы потребуют вмѣшательства государства в дѣла Персіи, Турціи, и даже войны с Германіей, вполне возможно. Расовыя свойства типов так могущественны, что их не преодолевает ни воспитаніе, ни положеніе, поэтому подобные же, на анархической почвѣ, инстинкты существуют и у многих членов Государственнаго Совѣта (Таганцев).

Такого же, неумѣющаго остановиться, типа не только фельетонист, но и министр — Столыпин.

При таких свойствах преобладающаго, с анархическими инстинктами, типа, необходимо имѣть в виду, что при могущей случиться опасности для государства, сдѣлаются необходимыми и такія мѣры, к которым в подобных случаях прибѣгали Роман Галицкій, Иван Грозный, Петр Великій. Такія мѣры, как соотвѣтствующее расовым свойствам всѣх русских антропологических типов, всегда вели к успокоенію народа и усиленію государства.

Европейскіе народы живут слишком недавно историческою жизнью, чтобы рѣшить, что тѣ формы, в которых уложилась их государственность, наиболѣе им свойственны. Европейцы все мечтают и придают большое значеніе всевозможным теоріям до устройства пролетарных республик и коммуны. Пережившіе цѣлыя тысячелѣтія множество культур и теорій, в родѣ переживаемых Европою, китайцы и японцы давно уже пришли к заключенію, что самая лучшая, регулирующая всѣ страсти и стоящая выше всѣх партій, форма государства, есть имѣющая божественное начало самодержавная монархія. Хотя они не совсѣм увѣрены в безсмертіи, но чувствуют, что есть непостижимая Верховная Сила, которая в своих провиденціальных цѣлях, нисходит на монарха.

Самодержавіе, окруженное ореолом престижа, ограниченное законами и употребляющее свою власть только в совершенно исключительных случаях, наиболѣе совмѣстимо как с свободою отдѣльных личностей, так и всевозможных союзов и корпорацій, и поэтому вѣроятно всѣ народы со временем дойдут до необходимости ввести такую форму правленія.

Для существованія русскаго государства и прочнаго объединенія как весьма неодинаковых по типу собственно русских народностей, так и вошедших в государство многочисленных инородцев русскаго зоологическаго раіона, как была, так и есть, и будет возможна только самодержавная власть.

И. И. П.

ВТОРОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

Из бесѣд у костра и скаутских приказов О. И. Пантюхова.

В теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ я обращался к нашей скаутской молодежи и к их руководителям с инструкціями, бесѣдами и приказами, объединяющими всѣх русских скаутов, разсѣянных по югу Россіи, а затѣм, в эмиграціи, по всѣм странам, куда расселились русскіе люди.

Мои «Бесѣды у Костра», как мы их называли, были на темы близкія всѣм нам, о которых мой ялтинскій юноша скаут и поэт Сергѣй Горбатов писал:

*Завѣты долга пред отчизной
Во дни великіе борьбы.*

Приходилось мнѣ слышать от старых уже людей, что эти бесѣды у костра (иногда даже у воображаемого костра) западали в души надолго, на всю жизнь. Иногда почтенные отцы семейств, или матери, теперь говорят, или пишут об этом и они в свою очередь стараются воспитать своих дѣтей в том же направленіи, в духѣ наших русских скаутских законов.

В этих моих листках-обращеніях отразилась хоть отчасти наша общая руководительская работа — самоотверженная и безкорыстная — с русской молодежью.

Я очень обрадован тем, что в этом же году Центральному Штабу Национальной Организациі Русских Скаутов (в Калифорніи) удалось издать Скаутскій сборник. В сборникѣ большой отдѣл удѣляется приказам и поэтому я воздерживаюсь — и прилагаю здѣсь только немногіе.

Ко дню Святого Георгія

...Пусть в этот день перед нашими глазами будет свѣтлый образ нашего Небеснаго Покровителя-Рыцаря. Вспомните сказаніе о том, как безстрашно Святой Георгій, спасая беззащитную дѣвушку, ринулся в неравный бой со злым чудовищем.

Не бойтесь и вы, мальчики, бороться со злом в каких бы формах оно ни проявлялось, будь то защита слабых и обиженных, служеніе Родинѣ и ближним или помощь животным. Но не забудьте, что часто каждому из вас неза-

чѣм искать зла внѣ себя, когда прежде всего надо побороть дурныя, злыя наклонности в самом себѣ, в своей душѣ.

— Праздность, жестокость, лѣнь, эгоизм, грубость, слабость, безволие и отсутствіе гражданскаго долга — вот нѣкоторыя из тѣх злых чудовищ, которыя гнѣздятся в нашей душѣ. Вызовите по очереди любого из них на бой и боритесь, не отступая ни на шаг. Вы увидите, что побѣда будет на вашей сторонѣ:

— Святой Георгій поможет вам.

Всѣм мальчикам необходимо также готовить свои силы, чтобы быть со временем полезными членами семьи, общества и государства.

Помните, что будущее нашей Родины — в ваших руках.

Мы увѣрены, что вслѣд за всѣми пережитыми нами событіями, в каждом проснется снова національное самосознаніе и Родина наша с честью выйдет из ниспосланнаго ей испытанія.

В день 23 апрѣля каждый из нас скаутов, возобновит свои обѣщанія, одѣнет цвѣток в петлицу и будет по возможности участвовать в общем сборѣ.

...Отмѣьте этот день каким-нибудь особенно хорошим поступком.

23 апрѣля 1918 г. г. Ялта.

ОЛЕГ ПАНТЮХОВ
Старшій Русскій Скаут

П р и к а з № 1

1) Согласно единогласнаго постановленія съѣзда руководителей скаутов, состоявшагося в Новочеркасскѣ и единогласнаго рѣшенія руководителей скаутов в Константинополь и окрестностях, я принялъ на себя званіе Старшаго Русскаго скаута. По всѣм вопросам, касающимся организациі Русских скаутов надлежит обращаться ко мнѣ.

2) Как старѣйшій Русскій скаут, на глазах готорого протекла вся исторія Русскаго скаутизма, я призываю всѣх, кому дороги наши завѣты и доброе имя русскаго скаута, сплотиться и работать дружно и энергично.

Тѣ, которые остались в Россіи, помните, что ваши лишенія и ваша настойчивость в достиженіи поставленных задач, будут оцѣнены. Ваша работа труднѣе, но тѣм болѣе вы заслуживаете названія истинных скаутов, если не падаете духом.

Тѣ, которые очутились здѣсь, в чужих землях, знайте, что на вас лежит обязанность поддержать честь Россіи, честь Русскаго имени, Русских скаутов.

На скаутмастерах и их помощниках, на патрульных и на каждом из скаутов лежит обязанность поставить наш флаг на должную высоту и выполнить общій наш девиз: «Будь готов».

1 іюня 1920 г. Константинополь.

П р и к а з № 7

1) Считаю долгом поблагодарить всѣх Константинопольских Русских скаутов и их руководителей за блестящій парад 20 іюня, на котором Русскіе скауты представились в отличном порядкѣ.

Вы вполне заслужили аплодисменты, которыми вас привѣтствовала мно-

готысячная толпа, наш старый трехцвѣтный національный флаг и стяг с изображеніем Святого Георгія Побѣдоносца.

Однако, кромѣ парадной, внѣшней стороны нашего дѣла есть еще болѣе важная часть — внутренняя: *работа над самим собою*, воспитаніе в себѣ тѣх качеств рыцаря-скаута, которыми проникнута вся наша система.

Глубокая правдивость, честность, доброта, любовь к церкви и к родинѣ, настойчивость, трудолюбіе, чистота нравственная и физическая, любовь к природѣ и животным, повиновеніе родителям и начальникам, помощь ближним и открытый, веселый характер — вот тѣ качества, которыя прежде всего должен воспитать в себѣ каждый, кто хочет называться Русским скаутом.

Руководители обязаны помочь прежде всего в этом дѣлѣ.

Запрещаю давать званіе скаута тѣм, кто еще не доказал на дѣлѣ своим повѣденіем, что он «всегда готов» исполнять наши рыцарскіе завѣты. Отвѣтственность за это возлагаю на г. г. скаутмастеров, которых прошу не упускать из-под своего вліянія скаутов и внѣ общих сборов.

2) Напоминаю, что каждый скаут, а тѣм болѣе патрульный, должны учиться в школѣ или дома, чтобы быть «всегда готовыми» принести своими знаніями пользу родинѣ — Россіи.

Сначала школа, а затѣм скаутизм.

25 іюня 1920 г. Константинополь.

П р и к а з № 32

О *Рождественской елкѣ*... Уже пора в свободное время мастерить игрушки для дѣтей и полезныя вещи для взрослых; пора откладывать часть заработанных денег, чтобы устроить скаутскую елку для бѣдных дѣтей. Пора разучивать скаутскія рождественскія пьески. Готовьтесь ко всему этому!

Помни Русь!

Может быть вам удастся послать что-нибудь к Рождеству голодающим дѣтям и скаутам на родину — в Матушку Россію. Велика была бы радость дѣтей, получивших от вас что-нибудь питательное. Велика будет и радость тѣх, кто пошлет что-нибудь съѣстное дѣтям, угасающим безропотно от голода. Собирайте для этого средства.

Святой Георгій да поможет вам!

24 сентября 1921 г. Константинополь.

Ужасные слухи

Мною получено сообщеніе об убійствѣ в Крыму бывшего старшаго скаута Крыма И. Б. Смольянинова и выдающагося скаутмастера К. Н. Прохорова.

Будем надѣяться, что эти печальныя извѣстія не подтвердятся.

6 ноября 1921 г. Константинополь.

Приказ № 55

Траур для Русских скаутов

С глубокой грустью сообщая, что слухи, об убийствѣ старшаго скаута Крыма генерала Ивана Борисовича Смольянинова, подтвердились.

Из Россіи пишут: «Иван Борисович умер смертью, которая так здѣсь естественна. Скауты были очень потрясены его безвременной смертью, хотя ничего неожиданнаго в ней не было. Всѣ мы были на волосок от нея...

...Керчане его обожали... Мы всѣ пережили десятилѣтія за эти годы и кровью спаяны с нашей родной работой... Есть и еще потери в наших рядах от этой же болѣзни...»

— Так урывками пишут из Россіи об убийствѣ любимаго начальника Крымских скаутов.

Мир праху твоему, дорогой Иван Борисович.

Русскіе скауты помолятся о тебѣ в церквах, надѣнут траур на недѣлю, но будут помнить тебя всегда. Земной поклон тебѣ за твою любовь.

«Больше сія любви никто же имат, да кто душу свою положит за други своя».

16 января 1922 г. Константинополь.

Приказ № 121

В дни великаго поста Русским скаутам надлежит внимательно заглянуть в свою душу и сознать свои недостатки, чтобы исцѣлиться от них. Утром и вечером во время обычных молитв произносите слова молитвы святого Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми...»

Независимо от этой молитвы ежедневно произносите слова нашей скаутской молитвы, рекомендованной Русским скаутам преосвященным епископом Веніамином: «Моли Бога о мнѣ Святой Великомучениче Георгіе яко аз усердно к тебѣ прибѣгаю скорому помощнику и молитвеннику о душѣ моей...» А также молитву святого Іоанна Златоуста: «Господи, хотя и ничего добраго не совершил перед Тобою, но даруй мнѣ, по благодати Твоей, положити начало благое».

16 марта 1924 г. Нью Йорк.

Русским Скаутам

Мать Россія

Недавно здѣсь, в Нью Йоркѣ, устраивали день Русской культуры.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела сцена (с декорацией художника Агафонова), изображающая убогій, занесенный снѣгом, поселок — двѣ-три избушки полуразвалившіяся; холод и мрак внизу; крест могильный, на первом планѣ, а вдали, выше, почти в облаках радостный златоглавый храм и кремль сказочный и на небѣ, около куполов два ангела, наивно и с вѣрою изображенные.

!
 Эта картина символически изображает бѣдную родную Россію.
 За сценой церковное пѣніе, а затѣм артистка Плевицкая, одѣтая в сѣрый хитон-рубище говорит стихи Максимилиана Волошина «Святая Русь».

Вы знаете эти стихи? Прочтите их. Они останутся у вас в памяти и в душѣ.

В концѣ концов — как на сценѣ — впереди свѣтлая и радостная даль, так и в душѣ у присутствовавших увѣренность в конечном торжествѣ свѣта и правды Божіей.

Я думаю, что у каждого из вас, скауты, когда вы думаете о родной Россіи, в душѣ бывает чувство похожее на то, что мы здѣсь испытывали в этот вечер — мрак и безнадежность сначала, а затѣм радость, надежда на возрожденіе и увѣренность в нем.

И еще — рѣшеніе не сидѣть сложа руки, а работать над собой на общее благо.

22 іюня 1926 г. Нью Йорк.

Приказ № 179

Руководителям Русских скаутов

Дорогіе друзья. Время от времени мнѣ хотѣлось бы вмѣстѣ с братским привѣтом и благодарностью за вашу работу посылать вам кое-какія указанія и совѣты. В большинствѣ случаев это будут старыя скаутскія истины, которыя по тѣм или другим причинам нерѣдко забываются. В свою очередь я прошу давать мнѣ знать на какую сторону нашего скаутскаго дѣла слѣдует по вашему мнѣнію обратить особое вниманіе...

1. Всѣм извѣстно, что в нашем дѣлѣ все, рѣшительно все, зависит от таланта, энергіи, нравственных качеств и способностей — скаутмастеров. Каков начальник отряда, — таков и отряд.

2. Беритесь за дѣло лишь если увѣрены в успѣхѣх и в том, что у Вас хватит времени и настойчивости вести дѣло.

3. У каждого руководителя, — начальника отряда, как и начальника звена, должен быть вполнѣ подготовленный замѣститель, готовый всегда продолжать его работу. Это вопрос первостепенной важности.

4. Даже при наличіи природных способностей у руководителей и их призванія к скаутской работѣ совершенно необходимо посвящать час, два, а то и больше, подготовкѣ и разработкѣ программ перед каждым сбором.

5. Скаутскій сбор, лагерь, поход — это праздник. Это радость дѣтей. Каждая минута вносит новые восторги, новыя знанія, новыя игры и упражненія. Скаутскій сбор — это такое лакомство, на которое должны сбѣжаться всѣ скауты, преодолевъ всѣ преграды. И это зависит, конечно, от скаутмастера.

6. Каждая бесѣда у костра — как искра от костра, зажигает души скаутов, вдохновляет их и перемѣшанная с шуткой, пѣніем и братским обмѣном мнѣній — тоже праздник. Надо чтоб было так.

7. В моральном отношеніи скаутмастер должен стоять на исключительной высотѣ. Скауты подражают ему во всем. И, конечно, моральныя задачи наши стоят во главѣ всѣх остальных.

8. Ни бранных слов, ни вина, ни табака, ни легкомысленных разговоров не должен скаут слышать от своего старшаго брата. Честность, бодрость, ве-

село, рыцарство — вот что должно сквозить в каждом движении, в каждом слове скаутмастера и без всякого сомнения это все будет переходить в души окружающих его скаутов.

9. Скаутмастер — *общий любимец отряда* — это естественный закон; необходимо; без этого нельзя. А скауты — его младшие братья, которых он любит всей душой.

10. Именно таким путем — *братской любви друг к другу* образовалось наше великое братство Русских скаутов; я прослѣдил это с первых его шагов — с Павловска и Царскаго Села. И этого мы будем держаться. Может быть — благородное соревнование, но не должно быть зависти и вражды — этого наслѣдія Каина.

11. *Церковь. Россія. Семья.* Укрѣпляют эти чувства в ваших скаутах так же, как и все остальные наши рыцарские законы. И подавайте в этом примѣр. *Ежедневная добрая услуга.* Исполняете ли вы это правило? Скауты будут слѣдовать за вами. *Строгая дисциплина.* Не обостряйте *вопросы политики.* Но развивайте в молодежи любовь к Богу, к Россіи, вѣру в ея грядущее возрождение и готовность укрѣпить свои силы для ея свѣтлаго будущаго.

12. Трудно живется большинству в наше время. Тѣм больше заслуга ваша, что вы тверды, как сталь и препятствія не останавливают вас в вашей героической работѣ. Как вы научились находить средства к жизни, так научите и ваших скаутов — *хорошо учиться и хорошо работать.*

Примите мои лучшія пожеланія успѣха:

Будь готов!

16 августа 1926 г. Нью Йорк.

Приказ № 214

Скаутская памятка

Дѣлаете ли вы, скауты, замѣтки, выписки из прочитанных вами книг? — Я очень совѣтовал бы вам это и было бы еще лучше, конечно, если бы вы записали лучшія мысли ваши, равно как и чужія, на страницах вашей памятки.

Темы для бесѣд у костра

Я приведу вам нѣсколько мыслей, которыя могли бы послужить вам хорошими темами для ваших дружеских бесѣд.

1. «Покой и довольство человека не вне его, а в нем самом» (А. П. Чехов).

2. «Как хороша жизнь, когда что-нибудь сдѣлаешь хорошее и правдивое».

3. «Хорошо смеется человек — значит, хороший человек».

4. «Тайна бытія человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить».

5. «Жизнь есть рай и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотѣли узнать, завтра же и стал бы на всем свѣтѣ рай».

6. «Образ Христа храним и возсіяет как драгоценный алмаз всему міру. Будь! Будь!»

7. «Каждый листик, каждый луч Божій любите. Любите животных, лю-

бите растенія, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далѣе и далѣе на всяк день. И полюбишь наконец весь мір уже всецѣлою всемірною любовью. — Животных любите: им Бог дал начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божьей.»

8. «Вѣра не от чуда рождается, а чудо от вѣры.»

9. «Смѣх есть самая вѣрная проба души» (Ф. М. Достоевскій).

10. «Ставить выше всего благо ближних, а не свое собственное» (Гюго).

11. «Матеріальный мір — растенія, цвѣты, кристаллы, животныя — никогда не обманывают. Природа правдива. Вода, растенія, камни и деревья — вѣстники правды» (Л. Тэдд).

12. «Обыкновенный человѣкъ ждет хорошаго или дурного извнѣ, то есть от коляски и кабинета, а мыслящій — от самого себя» (Чехов).

13. «Секрет совершенствованія человѣчества — в воспитаніи».

14. «Приготовьтесь к худшему и надѣйтесь на лучшее» (Лорд Нельсон).

15. «Друзья мои, постарайтесь запомнить одно: нѣтъ ни дурной травы, ни дурных людей. Есть только плохія земледѣльцы и плохіе воспитатели» (Гюго).

16. «Нація больна. Мы можем опредѣлить эту болѣзнь, как упадок гражданскаго духа. Мы знаем средство от этой болѣзни, именно: воспитаніе характера в подрастающем поколѣніи.»

17. «Сами дѣлайте что-нибудь для того, чтобы держать высоко національное знамя» (Сэр Роберт Баден Пауэль).

18. «Дѣлайте все как можно лучше. От этого зависит ваш успѣх как в скаутизмѣ, так и в жизни» (В. С. Преображенскій).

19. «Провозгласил мір свободу, в послѣднее время особенно, и что же видим в этой свободѣ ихней: одно лишь рабство и самоубійство» (Ф. М. Достоевскій).

— Побесѣдуйте же на эти темы у самовара, у камина или у костра.

25 сентября 1928 г. Нью Йорк.

Из моих писем скаутам 1934 и 1935 года:

В Литвѣ наша дружина на состязаніях заняла второе мѣсто, что, принимая во вниманіе мѣстныя условія, является великолѣпным результатом... А часть старых развѣдчиков «походников» идут походом по всей Литвѣ, посѣщая всѣ скаутскіе лагеря.

В Финляндіи Кап. Гранберг с частью своих скаутов участвовал в общефинском лагерѣ в гористой мѣстности. Лагерь был трудный (и полезный).

В Бразиліи (теперь там зима) устраивались походы. Во время одного похода ядовитая гусеница обожгла одного из скаутов, так что пришлось его отнести в город.

В Греціи сводный отряд устраивал интересные походы в окрестностях Салоник.

Скаутскій траур. Русскіе скауты-развѣдчики вмѣстѣ со всѣми Русскими людьми были поражены скорбію и возмущеніем, узнав о злодѣйском убійствѣ Короля Югославіи Александра. Международные преступники так же, как и большевики, стараются убивать лучших людей — таков был Король Александр,

Король рыцарь — неизмѣнный и почти единственный из правителей друг Россіи.

Из писем и приказов 1936 года. Флорида:

От генерала Миллера в отвѣт на поздравленіе ко дню его юбилея, почтенно благодарственное письмо. Вот отрывок из него: «Я позволю себѣ призвать русскую національную эмиграцію к возможному и необходимому единенію, дабы быть готовыми во всеоружіи встрѣтить назрѣвающія в Россіи событія. Близятся сроки... Будем же по-прежнему непримиримы к поработителям нашей родины и приложим всѣ свои силы к борьбѣ с ними».

Привожу выдержки отвѣтнаго письма атамана Г. М. Семенова: «Старшему Р. Скауту О. И. Полк. Пантюхову. Глубокоуважаемый Олег Иванович... Вижу, что наши устремленія и цѣли одни и направлены к развитію и укрѣпленію нашего національнаго самосознанія в разсѣяніи Россійской эмиграции, дабы она с мала до велика была готова встать за РОДИНУ — в любую минуту... Прошу принять и передать Вашим скаутам мое сердечное пожеланіе полного разцвѣта дѣятельной подготовки к служенію Матери Родинѣ под лозунгом вашим: «за РОССІЮ», который объединяет нас всѣх русских, в ком не истлѣло еще чувство патриотизма... Г. Семенов».

Выпуская сегодня юбилейный трехсотый номер приказа русским скаутам-развѣдчикам, я переносусь мысленно в далекое прошлое, в прошлое, когда ваши предшественники, старые скауты, создавали наше великое дѣло. Вы являетесь преемниками их. На вас лежит обязанность быть хранителями того священнаго огня, которым горѣла наша русская молодежь в Царском Селѣ, в Москвѣ, в Петроградѣ, в Крыму, на Дону, в Сибири, в Константинополѣ, на безводных берегах Лемноса... — вездѣ, гдѣ развивался наш національный скаутскій флаг. Держите же его крѣпче. Поддержите его честь.

Мы всѣ с волненіем теперь слѣдим за рыцарской борьбою національной Испаніи, старающейся отстоять свою страну от иностранных, интернаціональных сил. Всѣ будут помнить геройскую защиту Альказара горстью испанских націоналистов. Идет борьба Христіанства и Антихриста. И мы вѣрим, что безбожники, поработившіе временно Россію, будут побѣждены и правда Божія восторжествует: — Отец Іоанн Шаховской в своей книгѣ «Пути Богочеловѣческіе» пишет: «Цѣль допущенія дѣйствія и временной побѣды в мірѣ зла; обратить вниманіе окаменѣннаго человѣка на зло... Попускает Господь болѣзнь и благословляет борьбу с ней».

Наши скауты в Финляндіи издали при помощи о-ва друзей р. с. в Гельсингфорсѣ красивый большого формата ск. сборник под заголовком: «Русскіе акауты на Валаамъ». К книгѣ очень интересный разказ о поѣздкѣ и пребываніи наших скаутов в святой обители Валаамской. В текстѣ 23 отличных фотографіи. Эта книга очень цѣнный вклад не только в нашу скаутскую литературу, но и вообще в русскую литературу, так как переносит нас в русскую святыню — русскій монастырь, Промыслом Божиим сохраненный для русских людей.

Руководителям и руководительницам. Бесѣды у костра должны быть на каждом скаутском сборѣ. В бесѣдѣ у костра руководитель не только вдохнов-

ляет скаутов «ко всему большому и прекрасному», но развивает их и умственно и духовно. Для провѣрки этого развитія, прошу гг. начальников отдѣлов не рѣже 2 раза в году ставить всѣм, сообразно с возрастом, письменные краткіе вопросы — на примѣр: Кто самые чтимые русскіе святые. Кого вы знаете из русских подвижников. Какія государства граничат с Россіей. Кто основал С.-Петербург. Гдѣ в Россіи добывают каменный уголь и нефть. Кто создал Добров. Армію и кто ея главные герои. Наши стаутскіе герои и т. п. Наиболѣе характерные листки-отвѣты и статистику отвѣтов прошу присылать мнѣ.

Руководителям и старш. развѣдчикам: Привожу выборки из отвѣтнаго письма Игумена Іоанна Шаховского, уважаемаго нашего духовнаго наставника: «Хотѣлось бы Вам быть полезным... и по мѣрѣ сил ограниченннх своих готов. Если вы, скауты, имѣете своим жизненным девизом «Будь готов», то мы, иноки «учительные», т. е. в міру работающіе, должны быть не менѣе «быть готовы» — на всякое доброе дѣло, совѣт и помощь... На ваш вопрос о скаутизмѣ скажу, что это вообще очень хорошая организациа, учитывающая душу ребенка и развивающая добрыя качества ея. Как и всякая подобная идеологическая и моральная организациа она, я думаю, — ея содержаніе и рост, — тѣсно связаны с личностью руководителя... Может быть вѣрующим руководителям надо было бы отгнѣнить в скаутизмѣ русском все глубочайшее значеніе понятія о Богѣ, как о Живом Отцѣ Небесном. Далѣе уже естественно идет отношеніе скаута к Лику Господа Іисуса Христа. Здѣсь можно, не затрагивая конфессиональных различій, сдѣлать скаута носителем *Истиннаго Образа Господа Іисуса Христа, т. е. предохранить душу ребенка от соблазнов ложнаго антихристіанскаго истолкованія Лика Христова*. Вот главныя вѣхи, как мнѣ кажется, — пути углубленія, охристіанизированія скаутизма. М. б. подлинно-христіанскій дух молодежи скаутской был бы лучшим *національным признаком* русских скаутов. Глубоко чтущій вас и призывающій на вас и на вашу работу Божіе благословеніе, Игумен Іоанн».

От лица Русских Скаутов сердечно благодарю уважаемаго батюшку и прошу не оставить русских скаутов и своими наставленіями и молитвами.

Почетный орден. Всѣ русскіе скауты с гордостью слѣдили за замѣчательными успѣхами нашего отдѣла во Франціи, в котором с пріѣздом во Францію ст. скм. Темномѣрова было заново и крѣпко поставлено наше скаутское дѣло. Скаутская работа В. А. Темномѣрова началась на моих глазах в Россіи, а затѣм в Константинополѣ. Я горжусь, что из нашей среды выходят такіе достойные и самоотверженныя «рыцари без страха и упрека». Утверждаю ст. скм. Темномѣрову ко дню Святого Георгія нашу высшую награду: почетный орден Могучаго Бѣлаго Медвѣдя для ношенія на шеѣ. Как вы знаете, за 27 лѣт со дня основанія нашего движенія — орденом этим награждены были в нашей средѣ лишь три лица: Старшій Русскій Скаут, адмирал И. Ф. Бострем и генерал А. К. Баіов. Я предлагаю всѣм русским скаутам принять участіе в чествованіи В. А. Темномѣрова, который дѣйствительно заслужил наши добрыя чувства своей замѣчательной развѣдкой.

В званіи скаутмастера утверждается нач. друж. морск. ск. имени адмирала Нахимова — Н. С. Еремеев. В званіи пскм: пом. нач. тулонской друж. Я. И. Илляшевич, нач. стаи волчат в Ригѣ Г. Большаков. В званіи инструктора

ров: нач. отряда в Бордо *И. В. Попов*, пом. его *Н. В. Веревкин*, в Парижской дружинѣ: *И. П. Базаров*, *В. И. Прохоров*, *А. М. Соловьев*.

Из ск. писем 20. 2. 36. Китай. «Мы провели в лагерьѣ вмѣсто мѣсяца 41 день. Скаутов было до 60 чел. Дѣлали походы в 3, 4, 6 дней, побывав в порту Чин Ван Дао, в Шанхай-Гуанѣ, на Великой Стѣнѣ. До лагеря удалось съѣздить на торжества Русской Духовной Миссии, инструкторским отрядом в Пекин, гдѣ русскіе и иностранцы лѣтъ 20 не видѣли русскаго строя, флага, не слышали пѣсен и барабана — встрѣчали нас чуть ли не со слезами на глазах. Осмотрѣли Пекин, побывали в парках, дворцах»... «12 августа в лагерьѣ всѣ палатки были повалены ураганом... Часто посѣщал лагерь Владыка Виктор, наставляя скаутов в любви к церкви, ко всему русскому».

Из сообщеній 1937 года. Флорида

Из Будапешта сообщают: «5 сентября отряд имѣл честь представляться Е. И. В. Великой княгинѣ Маріи Павловнѣ. Прибыв на нѣсколько дней в Будапешт Е. И. В. пожелала видѣть Русских скаутов... В. Кн. вышла к выстроенному отряду и сказала скаутам нѣсколько слов об их будущем назначеніи в освобожденной Россіи, а затѣм прикрѣпила к знамени отряда національныя русскія ленты и сняла выстроенных скаутов. Пом. нач. отр. пскм. Жуковский от лица скаутов выразил В. К. чувства преданности и вѣру скаутов в освобожденіе нашей родины. Отряд прокричал в честь В. К. три раза «ура». Затѣм вечером руководители проводили В. К. на поѣзд, идущій в Вѣну. Великая княгиня отдавал скаутскій салют».

Из Шанхая пишут: «В скаутской штаб-квартирѣ начальник отд.-района устроил нѣчто вродѣ санитарнаго пункта для оказанія первой помощи, так как летали аэропланы и стрѣляли из пулеметов... Русскій Эмигрантскій Комитет попросил нашего нач. отд. района, чтобы он откомандировал скаутов в Русское Общ. Собрание для поддержанія порядка, для распределенія бѣженцев, а также для приготовленія обѣда для них. Всѣ они вывезли с собой только по узелку с одеждой — у многих не было даже одѣял. Скм. Радецкій Микulich отрядил туда нѣскольких скаутов. В началѣ там было 96 бѣженцев. Из них около 30 ребят».

Из Тяньцзина пишут: «С созданіем автономнаго Сѣвернаго Китая и власти под протекторатом Японіи мѣстная эмигрантская организованная масса объединена теперь в антикоммунистическій комитет російских эмигрантов. Комитет создал Дальневосточный Россійскій дом, куда вошли Тяньцзинская дружина Русских скаутов и многія другія организациі, причем привлекается главным образом молодежь, как будущая и уже идущая смѣна. Наши скауты занимают в домѣ весьма почетное положеніе и находятся на весьма хорошем счету у всѣх».

Из Харбина: «10 мая перед парадом был отслужен молебен святому Георгію. Молебен служил епископ Димитрій. Он обратился к скаутам и вожакам с привѣтствіем и в своем словѣ отмѣтил, что мір переживает тяжелое время: «Многіе забыли свой религіозный долг», сказал Владыка, «и мнѣ пріятно, что сейчас я вижу так много дѣтей и юношей, которые отмѣчают свой

праздник молебном — это цѣнно в наше время и особенно для вас, молодежи, будущих строителей Национальной Россіи. Вы принесете огонек вѣры вашим братьям и сестрам, томящимся под игом безбожія. Благословляю вас для дальнѣйшей работы».

Мнѣ пишут: «Большое зло дѣлу скаутизма приносят г-да «Скаутмастера», имѣющіе всѣ права на бумагѣ на званіе, но так далеко стоящіе от скаутизма, что непонятно как это еще такое положеніе со званіями, неоправданными работой, может продолжаться»... Рад сообщить автору и всѣм руководителям, что такого положенія нѣтъ: на наших скаутмастерских удостовѣреніях напечатано: «Выдается лишь на год, но теряет свою силу также и с момента прекращенія скаутской работы его владѣльцем». Скаутмастеров без скаутов не бывает у нас: — должна быть хоть горсточка — хоть первое звено. Начальников отдѣлов прошу это наше давнишнее правило проводить в жизнь.

Объявляю выдержку из приказа № 94 Китайскаго отдѣла: «В должности начальника Шанхайскаго района отдѣла утверждаю скаутмастера подпоручика Г. В. Радецкаго Микулич с присвоеніем ему прав одинаковых с начальником отдѣла». Привѣтствую возвращеніе дорогого Георгія Васильевича к активной скаутской работѣ. В трудную минуту всѣ наши лучшіе скаутмастера в Китаѣ немедленно объединились для общей развѣдки и успѣх не замедлит сказаться. Наш лозунг: ЗА РОССІЮ.

Старый развѣдчик А. Иллирицкій награждается бронзовой медалью на черно-красной Владимірской лентѣ за спасеніе погибавшаго.

В званіи скм. утверждается *Вадим Вл. Красовскій*. В званіи пскм. утверждаются: братья Николай и Владимір Якубовскіе, А. Е. Букановскій. По порученію старшей руководительницы объявляю об утвержденіи в званіях пскм.: *Н. В. Минкевич, П. Щукиной, Н. Горловой, И. Юшковой*. Знаком ордена Бѣлаго Медвѣдя 2-й степени награждаются: *пскм. А. Власов, пскм. В. Шубенко, Старый развѣдчик Р. Полчанинов*. Знаком ск. благодарности награждаются: *пскм.: В. Силич, В. Пейкер, В. Трофимов*.

Наш отряд Русских Скаутов в Гельсингфорсъ будет праздновать десятилѣтіе со дня его основанія в октябрѣ этого года в день св. Димитрія Донского. Скауты-развѣдчики в других странах поздравьте к этому дню ваших славных братьев русских скаутов в Финляндіи.

Передаю всѣм ск. привѣт от наших р. скаутов в Эстоніи и Финляндіи, дружно объединившихся в общем ск. лагерѣ под старой Нарвой и приславших привѣт-клич с берегов рѣки Наровы: «Будь готов».

Из Франціи пишут: «Лагери на полном ходу. Пишу из сѣвернаго лагеря в Эленкурф. Тут 30 ч. В Горном — 40. В Нишском — около 25. В Фабрега — 140 и 45 ч. еще отправляю завтра. Все благополучно».

Из болье поздних писем и «Приказов»:

Христос Воскресе. Да воскреснет Россія. Как послѣ темной ночи восходит солнце, так послѣ опутавшей мір лжи и неправды наступит свѣтъ истины. Нам, как хорошим развѣдчикам, необходимо умѣть ориентироваться и на развѣдкѣ в полѣ и в жизни и днем и в темнотѣ; в жизни иногда надо «днем

с огнем» искать правду и *умѣть находить ее*. И чѣм дальше ее гонят прочь, тѣм она нужнѣе и тѣм больше заслуга хорошаго развѣдчика, если он найдет гонимую правду и не побоится опасности, чтобы найти ее, исповѣдывать ее, говорить о ней. Это будет совѣм по-рыцарски.

Наша задача: воскресить упавшее рыцарство — благородный дух наших предков россиян; вѣдь в былое время слову русскому и Правдѣ Русской вѣрили всѣ и достаточно было сказать «Ей-ей» — это было равносильно самой торжественной клятвѣ... «Правда Божія есть и будет... тихая и прекрасная и все на землѣ только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свѣтъ сливается с ночью». Я приводил уже вам этот отрывок из Чехова. Чудесный это был родной русскій писатель и недаром наш Государь так любил его...

Всѣм к празднику Рождества Христова и к Новому 1951 году шлю привѣт и добрыя пожеланія, чтобы в міре с Божьей помощью побѣдило бы добро над злом и правда над ложью, чтобы свѣтъ Христов озарил всѣх, кто лишен этого свѣта.

А вам, скауты-развѣдчики, желаю, чтобы вы вѣрно держали путь на нашей великой развѣдкѣ и не сбивались бы с пути.

Этим лѣтом я наблюдал, как здѣшніе развѣдчики наши по едва замѣтным дорожным знакам находили правильный путь через лѣс. Вот так и в жизни: я хотѣл бы, чтобы каждый из вас в самой трудной житейской обстановкѣ в новых краях находил бы вѣрное направление. При каждом затрудненіи спрашивайте себя: «В чем состоит мой долг скаута-развѣдчика», и поступайте в соотвѣтствіи с нашими скаутскими законами».

Я желаю всѣм удачной развѣдки, счастливых лѣтних лагерей... Странно думать, что для нѣкоторых отдѣлов (в южном полушаріи) лѣтніе лагеря будут в декабре месяцѣ.

Не забудьте по нашему старинному обычаю, который установился еще со времен Царскаго Села, устроить елку для бѣдных русских дѣтей.

Носите с собою свѣтъ. Теперь вы русскіе скауты-развѣдчики разсѣяны по всему міру. Пусть каждый из вас принесет с собою в чужую страну родную русскую вѣру православную и русскую духовную культуру. В новых странах вы найдете, может быть чудеса техники, иногда матеріальный комфорт, иногда хорошій заработок, но не забудьте, что все это матеріализм, скоропреходящее, а духовныя цѣнности и вѣра Христова православная — это вѣчное.

О *бодрости и веселости*. Временами каждому из нас, скаутов-развѣдчиков приходится трудно, иногда матеріально, иногда — духовно, а иногда и то и другое, особенно в настоящее время, но развѣдчик всегда сохраняет бодрость и веселость в трудных обстоятельствах и каждый из нас знает по опыту как бодрый дух дѣйствует хорошо и на нас самих, и на окружающих и даже на предстоящія событія. Помните: надо ясно в умѣ и сердцѣ держать грядущую картину благополучія, хорошаго результата наших усилий и тогда Бог пошлет удачу.

С **НОВЫМ ГОДОМ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!** Всѣм привѣт к Новому Году и добрыя пожеланія. Вы уже знаете почему мы говорим о «новом счастьѣ» и вы по-скаутски знаете как надо каждый день добиваться новаго и новаго внутренняго, духовнаго, настоящаго счастья. Наши скаутскіе законы ясно говорят вам об этом. Я хотѣл бы, чтобы каждый и каждая из вас радостно шли с Божьей помощью нашим скаутским, развѣдческим путем во имя Россіи, которая, мы вѣрим, не умрет.

А. Г. Генкин, стихи котораго я приводил в недавнем приказѣ, писал о будущем:

«Вновь откроются Божіи храмы. Смогут дѣти под сѣнью креста
Молодыми запѣть голосами славословье Рожденью Христа».

Какая вѣра в этих строках! А вѣра горами двигает. Вѣдь вы помните наш первый скаутскій закон: «Вѣра в Бога и вѣрность Родинѣ».

РУССКИМ СКАУТАМ-РАЗВЕДЧИКАМ — БЕСЕДА К СЕДЬМОМУ НОЯБРЯ, 1967:

ЧЕРНЫЙ ГОД

Всѣ мы, русскіе люди, с горечью переживаем сейчас пятидесятилѣтнюю годовщину того бѣдствія, того несчастья русскаго, которое наши русскіе газеты озаглавливают: «Трагичная Годовщина», «Траурная Годовщина» и т. д. Но какой бы заголовок для газетных статей ни придумывать, а бѣдствие народное остается бѣдствием.

Русскій народ вот уже 50 лѣт как находится в каторжной суровой тюрьмѣ. Он лишен самой обыденной свободы, которая теперь дана даже недавно еще диким африканцам, полинезийцам и племенам, названія которых нам мало извѣстны. Всѣм, всѣм дается свобода: свобода жить, как им хотѣлось бы, свобода читать, писать, творить, вѣрить, то есть исповѣдовать религію, свобода передвиженія и другія свободы. Всего этого лишены наши братья на нашей родинѣ на Руси.

Пятьдесят лѣт тому назад — выстрѣлы по Зимнему Дворцу, выстрѣлы по Ивану Великому и старому Кремлю Московскому — это были выстрѣлы по всей нашей матери Россіи. Наши Добровольческія Бѣлыя Арміи героически старались отстоять Россію, но лживыя обѣщанія красных и поддержка их тѣми странами, которым хотѣлось разрушить Русь — все это не дало побѣды, и разруха нашей родины началась.

А в былое время Россія быстрыми шагами шла вперед по пути прогресса. Достаточно сказать, что когда я был на школьной скамьѣ в концѣ прошлаго столѣтія, то на Министерство Народнаго Просвѣщенія отпускалось 18 милліонов рублей, а всего лишь восемь лет спустя бюджет нашего Министерства Народнаго Просвѣщенія был уже 150 милліонов, то есть почти в десять раз больше. Россія шла быстрыми шагами вперед и нѣкоторыя другіе государства побаивались ея роста и прогресса.

Во время этого расцвѣта, в давно прошедшее, счастливое для нашей родины время, были основаны и Русскіе Скауты-Развѣдчики. Когда в 1910 году генерал Баден Пауэль посѣтил Россію и был принят Государем, я представил Баден Пауэлю моих Царскосельских скаутов. В слѣдующем году я отдал ему визит, посѣтив англійских скаутов и повидавъ по пути шведскіе, голландскіе и бельгійскіе отряды.

Однако вскорѣ наступила война и с нею крушеніе Россіи. Русскіе скауты почти сразу же попали под запрет коммунистов, которые старались захватить в свои руки всю нашу молодежь. Однако «Не тут-то было!» Русскіе скауты долго не сдавались. Коммунисты жестоко преслѣдовали наших скаутов. Руководителей скаутов арестовывали и многіе из них кончили свою

жизнь в концентрационных лагерях. Списки их хранятся в наших отъѣлах. В это ужасное время в одном из официальных коммунистических журналов было напечатано о скаутах следующее:

«Ровера, скауты и волчата — это дети, которые воспитываются в почитании Бога (который по коммунистическому учению не существует), и в любви к ближним — это правила буржуазной морали. К сожалению, мы не можем истребить скаутов в других странах, но мы можем и должны это сделать в России».

И коммунисты это исполнили, хотя и с трудом: скауты в России были истреблены, погибли.

Когда русские скауты в 1920 году начали свою работу за границей, в изгнании, Баден Пауэль писал мнѣ: «Мы все любуемся и питаем самую большую симпатию к нашим русским братьям скаутам и герль гайдам и гордимся ими, как они безропотно переносят свои несчастья — послѣдствія войны. Ясно, что они обладают настоящим скаутским духом. Исполнение ими нашего скаутского правила — улыбаться перед лицом всяких затрудненій честной и смѣлой улыбкой, означает, что в концѣ концов они будут торжествовать непременно над своими теперешними невзгодами. Я лично надѣюсь, что это будет скоро».

В 1929 году я присутствовал вмѣстѣ с небольшой группой наших русских скаутов на Всемирном слетѣ (Джембори) в Англии. На парадѣ наши скауты шли под сѣнью трехцвѣтнаго флага свободной России и были встрѣчены общими восторженными оваціями. Слеты скаутов были тогда как бы праздником для скаутов всего міра... Но вскорѣ наступила вторая мировая война. Когда дым этой войны разсѣялся, страны свободного міра к нашему ужасу значительно сократились в числѣ: Венгрія, Польша, Эстонія, Латвія, Литва, Чехословакія, Югославія, Румынія, Болгарія, Китай, Куба — все эти страны запретили скаутов и больше не посылают молодежь на Джембори. Все они поражены зловерной заразой коммунизма.

Впереди темно. Как будто нѣтъ просвѣта. Но мы, по-скаутски, вѣрим не только в просвѣт, но даже и в разсвѣт.

Трагедія России еще и в том, что там, за рубежом, на нашей родинѣ, народ с молодых лѣт, с дѣтства, приучается к тюремной, лишенной свободы жизни. Результат этого: люди перестают понимать, что они в тюрьмѣ... Какая дьявольская хитрость: искалѣчить русский народ, начиная с ранняго дѣтства, лишив его свободного религіознаго воспитанія, лишив его церкви и других свобод. Может быть у русских людей в неволѣ будет со временем сходство с тѣм несчастным, от лица котораго Бальмонт писал:

«И, как узник, полюбившій долготнѣй мрак тюрьмы,
Я от солнца удаляюсь, возвращаюсь в царство тьмы».

Вот до чего может довести длительное лишение свободы!.. В дни октября мы, русские скауты, всей душой будем с нашим русским народом и мы будем вѣрить, что «Солнце Правды» озарит нашу матушку Русь. Бог правду видит, хоть не скоро скажет!

Справедливо было бы вспомнить в черную годовщину пятидесятилѣтія коммунизма и всѣх скаутов поработанных стран. Лучшее время для этого

было бы 7 ноября 1967 года, когда исполняется пятьдесят лѣт печальной, траурной годовщины коммунизма.

В чаяніи свободы для всего міра русскіе скауты за границей и скауты эмигранты других стран от Китая до Балтики будут продолжать свое дѣло, вѣрные своему долгу и старому скаутскому духу, своим скаутским обѣщаніям и законам.

Ницца, Франція
Октябрь, 1967.

ОЛЕГ ПАНТЮХОВ
Старшій Русскій Скаут

Английскій перевод этой бесѣды был разослан всѣм иностранным скаутским организаціям свободного міра — от Аргентины до Южнаго Вьетнама.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
CT1218
.P28
A3

